

ПАРЕНЕК ИЗ

Гайморене.ш

ЕРВЕНИЯ ВЕРТЕР

Серия детективных рассказов о пареньке из Уайтчепела...

Какая судьбы ожидает безродного паренька, рождённого в трущобах викторианского Лондона?

Какими неведомыми путями поведёт его жизнь и какие сюрпризы уготовит на каждом из поворотов? Вас ждут увлекательные, полные тайн и загадок приключения... Не упустите возможность погрузиться в головокружительную атмосферу "старой доброй Англии"!

Евгения Бергер
Паренек из Уайтчепела

1. Кукловод

Утро выдалось сырым и промозглым, таким же, как множество прочих на Темзе... Поземный туман, выползая из грязной реки, полз вдоль канала, подобно жуткому монстру, поглощавшему здания, улицы и людей, — у Джека от него зубы ломило и даже першило в горле.

А может, всему виной воспоминания о том злополучном утре, в которое новая «кукла» Кукловода была обнаружена на Тауэрском мосту: с розой в волосах, с ярко выбеленным лицом и в красивом платье, о котором ни одна бедная девушка из Уайтчепела при жизни не могла и мечтать. Это вам не серый бомбазин за три пенса за метр, нет, — на «кукле» был наряд из лионского шелка, и выглядела она в нем краше, чем когда-либо при жизни...

И утро тогда было таким же волглым и серым.

Джек до сих пор не мог забыть ее позы: тщательно уложенные на пышной юбке неподвижные руки, слегка согнутая в колене нога, отмеченная лишь носком выглядывающей из-под платья туфельки...

Прокаркала, пролетая, ворона, и парень, очнувшись от тягостных воспоминаний, с чавкающим звуком вытащил босые ноги из вязкой речной грязи... Те онемели в холодной воде, он едва ощущал свои пальцы, но, погруженный в свое нехитрое дело — поиск полезного мусора, нанесенного за ночь Темзой, — и воспоминания о ТОМ утре, не замечал телесного дискомфорта.

... Энни была несказанно красивой в том платье, с розой в тщательно завитых волосах — мысль об этом неизменно служила своеобразным, но утешением, в котором Джек с матерью так нуждались. Бедная Энни!

Вороний грай привлек внимание Джека: несколько черных чудищ с мощными клювами долбили вымокший ворох тряпья, грудой наваленного на берегу... Джек встрепенулся. На старых обносках, какими бы ветхими они ни были, можно было неплохо нажать у Папаши Берлоу, старьевщика с Бигленд-стрит.

— Эй, пошли вон, мерзкие падальщики! — заорал Джек, припуская вперед и разгоняя птиц толстой палкой, которой и рылся в речном иле.

Те нехотя отступили, запрыгав по берегу, как гуттаперчевые мячи, но не сводя своих агатовых глаз от Джека с его внезапной находкой.

А тот уже понял свою ошибку...

Не просто груду старого тряпья выплюнула прожорливая река к его замерзшим ногам — она поделилась с ним трупом.

Мертвецов Джек не боялся — он повидал их предостаточно — вот только после гибели Энни те стали казаться ему какими-то не такими: неправильными... не мертвыми... Словно он мог заговорить с каждым из них, и получить ответ в виде... голоса в голове.

Точно как в этот самый момент!

«Переверни ее, Джек. Посмотри, кто такая!»

И он ткнул тело палкой.

То нехотя перевалилось на спину, выпростав из-под серой юбки белую руку с грубо остриженными ногтями.

Джек сглотнул. Раз... другой... и его выполоскало желчью. Как хорошо, что он еще не поел! Было бы жаль лишиться завтрака из-за безымянного трупа с...

Что это? Отблеск ювелирного украшения на груди?

Джек потянулся и подцепил его пальцем, застежка легко поддалась. Тонкие звенья, очищенные от ила, заблестели у него на ладони...

Золотая цепочка на теле утопшей служанки?

Парень в раздумье сжал украшение в кулаке. Если только оно настоящее — он мог бы выручить за него не меньше флорина, а при большей удаче и двух... Целое состояние, которое позволит им с матерью перебраться из жалкой каморки под крышей в квартирку получше. В квартирку с большими окнами, о которых мечтала сестра...

А голос снова нашептывал: «Вызови полисменов. Не оставляй бедняжку на растерзание воронам!»

И Джек, не терпевший, как и прочие жители Уайтчепела, недобрых к ним «бобби», а уж тем более не желавший расставаться с чудесной находкой, сулившей безбедное будущее, все-таки не посмел послушаться голоса — он с рождения привык слушаться Энни во всем.

— Полагаешь, еще одна «кукла»? — спросил длинноносый констебль, дубинкой отводя волосы с лица утопленницы. Те, хоть и потемневшие от воды, были русыми, а Кукольник тяготел именно к русоволосым.

— Да нет, — покачал другой головой, — не похоже... У этой ни розы в волосах, ни дорогого платья... — И как бы размышляя: — Она могла, конечно, упасть с моста в воду... но платья все-таки нет. Да и не действует Кукловод наобум: инспектор говорит, у него все рассчитано до мелочей, он не допустил бы такого непотребства со своей «куклой». Он ими дорожит... Любит их, если хочешь. — И припечатал, смачно сплюнув в песок: — Извращенец проклятый!

— Эй, малец! — окликнул он Джека, отиравшегося неподалеку. — Видел здесь что-нибудь необычное?

Тот неловко приблизился, не желая неожиданным бегством привлечь к себе внимание «бобби».

Ответил:

— Никак нет, сэр. Ничегошеньки необычного, — а сам стиснул в кулаке золотую цепочку. Та казалась такой раскаленной, что жгла пальцы...

— И с лицом что приключилось, тоже, конечно, не знаешь?

— Никак нет, сэр, — не столь уверенным тоном отозвался Джек, впервые взглянув утопленнице в лицо. Отведенные от лица волосы явили ему кровавое месиво, и паренька опять потянуло блевать. К счастью, его желудок был все еще пуст...

Длинноносый констебль снова вперил взгляд в мертвую незнакомку:

— Видать, меж двумя баржами ее протащило, — предположил он, почесывая макушку, — вот и стерло лицо начисто. — И уверенней: — Сам посмотри: девчонка без роду и племени, понесла, кажись, от хозяина, вот и сиганула воду в отчаянии. Дуреха... — А потом в сторону Джека: — Шел бы ты отсюда, малец. Проваливай!

А другой подхватил:

— Да побыстрее!

И Джек припустил в сторону дома, не разбирая дороги. Бежал, пока колотье в боку и ядреный запах крови и требухи не принудил его сбавить шаг и задохнуться на миг от непривычного «аромата». Блеяли овцы, мычали коровы, перекрикивались торговцы, расхваливая товар на лотках... Деловито переговаривались покупатели.

Смитфилдский рынок кипел и пенился потоком людей, и Джек ощутил себя камнем, брошенным в бурный ручей...

— Отойди, шваль! — толкнули его с одной стороны.

— В сторону! — пробасили с другой.

Джек едва успел отскочил он груженной тележки, едва ли не переехавшей ему ноги.

И снова:

— Эй, Жаворонок, каков нынче улов? Две старые тряпки по пенни за штуку и две деревяшки на костыли? — окликнул его звонкий голос, от которого он невольно напрягся.

И отозвался мгновенно, по старой привычке:

— Тебе что за дело, Окорок? Сам-то похлеще меня в дерьме копашишься.

За прилавком, гоня мух над кусками свежего мяса, стоял курносый мальчишка с копной рыжих волос.

— Ну уж нет, это ты у нас дерьмокопатель, — парировал он, усмехнувшись. — А я — ученик мясника, — и он продемонстрировал парню большой разделочный нож.

Джек ненавидел прозвище, которым народ окрестил всех детей его профессии — «жаворонки», — к счастью, ему скоро пятнадцать, и он займется чем-нибудь посерьезней сбора прибрежного мусора.

А Окорок продолжал:

— Слышь, Жаворонок, — голос тихий, почти вкрадчивый, — говорят, Кукловод выпустил твоей Энни всю кровь... каплю за каплей. Вот так! — и он сделал вид, что полоснул себя по бедру мясницким ножом, а потом повторил: — Каплю за каплей. — Ослабился и заржал во все горло.

Джека как кипятком обдало, окатило от макушки до пят. И он закричал, порываясь к насмешнику и желая вздуть его хорошенько:

— Не смей поминать ее имя, чертов урод! — Его кулак уже предвкушал приятную боль от соприкосновения с челюстью рыжего негодяя, когда, налетев на взявшуюся неизвестно откуда девицу, он получил корзинкой по голове. К счастью, пустой...

— Смотри, куда прешь! — огрызнулась она и тут же добавила: — Джек, это ты? Давно не виделись. — Свиное выражение ее личика разом разгладилось, сменившись улыбкой.

Парень потерял место ушиба и просипел:

— Я. Здравствуй, Ханна.

Где-то на заднем плане гоготал Окорок, потешаясь над Джеком, но сам он глядел только на Ханну, подругу сестры. Бывшую подругу сестры, которой у него больше не было...

Они постояли в неловком молчании, а потом девушка произнесла:

— Как вы, держитесь? Твоей матушке стало лучше? — И, опустив голову: — Мне её не хватает... — Оба знали, о ком она говорит, даже без слов. Слова были бы лишними. — Всё вспоминаю и вспоминаю. Такое несчастье, Джек!

Ханна с Энни дружили долгие годы, неразлучные с самого детства, они были почти как родные, но даже с лучшей подругой сестры вести разговоры об Энни Джек не хотел — просто не мог. Как будто что-то удерживало его, стопорило дыхание... Но голос в его голове упрямо нашептывал: «Не будь букой. Ханна здесь не при чем», и он пересилил себя:

— Все хорошо. Маме получше. — Вранье, конечно, но он не хотел грузить Ханну своими проблемами. Ей своих, он уверен, хватает... — Ты как? Все так же прислуживаешь на Гросвенор-сквер?

Та кивнула и вдруг зачастила с обидой в голосе:

— Все там же, сил моих больше нет. Миссис Джонсон, наша домоправительница, придирается ко мне по каждому пустяку: то я, видите ли, камины не умею растапливать, то недостаточно хорошо выскребаю лестницу перед домом... — Она продемонстрировала свои натруженные ладони: — Да у меня от щелока живого места на руках не осталось, а ей все неймется. — И с твердой уверенностью: — Уйду я оттуда, как пить дать уйду. Дай только время! — А потом, словно припомнив нечто забавное, улыбнулась: — Слышал новость, в доме сэра Риверстона огромный скандал: мисс Аманда Блэки, единственная дочь, сбежала с лейтенантом Берроузом, нищим франтом, обхаживавшим её? Они держат эту историю в тайне и, если верить молве, подрядили кузена сбежавшей девицы, мистера Джорджа Мейбери, отыскать беглецов, и вернуть сестрицу в лоно семьи. Только ведь шила в мешке не утаишь... — посочувствовала она. — Бедняжка мисс Блэки, опозорена на весь свет! Кто ее замуж возьмет после такого?

Джек ощутил свербение в левом ухе, а вслед за ним тот же голос в его голове отчетливо произнес: «Ты только подумай! Утопленница с золотой цепочкой на шее и неожиданно пропавшая дочь сэра Риверстона...»

— Когда, говоришь, пропала девица? — уточнил Джек скучающим тоном.

— Так нынешней ночью, ясное дело. Переделась в платье служанки и была такова...

«Это она, Джек! Точно она»

— А лейтенант этот... Берроуз, кто такой будет?

Ханна пожала плечами.

— Дворянчик из обедневших, скользкий тип, большой охотник до богатых невест. Слышала, завсегдатай паба на Чапман-стрит. А тебе-то это зачем? — спохватилась она.

Джек плечами пожал.

— Да так, любопытно. — И шагнул в сторону. — Бывай, Ханна, береги себя.

Она улыбнулась и помахала припустившему между рядами мальчишке поднятой рукой.

Джек протиснулся в полутемное помещение паба и осмотрелся: в этот дневной час людей здесь было немного, и присутствующие, сгрудившись за центральным столом, оживленно переговаривались. От табачного дыма у парня заслезились глаза, он с трудом проморгался и, напустив на себя вид заправского парня, пробрался к стойке, за которой внушительного вида детина разливал пиво по кружкам.

Он осведомился с улыбкой:

— Как работается, дружище? Гляжу, у вас нынче весело.

Рыжебородый окинул его оценивающим взглядом.

— Пить будешь? — пробасил он.

— Мне бы что перекусить для начала, — откликнулся парень под громкое урчание желудка.

И хозяин, а был это именно он, скрывшись на время на кухне, вскоре шмякнул перед мальчишкой тарелкой с мясным пирогом. Дух от него шел до того соблазнительный, что у Джека скрутило желудок — он вгрызся в толстую корку зубами, словно изголодавшееся животное, и умял половину в минуту. Но при этом не забывал поглядывать по сторонам...

А что, если этот Берроуз и есть Кукловод?

Что, если он выманил мисс Блэки из дома, а потом... бросил в реку? Однако, богатые леди с первыми встречными из дома не убегают.

Догадки его были притянуты за уши, совершенно бредовые, если подумать: ну, утопла

нечистая на руку камеристка, ну сбежала богатая мисс со своим ухажером. Что ему-то неймется? Связи между обеими нет никакой. Ему просто хочется что-то найти... кого-то найти (Кукловода), вот он и мается дурью.

«Все-таки странное совпадение», — шепнул голосок в голове.

— А не знаете ли вы некоего Берроуза? Говорят, он лейтенант... морской. Частенько сюда заходит...

Рыжебородый, получив плату за Джеков пирог, смягчился и указал головой в сторону честной компании за центральным столом:

— Ты про того, что заливает горе второй по счету бутылкой? — Джек тоже посмотрел на мужчин. Кто из них лейтенант? Не тот ли, с щегольскими усиками?

От стола до них долетел пьяный окрик:

— Эй, хозяин, еще бутылку, будь оно все неладно! Сегодня я намерен быть пьяным и бесконечно несчастным.

Собеседник Джека выставил на стойку непочатую бутылку, и парень, недолго думая, сверкнул широкой улыбкой:

— Давай подсоблю, — подхватил ее и направился к выпивохам.

Услышал, приблизившись:

— Да выкинь ты эту вертихвостку из головы. Женщины они все таковы: сначала хвостом перед тобой вертят, а потом — бац! — он шибанул кулаком по столу, — и — в кусты. Одним словом, Люциферово племя... Отродья дьявола!

Джек подал бутылку, и тот, что помоложе, замотал головой:

— Аманда не такая, Альберт... она суций ангел, а вот ее братец, кузенишка-недомерок... Вот где истинный сатана! Уверен, это он-то и подкараулил ее, да и сорвал все наши планы... ублюдок.

В тот самый момент входная дверь распахнулась, со всего маху ухнув о стену. Рыжебородый, собиравшийся было возмутиться, так и замер с открытым ртом, замерев под прицелом револьверного дула...

— Берроуз! — прозвучал голос вошедшего. — Мне нужен лейтенант Берроуз... Присутствует здесь таковой или нет?

Названный джентльмен пьяно икнул и попытался подняться на ноги — не смог.

— Бесчестная скотина, — презрительно кинул новоприбывший, кивком головы приказав своим людям подхватить упившегося Берроуза под руки. — Где мисс Блэгни? — осведомился мужчина с оружием. — Говори или пристрелю, как собаку... — Свои слова он сопровождал тычком в живот оппонента, и лейтенант возмутился:

— Да к-как вы см-меете, М-мейбери... Я н-нич-чего об эт-том н-не знаю!

Едва услышав произнесенное имя, Джек сразу припомнил кузена, которого подрядили на поиски девушки. Вот, значит, каков он: решительный джентльмен. Джек проникся к нему мгновенной симпатией... и сочувствием: тот не знал, что кузина его, возможно, мертва, и тело её покоится в полицейском участке на Уайтхолл-плейс.

«Помоги ему, — шепнул голос в его голове, — расскажи мистеру Мейбери об утопленнице».

Глупость, конечно, но, когда перепуганного Берроуза потащили из паба, Джек направился следом, сжимая в кармане золотую цепочку.

— Сэр, — окликнул он Мейбери, — позвольте сказать...

— Что тебе? — кинул тот на ходу, должно быть, приняв его за попрошайку. — Не

получишь ни пенса... Не трать свое время.

— Сэр, я только подумал, что знаю, быть может, где ваша кухня...

Мужчина остановился так резко, что Джек едва не впечатался в его спину.

— Где? — Мейбери обернулся и вперил в парнишку пронзительный взгляд своих магнетических глаз. — Что ты вообще знаешь об этом?

У Джека волосы на затылке зашевелились, он пожалел, что послушался голоса в голове.

— Я знаю, — пролепетал он осипшим вдруг голосом, — что сегодня в реке нашли девушку... — Лицо собеседника побледнело. Миг — и Джеку едва удалось увернуться от массивного набалдашника в виде химеры, мелькнувшего в опасной близости от его головы.

— Как ты смеешь говорить мне такое, грязный мерзавец?! — возмутился мужчина, сверкая глазами. — Вот сейчас я тебя проучу, попрошайка. — Он занес руку для очередного удара.

Скукожившись, Джек взмолился:

— Пожалуйста, сэр, только не бейте меня. Я покажу вам... — он выхватил из кармана золотую цепочку и потряс ею в воздухе. — Вот, посмотрите: она была на утопленнице, я сам ее снял. — И так как мужчина молчал, глядя на золотую цепочку, добавил для верности: — Умереть мне на месте, если я вру!

Отмерев, Мейбери протянул к украшению руку и поднес цепочку к лицу.

— Подвеска Аманды, — прошептал глухо. — Боже... Боже мой! Где она? Я должен видеть эту... утопленницу...

Джек с готовностью подсказал:

— Она в полицейском участке на Уайтхолл-плейс, сэр. Туда свозят всех неопознанных в нашем районе!

Мужчина оглянулся на экипаж, в который уже погрузили Берроуза, и молча кивнул. Возница тут же хлестнул кобылу по крупу, и тот покатил в сторону Патни.

А Мейбери попросил:

— Свистни мне кэб, парень, да побыстрее. — И добавил, вроде как спохватившись: — На, вот тебе за труды. — В ладонь Джека скользнул серебряный соверен.

Парнишка глазам не поверил: целый соверен. Это много дороже какой-то цепочки! Вот так удача. Не зря, значит, он потратился на пирог.

«Подумаешь, деньги! — шепнул назойливый голосок. — Деньги — не самое главное».

Джек стиснул монету в руке, оторвавшись, в конце концов, от ее созерцания, и уже в последний момент вскочил на подножку отъезжавшего вместе с Мейбери экипажа.

Едва кэб замедлился, приближаясь к зданию полицейского управления, Джек спрыгнул на мостовую и кинулся за угол.

— Ах, ты поганец, уши тебе оторву! Попадись только в руки Томасу Питтерли, — заорал вслед возница, брызжа слюной. И кулаком пригрозил.

Его крик привлек внимание Мейбери, выглянувшего в окно и тоже приметившего бегство мальчишки.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивал он через минуту, поймав Джека с поличным. — Думал, еще поживиться? Или получить захотелось? — Он пристукнул прогулочной тростью о мостовую.

Парень потупил глаза и признался:

— Это я, сэр, нашел её утром на Темзе. Утопленницу... — Помолчал, шаркая

подошвами прохудившихся туфель, и добавил с мольбой: — Только не говорите тем полисменам, что это я снял цепочку? Они мне всыпят за это.

Лицо мужчины, нахмуренное и серо, смягчилось, рукой в черной перчатке он поманил к себе Джека:

— Идем, парень, не бойся. Я не выдам тебя!

Не веря в такую удачу, Джек с Мейбери, обогнув здание со стороны набережной, направились к заднему его входу с проезда Грейт-Скотленд-Ярд, считавшимся в управлении основным, — Джек едва поспевал за поспешно шагающим джентльменом.

Их появление произвело в управлении настоящий переполох: констебль Дрискоул, едва узнав, зачем прибыл сиятельный посетитель, посетовал на отсутствие инспектора Ридли, отбывшего по делам Кукловода, и старался как мог услужить высокому гостю... Он-де не так чтобы уполномочен, но будет рад услужить по мере сил и возможностей. И, направляясь в прозекторскую, он то и дело поглядывал на парнишку, спутника Мейбери, подозрительным взглядом... Джек ежился, как от холода. Соседство с ненавистными «бобби» казалось хуже пристывшей к коже илистой жижи со дна дурно воняющей Темзы...

Демонстрируя свое отношение к этим взглядам, он зажал нос двумя пальцами: фи, воняет. Констебль зло прищурился... И, кажется, был бы не прочь пустить в ход дубинку, но присутствие Мейбери останавливало его.

— Вот и прозекторская, — наконец, сказал он. И замялся: — Вы только это, сэр... воняет там знатно. Как бы дурно не стало... Может, платочек там... или...

— Я справлюсь. — Мейбери дернул в нетерпении головой.

Дрискоул помедлил с секунду, они ступили под своды прозекторской, серой комнаты с плиточным полом и крохотными оконцами под потолком, скорее скрадывавшими, нежели пропускавшими в помещение свет. Должно быть, в Грейт-Скотленд-Ярд негласно считалось, что в сем пристанище скорби солнечный свет показался бы оскорблением...

Посреди комнаты, ничем не прикрытое, лежало тело утопленницы.

Местный доктор и анатом, чахлый и серый, как стены окружавшего его помещения, обернулся навстречу вошедшим. Его некогда белый фартук, ныне бурый от пятен высохшей крови, заставил Джека сплотнуть вставший в горле комок. Здоровяку «бобби», кажется, тоже было не по себе...

— Доктор Гаррет, джентльмен желает видеть утопленницу, — с запинкой произнес он. — Вы успели поработать над телом?

Доктор Гаррет ошетирил кустистые брови.

— Еще нет, у меня две руки, а не десять, мистер Дрискоул, — сварливо пробубнил он. — Я только закончил с убитым из Патни. Две ножевые и одна огнестрельная... Это вам не цветочки на лугу собирать!

В помещении пахло чуть хуже, чем на Смитфилдском рынке, но все-таки даже привыкший к зловониям нос жителя лондонских трущоб морщился от омерзения. Да уж, луговые цветочки — это точно не про прозекторскую и «клиентов» доктора Гаррета!

— Так мы посмотрим? — осведомился констебль, и доктор махнул рукой: мол, делайте, что хотите. А мистер Джордж Мейбери и не ждал его разрешения: решительным шагом направился к женщине на столе и замер подле нее каменным изваянием.

Джек заметил, что, высохнув, ее волосы оказались приятного золотистого цвета, какой, наверно, бывает спелая рожь, поспевающая в полях. Сам он ни разу такого не видел, но в церкви на праздник Саймона и Иуды выставляли небольшие снопы, и они были именно

этого цвета.

Мейбери тронул просохшие пряди рукой, и лицо его исказилось... Джек безошибочно угадал сердечную склонность к кухне, и это опечалило его пуще прежнего.

— Сэр, так это ваша кухня? Вы узнаете ее? — неловко осведомился Дрискоул.

— Это она, — прозвучал мгновенный ответ. — Узнаю ее волосы... Руки... — Кадык Мейбери дернулся, словно он силился проглотить вставший в горле колючий комочек. — Аманда, дорогая наша Аманда! Как такое случилось? — Он снова пропустил между пальцев прядь золотистых волос.

Констебль переминался на месте, ощущая себя не в своей тарелке.

— Уверены, сэр, что это именно ваша кухня? — решил уточнить он. — Все-таки лицо сильно обезображено... Да и одежда, видите сами, довольно скромная.

Мейбери, отсекая даже намек на ошибку, категорически покачал головой.

— Я слишком хорошо ее знал, чтобы вдруг ошибиться, — произнес он, отступая на шаг и не сводя с покойницы глаз. — Одежду она сменила намеренно, а в остального не скроешь. — Он постоял, сжимая набалдашник трости так сильно, что скрипнула кожа перчатки, а потом решительным шагом покинул своды прозекторской.

Уже на улице, отдав распоряжения о теле кухни, он как бы в задумчивости прошептал сам в себе:

— Как все-таки это произошло? Почему их с Берроузом встреча не состоялась? Бедная, бедная девочка. Как я скажу о случившемся сэру Хэмфри? Это убьет её бедных родителей...

Джек стоял тихо, как мышь, но в этот момент не сдержался:

— Это все Кукловод, сэр. Я почти в этом уверен... Он, наверное, отирался где-то поблизости, подкарауливая для себя новую жертву, и когда ваша кухня вышла из дома, перехватил ее...

Мейбери вскинул бровь, нахмурился. Джек подумал, он, быть может, не знает, о ком идет речь, но мужчина спросил:

— Полагаешь, это дело рук Кукловода? Полагаешь, он мог... — Мрачный взгляд его потяжелел, заострился. — Нет, в таком случае были бы платье и роза... Ты ошибаешься, мальчик.

«Бедный Мейбери», — прошептал голосок в голове Джека.

— Его могло что-то спугнуть... — все-таки сказал он. — А констебли сами сказали, что девушка скорее всего упала в воду с моста.

— Нет, — его собеседник решительно мотнул головой, — не хочу в это верить. — И направился к поджидавшему его кэбу. — Мальчик, — оглянулся он на ходу, — знаешь, где живет доктор Карлайл? — Джек кивнул. — Беги к нему со всех ног и вели явиться на Гросвенор-сквер к сэру Риверстоуну немедленно. Вот тебе за услугу! — Еще одна серебряная монета вспорхнула в воздух и легла Джеку в ладонь.

— Будет сделано, сэр, — сказал он и сорвался на бег.

Понесся по улицам, ощущая при этом щекотку где-то под ребрами: то ли давало знать о себе сбившееся при беге дыхание, то ли свербела под ложечкой неотступная мысль о чем-то упущенном, важном... том, на что Джек не обратил должного внимания.

«Ты должен выяснить все до конца!» — опять прозвучало внутри.

Именно потому Джек до вечера околачивался на Гросвенор-сквер, со стороны наблюдая за домом сэра Риверстоуна, не в силах уйти. Позвав доктора, он проехался на облучке его экипажа до самого дома... Видел со стороны, как уехала и воротилась карета хозяина, как

служанка вывесила похоронный венок, как уехал доктор Карлайл... Как джентльмен в черном плаще вышел из дома в сумерках и направился в сторону Ридженс-парка.

Само по себе выходило, что Кукловод обеспеченный человек, ведь бальные платья из лионского шелка стоили баснословные деньги, а он нарядил в них не меньше трех «кукол» за последнее время. В газетах, конечно, писали, что платья могли быть украдены, перекуплены у старьевщика, только Джек не верил в такое. На сестре было платье самого лучшего качества, явно неношеное — очень красивое. Да и не верилось, чтобы какой-то бедняк носился по лавкам старьевщика, скупая бальные платья...

Джек весь день провел в этих раздумьях и теперь, измаявшийся бездельем, решил проследовать за джентльменом в черном плаще. Все какое-то разнообразие! Да и кто он такой, знать бы не помешало. Просто так...

Джек отклеился от стены соседнего дома и последовал за мужчиной. Крался за ним, едва сам себе позволяя дышать и обмирая, стоило незнакомцу остановиться и запалить сигарету. В свете уличных фонарей тот пускал в воздух сизые облачка дыма и неторопливо шествовал дальше...

Джек, увлекшийся слежкой за незнакомцем, не сразу расслышал шаги позади. Осторожные, едва слышные, в пропитанном влагой воздухе они раздавались особенно четко. «Показалось», — подумал он было, едва их услышав, но вскоре с ужасом убедился, что за ним, действительно, кто-то шел.

В тот момент осознания его сердце едва не взорвалось в груди: так отчаянно застучало по ребрам, что стало сложно дышать. Он задохнулся на миг влажным воздухом, залепившим гортань...

Кукловод!

Кукловод выслеживает его!

«Беги, Джек, беги!» Голос сестры взорвал его барабанные перепонки, и парень бросился наутёк. Несся, совсем потерявшись в туманном мороке ночи и собственных страхов...

Он понял вдруг, что теперь все зависит лишь от скорости его ног...

Джек плохо спал этой ночью: странные сны, витиевато сплетенные из вымысла и реальности, заставляли его метаться в постели, шептать обрывки невразумительных фраз, вскрикивать — нервное напряжение не оставляло его даже во сне. То утопленница с голубыми глазами сестры задорно смеялась, нашептывая: «Какой же ты милый, глупышка. Ничего-то со мной не случится!», то уже сама Энни, бледная, вымокшая до нитки, протягивала к нему бескровные руки и говорила: «Посмотри на них, Джек: разве так выглядят руки благородной девицы?», а потом уходила в туман, подобно страшному призраку...

Джек проснулся в поту.

Мысль, еще вчера теплящаяся на задворках сознания, выкристаллизовалась с определенной ясностью: руки, так называемой, Аманды Блэки не были руками благородной девицы!

Как же они с мистером Мейбери не обратили на это внимание?

Джек вскочил, подумав, что просто обязан свидетельствовать с Мейбери и поделиться догадкой. Да он и сам, верно, уже догадался о совершенной ошибке... Руки утопленницы выглядели точь-в-точь как руки Ханны, продемонстрированные ему на Смитфилдском рынке: грубые, с изъеденной щелоком кожей и ввевшейся в трещинки угольной пылью. Такое не объяснить

двумя баржами, обезобразившими лицо... Руки служанки — ее визитная карточка.

— Уходишь? — зашевелилась на старом матрасе мать Джека. — Рано еще, поспи малость.

— Мне нужно, мам. — Он пригладил вздыбленный чуб. — Ты главное не волнуйся! Я вернусь, прикупив нам еды.

Она улыбнулась:

— Как же мне не волноваться, малыш... Ты хоть и вымахал, словно шпала, а все еще сущий ребенок. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось... — Глаза ее заблестели. Джек понял, что она вспомнила Энни... — Береги себя.

— Как всегда, мам.

С такими словами Джек вышел за дверь и сбежал по хлипким ступеням, стеновавшим под его незначительным весом расстроенной скрипкой. В коридоре воняло мочой и кислой капустой, а еще безысходностью и тоской, въедавшихся в кожу похлеще угольной пыли — обитатели Уайтчепела носили в себе и то, и другое, как печати на измученных лицах.

В одной из квартир надрывно плакал ребенок...

Джек давно привык к узким грязным улочкам родного района, перегороженным телегами и лотками торговцев, между которыми тенями сновали жители мрачных трущоб. Он и сам был одним из этих теней, и однажды сольется с серыми стенами, словно призрак... Но с какой-то детской наивностью, неизбывной даже в этой клоаке порока и нищеты, он мечтал сделаться кем-то большим, чем просто одним из сотни выброшенных на свалку жизни бедняг, населявших этот район.

— Эй, красавчик, не хочешь вкусить прелести жизни? — окликнула его от стены потасканная девица, задирая грязную юбку.

— В другой раз, — кинул Джек на ходу, ощутив стыд за несчастную, что сама давно утратила это чувство.

С Темзы несло отвратительными миазмами...

Но здесь, среди трущихся по углам проституток, пьяного хохота из таверн и плача детей Джек хотя бы не ощущал дыхания Кукловода, преследовавшее его с прошлого вечера... Он сам толком не понимал, откуда пришла эта уверенность, но знал точно: тот наблюдает за ним. Передернув плечами, быстрым шагом он миновал Корнхилл-стрит и здание Английского банка, вышел на веселую Пикадилли-серкус, а оттуда «зайцем» на запятках проезжавшего кэба добрался до Гросвенор-сквер.

Вот и дом с траурным венком на двери... А коляски Мейбери нет. Как жаль, что он не знал адреса этого джентльмена! Придется околачиваться вокруг, дожидаясь его приезда.

И Джек ждал, изнемогая от нетерпения, а, когда Мейбери все-таки появился, буквально бросился под копыта его лошадей, не в силах удержаться на месте.

— Сэр... мистер Мейбери, мы ошибались! — закричал он, уворачиваясь от разъяренного возницы. — Эта утопленница — не ваша кузина. Вы должны осмотреть её руки, и всё сами поймете!

Мейбери вышел из экипажа, смерив Джека пристальным взглядом.

— Снова ты, — сказал он с видимым недовольством. — Шел бы ты подобру-поздорову. На этой улице траур. Ни к чему тебе здесь ошиваться...

— Но, сэр, — охладила пыл Джека отповедь Мейбери, — руки утопленницы...

— ... Мисс Блэгни, хотел ты сказать.

— Руки мисс Блэгни, — с готовностью подхватил он, — вряд ли могли быть с грубо

обрезанными ногтями и кожей, загрубевшей от тяжелой работы. Моя сестра всегда говорила, что руки определяют происхождение... По ним легко отличить леди от горничной. А руки утоп... той, что вы посчитали кухней, были руками служанки. Припомните сами...

Джек замолчал, понимая, что, либо его огреют прогулочной тростью, либо прислушаются. Он надеялся на второе...

— Она долго пролежала в воде... — наконец, сказал Мейбери. — А еще эта баржа.

Джек замотал головой. Он нутром чуял, здесь что-то не так...

«Скажи про Берроуза», — шепнул внутренний голос.

— Берроуз, сэр, откуда мы знаем, что он не дождался мисс Блэки? — выпалил он. — Вдруг он именно тот, кто нам нужен? — Джек замолчал с многозначительным видом, позволяя своему собеседнику самому дойти до правильной мысли.

И тот усмехнулся:

— Берроуз — наш Кукловод, ты на этой сейчас намекаешь? Ну уж нет, никогда не поверю. Это ничтожество если на что и способно, так только на пьяный дебош и растраты. Слышишь, парень, выбрось это из головы! — серьезно посоветовал он. — У тебя разыгралось воображение. Точка. — Мейбери сделал шаг к двери.

— И все-таки руки утоп... этой девушки, сэр, они наводят на мысли, — не унимался Джек. — Я бы на вашем месте задался вопросом, кто подкинул цепочку вашей кухни обычной служанке.

Мужчина нахмурился обернувшись.

— Ты много на себя берешь, мальчик, — одернул он парня. — Утомонись... Полиция знает, что делает, а Риверстоуны и без того пострадали. Ни к чему длить их агонию!

— Но, сэр, Кукловод...

— Почему ты на нем так заикнулся? — не выдержал Мейбери. — Ведешь себя странно. Я могу ведь подумать худое...

Джек стиснул зубы и вскинул голову.

— Он сестру мою убил, сэр, — признался он сильным голосом. — В платье вырядил, волосы причесал... Такой красивой я Энни ни разу в жизни не видел, но это не значит, что я прощу его, сэр. Он — убийца! И я ненавижу его всем своим сердцем. И если мисс Блэки сейчас у него... — голос Джека сорвался.

Энни, прежде, чем её нашли мертвой — он нашел её мертвой! — пропала больше трех суток. Джек с матерью все глаза просмотрели, даже в полицию заявляли, но там, конечно, на них внимания не обратили. Мол, сбежала с каким-нибудь ухажером, скоро объявится.

Объявилась...

— Прости, парень, не знал, — прозвучало с сочувствием. — Обещаю осмотреть руки кухни. А сейчас возвращайся домой и, если приспичит узнать свежие новости, приходи вечером по этому адресу, — он протянул Джеку визитную карточку. — Там и поговорим. — Рука с перстнями на секунду легла ему на плечо — хлопнула дверь.

Морально опустошенный, Джек стоял какое-то время, не в силах пошевелиться, и, только двинувшись с места, понял вдруг, что так и не рассказал Мейбери о своем бегстве по улицам Лондона, когда ему показалось, что сам Кукловод идет за ним следом...

— Джек, снова ты? — окликнул его девичий голос. — Вот уж не думала так скоро свидеться.

На тротуаре стояла все та же подруга сестры, Ханна с веснушками на носу. Она дружелюбно ему улыбалась, опираясь за ухо прядку волос... — Что ты здесь делаешь?

Джек смутился:

— Да так, проходил мимо, — замялся он, не желая вдаваться в подробности. — Сама-то куда спешишь? — перевел разговор на другое.

Ханна сверкнула улыбкой.

— Держи за меня пальцы, Джек, — попросила она, — нынче я намерена сыскать себе новое место. Уверена, везде будет лучше, чем под началом ненавистной мне миссис Джонсон... Хочешь прогуляемся вместе?

— Почему бы и нет, — сказал Джек. — Помогу донести твои вещи.

С такими словами он подхватил ее сундучок, и они зашагали в сторону парка.

Выходить в сумерках Джеку хотелось меньше всего... Но мать поздно управилась с гладкой, и ему пришлось бежать в Камден, чтобы доставить корзину с бельем, — только после того он направился к Джорджа Мейбери в Кенсингтон.

Где-то на середине пути Джек опять ощутил покалывание в затылке: кто-то за ним наблюдал... Он был уверен. И побежал, выбирая наиболее оживленные улицы...

— Эй, ты! — услышал он окрик. — Надо поговорить.

Ага, нашел дурака — Джек только ускорился и бежал, петляя переулками и дворами, пока не выскочил к Кенсингтону, причесанному и импозантному, словно дядюшка с пышными бакенбардами. Здесь он замедлился, позволив себе, наконец, оглянуться, и, не заметив преследователя, но донельзя перепуганный, постучал в парадную дверь дома мистера Мейбери. Надо было, конечно, пойти с заднего входа, но страх, причесавший его по загривку, оказался сильнее усвоенных с детства устоев. Он по-детски боялся ступить в переулок... Казалось, именно там его ждет Кукловод, притаившись в самом темном углу с ножом и... розой. Глупость, конечно, но цветок алым пятном так и стоял перед глазами...

Наконец, щелкнул замок, и Джек кулем ввалился в освещенный холл, тяжело хрипя и хватая ртом воздух...

— Джек?! — вылупила глаза все та же вездесущая Ханна. — Третья встреча за неполных два дня... Ты следишь за мной, что ли? — улыбнулась она. — Эй, что с тобой? — Она похлопала его по спине. — Выглядишь так себе.

Джек стоял, уперев руки в коленки и пытаясь внятно ответить, но пока не получалось.

Где-то в доме раздались шаги, и на лестнице появился Джордж Мейбери с револьвером.

— Что происходит? — обратился он к Джеку. — Ты словно призрака повстречал... и бежал от него, судя по виду.

— Кукловод, сэр... — с трудом выдохнул Джек. — Кукловод преследовал меня до порога вашего дома.

— Кукловод? — Щелкнул затвор револьвера. — Ты в этом уверен?

— Абсолютно, сэр.

Мейбери отодвинул портьеру и выглянул из окна. Сумерки, рассеянные бледным светом уличных фонарей, казались умиротворяюще-скучными... Мирными.

Но Джек был уверен: во тьме скрывается монстр.

— Ханна, напоите моего гостя чаем, — велел Мейбери, накидывая плащ. И Джеку: — Поговорим, когда я вернусь.

— Будьте осторожны, сэр! — напутствовал его Джек, и тот отозвался молчаливым кивком.

Может быть, следовало отправиться с ним, помочь выследить монстра, но Джек

неожиданно оробел: зубы клацали, как кастаньеты, и виной тому вряд ли промозглая сырость позднего вечера, впитавшаяся в одежду.

— Идем, я налью тебе чаю, — потянула его за рукав бойкая Ханна. — У тебя руки дрожат.

— Холодно, — соврал Джек, чтобы только не признаваться, как ему страшно. И спросил: — Сама что здесь делаешь? Это и есть твое новое место?

— Да, — ответила девушка, снимая чайник с плиты, — мистер Мейбери оказался порядочным человеком и принял меня даже с теми рекомендациями, что даже мне вредная миссис Джонстон. А они, скажем прямо, не лучшие... — Она сморщила нос: — Ненавижу ее!

Кипяток полился в стакан, завиваясь облачком пара. Джек смотрел на него, ощущая, как в животе расслабляется связанный узел... Он едва пригубил ароматный напиток, как что-то ударило в оконную раму.

Ханна вздрогнула.

— Что это было? — пропищала она.

Звук повторился через секунду...

Джек, вскочив из-за стола, схватил кочергу и подкрался к задней двери.

— Не надо, не открывай! — взмолилась Ханна тоненьким голоском. — Это наверняка Кукловод: он убил мистера Мейбери, а теперь явился за нами...

Джек сглотнул вязкий комок. Мысль, зачем бы убийце делать такое, мелькнула и растворилась на периферии сознания. В любом случае прятаться он не собирался: крепче перехватил кочергу, вдохнул поглубже и рывком распахнул дверь.

Боль в голове и мгновенная тьма поглотили его тот же момент...

... Очнулся он в незнакомой комнате на голом полу. В окно лился призрачный лунный свет, и Джек сумел рассмотреть темный зев давно нетопленного камина да кровать с балдахинном. Дверь на поверку оказалась ожидаемо запертой.

Боль пульсировала в его голове в унисон с ударами пульса... Он коснулся шишки на лбу, ощутив корку свернувшейся крови. Хорошенько же его приложило! Он попытался припомнить лицо человека, сотворившего это с ним, но видел только размытый в темноте силуэт и... дубинку, летящую в голову.

Где Ханна? Что случилось с Мейбери?

А голос сестры в голове привычно шепнул: «Надо действовать, Джек. Кукловод придет за тобой!».

Джек прошелся по комнате, разгоняя туман в голове, осмотрелся: окна, забранные решетками, дубовая дверь не оставляли надежды на бегство.

Разве что... Джек посмотрел на камин.

Несмотря на солидные штрафы, Джек уже лет в тринадцать подрабатывал уличным трубочистом: будучи от природы проворным и гибким, он легко помещался в печную трубу, где, орудуя ершиком и скребками, выскребал из дымоходов нагар и скопившуюся в них сажу. Правда, мать, наслушавшись страшных рассказов, строго-настрого запретила ему лазать в камин... Сказала, не хочет остаться без внуков и в целом схоронить сына преждевременно. Джек тогда возмутился: мол, деньги для них важнее возможной болезни, но мать плакала, умоляя его не вгонять ее в гроб переживаниями за сына, и Джек забросил это занятие.

Про Клару Огден в Уайтчепеле говорили, что она не от мира сего, за глаза величая

«королевой в дырявом платке»: виданное ли дело, чтобы нищим быть разборчивыми сверх меры, а она, родившаяся в деревне, мечтала о чистом воздухе и лучшем будущем для своих детей.

Жаль, Энни так этого будущего и не дождалась...

За этими мыслями Джек заглянул в дымоход, убедился, что шахта прямая, не Г-образная, что сильно бы затруднило подъем, и, памятуя о прошлом, вдохнул чистого воздуха и полез в печную трубу. Ее стенки мгновенно сомкнулись со всех сторон разом, сдавили его, как тисками, а сажа, забившись в нос, легкие и как будто в каждую клеточку кожи, вызвала приступ острого удушья. Джек подумал, что просто-напросто задохнется в этой трубе, умрет как какая-то крыса, застрявшая в мышеловке. Кровь стучала в висках. В глазах потемнело... возможно, от сажи, висевшей вокруг черным облаком.

«Ты сможешь! — произнес уверенный голос в его голове. — Ты сможешь всё, что захочешь. Верь мне!», и Джек усилием воли протолкнул себя по трубе. Раз... другой... третий... Он увидел край мутного неба, который, несмотря на отсутствие звезд и висевший в воздухе смог, все-таки был много ярче его узкого ада, забитого сажой. Еще один последний рывок — и он вывалился наружу, распластавшись на крыше и отплевываясь от сажи.

Как же чудесно выбраться на свободу!

Он лежал, ощущая тихий восторг и почти не чувствуя боли в больной голове и ободранных в кровь локтях и коленях.

А потом пришло осознание: если он привел Кукловода в дом мистера Мейбери, значит, ему за это и отвечать. Джек был уверен, что названный джентльмен лежит где-то неподалеку с проломленным черепом. О причинах случившегося он старался не думать... Просто привстал и подполз к краю крыши, глянув вниз. Внутренняя стена, её сверху до низу оплетала густая сетка плюща. Джек рассудил, что, либо шпалера выдержит его вес, либо он свалится с высоты трех этажей — в любом случае, он не мог оставаться здесь дольше. Он обязан был действовать, и нащупал ногами первую перекладину.

Перенес на нее вес своего тела, и обрадовался, ощутив, что доска под ним не прогнулась.

«Все получится, Джек», — снова подбодрил внутренний голос.

И Джек начал спускаться...

Хватался за лозы, стараясь не переломить перекладины, и двигался к освещенному окну на втором этаже, которое, словно свет мотылька, приманило его, едва он заметил его. Подобравшись к нему, Джек, наконец, заглянул внутрь и обомлел: на стуле посреди комнаты восседала красивая кукла с... испуганными глазами. «Кукла» не шевелилась, словно, действительно, была сделана из фарфора, но её густые ресницы нет-нет да подрагивали, полутенями ложась на бледные щеки. Волосы светло-каштанового оттенка, уложенные в прическу, кокетливо завивались у самых висков. Незнакомка, а была она, конечно, живой, поражала удивительной красотой! Джек подумал, что никогда не встречал таких девушек прежде. Да и где было их встретить в трущобах его родного района... Эта точно была из благородных.

И вдруг знакомка заметила его. Заморгала ресницами чаще, дернулась, как бы порываясь что-то сказать, но заткнутый кляпом рот этого не позволил. «Помоги мне!» взмолились глаза знакомки.

И Джек толкнул створку окна, поддастся ли... Поддалась. Он поставил ноги на подоконник и легко прыгнул в комнату.

В ней витал одуряющий аромат чайных роз... Густой, как кисель, он казался не лучше запаха сажи, покрывавшей Джека с головы до ног, и кружил голову до дурноты.

Даже подташнивало...

— Мисс Блэгни, — спросил Джек, вынимая кляп изо рта девушки, — это вы?

Та судорожно, с надрывом вдохнула и, кивнув, прошептала:

— Только тише! Он может вернуться в любую секунду. Кто ты? — последовал быстрый вопрос. — Откуда узнал, где искать меня?

— Я не знал. — Джек отчего-то смутился. — Только хотел помочь мистеру Мейбери...

Девушка ахнула, глубину карих глаз затопил такой искренний ужас, что, выплеснувшись наружу, он как будто окатил собой Джека... И в нем что-то щелкнуло: раз! — он словно прозрел. События минувших двух дней пронеслись перед ним хороводом: внезапно освободившееся место служанки, которое заняла теперь Ханна... золотая цепочка мисс Блэгни на теле безымянной утопленницы... нежелание Мейбери признавать, что мисс Блэгни, возможно, жива...

Он пошатнулся, вцепившись в спинку стула мисс Блэгни.

И тут:

— Здравствуй, мальчик, — произнес Мейбери, входя в комнату и закрывая за собой дверь. — Ты оказался проворней, чем я ожидал. Дымоход? — Он окинул взглядом его вымазанную одежду. — Что ж, тебе удалось меня удивить. Bravo, Джек! — Он похлопал в ладоши. — Знаешь, я думал, ты убежал — рад, что это не так. Не хотелось бы искать тебя в той клоаке, из которой ты вылез! — И совсем другим тоном: — Ты уже познакомился с нашей милой Амандой? — Он схватил девушку за подбородок, и та зашипела как кошка. — Согласись, дивно как хороша... просто куколка, ты не находишь? — Мейбери облизнулся.

— Убери свои грязные руки, больной ты ублюдок, — прошипела мисс Блэгни.

И Мейбери наигранно возмутился:

— Ай-яй-яй, такое ангельское лицо... и такой дьявольский язычок.

Аманда дернулась, порываясь освободиться, но Мейбери только сильнее вдавил пальцы в ее подбородок.

Джеку сделалось нестерпимо противно и жутко, заскребло в горле, как при простуде.

— Вы и есть Кукловод, — произнес он бесцветным, пустым голосом. — Вы и есть убийца сестры. Все это время, пока я думал, что помогал вам, вы знали, где спрятали вашу кухню и потешались над доверчивым простачком. Мне стыдно, что я раньше не догадался!

— Признаю, я несказанно повеселился, — признался Мейбери, пожимая плечами. — Ты был так трогателен в своем желании услужить. Так безыскусен... Нищий правдолюбец из Уайтчепела! Может ли быть что-то забавней? — Он вскинул бровь, наслаждаясь возмущением Джека и его крепко сжатыми кулаками. — И, знаешь, должен поблагодарить тебя, Джек: ты во многом облегчил задачу, стоящую передо мной. Ты, сам не понимая того, напрямую привел меня в полицейский участок, где моя... утопленница-служанка сыграла свою лучшую посмертную роль. С руками, конечно, вышла заминка, — вынужден был признать он, — но, в конце концов, убитые горем, Риверстоуны вряд ли бы обратили на это внимание. Баржа, вода... Сам понимаешь.

— Полиция бы обратила, — возразил ему Джек. — Вам повезло, что доктор не успел сделать вскрытие. Только это вас и спасло!

— Ты так наивен...

Джек скрипнул зубами.

— Вы убили мою сестру! — с расстановкой произнес он.

И Мейбери театрально вздохнул:

— Не нарочно. Каждый раз, выбирая подделку Аманды, я надеялся, что её будет достаточно, что подкожный зуд, от которого сводит пальцы, уймется, лаская кожу другой. Но, увы, их было мало... — Его рука коснулась шеи кузины, костяшки ладони, лаская, пробежались вдоль скулы к аккуратному ушку. Мисс Блэкни задергалась так отчаянно, что едва не опрокинулась вместе со стулом. Мейбери придержал его, пристально глядя кузине в глаза: — Мне всегда нужна была только ты, — выдохнул он, — только ты, моя дорогая Аманда. И больше никто!

— Ты болен, — презрительно кинула девушка. — Абсолютный безумец.

— Может, и так, — согласился с ней собеседник, — но таким меня сделала ты. Ты, Аманда! Ты похитила мое сердце, зачаровала меня. Лишила покоя, сна и рассудка. Я так сильно желал быть с тобой... Обладать твоим телом. Наслаждаться единением наших душ...

— Этому никогда не бывать.

Мейбери снисходительно улыбнулся:

— Я бы не был настолько категоричен, моя дорогая. Когда тело мнимой мисс Блэкни упокоится в семейном склепе Риверстоунов, и семья оплачет тебя, я... только я один в целом свете стану твоей опорой и новой семьей. — Он заправил ей за ухо прядку волос. — В моем имении в Кенте ты станешь истинной госпожой нашего дома, Аманда... Мы будем вместе, как муж и жена. Как что-то настолько неотделимое друг от друга, что об этом слагают легенды...

— Я скорее умру, чем это случится.

— Ты уже мертва. Неужели не понимаешь? Никто тебя не станет искать. Никто не спасет! — Мейбери поглядел на притихшего Джека: — Глупышка не хочет понять, что никто никогда не полюбит ее сильнее меня, — вздохнул он. — Я устал убеждать, насколько она дорога для меня. Это всё, — он развел в стороны руки, подразумевая, должно быть, все совершенные преступления, — это всё было только ради неё, ради Аманды. Моей светлой музы! — Он задумался, как бы припоминая. — Знаешь, Джек, я влюбился без памяти в тот самый миг, когда впервые увидел ее на балу дебютанток в Сент-Джеймс. На ней было светлое платье из лионского шелка и большие, перепуганные глаза на бледном от нервов лице... Так трогательна и обольстительна одновременно! Я понял тогда, в чем смысл моей жизни... — Теперь он опять глядел на Аманду: — В тебе, моя девочка. В том, чтобы вечно касаться тебя!

Он погладил нежное девичье плечико в вырезе бального платья, и тьма в глубине его глаз за клубилась облаком дыма.

Что же делать?

Как спасти себя и мисс Блэкни?

Джек понимал, что подобная откровенность чревата бедой: Кукловод не отпустит его. Слишком много он знает!

А еще мучил этот вопрос:

— Это вы преследовали меня прошлым вечером? Кто-то гнался за мной по лондонским улицам... И сегодня, направляясь сюда... — Джек запнулся. Мейбери вряд ли сумел бы находиться в двух местах одновременно.

— У тебя слишком богатое воображение, парень, — подтвердил тот догадку и достал из кармана пистолет. — И неуёмное любопытство... Жаль, и то, и другое сыграло с тобой

скверную шутку... А теперь закончим игру. — Оружейное дуло нацелилось Джеку в голову.

— Не делайте этого! — взмолилась мисс Блэгни. — Этот мальчик здесь не при чем.

— Боюсь, это не так... — Щелкнул затвор пистолета.

Джек невольно зажмурился... Оглушительный звук двух выстрелов разом буквально контузил его, он замер, прислушиваясь к себе, — боли не было. Сквозь пелену плотного дыма он различил движение в комнате... Появились какие-то люди. Он с трудом различал их голоса: в голове протяжно звенело.

Кто-то обратился к нему, хлопая по плечу...

Констебль Дрискоул?

— Мертв, сэр, — наконец, расслышал он голос констебля, склонившегося над Мейбери. — Ваша пуля вошла точно в сердце.

Начищенные до блеска ботинки слегка пнули неподвижную руку мертвого Кукловода, распростертого лицом к Джеку, — неподвижные бусины его глаз казались глазами куклы.

— Жаль, — вздохнул хозяин ботинок. — Я с радостью добил бы его вторым выстрелом. — Мужчина в черном пальто прошелся по комнате и обратился к мисс Блэгни: — Как вы, мисс? В добром здравии?

Джек увидел, что ее руки развязаны, и девушка растирает запястья, отвечая так тихо, что он не расслышал ни слова.

Констебль Дрискоул, а это был, действительно, он, ткнул Джека в плечо кулаком:

— Дурак малолетний, я ведь велел остановиться, а ты вчистил, что заяц... — пробасил он. — Скажи спасибо, что жив остался.

Глаза мужчины в пальто пристально посмотрели на Джека — он съежился, словно его пнули в живот. И глаза опустил...

— Инспектор Ридли, — произнес один из мужчин, — скоро здесь соберется толпа. Что газетчикам говорить?

Ридли глянул на мертвое тело и поправил шляпу на голове.

— Скажите, Кукловод мертв, и Лондон снова может спокойно спать, — отозвался инспектор, направляясь к двери в сопровождении спасенной мисс Блэгни.

2. В час до полуночи

Джек шел по берегу Темзы, в сотый раз прокручивая в своей голове произошедшие с ним события... Со смерти Мейбери минула неделя, а слова инспектора Ридли до сих пор секли похлеще кнута.

— Вставай, парень, чего расселся, как на курорте? — приговаривал он, вернувшись в комнату с коронером, который сразу взялся за дело. — С этой целью нормальные люди посещают Брайтон или Торбей, а не лезут сломя голову в дом маниака. Что, погеройствовать захотелось? Жить надоело? — Слова звучали с издевкой, насмешливо. Джеку хотелось ответить, но язык, как ни странно, не повиновался ему. — И ведь берутся откуда-то эдакие глупцы. Полагают, должно быть, себя умнее других... — У Джека дернулся глаз, и инспектор, наверно, это заметил. Смягчился вдруг: — Отведи его вниз и напои, что ли, чаем, — обратился к Дрискоулу. — Парень, кажись, не в себе. Как бы умишком не повредился...

Констебль кивнул, и Джека подхватили под руку.

— Шагай, парень, время не ждет.

Джек поднялся со стула, сам толком не понимая, как на нем оказался. Помнил только, как выходила мисс Блэгни, а потом сразу — бац! — словно свечу задушили. И в темноте — всё тот же голос сестры: «Видишь, Джек, всё разрешилось. Я всегда в тебя верила!» Она много еще чего говорила, но он уже не мог разобрать слов... Они доносились как будто издали и с каждым словом делались тише и тише.

А потом вернулся инспектор и...

— Сэр, — негромко произнес он, остановившись в дверях, — зачем вы стреляли ему прямо в сердце? Неправильно это... Нехорошо.

Ридли поглядел на него, сдвинув брови.

— А невинных девушек убивать, по-твоему, хорошо? — с металлом в голосе спросил он.

Джек замялся, не решаясь высказать, что скребла на душе, но все-таки пересилил себя:

— Так я не о том, — сказал он, — просто... судить его было надо... да вздернуть повыше. Чтобы прочувствовал... понял, что натворил... — подступившие слезы помешали ему договорить, и Джек шмыгнул носом, стыдясь своей слабости.

Взгляд инспектора Ридли смягчился, но голос не стал менее резким.

— Говоришь, вздернуть повыше? — Ридли с констеблем переглянулись. — Блаженный, как пить дать, блаженный, — вынес он твердый вердикт. — Где ж это видано, чтобы аристократа виселицей привечали? Мечтатель! — и он припечатал парнишку размашистым подзатыльником. Вроде как расписался в диагнозе. — Да этот твой Мейбери уже завтра собрал бы вещички и, либо укатил за границу, либо — в худшем случае для него — отправился в ссылку в какую-то глушь вроде Австралии, где, возможно, продолжил бы убивать. — И наставительно, словно наивному пятилетке: — Нам эти снобы не по зубам, парень. Запомни это раз и навсегда! — Он постучал по лбу Джека согнутым пальцем. Тот дернул перемазанной сажей головой, чем вызвал кривую усмешку своего собеседника. — Всё, иди уже, поборник справедливости... — сказал он. — Глаза б мои тебя больше не видели. И вымойся, смотреть страшно! — донеслось в спину совсем сникшему Джеку.

Инспектор Ридли был прав: богатым сходило с рук кое-что и похуже. Хотя в глазах

Джека ничего хуже убийства сестры быть не могло... Он любил ее, пусть нечасто демонстрировал это. И теперь, когда очень хотелось сказать, насколько она была ему дорога, Энни не было рядом... И не будет уже никогда.

Даже голос ее в голове сделался совсем тихим, должно быть, он начал его забывать.
«Не грусти».

День был ветреный, серый. Отраженные в Темзе свинцовые облака, казались оспинами на ее теле, покрытом мурашками мелких волн...

— Я не грущу, — отозвался он вслух, и слова унес ветерок. — Просто жаль, что не я всадил пулю в сердце мерзавца.

— Эй, парень! — окрик со стороны доков заставил его оглянуться.

На кричавшем была полицейская форма, и Джек узнал в нём констебля Дрискоула: крепко сложенный, под шесть футов ростом, он возвышался на пирсе, подобно силосной башне.

— Что надо? — недружелюбно откликнулся он. — Я ничего не натворил...

Констебль шагнул в его сторону, и парень попятился.

— Да не бойся ты, я даже не на дежурстве, — сказал Дрискоул и показал запястье левой руки. Повязки, действительно, не было, и это успокоило Джека.

Почти успокоило...

— Тогда чего хочешь? Говори и проваливай.

Забуть, как они с инспектором Ридли потешались над ним в доме Мейбери было непросто, стыд жёг раскаленным прутком.

Дрискоул понятливо хмыкнул и сообщил:

— Инспектор Ридли велит тебе явиться в управление не позднее трех часов дня. Сказал, чтобы ты подтер сопли и надел свое лучшее платье — вас ожидает аудиенция, — последнее слово он произнес по слогам, не сдержав насмешливой улыбки.

Джеку до зубовного скрежета захотелось съездить по его физиономии кулаком, стереть и эту улыбку, и довольство мнимого превосходства, которым констебль так и лучился.

— Что еще за аудиенция? — спросил он, и незнакомое слово вышло с заминкой. Разозлившись на себя самого, он припечатал в сердцах: — Не собираюсь я ни на какие... аудиенции.

Дрискоул хмыкнул:

— В таком случае инспектор велел передать, что знает, где ты живешь и легко устроит тебе «райскую» жизнь. Выбирай сам, приятель!

Джек скрипнул зубами и огрызнулся:

— Никакой я тебе ни приятель, шпик. А инспектор твой — сволочь...

— Так ему и сказать? — вскинул брови Дрискоул, продолжая лучиться улыбкой. Джек стиснул зубы. — Что ж, так я и думал, — произнес весельчак. — Передам, что к трем будешь!

Потом развернулся и пошагал прочь, насвистывая что-то под нос. Схватить бы комок грязи поаппетитней да запустить ему вслед, но Джек благоразумно решил, что лучше не нарываться.

Туалетный столик Джеку заменяла разболтанная стремянка... Он водрузил на неё тазик с водой, намереваясь хоть отчасти привести себя в должный вид, но боялся, что одной воды будет мало. Из небольшого осколка зеркала на него смотрел тощий парнишка с отросшими

темно-русыми волосами, торчащими во все стороны, с перемазанными щеками и бледно-желтым пятном на весь лоб от едва сошедшего синяка... Вид у него был еще тот, и Джек впервые ощутил что-то вроде стыда за свою неказистую внешность.

Мыло щипалось, но он тщательно вымылся и пригладил пятерней свои волосы, оставшись в целом довольным результатом проделанной работы.

— Куда-то собрался? — полюбопытствовала мать, заметив, как он проходится щеткой по своим дырявым ботинкам. — Неужто на свидание с девушкой?

— Мааам, ну, какое свидание, а? — с укором протянул Джек. — Так, загляну кое-куда...

Миссис Огден понятливо улыбнулась, не допытываясь о большем. В конце концов, мальчик стал совсем взрослым — уже обогнал её в росте — да и умный не по годам, жаль некуда этот ум применить. На фабриках или шахтах ценятся ловкость рук, расторопность... И Джек бы не подкачал, да ей все мечталось о большем.

— Снесешь белье миссис Клифтон на Портагл-стрит? — спросила она.

Джек кивнул.

— Сделаю по дороге. — Подхватил приготовленную корзину и, смущенный, не глядя толком на мать, вышел за дверь.

Шагал, маневрируя между стайками детворы с птичьими клетками и лотками с жареной требухой, между точильщиками, собирателями мусора и девицами легкого поведения, слишком сильно погруженный в свои мысли, чтобы действительно замечать их. Привычная лондонская суতোлка как будто подхватила его и понесла в сторону набережной, к Уайтхолл-Плейс отливной волной — Джек полностью отдался ей, гадая, что за таинственная аудиенция ожидает его впереди.

Заголосил мальчишка-газетчик:

— Загадочные ограбления в Мейфейре: кто станет следующей жертвой неуловимых преступников? — размахивал он утренним выпуском «Вестминстер Ревью». — Куда смотрит полиция? Богатые лорды в панике покидают Лондон.

— Эй, — подозвал Джек мальчишку, — еще одно ограбление? Знаешь, где?

Пострел прищурил глаза, прошепелявив сквозь щербатые зубы:

— Умный нашелся: купи газету и прочитай! — и он выставил перед Джеком ладонь, требуя плату за номер.

Читать у Джека выходило не очень, да и полпенса было по-своему жаль...

— Нашел дурака! — хмыкнул он, сбивая кепчонку с вихрастой макушки.

Разозлившись, мальчишка погрозил ему кулаком и для верности показал язык.

— Балда! — крикнул Джек и вместо газеты купил себе булочку с маслом.

Всякому ясно, что толку от булки больше, чем от газеты — и Джек продолжил свой путь в приподнятом настроении.

В главные двери полицейского управления Джек протиснулся боком, стреляя глазами по сторонам, как будто опасаясь подвоха со стороны пронырливых «бобби». В первый раз он оказался здесь с Мейбери, и ничуть не боялся... Сейчас было иначе.

— Эй, малец, потерял что? — окликнул Джека дежурный за стойкой. — Говори, чего надо.

Джек потоптался на месте, страстно желая дать дёру и больше не возвращаться, но до безобразного жизнерадостный голос констебля Дрискоула окликнул его:

— Вот и ты, Кукольный Мальчик. Идём провожу тебя к шефу!

Джек скривился, услышав подобное прозвище, и, с трудом оторвав ноги от пола, поплелся за широкоплечей фигурой констебля.

— Инспектор, сэр, тут Кукольный Мальчик явился, как вы и просили, — отрапортовал полицейский, заглянув в кабинет шефа.

Тот сидел за широким столом, заваленным грудой бумаг, и что-то быстро писал.

— Пусть входит, — отозвался несколько раздраженно. — Он опоздал на десять минут. — Дрискоул молча кивнул и вышел, оставив Джека с инспектором наедине.

Беседа, начатая с попрека, вряд ли могла закончиться хорошо, рассудил Джек, и покрылся испариной, как в жару. Он уверился вдруг, что его непременно накажут... За что именно, он не знал, но предчувствие захолонуло нутро. Накажут, как пить дать, накажут...

— Надевай вот. — Инспектор указал на сверток с одеждой рядом с собой.

Джек с опаской на него покосился.

— Зачем это? — буркнул он. — Не стану я ничего надевать... Не мое это.

Инспектор Ридли поднял взгляд от бумаг и сурово на него посмотрел.

— А на аудиенцию к Риверстоунам вот в этом пойдешь? — спросил, указав на его залатанную рубашку, посеревшую после многочисленных стирок.

— К Риверстоунам, сэр? — поразился Джек. — Так я вроде как... А зачем? — растерялся он.

— Затем, глупый мальчишка, что мисс Блэки выразила желание самолично отблагодарить тебя за спасение своей жизни... — Тон инспектора красноречиво подразумевал, что сам он отнюдь не считал Джека героем, о чем уже и сказал еще в прошлую встречу

Джек, растерявший все навыки связной речи, замямвшись, кое-как выдал:

— Так я как бы и не... это же вы... прямо в сердце... из окна...

— А то я не знаю! — хмыкнул Ридли с насмешкой. — Только мисс Блэки считает иначе, а ей, видишь ли, видней. Так что брысь переодеваться, да поживее! Высокие господа ждать не любят. — С такими словами он снова углубился в бумаги, давая Джеку возможность переодеться в относительном уединении.

Испытывая мучительную неловкость, тот стянул свои вещи и облачился в обновку. Воротничок новой рубашки, нещадно впивавшийся в шею, пришлось оттянуть двумя пальцами... Ботинки давили. Его как будто зажало в тисках, как несчастный грецкий орех.

— Что ж, вполне сносно, — констатировал Ридли, проведя беглый осмотр. — Только палец-то убери, чай не божий одуванчик — перетерпится.

Джек, всем своим видом изображая мученическую покорность судьбе, послушно опустил руки вдоль тела.

— Вот и славно, малец, — подбодрил инспектор, направляясь к дверям. — Теперь хоть в Сент-Джеймс на прием к королеве.

Так королева его и ждала! Вздохнув, Джек поплелся следом за ним...

У знакомого дома на Гросвенор-сквер всё осталось, как было, только с дверей исчез черный венчик, и Джек, отметив эту деталь, ощутил, как безумно заухало сердце. И дышать стало трудно... Даже в глазах потемнело.

Думал ли он, отираясь у этого дома, что однажды войдет в его двери как гость?

Воротник новой рубашки враз стал в три раза уже, ладони вспотели, в ушах зашумело, как при сильном отливе... Вот бы дать дёру до самого Бентал Грин — и поминай, как звали.

Инспектор Ридли, как будто прочитав его мысли, упреждающе шикнул:

— Даже не вздумай. Тебе оказана высокая честь, прими ее, как полагается.

Как именно полагалось ее принимать, Джек знал так же мало, как знает воспитанная девица о нравах трущоб Ист-Энда, но он всё-таки выпрямил спину и перестал шаркать ногами. Казалось, на каждой кандалы весом в стоун...

— Добро пожаловать, сэр. Леди Риверстоун и ее дочь ожидают вас в Малой гостиной, — поприветствовал их представительный дворецкий в ливрее с золочеными галунами. — Прошу следовать за мной. — И он повел Ридли и Джека через холл, выложенный черно-белыми плитками к мраморной лестнице с позолоченными перилами.

Джек вертел головой, ошалев от обилия картин и зеркал на стенах в красивых, внушительных рамах, от серебряных канделябров, мягких персидских ковров и вазонов с живыми цветами, наполнявших внутренность дома приятным благоуханием, непривычным для обоняния паренька.

Он даже рот приоткрыл, не в силах перестать пялиться и придать лицу толику официоза, полагаящегося при знакомстве с настоящей графской семьей. К счастью, инспектор Ридли, казалось, ничуть окружающим не впечатленный (должно быть, ему не впервой бывать в доме в Мейфере), у двери гостиной ущипнул Джека за руку, и тем самым вернул его на землю с небес.

Джек охнул, скривившись, и потер занывшее место. И едва успел одарить мучителя колким взглядом, как дверь распахнулась, и дворецкий пафосно провозгласил:

— Инспектор Ридли и... — он запнулся, сообразив вдруг, что не знает имени Джека.

— Джек Огден, — услужливо подсказал мистер Ридли.

— ... и Джек Огден, миледи, — заключил тот, пропуская обоих в гостиную.

Миледи Риверстоун и ее дочь сидели у чайного столика в окружении мягких подушек, тонкого мейсенского фарфора и вороха собственных юбок, разложенных аккуратно, как на картине. Джек отметил, что девушка мало походила на мать, вот хотя бы дружелюбной улыбкой, с которой глядела на посетителей. Леди Риверстоун, в отличие от нее, поджала губы так сильно, словно невольно их проглотила... И в глазах ее не было света. И, конечно, она не была даже в половину настолько красива, как ее дочь: при взгляде на мисс Блэгни у Джека екало сердце.

— Рада приветствовать вас в нашем доме, — прозвучал голос миледи. — Прошу, присаживайтесь к столу! — Даже Джек в его близком к протрации состоянии уловил фальшь в голосе говорившей: леди Риверстоун не была рада визиту инспектора и мальчика из трущоб.

Тщательно выверенным движением руки указала на расставленные у чайного столика стулья.

— Желаете чая, инспектор?

— С радостью. Две ложки сахара, будьте добры.

Леди Риверстоун плавно повела головой, что, должно быть, означало кивок и поглядела на дочь:

— Аманда, позаботься о чае для наших гостей, — попросила она, и губы ее снова поджались.

Джек глядел, как руки мисс Блэгни со знанием дела запорхали над заварным чайничком, сахарницей и молочником, и почти перестал ощущать раскаленные угли, на которых сидел вместо стула. Инспектор вряд ли ощущал себя лучше (Джек интуитивно

угадывал это по едва уловимым приметам), но умело это скрывал. Джек этим умением не обладал, и ёрзал на стуле, не находя себе места...

— Я так рада, что вы сегодня пришли, — впервые подала голос мисс Блэгни, передавая инспектору чашку с чаем. — Мне очень хотелось лично поблагодарить вас с мистером Огденом за ту помощь, что вы мне оказали. Вы спасли меня! — с чувством сказала она, глянув на Ридли и Джека сияющими, но и смущенными глазами.

— Я выполнял свой долг, мисс, — отвечивал Ридли безэмоционально. — Как инспектор полиции я обязан блюсти закон и порядок и помогать каждому, находящемуся в беде. Особенно в столь... кхм, неожиданных обстоятельствах.

Аманда кивнула, её мать одарила его неприязненным взглядом. Ей явно не понравилось, что их дочь поставили вровень с остальными лондонцами.

— Какой чай предпочитаете вы, мистер Огден? — обратились к нему глаза девушки. Да с таким явным участием, что парнишка смутился. Никто с такой ангельской внешностью еще ни разу не называл его «мистером Огденом», да если честно, его вообще называли так первый раз в жизни.

— Я... э, на ваше усмотрение, мисс, — прохрипел он, совсем растерявшись.

— Тогда с сахаром и молоком, — улыбнулась Аманда. — И попробуйте наше печенье, миссис Кармоди, наша кухарка, печет его по собственному секретному рецепту. — Казалось, еще чуть-чуть и она ему заговорщицки подмигнет.

— Аманда, — одернула ее мать, — мистер Огден волен сам выбирать, с чем именно желает пить чай.

— Да, мама, — покорно согласилась мисс Блэгни, но Джек поймал ее взгляд, который так и кричал: «Попробуй печенье — тебе точно понравится».

И Джек потянулся к одному из печений, которое, как нарочно, выскальзывало из пальцев, как кусок льда. Совсем красный и потный, он, наконец, положил его в рот и скорей зажевал...

А проглотив, заметил, с каким ужасом и брезгливостью глядит на него миледи Риверстоун.

Он что, сделал что-то не то? Чавкал или, может быть, вымазал рот? Джек пальцами махнул по губам, чем вызвал еще больше ужаса в глазах леди напротив.

Желая понять, что происходит, он поглядел на мисс Блэгни — сдерживая улыбку, она чинно откусила кусочек крохотного печенья, которое Джек и целиком-то едва ощутил на языке, и тут же утерла губы салфеткой, которую Джек до этого даже не замечал.

Так всё дело в правилах этикета! Его никогда таким не учили. Мать частенько твердила: «Не чавкай!», но этим и ограничивалась. Ни белых крахмальных салфеток, ни печений размером с наперсток в их доме никогда не водилось...

— Мой муж, к сожалению, не смог сегодня присутствовать, — нашла нужным поставить в известность хозяйка, — дела вынудили его отбыть из Лондона в Дарем. Надеюсь, вы извините его отсутствие... мистер Ридли, это вышло абсолютно непреднамеренно. — Она демонстративно смотрела лишь на инспектора Ридли, игнорируя Джека. И тот был по-своему ей благодарен...

— Ваш муж занятой человек, мы с мистером Огденом понимаем и извиняем его, — отозвался инспектор.

— Благодарю, — с натянутой полуулыбкой поблагодарила хозяйка.

Было ясно, что никакие дела не отвлекли лорда Риверстоуна от неприятной этой

повинности: он, конечно, пил чай где-то в «Уайтс» и думать не думал ни о Ридли, ни тем более о нищем мальчишке из Уайтчепела. И сама леди Риверстоун согласилась на встречу только благодаря настойчивым уговорам дочери...

Она и сама об этом сказала:

— Моя дочь очень вам благодарна, инспектор... мы все благодарны, — поправилась она спешно, — за то, что вы сделали... Наша признательность безгранична, и не высказать этого было б невежливо.

Ридли изогнул губы в улыбке:

— Благодарите мистера Огдена, леди Риверстоун, — скромно произнес он. — Он тот, кто по-настоящему этого достоин.

Джеку захотелось провалиться сквозь землю, когда названная особа на него посмотрела... и, преодолевая брезгливость, чуть презрительно кинула:

— Да, конечно, мы благодарны мистеру Огдену за участие в судьбе нашей дочери. И хотели бы отблагодарить его скромной суммой... Мой муж... перед отъездом выписал чек. Аманда, — протянула она ладонь.

Девушка тут же вложила в нее белый конверт и сказала, глядя на Джека:

— Спасибо, что были рядом со мной в том... страшном доме. Что поддержали меня... Моя признательность не имеет границ!

Джек покраснел, как помидор, сравнялся цветом с самым спелым из них на рынке в Ковент-Гардене.

— Да я ведь и не сделал ничего толком... — заикаясь, произнес он. — Я как бы и не при чем.

Но девушка горячо возразила:

— Еще как при чем: мистер Ридли обо всем мне рассказал! Не думайте, что я не знаю, что вы сделали для меня.

Джек, действительно, полагал, что ничего особенного, кроме того, что выставил себя дураком, он не сделал тогда; воротник стиснул горло, как пальцы душителя, — перед глазами запрыгали мушки.

К вящей радости Джека, горячность дочери не пришлась леди Риверстоун по нраву, и она, протянув Джеку конверт, поспешила сказать:

— Ваш чек, мистер Огден. Возьмите его и используйте по своему усмотрению!

Джек глядел на белый конверт, но словно не понимал, что именно должен сделать. Инспектор подтолкнул парня в бок, и только тогда, едва не перевернув чайный столик, Джек неловко подался вперед и принял конверт из рук леди Риверстоун.

Она сразу же поднялась, инспектор — следом за ней.

— Мы были рады видеть вас в нашем доме, — чопорно произнесла женщина, искренне и от души лицемеря. — Жаль, не располагаем временем, чтобы вполне насладиться взаимным общением.

— Полагаю, наше сожаление взаимно, — отозвался инспектор. — Дела в управлении требуют моего пристального внимания, а Джек... уверен, он весьма благодарен за проявленную вами щедрость.

С такими словами они вежливо друг с другом раскланялись, и Джек, в последний раз глянув на девушку, поплелся с видом сомнамбулы за инспектором — налитый для них чай так и остался нетронутым.

— Что, так и не заглянешь в него? — осведомился инспектор Ридли, располагаясь на сидении кэба. — Чеки по пустякам, знаешь ли, не выписывают.

Джек знал и потому чувствовал себя только хуже.

— Сами знаете, я этих денег не заслужил, — сказал он и протянул собеседнику примятый конверт.

— Ишь какой принципиальный, — то ли восхитился, то ли насмешничал Ридли.

Но конверт взял и, вытащив чек, даже присвистнул.

Приподнял брови, глядя на Джека.

— Что, в самом деле, нисколечко не интересно? — поддел парня.

И тот не выдержал:

— Сколько?

— Больше, чем ты заслуживаешь! — колко отозвался мужчина и показал ему чек. — Сто фунтов. Целое состояние, если подумать!

Джек даже закашлялся при виде трехзначной цифры под подписью сэра Риверстоуна.

— Это ж... мне столько за всю жизнь не истратить, — выдохнул он. И опомнившись: — Да и не мои они. Это вы спасли мисс Блэгни и разделались с Кукловодом, вот и забирайте эти деньги себе. — С такими словами он отвернулся от чека.

Джек не видел того, но в глазах собеседника мелькнула тень уважения. Взгляд сделался мягче, теплее...

— Послушай меня, — произнес он очень серьезно, — эти деньги мне ни к чему — мне вполне хватает тех семисот фунтов в год, которые я зарабатываю. А потому возьми эти деньги и используй с умом! Ты парень неглупый и при лучшем раскладе сможешь чего-то добиться, главное — цель. Определись, чего хочешь от жизни, и добивайся этого. Эти деньги станут тебе хорошим подспорьем! Можно сказать, тебе выпал шанс... Понимаешь? — Джек кивнул, глядя на свои руки. И инспектор добавил: — К тому же, мисс Блэгни, по всему было видно, старалась только ради тебя. Наверное, твоя черная физиономия впечатлила ее в доме Мейбери! С женщинами такое бывает: они проникаются жалостью почем зря. — И заключил, буркнув под нос: — Никогда не встречал такого щепетильного попрошайки.

Джек вскинулся:

— Я не попрошайка, сэр. Каждый свой пенс я заработал честным трудом...

— Ну-ну, честный ты мой, — поспешил усмирить порыв его праведного негодования инспектор. — Ты и эти деньги заработал по праву. Не зря ведь полз по дымоходу да забирался в окно... Главное, правильно ими распорядиться.

Джек понурился.

— Я ничего в этом не смыслю, — произнес он. — Лучше бы Риверстоуны дали мне соверен, а не эту бумажку. — Он даже не представлял, что делать с чеком. Что вообще с ними делают? Идут в банк и обналичивают? Но как? У Джека не было ни документов, ни представления, как распорядиться такой баснословной суммой.

Ридли, должно быть, прочитал его мысли, но, как водится, усмехнулся:

— На одном-единственном соверене особо не разбогатеешь.

— Шибко надо.

— А ты не тщеславен, как я погляжу.

— Что за слово такое мудреное, — Джек пожал плечами. — Нам бы с матерью в квартирку поприличнее перебраться да питаться получше, вот и все, о чем я мечтаю, сэр.

— Мечта не из худших, — отозвался инспектор, складывая конверт и убирая в

карман. — Но мечтать надо шире! Масштабнее. — И добавил: — Сделаем так, обналичим твой чек и подыщем вам с матерью жилье попримечней. Уже знаешь подходящее место? — Джек кивнул. — Хорошо, это облегчает задачу. Оставшиеся средства останутся у меня, и я приберу их на время... Они твои, Джек, — сказал, посмотрев парню в глаза, — просто я позабочусь об их сохранности. Ты сможешь забрать их в любой момент... Договорились?

Джек наконец-то расстегнул верхние пуговицы рубашки и, вдохнув полной грудью, кивнул.

— Да, сэр, — отвечал он, смущенный, растерянный, сбитый с толку.

— Вот и славно. — Кэб замедлился, скоро остановившись у полицейского управления, и они вышли. — Приходи завтра в полдень, сходим в бант и обналичим твой чек, — сказал Джеку Ридли. А одежду можешь оставить себе. Считай подарком...

Джек поводит шеей в тугом воротничке и с кислым выражением на лице произнес:

— А старую забрать можно? Мне, вроде как, удобнее в ней...

Инспектор изобразил мимикой что-то вроде «неисправим».

И руками развел:

— Твоя воля, Кукольный Мальчик!

— Не зовите меня этим прозвищем, могу не сдержаться, — в сердцах выдал Джек, и пальцы невольно стиснулись в кулаки.

— Мал ты еще с инспектором-то тягаться. Знай свое место, малец! — Инспектор Ридли со вкусом наградил его крепкой затрещиной.

У Джека даже в ушах зазвенело...

Два месяца спустя

Едва минула полночь, а дом на Риджент-стрит пробудил яростный стук во входную дверь... Добропорядочный, тихий район как будто взорвался от взрыва артиллерийской гранаты!

Проснувшись одной из первых миссис Вилсон, экономка инспектора Ридли, чудом нащупав очки, перепуганная, вскочила с постели, следом за ней поднялась единственная служанка, Абигейл Джонсон, — вдвоем, встретившись в коридоре, они отперли дверь и воззрились на виновника ночного переполоха: большого детину в полицейской форме. Его плечи заслоняли собой всю ширину дверного проема...

— Мистер Дрискоул, праведный боже, что за шум вы устроили?! — возмутилась миссис Вилсон, отойдя от первого шока. — Решили в гроб нас свести? Что происходит?

— Мне нужен инспектор, — без экивоков ответил мужчина и, отеснив плечом экономку, вошел в дом.

Тот как раз спускался по лестнице, подсвечивая дорогу свечой. И в ее бледно-желтом, призрачном свете лицо его утопало в глубоких тенях, придававших ему мрачное выражение.

— Что случилось, Дрискоул? — раздался его строгий голос. — Неужели дело не терпит хотя бы до завтрака?

— Боюсь, нет, сэр, дело серьезное. — Констебль понизил голос, чтобы его не услышали женщины. — Ограбление дома на Беркли-сквер. Снова «призраки»... Да только не все так просто, инспектор: очевидцы слышали выстрелы и позвали патрульного. — И после многозначительной паузы: — Беднягу после посещения дома трясет не по-детски. Полагаю, вы сами поймете причину, когда побываете там...

Ридли молча посмотрел на констебля, обдумывая услышанное, потом кинул поспешное: «Дай мне минуту» и поднялся по лестнице.

Констебль Дрискоул, оставшись дожидаться его, привалился к стене и провел по лицу раскрытой ладонью... Казалось, пытался стереть усталость и потрясение. Даже он, привычный ко многому, был поражен увиденным в доме на Беркли-сквер...

Уже в полицейском кэбе по дороге к месту происшествия Ридли поинтересовался:

— Чей дом в этот раз?

— Сэра Уильяма Каннинга, сэра. Он член палаты лордов и является пайщиком железнодорожной компании.

Ридли сжал зубы: с такими труднее всего иметь дело — они свято уверены в своем классовом превосходстве и редко идут на добровольное сотрудничество.

А Дрискоул продолжал:

— Надо заметить, инспектор, что Каннингов этой ночью не было в доме: светский сезон закончен, и они всем семейством отбыли в загородное имение в Сассексе. Полагаю, прознав об этом, «Призраки» и наметили этот налёт.

Ридли спросил:

— Кто, в таком случае, находился в доме?

— Двое, сэра. Дворецкий и горничная. Кухарке и двум другим девушкам дали два дня выходных: если верить дворецкому, привычная практика после отъезда хозяев и генеральной уборки в доме. Ничего необычного, если подумать...

— И? — глянул на констебля инспектор.

— И ничего, сэра, — пожал тот плечами. — Оба — и дворецкий, и горничная — спали у себя наверху... Они проснулись, когда послышались выстрелы, но, перепуганные, оставались сидеть в своих комнатах, пока выстрелы не прекратились. После этого дворецкий спустился и... увидел произошедшее, сэра. Явившийся в дом констебль застал его в сильнейшем волнении... горничную пришлось силой приводить в чувства. У неё случилась истерика!

— Другими словами, показать по делу им нечего?

— Нечего, сэра. Они, как и прочие, слышали выстрелы. Шесть выстрелов, если быть точным, но что именно там случилось, ни один из них не видал. Да, — добавил Дрискоул, — горничная из соседнего дома, маявшаяся бессонницей, как она говорит, сразу же выглянула в окно, но никого ни входящего, ни выходящего из дома напротив не видела.

— Уверены, что это именно «Призраки»? — спросил Ридли.

— Без сомнения, сэра. При них нашли корабельную краску, который те оставляли свой фирменный знак... — Кадык его дёрнулся: — В данном случае не пригодившуюся.

Поведение констебля Дрискоула весьма Ридли интриговало: обычно спокойный, невозмутимый, сейчас он чуть ли не прядал ушами, как пугливая лошадь.

Что случилось на Беркли-сквер? Инспектор выглянул в ночь, продолжая думать о череде ограблений, захлестнувших Лондон в последние несколько месяцев. Из-за своей неуловимости, банду, совершавшую их, прозвали в народе «Призраками»: из тьмы вышедшие — во тьму возвратившиеся. Некоторые даже действительно верили, что те были настоящими призраками, не упокоенными душами, явившимися досаждать богатым снобам с Мейфейра, и сами преступники тщательно поддерживали эту легенду. Например, рисовали некие каббалистические символы на стенах ограбленных ими домов. Сами по себе эти каракули не значили ничего — Ридли привлекал к делу раввина из еврейского квартала —

зато сеяли страх и немалый.

И теперь, значит, вот как...

Еще издали Ридли заметил освещенный в ночи особняк и констеблей, тенями мелькавших на тротуаре и в окнах дома. Кэб остановился у входа, и они с Дрискоулом вошли внутрь...

— Осторожней, инспектор! — предупредил шефа констебль, но опоздал на долю секунды: под ботинком инспектора чавкнула вязкая лужа.

В нос ударил всколыхнувшийся запах застоявшейся крови, тягуче-сладкий, железистый, он, казалось, пропитал само нутро дома. И теперь сделался ярче и злее... Он как будто нашептывал: «Здесь случилось убийство. Здесь пролилась чья-то кровь! Здесь, в самых темных углах, притаились мрачные тени коварного умысла...»

Ридли невозмутимо вытащил ногу из загустевшей, как кисель, лужи и замер, держа ее на весу.

— Я сейчас, — метнулся куда-то Дрискоул и исчез в долю секунды.

Ридли, оставшись один, осмотрелся...

Его не интересовал ни богатый интерьер дома, ни газовое освещение на стенах, ни глядевшие с портретов серьезные лица многочисленных Каннингов — он глядел на кровавые отпечатки чьих-то ботинок на мозаичных плитках пола и на мертвое тело, в кровь которого угодил. Подхватив плащ и закинув его себе на руку, Ридли присел рядом с трупом...

Трупное окоченение еще только начало проявляться, а значит, с момента смерти прошло меньше трех часов, и это лишь подтверждало слова очевидцев.

Пуля попала в голову — мгновенная смерть... Повезло негодяю. Ридли осмотрел руки покойника: синяя краска под ногтями опять же подтверждала идею о «призраках».

Дрискоул прав: и на старуху бывает проруха.

Как раз вернулся Дрискоул.

— Вот, сэр! — Он кинул на пол старое полотенце.

И пока инспектор чистил подошву, задыхаясь от плотного запаха крови, забивавшего ноздри, спросил, глядя на труп:

— Сколько?

— Шестеро, сэр, — понятиливо отозвался Дрискоул. — Двое здесь и трое этажом выше... Желаете посмотреть?

— Полагаю, именно потому я и здесь, — резко отозвался инспектор, погруженный в раздумье, а потому отстраненный. Он всегда становился таким, столкнувшись с трудной задачей, а сейчас перед ним предстала одна из таких. Он, что говорится, чуял носом...

Смердело до дурноты.

— Да, конечно. Сюда, пожалуйста, сэр...

Ридли проследовал за констеблем. От тела к телу они осмотрели каждую жертву, застреленную буквально в упор выстрелом в голову... Стреляли со знанием дела, умело. Ни одной выпущенной впустую пули, каждая — в цель. На поражение.

— Чьи следы здесь, на лестнице? — спросил Ридли, когда они поднимались наверх.

— Дворецкого, сэр. Когда смолкли выстрелы, тот спустился разведать, в чем дело, и не заметил, как наступил в лужу крови... В ту самую, у двери...

— Оружие найдено?

— Нет, сэр. Убийца его не оставил...

— Инспектор... инспектор Ридли! — заголосил в тот момент молоденький констебль,

первым явившийся на место кровавого побоища и теперь державшийся в стороне.

Дрискоул и Ридли обернулись.

— В чем дело, Стивенс?

— Инспектор, — у того затряслась нижняя губа, — в крайней спальне наверху... обнаружился еще один труп.

— Грабитель?

— Нет, сэр, женщина. И очень хорошенькая!

Инспектор Ридли искренне удивился, хотя выразил это лишь бровью, вскинутой вверх...

— Где она? — спросил с напряженным вниманием.

Только мертвых, хорошеньких женщин ему в этом доме и не хватало.

Угловая комната, относительно небольшая и просто обставленная, недвусмысленно указывала на более скромный статус своей обитательницы, относительно остальных обитателей дома. Не служанки, но и не ровне хозяевам дома.

Ридли приблизился к телу, расprostертому на постели, и для верности приложил пальцы к шее покойницы.

Ни единого стука... Мертва.

И судя по начавшемуся окоченению, мертва довольно давно: часов шесть-семь, не меньше.

— Знаете, кто она? — обратился он к Стивенсу.

Тот отрицательно мотнул головой.

— Мы её только вот обнаружили, сэр. До этого в комнату не заглядывали...

Ридли склонился над женщиной: видимых причин смерти не обнаруживалось. Казалось, незнакомка вошла в комнату, прилегла, притомившись, да так и скончалась. Ни с того ни с сего.

Только вот молодые и столь симпатичные барышни просто так не умирают... разве что в редких случаях.

— Пригласите дворецкого и горничную, — обратился инспектор к Дрискоулу. — Надеюсь, им удастся пролить свет на личность нашей покойницы.

Тот вышел и вскоре вернулся с двумя слугами: высоким мужчиной со скорбным выражением на лице и молоденькой девушкой с красным носом и заплаканными глазами. Они вошли с явной опаской, нервно одергивая одежду, глядели на Ридли как зяблики на враньего генерала.

Инспектор окинул обоих внимательным взглядом: ничего примечательного, серые и понурые, они производили жалкое впечатление.

— Томас Джонс, сэр, дворецкий, и Анис Грин, горничная, — представил обоих Дрискоул.

Ридли поманил обоих к себе.

— Подойдите, не бойтесь, — обратился он к ним. — Скажите, узнаете ли вы эту женщину на постели?

Дворецкий подошёл первым и, бросив на покойницу быстрый взгляд, уставился в пол; горничная, с выпученными глазами, даже не глянув на женщину, зашлась в истеричных рыданиях.

— Это Розмари Хорн, компаньонка хозяйки, — произнес Джонс дрогнувшим голосом. — Ее отпустили посетить престарелого дядюшку в Хемстеде; тот, насколько я

знаю, якобы захворал.

— Компаньонка хозяйки? — хмыкнул Ридли. — Как интересно. Что же она делает в доме, если ее отпустили посетить дядюшку? Или она успела вернуться?

— Ей дали три дня выходных, сэр, — ответил дворецкий. — Она отбыла позапрошлым днём! Да и зачем ей возвращаться сюда, если хозяева в Кенте?

Выходило всё интересней и интересней.

Ридли спросил:

— Кто-то видел ее после отъезда?

— Я не видел ее с вечера вторника, — дёрнул шеей дворецкий. — Возможно, Анис...

При звуке своего имени горничная зарыдала отчаянней, и Ридли невольно скривился:

— Если вы не уйметесь, говорить будем в полицейском участке, — пригрозил истеричной девице, и та, утерев лицо фартуком, громко икнула. — Когда вы видели мисс Хорн живой? — спросил он. — И лучше бы вам говорить правду.

Девушка, продолжая икать и давиться невыплаканными слезами, заговорила:

— Мисс Хорн появилась вчера ближе к вечеру, сэр, сказала, хозяйка забыла в доме свой... пеньюар, за которым и велела той воротиться на обратном пути от мистера Хорна. Она выглядела уставшей с дороги, и я приготовила чай, — Анис Грин снова икнула. — Мисс Хорн его выпила, мы перекинулись парочкой слов: она торопилась, боясь опоздать на отходящий в скором времени дилижанс. Но от второй чашечки чая ей сделалось дурно — она, с ее слов, не ела весь день — и, опрокинув ненароком недопитую чашку на платье, огорчилась, сказав, что поднимется в свою комнату переодеться. Мне, мол, ни к чему ее ждать: она сама запрёт дверь уходя. — И служанка, вот-вот готовая опять разрыдаться, с надрывом закончила: — Бедняжка мисс Хорн, мы все так любили её! Она была такой доброй.

Ридли строго осведомился:

— И после этого вы её больше не видели?

— Нет, сэр. Я вернулась к делам в кладовой и провела там всё время до позднего вечера... Когда вышла, мистер Джонс как раз делал вечерний обход, проверял заперты ли двери и окна. Я наспех перекусила, поднялась к себе и легла спать... и проснулась от грохота выстрелов.

— Вы слышали, как ушла компаньонка? — настойчиво спросил Ридли.

Девушка шмыгнула носом.

— Полагаю, что слышала, — пролепетала она, — мисс Хорн прошла через холл — шаги были легкие, женские, не похожие на тяжелую поступь мистера Джонса — и прикрыла дверь. Я слышала, как щелкнул замок.

— Значит, саму мисс Хорн вы не видели?

— Нет, сэр, не видела, — замотала головой Анис Грин. — Только это была, конечно, она... Больше никому.

Инспектор Ридли кивнул молодому констеблю.

— Стивенс, сопроводите мисс Грин на кухню, пусть она покажет вам чашку, из которой пила наша покойница...

Девица охнула и вцепилась в свой фартук, как в спасательный круг.

— Это еще для чего? — испугалась она. — Разве мисс Хорн... не застрелена, как другие? — И снова глянула на покойницу, тело которой, не обезображенное ничем, даже неровно лежащей прядкой волос, само же опровергало это предположение.

— Как вы можете видеть, умерла она не от выстрела, — ответил инспектор. — Я полагаю, ее отравили, — добавил после секундной заминки, и мисс Грин прикрыла округлившийся рот.

— Это не я! — вскричала она, совсем перепуганная. — Зачем бы мне делать такое? Это ж грех какой. Я любила мисс Хорн!

Ридли устало вздохнул:

— Никто и не говорит, что это сделали вы, мисс Грин. Просто проводите констебля на кухню и покажите ему чашку умершей...

Горничная кивнула, всхлипнула и, еле передвигая ногами, поплелась следом за Стивенсом.

Едва они вышли, Ридли повернулся к дворецкому:

— А вы, насколько я понимаю, мисс Хорн накануне так и не видели?

— Нет, сэр, не видел, — отозвался мужчина. — Около четырех я ушел по домашним делам — лорд Каннинг велел сговориться насчет чистки каминов — и вернулся уже поздно вечером. — Он смутился: — Вернувшись, я позволил себе просмотреть утреннюю газету и только потом приступил к вечернему обходу дома, о чем мисс Грин вам и сказала. Около десяти я поднялся к себе и проснулся опять же от выстрелов в доме... Я понял в первую же секунду, что это именно выстрелы — отец служил лесничим в загородном имении лорда Брисбейна — выждал время и, когда всё затихло, вышел из комнаты.

— Вы заметили кого-нибудь в доме?

— Нет, сэр, кроме мертвых грабителей, никого.

Ридли задумался, постукивая пальцем по пуговице своего сюртука.

— Шесть мертвых грабителей и молоденькая компаньонка миледи Каннинг... Какая связь между ними? И есть ли она вообще? — И дворецкому: — Мистер Джонс, можете быть свободны. Вас позовут при необходимости...

Мужчина молча кивнул и поспешно ретировался из комнаты.

Ридли опять посмотрел на покойницу и заметил едва приметные пятна у крыльев носа покойницы... Если её отравили — а всё указывало на это — тогда кто, а главное, почему это сделал? А еще важнее, когда. Ему мало верилось в злонамеренность Джонса и Анис Грин: ни тот, ни другая не показались ему способными на преступление. Да и про мертвых грабителей не стоило забывать...

Так неужели тот же, кто выстрелил в головы негодьям, отравил ранее компаньонку? Абсурд.

Пуля и яд.

Невозможно придумать два более непохожих способа преступления.

— Сэр, вы тоже слышите это? — произнес вдруг Дрискоул, прислушавшись к странному звуку из-под кровати покойницы.

Ридли замер прислушавшись.

Под кроватью как будто дышал перепуганный кролик. Что за чёрт?

Инспектор, переглянувшись с констеблем, откинул свисавший полог покрывала и заглянул в темноту...

— Кукольный мальчик?!

— Джек?

Два восклицания разом слились воедино, когда инспектор выволокнувший из-под кровати упирившегося мальчишку, сумел с констеблем его рассмотреть.

Мальчишка выглядел жалко: перепуганный и несчастный, он большими глазами глядел на инспектора и казалось, вот-вот заплачет, так дрожала губа.

А тот продолжал:

— Ты как здесь оказался? — И, не дождавшись ответа, сделался совсем мрачным: — Только не говори, что подросток, еще недавно похваляющийся своим честным заработком, сегодня опустил до злостного грабежа. — В мгновение ока Ридли ухватил парня за ухо и вздернул повыше, да так, что несчастный забалансировал на носках своих стоптанных туфель, как какая-то балерина.

— Ай-ай-ай, больно же! Оторвёте! — заголосил он пронзительным голосом. — Не виноват я. Нечистый попутал... С горя, сэр. — И почти плача: — Мать третий день как в могиле. Схоронил я её... — И завыл в голос: — Боооооольно же!

Инспектор Ридли выпустил ухо парня. Больше от удивления, чем из жалости.

— Как это мать схоронил? — спросил пораженный. — Было с ней что? Говори.

Джек приложил руку к покрасневшему уху.

— Так чахотка, сэр, — буркнул он. — Больше года её донимала, а после смерти сестры совсем подкосила.

— А доктора что же? — повысил голос инспектор.

Джек втянул голову в плечи.

— Приходил один... — протянул таким тоном, что сразу делалось ясно: толку это не принесло.

Ридли потер пальцами щеки с отросшей за день щетиной. В нём бушевали эмоции, скупо прорывавшиеся наружу...

— Ко мне почему не пришел? — укорил парня, не в силах сдержаться. — Твоих денег хватило бы с головой и на самого лучшего доктора, и на лекарства для матери...

Лицо парня скуксилось, как прогнившее яблоко, и он просипел:

— Так я думал, вы не серьезно тогда... Только для вида сказали.

Пальцы инспектора Ридли стиснулись в кулаки, подражая его же крепко сжатым зубам. Джек невольно ссутулился, памятуя о тяжелой руке собеседника: от его затрещин ломило затылок. А уж от целого кулака...

Мужчина, если что и заметил, вида не подал: повернулся к Дрискоулу и спросил

— Сэра Каннинга оповестили о случившемся в его доме?

— Нарочный отбыл еще с час назад, сэр, — отрапортовал констебль. — Уже, должно быть, на месте.

Ридли кивнул и, разжав кулаки, ухватил Джека за правое ухо, глядя ему прямо в глаза:

— Отродясь не встречал более полного идиота, чем ты, — процедил с таким явным презрением, что мальчишку проняло до костей. Стало обидно, и больно, и страшно одновременно... Сердце забилося у горла испугнутой птицей. Задрожала губа...

— Простите, сэр, — пролепетал он совсем жалким голосом.

И Ридли, как бы удовлетворившись унижением парня, выпустил его ухо:

— У матери своей мёртвой прощения просить будешь... а мне о случившемся расскажи. — И пригрозил: — Да поживее! Пока я тебя в застенке-то не сгноил, крысёныш ты мелкий.

Джек испуганно задышал, словно та самая крыса, загнанная в угол, и, шмыгая перемазанным носом, заговорил:

— Случайно всё вышло, сэр, я даже не думал... Сидел как-то на берегу, размышляя о

жизни: о том, что один я остался на весь белый свет (мать накануне свезли на погост), а тут эти... рыжий Джо и ребята. В округе все о них знают: те воровством и другими делишками промышляют. Но я с ними не связывался никогда... Мать строго-настрого запрещала. А тут Джо меня заприметил: «Эй, мелюзга, подзаработать не хочешь? Дельце непыльное, а прибыток отменный», — обратился ко мне. — Джек запустил пальцы в волосы и взлохматил их хорошенько. — Я с дуру и согласился. Подумал, деньги завсегда пригодятся... Заработаю да уеду куда. Вот хотя бы в Ньюкасл...

— В Ньюкасл? — усмехнулся инспектор. — Ты ж лондонская крыса, Кукольный мальчик, такие, как ты, не уезжают — так и сдыхают на этой зловонной помойке.

— А я бы уехал, — категорично заявил Джек. — Опостылело всё... вот тут, у самого горла, сидит, — и поводит по шее ребром ладони.

Ридли хмыкнул, недоверчиво, издевательски.

— Дальше что было? — вернулся к рассказу.

— А дальше велено было лицо сажей намазать и ждать у Лондонского моста в условленный день. Мол, дельце непыльное: в окно дома протиснуться да дверь им открыть. Делов почти никаких, я даже запыхаться не успею.

— И что, запыхался?

— Не пришлось, сэр, — насупился парень, опуская глаза. — Мы, когда к нужному дому-то подошли — темно было, что в Вудлендской шахте: ни зги не видать — Джо меня сразу к окну поволок, сказал, что щеколда там хлипкая, от одного усилия спрыгнет... И тут глядь, дверь заднего хода стукнула на ветру. Мы даже опешили...

— Хочешь сказать, дверь заднего хода оказалась открыта? — удивился инспектор.

— Именно так, сэр. Открыта. Как будто нарочно для нас: заходи и бери, что хошь... — Джек плечами пожал: — Так мы и сделали: подозвали ребят и вошли. В доме тихо было, что в склепе... Только часы где-то тикали. Парни развеселились, мол, бог грабежа благоволит к своим «призракам»... Только тогда я и понял, с кем на самом деле связался.

— До этого не понимал? — ожег его взглядом Ридли.

Джек с горячностью вскинулся:

— Не понимал, сэр, клянусь памятью матери, не понимал.

Инспектор головой покачал:

— Дальше что?

— А дальше парни принялись мешки набивать. Подрядили меня помогать им... На второй этаж потащились. Я как чувствовал, неспроста это всё: дверь открытая, тишина гробовая... Это как в мышеловке, сэр: бах — и накрыло тебя! — Джек замолчал, припомнив произошедшее, и губа его снова предательски задрожала. — Мы как раз в спальне хозяев вещички сгребали, когда прозвучал первый выстрел... — продолжал он. — Оглушающего-громкий среди тишины! Моё сердце чуть наружу не выскочило. А Джон как заорет: «Что за черт, я запретил брать с собой огнестрел! Хватило нам прошлого раза». «Мы и не брали, — отозвался парень по имени Грег, — пойду разведу, что к чему. По любому сваливать надо, пока шпики не набежали». А тут снова выстрелы... раз... другой... третий... Мы выскочили из комнаты и понеслись к лестнице, — Джек сглотнул, — а на ней... призрак, сэр, самый что ни на есть настоящий: две ноги, а голова как у зверя... И рычит по-звериному! Увидел нас и вскинул руку с оружием... Рыжий Джон и понять ничего не успел, а тот снес ему пол лица... Меня брызгами обдало.

Теперь стало понятно, отчего лицо Джека пятнистое, что яйцо куропатки, и одежда под

стать общему виду.

— Дальше, — скомандовал Ридли

— А что дальше? — вскинулся паренёк. — Меня такой ужас сковал, что я не сразу нашёлся что делать: бросился наутёк, ворвался в первую комнату без разбору, забился под кровать да так и лежал под ней, пока вы не выволокли меня.

— И «призрак» за тобой не последовал? — осведомился Ридли.

Джек обхватил свое тощее тело руками и затрясся, как при ознобе.

— Я слышал, как он проходил мимо комнаты... дважды. Подволакивал ноги как пьяница... и что-то бубнил себе под нос.

— Подволакивал ноги? — ухватился за его слова Ридли. — То есть призрак был вовсе не призраком, а простым человеком, таким же, как ты или я?

Джек замотал головой.

— Не знаю, сэр. От страха у меня в голове помутилось — мог и ошибиться.

Ридли задумался над рассказом парнишки: сплошная мистика, как ни крути.

Снизу послышались голоса, топот нескольких ног и поверх всего властный голос, вопрошающий:

— Где ваш начальник? Проводите меня к нему. Хочу знать, что здесь случилось!

Ридли мгновенно оценил ситуацию...

— Дрискоул, отведите мальчишку на кухню, — обратился он к подчиненному. И самому Джеку: — Не вздумай сбежать. Хуже будет!

В тот же момент в комнату ворвался высокий мужчина в крагах и стеклом в руке. Его породистое лицо не оставляло сомнений в том, кто перед ними.

— Что творится в моем собственном доме? — гневно осведомился он. — Я хочу знать... — он запнулся на полуслове, заметив мертвое тело мисс Хорн. — Боже, — его гневливость слетела, словно плохо подогнанная маска, — Розмари... Хорн... Что с ней? — он подался вперед... и замер.

— Мертва, — невозмутимо отозвался инспектор. И для проформы осведомился: — С кем имею честь говорить?

Мужчина, не отводя потрясённого взгляда от мертвой девушки, отозвался:

— Сэр Уильям Каннинг, хозяин этого дома.

Ридли кивнул и тоже назвал, однако новоприбывший едва ли слышал его слова...

— Как она умерла? — вопрос Каннинга прозвучал с надрывом, но твердо. Привычка держать лицо, скрывая эмоции, давала о себе знать...

— Трудно сказать наверняка, — отозвался инспектор Ридли, — однако я полагаю, что мисс Хорн была отравлена...

— Отравлена? — повторил мужчина. — Но почему? И кем? Кто мог решиться на такое, — он запнулся, подбирая верное слово, — злодеяние... Мисс Хорн была чудной девушкой! Насколько я знаю, никто не держал на нее зла.

Ридли многозначительно кашлянул в кулак.

— Простите, сэр Каннинг, но я вынужден задать вам вопрос...

Каннинг, сделав резкий разворот к говорившему, предупреждающе свел брови на переносице.

— О чем вы хотите спросить меня, инспектор?

Вот, с этого всегда все и начинается, подумалось Ридли, с трудом удерживающему вежливое выражение лица.

— Мисс Хорн, — начал он с осторожностью, — являлась компаньонкой вашей жены, насколько я знаю...

— Все правильно, так и... было, — запнулся было он. — Что-то еще?

И Ридли с особенным ударением произнес:

— Мисс Хорн была не только компаньонкой вашей жены?

Лицо его собеседника вспыхнуло.

— На что вы намекаете, инспектор?!

— Вы знаете, о чем я, сэр Каннинг, — отозвался тот с готовностью, — и будет лучше, если мы перестанем ходить вокруг да около... — А потом спросил напрямую: — Связывали ли вас с мисс Хорн нежные чувства? Вы симпатизировали друг другу?

Каннинг, сверкнув глазами, заговорил с высокомерным апломбом:

— Мисс Хорн была дальней родственницей моей первой умершей жены, и потому, когда девушка оказалась в затруднительном положении и обратилась ко мне за помощью, я не посмел ей отказать... — И пояснил: — Моя нынешняя супруга крайне болезненная, подверженная мигреним женщина, и она решительно нуждалась в ком-то надежном, способном позаботиться о ней в любой момент дня и ночи — мисс Хорн подошла для этого идеально. Более высоконравственной и достойной девицы и найти было бы сложно... Поэтому, да, я симпатизировал мисс Хорн, вот только не в том извращенном смысле, на который вы столь дерзко мне намекаете, инспектор.

Ридли склонил голову, как бы признавая свою ошибку.

— И все же мисс Хорн мертва, — произнес он. — Как мертвы и те шестеро грабителей, что пали жертвами бесплотного духа с головой животного... и револьвером в руке, который, если верить случайному свидетелю, ни разу не промахнулся. — И заключил: — Не хотите ли поведать, как вам удалось в столь короткий срок добраться из Сассекса в Лондон? Нарочного с оповещением о случившемся отправили чуть более часа назад.

Мужчина извлек из кармана сложенный листок бумаги и протянул его собеседнику.

— Анонимное письмо, — пояснил он. — Можете прочесть. Я получил его этим вечером и сразу же отправился в путь, я и два моих спутника... К сожалению, сильнейший ливень задержал нас в пути, и мы были вынуждены переждать его в таверне на северной дороге. Именно потому мы и не сумели прибыть вовремя... — И в задумчивости: — Быть может, не задержись мы в пути, мисс Хорн все еще была бы жива...

Ридли покачал головой.

— Девушка была мертва еще до начавшейся перестрелки в доме. Полагаю, оба эти преступления могут быть никак не связаны между собой... хотя... сказать однозначно в данном случае невозможно.

— Не думаете же вы, что мисс Хорн как-то связана с этими преступниками? — возмутился Каннинг с горячностью. — Она бы никогда...

Инспектор Ридли никак на это не отозвался, молча пробежав анонимное послание глазами.

— Вы не узнаете почерк? — спросил он собеседника, и тот отрицательно мотнул головой, произнеся:

— Бумага дешевая, почерк корреспондента достаточно коряв, чтобы предположить в нем представителя низшего сословия... Единственное, я не понимаю, зачем? Поначалу я думал даже, что это шутка и не хотел принимать написанное всерьез, но мои друзья убедили меня не отмахиваться от сообщения и самолично убедиться в его несостоятельности. Жаль,

мы не успели вовремя, — Каннинг коснулся кармана своего сюртука, в котором Ридли безошибочно угадал наличие оружия. А потому он спросил:

— И что бы вы сделали, явившись точно в срок и застав грабителей за работой?

Сэр Каннинг гордо вскинул голову.

— Полагаю, всадил в мерзавцев определенное количество пуль, как сделал бы каждый добропорядочный человек, заставший вора за расхищением собственного имущества.

Ридли не удержался от легкой улыбки:

— В какой таверне, вы говорите, пережидали недавний ливень?

Каннинг, против обыкновения, остался нечувствителен к непристойным намекам безродного инспектора — он даже улыбнулся в ответ.

— Если бы я убил этих людей, инспектор, — произнес он абсолютно спокойным голосом, — то не стал бы разыгрывать весь этот спектакль... Они были преступниками, за убийство которых никто бы не осудил меня.

Ридли посмотрел на него в упор... и оба поняли друг друга без слов.

— Меня не было в городе, — только и произнес Каннинг, — можете расспросить каждого в моем поместье, да и в таверне на северной дороге тоже. Мисс Хорн я также не видел с минувшего вторника — она гостила у дядюшки в Хэмстеде. Я даже не понимаю, почему она оказалась в доме...

Ридли услужливо пояснил:

— Ваша супруга попросила ее прихватить позабытую было впопыхах сборов вещь.

— О Боже! — только и выдохнул мужчина. — Я не знал этого.

Его высокий, испещренный морщинами лоб, покрылся болезненной испариной.

— Я должен присесть... и лучше бы не в этой комнате, — произнес он уставшим голосом. — Пройдемте в мой кабинет... Капелька бренди не повредит ни одному из нас.

— Я на службе, — отозвался на это Ридли, и Каннинг усмехнулся:

— Мы никому об этом не скажем. — Потом вышел за дверь и молча проследовал мимо мертвого тела на лестнице...

Джек глотал обжигающе горячий чай и незаметно смаргивал нет-нет да наворачивающиеся на глазах слезы...

Разнюнился.

Раскис, хуже девчонки!

А ведь сам виноват: позарился на легкие деньги, решил, что загребать жар чужими руками в принципе возможно...

Невозможно — убедился на собственном опыте. Горьком... с привкусом тюремной затхлости.

Что если инспектор Ридли запрет его... да и почему бы ему этого не сделать, Джек его разочаровал. Было видно по глазам...

Парень шмыгнул носом и подумал о матери: та выросла на ферме в Норфолке, и вместе с терпким землистым запахом полей впитала в себя простую истину о честной жизни и труде, взаимосвязанных друг с другом, подобно иголке с ниткой. Сама она так и делала: трудилась и ни разу в жизни не позарилась на чужое... Тому и детей своих учила. Оттого так и положила Джека мысль о свершенном деянии — не стоило ему нарушать материнских заветов.

Сам виноват.

Сам и ответит... быть может, головой.

От этой мысли снова захотелось реветь; к счастью, на кухню вернулась Анис Грин, и Джек мужественно сдержался. Мужчины, как известно, не плачут...

Та молча поставила на стол тарелку с печеньем и присела на противоположный от Джека стул. Ее чашка с чаем почти остыла, но та словно не замечала этого...

— Так ты один из них? — спросила она наконец, когда их обоюдное молчание стало уж совсем тягостным. — Из грабителей?

Джек тяжело сглотнул.

— Я сам по себе, — пробубнил он негромко, толком и сам не зная ответа на заданный ему вопрос.

— Угу, — отозвалась горничная, кинув на него мимолетный взгляд — казалось собственные мысли занимают ее сильнее ответов собеседника. И ее последующие слова лишь подтвердили это предположение: — Мне теперь весь дом мыть придется, — вздохнула она. — Столько кровищи... Все полы затоптали, особенно этот инспектор постарался. — И с надрывом: — А еще мисс Хорн... — слезы так и брызнули из ее глаз. — Бедняжка!

Чужое горе как будто бы утишило собственную бурю в груди парня, и он решил утешить убитую горем девушку:

— Ты, наверное, очень любила эту леди, — произнес он, — мне жаль, что с ней такое произошло...

Анис Грин в тот же момент фыркнула:

— Тоже мне леди сыскалась! — И даже слезы ее унялись: — Если уж ей нужда была на жизнь себе зарабатывать, то, зная, ничем она не лучше меня... Хотя нос задирала, что та королева. Анис то, Анис се... — И с вызовом заключила: — И ботинки она коричневые носила! При этом любой тебе скажет: ни одна добропорядочная леди не позволила бы себе подобного безобразия.

Джек совсем растерялся от подобного выпада, не зная, что и ответить — нахохлился, словно дворовый воробей да отхлебнул от сочащейся паром чашки. И только минутой позже с осторожностью поинтересовался:

— Так, значит, мисс Хорн вовсе не была идеальной? Верно, слуги ее не очень любили...

— А что ее любить?! — вскинулась Анис. — Она никогда не скрывала, что не собирается вечно в компаньонках-то ходить: мечтала выскочить замуж... да не за кого-нибудь, а за самого лорда...

— Небось на хозяина глаз положила? — прикинулся дурачком парень. — Знаю я таких вертихвосток.

Девушка задумалась.

— Всяко может быть, только хозяин-то родственником ей приходился по первой жене... седьмая вода на киселе.

— Значит, сами вы ничего такого не замечали?

— Может, да, а может, и нет, — неопределенно отозвалась горничная, вскакивая со стула. — Мне ж каминами надо заняться, негоже зря время-то с тобой тратить. — И вышла за дверь.

Джек остался один. Остатки чая в горло не лезли...

Сбежать бы... выскочить за дверь и бежать до самого Барнстона... навряд ли инспектор Ридли нашел бы его после этого, вот только что-то удерживало Джека от подобного шага, и он опасливо выглянул за дверь...

Любопытство торкнуло его в спину, подобно вражескому тарану, а замолкший было голос отчетливо произнес: «иди».

И Джек пошел: сначала до лестницы, а потом вверх... мимо расprostертого с выражением ужаса на лице рыжего Джона... Мертвого. С пулей посреди лба. Снова припомнилась сцена на лестнице, от которой его пробрала предательская дрожь, и потому остаток пути парень проделал чуть ли не бегом...

Из комнаты слева по коридору раздавался голос инспектора Ридли, и Джек, подкравшись к дверям, прислушался к его словам:

— Я тоже не склонен верить в подобное, — говорил тот уверенным голосом, — призраков, как известно, не существует, а потому убийца с головой зверя представляется мне скорее вымыслом перепуганного разума, нежели реальным свидетельством, на которое стоило бы положиться.

Его собеседник, лорд Каннинг, со знанием дела присовокупил:

— Однако этот «призрак» отлично владеет оружием... такое умение не приходит в одночасье.

И Ридли поинтересовался:

— В доме имеется оружие?

— Конечно. Помимо прочего, здесь, в кабинете, у меня хранится набор дуэльных пистолетов... — Послышался звук отодвигаемой задвижки одного из шкафов, а потом удивленное: — Их здесь нет. Ничего не понимаю.

Ридли кликнул:

— Стивенс, проверьте мешки с награбленным, возможно, в одном из них найдется ящик с дуэльными пистолетами. Принесите его сюда...

Джек юркнул за ближайшую дверь — чужие комнаты нынче пугали его сверх всякой меры. От одной мысли, что он больше часа пролежал под кроватью со стылым трупом, его уже передергивало от ужаса...

Шаги констебля Стивенса, протопавшие дальше по коридору, раздались в обратном порядке, и Джек сквозь неплотно прикрытую дверь услышал его голос:

— Вот, сэр. Лежало в одном из мешков, как вы и сказали.

Секундная заминка, а потом констатация голосом лорда Каннинга:

— Одного не хватает. Я только на днях просил своего камердинера привести пистолеты в порядок... и они оба были на месте.

— В таком случае, вполне резонно предположить, что грабители были застрелены именно из вашего пистолета, сэр Каннинг, — произнес инспектор Ридли, рассматривая, как предположил Джек, оставшийся пистолет. — Не хватает помеченного вторым номером. — А потом: — Это ведь пистолет Кухенрейтера, если я не ошибаюсь?

Джек этого не видел, но голос лорда Каннинга заставил его предположить определенную долю смущения:

— Вы правы. Сделаны на заказ. И это скорее спортивное оружие, нежели дуэльное, если вы на это намекаете, инспектор! Могу вас заверить, я свято блюду запрещающее дуэли постановление парламента...

Хлопнула крышка дуэльного ящика с пистолетами, и Джек, движимый мальчишеским любопытством перед опасной «игрушкой», выбрался из своего укрытия и заглянул в комнату к беседующим мужчинам... тут-то его и поймал за ухо констебль Дрискоул.

— Что ты здесь делаешь, шалопай? — грозно осведомился он. — Разве инспектор Ридли

не велел тебе ждать на кухне? Ну-ка, пшел вниз, пока ухо не оторвал...

— Дрискоул, постойте. — Ридли окинул Джека таким строгим взглядом, что у того сердце зашлось: засадит, как есть засадит... — Хочу попросить вас об одолжении...

Констебль выпустил ухо Джека и подобрался.

— Конечно, сэр. Все, что угодно...

И Ридли произнес:

— Отвези паренька на Риджент-стрит. Пусть миссис Вилсон присмотрит за ним до моего возвращения...

Дрискоул выпучил глаза — Джек бы расхохотался, не будь ему слишком боязно от мысли о некоей миссис Вилсон, вынужденной присмотреть за ним до возвращения инспектора. Кто она вообще такая?

Только бы не матрона из работного дома...

Джек тяжело сглотнул и взглянул на мужчину почти жалостливо: «не надо». Но тот уже стоял в пол оборота и кинул почти неприязненно:

— Сбежишь — шкуру спуцу. Пеняй потом на себя!

И Дрискоул крепко схватил Джека за руку.

Поднятая с постели миссис Вилсон хлопотала на кухне, одним глазом то и дело косясь в сторону Джека — тот шелушить горох.

Пухлая домоправительница со страдальческим выражением лица переняла на себя роль надсмотрщицы над тощим мальчишкой... Констебль Дрискоул просто-напросто не оставил ей выбора: сбыл того с рук на руки, словно ненужный товар, и был таков, и ей вот, мучайся вопросами...

Кто таков этот оборванец и почему хозяин решил привезти его в свой дом?

Не прибьет ли этот шалопай ее на собственной кухне и не удерет ли с серебряным сервизом, на полировку которого положено столько времени и сил?

Один из вопросов она все-таки решила озвучить:

— Откуда ты знаешь инспектора Ридли? Надеюсь, ты хоть не душегуб какой, — сказала и сама же испугалась, прикрыв рот пухлой ладошкой.

Джек улыбнулся. От всего сердца. Впервые за последние дни...

— Так работаем мы вместе, — сказал он, распрямив поникшие плечи. — Он без меня, как без рук... Я его наипервейший помощник в любом расследовании.

Домоправительница недоверчиво хмыкнула и подтолкнула к нему тарелку с ломтем хлеба и сыром.

— Врать-то ты мастак, я погляжу, — сказала она при этом. — Ешь лучше, иначе смотреть тошно: того и гляди переломишься, что та соломинка.

Джек надкусил предложенное лакомство, пожевал, потом незаметно рассовал по карманам оставшиеся куски и бодро вскочил со стула:

— Мне бы по-маленькому сходить... Очень хочется!

Миссис Вилсон недовольно сморщилась, решая трудную для себя дилемму: отпустить парня боязно: вдруг сбежит, но и запретить ему облегчиться было нельзя. Наконец, она махнула рукой — и Джек выскочил за дверь, радуясь предстоящей свободе...

Ридли, конечно, запретил ему выходить из дома, но того все еще не было, а он, Джек, обернется в считанные минуты... Только отыщет Старого Джима, что вечно колесит на своем кэбе в районе Беркли-сквер, да задаст ему пару вопросов.

Шелушить горох Джека все равно никогда не нравилось...

Старый Джим, которому на самом деле едва ли исполнилось больше тридцати, отыскался довольно скоро, и Джек вскочил на облучок, протягивая тому кусок припасенного хлеба с сыром.

— Угощаешь? — хмыкнул тот.

— А то, — Джек с хитринкой ему улыбнулся. — Сегодня я добрый. — И, как бы между прочим, поинтересовался: — Как жизнь? Что нового расскажешь?

Джим задумался, шумно пережевывая предложенное лакомство.

— Убийство на Беркли-сквер, слышал? — произнес он наконец. — Да не одно — целых шесть. — И совсем тихо: — Говорят, банду Рыжего Джо положили... Всех, как одного.

Джек изобразил удивление, и Старый Джим удовлетворенно осклабился.

— Вот ведь подсобил кто-то шпикам, скажи? Всю банду разом перестрелял...

И Джек, понизив голос, поинтересовался:

— Так это они богачей грабили?

Собеседник глянул на парня с насмешливым превосходством.

— С луны что ли свалился, парень? Всяк знал об этом, ну ты даешь. — И заключил: — Поминки сегодня будут. В пабе на Флит-стрит. Приходи, коли хочешь... — Он положил в рот последний кусок, а Джек поспешил сказать:

— А девушка... слышал, там и девушку мертвую нашли...

Джим пожал плечами.

— Говорят. — И насупился: — Если это та выскочка с замашками леди, то так ей и надо... Сама, верно, напросилась.

Джек встрепенулся, подобно боевому коню, услышавшему зов трубы:

— Так ты ее знал? Ого. И как? Скверная девица?

— Отвратительная, — подтвердил мужчина, почесывая затылок. — Вечно строила из себя невесту что. Я ее вчера от Бартлетт-корт вез, подхватил у аптеки... Она мне еще полпенса задолжала, мол, я, говорит, на таких, как она, и без того наживаюсь сверх меры. Стерва высокомерная! — и сплюнул на мостовую.

— И с тех пор ты ее не видел? — поинтересовался парнишка.

Джим глянул на него с подозрительностью:

— А тебе про что? Ты случаем не свистун?

Джек подорвался с сидения и прыгнул на мостовую.

— Скажешь тоже, — отмахнулся он. — Любопытно просто. — Потом махнул на прощанье рукой и сиганул в сторону Бартлетт-корт — упустить такую ниточку было нельзя. А инспектор, глядишь, еще и не хватился его... А если и хватился, так еще спасибо скажет, когда Джек ему нужную информацию предоставит — вдруг после этого еще и отпустит его... с деньгами.

И сам над собой рассмеялся... Вот ведь дурак, все еще в чудеса верит!

Быстрый бег выветрил странные мысли из его головы, и когда колокольчик над дверью аптеки тревожно тренькнул, Джек, изобразив из себя эдакого матерого волка, вальяжно облокотился на аптечный прилавок... Склянки с лекарствами вдоль стены буквально зачаровали его, и он нехотя оторвался от их созерцания, переключив внимание на тощего аптекаря в маленьких очочках.

— Чего тебе, парень? — осведомился тот не самым приветливым голосом. — Лакрицу мы нынче не продаем.

Джек усмехнулся:

— Да я вроде как не в том возрасте. — И поинтересовался: — Говорят, у вас вчера леди одна отоваривалась... черноволосая, красивая очень, — он вызвал перед глазами лицо мертвой девушки и тяжело сглотнул. — С родинкой над верхней губой...

Мужчина нахмурился.

— Тебе зачем? Что с этой девицей не так?

— Да так все, — отмахнулся парнишка, и как бы поверяя доверительную информацию, добавил: — Муженек ее ищет. Денег обещал приплатить, если найду...

Аптекарь многозначительно глянул сначала на прилавок, а потом — в сторону Джека... Тот покачал головой.

— Слушай, — возмутился он, — так я ж ее еще не нашел. — И как бы сдаваясь, полез в карман за монетой: — Ну ты и жлоб, — посетовал он, с жалостью расставаясь с последними сбережениями, — вот, у меня только трехпенсовик. Больше нет ничего!

И аптекарь невозмутимо произнес:

— В Темзе ищи свою дамочку, парень. Она вчера за содой приходила, смекаешь? — смахнул монету в задвижку и весело хохотнул.

Джек ничего не понял, только и произнес:

— Чего? — И тощий аптекарь прибег к красноречивому жесту, изобразив руками огромный живот.

— Да обрюхатили твою дамочку, парень, вот, верно, она и решила убедиться так ли это... Сода тому вернейший подсказчик. Смекаешь теперь?

Теперь Джек кивнул головой. Суть-то он понял, а вот частности...

— А как это?.. — начал было он, только колокольчик над дверью снова пронзительно тренькнул, впуская нового посетителя, и аптекарь сурово прикрикнул: — Иди уже. Работать мне надо... — И Джек, абсолютно сбитый с толку, выскочил за дверь.

Августовское солнце палило во всю: в распаленном жаром воздухе витал запах несвежей рыбы, цветочных духов, прогорклого масла и... ежевики. Джек постоял, принюхиваясь к странному сплетению разрозненных ароматов, а потом неторопливо побрел вдоль уличных ларьков, размышляя о разговоре с аптекарем. Вот ведь, тощий, как жердь, а последние три пенса у него вытянул...

Вывернув карман, Джек выскреб последние крошки от припрятанного было хлеба, и в очередной раз повторил: «вот сейчас и беги, куда подальше», и даже оглянулся, когда отчетливый голос произнес: «Ты ведь не трус, Джек. Обещал, так держи слово!»

Он мотнул головой. Подумаешь, пообещал инспектору не сбежать из города — слово нищего оборванца мало что значит, если подумать. Вот возьмет и сбежит...

Прямо сейчас...

Джек рефлекторно дернулся, заметив вдалеке двух полисменов в форме: неужели его ищут? Да нет, много чести... да и времени немного прошло. Хотя с этой пухлолицей домоправительницы станется поднять переполох раньше времени.

Джек еще с секунду постоял, раздумывая над своим шатким положением, а потом побрел в обратном направлении... к дому на Риджент-стрит.

— Явился, голубчик! — миссис Вилсон посмотрела на Джека с плохо скрываемым раздражением и покрепче перехватила кухонное полотенце. Парень некстати подумал, что в руках экономки оно похоже на опасное оружие, и когда скрученное в жгут то, с шумом

врезав воздух, огрело его по спине, парень скаканул в другой край кухни с болезненным вскриком.

— Послушайте, больно же! Держите себя в руках. Я ведь вернулся... Не злобствуйте!

И женщина сделала шаг в его сторону:

— Вернулся, говоришь, шельмец окаянный! Ух я тебя... — И позвала громким голосом:

— Абигейл, зови хозяина! Скажи, беглец объявился. Да поживее, пока он снова не убёг!

— И никуда я не убегу, — возразил ей парень, одаривая экономку широкой улыбкой. —

Если уж вернулся, то тут и останусь... Вот.

В этот момент на кухне появилась высокая фигура инспектора Ридли, который мгновенно оценил ситуацию, и кончики его усов странно дрогнули... В неодобрении, подумала миссис Вилсон. К нагоняю, решил Джек...

На самом деле инспектор Ридли внутренне улыбнулся.

— Вернулся, значит, — произнес он нейтральным голосом. — Ну-ну... — И уже в сторону экономки: — Спасибо, миссис Вилсон, вы прекрасно справились с возложенной на вас миссией. — И поманил Джека за собой.

Оставшись одна, недоглядевшая за парнем экономка тяжело выдохнула: мистер Ридли был хорошим хозяином, и терять доброе место из-за уличного мальчишки ей совсем не хотелось... К счастью, пострел вернулся — а уж как хозяин глянул на нее, узнав, что паренька нет в доме, как глянул... Чуть не прожег насквозь. Даже страшно стало! Чур ее, еще раз пережить подобное...

Ридли между тем провел Джека в свой кабинет и присел за рабочий стол, аккуратные стопки бумаг на котором внушили его визави благоговейный трепет, как при посещении церкви.

— Сейчас ты расскажешь мне обо всем случившемся этой ночью, парень, — мужчина положил перед собой белый лист бумаги. — Я желаю знать каждую мелочь, которая только может прийти тебе в голову... Говори, как есть, и только попробуй меня обмануть.

Джек, так и оставшийся стоять посреди комнаты, переступил с ноги на ногу.

— Сэр, я не просто так ушел...

Но Ридли перебил его строгим:

— Я буду записывать каждое твое слово. Начинай!

И Джек, скрепя сердце, начал излагать события прошедшей ночи... Вспоминать их не хотелось — от ядреного запаха крови у него до сих пор ком в горле стоял! — но Ридли был непреклонен, и Джек рассказал обо всем, даже о том, что узнал от старого Джима — банда рыжего Джона и была пресловутыми «призраками», о которых говорил весь Лондон. Инспектор отмахнулся:

— Это мы и без твоего знаем, припозднился ты со своими откровениями, парень. — А потом строго припечатал:

— Я велел тебе носа из дома не высовывать, велел сидеть и помалкивать, а ты что, обманул миссис Вилсон... меня обманул... и сбежал. Я был о тебе лучшего мнения, Джек, даже после этой ночи я был о тебе лучшего мнения. А теперь...

— Сэр, — слезы вскипели в глазах Джека, подобно молоку на плите нерадивой хозяйки, и он с трудом справился с ними, смаргивая непокорную влагу: — Я вовсе не думал сбежать. Я бы не стал, вы же знаете... Я только помочь... просто помочь хотел, — Джек утер нос рукавом своей рубашки.

Но Ридли его слезы, казалось, нисколько не тронули, и он тем же строгим голосом

продолжил:

— Ты участвовал в этом ограблении, парень, ты такой же вор, как и они, понимаешь?

— Сэээр, — жалостливо протянул Джек.

— В глазах общества ты ничем не лучше этих заматеревших в своих грехах преступников, — продолжал тот свою отповедь. — Стоит мне только слово сказать, и тебя вздернут без суда и следствия... Станешь козлом отпущения! Хочешь?

Джек тяжело сглотнул — ему показалось, что пеньковая веревка уже стянулась узлом на его тощей шее — и отрицательно замотал головой.

Ридли встал из-за стола и подошел к нему почти вплотную.

— Если не хочешь на виселицу, Джек, то лучше бы тебе сидеть да помалкивать... Надеюсь, ты это понимаешь?

Паренек утвердительно кивнул, и Ридли неожиданно осведомился:

— Так что там с твоим «помочь хотел»? Где пропал, рассказывай.

Джек начал рассказывать о «старом» кэбмене Джиме и его уничижительных словах в адрес мисс Хорн, а потом перешел к ушедшему аптекарю — потеря трех пенсов все еще жгла Джеку карман — и поведал о покупке умершей столовой соды... Ридли удивился:

— Не понимаю. Зачем ей это?

И растерянность инспектора позволила Джеку почувствовать свое временное превосходство.

— Ребеночек, сэр, — решил просветить он инспектора. — Аптекарь считает, что мисс Хорн понесла, вот и хотела в этом достоверно убедиться.

Ридли кашлянул в кулак.

— Понесла, говоришь? Интересная новость.

И пока он стоял, глубоко задумавшись, Джек решился добавить:

— Сэр, вечером устраивают поминки в пабе на Флит-стрит, там завсегда рыжий Джо отирался со своими дружками — говорят, деверь его это место содержит. — И с мольбой в голосе: — Отпустите туда сходить. Вдруг я что новое узнаю! А убежать — не убегу, могилой матери клянусь, не убегу! Инспектор Ридли, пожалуйста.

Мужчина окинул Джека внимательным взглядом, как бы примеряясь к его словам, а потом произнес:

— С тобой пойду.

И парнишка аж взвился на месте:

— Нет, сэр, нельзя, вы все испортите. Они ж шпика за милю учуют... даже одетого в штатское. — И заключил: — Лучше я сам, один. Потолкусь среди людей, послушаю. На меня никто внимания не обратит. Пустите... я ж помочь хочу!

Ридли кивнул головой, как бы сдаваясь под Джековым натиском, только добавил:

— Без глупостей там, слышишь? В паб и обратно. А иначе ничего не обещаю, парень...

— Спасибо, сэр, — расцвел Джек радостной улыбкой, но в тот же момент сдулся, поинтересовавшись: — А домой мне можно?

Инспектор Ридли строго на него взглянул:

— Здесь останешься. Я велел миссис Вилсон приготовить комнату для тебя... — И совсем для острастки: — Твое будущее в моих руках, Джек. Не заставляй меня пожалеть о приложенных усилиях...

— Не пожалеете, сэр, обещаю вам. — И с грустью в голосе: — Я ведь по глупости с ними пошел... Дурак, потому что. — Ридли хмыкнул, как бы говоря «а то я не знаю», и Джек

с жаром продолжил: — А теперь помочь вам хочу, доказать, что я не таков... Не преступник я, сэр. Может, это Каннинг девушку эту убил, соблазнил, обрюхатил, а потом убил... Уверен, так оно и было.

— Больно ты на суждения скор, малец, — одернул его мужчина. — Сначала улики собрать надо, а потом уж людей обвинять. Иди уже к миссис Вилсон, мне пора в участок возвращаться.

Потом позвал экономку и сбыл подопечного с рук на руки, чему та не очень-то обрадовалась.

Инспектор Ридли вернулся уже в сумерках, и миссис Вилсон захлопотала вокруг него, квохча и причитая. Джек держался в стороне, готовый вот-вот отправиться на свою вечернюю вылазку...

— Могу я идти, сэр? — спросил он в нетерпении, и мужчина кивнул головой.

— Будь осторожен.

Во входную дверь постучали, Ридли мгновенно насторожился. Кто бы это мог быть в такой час? Он определенно никого не ждал. Джек тоже подобрался...

Только миссис Вилсон подплыла к двери и чинно осведомилась:

— С кем имею честь говорить?

Ответ поразил ее настолько, что пресловутую дверь она распахнула почти рывком и посторонилась — в прихожую вплыла женская фигурка, закутанная в темный плащ.

— Могу я видеть инспектора Ридли? — спросила неожиданная гостья и, кивнув в сторону своей спутницы, добавила: — Благодарю, Мария. — Та как раз приняла у нее плащ и передала его ошеломленной миссис Вилсон. — Я знаю, что он дома...

— Дда, дда, — запинаясь, откликнулась экономка, и в этот момент сам хозяин дома пришел ей на помощь:

— Не волнуйтесь, миссис Вилсон. Я сам приму нашу гостью... — И в сторону незнакомки: — Желаете пройти в мой кабинет?

— Да, пожалуйста.

Обе женщины последовали за инспектором, а Джек тем временем шмыгнул за дверь — и был таков!

— Итак, леди Каннинг, чем обязан такой чести? — осведомился Ридли, указывая в сторону дивана, и женщина улыбнулась:

— Как вы догадались? — А потом сама же и ответила: — Полицейская смекалка, я понимаю. — И уже серьезным голосом: — Простите меня за этот несвоевременный визит, мне не следовало бы здесь находиться, вот только смолчать я не могла... — Она кивнула своей спутнице, и та подала инспектору тонкую стопку писем. — Это письма бедняжки Розмари Хорн... Любовные письма Розамари Хорн, — добавила она со значением.

Инспектор Ридли присмотрелся к своей собеседнице повнимательнее: относительно молода, лет тридцати, не больше, хрупкая и невероятно бледная, она производила впечатление человека, подспудно отягощенного невидимым бременем. Их с Каннингом разделяло не меньше пятнадцати лет...

— Где вы их взяли? — спросил он только, принимая любовную переписку умершей девушки.

Леди Каннинг смутилась, и это смущение шло ей невероятно.

— Это вышло случайно, — ответила она, нервически проведя рукой по складкам своего

платья. — Сундук с вещами Розмари опрокинулся в пути и... там, среди ее вещей, было это. — И как бы оправдываясь: — Я даже не читала их, на самом деле. Только заметила подпись... А когда узнала о случившемся, поняла, что должна передать эти письма вам. — И заключила: — Найдите этого мужчину, инспектор Ридли. Он должен получить по заслугам!

Тогда-то Ридли и спросил:

— Мисс Хорн являлась дальней родственницей вашего мужа, не так ли, миледи?

— Родственницей по первой жене, — ответила женщина. — Та умерла вторыми родами, одарив мужа двумя очаровательными дочками.

— Сочувствую вашему супругу. Полагаю, девочки обрели в вашем лице самую трепетную из матерей...

Леди Каннинг вскинула голову.

— Я люблю их, как собственных детей. — А потом добавила: — И Розмари тоже была нашей любимицей. Никто не мог так увлечь своим рассказом, как она... Нам будет по-настоящему не хватать ее!

— То есть между вами не было какой-либо натянутости в отношениях? — решил уточнить инспектор Ридли.

— К чему этот вопрос? — удивилась женщина. — Полагаете, я могла ревновать ее к мужу? Полная нелепица. Между ними никогда ничего не было, я бы заметила это. Просто прочитайте письма, — произнесла она тихим голосом. — Возможно, они прольют свет на... убийство бедняжки Розмари.

Потом поднялась и посмотрела собеседнику прямо в глаза:

— Я не хотела бы, чтобы муж узнал о моем визите сюда... Что бы вы ни выяснили о моей бывшей компаньонке, она все-таки была его родственницей, и он по-настоящему радел о ней. Спасибо, что уделили мне время и выслушали! — добавила она другим голосом. — Не провожайте меня, не надо. — И с тихим прощальным полувздохом: — Доброй ночи, инспектор.

Через мгновение только легкий аромат цветочных духов напоминал о столь неожиданном визите, и Ридли, развязав ленту, погрузился в чтение предоставленных ему любовных писем...

Джек без труда слился с общей массой людей в маленьком пабе на Флит-Стрит... Перемещался от стола к столу, вслушиваясь в досужие разговоры.

Дородная женщина с младенцем на руках оказалась женой рыжего Джо, она-то и сидела у стойки, с видом королевы принимая далеко неискренние соболезнования: Джо в районе побаивались — за взрывной характер не в последнюю очередь. Он сначала бил, а потом уже разбирался в причинах драки... Теперь-то об этом никто не поминал, лишь перевозносили щедрость покойника — мнимую или истинную, Джек судить не брался — да распевали печальные песни о невинноубиенных.

И тут Джек наострил уши:

— А я говорю, это ему воздаяние за мальчишку убитого, — возвысил голос старик за дальним столом. — И нечего мне рот затыкать! Правда она завсегда наружу выйдет. — И кликнул: — Эй, Мэрил, твой муженек мальчонку-то пришиб, вот и аукнулось ему это сторицей... Что, скажешь, неправда?

Так называемая Мэрил медленно поднялась и посмотрела на старика злобным взглядом. Такая и прибить может, не задумываясь...

— Молчал бы ты лучше, старый пьянчуга! — зычно провозгласила она. — Сидишь в пабе моего брата, наливаешься бесплатной выпивкой за счет моего несчастного мужа, так еще смеешь наговаривать на него, бессовестная ты скотина, Грегори Уилкоккс.

Однако выпивоху ее слова не усмирили, казалось, наоборот, раззадорили еще больше:

— Грегори Уилкокксу никто не смеет рот затыкать! — поднялся со стула подвыпивший старик. — Грегори Уилкоккс всегда за правду радуется. — Его сосед потянул его за рукав, но тот отмахнулся от него, как от назойливой мухи: — А правда она та еще девица: ни рожи, ни кожи, мало кому приятна...

И кто-то решил отшутиться:

— Нам тут такие «красотки» не нужны! Наши женщины всяк краше будут. Уймись, старый забулдыга.

Народ загалдел, заглушая слова правдолюбца, но тот закричал еще громче:

— И все-таки мальчонку твой Джо, Мэрил, за просто так пришиб, а невинная кровь всегда к воздаянию взывает... Так еще в Библии написано: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли». Получил-таки по заслугам, душегубец твой окаянный!

И женщина, взрыкнув подобно хищному зверю, бросилась было в сторону старого пьяницы, и только захныкавший на руках младенец заставил ее остановиться на полпути, тогда-то двое мужчин подхватили Грегори Уилкоккса под руки и поволокли его на улицу.

— Эй ты, — продолжал кричать тот, волоча ноги по полу, — ты, в зеленой рубахе, — он тыкнул пальцем в сторону фабричных рабочих, — сам ведь не далее, как денька два назад говаривал, что смерть мальчонки еще аукнется Джо и его подельникам... Ну, скажи им, что не я один так считаю! Чего молчишь.

Грегори перетащили через порог и захлопнули дверь — Джек внимательно присмотрелся к фабричным рабочим. Никого из них он не знал... Подозрительными они тоже не выглядели. Чудно: упился старикан вдрызг... тычет пальцем в кого ни попади. Однако любопытство не отпускало, и Джек выскользнул из паба на улицу.

Прямо перед ним мелькнула зеленая рубаха только что вышедшего мужчины...

Так, что там говорил старикан про зеленорубашечника? Тот тоже пророчил рыжему Джо воздаяние? Джек почувствовал охотничий азарт, тот самый, что ведет спаниеля по болотам к долгожданной добыче: он последовал за мужчиной в зеленой рубахе.

Джек вел его до самого Фарм-стрит, а потом упустил... Мужчина просто растворился в воздухе, словно его и не было! Парень в отчаянии кинулся вперед, рискуя столкнуться с преследуемым нос к носу — не встретился.

Мужчина в зеленой рубашке по-настоящему исчез... И это исчезновение лишь убедило Джека в правильности выбранного объекта: стоило попытаться сохранить в памяти весь его силуэт до последней детали, особенно привычку вскидывать руку, похлопывая себя по бедру. Это могло пригодиться впоследствии...

— Ого! — Джек даже присвистнул от неожиданности, увидев, что ноги незаметно привели его к дому лорда Каннинга, в одном из окон которого горел свет. Ничто не намекало на развернувшиеся пошлой ночью события... Все выглядело, как обычно.

Стоило бы, пожалуй, уйти и не возвращаться, только вот кураж охотничьей ищейки напроць забивал здравый смысл, и Джек направился к заднему входу, ступая как можно тише. Постучал в дверь... дважды, и только после этого тонкий голосок Анис Грин осведомился, кто он такой. Назвался. Дверь приоткрылась на пару дюймов, и горничная

задала новый вопрос:

— Чего пожаловал? Поздно уже.

Джек улыбнулся настолько широко, насколько позволяли его лицевые мускулы.

— Может, я по тебе соскучился, — состроил он умильную рожицу. — Вот и решил заглянуть, узнать, как ты!

Лицо горничной смягчилось, она даже снизошла до насмешливого:

— Подрасти сначала, любовничек, а потом уж глазки девушкам строй. — Однако дверь открыла и впустила Джека в дом. Они молча прошли на кухню, и Анис поставила чайник на плиту.

— За целый день и чаю попить было некогда, — посетовала она. — Эти жуткие тела забрали ближе к вечеру... и мне пришлось скоблить пол ножом, чтобы справиться с намертво въевшейся в паркет кровью. Это было отвратительно! — Потом сцепила руки в замок и продолжила после секундного молчания: — А еще эти кровавые следы по всему дому... Я не могу думать об этом без содрогания.

Джек сделал вид, что очень ей сочувствует, то есть снизошел до панибратского похлопывания по плечу. Ему показалось это вполне уместным, да и Анис, похоже, была не против: еще раз тяжело вздохнула и произнесла:

— Это были не только следы нашего дворецкого Джонса, понимаешь? — тихий полусшепот. — Это он, призрак-убийца, ходил по дому в поисках новой жертвы... я видела его следы под своей дверью... на чердаке. Представить не могу, как поднимусь туда снова...

Джек округлил глаза.

— Ты в этом уверена? Уверена, что именно убийца был под твоей дверью этой ночью?

— Конечно, уверена, — вскинулась горничная. — Мистер Джонс навверх не поднимался, инспектор тоже... А значит, это был призрак-убийца! — и сама же охнула от ужаса.

— А можешь мне эти следы показать? — попросил ее Джек, и лицо девушки скучилось:

— Я отмыла их дочиста. — И с беспокойством: — Думаешь, стоило показать их кому-нибудь? Я просто не подумала... просто хотела поскорее от них избавиться.

— Ничего, — поспешил успокоить ее парень, внутренне понимая, что дуреха-горничная изничтожила важные улики. — Обойдется. — А потом поинтересовался: — А хозяин ваш в доме? Видел свет в одном из окон.

Анис кивнула.

— Вернулся не так давно да засел в кабинете с друзьями... Они тоже останутся ночевать в доме: я им две комнаты приготовила. А что?

— Да так, — пожал он плечами, — за твою безопасность волнуюсь. Чем больше людей в доме, тем спокойнее...

Анис его забота пришлась по душе, и она покраснела, разливая чай по их с Джеком чашкам.

— И что, — снова не удержался Джек от вопроса, — с мисс Хорн вы тоже частенько чаек распивали? У вас здесь уютно, мне нравится.

Он помнил, насколько уничижительно отзывалась горничная о компаньонке леди Каннинг, и решил, что та не преминет выболтать что-нибудь не менее занимательное, чем сделала это в прошлый раз.

— Не, мисс Хорн лишний раз на кухню не хаживала, — сказала она, — не сошлись они с кухаркой характерами. Вечно собачились между собой! Смотреть было тошно. Зато уж

перед хозяевами она хвост задирает, что тот павлин... Смехота, да и только!

В этот момент дверь резко распахнулась, и на пороге показалось рассерженное лицо дворецкого Джонса. Он окинул обоих острым, как лезвие, взглядом, а потом набросился на перепуганную горничную:

— Что здесь делает этот мальчишка?! Он, этот пособник воров и убийц... — И уже сторону Джека: — Ну-ка, пшел отсюда, пока я тебя собственными руками на улицу не вышвырнул!

Джек, вскочивший при его появлении со стула, медленно попятился к двери.

— Вздергивать таких надо, — не унимался рассвирепевший дворецкий. — Душить прямо в люльке. Не давать пороку ни шанса... — И он кинулся на Джека с кулаками, успев прихватить перепуганного парня за грудки и встряхнуть, словно тряпичную куклу. — Дьявольское отродье, — прошипел он ему прямо в лицо, а потом вышвырнул за дверь, прямо в цветущие кусты роз. Дверь захлопнулась, и Джек, все еще толком не пришедший в себя после столь неожиданного нападения, попытался было подняться на ноги... Это оказалось непросто: колючие плети оплели его, подобно страстной возлюбленной, цепляя и раздирая кожу до крови... Вот ведь безумный старикан! Пришлось ухватиться за шпалеру и подтянуть себя вверх — в этот-то момент Джек и нащупал на земле нечто округлое, похожее на пузырек от лекарства. Недолго думая, он сунул его в карман и одновременно с этим услышал тихий зов:

— Джек, ты как там, в порядке?

Анис протянула ему руку и помогла выбраться из шипастой ловушки.

— Да как сказать, — ответил тот, оценивая степень нанесенного ему ущерба. — Рубашка в клочья... Что я ему вообще сделал? — искренне возмутился он.

И девушка пожала плечами:

— Ты на него сильно не сердчай, — сказала она. — У мистера Джонса сейчас не лучший период: то племянника его убили во время кражи, то вот, сам посуди, мисс Хорн мертвую нашли, а тут еще эти убийства в доме... Многовато для одного человека, как по мне.

— А что там с его племянником? — тут же насторожился Джек.

Анис повторно пожала плечами:

— Так твои дружки его и убили, рыжий Джо и его «призраки», ты разве не знал?

— Они не мои дружки, — насупился Джек обиженно. — Я же сказал, я сам по себе, да и про убитого я ничего не знал. Как это случилось?

— Говорят, тот вышел на них с кухонным ножом, а кто-то взял да пальнул в паренька из пистолета... — И пояснила: — Это на Флит-стрит было, в позапрошлом месяце. Ты и в самом деле ничего не знал?

— Не знал, — буркнул Джек, желая уйти подальше от этого дома. И уже на ходу бросил: — Спокойной ночи, Анис!

Девушка молча помахала рукой.

— Тебя долго не было, — голос инспектора Ридли застал Джека врасплох, он-то крался с явным намерением прошмыгнуть в комнату как можно более незаметно. Ан-нет, не вышло... — Где пропал?

Джек вошел в кабинет и замялся.

— Да так, побывал в пабе на Флит-стрит, как и планировалось... — Умолк, страшась нагоняя.

— А потом? — осведомился Ридли, легко угадывая некую недосказанность.

— Потом оказался на Беркли-сквер... поболтал с Анис, пока дворецкий не выставил меня за дверь. Вернее, пока он не вышвырнул меня в розовые кусты! Вот, собственно, и все.

Ридли то ли улыбнулся, то ли передернулся от раздражения:

— Я же велел тебе не высовываться, Джек, — сказал он с вполне заслуженным укором. — Какого, скажи на милость, дьявола, тебя снова потянуло на Беркли-сквер?! — И уже гневно: — Начинаю подозревать, что ты полный болван и тупица. Сядь и расскажи, что с тобой приключилось. Немедленно.

Джек послушно присел на краешек стула и подробно поведал инспектору про Грегори Уилкокса с его обвинениями в адрес убитого рыжего Джо, а также о своем преследовании мужчины в зеленой рубашке, упущенного им на Флит-стрит. Все это он заключил единственным вопросом:

— Так это правда, что во время одного из ограблений был убит мальчик, племянник дворецкого Джонса? Тот за это меня и выставил, сказал, мне самое место в аду... вот, всю рубашку шипами изорвал, пока выбирался.

Ридли не обратил на его жалобы никакого внимания.

— Мальчишка, Кеннет Тайлер, действительно был убит, как ты и говоришь, — произнес он в задумчивости, — нелепая случайность, как я полагаю. А вот о том, что он приходился Джонсу племянником, я, признаться, впервые слышу. Информация достоверная? Кто тебе о том рассказал?

— Так Анис, горничная, — отозвался Джек. — Просила не сердиться на Джонса за этот поступок, мол, тому и так порядком досталось... Сначала смерть племянника, а потом все эти убийства в доме. Да вот еще, — он полез в карман и вытащил маленький пузырек, найденный им в розовых кустах, — нашел случайно. Подумал, вдруг это может быть чем-то важным! Смотрите.

Ридли откупорил флакон и поднес его к носу. Запах был терпким, но не резким...

— Где ты его нашел?

— В тех самых кустах, сэр, с колючками. Просто положил в карман на всякий случай...

Ридли как бы даже с восхищением хмыкнул:

— Предусмотрительный. — И добавил: — Отдам его на экспертизу доктору Грейди. Пусть он определит, что находилось в этом пузырьке! — Потом похлопал рукой по стопке полученных от леди Каннинг писем и произнес: — У меня появились новые данные по мисс Розмари Хорн. Та леди...

— ... леди Каннинг, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься, — усмехнулся Ридли. — Как догадался?

Джек с гордостью выпятил тощую грудь.

— Это было вполне предсказуемо, сэр, — произнес он. И с видом взрослого, умудренного годами человека присовокупил: — Так какую новую информацию предоставила вам леди Каннинг?

Ридли было забавно наблюдать за своим неожиданным напарником, но он не мог ни признать, что голова у парня работает что надо, исключая, конечно, случаи полнейшего помутнения, такие, как участие в этом преступном грабеже ну или... его экспромт три месяца назад, когда они ловили Кукловода...

— Любовные письма, — инспектор даже подтолкнул к парнишке одно из писем, тот, впрочем, интереса не проявил.

«Читать не умеет», решил Ридли про себя, как он и думал.

— Можешь прочитать, если хочешь, — обратился он к Джеку с улыбкой. — Ты ведь моим помощником заделался, не иначе. Мне от тебя скрывать нечего...

Как бы ни хотелось Джеку утаить свое полное невежество в этом вопросе, соврать он не решился:

— Сами читайте — я не умею. Не про меня наука... — И через секунду: — Так что там написано? Расскажите?

И Ридли поддел его:

— Слышал присказку: любопытство кошку сгубило?

Джек, абсолютно серьезным и даже каким-то торжественным голосом, отозвался такими словами:

— Полицейский должен быть любопытным, иначе ему ни одного дела не раскрыть. Сами знаете, ведь это вы у нас инспектор...

Ридли вздернул широкие брови.

— А ты вроде как в полицейские метишь, правильно я понимаю?

— А что, думаете не смогу? — с вызовом вскинулся Джек.

Мужчина окинул тощего паренька внимательным взглядом: всего-то достоинства в нем — это большие, полные огня голубые глазщи, больше и смотреть-то не на что.

— Сможешь, почему ж нет? — ответил он абсолютно серьезно. — Вот только подучиться бы надо... Нынче неучей в полицию не берут. — И, выдержав короткую паузу, продолжил: — Я вот что хотел тебе предложить, Джек, — ты только выслушай до конца, не брыкайся раньше времени — в деревню я тебя отправлю, в помощь одной доброй женщине, миссис Гвендолин Уиггинс: ей помощь по хозяйству не помешает, а тебе бы на время из Лондона уехать. Здесь тебя нынче ничто уж больше не держит, разве нет?

Ридли видел, как в процессе его речи меняется лицо паренька: от радостного признания собственной исключительности до полнейшего ужаса в широко распахнутых глазах. И наконец этот ужас выплеснулся одни-единым махом, исторгнутый его залипшими от страха легкими:

— Я в деревню не поеду! Нет, сэр, только не деревня. Это ж хуже смерти, я там не смогу — издохну от скуки.

Ридли усмехнулся:

— Ты сам говорил, что хочешь из Лондона выбраться. Чего ж теперь артачишься?

— Так я ж не в деревню хотел перебраться, — замотал головой парень, — я скорее о Бирмингеме или Манчестере думал. — И с новым витком отчаяния: — В деревне «жаворонку» не выжить, сэр. Лучше сразу прибейте и дело с концом!

Инспектор понял, что тут простыми увещеваниями не обойтись и подпустил в голос металла:

— Послушай, Джек, я написал миссис Уиггинс с просьбой приютить тебя в ее доме...

— Но, сэр... — перебил его было парнишка. Однако Ридли не дал сбить себя с толку:

— Ты не просто будешь у нее жить: работать будешь и учиться тоже. В школу пойдешь...

— Сэр, пожалуйста, — взмолился Джек несчастным голосом. — В школу ж только малышня ходит... Не могу я в школу — засмеют.

— Так и полицейским тебе, значит, никогда не стать. Забирай свои деньги и проваливай на все четыре стороны! — Ридли махнул рукой, как бы отпуская его не только из

этой комнаты, но и из своей жизни одновременно.

Джек даже не пошевелился, впившись глазами в потертый ковер под ногами.

Так прошла минута... другая... часы в доме пробили двенадцать раз.

И тогда Джек сказал, все также не поднимая глаз:

— Лорд Каннинг сегодня поздно вернулся, сразу передо мной, мне Анис сказала.

Инспектор понял, что выиграл эту схватку и просто покачал головой:

— Послушай, парень, не все лорды — преступники. Я понимаю, что Мейбери...

— Не произносите этого имени! — вскричал Джек яростным голосом. — Речь вовсе не о нем... вот и не надо... произносить это имя. — И через секунду, слегка отдышавшись: — И все-таки Каннинг вернулся передо мной... Вдруг это его я преследовал по ночным улицам?

— Джек, — голос Ридли мог показаться почти умоляющим, — Каннингу не было резона появляться в пабе на Флит-стрит... Уверен, он к этому делу не причастен. — И добавил для пущей убедительности: — Мы проверили его алиби: они с друзьями, действительно пережидали дождь в таверне на северной дороге. Они никак не могли оказаться в Лондоне за час до полуночи... Это абсолютно исключено.

И Джек снова сдался:

— Так что там с этими любовными письмами? — спросил он только. — Выходит эту компаньонку убил ее любовник, которому она рассказала о своем ребенке? Уверен, этот богатенький сноб отравил сначала мисс Хорн, а потом уже перестрелял банду рыжего Джо...

— ... заявившись в дом в звериной маске, которая так тебя напугала, — заключил за него инспектор Ридли, и Джек даже улыбнулся. Вышло действительно глупо! По крайней мере, с маской... — Завтра я еду в Оксфорд, — продолжил свои слова мужчина, — хочу поговорить с корреспондентом мисс Хорн. Возможно, он сможет пролить свет на произошедшие события... А ты, Джек, — он посмотрел на паренька с особым значением, — сиди-ка дома да не вздумай снова соваться на Беркли-сквер, ни к чему хорошему это не приведет. Договорились?

Джек молча кивнул.

— Договорились.

— Тогда иди спать, — отпустил его Ридли, а сам погрузился в размышления.

Миссис Вилсон решила его уморить, в самом буквальном, не переносном смысле... К такому выводу пришел Джек сразу после полудня, когда неугомонная экономка велела ему выкинуть свои «жалкие обноски» в топку кухонной печи, а самому парнишке выкупаться в тазу в закутке у прачечной.

— Мне только вшей в доме и не хватало, — подытожила она свои распоряжения, вручая Джеку кусок хозяйственного мыла. — Да за ушами помыть не забудь. Вот ведь сыскался на мою голову!

Вшей у Джека не было — мать всегда тщательно следила за этим — потому-то за ушами он помыл нехотя, небрежно, как бы в пику назойливой экономке. И ничего, что она об этом не узнает — этот протест самому Джеку доставил маленькое, но крайне приятное удовольствие...

Переодевшись в чистую одежду, парень бесцельно побродил по дому, заглядывая то в одну, то в другую комнаты... Главное, не попасться на глаза миссис Вилсон, иначе его снова заставят шелушить горох — скучнейшее занятие в мире.

И когда нетерпеливый окрик «Джек, негодный мальчишка» достиг его слуха в спальне на втором этаже (он как раз изучал картину в тяжелой раме), то парень, недолго думая, прокрался в маленькую гостиную и вылез в окно, выпорхнув на свободу, подобно маленькому, вольнолюбивому воробью.

Идти было некуда... да и нельзя — Ридли ясно дал это понять — вот только и усидеть на одном месте было реально невозможно. Все внутри Джека требовало ответов на интересующие его вопросы... Убийства в доме на Беркли-сквер не давали ему покоя.

И тогда Джека посетила очередная идея: почему бы ему не отыскать Грегори Уилкокса и не задать ему пару вопросов о человеке в зеленой рубашке — инспектор все равно не узнает об этом, а ему, Джеку, все какое-то развлечение...

Отыскать старого выпивоху оказалось непросто, но Джек справился с этим играючи: главное знать, где искать — а Джек знал: ему ли, ребенку лондонских трущоб, не знать всех его потаенных закутков. Вот и Уилкокс встретил его, как своего: улыбнулся беззубым ртом, стер пьяную слезу в уголке подернутого «туманом» глаза и хлопнул по старой газете рядом с собой:

— Присаживайся, парень. Выпить хочешь?

Джек отказался. Выпивка его никогда не привлекала...

— Расскажите мне про того мужчину в пабе, — попросил он с разбегу, понимая, что его собеседник в том состоянии, которое притупляет любую подозрительность, делая говорливым. — Помните, в зеленой рубашке... Вы еще сказали, что рыжему Джо воздалось за смерть невинного мальчика, и тот мужчина тоже так думал...

— А, да, — прокаркал Уилкокс сухим, ломким голосом. — Помню такого. Приятный малый, он всегда угощал меня выпивкой. А что тебе с него? — Джек промолчал, и старик продолжил свой монолог, как видно, не особо заинтересованный в ответе: — Он появился в пабе на Флит-стрит с месяц назад, до этого я тоже видал его в разных местах, но в этом пабе он стал завсегдатаем: каждую пятницу поджидал меня за одним из столов и угощал выпивкой. Сказал, что работает в доках... — Старик с хитрым прищуром замотал головой: — Только это чушь собачья! Больно руки у него были нежные для такой работенки-то, прямо как у девицы, — и громко загоготал.

Джек стойчески выдержал приступ этого неумного веселья, а потом снова поинтересовался, страшись, как бы старый пропойца напрочь не позабыл, о чем давеча шла речь:

— Думаете, он был не тем, за кого себя выдавал?

Грегори Уилкокс, пригладив свои редкие волосенки, ответил:

— Было в нем что-то странное, сложно сказать. Я особо не вдавался... человек меня выпивкой угощает, а я начну с вопросами лезть — не, это не про меня. — И добавил: — В тот вечер накануне он и вовсе был странный...

— Почему? — почти уж было разочаровавшийся Джек, снова вскинул свои горящие любопытством глаза.

— Так в тот вечер покойнички, то бишь рыжий Джо со своими дружками, заявили в «Ворону и лисицу» и давай бахвалиться о своих подвигах, мол, обставили этих богатеньких толстосумов, заставили их трястись от страха, а сами... был там такой косой, то ли Гарри, то ли Чарли, чума его разберет, полный урод, между нами говоря... так вот он карманы свои выворотил: мол, вот, смотрите, сколько у него деньжищ-то. Чем он хуже какого-нибудь лорда с Мейфера! А этой ночью, говорит, я еще богаче стану: мол, обставят они

высокомерного аристократишку по первое число... Даже адрес точный назвал. Джо ему после этого такую оплеуху залепил, что у того чудом башка на плечах удержалась. — Старик улыбнулся своим воспоминаниям. — У моего собутыльника после тех слов лицо даже вытянулось — ясное дело, он-то у нас пришлый, всех этих порядков не знает — пойдём, говорит, в полицию донесем... Можешь себе такое представить?! В полицию, говорит, пойдём, вот учудил приятель. Совсем без мозгов оказался... Чудной, я ему так и сказал.

— Как он выглядел? — снова спросил Джек.

— Да как, обычно, — протянул Уилкоккс, — ничего особенного. Молодой ещё... лет сорока будет, не больше.

Джек прикинул, что сорок — это тоже вполне преклонный возраст, по крайней мере в его неполные шестнадцать.

— Что ещё можешь про него сказать? — с азартом осведомился он.

Но его собеседник, снова приложившись к бутылке, пьяно икнул и громко захрапел, уронив голову на мерно вздымавшуюся грудь. Джек понял, что больше ему из задремавшего выпивохи ничего не вытянуть: разочарованно вздохнул и зашагал прочь...

На обдумывание полученной информации у Джека ушло ровно два квартала и кусок пирога с угрями, приобретенный с лотка у худосочной особы с паклей вместо волос.

А потом настойчивый голос, почти безмолвствующий в последнее время, громко произнес: «А следы, Джек, кровавые следы на чердаке? О них-то ты и вовсе успел позабыть».

И ведь позабыл, действительно, позабыл... Следы ботинок, так напугавшие горничную, как они там оказались?

И вдруг, как озарение: а что если убийца пробрался в дом крышами... Не потому ли никто из соседей не видел его убегающим прочь? Джека настолько захватила эта идея, что ноги самовольно понесли его в сторону Беркли-сквер, и все запреты инспектора Ридли моментально улетучились из его головы. Забылся даже розовый куст и разгневанное лицо дворецкого Джонса... Джек должен был пробраться на этот чердак во что бы то ни стало.

С этой целью был куплен леденец на палочке и высчитан точный момент, когда долговязая фигура Джонса мелькнула в окне верхнего этажа — теперь стоило как можно скорее добраться до задней двери и постучать в надежде на чудо. Была ни была...

— Джек?! — глаза открывшей дверь горничной округлились до размеров хорошего яблока. — Ты, я смотрю, совсем бесшабашный, — она многозначительно глянула в сторону розового куста, — если Джонс тебя увидит — сам знаешь, что будет. Шел бы ты отсюда подобру-поздорову... — И попыталась было закрыть дверь. Джек, беззаботно ей улыбающийся, дополнил улыбку сладкой конфетой и носком туфли, помешавшей девушке сделать это...

— Вот, решил тебя угостить, — он в смущении пожал плечами, — в благодарность за вчерашнюю помощь. Держи!

Девушка усмехнулась:

— Ишь какой кавалер выискался. — Взяла предложенный леденец, и Джек понял, что, несмотря на ворчливые выпады, его внимание ей приятно. — Спасибо. — В доме хлопнула дверь, и Анис мгновенно взволновалась: — Идти мне надо. Некогда вести досужие разговоры... Сегодня хозяйка неожиданно приехала, в доме все вверх дном, а нас с Джонсом на все про все только двое.

И ко всему прочему зычный голос дворецкого позвал:

— Анис, где ты запропастилась, глупая девчонка?

— Мне пора, — девушка опустила леденец в карман своего рабочего фартука. —

Извини.

— Не закрывай дверь — я подожду тебя здесь, — улыбнулся ей Джек.

Анис, с секунду промаявшись в нерешительности, притворила дверь (замок, однако, не щелкнул) и бросилась на зов мистера Джонса.

Джек выждал пару минут и тоже вошел в дом... Тишина. Однако, не та жуткая тишь, пробирающая до нутра в ночь ограбления... Другая. Вязкая, но вполне терпимая. Он направился к лестнице для слуг — помнил, где она находится с прошлого раза — и поднялся на три пролета. Прислушался... Откуда-то снизу раздавалось едва слышное бормотание голосов, и Джек рассудил, что здесь, на чердачном этаже, никого быть не должно. Толкнул дверь и оказался в коридоре с рядом серых дверей по обе стороны... Однажды Энни приводила его в свою комнатку на таком же чердачном этаже для слуг, Джеку даже показалось, что он видит край ее светлого платья, мелькнувшего за косяком дальней двери... Вот ведь игра воображения.

Тряхнув головой, парень прошел к лестнице на крышу и толкнул запиравший ее люк — тот не поддался. Казалось, им очень давно не пользовались... На такое Джек явно не рассчитывал и потому растерянно замер, обдумывая возможные варианты; шаги на лестнице выдернули его в реальность: судя по твердой поступи, вверх поднималась явно не Анис Грин... Джонс. Сердце в Джековой груди совершило отчаянный кульбит, а потом ухнуло прямо в пятки — он бросился к первой попавшейся двери и затворил ее за собой.

Комната определенно была мужской: аскетическая простота в виде кровати и огромного стенного шкафа. В него-то Джек и решил спрятаться, возблагодарив небо за такую возможность... А там, глядишь, вездесущий Джонс пройдет мимо, ведь это не обязательно должна оказаться именно его комнату, не могло же Джеку настолько не повезти...

И когда дверь в комнату с тихим щелчком приоткрылась, Джек понял, что он тот еще везунчик. Как сказал бы его приятель Джеффри, везение висельника, и был бы абсолютно прав.

От уханья крови в ушах Джек практически оглох... Только сглатывал, не переставая, словно не банально сидел в стенном шкафу озлобленного на него, да и на весь мир дворецкого, а поднимался на вершину самой высокой горы в мире...

Какая-то пропахшая табаком тряпица назойливо лезла ему в лицо, и парня почти замутило от духоты и резкого запаха, забивавшего ему носоглотку.

А потом дверца шкафа распахнулась, и он даже выдохнул от облегчения, вывалившись в комнату и отфыркиваясь, подобного огромному псу.

— Что ты здесь делаешь? — голос Джонса звучал на удивление спокойно. — Шпионишь для своего инспектора? Я сразу смекнул, что ты у него на особом счету... Ну-ка, подойди сюда!

Джек понял, что сейчас его будут бить... не просто швырнут в розовый куст, а именно поддадут по первое число, и он внутренне подобрался. Потому каково же было его удивление, когда Джонс преспокойно смахнул катышек пыли с рукава его новой рубашки, а потом произнес:

— Я вчера слишком грубо с тобой обошелся, признаю. Извини, парень! Просто, сам

понимаешь, случилось столько всего за последнее время...

И Джек мотнул головой, мол, да, знаю:

— У вас племянника убили. Я слышал об этом...

Дворецкий вскинул кустистые брови.

— Кто тебе рассказал?

— Так Анис... Сказала, вам нелегко пришлось. Я это понимаю, вы не думайте...

— Болтливая девчонка, — процедил Джонс сквозь стиснутые зубы, и что-то в глубине его глаз насторожило расслабившегося было Джека. Он отступил на шаг... Запнулся о коврик и полетел на пол, зацепившись взглядом за зеленый рукав рубахи, выглядывающий из стенового шкафа. Он-то, похоже, и лез ему в лицо, одурманивая табачными ароматами...

Их с Джонсом взгляды на мгновение скрестились, а потом Джек, все еще сидя на полу, заметил оскаленную медвежью пасть, ощерившуюся острыми клыками — мутные, неподвижные глаза смотрели на него прямо из-под кровати. Джек уже видел их однажды... в час до полуночи, когда призрак с лицом страшного зверя расстреливал банду рыжего Джо, рыча и неистовствуя, словно обезумевшее животное.

Джек бросился к двери и отчаянно завопил, когда дворецкий вцепился ему в ногу, опрокинув беглеца плашмя на холодный пол.

— Куда собрался, мелкий хорек? — осведомился он шипящим полусшепотом. — Доносить своему инспектору? — С издевкой: — Боюсь, не получится.

Вся кровь отхлынула от лица Джека, и он со всей силы лягнул дворецкого ногой, пытаясь уйти от цепкого захвата... Получилось. Ровно на два пролета лестницы получилось, а потом мощный удар между лопатками опрокинул его на красную ковровую дорожку и вышиб из легких весь воздух.

Даже кричать было невозможно... и Джонс вздернул парня на ноги, приставив к его спине дуло заряженного пистолета.

— Что здесь происходит? — послышался удивленный голос леди Каннинг, появившейся из музыкальной комнаты. И снова: — Джонс, кто этот мальчишка?

— Воришка, миледи, — отозвался тот будничным голосом. Разве что сиплое дыхание и могло выдать его истинные чувства. — Я выкину его на улицу, не стоит волноваться.

Джек понял, что это его последняя возможность и неожиданно обрел голос:

— Он хочет меня убить, миледи. У него в руке пистолет!

Лицо женщины на секунду дрогнуло, зрачки больших серых глаз расширились.

— Джонс, — протянула она тихим голосом. — Что говорит этот мальчишка? — А потом громче: — Покажи, что у тебя в руке... Я хочу это видеть.

Джек скорее почувствовал, нежели увидел, как внутренний настрой угрожающего ему мужчины полностью изменился: плечи его расправились, дыхание успокоилось, а дуло пистолета взметнулось в воздух с грациозным вывертом...

— Вы это хотели увидеть, миледи? — спросил он с язвительным превосходством, направляя оружие в ее сторону. — Вот, увидели... Что теперь?

Джек понял, что ждать помощи ему неоткуда.

Леди Каннинг, к ее чести будет сказано, отреагировала на подобную дерзость собственного слуги с истинным спартанским спокойствием.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — произнесла она недрогнувшим голосом. — Не просветите ли меня, мистер Джонс?

И тот приказал:

— В гостиную. Идите в гостиную... Быстро!

Женщина развернулась и проследовала в указанном направлении — там, замерев с подносом в руках, их встретила перепуганная Анис. Чашки на подносе тревожно подрагивали, когда ее хозяйка произнесла:

— Поставь поднос, Анис. Это мой любимый фарфор. Не хотелось бы, чтобы ты его разбила!

— Да, миледи. — Девушка опустила поднос на чайный столик и замерла под дулом пистолета... Ее грудь под лифом рабочего платья опадала и взлетала с несовместимой для жизни скоростью.

— Не хотите ли чаю, мистер Джонс? — спросила слугу хозяйка, и дворецкий даже дернулся.

— Благодарю, миледи. — А потом, как бы между прочим, заметил: — Это я убил пробравшихся в дом грабителей. Застрелил их из пистолета вашего мужа... — И с яростью: — Они заслужили подобную участь. Я счастлив, что сделал это! И сделал бы снова, будь в том нужда. Мне стыдиться нечего...

Леди Каннинг дернула головой, так прядают ушами учувшие опасность лошади:

— Ты хороший слуга, Джонс, — сказала она чуть хриплым от внутреннего волнения голосом. — Думаю, ты правильно поступил, убив этих людей. Ты защищал нашу собственность... Это достойно похвалы.

Мужчина взмахнул рукой с пистолетом.

— Вы, действительно, думаете, что я сделал это только ради вас и вашего мужа, миледи?! — презрительно вскинулся говоривший. — Да мне все равно, пусть даже весь этот дом взлетел бы на воздух... — И с дрожью в голосе: — Эти украденные вещи не сделали бы вас ни на йоту беднее, а у меня только и были, что моя сестра да ее несчастный племянник... И того эти ублюдки убили, так ни разу и не пожалев об этом. Им было все равно! Они словно муху прихлопнули и пошли дальше... а сестра моя руки на себя наложила. Кеннет был ее единственной радостью в этой жизни... И что? — пистолет ткнулся Джеку в ребра, тот даже зажмурил глаза, готовый вот-вот услышать щелчок взводимого курка. — И что, я спрашиваю?! Где пресловутая справедливость, о которой талдычат священники, где правосудие... Где все это?! — пистолет снова взмыл в воздух. — Вот оно, правосудие в моих руках. Я сам взял его на себя, и мне плевать, что будет со мной после этого... Мне плевать на все ваши законы. — И совсем тихо: — Мне пришлось... Ваш муж оказался слишком медлителен, миледи.

Анис в этот момент громко всхлипнула, вцепившись скрюченными пальцами в свой многострадальный белый передник, и Джонс перевел на нее взгляд своих угольно-черных, похожих на ощеренную пасть медведя-шатуна глаз.

— Что ревешь, дура болтливая? — накинулся он на нее с ходу. — Не могла язык за зубами держать, растеклась лужицей перед первым же смазливym мальчишкой... Следовало пристрелить тебя вместе с теми ублюдками, все оказал бы миру слугу. — И другим, почти вкрадчивым голосом: — Что, думаешь я не знаю, куда ты ходила в позапрошлый четверг и что за пойло продала тебя старая карга с Мейни-стрит? — Анис замерла с приоткрытым ртом. — Так что не строй из себя святошу, девочка... и не реви понапрасну, твои крокодилы слезы никого не обманут.

Когда рука дворецкого безжизненной плетью упала вдоль его сгорбленного тела, Джек

не успел даже ничего понять...

— Мне уже терять нечего. Мне в любом случае одна дорога... — прошептал мужчина совсем тихо. — А потом его рука вскинулась, и раздался выстрел...

Джек подумал, что выстрелили в него, и мысленно приготовился к оглушающей боли и последующей смерти, только боль не пришла... теплая жидкость, брызнувшая в лицо, была липкой и густой, словно клубничное варенье — это и было первым ощущением, которое дошло до него сквозь контузию прогремевшего выстрела.

А потом тело Джонса с грузным стуком упало на пол за его спиной.

Джек заметил «клубничные» всполохи все того же клубничного джема на дорогом фарфоре леди Каннинг и только тогда сделал первый судорожный вдох...

Джеку дали смоченное в воде полотенце, и он молча отер лицо, пялясь на получившиеся кровавые разводы. Клубничный джем вовсе не был клубничным джемом...

— Как ты? — поинтересовался инспектор Ридли, смотря на Джека с высоты своего роста. — Все в порядке?

Парень кивнул — на большее его не хватило, а Ридли и так знает, что порядок — это не то слово, которое способно описать произошедшее на твоих глазах самоубийство. Они с секунду помолчали друг подле друга, а потом лорд Каннинг, перешептывающийся с супругой на другом краю комнаты, громко поинтересовался:

— Так это Джонс убил Розмари Хорн? Признаться, мне не понятны мотивы...

— Мотивы, — повторил за ним инспектор Ридли, взглянув на утирающую слезы горничную, забившуюся в самый угол, — именно мотивы и не давали мне спокойно спать. А потом без перехода: — Мисс Грин, вы узнаете этот флакон? — он извлек из кармана Джекову находку.

Горничная пискнула, подобно вспугнутой котом мыши, и отрицательно замотала головой.

— Никогда его не видела.

Ридли поджал губы.

— Точно так же, как вы не видели ухода мисс Хорн, хотя слышали, как утверждали, ее легкие шаги и щелчок захлопнувшейся двери? — осведомился он спокойным голосом. — Так вот, мисс Грин, полагаю, вы лжете... — Девушка снова пискнула, и Ридли продолжил в том же безапелляционном тоне: — Все было несколько иначе, не так ли: в тот злополучный день мисс Хорн, вернувшись в дом по поручению своей хозяйки, попросила у вас чая, и вы приготовили ей большую чашку, сдобрив его порядочной порцией жидкости из этого самого флакона. — Анис молчала, выпучив безумные глаза. — Полагаю даже, что вкус чая мисс Хорн не понравился и сразу же после выпитого ей стало дурно... Тогда-то вы и предложили ей подняться наверх и немного полежать, и там же напоили ее второй чашкой отравленного чая, который, якобы, должен был помочь ей справиться с дурнотой. Скажите, я правильно излагаю?

Анис молчала, и леди Каннинг вступилась за горничную:

— Это не может быть правдой. Зачем вы наговариваете на бедняжку? — И менее возмущенным голосом: — Мисс Хорн никто не желал зла — ее все любили, не так ли, Анис?

Несчастливая девушка утерла покрасневший от непрекращающихся рыданий нос и выдала односложное:

— Я... — которое Ридли подкрепил предупреждающим:

— Запирательство лишь усугубит степень вашей вины. Подумайте об этом, мисс Грин!

И тогда горничная просипела, почти с надрывом:

— Я не собиралась ее убивать. Это вышло случайно...

Ридли молча кивнул, словно именно этих слов он от нее и ждал.

— Это правда, — подтвердил он слова девушки. — Убийство не было преднамеренным. — И, снова продемонстрировав зажатый двумя пальцами флакон темного стекла, произнес: — Мисс Грин, покупая его у какой-нибудь милой старушки, даже не подозревала, что в состав этого... abortивного средства входит, помимо прочего, сок аконита, ядовитого растения, о содержании которого ее, конечно же, не предупредили. Я прав, мисс Грин, все так и было?

Слова лорда Каннинга опередили кивок зареванной девушки:

— Abortивное средство? — спросил он дрогнувшим голосом. — То есть Розмари... то есть она была... Я не понимаю...

— Я все объясню, — отозвался на это инспектор Ридли и кликнул: — Дрискоул. — Дверь мгновенно отворилась, и на пороге появился названный констебль. — Дрискоул, — повторил инспектор, — выведите, пожалуйста мисс Грин и присмотрите за ней некоторое время. Она обвиняется в непреднамеренном убийстве Розмари Хорн, компаньонки леди Каннинг, и подлежит судебному разбирательству, которое и решит ее дальнейшую судьбу.

Если констебль Дрискоул и был удивлен таким поворотом событий, то вида не подал, только поддел вздрагивающую от рыданий горничную под локоток и молча повел из комнаты.

— Миледи, — взмолилась та на пороге, — прошу вам, миледи, — а потом дверь закрылась, и голос девушки мгновенно затих, словно задутая на ветру свеча.

— А теперь, — произнес Ридли, полуобернувшись к лорду Каннингу, — я отвечу на ваш вопрос, милорд. И, боюсь, он может вам не понравиться...

— Боюсь, ничто из случившегося за последние два дня не нравилось мне в достаточной степени, — парировал тот жестким голосом. — Поэтому не думаю, что вам удастся меня удивить, инспектор... Говорите.

Пальцы его супруги, вцепившиеся в руках мужнина сюртука, походили на пальцы мраморной статуи. Белые и до странности неподвижные.

Ридли извлек из внутреннего кармана стопку любовных писем, полученных им от этой женщины, и удостоил ее саму одним быстрым, коротким взглядом:

— Это письма Розмари Хорн, полученные ею от некого Кристофера Торнтонна, приходского судьи и весьма уважаемого человека, в доме которого она работала до приезда в Лондон...

— К чему все это, инспектор? — лорд Каннинг нетерпеливо повел плечами. — Нам были предоставлены рекомендации, и мы с супругой прекрасно осведомлены о ее прошлом рабочем месте.

— Осведомлены ли вы также и о содержании этих писем? — поинтересовался Ридли бесстрастным голосом.

И Каннинг вскинулся:

— Боюсь, я не имею привычки читать чужие письма, инспектор. — И более выдержанно: — Какое отношение имеют эти письма к смерти бедняжки мисс Хорн?

— Боюсь, самое непосредственное, — отозвался инспектор Ридли, — поскольку именно они объясняют мотивы случившегося с вашей компаньонкой, миледи Каннинг. — И

глядя прямо в ее глаза, добавил: — Сегодня я посетил человека, написавшего их... — И как бы опомнившись: — Да, кстати, это любовные письма, если я еще не упомянул об этом.

Каннинг снова порывисто дернулся:

— Любовные письма? О чем вы говорите, в конце концов?

— Да о том, милорд Каннинг, что Розмари Хорн вовсе не была той милой девушкой, образ которой она создала в вашем воображении: мужчина, написавший ей эти письма, охарактеризовал ее как крайне беспринципную и безнравственную особу. Думаю, ваша супруга согласится с этой характеристикой, не так ли, миледи?

Пальцы женщины разжались, и руки плетью упали на ее пышную юбку. Она сделала шаг назад, словно покачнувшись... И Ридли продолжил:

— Это вы упростили горничную Анис Грин приобрести abortивное средство и подлить его в чай мисс Хорн... и это по вашей просьбе ничего не подозревающая девушка вернулась в дом за якобы позабытой вами вещью. Все это было спланировано заранее... Все, кроме смерти, само собой. Здесь вам просто не повезло.

Лорд Каннинг посмотрел на жену — он как будто бы ждал ее возмущенного протеста, вот только такового не последовало.

— Она была той еще гадиной, — произнесла женщина спокойным голосом. — Строила из себя святую невинность — особенно перед тобой, Джеральд, ты-то и не знал ее настоящей — а сама была сущим дьяволом в юбке. Чего только мне не пришлось от нее вытерпеть, я думала, этому никогда не будет конца...

— Но почему, — голос подвел лорда Каннинга, и тот схватился за горло, — почему ты ничего мне не говорила...

— Да потому что ты все равно бы мне не поверил! — возмутилась его супруга. — Ты нарисовал себе образ несчастной сиротки и носился с ним, как со святыней. Тебе и слова поперек нельзя было сказать... Розмари была неприкосновенна в твоих глазах! Скажешь, это не так? Разве же я не права?

Каннинг как-то враз посерел лицом, даже его губы стали неестественно бесцветными, словно выеденное кислотой пятно на бумаге...

— Я думал, что должен помочь ей, — только и прошептал он, и его жена, не сдержавшись, воскликнула:

— А она думала, что, родив тебе наследника, станет новой миледи Каннинг! Каждый раз, стоило только тебе отвернуться, она попрекала меня моим же бесплодием, говорила, что наконец-то сделает то, чего не могли сделать ни Оливия, ни я: подарить тебе наследника мужского пола. А примерно с неделю назад, — женщина на секунду запнулась, — она заявила мне, что беременна... Что это, — еще один судорожный вдох, — твой, Джеральд, ребенок, и что скоро ты выставишь меня за дверь, словно бездомную собачонку. — И с новым чувством: — Я просто хотела избавиться от этого ублюдка в ее животе! Просто хотела сохранить то, что принадлежит мне по праву...

После этих ее слов в комнате повисла глухая, почти неестественно вязнущая на зубах тишина.

Джек, все еще с полотенцем в руках, услышал бешеный перестук собственного пульса... в ушах все ревело и клочотало. Он тряхнул головой... совсем легонько. Едва заметно... Но и это простое действие как будто бы разорвало туго натянутый кокон гнетущей атмосферы: Каннинг пошевелился и сжал руку супруги, инспектор Ридли прокашлялся в кулак...

— Вы ведь понимаете, что вашу служанку казнят за это преступление? —

поинтересовался он будничным голосом. — Вы готовы пойти на сделку с собственной совестью?

И тогда Каннинг выступил вперед:

— Девушка знала на что шла, согласившись помочь моей жене, — произнес он своим обычным властным голосом — ужас осознания отступил, уступив место привычной рассудительности, — и не вина моей супруги, что та купила яд вместо... полагающегося ей средства. — Потом он смерил собеседника пристальным взглядом и заключил: — Смеею предположить, что вы и сами полагали подобный исход данной истории, инспектор, иначе не удалили бы отсюда всех возможных свидетелей нашего «милого» разговора.

— Боюсь, что не всех, — отозвался тот с полуулыбкой, и три пары глаз уставились прямо на Джека, съезжившегося на стуле.

— Мальчишка ничего не расскажет, — с уверенностью произнес Каннинг. — Уверен, он достаточно умен для того, чтобы держать язык за зубами!

— Мальчишка, — полностью повторил интонацию его голоса инспектор Ридли, — вскоре покидает Лондон... а на новом месте, знаете ли, всегда так непросто прижиться, — он замолчал, как бы ожидая ответного «броска» со стороны собеседника, и тот не заставил себя ждать.

— Уверен, некая сумма денег, выданная ему на дорожные расходы, скрасит для мальчика тяготы адаптация. Скажем, пятьдесят фунтов...

— Сто, — поправил его инспектор Ридли. — Полагаю, наличие такой суммы заставит ребенка позабыть даже о том, что он вообще входил в двери этого дома... — И с вежливым кивком: — Благодарю за вашу щедрость.

Каннинг усмехнулся:

— С вами приятно иметь дело.

— Как и с вами, сэр. — А потом кликнул: — Джек, нам пора. Поднимайся да поживее.

У парня от всего только что услышанного напрочь отнялся язык, да и вообще он мало что соображал... С трудом поднял он свое неподатливое тело и потащил его к дверям.

Ридли же с порога заметил:

— Корабли в Австралию все еще отправляются с регулярным постоянством... Уверен, мисс Грин была бы счастлива оказаться на одном из них! — после чего прикрыл за собой дверь, и оставил обоих супругов наедине со своими безрадостными мыслями.

— Джек? — Ридли постарался привлечь внимание парня, но тот упорно глядел в тарелку с жарким. — Только не говори мне, что ты зол из-за этих ста фунтов, что Каннинг посулил тебе за молчание. Ты ведь это несерьезно, не так ли?

— Вы не должны были, — пробубнил Джек совсем тихо. — Это неправильно...

— Боже, — выдохнул мужчина не без раздражения, — только не начинай ту самую песню о правосудии, приятель. Думал, ты поумнел с тех пор, да, видно, ошибся.

И Джек не выдержал:

— Анис повесят за чужое преступление, — вскричал он в неистовстве, — по-вашему это и есть правосудие?! Да это дерьмо собачье, а не правосудие, вот что это такое.

Ридли отложил столовые приборы в сторону...

— Ну, во-первых, ее не повесят, — возразил он Джеку серьезным голосом, — уверен Каннинг выхлопочет ей помилование и ссылку в колонию; во-вторых, девчонка все-таки была виновата... Это она... именно она, и никто другой... подлила мисс Хорн смертельную

настойку в чай. И, в-третьих, — Ридли глянул почти с осуждением, — для того, кто полез в чужой дом с целью грабежа, ты слишком щепетильно относишься к тем ста фунтам, что нам удалось получить — заметь! — абсолютно честным путем.

— Честным путем?! — с насмешничал Джек. — Да вы вытребовали с него эти деньги самым наглым образом, сэр.

И тот отозвался не без улыбки:

— Мой дед любил говорить, что смелость города берет, а наглость... оно второе счастье. И вот, — он похлопал по своему карману, — ты счастливее на целых сто фунтов.

— Себе заберите. Мне такое «счастье» ни к чему.

— Сказал тот, у кого ни гроша за душой...

Они снова помолчали, напрочь позабыв о каре ягненка, приготовленного для них миссис Вилсон. А потом Ридли произнес:

— Все эти деньги тебе пригодятся... пусть не сейчас, но однажды, когда ты соберешься зажить своим домом. Завести семью и детей. Не артачься — просто прими, как данность. Как благодарность за спешно раскрытое дело... Без тебя мне навряд ли удалось бы справиться с ним так быстро.

И тогда Джек озвучил наболевшее:

— Мне жаль Джонса, сэр. Он ведь только отомстил за племянника... Рыжий Джо с приятелями заслужили случившееся с ними.

Ридли кивнул:

— Жаль, что непогода задержала Каннинга в пути — все могло бы сложиться совершенно иначе. — И в задумчивости: — По сути, ни одно из двух преступлений не было преднамеренным: полагаю, Джонсу пришлось импровизировать, когда он понял, что Каннинг задерживается, а то и вовсе проигнорировал его анонимку. Он же, сын лесничего, стрелять научился едва ли ни раньше, чем ходить... Думаю, Джонс сам не понял, что натворил. Состояние аффекта или как-то так...

— А мисс Хорн, сэр, — в смущении начал парень, — они с милордом Каннингом того... полюбовничали?

Инспектор Ридли покачал головой.

— Этих аристократов один черт разберет. — И с новой интонацией: — По крайней мере, беременной мисс Хорн точно не была... Однако, полагаю, надеялась на это. Иначе к чему был тот предсмертный визит в аптеку? Нет, в этом до конца не разобраться, да и ни к чему это. Просто ешь, Джек, давай, завтра нам предстоит долгий путь в Нортумберленд, и тебе понадобятся твои силы!

— Это далеко, сэр, — вздохнул парнишка с несчастным видом. — Я же там мало что от скуки, от холода оочурюсь.

— Не оочуришься. Выше нос, приятель! Иногда жизнь преподносит нам сюрпризы — не ограничивай ее порывы.

С этими словами Ридли снова взялся за нож с вилкой, и они отдали должное приготовленному миссис Вилсон блюду.

3. Заснеженное убийство

В Хартберн они прибыли поздним вечером, в час, когда последние отблески заходящего солнца серебрят затухающий горизонт и знаменуют собой конец длинного, упоительно яркого дня.

Весь этот крохотный городок с единственной главной улицей в пятьдесят домов и затрапезной католической церквушкой, шпиль которой отчетливо выделялся на стремительно чернеющем небе, показался Джеку таким же маленьким и невзрачным, каким может быть только медный трехпенсовик или плохо выписанная картинка в дешевом журнале... Он решил, что никогда не полюбит ни эту гнетущую тишину, сдобренную запахами цветущих полей, ни любопытные взгляды окружающих, похожих на пристальное внимание обнюхивающей тебя канализационной крысы, уверенной в твоей незащитности. Джек заранее приготовился обороняться... Он не знал точно, от чего, но рисковать не собирался.

— Ну вот, Джек, наконец-то мы можем размять наши ноги, — бодро спрыгнул на землю инспектор Ридли, оглядываясь по сторонам. — Здесь мало что изменилось, — заметил он. — Думаю, даже люди все те же... И одернул совсем скуксившегося парнишку: — Ну-ну, не так уж все и плохо... Не раскисай.

— Тихо, как в могиле, — произнес Джек глухим голосом. От тоски у него даже горло перехватило... — Я ведь тут помру, сэр, как пить дать, помру. В такой-то глуши...

Ридли, с тонкой насмешкой на губах, покачал головой:

— Зато воздух какой... Вдохни! Пьянящий.

— То то у меня голова кружится, — проворчал парень недовольным голосом.

И Ридли не удержался от шпильки:

— Ты прямо как девица трепетной конституции... Может, нюхательной соли тебе предложить для приведения в чувства?!

Джек удостоил его одним, но достаточно красноречивым взглядом, от которого обычно сдержанный инспектор так и расплылся в широкой, заразной улыбке.

Полные самых противоречивых настроений, мужчина и его спутник зашагали в сторону темной церквушки, где, не доходя нескольких метров, свернули на боковую улочку и вскоре достигли места своего назначения: небольшого каменного строения в два этажа. Дверь распахнулась почти мгновенно — их ожидали — и высокая, по-мужски сложенная женщина заключила смутившегося инспектора в свои крепкие объятия.

— Энтони, как я рада тебя видеть! — произнесла она, отстраняя инспектора на длину своих рук. — Ты стал другим... возмужал, что ли. Пообтесался... Ты ли это вообще?!

— Боюсь, это все тот же Энтони Ридли... Другого не предвидится. Здравствуйте, Гвендолин! Тоже рад снова свидеться.

Женщина покачала головой.

— Уж года два прошло с прошлого раза... Совсем забросил свою старую тетушку, негодник!

— Какая уж вы старая, — возразил ей инспектор. — Еще любому из нас фору дадите. — И отступил, демонстрируя собеседнице своего притихшего спутника: — Вот, хочу познакомить вас с Джеком, пареньком, о котором писал вам в прошлом письме. Джек, это Гвендолин Уиггинс, твоя будущая хозяйка.

— Приятно познакомиться, мэм, — от смущения голос у Джека сделался совсем ломким и даже как будто бы недружелюбным.

— Взаимно, мой дорогой, — отозвалась миссис Уиггинс, нисколько не уstraшенная мрачным видом нового знакомого. — Уверена, мы с тобой быстро найдем общий язык. У меня талант к перевоспитанию юных проказников... — И она с лукавством глянула на Ридли, который только и смог, что пожать на это плечами.

У Джека же неприятно екнуло сердце: он решил, что ни за что не проникнется добрыми чувствами к женщине-гренадерше. Никогда этому не бывать... Вольные жаворонки чахнут в стискивающих их ладонях.

— Проходите скорее, мы с Сарой-Энн приготовили вам поздний ужин. Уверена, вы просто умираете с голоду!

Обоих гостей проводили прямо на кухню и усадили за накрытый по случаю стол: холодный пирог с почками, хлеб с сыром, ароматный чай и сдобные булочки — все было одинаково вкусно, и Джек впервые за день почувствовал себя чуточку счастливее. Самую малость, но все же...

— А теперь отдыхать! — провозгласила миссис Уиггинс, когда с едой было покончено, и осоловевшие глаза Джека уставились в одну точку. — Пойдемте, я покажу ваши комнаты.

Она провела Джека и инспектора на второй этаж, а потом указала на первую дверь вправо от лестницы:

— Твоя комната, Энтони. Знаю, прежде она тебе нравилась!

— Уверен, с тех пор ничего не изменилось. Благодарю вас, Гвендолин!

Потом они проследовали дальше по коридору, и в самом углу, за лестницей для слуг, обнаружилась еще одна дверь: словно вход в сказочное королевство — неприметная и почти таинственная.

— Здесь будет твоя комната, Джек, — обратилась к пареньку хозяйка дома. — Сара-Энн — моя единственная служанка, ее комната внизу, за чуланом — я подумала, что селить вас рядом было бы не совсем прилично, если ты понимаешь, — она сделала секундную паузу, а потом, понизив голос, добавила: — Стоит тебя немного откормить, и отбоя от девушек точно не будет... Ну, открывай дверь!

Джек, пурпурно-алый, с горящими ушами, поспешил войти в предложенную ему комнату и ахнул. Она была огромной... и красивой: по крайней мере, по меркам Уайтчепела, она была просто шикарной. Большая кровать, явно с многолетней историей, но под штофным балдахинном, секретер орехового дерева, шкаф для одежды и даже туалетный столик.

Джек почувствовал себя турецким султаном в его баснословно прекрасном, сказочном дворце.

На полу был постелен мягкий ковер...

— Ну, как тебе твои новые апартаменты? — усмехнулся Ридли, заметив восхищенный взгляд паренька. — Сойдут на первое время?

— Это точно мое? — решил уточнить Джек, не в силах поверить в такую удачу. — У меня никогда не было своей комнаты.

— А теперь будет, — бодро заверила гостя миссис Уиггинс. — И потом, — подпустила она скепсиса в голос, — это не самая лучшая комната в доме. Ты все-таки мой работник, не так ли?

Ридли уверенно произнес:

— И при том самый лучший, миссис Уиггинс. Вот увидите, вы с ним не прогадали!

— Очень на это надеюсь, — отозвалась хозяйка дома, направляясь к дверям. И, уже стоя на пороге, добавила: — Оставим мальчика в покое, пусть обживается. Спокойной ночи, Джек.

— Спокойной ночи, мэм, — отозвался тот абсолютно растерянным голосом.

Оставшись один, Джек сделал несколько шагов по своей собственной комнате и замер как бы в нерешительности: ему все еще не верилось в реальность происходящего — он как будто бы попал в один из своих цветных снов, бывало, сившихся ему время от времени.

Он коснулся столбика кровати... Настоящий. Как, впрочем, и дорожный саквояж, купленный для него инспектором Ридли и теперь оттягивающий руку. Джек примостил его на краешек кровати и щелкнул застежкой: внутри не было ничего, кроме одной смены одежды и материнской Библии — единственной вещи, прихваченной им из прошлого... Ее-то он и извлек из саквояжа, прижав к себе, в тщетной надежде почувствовать материнское присутствие — Энни давно безмолвствовала, а Джеку было так грустно и одиноко... Не осталось никого, кто мог бы скрасить его тоску улыбкой.

Джек так и уснул с Библией под боком и непросохшими от скупых слез ресницами.

Ридли провел в Хартберне два полных дня, и на третье утро, под трели жаворонков и галдеж суетливых воробьев, Джек вышел провожать его на дилижанс до Лондона.

Джек не то чтобы привязался к вечно поддевающему его инспектору — нет, признать такое было бы слишком немужественно — только у него было такое чувство, словно с отъездом Ридли оборвется последняя нить, связывающая его с прошлой жизнью и с Лондоном.

Ридли прав: он «городская крыса», Лондон с его суетливым многообразием и зловонными миазмами Темзы у него в крови, словно древний наркотик, от которого нет исцеления. Сможет ли он прижиться в этой тихой заводи с ее устоявшимися правилами и порядками? Джек сильно в этом сомневался.

— Ну, приятель, — Ридли посмотрел на дорогу: там, вдалеке, клубилась пыль от приближающегося дилижанса, — увидимся еще! Все у тебя будет хорошо, не сомневайся в этом. — Потом, все также глядя вдаль, опустил руку на плечо парнишки и легонько его сжал...

Этот простой знак участия отозвался прямо у Джека в горле: его стиснуло — не продохнуть. Прохладный утренний воздух так и залип в бурно вздымающихся легких...

Так они и стояли, смотря на приближающийся дилижанс и слушая залиvistые трели птиц, и только, когда Ридли занял место на переднем сидении и молча кивнул ему, глядя из приоткрытого окна, у Джека прорезался голос:

— Спасибо, сэр, — произнес он сначала совсем тихо, а потом повторил, громче, отчетливее: — Спасибо. Не знаю, что со мной было бы, кабы не вы...

Ридли мотнул головой.

— Главное, используй то, чем наделил тебя Господь, — и постучал согнутым пальцем по своему виску. — Ты хоть и молод, но далеко не дурак... Я в тебя верю, Джек.

Потом дилижанс тронулся, и Джек в последний раз взмахнул рукой, почти физически ощущая натягивание готовой вот-вот прорваться «нити», а потом отчетливое «пам»... Пуповина, связующая его с прошлым, лопнула с тихим уколом в области сердца!

Дилижанс уже давно скрылся среди холмов, а он все продолжал стоять на одном месте

и провожать его призраком глазами, словно мог проследить путь дилижанса до самого Лондона.

До самого Уайтчепела...

Прямо до их квартирки на чердаке, в которой они с Энни и матерью провели столько счастливых минут.

Еле волоча ноги обратно к дому миссис Уиггинс, Джек припомнил случайно подслушанный разговор между его новой хозяйкой и Ридли. Это случилось на следующее после приезда утро, когда Джек, завалившись в кровати, поднялся не раньше девяти и, спускаясь вниз, услышал тихие голоса в гостиной.

— Если ты ручаешься за него, Энтони, то я, конечно же, сделаю все, чтобы помочь этому мальчику, — говорила миссис Уиггинс, и Джек понял, что говорят они о нем. Больше не о ком...

— Я верю, что из него может выйти толк, — отвечал инспектор непривычно серьезным голосом, — боюсь только, как бы он не поддался эмоциям и не сбежал обратно в Лондон. Там ему делать нечего... Стинет в этой клоаке, как сотни ему подобных. Мне бы хотелось спасти его от подобной участи...

— У тебя доброе сердце, — отозвалась его собеседница, и Джек почти увидел, как расплылось в насмешке лицо инспектора Ридли.

— Вот в этом меня еще никто не обвинял, Гвендолин, — с улыбкой произнес он. — Иные полагают, что моя грудная клетка и вовсе пуста.

— Ерунда, — хмыкнула миссис Уиггинс, — мы-то с тобой знаем правду, не так ли? — И уже другим голосом поинтересовалась: — Так как ты живешь, все так же один... все так же тоскуешь?

И тут уж любопытство окончательно одолело совестливые муки Джека: он весь превратился в слух.

Послышались шаги: должно быть, Ридли встал и прошелся по комнате.

— Я не очень хочу говорить об этом, — наконец произнес он, и Джек даже удивился звучанию этого голоса. Словно в комнате обнаружился другой, незнакомый ему человек... — Пожалуйста, давайте сменим тему нашего разговора.

Еще одна порция тишины — тревожной и почти вязкой.

— Я слышала, ее видели в Монреале, — начала было миссис Уиггинс, но Ридли прервал ее почти гневным:

— Я же просил вас сменить тему этого разговора. — И уже спокойнее: — Все это мне абсолютно не интересно. Скажите лучше, почему вы не наймете себе кухарку? У вас проблемы с деньгами?

— Нет-нет, конечно, — замотала женщина головой. — Не придумывай то, чего нет. Просто я и сама неплохо справляюсь, мне это даже нравится...

— Но Джек...

— Уверена, моих талантов вполне хватит на нас троих. Перестань волноваться по пустякам! К тому же в Торбери есть бюро найма, и я всегда могу обратиться туда... при необходимости.

После этого Джек тихонько поднялся вверх по лестнице и снова спустился, уже стуча каблуками.

— Джек, — позвала его миссис Уиггинс, — надеюсь, ты хорошо выспался... Выглядишь бодрым. Давайте завтракать! — и она кликнула Сару-Энн.

Задняя дверь скрипнула, выдав Джеково возвращение, и миссис Уиггинс, занятая вымешиванием теста для пирога, поинтересовалась:

— Ну, как ты, готов немного поработать? — ее проворные пальцы сыпанули на стол горсть муки и снова принялись месить тесто. Джек, зачарованный ее почти гипнотическими движениями рук, неопределенно пожал плечами... Любые обязанности казались ему заведомо утомительными и гнетущими, как и вся атмосфера этого дома, да и самого Хартберна в целом. Ничто не могло сделать его счастливым, облегчить тоску и рассеять гнетущее одиночество, от которых его сердце стучало в два раза медленнее обычного. Оно как будто бы затухало, подобное пламени свечи, лишенному толики кислорода...

— Дрова рубить умеешь? — поинтересовалась женщина-гренадер. — На заднем дворе тебя дожидаются колода и остро отточенный топор... Твои ближайшие верные сотоварищи! — ее насмешливость напомнила Джеку инспектора, и он даже кисло улыбнулся. — Да смотри не оттяпай себе пару пальцев — назад их уже не пришить. — И оторвавшись от своего занятия: — Ну, разберешься сам или мне тебя проводить?

— Сам как-нибудь, — выдохнул парень, идя к двери.

Дрова он рубил до самого вечера... Как оказалось, махать топором — не самое бесполезное занятие: помимо прочего, помогает прочистить мозги, вытеснив тоску усталостью, ностальгию — бешеными взмахами рук.

Жизнь в Хартберне оказалась именно такой, какой Джек ее себе и представлял: скучной, однообразной, безрадостной — и все именно до того момента, как он увидел ее...

В тот миг три угнетающе-длинных месяца как будто бы растворились в небытии: не осталось ни деревенской школы с ее недобрыми ребятами, смотревшими на него косыми, насмешливыми взглядами (чего это он, дылда великовозрастная, уселся с ними за одну парту, смех, да и только!), ни Гарри Мейсона, десятилетки-переростка, которому ему пришлось не единожды разбить нос, чтобы отучить того соваться к себе по поводу и без, ни даже самой тоски по большому городу, от которой волком хотелось выть...

Ничего не осталось. Ничего, кроме хрупкой девичьей фигурки, укутанной в подбитый лисьим мехом зеленый плащ (зимы в Нортумберленде были суровыми) — Джек подумал тогда, что у него с головой не в порядке... Что от беспрестанной тоски мозг играет с ним злую шутку, рисуя образы из минувшего прошлого. Образы... образ... который, казалось бы, должен был бы явиться ему в последнюю очередь.

Он лучше перехватил сумку со школьными принадлежностями и сиганул в близлежащую булочную: следовало избавиться от наваждения, и бегство показалось Джеку вполне приемлемым способом сделать это. К тому же у него жутко урчало в животе: учеба высасывала из парня все соки... Он ненавидел школу всеми фибрами души! А булочки миссис Питерсон пахли преаппетитнейшим образом, и заесть ими мерзкий привкус «гранита науки» было не самым плохим решением.

Джек купил творожную коврижку и выглянул на улицу, почти опасаясь недавнего видения... Назвать ее иначе не получалось, и потому он был почти рад опустевшей улице с ее редкими вкраплениями людских голосов. Девушка пропала... А, значит, он мог преспокойно идти домой, ну, или, по крайней мере, идти в то место, которое временно называлось его домом.

И тут:

— Джек, эй, я здесь, слышишь меня?

Голос раздался из-за спины, за которой в затейливом закутке из кустов бузины и страстоцвета на него смотрели озорные глаза мисс Блэгни, облаченной в зеленый плащ из лисьих мехов. Джек так и замер вполоборота со сбившимся с ритма сердцем и враз оледеневшими пальцами рук... Творожная коврижка едва не шлепнулась прямо на мостовую.

— Ну, ты чего замер? — привел его в чувства полный укора голосок. — Иди сюда. Скорее!

И он пошел... Шаг, другой — не верилось, что девушка в зеленом воочию стоит перед ним, а не является фигурой из страшного сна, которые подчас пробуждали его раньше времени.

— Мисс Блэгни, — пролепетал Джек совсем тихо. — Что вы здесь делаете?

— Я тебя о том же хотела спросить? — с улыбкой отозвалась она. — Думала, ты мне причудился, даже глазам не поверила. Ах, Джек, — и она коснулась его руки. Порывисто. Мимолетно. Вроде как по-приятельски хлопнула по плечу... — Как же я рада тебя видеть! Это захолустье опротивело мне до ужаса. Думала, с ума сойду от тоски по Лондону — а тут ты...

Она стиснула руки в теплых перчатках — почти молитвенный жест — и Джек удивился, насколько точно она передала его собственную тоску по большому городу. — Ну, как ты здесь оказался? — снова спросила она. — Рассказывай. — И почти с восторгом: — Поверить не могу, что это ты... Частичка Лондона посреди стылого Нортумберленда. Ах Джек...

Ее восторг был таким неподдельным и искренним, что парень даже смутился: она произносила его имя, подобно молитве, — он сглотнул и с запинкой ответил:

— Я вроде как живу здесь. Третий месяц как... Что-то вроде добровольной ссылки. А вы как здесь оказались?

Девушка пожала плечами.

— Так я тоже вроде как в ссылке... — Улыбка ее сделалась ломкой и совершенно безрадостной. — Опозоренная девица, мало того, что сбежавшая в ночь с неугодным обществом кавалером, так еще и умудрившаяся стать жертвой злобного маньяка. Я теперь все равно что прокаженная, Джек... Мне теперь самое место на задворках.

Джек не знал, что на это ответить, только переступил с ноги на ногу и протянул ей успевшую застыть на морозе коврижку — мисс Блэгни улыбнулась. Благодарно... С чувством.

— Ты такой славный, — сказала она дрогнувшим голосом. — Совсем не такой, как они все...

Джек понял, что она говорит о всех людях в целом, особенно о тех богачах, что окружают ее, пусть и опозорившуюся, но дочь самого сэра Хэмфри Риверстона, а этого не стоило сбрасывать со счетов.

Выпечку она не взяла, просто отщипнула маленький кусочек и положила в рот — Джеку подумалось, что она похожа на птенца-переростка — прожевав, девушка произнесла:

— Мне пора идти, Джек. Я живу у миссис Карлайл в Бермут-мэнор, и она следит за мной похлеще цепного пса. Сейчас она думает, что я сижу вон в том экипаже и дожидаясь ее возвращения от модистки... Мне не сдобровать, если она не застанет меня по возвращении! — с этими словами девушка выбралась из кустов и быстрым шагом направилась в сторону указанного ею экипажа.

— Прощай, Джек! — кинула она на ходу, и Джек отозвался лишь взмахом ресниц. На большее его не хватило... Еще секунда — и его видение из прошлого скрылось за дверцей кареты, исчезнув, подобно призраку, — у парня опустилось сердце.

В тот день Джек изменил своей привычке: он не пошел провожать лондонский дилижанс, стоя на продуваемом всеми ветрами перекрестке, как бывало доньше, — он отправился домой и долго прокручивал в голове каждое слово из случившегося разговора. Большим дураком он себя едва ли когда-либо чувствовал: хотелось надавать самому себе оплеух и вообще вычеркнуть собственное нелепое поведение из головы. И работа неплохо этому способствовала...

— Что это с тобой? — спросила Сара-Энн, заметив, как он кривится, словно от зубной боли. — Болит что? Странный ты сегодня какой-то...

Джек от нее отмахнулся: ничего-то она не понимает — мисс Блэгни казалась отголоском далекого былого, обрушившегося на него с сокрушительной силой, о которой он и помыслить не мог... Снова вспомнилась Энни.

И «кукла» в окне проклятого дома...

И Ридли...

И умершая мать.

Джек маялся этими мыслями до самого вечера, а потом долго не мог уснуть, задаваясь одним-единственным вопросом: счастлив ли он свершившемуся свиданию или, наоборот, готов проклинать его, как внезапно постигшее его несчастье...

... Утром он понял, что готов многое отдать за новую встречу с девушкой в зеленом плаще.

Через два дня, воротясь домой из школы, Джек еще издали заметил у дверей карету миссис Карлайл, и сердце его припустило с такой неистовой силой, что он едва не грохнулся на мостовую с мушками перед глазами.

Итак, следовало взять себя в руки и сделать вид, что ничего особенного не произошло...

— О, ты воротился, — Сара-Энн намывала посуду в высоком чане с водой. — В самый раз. У миссис Уиггинс гости, представляешь? — И почти без перехода: — Не мог бы ты натаскать воды из колодца — я бегаю, как заводная, не зная, за что ухватиться.

Джеку очень хотелось узнать, пожаловала ли миссис Карлайл одна или же мисс Блэгни сопровождает ее, что было бы вполне вероятным и таким волнительным одновременно. Однако занимающего его вопроса он так и не задал, только тягал полные ведра воды да раздумывал о причинах данного визита.

Уже выскользнув из кухни, Джек услышал голоса в гостиной и невольно замедлил шаг... Мисс Блэгни тоже была здесь — он узнал вибрации ее голоса — и уйти стало физически невозможно.

И в этот момент миссис Уиггинс окликнула его:

— Джек, это ты? — Должно быть, она расслышала быстрый перестук его сердца, иначе как бы еще она распознала его присутствие... И он ступил на порог комнаты.

— Да, миссис Уиггинс, это я.

Дородная леди с моноклом на длинной цепочке поднесла оный к своему левому глазу и окинула Джека одним быстрым, оценивающим взглядом... И, должно быть, не найдя его достаточно интересной фигурой, лениво выпустила свой оптический прибор из пальцев — тот плюхнулся на ее обтянутую шелками массивную грудь.

Миссис Уиггинс произнесла:

— Мой нынешний гость, Джек Огден, протеже Энтони Рида, вы, должно быть, помните такого?

— Да-да, как же, — отозвалась миссис Карлайл горловым голосом, — это тот мальчик, которого вы взяли под свою опеку после смерти его родителей... Я хорошо помню эту историю. — И почти сразу же добавила: — Так, значит, мы можем рассчитывать на вашу помощь в организации рождественской ярмарки? Ваша помощь была бы просто неоценима.

Джек позволил себе быстрый взгляд в сторону второй гостьи, встретившей его слегка виноватой улыбкой. Парень покраснел и опустил глаза...

Уже уходя, мисс Блэгни почти мимолетным движением руки опустила в ладонь Джека сложенный листок бумаги...

Джек с трудом отсидел уроки, почти вскипая от монотонной зубрежки одних и тех же давно заученных до оскомины текстов... Споро складывать буквы он научился еще с месяц назад, когда миссис Уиггинс самолично вызвалась давать ему вечерние уроки и ужаснулась его явному невежеству — стыд побудил парня подойти к делу серьезнее: и то, что не смогла совершить сестринская забота, сделало уязвленное самолюбие.

В очередной раз вытащив из кармана клочок смятой бумаги, Джек, по-детски шевеля губами, прочел: «Давай встретимся завтра у старой мельницы. Той, что на земле Мастерсов... Приходи после школы. Не задерживайся!»

Простые, казалось бы, слова буквально зачаровали его... Он перекачивал их на языке так и эдак. «Не задерживайся!» «Встретимся завтра...» Мисс Блэгни назначила ему свидание — и какое счастье, что он научился вовремя читать!

Едва тощий учитель позволил им отправляться по домам, как Джек вихрем пронесся по классу, едва не сбивая с ног зазевавшихся одноклассников... Мистер Огис раздраженно вскинул вверх крепко сжатый кулак, готовый отчитать негодника самыми нелестными словами, только того уже и след простыл. Лишь классная дверь пискнула на несмазанных петлях и снова плотно прикрылась...

Джек бежал по сугробам, утопая по самые щиколотки. Снег валил третьи сутки подряд и останавливаться не собирался... Расчищать удавалось лишь самые узкие тропки, и парень не был уверен, сможет ли вообще добраться до старой мельницы, он знал только, что должен был сделать это. Непременно должен...

От быстрого бега сбивалось дыхание, а всклокоченные волосы так и лезли в лицо... Джек содрал в своей теплой меховой одежде, и, когда он почти по-пластунски дополз до места назначенного мисс Блэгни свидания, пар валил от него клубами, завиваясь в промерзшем воздухе белесыми всполохами.

Привалившись к трухлявой, полузасыпанной снегом стене, Джек попытался отдышаться... Легкие жгло огнем.

А потом рядом всхрапнула лошадь, и девичий голосок окликнул его:

— Джек, извини, я совсем не подумала про снег... Как ты добрался? Дороги-то все засыпало.

Усталость как-то разом отступила, и он уставился на девушку в темно-синей амазонке большими, полными мнимой беззаботности глазами:

— Да ничего такого. Ноги у меня длинные, им никакие сугробы нипочем.

Сказал и сам же устыдился своих слов, а мисс Блэгни как-то то ли снисходительно, то ли смущенно полуулыбнулась и попросила:

— Поможешь спешиться. Не хочу, чтобы Томас нас подслушивал! — и подалась вперед, так что Джек едва успел подхватить ее и поставить на землю.

Кровь такой горячей волной ударила ему в голову, что впору было растопить все сугробы на мили вокруг...

— Томас — мой грум, — объясняла между тем девушка, казалось, совсем не замечая смущения собеседника. — Без него меня бы ни за что из дома не выпустили... — И озорно зыркнула глазами: — Приходится подкупать его шестипенсовиками. — Потом ее настроение изменилось, и она спросила: — Ты ведь слышал о том, что случилось с Чедлерами? Не мог не слышать, об этом весь город говорит.

— Вы об исчезновении мистера Чендлера? — предположил Джек. — Говорят, его волки задрали... В этом году они люто злобные, все ближе к селениям подбираются.

А девушка вдруг возьми и воскликни:

— Не правда все это! Не могло с мистером Чендлером такого случиться. Не верю я в это... и ты тоже не верь. — И более уравновешенным тоном: — Найти нам его надо, Джек. Как представляю, что он где-то там... один... среди этого снежного однообразия, ждет помощи, а ее все нет.

У нее на глазах вскипели слезы, и Джек с неожиданной чуткостью понял, что говорит она сейчас не о мистере Чендлере, а скорее о себе самой прежней, запертой в доме безумного Кукловода. Ожидающей помощи... одинокой и всеми покинутой.

Вспомнились ее неподвижные зрачки, глядящие прямо в распахнутое окно... и даже собственный страх, когда эти, казалось бы, омертвелые глаза ожили, и верхнее веко вспорхнуло вниз-вверх, подобно трепетному взмаху крыла бабочки.

Захотелось протянуть руку и коснуться хрупкого плечика, утешить... Вместо этого Джек произнес:

— Но как нам это сделать? Поисковые команды второй день ищут его по всей округе.

Мисс Блэки на секунду прикрыла глаза, и, когда распахнула их вновь, минутная слабость, всколыхнувшая было их тихую голубизну, уже отступила.

— Ты прав, сама не знаю, о чем думала, вызывая тебя сюда... — И с толикой смущения: — Просто ты нашел меня тогда, понимаешь... вот я и подумала, что ты мог бы снова... Глупость какая-то, понимаю! — мотнула она головой. — Это ведь разные вещи. Прости, что потревожила! Я пойду. Да и ты иди, иначе дороги совсем засыпет...

Что-то горькое разлилось по гортани парня, когда он услышал с какой легкостью мисс Блэки усомнилась в его способности помочь ей в поисках пропавшего, захотелось сделать хоть что-то... Только что он мог? По сути, ничего.

Девушка между тем поставила ногу в стремя и легко взлетела в седло.

— Миссис Чендлер — моя подруга, — сказала она Джеку. — Вот почему я приняла этот случай так близко к сердцу. — И совсем тихо: — Спасибо, что пришел...

Горечь продолжала разливаться, парализуя не только гортань, но и язык до самого кончика. Вот почему слова «Надеюсь, мистера Чендлера в скором времени найдут живым и невредимым» вышли у парня такими же корявыми и скрипучими, какой может быть только несмазанная вовремя ступица у деревянного колеса.

А мисс Блэки взмахнула ресницами:

— Я могу держать тебя в курсе дел, если хочешь...

— Я был бы только рад этому. Спасибо!

Парнишка-грум, все это время топтавшийся в стороне, предупреждающе произнес:

— Мисс Блэкни, снег усиливается, лошади могут не пройти.

Та отозвалась:

— Уже едем, Томас, не беспокойся.

Потом еще раз взмахнула ресницами, поворотила лошадь в сторону едва приметной тропки в снегу, и вскоре они с Томасом скрылись вдаль — два черных пятна посреди девственно белого полотна полей.

Джек долго смотрел им вслед, не в силах отвести застывшего взгляда...

Когда он выбрался на Хай-стрит, главную улицу Хартберна, заснеженную не меньше других улиц их непритязательного городка, судьба преподнесла ему неожиданную встречу в лице Тодда Хита, его соседа по парте, да и соседа по несчастью в целом тоже: им обоим приходилось отбиваться от Гарри Мейсона, и это обстоятельство как-то незримо сроднило обоих мальчишек. Пусть сами они и не общались между собой...

Однако сегодня Джек напрямую направился к нему, и решимость, с которой он начал это маленькое сближение, сошла на нет вместе с едва слышным «привет», вылетевшим облачком пара из его рта.

— Привет, — отозвался парнишка сиплым голосом. И тут же хмыкнул: — Чего это ты со мной заговорил? Я уж думал, мы, деревенские, твоего внимания не достойны.

Укор был верный — Джек его заслужил — однако желание сдержит от этого не уменьшилось, и ему пришлось крепко стиснуть кулаки, чтобы взять себя в руки... В конце концов, пора бы уже повзрослеть и не петушиться по поводу и без — ради мисс Блэкни стоило и перетерпеть.

— Я по натуре молчун, — пожал плечами Джек, и Тодд как-то сразу смягчился, словно только того и ждал. — Не люблю разбрасываться словами. Да ты и сам-то не слишком болтливый, разве нет? Мы с тобой друг друга стоим.

Тодд в смущении уткнулся взглядом в носки своих заснеженных ботинок.

— Чего слова зря на ветер бросать...

— Вот и я о том же, — поддакнул ему Джек, и тут же добавил: — Слышал, что в городе говорят? О мистере Чендлере. Как считаешь, его волки задрали или он просто лежит где-то в снегу, дожидаясь помощи? Жуткая история. — И неожиданно для самого себя выдал: — Подумываю вот в поисковый отряд вступить, вдруг помогу чем. Что скажешь?

Его собеседник с секунду помолчал, как бы обдумывая услышанное, а потом замотал головой:

— Да какой с тебя прок, ты ж пришлый, краев наших не знаешь, только обузой будешь. Я б на твоём месте дома сидел... — И почти мрачно: — А мистера Чендлера жалко, хороший был человек. Не стоило ему на охоту в такую погоду-то выбираться... Папка говорит, волки совсем осмелели, до самых Призрачных пещер добрались. Как только метель уляжется, отстреливать их будут. Иначе они и до Хартберна могут прийти... Такое уже бывало лет пять назад.

И Джек спросил:

— А что такое Призрачные пещеры?

Тодд покачал головой, вроде как подобное невежество в ней просто не укладывалось.

— Я ж говорю, пришлый ты, ничего о наших краях не знаешь, — озвучил он свое молчаливое неодобрение. — В Призрачных пещерах нечистая сила водится, всяк это знает: заманивает зазевавшегося путника в свои подземные лабиринты и назад уже не выпускает, — голос у Тодда сделался зловещим, почти пугающим. — Что, страшно?

Джек пожал плечами: самыми страшными чудовищами, в его представлении, были именно люди. Он уже сталкивался с такими... и не единожды. А Тодд все не унимался:

— Никто из местных туда не ходит... Обходят черные провалы стороной, даже в том направлении не глядят. Боятся. Кому ж охота с нечистой силой заигрывать... Гиблое дело. — И выдохнул: — Вот что такое Призрачные пещеры...

Джек же как бы в нерешительности осведомился:

— А что, если мистер Чендлер в этих самых пещерах укрылся? Вдруг его именно там и надо искать...

Красный нос Тодда суксился, словно перезрелая слива.

— Я ж тебе говорю, никто не ходит в Призрачные пещеры, и мистер Чендлер бы не пошел... — И добавил с тем же зловещим придыханием: — А кабы пошел, так его уже никто никогда не увидит! Помяни мое слово, Джек Огден. Помяни мое слово...

После разговора с Тоддом Джек с вполне присущей ему горячностью уверился, что мистер Чендлер, «хороший человек» и муж доброй подруги мисс Блэки, дожидается своего спасения именно в Призрачных пещерах. И так как собственное бессилие и... печальные глаза его недавней собеседницы, так легко разуверившейся в его, Джека, способности помочь, скребли сердце невидимыми глазу коготками, то он, глухой ко всем увещаниям миссис Уиггинс, сбросив с плеч школьный ранец и перехватив немного теплого пирога, отправился вступать в поисковую партию. Той следовало сменить утренних добровольцев, промерзших и усыпанных снегом, подобно снеговикам...

На Джека, конечно, посмотрели скептически, но отказывать не стали: дорога была каждая пара глаз, способная продраться сквозь мили заснеженного пространства, с каждой минутой все больше заносимого новыми снежными сугробами. Погода портилась — метель крепчала.

Джек, с трудом переставляя ноги по хрусткому, подламывающемуся под башмаками снежному насту, не единожды пожалел, что вообще ввязался в подобную авантюру: от ледяного ветра слезились глаза, и влага, кристаллами оледеневая на его ресницах и щеках, превращала лицо в неподвижную маску. Несмотря на теплые рукавицы, он почти не чувствовал пальцев на обеих руках, а от сдерживаемого дыхания, почти залипающего в перетруженных легких, ломило грудную клетку. Казалось, еще чуть-чуть, и она разорвется, подобно лопнувшей тетиве, и его бедное сердце вывалится прямо на кипенно-белое «покрывало» снега.

Джек представил, как оно будет трепыхаться, отчаянно борясь с пробирающим его холодом, а потом затихнет... покроется корочкой льда... и...

— Эй, парень, что с тобой? — один из мужчин тронул его за плечо. — Я тебя который раз кликаю... — Джек глянул на него в недоумении. — Все, уходим, — добавил тот, — метель крепчает с каждой минутой... Так мы и сами поляжем в этих полях. Пошли! — и Джек потащил свое тело в сторону от Призрачных пещер, которые они, как бы парню того ни хотелось, обошли по широкой дуге, так что подобраться к ним не было никакой возможности.

В поместье Чендлеров для добровольцев был приготовлен сытный обед, и Джек, ввалившись в жарко протопленную кухню, почувствовал себя таким несказанно счастливым, каким не чувствовал довольно давно.

— Иди поближе к огню, парень, — обратилась к нему дородная женщина в переднике и

с присыпанными мукою руками. — Ты аж посинел, бедняжечка. Вот ведь горе-то какое... — последнее, должно быть, относилось к ее пропавшему хозяину, и Джек молча проследовал к ярко пылающему огню — зубы у него отбивали чечетку.

После горячего супа с потрохами жизнь начала понемногу возвращаться к Джеку, и он с ужасом подумал о новой необходимости выходить в снежную заметь, так и ломившуюся в защищенные деревянными ставнями окна.

Он как раз жевал кусок сладкого пирога на десерт, когда в кухню ворвалось неожиданное видение в лице мисс Блэки: видение замерло на секунду, удивленное количеством устремленных на себя глаз, потом улыбнулось, пожелав всем приятного аппетита, и только тогда заметило его, Джека... И без того большие глаза девушки округлились еще чуточку больше, и парень заметил в них облегчение — и пусть причина была не совсем ясна для него — это согрело Джека сильнее самого яркого очага в мире.

— Миссис Пэм, не могли бы вы согреть стакан молока, мастеру Гарри снова приснился плохой сон, — обратилась она к кухарке, а потом незаметно поманила Джека за собой.

— Я пришлю его с горничной, — отозвалась на это женщина. — Незачем вам было себя утруждать, спускаясь сюда...

Мисс Блэки улыбнулась:

— Я только рада быть полезной. — И добавила: — Я подожду молоко за дверью, чтобы не смущать этих добрых людей.

Когда она вышла из кухни, а кухарка отправилась в кладовую за молоком, Джек тихонько выскользнул следом за девушкой... Та ждала его в полутемном коридоре, стискивая холодные (Джек почему-то был в этом уверен) руки, и он приблизился к ней грузной походкой, словно древний старик.

— Джек, ты здесь! — голос мисс Блэки заплясал в узком пространстве служебного коридора. — Если бы ты знал, как я рада тебя видеть...

У парня вспыхнули уши — к счастью, девушка этого не заметила.

— Решил помочь в поисках, — глухо отозвался он, глядя куда-то в пол. — Жаль, погода такая, что... Сами понимаете.

— Ах, Джек, — еще раз выдохнула мисс Блэки, — ты такой добрый. — Джек закашлялся бы, не будь его горло таким пересохшим. — Мне не следовало втягивать тебя во все это, — продолжала между тем его собеседница, — но я рада, что ты здесь... — И с самым серьезным выражением: — Если бы ты только знал, что нам рассказал мистер Ричардс, секретарь мистера Чендлера. Я до сих пор не могу прийти в себя...

Ее словам удалось отвлечь парня от личности самой говорившей, и тот взглянул в ее карие глаза с ярко вспыхнувшим любопытством.

— Что-то о самом мистере Чендлере? — поинтересовался Джек в нетерпении.

— Именно так. — Мисс Блэки отступила подальше в тень, и парню пришлось последовать за ней — вход на лестницу для слуг практически скрыл их от глаз миссис Пэм, которая в этот момент появилась из кухни с полным стаканом теплого молока, обернутого салфеткой.

— Мисс Блэки, — позвала она. — Молоко для мастера Гарри готово!

Девушка выпорхнула из-за угла, схватила поднос с молоком и, отблагодарив женщину улыбкой, снова вернулась в их с Джеком укрытие.

— Расскажу вкратце, — бросила она на ходу, — Анна ждет меня с молоком. — И, поставив поднос на нижнюю ступеньку, девушка начала свой рассказ:

— Мистер Чендлер пропал еще вчера, тебе, верно, известно об этом не хуже меня: отправился на охоту, сказал, что хочет проверить проставленные на кроликов силки, да так и не вернулся. Хватились его ближе к обеду... Анна, то есть миссис Чендлер, — поправилась девушка, — была занята с мисс Ховард, новой гувернанткой, прибывшей тем же утром. И весь ужас произошедшего открылся только после того, как лошадь мистера Чендлера вернулась без седока... В сумерках. С оборванной подпругой.

— И что же вам рассказал секретарь?

Мисс Блэки молча кивнула, как бы понимая нетерпение собеседника, и продолжила:

— Мистер Ричардс явился в детскую чуть позже одиннадцати и попросил позволения переговорить с Анной, она как раз возилась с маленьким Гарри — тот всегда отличался богатым воображением, но этой ночью, по его утверждению, ему явилось привидение, и он никак не мог успокоиться. Мы втроем, оставив мальчика на попечение нянюшки Грейс, прошли в библиотеку, и тогда-то мистер Ричардс и рассказал нам о письме трехдневной давности, которое якобы так встревожило его хозяина... Оно пришло утренней почтой, и мистер Ричардс, просматривая корреспонденцию — это входит в его обычные обязанности — обратил внимание на конверт без указания отправившего его корреспондента... Только штемпель местного отделения в Дареме. По словам Ричардса, когда мистер Чендлер его увидел, то побледнел «хуже смерти». Это его собственные слова, — пожала плечами рассказчица. — Выхватил конверт из его рук и спешно вышел из кабинета.

Они с секунду помолчали, а потом Джек для верности поинтересовался:

— И что было в том письме?

— Никто не знает.

Ответ был вполне ожидаемым и поэтому парень задал другой:

— Вы искали его среди вещей мистера Чендлера?

Аманда Блэки утвердительно кивнула.

— Мы просмотрели бумаги в кабинете — письма там нет. — И с неуверенностью: — Разве что оно спрятано в запертом ящике, который мы так и не смогли открыть. — Голос у девушки дрогнул и надломился. — Анна послала за местным констеблем, надеюсь, эта метель не помешает ему добраться до нас. Следовало сделать это уже вчера...

Повисшая между ними тишина наполнилась тенями и гнетущими страхами, но даже бояться в обществе Аманды Блэки было как-то по-особенному приятно, и Джек не спешил прерывать ее вынужденным прощанием. Девушка сделала это первой:

— Тебе, должно быть, пора идти, а я задерживаю тебя своими рассказками... Извини, Джек, это все от нервов! — И она схватила с лестницы поднос со стынувшим молоком: — Анна, верно, потеряла меня. Мне пора.

Как же не хотелось ее отпускать, просто совершенно не хотелось, и Джек выпалил:

— Любой ящик можно открыть. Если хотите, я бы мог попробовать...

— В самом деле? — разом повеселела девушка. — Ты мог бы это сделать? Даже без ключа?!

Хвастаться подобными навыками было не очень удобно, но Джеку польстил энтузиазм собеседницы.

— Всегда можно обойтись без ключа, — с бравадой отозвался он, вскидывая свою русоволосую голову.

Чтобы не привлекать излишнего внимания, они решили подняться по лестнице для слуг:

Джеку было забавно наблюдать, как широкая юбка его спутницы то и дело застревает в узком пространстве лестничного проема, и та дергает ее на себя, ежесекундно удерживая от падения стакан со злополучным молоком.

— Ненавижу эти кринолины! — простонала девушка уже на выходе со смущенной полуулыбкой. — Насколько бы все было проще, будь я мужчиной...

А Джеку подумалось, что мужчиной она нравилась бы ему на порядок меньше... И сам же испугался собственной мысли: девушки вроде мисс Блэки вообще не должны были бы ему нравиться: будь они хоть в женском, хоть в мужском облики — все одно.

— Я только расскажу о нашем плане Анне, — прервала ход его мыслей мисс Блэки, постучав в двери детской комнаты. И добавила: — Не бойся, она хорошая.

Джек не то, чтобы боялся — скорее опасался. Все эти богачи не очень-то жаловали бедный люд, вроде него... Но Анна Чендлер его удивила: она не стала смотреть на одежду, нет, — она посмотрела Джеку в глаза, и тому показалось, что ему заглянули прямо в душу. Ощущение было тревожным... волнительным... необыкновенным! Как будто бы его признали человеком, личностью, а не безгласной букашкой, каковой он всегда себя и чувствовал в присутствии власть имущих.

Разве что рядом с мисс Блэки было иначе...

И с миссис Анной Чендлер, похоже, тоже.

— Ты ведь Джек Огден, не так ли? — спросила молодая женщина. — Я порядком наслышана о тебе... Рада познакомиться! — и протянула тонкую ладонь.

Джек в смущении сжал ее пальцы, что вызвало на лице его новой знакомой легкую, едва наметившуюся улыбку.

Сама она тоже была тонкой и хрупкой, словно статуэтка из севрского фарфора, казалась белесым одуванчиком, готовым разлететься от легкого дуновения ветерка. Глаза у нее были грустные...

— Не знаю, стоит ли нам делать это, — отозвалась она на предложение подруги вскрыть запертый ящик с помощью Джека. — Вдруг следовало бы для начала дожидаться констебля...

Но мисс Блэки живо возразила:

— А что если из-за метели тот еще не скоро доберется до нас, содержимое же ящика может пролить свет на местонахождение твоего мужа и помочь таким образом спасти ему жизнь...

Миссис Чендлер поджала губы, не зная толком на что решиться.

— Хорошо, — произнесла она наконец. — Сделайте это, вскройте этот ящик, и, если найдете что-то интересное, сообщите мне об этом. Я пока побуду с Гарри... он сам не свой из-за этого мнимого призрака.

Мисс Блэки сжала руку подруги, а потом смущенно покачалась:

— Извини, вам придется попросить у миссис Пэм новый стакан молока. Боюсь, этот совершенно застыл...

И ее подруга улыбнулась, но, как показалось Джеку, в уголках ее глаз блестели слезы.

Кабинет мистера Чендлера — он же библиотека — располагался на первом этаже рядом с малой голубой гостиной, стены, уставленные книжными стеллажами, произвели на Джека неизгладимое впечатление — он даже сглотнул, представив себе голову, способную вместить все эти знания.

— Вот этот ящик, — мисс Блэки указала на один из выдвижных ящиков письменного

стола и в ожидании посмотрела на Джека. Тот поглядел на нее в ответ... Занес было руку к девичьей прическе, да отдернул, словно обжегшись...

— Что? — улыбнулась мисс Блэки.

— Можно одну из ваших шпилек? — пролепетал парень, абсолютно не к месту покраснев.

— Ты откроешь замок шпилькой?! — восхитилась девушка в полном восторге. — Я думала, так только в книгах делают...

И Джек буркнул:

— А вы, значит, книжки любите читать? — Он и сам не знал, почему это обстоятельство настолько расстроило его: сам-то он книг не любил... может, поэтому и расстроился этой их книжной несовместимости. Как знать...

— Еще как люблю, — не заметив его угрюмости, ответила Аманда Блэки. — Мне тетушка строжайше запрещает даже в руках их держать... Говорит, у умных женщин в браке дети не рождаются, а мне все равно. Замуж-то меня по любому никто не возьмет... — И заключила почти воинственно: — Вот Анна и снабжает меня контрабандным товаром, выписанным прямо из Лондона.

В этот момент замок ящика поддался, и Джек выдвинул его во всю длину.

Аманда радостно пискнула, и он впервые задумался о ее возрасте: старше, самую малость старше, это он понимал с самого начала, но вот замужество... Какое все-таки счастье, что ни у кого нет на нее матримониальных планов!

— Джек, гляди, думаю это то самое письмо! — они одновременно потянулись за сложенным листком бумаги, и их руки на секунду соприкоснулись. То ли мисс Блэки лучше умела скрывать свои чувства, то ли у Джека, единственного из них двоих, аж искры из глаз посыпались... Этого он так и не понял и потому позволил девушке первой завладеть вождеденным письмом.

— Это оно, — странным голосом констатировала та, поворачиваясь так, чтобы Джек мог читать письмо одновременно с ней. Глаза девушки бежали по строчкам с поразительной для паренька скоростью, просто лондонский поезд с его сорока милями в час, и Джек впервые возблагодарил последние три месяца и миссис Уиггинс в придачу за обучение его грамоте: признаться мисс Блэки в своем неумении читать было бы просто невыносимо.

Он едва миновал треть текста, как та охнула, всплеснув руками с зажатым в пальцах письмом:

— Мы были правы, Джек, это не просто случай на охоте — это чей-то злой умысел. Что же нам делать?

Для начала хотелось бы дочитать письмо, но попросить Джек не решался. К счастью, мисс Блэки принялась перечитывать его во второй раз, и теперь уже вслух.

«Здравствуй, дорогой Джон! Вот я и нашел тебя вновь, хотя, поверь мне на слово, сделать это было ох как не просто... Ты нынче не тот, что был когда-то: деньги сделали из тебя другого человека. Однако, я уверен, ты легко вспомнишь старого друга, того самого, который считает себя вправе требовать с «уважаемого мистера Чендлера» старый, весомый должок... Припомнил, о чем речь? Уверен, что припомнил и не откажешь старому другу в приватной встрече в указанном мною месте. В противном случае ни ты, ни твоя семья не сможете спать спокойно, уж это Джеффри Пирс обещает тебе на полном серьезе. Ты меня знаешь — я слов на ветер не бросаю. Буду ждать твоего ответа...» — И приписка: — «Не глупи, приятель! Ты не в том положении».

Какое-то время они молчали, обдумывая прочитанное, а потом мисс Блэгни сложила письмо и стиснула его в кулаке.

— Надо показать его Анне, вдруг она знает что-то об этом Джеффри Пирсе. Вдруг мистер Чендлер рассказывал ей...

Джек покачал головой — это было маловероятно. Но они все-таки вышли из кабинета и снова направились в детскую на втором этаже...

Миссис Чендлер сидела в высоком кресле и баюкала на руках мальчика лет пяти: у того было зареванное, покрасневшее лицо и темные до черноты волосы. Джек знал, что своих детей у нее с супругом не было, только трое пасынков, которых, судя по всему, та любила почти как родных. Первая жена мистера Чендлера умерла от тифа два года назад... Если Джек правильно помнил, произошло это еще в Америке, где семья на тот момент и проживала.

— Вы нашли его? — тут же оживилась женщина, стараясь не растревожить притихшего ребенка.

Мисс Блэгни кивнула, а потом обратилась к мальчику:

— Гарри, хочешь я прочитаю тебе книжку? Или можем построить замок из кубиков...

Тот нерешительно, но все же слез с материнских рук, и Аманда, передав той письмо, занялась ребенком.

— Кто ты? — спросил тот у Джека, вытаскивая коробку с кубиками. — Я тебя никогда раньше не видел.

Парень растерялся, не зная, чем объяснить свое присутствие в его комнате, и тогда мисс Блэгни сказала:

— Это мой друг, Гарри, Джек Огден. Его можешь не бояться...

— Я и не боюсь, — отозвался Гарри почти обиженно. — Он совсем не страшный... — И тихо, как бы поверяя страшную тайну, добавил: — А вот Белая женщина страшная. У нее огромные горящие глаза и платье из паутины... Она стояла у кровати и смотрела на меня. — И еще тише: — Я даже описался со страху.

Джек с Амандой переглянулись и поспешили отвлечь мальчика от его страшного воспоминания.

Несмотря на метель, поезд прибыл точно по расписанию, и два молодых человека, спрыгнув на пустынный перрон, прижали к головам готовые вот-вот улететь шляпы — огляделись.

— Все как будто бы вымерло, — удивился один из прибывших, совсем юный и враз озябший на ледяном, пронизывающем до костей ветру. Он сильнее запахнулся в свой теплый меховой плащ и даже постучал ногами об пол.

— В такую метель нормальные люди дома сидят, друг мой Эдмунд! — отозвался на его слова спутник. Он, в отличие от своего друга, выглядел более устойчивым к местным морозам и даже как будто бы радовался им.

— Ты прав. Поспешим-ка и мы сделать то же самое! — И уже спускаясь с перрона и минуя хлипкое здание железнодорожной станции, добавил: — Надеюсь, отец не запямятовал отправить за нами коляску. Погода ухудшается с каждой минутой!

Однако поджидающего их экипажа видно не было, и оба молодых человека с тоской оглядели пустынную, заметенную по самые окна домов улицу.

— Эй, смотри, что это там? — парень постарше указал надвигающуюся по дороге

черную точку, с каждой минутой все более обретающую форму лошади с запряженным в него возком. И хохотнул: — Надеюсь, это не наш экипаж?! Право слово, я надеялся на нечто более презентабельное.

Эдмунд Чендлер продолжал вглядываться в приближающиеся дрожки: на таких обычно возили мертвецов, бедолаг, которым не посчастливилось замерзнуть в пути, и парня пробрало до самого нутра — это было нехорошим предзнаменованием.

— Мастер Чендлер, — дрожки поравнялись с обоими путниками, и возница учтиво поклонился. — Соболезную случившемуся с вашим отцом... Мы все молимся за его скорейшее возвращение!

Юноша недоуменно поглядел на говорившего, и тот, мгновенно поняв свою оплошность, воскликнул:

— Так вы еще не знаете... — переполошился он. — Простите, мне, должно быть, не стоило этого говорить.

— В чем дело? — одернул мужчину спутник Эдмунда Чендлера. — О чем вы говорите? И мужичонка, заикаясь и охая, поведал обоим путникам о случившемся в Чендлер-меноре.

У юного Эдмунда окаменело лицо... И тело словно свинцом налилось. А потом он молча обошел похоронные дрожки и отбросил кусок мешковины с лица покойника.

Этот мертвец не был его отцом...

— Нет-нет, мастер Эдмунд, это не ваш отец. Вы зря так подумали! — запричитал мужчина взволнованным голосом. — Я ж говорю, мы все молимся за его благополучное возвращение. А это несчастный бедолага с пустоши... Должно быть, шел от Дарема, да не рассчитал свои силы — вон какой хилый! — его нашли у обочины совершенно замерзшим.

Чарльз Баррет, приятель молодого человека, оттащил друга от мертвого тела и велел вознице отправляться восвояси, что тот и сделал с превеликим удовольствием.

— Уверен, все обойдется, — сказал он приятелю, положив руку на его плечо. И, заметив выкатившийся из-за поворота экипаж Чендлеров, произнес: — Гляди, теперь-то это точно за нами. Отправимся в поместье и узнаем новости из первых рук.

— Простите, господа, — возница виновато пожал плечами, — запозднил из-за метели. Кабы нам только успеть вовремя вернуться: дорогу вот-вот окончательно заметет.

Оба молодых человека легко вспрыгнули в экипаж, и возница поворотил кобылу в обратном направлении. Эдмунд глядел в окно застывшими глазами... Новость об исчезновении отца никак не укладывалась у него в голове.

Она была также внезапна, как удар мешком из-за угла...

Как...

— Остановите экипаж! — Он прокричал это так внезапно, что Баррет заколотил в дверцу кареты, посчитав, что с его другом случилось нечто ужасное. Едва же карета замедлила ход, Эдмунд выскочил наружу и заметался по улице, сжимая голову руками...

— Что происходит? — выскочивший следом за ним Баррет с беспокойством следил за хаотичными метаниями своего друга. — Почему мы стоим? Тебе плохо? Снова головная боль?

Эдмунд взмахнул руками.

— Нет же, дело не в этом, — ему с трудом удавалось перекричать истерические завывания разбушевавшейся стихии. — Мне показалось... просто мне показалось, что я увидел...

— Кого?

— Отца.

Его приятель покачал головой.

— Послушай, Эдмунд, я понимаю, ты все еще в шоке от недавно услышанной новости, но в городе твоего отца нет... — Он с секунду помедлил, с осторожностью примериваясь к каждому слову: — Где ты его видел? — как бы сдаваясь, любопытствовал он.

И молодой человек указал в сторону почтового отделения:

— Там... в двух домах отсюда.

Чарльз Баррет, с трудом преодолевая ледяные порывы ветра, прошел в указанном направлении: переулочек был пуст... Ни единого следа на усыпанной снегом земле.

— Здесь никого нет, — прокричал он своему другу. — Пора ехать дальше. Прошу тебя, вернемся в экипаж!

Они снова заняли свои места в тряской карете, и возница погнал лошадь дальше. Правда, далеко они не уехали: вскоре колеса увязли в высоких сугробах, и проехать дальше не представлялось никакой возможности.

— Придется идти пешком, мастер Эдмунд, — прокричал возница что есть силы. — Экипаж дальше не пройдет, как бы мы того ни хотели, — и он повернулся, чтобы распрячь лошадь. — Тут едва ли больше полутора миль... С божьей помощью доберемся до дома еще к ужину!

Запахнувшись поплотнее в свои меховые плащи, молодые люди отправились на свет далекого огонька в окне спальни на втором этаже, а метель выла, стенала, завивалась замысловатыми узорами, околдовывая вынужденных путников своими ледяными, полными навязчивого очарования напевами.

— Так ушли они, милок, еще с полчаса как ушли, — всплеснула руками полнотелая Пэм, заслышав вопрос Джека о мужчинах из поискового отряда. — Сам-то где пропал? Никто и не вспомнил о тебе ни разочку. Вот беда-то... — И она глянула на мисс Блэгни, в задумчивости замершую чуть поодаль. — Сам-то ты дорогу вряд ли найдешь, да и метель крепчает.

— А как же экипаж? — вступила в разговор девушка. — Мы могли бы отправить Джека с возницей.

Кухарка даже глаза округлила, правда, вслух удивления не высказала, только посоветовала с миссис Корн поговорить, мол, экономке виднее что к чему.

Сама миссис Корн, железной рукой управляющаяся с хозяйством семейства Чендлер, только головой покачала:

— Так экипаж отправили за мастером Эдмундом, миледи, тот должен был прибыть пятичасовым поездом из Лондона... Надеюсь, у них получится прорваться сквозь эту метель, она нынче разошлась не на шутку. — И словно в подтверждение данного факта, сильнейший порыв ветра сотряс оконные ставни и всколыхнул пламя в ярко горящем камине. — Боже мой, — ахнула женщина, сцепив руки в крепкий замок, — бедный мистер Чендлер! — И, тут же взяв себя в руки, добавила: — Я погляжу, что можно будет сделать. Но, возможно, лучшим решением было бы переночевать в доме... Я распорядюсь постелить мальчику на кухню, если вы не возражаете.

Мисс Блэгни благодарно ей улыбнулась, а стук во входную дверь заставил всех троих прервать разговор и поспешить на громогласный зов с улицы.

— Что с вами приключилось? — услышали они еще издали голос миссис Чендлер,

взволнованно вопрошающий обоих путников, впущенных на порог. — Вы похожи на снежные сугробы... Скорее проходите к огню! Миссис Корн, прикажите подбросить дров в камин — в такую непогоду грех экономить на тепле, — это уже в сторону подоспевшей экономки. Через минуту в комнате появилась горничная с полной корзиной поленьев, и камин разгорелся с новой силой, даря такие необходимые тепло и уют, в пику грозным завываниям за окнами гостинной.

— Миссис Чендлер, позвольте познакомить вас с моим другом, Чарльзом Барретом, баронетом, — произнес молодой человек, обращаясь к своей мачехе, — я позволил себе пригласить его на рождественские каникулы, но нынешние обстоятельства... с отцом... — голос его надломился и смолк.

Анна Чендлер понурилась:

— Вы уже знаете... — сказала она. — Очень жаль, что все так вышло, только я не стало уведомлять вас письмом — оно все равно не застало бы вас на месте. — И протянула мистеру Баррету руку: — Приятно познакомиться. Вы всегда будете желанным гостем в нашем доме, жаль только, знакомство наше произошло при столь печальных обстоятельствах.

Молодой человек тепло ей улыбнулся.

— Надеюсь, я смогу быть вам полезен, — отозвался он, целую протянутую ему руку.

Миссис Пэм гремела посудой, ежеминутно заглядывая то в одну пышущую жаром кастрюлю, то в другую — ее более юные помощницы вертелись, как суетливые белки. Они готовили ужин, и Джек чувствовал, что лезет им под руку, мешая совершать привычные действия.

Он молча прошмыгнул в дверь и заметил одну из горничных, направляющихся вверх по лестнице.

— Э, могу помочь, если хочешь, — предложил он, заметив в руках девушки два тяжелых серебряных канделябра.

— Хочу, — кокетливо отозвалась та и вручила Джеку один из подсвечников. — Хозяйка велела снести их на чердак: говорит, они портят общее впечатление от малой гостинной, — горничная пожала плечами, мол, такие тонкие материи далеки от ее понимания. И поинтересовалась: — А ты долго у нас пробудешь?

— Думаю, до утра.

— Жаль, — хмыкнула девушка, — помощник, вроде тебя, мне бы не помешал.

Она зыркнула на Джека многозначительным взглядом, а потом толкнула чердачную дверь, запертую на простую деревянную щеколду.

Холод здесь был почти пронизывающий: ледяные порывы ветра, продували помещение, что говорится, насквозь, и завывали с такой устрашающей силой, что маленькая горничная даже пискнула, наткнувшись в полумраке на чучело лисицы с неестественно застывшими в неподвижности глазами.

— Ненавижу это место, — пробормотала она, водружая канделябр на один из массивных столов, составленных у стены. — Столько старых вещей... Столько пыли. Не удивилась бы, поселись здесь какое-нибудь привидение...

— Вроде Белой женщины? — решил поддержать разговор Джек, и его спутница бросилась к распахнутой в коридор двери.

— Мне пора. Ты идешь?

— Ничего, если я чуток тут побуду?

Горничная пожалала плечами.

— А не стащишь чего?

— Ага, вон тот миленький сервант со старой посудой как раз поместится в моем кармане.

Девушка улыбнулась и побежала вниз по лестнице — ей не терпелось оказаться как можно дальше от полутемного помещения со зловещими скрипами и тенями, пугающими ее до дрожи.

Джек огляделся: желтый лунный свет, вливающийся сквозь круглое чердачное окно, создавал причудливые фантасмагории, в которых шкафы превращались в притаившихся в засаде злобных разбойников, а напольные вазы — в подручных им гоблинов. И все так и норовили уцепить его за одежду, урвать кусочек еще живой, пышащей жаром плоти... Джек прошелся до самого дальнего угла и, заметив прикрытые полотном картины в тяжелых рамах, из любопытства откинул покрывало... С портрета на него смотрели высокий мужчина со строгим, проникнутым печалью лицом и молодой парнишка примерно его, Джека, лет. У него было такое несчастное лицо, что Джек даже улыбнулся... Должно быть, позировать для портрета тому было чрезвычайно скучно, и Джек легко его понимал.

Странно, что все эти портреты не развешаны, как это водится, по стенам Чендлер-менора, а пылятся в самом дальнем углу продуваемого всеми ветрами заброшенного чердака.

Возвращаться на кухню Джеку не хотелось, и он, заметив маленькую оттоманку, стянул с нее покрывало, укутался в него с ног до головы, да так и прилег, прокручивая в голове события нынешнего дня. Событий получилось невероятно много, и он задремал уже на разговоре с Тоддом, голос которого тянулся и плавился, нашептывая, как в бреду: «приииизрачные пееещерыыы... зааманиваюуюют неооосторожныых пуутникооов». А потом все перекрыли тихие шаги... Цок-цок-цок. Стучали каблучки неизвестно чьих туфель... Джек окончательно проснулся, но глаза открыть не осмелился: он представил, как над ним стоит Белая женщина и молча ждет, когда же он сделает это. Распахнет глаза и задохнется от ужаса...

Теплая ладонь легла на его плечо.

Крик, вскипевший было на губах парня, замер втуне, когда тихий голос произнес:

— Ты хорошо спрятался, ни за что бы не нашла тебя, если бы мне не подсказали, где искать... Что ты здесь делаешь?

И Джек, придав себе вертикальное положение, сказал как есть:

— Отдыхаю. Задремал на секунду...

Мисс Блэки улыбнулась.

— Хорошее же ты нашел местечко для отдыха, ничего не скажешь. — Чуток помолчала, словно дожидаясь чего-то, а потом добавила: — Может, и мне стоит приходить сюда время от времени. Здесь так спокойно, не то, что в доме моей тетушки Кэролайн. — И, сказав это, втиснулась на свободное место рядом с Джеком...

Тот попытался было отодвинуться — юбки мисс Блэки накрыли ему ноги покрывалом — только вот оттоманка была маленькой, двухместной... и отодвинуться ему было некуда. В тот момент Джек понял, что близости своей новой знакомой боится сильнее присутствия бестелесного привидения... Сердце, подскочившее к самому горлу, закупорило весь воздух, и парень, пытаясь выровнять враз сбившееся дыхание, услышал, как девушка потирает озябшие плечи и говорит:

— Здесь так холодно, Джек. Жаль, я не захватила с собой шаль, она бы мне сейчас пригодилась.

И так как тот продолжал бороться с собственным дыханием и совсем не понимал тонких намеков, мисс Блэгни самолично расправила сбившийся край Джекова покрывала и набросила его себе на плечи.

Так они и сидели, плечом к плечу, под одним покрывалом, слушая яростные завывания снежной стихии, пока девушка снова не сказала:

— Ты когда-нибудь вспоминаешь о Случившемся?

И Джек сразу же понял, что говорит она вовсе не о пропавшем мистере Чендлере, а с себе самой из прошлого.

— И дня не проходит, чтобы я этого не делал, — произнес он тихим голосом. — А еще сны снятся всякие... неприятные. Я после них в поту просыпаюсь...

Девушка кивнула, вроде как отлично понимая, о чем говорит ее собеседник.

— Я вообще не вижу снов, — призналась она, — что только к лучшему, конечно, а вот воспоминания мучают меня постоянно. Эта комната в доме Мейбери, этот навязчивый аромат садовых роз... — Она брезгливо передернулась, и Джек почувствовал волну накрывшей ее брезгливости через легкое касание девичьего плеча. — Когда у меня будет свой дом... если у меня будет однажды свой дом, — поправила мисс Блэгни, — в моем саду никогда не будут расти розы. Никогда. Ни одной. Только ирисы, ромашки и садовые маки. Такие большие, с крупными головками. А еще подснежники, — добавила она с неожиданным энтузиазмом, — меня восхищает их способность цвести сразу после стылых метелей, пробиваясь сквозь полностью не сошедший снег. В этом есть нечто поучительное для каждого из нас, ты не находишь, Джек?

Джек не знал, что на это ответить, его рациональный ум не очень разбирался во всяких там метафорических хитросплетениях, он понял только, что говорит она скорее всего о жизни «после» всего случившегося и задал, как ему казалось, вполне логичный вопрос.

— А лейтенант Берроуз, вы виделись с ним после М... того? — он хотел сказать «Мейбери», но вспомнил о собственном запрете на произношение этого имени.

Аманда отрицательно замотала головой, слишком рьяно, как показалось Джеку, и это его отчего-то обрадовало.

— Не привелось, — ответила девушка. — Нам просто не дали этого сделать. Поначалу родители пытались было хоть как-то сдержать поток молвы, связанный с моим именем, и когда поняли, что это никак невозможно сделать, просто сослал меня к тетке в Нортумберленд... С глаз долой — из сердца вон, как говорится. С Берроузом они поступили так же: его отправили на корабль, где, я полагаю, он сейчас и находится. Вот и вся история. — После недолгого молчания она с грустью добавила: — Даже не написал мне ни разу. Знаю, письмо бы все равно перехватили, но все же...

— Так, может, он писал, вы просто не знаете, — ляпнул зачем-то Джек.

— Ах нет, — возразила ему мисс Блэгни, — тетушка бы не преминула тыкнуть меня этим в лицо. Я для нее как кость в горле... Опозорившаяся девица. Бельмо на репутации семейства Риверстон. По ее мнению, меня ждет озеро огненное и клеймо развратницы, выжженное прямо на моем лбу.

Джеку жутко захотелось узнать, любит ли она по-прежнему своего незадачливого кавалера или же чувства сошли на нет вместе с трехдневным пленом в доме собственного кузена и разлукой с предметом своего чувства. Вот только спросить он не осмеливался...

— Поверишь ли, сейчас я и сама не понимаю, что побудило меня решиться на этот нелепейший побег с Берроузом, — продолжала между тем мисс Блэки. — Мне казалось, мы уплывем на его корабле — на его военном корабле! — воскликнула она так, словно глупее ничего в жизни не слыхала, — и будем вести жизнь вольных «пиратов», путешествуя по всему миру. Можно ли вообразить нечто нелепее этого? — И сама же ответила: — Вот видишь, Джек, какой глупышкой я была когда-то. Маленькая, романтическая Аманда Блэки... Сейчас я как будто бы на сто лет старше, и мне уже не семнадцать, а все сто семнадцать с маленьким хвостиком.

Из ее речи Джек вычленил только одно: эта девушка в белом платье и с гипнотическими карими глазами старше его на целый год, и это обстоятельство еще одним весомым камушком упало на чашу их кажущейся несовместимости. О непреодолимой разнице в их сословной иерархии Джек постарался благополучно запомнить...

В этот момент его собеседница заметила наблюдающий за ними с приоткрытого портрета взгляд строгого мужчины и мальчика.

— Ох, он как будто наблюдает за нами, — проговорила она, поежившись и отведя взгляд от портрета. — Жуткое ощущение. Давай спустимся вниз, нас, должно быть, скоро позовут к ужину. Не хочу волновать Анну понапрасну... И улыбнулась: — Тетушка оставила меня ей на поруки, наказав помогать подруге в тяжелых обстоятельствах. Только от меня, как видишь, толку немного... Сижу на чердаке и жалуясь тебе на свою горькую участь, а ведь тебе, верно, еще тяжелее пришлось... Твоя сестра... я слышала об этом...

В этот момент голос горничной окликнул Джека со стороны лестницы.

— Джек Огден, если не желаете остаться голодным, то вам лучше бы спуститься вниз и перестать распугивать пауков на этом мрачном чердаке с привидениями!

— Уже иду! — отозвался он на этот призыв, и, когда башмаки девушки, застучали по лестнице в обратном направлении, они с мисс Блэки выскользнули наружу и разошлись в противоположных направлениях.

— А вот и наш пропавший мальчик! — поприветствовала Джека старушка с испещренным морщинами лицом. Он смутно припомнил, что видел ее в детской, когда они с мисс Блэки пытались занять игрой мастера Гарри...

Нянюшка Грейс — древняя, как сами стены Чендлер-менора.

— Я как бы и не пропадал... — в смущении замялся паренек. — Я так... не хотел мельтешить под ногами...

Глаза старой женщины, хоть и подернутые поволокой старости, глядели озорно, многозначительно, как будто бы высверливая знания о человеке из самых глубин его сердца. Под этим взглядом Джек совсем стушевался — к счастью, вопрос миссис Пэм, кухарки, отвлек доморощенного оракула в лице нянюшки Грейс от его персоны:

— Так вы, матушка Бриггс, будете с нами ужинать или как?

— С вами, милая, с вами, — отозвалась та, враз помрачнев. — Эта новая гувернантка, мисс Ховард, будь она трижды неладна, упростила меня, оставить их с детьми отужинать в одиночестве, — и без того суксившееся лицо нянюшки Бриггс сморщилось еще больше. — Считай, выставила меня за дверь детской, словно нашкодившее дитя... Говорит, мол, ей надо наладить с воспитанниками более тесные взаимоотношения, и сделать это непросто, если их старая нянюшка путается у нее под ногами.

— Так и сказала? — всплеснула руками удивленная женщина.

Старуха передернулась всем телом.

— Смысл был именно таков, моя милая. Я достаточно стара, чтобы научиться читать между строк...

Кухня постепенно наполнилась людьми, и, прочитав короткую молитву, слуги приступили к трапезе. Джек, ощущающий себя крайне неловко, оказался зажат между все той же старой нянюшкой Бриггс и лакеем Сэмюэлем, парнем с большим самомнением. Оно выдавалось прямо из его вечно вздернутого подбородка и излишне длинного носа с легкой вмятиной посередине... Казалось, железный штырь, данный ему природой вместо позвоночника, не был предусмотрен для сгибания ни в одном из отделов его идеально ровной спины. Джек безуспешно распрямлял плечи, подстраиваясь под этот безупречный образчик, да только ничего у него так и не вышло, он лишь развеселил нянюшку Бриггс, неожиданно хлопнувшую его плечу:

— Ты напомнил мне нашего хозяина, мальчик, — сказала она. — Мастера Джона — да смилуется над ним Господь! Я ведь его еще вот таким на руках держала, — она развела ладони на фута два, не больше, — ох и орущим же он был младенчиком, спасу от него никому не было. Повитуха, призванная принять роды у миссис Чендлер, еще, намаявшись с ним в материнской утробе (младенчик никак не желал выходить, крутился, аки детская юла), так и сказала, хлопая его по гладкой попке: «Козлик ты мой неугомонный! — да как в воду глядела. Таким мастер Джон и рос: неугомонным, резвым, вечно скачущим по дому вприпрыжку... — Старуха расчувствовалась, припоминая былое, черты ее лица разгладились: — Никогда он не ходил спокойно, — улыбнулась она, — все скакал и скакал, а серебряные волосенки так и вились вокруг его головы. — Теперь она глянула на растрепанную шевелюру Джека и даже вздохнула: — Нелегкая ему досталась судьбинushка, мастеру Джону-то, — продолжила она уже без улыбки: — Отец его оказался человеком бессовестным — да простит меня Господь за эти слова! — прокутил семейное состояние за карточным столом да в компании неугодных женщин — так с горя и застрелился, оставив молодую жену вдовой, а сына — сиротой без гроша за душой.

Весь стол притих, вслушиваясь в рассказ старой женщины, и та снова вздохнула:

— Тяжкое это было время, ох, тяжкое, скажу я вам: миссис Чендлер оказалась запертой в этом доме вместе с нелюдимым и чрезмерно строгим свекром... Давешний хозяин был не чета нынешнему: мотовство и самоубийство сына глубоко ранили его, и он считал, что бедная женщина косвенно виновата в случившемся. Не образумила мужа, не удержала от дурного влияния... Ох и лютовал он на нее, бывало — бедняжка чахла день ото дня. Пока однажды так и не поднялась после особенно затяжной простуды... Доктор сказал, силы оставили ее, организм не желал бороться с хворью. Думаю, недоедание и тоска сделали свое дело, подточили и без того хрупкое здоровье. Так мальчик и остался круглым сиротой... — печально выдохнула нянюшка.

Джек подумал тогда, что, верно, портрет мистера Чендлера-старшего они с мисс Блэкни и видели сегодня на чердаке, его и его внука Джона, нынешнего хозяина поместья. А нянюшка между тем продолжала:

— Мальчику тогда лет двенадцать было или чуток больше, не скажу точно — много воды утекло с тех пор — и все-то он говаривал мне, бывало: «Вырасту, нянюшка, — снова богатым стану. Дом заново отстрою — никому не позволю над собой измываться», — рассказчица улыбнулась. — И ведь все так и случилось: и дом отстроил, и уважение местных заслужил, и семью вот какую чудесную заимел...

Джеку стало любопытно, и он поинтересовался:

— А как он разбогатеет-то сумел? — И нянюшка Бриггс похлопала парня по гладкой щеке:

— Так на алмазных приисках и разбогател. Двадцать лет я его не видела, двадцать лет все ждала и ждала... Думала, дом и вовсе рассыпется, пока наш мастер Джон-то вернется. Ан-нет, не рассыпался, дождался хозяина. И вот... — старуха замолчала, погрузившись в свои мысли, казалось, рассказ ее окончен, и можно бы вставать из-за стола, только раззадоренное любопытство не давало Джеку покоя:

— А где эти алмазные прииски находятся? — снова спросил он старую нянюшку.

Та встрепенулась, крякнула, разминая затекшую спину, сказала:

— В Бразилии, милок, где ж еще... Я прежде и страны-то такой не знала, да вот после бегства мастера Джона и выучила... А побег он равнехонько, когда ему пятнадцать исполнилось, прямо на следующее утро и побег: вошла я в комнату будить негодника, а его-то и нет. Мистер Чендлер тогда все, что мог сделал, да так мальчонку и не нашли. Лишь много позже пришло письмо из Нью-Йорка: беглец наш писал, что путешествие в Новый Свет прошло удачно и что волноваться нам не стоит, только молиться о его, Джоне, благополучии. Мол, вернется-де он богатым человеком и заживем мы лучше прежнего... — Старуха в задумчивости покивала головой. — Вот мы с мистером Чендлером и ждала... равнехонько двадцать лет и три месяца. Мы-то уж и не надеялись увидеть мальчонку живым, давненько на тот момент от него весточек не было, а тут письмо: встречайте блудного сына, буду через два месяца... Хозяин аж преобразился весь. Скинул лишний десяток лет... Да на радостях и помер, — вздохнула рассказчица, — недели до возвращения внука не дожил. Сердце не выдержало... Я его и нашла: в кабинете, за письменным столом. Жуткое было зрелище и... печальное. Вот как все было, милок, вот как все было... — И, вскинув седовласую голову, старуха с новым энтузиазмом заключила: — Не верю я, что мастер Джон вот так просто погибнуть мог: двадцать лет на чужбине не сгинул, а здесь, в родных краях, полег почем зря... Быть такого не может. Не верю! Не бывать такому никогда.

Миссис Пэм, поднявшись со своего места, подошла и похлопала старую женщину по плечу.

— Не переживайте, нянюшка Бриггс, уверена найдется наш хозяин живым и здоровым. Не могло с ним ничего страшного случиться, ну, скажите, не могло ведь, не так ли? — обратилась она к остальным сотрапезникам.

Те скупно поддакнули, хотя особой уверенности Джек в них не заметил. Сильнейший порыв ветра, как на зло, с новой силой ударил в оконные створки, и те застонали, заунывно и жалобно, словно малые дети. Казалось, погода насмехалась над человеческой верой в способность плоти и крови тягаться с ее нечеловеческими силами... А мистер Чендлер был именно плотью и кровью, оставленный на растерзание безжалостной стихии.

Повисла гнетущая тишина... Лишь треск дров в очаге нарушал ее полнящееся тревожными мыслями напряжение.

А потом раздался громкий стук в дверь — особо впечатлительные вздрогнули, схватившись за сердце. Джек и сам едва не подскочил на месте...

Стучали со стороны главного входа.

— Кого это нечистая принесла в такую-то погоду? — озвучила всеобщую мысль экономка, решительно поднимаясь из-за стола. — Я полагала, дороги засыпало — не проехать.

— Так и есть, миссис Корн, — отозвался бедняга-кучер, отправленный давеча на станцию за мастером Гарри и его другом. — Наш экипаж до сих брошен на полпути между Хартберном и Чендлер-менором. Проехать решительно невозможно...

— Однако кто-то стучит в нашу дверь, — как бы даже с осуждением за подобную вольность произнесла миссис Корн, устремляясь на зов неизвестного наглеца.

Джек, выскользнув из-за стола, устремился следом за ней — любопытство не давало ему усидеть на месте.

Выйдя на хозяйскую половину, миссис Корн решительно направилась к входной двери — миссис Чендлер, мисс Блэки, оба молодых джентльмена и некий франт с щеточкой на помаженных усах (должно быть, секретарь мистера Чендлера) как раз вышли из столовой и замерли в нетерпеливом ожидании.

Едва была повернута дверная ручка, как бушующая снаружи стихия, ворвавшись в дом, обдала миссис Корн белым облаком взметнувшихся в воздухе снежинок, а высокая фигура, внезапно заслонившая дверной проем — исторгла из груди обычно бесстрашной женщины глухой, придушенный вскрик.

— Не пугайтесь, моя дорогая, — произнес неожиданный гость, захлопывая дверь и припадая к ней спиной. — Это всего лишь я, Нил Саймон, констебль из Дарема, ваша хозяйка писала мне и просила приехать, как можно скорее.

Миссис Корн, страх которой сошел на нет, а вот раздражение на его виновника лишь усилилось в геометрической прогрессии, одарила констебля Саймона неприязненным взглядом.

— Вам следовало стучать в дверь с другой стороны, — припечатала она голосом оскорбленного достоинства. — Это вход для господ, чтобы вы знали.

Констебль Саймон не выглядел пристыженным: он только распахнул свое длиннополое пальто и скинул его на руки абсолютно ошарашенной подобной наглостью экономке.

Инспектор сидел у камина в малой гостиной и попивал горячий чай, предложенный ему хозяйкой. Сама женщина с волнением говорила:

— Право слово, мне просто не верится, что вы смогли прорваться сквозь эту метель — это настоящее чудо, констебль. — Она благодарно ему улыбнулась.

— Я просто не мог иначе, — отозвался тот грудным, басистым голосом. — Едва получив ваше послание, я сразу же отправился в путь. Правда, в Хартберне мне пришлось порядком потрудиться, чтобы уговорить хозяина гостиницы одолжить мне лошадь до Чендлер-менора, в итоге тот вызвался отвезти меня на своей бричке, однако на полпути, устранившись высоких сугробов, хотел было повернуть обратно в город, — тут мужчина выдержал театральную паузу, — только я, отпустив его с миром, самолично отправился к намеченной мною цели. Итак, — он выпил остатки чая одним длинным, тягучим глотком и отставил чашку в сторону, — о чем таком важном вы должны были мне рассказать? Я полностью в вашем распоряжении, господа, пожалуйста, говорите.

Анна Чендлер, все еще слишком зачарованная смелостью незнакомого ей констебля, не сразу нашлась с ответом, к счастью, инициативу перенял ее пасынок, Эдмунд Чендлер, который и произнес:

— Полагаю, вы слышали о моем отце, мистер Саймон: утром третьего дня он отправился на охоту, да так и не вернулся. С помощью миссис Чендлер были организованы добровольческие поисковые отряды, прочесывающие округу последние два дня без

передышки. Однако никаких следов отца обнаружить так и не удалось, — парень прокашлялся, словно у него запершило в горле. — А сегодня открылись новые обстоятельства... — теперь он глянул на мачеху, и та протянула констеблю обнаруженное в запертом ящике хозяйского стола письмо.

— Это послание, по словам мистера Ричардса, секретаря моего мужа, — пояснила она, глянув в сторону названного джентльмена, — супруг получил накануне своего исчезновения, оно, как показалось мистеру Ричардсу, чрезвычайно расстроило и взволновало его.

— Где вы его нашли? — брови констебля, густые, похожие на толстых гусениц, медленно сошлись на переносице. Глаза же бегло бежали по незамысловатому тексту поданного ему письма...

— В кабинете мужа... — женщина смутилась, — в запертом ящике стола.

Констебль позволил себе многозначительно приподнять уголок своих тонких, нитевидных губ, не более.

— Так, так, так, — протянул он, прижимая письмо ладонью к своему колену и внимательно осматривая каждого находившегося в комнате.

Под прицелом этого взгляда мистер Ричардс, молодой человек с лицом регента церковного хора, нервно дернулся. Запустил палец за тугую воротничок и слегка его оттянул.

Констебль Саймон улыбнулся... Наигранно спокойной улыбкой.

— Вы, должно быть, не знаете, — произнес он, — только в Хартберне нынче пропал еще один человек.

У Джека, подслушивающего разговор за дверью, участилось дыхание, а миссис Чендлер ахнула:

— Еще один... Кто это? Мы знаем его?

— По словам квартирной хозяйки, некий незнакомец снял у нее комнату на два дня, сказал, что хочет переждать непогоду в городе, не подвергая свою жизнь бессмысленному риску, путешествуя в столь неблагоприятных погодных условиях. Однако, — констебль Саймон еще раз окинул каждого в комнате внимательным взглядом, — сегодня утром, когда миссис Хилл понесла постояльцу полагающийся ему завтрак, того в комнате не оказалось... и за целый день он так и не удосужился появиться.

— Он мог просто-напросто задержаться в гостях ли в любом другом месте, разве нет? — предположил мистер Баррет, до этого молчавший.

— У данного постояльца, по его же собственным словам, в городе не было ни одного знакомого, — возразил констебль Саймон, снова хлопывая по письму. — И я вот что подумал, — произнес он в задумчивости, — что если этот исчезнувший человек и Джеффри Пирс из данного послания — это один и тот же человек... Что если, этот недоброжелатель из прошлого не просто исчез неведомо куда — а мы будем исходить из того факта, что постоялец миссис Хилл был именно Джеффри Пирсом — что если, он сейчас в доме и подыскивает новую жертву своего мстительного плана...

В комнате как будто бы стало на несколько градусов холоднее — ярко потрескивающий камин не смог уберечь группу присутствующих от зябкого озноба, пробравшего их до костей.

Анна Чендлер и мисс Блэки одновременно запахнулись в накинутые на плечи теплые шали, Эдмунд Чендлер и Баррет переглянулись... Молодой секретарь тяжело сглотнул.

— Этого не может быть, — первой нашлась со словами миссис Чендлер. — Если мой муж отправился на встречу с этим человеком, то зачем Джеффри Пирсу трогать еще и нас...

Мы даже не знаем, что ему нужно. Уверена, все слова в этом письме — грязный навет! Мой муж — благородный человек, привыкший платить по счетам, какими бы они ни были, — ее голос сорвался, и она порывисто схватилась за руку подруги, стараясь унять готовые прорваться слезы.

Один только Эдмунд Чендлер решился высказать всеобщую пугающую мысль вслух:

— Если мой отец встретился с этим человеком, то, как вы полагаете, мог ли он остаться в живых... Тон этого письма довольно пугающий, если подумать.

Констебль Саймон, пригладив пальцами свои пышные усы, хмыкнул в кулак:

— Полагаю, случиться могло все, что угодно, молодой человек, — ответил он только. — А потому исключать присутствие в доме чужого человека я бы не стал.

— Чужаков в доме нет, — твердо заверила констебля миссис Чендлер. — Мы все хорошо знаем друг друга... Разве что прибыла новая гувернантка, — решила добавить она, — так ее резюме безупречно, и у меня нет оснований подозревать в ней... мужчину, — она высоко вскинула подбородок.

— Если уж на то пошло, — вступила в разговор мисс Блэки, — то единственный чужак в доме — это вы сами, констебль Нил Саймон.

Ее глаза не без вызова проšliсь по его высокой фигуре, затянутой в казенное платье, и мужчина усмехнулся:

— Я вам не враг, милая леди, — обратился он к девушке, — я только делаю свою работу.

— Вот и делайте ее, не оскорбляя ни одного из нас своими беспочвенными подозрениями.

Улыбка констебля сделалась еще чуточку шире.

Все давно разошлись по своим комнатам... Дом затих. Уснул даже маленький Гарри, крепко прижимавший к себе Мистера Смелчака, самодельного кролика нянюшки Бриггс. Его сестра Мэри, тихая, вечно погруженная в себя девочка, увидев вошедшую пожелать ей спокойной ночи молодую мачеху, серьезно произнесла:

— Мне нравится мисс Ховард, она хорошая.

Женщина погладила ее по волосам:

— Я рада этому, дорогая. Спи спокойно!

И та неожиданно спросила:

— А папа скоро вернется?

— Скоро, — ответила Анна, вспыхнув от явной лжи, сорвавшейся с языка.

В благополучный исход она больше не верила...

— Я помолюсь за него, — прошелестел детский голосок, приглушенный пуховым одеялом, и женщина вышла из комнаты.

Она уже дважды прошлась по дому, удостоверившись, что дворецкий крепко-накрепко запер все двери и окна — нужды в этом, правда, было не много: метель охраняла получше самого бдительного из слуг, и что делать, если угроза таилась в самом доме... Прямо здесь, в этих стенах, которые стали ей так дороги! Верить в подобное было непросто.

Почти невозможно...

Анна заметила проблеск света, пробивавшийся из-под двери библиотеки, и на один краткий миг вообразила, что Джон, ее таинственным образом исчезнувший супруг, вернулся... Сидит за своим рабочим столом и перебирает бумаги, попыхивая толстой сигарой, от запаха которых ее всегда немного подташнивало. Он пристрастился к ним еще в

Бразилии, батрача на алмазодобывающих приисках... Той, другой, его жизни Анна даже представить себе не могла. Ее холеный, одетый с иголки муж никак не вязался с образом бедолаги-труженика, своими руками промывающего песок в горных озерах бразильской сельвы.

Она легонько стукнула в створку двери и вошла...

— Это вы? — удивилась Анна, заметив устремленный на себя взгляд. Мистер Баррет, университетский товарищ ее семнадцатилетнего пасынка, сидел на диване с заложенной пальцем книгой... — Я полагала, все разошлись по своим комнатам. Извините, что помешала!

— Нисколько не помешали, — отозвался тот, легко поднимаясь на ноги. — Я только хотел выбрать книгу для чтения перед сном... Надеюсь, вы не против моего самовольства?

Анна покачала головой.

— Нет, конечно же, нет, можете брать все, что угодно. — И замялась: — Просто, увидев свет, я вдруг подумала... — признание, готовое было сорваться с языка, вдруг показалось ей донельзя глупым, и она оборвала его на полуслове.

— Подумали, что вернулся ваш муж? — закончил ее мысль собеседник, и женщина не сдержала удивления.

— Так и есть, вы угадали, — потом в смущении заправила за ухо выбившуюся прядь волос. — Я, пожалуй, пойду... Не буду вам мешать.

Но слова молодого человека удержали ее:

— Что вы думаете о словах констебля Саймона? — спросил тот, пристально вглядываясь в ее лицо. — Допускаете ли саму мысль, о присутствии в доме недоброжелателя?

Женщина вскинула голову, сцепив непослушные руки в крепкий замок.

— Я знаю каждого человека в этом доме, — ответила она, — поверить словам констебля — значит, бросить тень на любого из них. Это было бы слишком несправедливо, вы не находите?

Мистер Баррет сделал шаг ближе...

— Мистер Ричардс, — произнес он, — что вы знаете о нем?

— Почему вы спрашиваете? — удивилась Анна. — У вас есть повод сомневаться в нем? — И тут же сама и ответила: — Нет-нет, все это пустое: мистер Ричардс, хоть и работает у мужа не очень долго — месяца три-четыре, не более — однако проявил себя с самой лучшей стороны... Супруг был крайне доволен им, собирался увеличить жалованье в новом году. — И снова поинтересовалась: — Так почему вы все-таки спрашиваете?

И тот произнес:

— Возможно, просто-напросто желаю составить общее впечатление о проживающих в доме людях, не более того.

Его собеседница вскинула тонкую бровь.

— Вы и обо мне составили общее впечатление? — осведомилась она с мимолетным проблеском улыбки на утомленном лице.

— Вполне возможно, — молодой человек улыбнулся в ответ, ослепив было Анну яркостью своего взгляда. — И сделать это было бы намного легче, помоги вы мне с этим...

— Что вы желаете знать? — задала вопрос женщина.

— Для начала, — как бы в задумчивости протянул тот, — расскажите мне, о чем вы мечтаете...

— Так просто, — хмыкнула собеседница, — всего лишь раскрыть вам свою душу, ни больше ни меньше? — Потом на секунду задумалась и произнесла: — Мечтаю о благополучном возвращении своего мужа, такой ответ вас устроит?

Молодой человек качнул головой.

— Я знал, что именно так вы и ответите. — Он сократил дистанцию между ними еще на один шаг: — А о чем вы мечтали до всех этих событий? — поинтересовался он, заставив Анну стиснуть ткань своего платья — они находились слишком близко друг ко другу, наедине, в колышущемся свете одинокой свечи.

— Полагаю, вы не в праве спрашивать меня о таком, — отозвалась она, отступая на шаг назад, и, развернувшись, направилась к дверям кабинета. — Приятного чтения, мистер Баррет, — сказала она на ходу. Однако, замерев на пороге и касаясь рукой прохладной поверхности медной ручки, женщина тихим голосом добавила: — Никто никогда не спрашивал меня о таком, но, полагаю, цветник с экзотическими цветами или, скажем... долгое путешествие по материка — все это могло бы сделать меня счастливой.

Потом выскользнула за дверь и молча прикрыла ее за собой.

Миссис Чендлер распахнула глаза: истошный детский крик все еще вибрировал в ее барабанных перепонках, заглушая монотонную тишину спящего дома.

А затем она уловила звук тихого дыхания, и на секунду волосы на ее голове встали дыбом... Молодая женщина, преодолевая страх, коснулась рукой теплого тела рядом с собой и выдохнула — Мария, это была всего лишь Мария. Ее падчерица. Она уже дважды после исчезновения отца пробиралась ночами в ее постель...

Осторожно, стараясь не разбудить девочку, миссис Чендлер выскользнула из-под одеяла и накинула теплый пеньюар: похоже, Гарри снова приснился плохой сон... Чем еще объяснить этот ужасный крик, пробудивший ее посреди ночи?

Прикрыв за собой дверь, она увидела в коридоре мисс Ховард, новую гувернантку, старше ее самой едва ли не на десяток лет, та стояла на пороге своей комнаты с горящей свечой в руке и испуганно поводила плечами.

— Должно быть, мастеру Гарри снова привиделся плохой сон, — произнесла она совсем тихо, отбивая зубами предательскую дрожь.

— Вы замерзли, — кинула Анна, направляясь к комнате мальчика. — Накиньте что-нибудь, пока не простудились.

Женщина кивнула и скрылась за дверью комнаты, а голоса других разбуженных обитателей Чендлер-менора ворвались в спальню ребенка следом за легкой поступью его мачехи.

— Что случилось? — спрашивал его старший брат, протирая заспанные глаза.

— У меня едва сердце из груди не выскочило, — посетовала мисс Блэгни.

— Снова плохой сон? — спросила сама Анна Чендлер, прижимая скукожившееся тело мальчика к себе. Тот прильнул к ней, словно садовый плющ, и, заикаясь, пролепетал:

— Белая женщина снова была здесь. Она стояла и смотрела на меня, как и в прошлый раз... Я боюсь, не оставляйте меня одного! — И с паникой в глазах: — Вдруг она снова вернется!

Анна погладила его по спине и осмотрелась в поисках нянюшки Бриггс: громоподобные всхрапывания старой женщины раздавались из смежной со спальней мальчика комнатки — его истошный крик едва ли коснулся ее ушей.

Миссис Чендлер вздохнула...

— Не бойся, мой дорогой, я тебя не оставлю, — сказала она, утирая слезы с заплаканного лица ребенка. Потом уложила его на матрац и подоткнула теплое одеяло.

— Идите спать, — обернулась она к столпившимся за ее спиной домочадцам. — Гарри обещает больше никого не будить своими криками, не так ли, мой милый? Обещаешь?

— Обещаю, — просипел тот, все еще стискивая ладонь женщины своими маленькими ручонками.

На секунду ее глаза пересеклись с глазами мистера Баррета, и женщина почувствовала, как ее дыхание сбилось с привычного ритма. Это была уж совсем неуместно и... донельзя неприлично — она поспешно заговорила:

— Мисс Ховард, — та как раз вошла в комнату и замерла за спиной мистера Беррета, — не могли бы вы присмотреть за Марией: девочка спит в моей комнате, — пояснила она, — и мне не хотелось бы, чтобы она, неожиданно пробудившись, обнаружила себя в одиночестве...

Новая гувернантка с готовностью откликнулась ее на просьбу и поспешила занять пост у кровати спящей девочки — остальные потянулись следом, и вскоре комната опустела.

Миссис Чендлер прилегла рядом с Гарри и уткнулась носом в его светловолосую макушку, пахнущую молоком и толикой меда... Она и сама не заметила, как уснула, убаюканная мерным дыханием ребенка.

... И проснулась при первых проблесках рассвета, пробивающихся сквозь неплотно задернутые шторы. Высвободила затекшее от неудобной позы плечо и села, спустив с кровати разом стынущие ноги. Ей не следовало засыпать в постели мальчика и заставлять мисс Ховард бдеть рядом с Марией... От подобной беспечности ей даже стало не по себе.

Молодая женщина скользнула в коридор и поежилась от пробирающего до костей холода — она обхватила себя руками.

Непогода все еще бушевала, хотя и не столь яростно, как накануне... И блуждающему в коридоре морозному мороку, казалось бы, не было никакого объяснения: в Чендлер-менор каминные протапливали основательно, не скупясь на уголь и дрова.

Холодом тянуло по самому полу... со стороны их с мистером Чендлером спальни. Анна замерла на пороге, отчего-то страшась входить внутрь — а потом, наконец, толкнула дверь.

... И обмерла или, лучше сказать, заледенела при виде распахнутого настежь окна и кипенно-белых холмиков снега, нанесенных на подоконнике и на дорогом персидском ковре под ним. И посреди этого снежного пиршества она — одинокая фигура, полусидящая в кресле, словно прикорнувшая ненароком, с полупрозрачной кожей, припорошенной инеем, и вымороженными до синевы бескровными губами.

Тонкая женская кисть свешивалась с кресла, застывшая, словно высеченная из мрамора...

Миссис Чендлер узнала в мертвой (без сомнения мертвой!) снегурочке свою недавно принятую на должность гувернантку.

Что-то лопнуло у нее внутри, словно сердце оборвалось, и молодая женщина, сделав шаг в сторону, уперлась ладонями в стену... Вдохнула — раз, другой — и побрела к первой попавшейся двери — казалось, время остановилось, и она идет до нее целую вечность! — привалилась к стене и дважды стукнула скрюченными от холода пальцами в дверной косяк... Странно, что те не осыпались мелкой ледяной пылью.

— Миссис Чендлер!? — голос Чарльза Баррета прорвался, как через толщу воды.

далекий и едва слышный, потом что-то теплое коснулось ее плеч, даря неожиданное тепло, растопившее не только слезы, но и сердце: Анна Чендлер отчаянно зарыдала.

Констебль Саймон молча стоял у тела гувернантки и даже, казалось, любовался ее неестественной, вымороженной десятиградусным морозом красотой.

Окно закрыли, и заиндеветшие ресницы, оттаивая, роняли капли воды — словно слезы струились по безжизненному лицу женщины. Джеку стало не по себе — его проняло до самых костей... Хотя он и не был знаком с умершей, ее неожиданная смерть глубоко затронула его.

Серая и довольно невзрачная при жизни — в смерти мисс Ховард была настоящей красавицей.

Снежной королевой... статуей, высеченной из ослепительно белого куска мрамора. Картиной, написанной преступлением...

Констебль прокашлялся, словно проталкивая застрявший в горле комок снега, и обернулся к обоим молодым людям, стоящим поодаль от него. Чарльз Баррет и Эдмунд Чендлер — последний не уступал в бледности самой покойнице — тоже отвели от нее взгляды, и Баррет сказал:

— Полагаете, она умерла по ошибке?

Констебль Саймон вскинул голову.

— Почему вы так решили?

— Это комната миссис Чендлер, — отозвался молодой человек, и по его тону было件нятно, что вопрос констебля кажется ему до странности неуместным, — и потому вполне логично предположить, что именно она и должна была стать жертвой преступления. Ее не оказалось в комнате по чистой случайности...

Эдмунд Чендлер осведомился:

— А мы уверены, что это было именно преступление? Быть может, мисс... Ховард, — загнулся он на секунду, — стало вдруг плохо, она распахнула окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, упала и... умерла. Я не знаю... Разве нельзя допустить чего-то подобного? Это вероятнее, чем подозревать самое худшее.

— Под самым худшим вы подразумеваете, должно быть, убийцу в доме? — не без сарказма отозвался констебль Саймон, и юноша вскинулся:

— Убийца мог быть не в самом доме! Разве распахнутое окно не свидетельствует о том, что преступник пробрался в дом именно через него и ушел тем же путем...

— Так теперь вы все-таки допускаете наличие некоего злоумышленника, не так ли?

— Я лишь допускаю наличие ошибки, — вспыхнул молодой человек. — Мы не можем полагаться на наши беспочвенные предположения...

— Так давайте развеем всякие сомнения и разберемся в причинах смерти этой женщины, — констебль посмотрел на юношу с вызовом, слегка заретушеванным легким изгибом насмешливых губ. — Вы, если не ошибаюсь, учитесь на медицинском и, полагаю, вполне способны произвести поверхностный осмотр данного тела.

У Эдмунда Чендлера дрогнула верхняя губа.

— Данное тело, — повторил он с особым акцентом, — не просто мертвое нечто, констебль. Еще этой ночью оно было живым человеком!

Укор, впрочем, не произвел на мужчину должного впечатления: он только пожал плечами и, приблизившись к покойнице, задумчиво произнес:

— И кто-то не менее живой лишил ее этой жизни: я ставлю на Джеффри Пирса, а вы, господа?

— Полагаете, ему удалось каким-то образом пробраться в дом незамеченным? — поинтересовался Чарльз Баррет. — А это окно, — он указал на запертую теперь створку, — в трех ярдах от земли... Даже если предположить бегство преступника именно через него, то и вероятность переломанных в момент падения ног тоже весьма велика. С этой стороны дома нет ни шпалера, могущего поспособствовать его спуску, ни чего-то другого, подобного этому.

— А искать на снегу возможные следы — абсолютно бессмысленное занятие из-за метели, — подытожил слова молодого человека констебль Саймон.

Они немного помолчали, обдумывая каждый свое, а потом констебль снова глянул в сторону Эдмунда Чендлера.

— Так что же, молодой человек, — поинтересовался он, — вы осмотрите покойницу или мне придется сделать это самому?

Юноше очень хотелось отказаться — весь его вид так и кричал о желании скорейшего бегства — однако невозмутимость его университетского товарища не позволяла ему поступить столь малодушно, и он нехотя отступил от двери, продвигаясь в сторону трупа.

Мистер Баррет последовал за ним...

— Боже, она такая холодная, — дрогнувшим голосом констатировал молодой человек, едва коснувшись лица покойницы. Его пальцы отдернулись, словно от ядовитого аспида...

И тогда его друг произнес:

— Мертва менее четырех часов, я полагаю: низкая температура могла поспособствовать более скорому процессу окоченения. Вот, посмотрите, — он приподнял свесившуюся со спинки стула безжизненную руку и слегка подвигал ею. — Умеренное окоченение, плохо выраженное в виду слабо развитой мускулатуры тела.

Констебль Саймон не без удивления воззрился на говорившего.

— Вы тоже медик? — полюбопытствовал он, и молодой человек снисходительно улыбнулся:

— Скорее будущий прокурор. Одно другому не мешает, как вы понимаете...

Тот явно не понимал, что и выразил прицельным прищуром своих ярко-зеленых глаз.

— Полагаете, я похож на Джеффри Пирса, констебль? — усмехнулся молодой человек.

— Полагаю, — отозвался тот, — что как для будущего прокурора, вы слишком много знаете про трупное окоченение и другие малоприятные вещи.

Чарльз Баррет наградил собеседника еще одной вежливой полуулыбкой.

— Я собираюсь стать хорошим прокурором, констебль, — произнес он, делая то, на что так и не решился его приятель: приступая к более доскональному осмотру мертвой женщины.

Через несколько минут, в течение которых в комнате царил полнейшая тишина, молодой человек коснулся головы женщины и слегка отвел ее в сторону, замерев на секунду.

— Смотрите.

Констебль Саймон подался вперед и поглядел на темно-фиолетовые отметины на шее покойницы.

— Следы от пальцев? — предположил он.

— Ничего другого мне просто в голову не приходит, — произнес Баррет и кликнул товарища: — Эдмунд, не мог бы ты тоже взглянуть на эти пятна и сказать, что ты о них

думаешь.

Юноша, ставший еще на тон бледнее, неловко приблизился и, старательно отводя глаза от лица покойницы, пролепетал:

— Я не могу, Чарльз. Я... я просто не могу. — Потом рука его дернулась, коснувшись рассыпавшихся волос женщины, и те, неожиданно отделившись от тела, всей своей массой упали прямо к его ногам.

Эдмунд Чендлер вскрикнул, отскочил в сторону и с ужасом воззрился на парик мертвой гувернантки, продолжающий лежать на полу безобразной растрепанной копной.

— Так-так-так, — поцокал языком констебль Саймон, первым пришедший в себя от удивления. — А это уже интересно! — он наклонился и приподнял парик кончиками своих пальцев. — И что вы на это скажете, господа?

Впрочем, Эдмунд Чендер глядел скорее на самую покойницу, нежели на парик, демонстрируемый бесстрашным констеблем: с тем же рвением, с которым он прежде отводил от нее глаза, теперь он словно не мог перестать глядеть на нее.

— На самом деле она блондинка, — пролепетал молодой человек, рассмотревший под стягивающей настоящие волосы женщины сеткой, их истинный, природный цвет.

— Так и есть, — мистер Саймон выпустил копну белокурых волос, и те рассыпались по спине умершей. Блестящие и красивые. Мужчина пропустил длинную золотистую прядь между пальцев и задал вполне резонный вопрос: — Зачем прятать подобную красоту? — И в глубоком раздумье: — Разве что у человека была веская причина делать это. Какая? — он окинул молодых людей одним из бесконечного множества взглядов в своем арсенале.

— Мисс Ховард не хотела быть узнанной? — предположил Чарльз Баррет.

И Нил Саймон выстрелил ответным:

— А вы ее знали, мистер Баррет?

Тот покачал головой:

— Я впервые в этом доме, констебль. Не думаю, что мисс Ховард устроила этот маскарад только ради меня...

Взгляд блюстителя закона автоматически переместился в сторону Эдмунда Чендлера.

— Вам знакома эта женщина? — спросил он у него.

Тот покачал головой.

— Впервые... вижу ее, констебль.

Его словам не доставало убедительности, но парень был так перепуган случившимся преступлением, что это вполне можно было списать на нервы, и констебль, еще пару секунд посверлив его пристальным взглядом, отвел-таки глаза в сторону.

— То есть, — резюмировал он, — мисс Ховард — если она, действительно мисс Ховард, — посчитал нужным добавить он, — была убита путем удушения где-то между часов и двумя часами ночи, убита, возможно, по ошибке... хотя наличие парика вносит новые коррективы, как бы мы того ни хотели. И все это приводит нас к тому, что...

— ... Нам бы не помешало обыскать комнату данной леди, — закончил за констебля Чарльз Баррет авторитетным тоном.

Мужчина поскреб свой небритый подбородок и утвердительно кивнул.

— Полагаю, именно это нам и стоит сделать в первую очередь, — сказал он, незамедлительно направляясь в комнату покойной.

Комната мисс Ховард располагалась рядом с учебным классом, и мужчины слегка

замялись на пороге, как бы не решаясь войти в нее без спросу. Без дозволения хозяйки, которая, увы, больше не способна была им его дать...

— Что ж, — первым переступил через себя констебль Саймон, ступая на темно-бордовый ковер, постеленный в комнате гувернантки, — на первый взгляд ничего особенного. Обычная комната... с обычными вещами, — он поддел пальцем теплую женскую шаль, небрежно брошенную на спинку стула. — Что скажете, господа?

Смотрел он при этом только на Эдмунда Чендлера, нервными движениями одергивающего полы своего сюртука.

— Пожалуй, начнем с платяного шкафа, — произнес мистер Баррет, распахивая обе его створки. Внутри не было ничего, кроме трех невзрачного вида платьев и пары черных ботинок, ношенных и давно требующих ремонта. Молодой человек приподнял брови: — Похоже, мисс Ховард не была модницей.

Фраза, призванная развеять напряженную атмосферу маленькой комнаты, лишь раздражила его приятеля, отчего тот взбрыкнул совершенно по-детски:

— В соседней комнате лежит мертвая женщина, а ты находишь уместным обсуждать ее предпочтения в одежде?!

Констебль Саймон снисходительно улыбнулся Баррету, дескать, не принимайте близко к сердцу, юный Чендлер сам не свой этим утром. И, опустившись на колени, вытянул из-под кровати, дорожный чемодан мисс Ховард... Коричневой кожи, потертый по углам, с двумя массивными, обхватывающими его ремнями.

— Посмотрим, что он поведает о своей мертвой хозяйке, — мужчина откинул крышку и... удивленно хмыкнул: — Тряпичная кукла? Вот уж не подумал бы, что найду подобное в чемодане взрослой женщины.

Игрушка была явно не новой, не единожды стиранной, и констебль, покрутив ее туда-сюда, передал куклу мистеру Баррету, который в свою очередь протянул ее своему приятелю.

Джек заметил, как у того вытянулось лицо, и сам, не сдержавшись, проскользнул в комнату, чтобы получше рассмотреть как саму игрушку, так и остальное содержание чемодана мисс Ховард. Мужчины заметили его появление, но никак на него не отреагировали: просто продолжили вынимать из чемодана остальные имеющиеся в нем предметы и складывать их на пол.

Предметов было не так много: пара шерстяных чулок, гребень с ручкой из слоновой кости, ручное зеркальце, надбитое с одного края, и записная книжка... девственно нетронутая, чем несказанно огорчившая констебля Саймона и Баррета, радостно переглянувшихся при виде нее.

— И больше ничего, — протянул первый разочарованным голосом. — Если мисс Ховард и желала что-то скрыть, то нам об этом уже не узнать.

И тогда Джек, окончательно осмелевший, решил произнести:

— Вы сказали, что мисс Ховард могли убить по ошибке, — обратился он как бы к обоим сразу, — но если она была задушена, то разве не должен был убийца загодя распознать свою ошибку?

— И сбежать, позволив мисс Ховард раскрыть свою личность? — с издевкой осведомился констебль. — Нет, полагаю, убийце пришлось довести дело до конца, даже если он и понял свою ошибку...

— То есть, — вмешался в его слова Чарльз Баррет, — мисс Ховард, полагаете вы, могла знать убийцу в лицо? То есть это кто-то из находящихся в доме?

— А вы все еще не допускаете такой возможности? — отозвался констебль вопросом на вопрос, и Джек даже поежился от подобного предположения.

Убийца в доме!

Задушивший мисс Ховард все еще может находиться среди них...

— Что это? — послышался в этот момент голос Эдмунда Чендлера, до того безмолвной тенью маячившего где-то на заднем плане с тряпичной куклой в руках. — Здесь какая-то фотография? — Он держал записную книжку мертвой гувернантки и указывал за подкладку: там, действительно, что-то было... Дагеротип. Настоящая удача! Констебль Саймон поддел его пальцами и вытянул наружу.

Четыре человека с интересом уставились на нечеткое изображение двух молодых людей, позирующих в принужденной позе: девушка и парень с застывшими не улыбочивыми лицами.

— Вы узнаете кого-нибудь из них? — поинтересовался усатый констебль, не отводя взгляда от дагеротипа. — Мне думается, юная девушка на изображении — это мисс Ховард, вы не находите? Прослеживается некая схожесть черт... А вот мужчина, — он хмыкнул в кулак, — совершенно мне не знаком. Впрочем, — нашел необходимым добавить он, — я вообще мало кого знаю в этой местности.

— Как и я, — произнес Чарльз Баррет. И обратился к приятелю: — А ты, Эдмунд, что скажешь, не кажется ли тебе лицо этого молодого человека хоть отчасти похожим на кого-то...

Молодой Чендлер еще с долю секунды не отводил взгляда от дагеротипа, а потом уголки его губ дрогнули, опускаясь еще ниже, и юноша выкашлял: «Впервые вижу это лицо. Простите, господа!», словно застрявший в горле комок. Потом сорвался с места, едва не сбив с ног Джека, стоявшего прямо за его спиной, и выскочил за дверь под всеобщие недоуменные взгляды.

— Простите, — произнес Баррет, направляясь следом за приятелем, и Джек с констеблем Саймоном услышали, как он окликает того встревоженным голосом.

— Что ж, — покачал головой констебль Саймон, — похоже, кто-то все-таки узнал лицо на этом дагеротипе... Очень любопытно. — И неожиданно обратился к Джеку: — Что скажете, молодой человек, кто, по-вашему, задушил несчастную мисс Ховард? Есть какие-то предположения?

Джек, несколько опешивший, произнес:

— Мужчина? — и замер, ожидая реакции собеседника. Тот поцокал языком — похоже, это было его привычкой — потирая небритый подбородок...

— Недурственное предположение, — откликнулся он, — только уж слишком предсказуемое. Уверен, такой глазастый парень, как ты, способен на большее. — И, запустив руку в карман своего сюртука, извлек на свет маленькую белую пуговицу.

— Что скажешь? — обратился он к Джеку, демонстрируя ее собеседнику. — Много таких пуговиц ты видел в этом доме?

Джек не понимал, к чему констеблю задавать ему подобный вопрос — у него не было привычки обращать внимание на подобные мелочи! — и потому он ответил, как есть:

— Ни одной. Я просто не обращаю на пуговицы внимания...

— И зря, — констебль покачал головой. — Будь ты повнимательнее, найти убийцу мисс Ховард стало бы на порядок легче... На вот, держи! — он вложил пуговицу в ладонь Джека. — Теперь ты — мои глаза и уши, парень, — произнес он торжественно, словно при

посвящении в рыцарский сан. — Найди одежду, с которой она оборвалась, и ты найдешь нашего преступника.

— Но... — у Джека совсем голова пошла кругом.

— Что ты нокаешь, — одернул его констебль Саймон, заменяя извлеченную из кармана пуговицу найденным дагеротипом. — Это пуговица с одежды убийцы, я нашел ее у тела мисс Ховард, смекаешь?

Джек молча кивнул.

— Вот и ладненько. — Мужчина похлопал его по плечу. — Иди и делай свое дело. — И уже с порога: — Я за милую чую пронырливого пострела: не заставляй меня разочароваться в тебе.

Оставшись один в комнате убитой гувернантки, Джек наконец разжал ладонь и долго смотрел на белую пуговку, от которой зависело так много: казалось, судьба всего семейства Чендлеров находилась сейчас в его, Джека, руках.

Джеку очень хотелось найти мисс Блэки и рассказать ей о найденном дагеротипе и пуговице, его так и распирало изнутри — вот-вот лопнет! — однако он знал, что та сейчас с миссис Чендлер, утешает ее по мере сил и возможностей, и мешать не осмеливался.

Этим утром он проснулся едва ли позже пяти утра, когда горничные, заспанные и широко зевающие, спустились вниз и принялись семенить по кухне, готовясь заняться выстуженными за ночь каминами — Джек как раз тащил полную корзину поленьев, когда захлебывающееся рыдание миссис Чендлер взорвало сонную тишину еще дремлющего дома, и он прибавил шагу, перепрыгивая через две ступеньки. Каминны на втором этаже все еще были не топлены, и он вызвался помочь кокетливой горничной...

Помог.

Джек выскочил в коридор и увидел бьющуюся в руках мистера Баррета хозяйку поместья: тот кутал ее в теплое покрывало, а она, заикаясь, твердила нечто неудобовразумительное. Джек не сразу понял, что говорит она об убийстве... Мертвой женщине. Гувернантке с выбеленным морозом лицом. Распахнутом окне... Холоде, пробирающем до костей.

Лишь одно он услышал довольно отчетливо: «Мария... Мария тоже была в моей комнате!» — женщина вырвалась из удерживающих ее рук и бросилась к распахнутой двери — ее босые ступни оглушающе громко стучали по паркетному полу коридора.

Они с Барретом устремились следом — и замерли почти синхронно, узрев заиндевевший труп мисс Ховард в кресле у распахнутого окна. А миссис Чендлер уже бежала к ним с ребенком на руках... Мистер Баррет подхватил девочку обеими руками и велел Джеку закрыть хлопающую на ветру створку.

Он послушался.

Обошел покойницу по широкому кругу и подставил лицо все еще не до конца утихнувшей стихии: щеки опалило огнем... дыхание сбилось. Джек захлопнул створку и выскочил из комнаты, страхась еще хотя бы раз взглянуть в лицо мертвой женщины.

... И вот он отягощен этой невесомой, казалось бы, пуговицей и ответственностью, с ней связанной: «Найди одежду, с которой она оборвалась, и ты найдешь нашего преступника». С чего бы это усатому констеблю доверять ему такое ответственное дело? Полностью погруженный в собственные мысли, Джек медленно спустился по хозяйской лестнице: все в доме как будто бы шло ходуном — хлопали двери, порхали несмелые

шепотки, сами стены, казалось, источали невысказанную тревогу.

— Чего это ты шастаешь по хозяйской половине? — поддела Джека остроглазая горничная, направляясь в сторону библиотеки. — Уж и перепадет же тебе от миссис Корн, узнай она об этом...

Девушка была права, и Джек направился на кухню...

— Ох, что ж делается... что ж делается, — охала кухарка, глядя на Джека потерянными глазами.

— Это правда, что труп гувернантки был выстуженный, словно туша убитого на морозе оленя? — неприятно осклабился пробегающий мимо лакей.

— Говорят, ей вырезали сердце кухонным ножом! — добавил другой.

Несчастливая миссис Пэм прикрыла распахнутый от ужаса рот обеими руками...

— Бедная миссис Чендлер, — простонала она. — Бедный мистер Чендлер...

Джек заметил знакомую фигурку в белом платье и устремился к ней почти бегом.

— Мисс Блэгни! — Он был рад сбежать от досужих кухонных разговоров.

— Джек. — Голос у девушки был совсем тихий, словно покрытый патиной грусти или отчаяния — у парня от него екнуло сердце.

— Как миссис Чендлер? Ей уже лучше? — осведомился он.

Мисс Блэгни покачала головой.

— Мария спала в ее кровати, Джек, — сказала она, — все это время девочка спала рядом с мертвой женщиной. — Ее голос предательски дрогнул. — От этой мысли Анна места себе не находит... Говорит, если бы с той что-то случилось, она бы себе никогда не простила.

— Девочка ничего не слышала? — полюбопытствовал Джек.

— Ничего. Спала мертвым сном... — Мисс Блэгни охнула и прикрыла губы ладонью: — Не следовало мне так говорить. — И словно только что припомнив: — Кто-то прикрыл малышку вторым одеялом. Думаешь, это сделал убийца?

— Не знаю. — Джек пожал плечами. — Заботливый убийца? Это звучит странно.

— Я тоже так думаю, — сказала его собеседница и добавила: — Констебль Саймон просит нас собраться в библиотеке. Не знаешь, для чего?

И Джек предположил:

— Возможно, дело в найденном в комнате мисс Ховард дагеротипе. — А потом рассказал ей о парике мертвой гувернантки, дагеротипе и странном поведении Эдмунда Чендлера. Он почти было рассказал и о пуговице в своем кармане, только часы в доме громогласно пробили семь раз, и девушка встрепенулась.

— Джек, надо идти, констебль Саймон ждет нас в библиотеке. — Потом схватила его за руку и слегка потянула. — Джек обмер, не в силах пошевелиться: рука мисс Блэгни была теплой, словно ватное одеяло, которым укутали само его сердце... Стучавшее глухо, порывисто, асинхронными толчками к самому дыханию парня.

Наконец его ноги отклеились от пола и понесли Джека следом за мисс Блэгни, выпустившей-таки его ладонь. И к счастью: ему не хотелось умереть, не разгадав этого дела. Или в принципе не хотелось умирать... Или не хотелось умирать теперь, когда белое девичье платье мелькало перед ним притягивающим все взоры маячком.

Просто не хотелось умирать... Особенно от разрыва сердца, связанного с близостью мисс Блэгни.

Джеку пришлось подождать у комнаты миссис Чендлер, пока девушка не появилась в

компании подруги.

— Джек, — только и произнесла та с непонятной для парня интонацией: то ли это была констатация самого факта его присутствия, то ли удивление с толикой укора в адрес своей неблагоразумной подруги. Джек был склонен думать, что второе, и поплелся за обеими девушками, словно побитый пес.

— Вот и наши дамы, — поприветствовал их констебль Саймон. — Мы вас заждались, присаживайтесь, пожалуйста.

Джек пристроился подальше от досужих глаз — находиться в комнате было неловко — и осмотрел всех присутствующих. Кроме миссис Чендлер и Аманды Блэгни, здесь были только мистер Баррет и Эдмунд Чендлер.

— Я слышала, вы нашли в комнате мисс Ховард некий дагеротип, — сразу же приступила к делу миссис Чендлер. Несмотря на восковую бледность, покрывавшую ее щеки, глаза женщины горели непреклонной решительностью... — Я хотела бы его видеть, — она протянула руку.

Констебль Саймон послушно извлек снимок из кармана и подал его женщине. Всем, начиная от слегка раздвинутых в легкой полуулыбке нитевидных губ и до подавшегося вперед поджарого тела, он походил на шустрого белку, не отдающую, а жаждущую заполучить орех покрупнее.

Анна Чендлер взгляделась в поданный ей снимок, и бледность ее лица сменилась алыми всполохами, ударившей в голову крови.

— Вы узнаете мужчину на этом снимке? — спросил констебль Саймон почти с придыханием.

Женщина приложила руку к бурно вздымающейся груди.

— Полагаю, это мой муж... — глухо отозвалась она. — Совсем юный, но... я узнаю определенные черты... — взгляд ее метнулся в сторону пасынка — тот глядел в пол. — Эдмунд, кто эта женщина? — спросила она. — Ты должен знать хоть что-то. И знаешь, судя по твоему виду... — заключила она, делая шаг в его сторону. — Говори. Прошу тебя!

Юноша приподнял покрасневшие глаза — казалось, он долго и безудержно плакал:

— Не знаю, как это возможно, — произнес он хриплым полусшепотом, — это просто не имеет никакого смысла. Это просто... Я... не могу...

Чарльз Баррет положил руку ему на плечо, словно напоминая этим жестом нечто уже решенное между ними, и юноша застонал, подобно раненому животному...

— Рядом с отцом наша мать, — произнес он на выдохе. — Это свадебная фотография, насколько я понимаю. Ей лет двадцать, не меньше...

— Но... — начала было женщина, голос которой пресекся от внезапного озарения. — Если этот мужчина — ваш отец, то... — она снова взглянула на дагеротип в своих руках, — эта женщина...

— Наша мать, да, — Эдмунд Чендлер мотнул головой.

— Но...

Констебль Саймон, наблюдавший происходящее со стороны, наконец не выдержал и озвучил то, на что у хозяйки поместья не хватало решимости:

— Мисс Ховард, мертвая женщина в комнате наверху, и юная девушка с этого изображения являются, как я понимаю, одним и тем же лицом.

— То есть мисс Ховард была вашей матерью, Эдмунд? — воскликнула пораженная до глубины души мисс Блэгни. Джек и сам едва верил в услышанное... — Но как такое

возможно...

— Мой муж — вдовец, — твердым голосом вставила миссис Чендлер. — Его супруга умерла от тифа. Он сам рассказывал мне об этом... — она снова вперила взгляд в несчастного юношу. — У тебя есть что добавить по этому поводу? Как вышло, что ваша мать была жива все это время?

Тот замотал головой.

— Я не знаю, в самом деле не знаю. Отец сказал, что мама заражена тифом, что ей нужен постоянный уход — он не хотел, чтобы кто-то из нас тоже заразился! — и потому отвез ее в городскую больницу, постоянно ходил навещать... Однако лучше ей не становилось, и она... умерла. — Полу плача он вскрикнул: — Мы похоронили ее! Все вместе похоронили. Два года назад.

— Вы видели свою мать мертвой? — с прагматизмом полицейского осведомился констебль Саймон.

Юноша выдохнул:

— Нет, гроб был закрытым. Отец сказал, так для нас будет лучше: мол, пусть мы запомним маму живой и здоровой, а не изнуренной длительной болезнью.

— То есть до сегодняшнего дня вы понятия не имели, что ваша мать жива и здорова? — снова осведомился констебль.

— Конечно, я ничего не знал об этом, — вспыхнул молодой человек. — Я считал ее мертвой и даже не сразу признал в... женщине наверху. — Он казался совсем сломленным и больным, с трясущимися губами: — Только когда слетел этот парик, — продолжил он в отчаянии, — только тогда я понял, кого она мне напоминает, и дагеротип лишь подтвердил мою догадку. Только ведь это не имеет никакого смысла! — вскричал он в сердцах. — Зачем было бы отцу обманывать нас? Какой в этом смысл?

И Анна Чендлер, давно бессильно осевшая на диван, присовокупила и свой вопрос:

— Если ваша мать была жива все это время, то можно ли считать наш с вашим отцом брак действительным? Являюсь ли я, по сути, законной миссис Чендлер или в глазах закона я бессовестная самозванка и ничего более?

Констебль Саймон откашлялся в кулак — ответа на этот вопрос ни у кого из них не было.

Последний отголосок заданного миссис Чендлер вопроса еще не успел растаять в воздухе, а торопливые шаги за дверью библиотеки заставили каждого замереть в ожидании...

— Миссис Чендлер, — обычно сдержанный в эмоциях дворецкий замер на пороге с беспокойством в глазах, — на снегу перед домом какой-то человек... и кажется, он не дышит. Что прикажете делать?

Женщина, казалось бы, еще не отошедшая от двух предыдущих, перенесенных ею потрясений, смело встретила новый удар.

— Немедленно отправьте кого-нибудь проверить, жив ли он, — сказала она. — Нельзя позволить этому человеку умереть у наших дверей!

— Как вы думаете, кто бы это мог быть? — обратился мистер Баррет к устремившемуся следом за дворецким констеблю Саймону.

Тот шагу не сбавил, лишь подхватил на бегу свое длиннополое пальто, и, уже натягивая его на себя, произнес:

— Кто бы он ни был, молодой человек, не стоит терять бдительность и быть слишком беспечным. Я собираюсь первым увидеть этого человека... — И почти распахивая входную дверь: — Желаете со мной? Милости прошу.

— Позвольте только накинуть пальто...

— Вы знаете, где меня искать, — с этими словами констебль вывалился в снежную заметь и захлопнул за собой дверь.

Джеку нестерпимо хотелось последовать за ним, только его верхняя одежда была в чулане под лестницей и бежать за ней казалось сущим расточительством времени. Он прильнул носом к оконному стеклу... Мисс Блэгни и миссис Чендлер сделали то же самое с другой стороны двери.

Фигура в длинном пальто черной кляксой выделялась на кипенно-белом полотне снега, и фигура эта направлялась к черному росчерку человеческого тела, распростертому поверх снежного сугроба не далее, как в десяти футах от стен Чендлер-менора.

Дворецкий и два лакея спешила к нему же, но уже с другой стороны...

Чарльз Баррет и Эдмунд Чендлер выскочили из дома последними.

Джек видел, как люди приблизились к неподвижному телу, склонились над ним... отпрянули было на секунду, а потом подхватили несчастного под руки и поволокли в сторону дома.

Когда общая процессия проделала половину пути в обратном направлении и упавшее на грудь лицо мужчины стало видно с одного бока, миссис Чендлер сдавленно охнула и, распахнув дверь, выскочила как была, простоволосая, в тонких туфельках, напрямик им на встречу.

— Джек, — пискнула мисс Блэгни, поглядев на него с неподдельным удивлением, — этого не может быть, но кажется мистер Чендлер нашелся.

Они увидели, как женщина касается бесчувственного лица супруга, кричит, перекивая завывания хлесткой метели, пытается избавиться от наброшенного ей на плечи пальто и плачет, плачет, плачет...

Под эти ее рыдания мистера Чендлера и внесли в дом, уложили на кушетку в библиотеке, пододвинув ту к жарко пылающему камину.

Исходя из всего этого, Джек понял: хозяин Чендлер-менора жив. Хоть какая-то радость в череде странных нерадостей этого утра...

И домочадцы Чендлер-менора, возбужденные и разом воспрявшие духом, продолжали суесться вокруг него, не веря в свершившееся чудо. Мужчина слабо застонал и открыл глаза...

— Джон, — миссис Чендлер сжала его ладонь, — это я, Анна, как ты себя чувствуешь?

— Отец, — Эдмунд схватил его за другую руку.

— Нога, — простонал тот хриплым, каркающим голосом. — Моя нога...

Юноша с неожиданным проворством осмотрел сначала правую, а потом и левую отцовские ноги и охнул: — Тут кровь. Боже мой, что случилось, отец? — Кто-то подал ему канцелярский нож, и он разрезал отцовские бриджи, оголяя окровавленное колено — кровь примерзла к ране заскорузлой корочкой. — Нужно промыть и перевязать рану. Скорее! — кто-то из слуг выбежал выполнять поручение, а Чендлеры замерли в неловком молчании. Неожиданно все слова иссякли, а недавний разговор в этой самой комнате припомнился совершенно не кстати...

И Чендлер первым нарушил молчание:

— Кто-то стрелял в меня... как мне показалось, со стороны дома. Помню опалившую ногу боль и снег, ожегший щеку при падении. Я мысленно простился с жизнью, — его кадык дернулся туда-сюда. — Какое счастье снова видеть вас всех! — он слегка сжал руку жены и улыбнулся сыну.

Тот поинтересовался:

— Где вы были эти два дня, отец? Мы думали, вы погибли. — И совсем тихо добавил: — Мы знаем про Джеффри Пирса. Нашли его письмо в одном из ящиков вашего стола...

Лицо мистера Чендлера, казалось, окаменело: его тяжелый подбородок, покрытый черной щетиной, его льдистые голубые глаза и даже нос с небольшой горбинкой — все превратилось в неподвижную маску. Джек подивился, насколько нынешний мистер Чендлер не похож на себя прежнего с найденного ими дагеротипа... Сорокапятилетний мужчина мало чем походил на семнадцатилетнего мечтателя, сбежавшего из дома вслед за своей мечтой!

— Джеффри Пирс, значит, — процедил он сквозь стиснутые зубы. Похоже, говорить на эту тему ему хотелось меньше всего... — Не думал, что услышу однажды это имя из твоих уст, сынок... — Он закашлялся, уткнувшись в рукав своего сюртука. Потом попросил подложить ему под спину подушки и только тогда продолжил: — Джеффри Пирс — человек из моего прошлого, — голос его звучал глухо, почти неприязненно, — один из тех, чьи имена, как и лица пытаешься вытеснить из памяти, оставить в прошлом, перечеркнуть новой жизнью и новыми впечатлениями. — Он ненадолго замолчал, как бы устремив взгляд в прошлое, и снова продолжил: — С Джеффри Пирсом мы вместе трудились на алмазном прииске в Морро-Велью, пять лет бок о бок, как проклятые... Помню, как прибыли туда с несколькими долларами в кармане — казалось, весь мир у нас на ладони: протяни и возьми! — и как скинулись на наши первые необходимые для раскопок инструменты: пару сит для промывки гравия, деревянные ножи да жестяные кастрюли... Спали мы прямо там в деревянных хижинах, сложенных кое-как, на скорую руку, ели тоже что придется — тогда мы могли обходиться малым, — вздохнул мистер Чендлер. — Мы были мечтателями, одними из многих... И не каждому везет так, как повезло мне! — он снова ненадолго замолчал. — Уже тогда наши с Пирсом отношения оставляли желать лучшего: он пристрастился к выпивке, просаживая деньги в местном баре под открытым небом, и все укорял меня в скупости и нежелании жить полной жизнью, тогда как я должен был содержать семью, и быть расточительным у меня не было ни сил, ни желания. Я ежемесячно отправлял деньги Катрине в Нью-Йорк и лелеял мечту о возвращении в Англию... — Мужчине удалось завладеть безраздельным вниманием своих слушателей. — Я никогда не был особо набожным, — продолжил он через мгновение, — воскресные службы наводили на меня скуку, но в день, когда я нашел свой по-настоящему крупный алмаз, я вознес Господу самую жаркую молитву из всех. Почти бесцветный, весом в пятнадцать карат, он стал началом всего, — мистер Чендлер покачал головой. — После этого удача как-то разом повернулась ко мне лицом, и... Пирсу это совсем не понравилось. Он сказал, что я должен ему половину от всех найденных мною алмазов, мол, мы напарники и это только благодаря его помощи я вообще отыскал каждый из них и не иначе. Хотя, — хмыкнул мужчина, — на тот момент он совсем опустил и почти весь день валялся в хижине в компании бутылки кашасы. Тогда-то между нами и случилась та ссора, — мистер Чендлер скривился, как при зубной боли, — Пирс был по обыкновению пьян — зависть разъедала его, словно ржавчина — и он бросился на меня с кулаками, кричал, что мне это с рук не сойдет, что я обманом

завладел добытыми нами алмазами, что он отыщет меня, где бы я ни был и заставит ответить за якобы совершенное против него злодеяние. Я уехал на следующий же день и постарался вычеркнуть проведенные в Морро-Велью годы, как нечто постыдное и не заслуживающее внимания. И все было хорошо, пока пять дней назад я не получил письмо без обратного адреса... Письмо, в котором прошлое настигло меня, и Джеффри Пирс снова вернулся в мою жизнь.

— Сразу после первого письма я получил второе, — продолжил мистер Чендлер глухим голосом. — Пирс звал меня встретиться в Призрачных пещерах... Должно быть, прознал, что места там уединенные, людьми почти не хоженые — и я пошел. Оседлал Персефону, сказал, что хочу проверить силки на кроликов, и направил кобылу в сторону пещер...

Нам оставалось проделать чуть меньше мили пути, когда со стороны Керквудского леса завыли волки, и моя кобыла, встревожившись, начала прядать ушами и танцевать на месте, не желая идти в указанном направлении — а потом лопнула подпруга. Все произошло настолько внезапно, что я даже не успел подобраться: полетел на землю, ударившись головой, и, кажется, потерял сознание...

Не знаю, как долго я так пролежал — по моим ощущениям не меньше часа-двух — и пришел в себя усыпанный тонким слоем едва начавшегося снега. Все тело онемело и ныло, словно один большой синяк, правая нога простреливала болью при самой незначительной попытке пошевелить ею, и хуже всего то, что, пока я был без сознания, Персефона сбежала, бросив меня посреди этой снежной пустыни — я остался один. — Мужчина поморщился: то ли от воспоминаний, то ли от боли в простреленной ноге. — Нужно было что-то делать, и я решил укрыться в Призрачных пещерах: они гарантировали хоть какую-то защиту от непогоды и возможных хищников. Я знал, что меня станут искать, просто собирался выгадать немного времени, к тому же приложенные усилия согрели меня, и тело как будто бы ожило. Я дополз до пещер примерно за час, закопался в нанесенные ветром пожухлые листья и принялся ждать. — Он немного помолчал. — Ждать пришлось долго, — продолжил он с невеселой полуулыбкой, — суеверия жителей Хартберна оказались сильнее их человеколюбия. Несколько раз я замечал далекие силуэты поисковых партий, но те так ни разу и не приблизились настолько, чтобы слышать мои отчаянные крики о помощи. Ветер уносил их в сторону леса... И утром этого дня я понял, что если сам не приложу хоть каких-то усилий — так и сгину в той промерзшей пещере, превратившись в один из ее печально известных призраков: тогда-то я поднялся и, с трудом переставляя ноги, поплелся в сторону дома... Это был долгий, мучительно бесконечный путь, и я уже предвкушал его окончание, когда неожиданный выстрел повалил меня лицом в снег. В тот момент, — выдохнул он, — я практически попрощался с собственной жизнью.

Говоривший стиснул руку своей супруги, вроде как вымаливая прощение за столь огорчительные для нее мысли, его сын в это время поинтересовался:

— Значит, вы так и не встретились с Джеффри Пирсом?

— Боюсь, что нет, — отозвался его отец. — Когда я дополз до Пещер, его там уже не было...

— Если он вообще когда-либо там был, — впервые подал голос констебль Саймон, и мистер Чендлер нахмурил брови:

— Что вы хотите этим сказать?

— Мне думается, — ответил тот, — подрезанная подпруга свидетельствует лишь об

одном: ваш недоброжелатель и не собирався являться на намеченное свидание — он полагал, должно быть, что при падении вы свернете себе шею, и дело с концом. Кроме того, — констебль выдержал драматическую паузу, наслаждаясь всеобщим к себе вниманием, — сделать это он мог только на конюшне, заранее зная, которую из лошадей вы выберете для намеченной охотничьей прогулки. — И спросил: — Персефона — ваша единственная лошадь?

Чендлер отрицательно мотнул головой.

— Еще есть Буцефал, — произнес он полным неуверенности голосом. — И я только в последний момент решил оставить его в стойле: конюх сказал, что у жеребца желудочные колики... — И замолчал, осознавая значение всего этого. — Боже, боже мой, — произнес он через мгновение, — вы же не хотите сказать, что этот человек был на моей конюшне и...

— И не только на конюшне, — многозначительным тоном протянул констебль Саймон.

И так как продолжать он не стал, то Чендлер поглядел на жену и сына вопрошающим взглядом — те отводили глаза, и это встревожило его еще больше.

— О чем вы умалчиваете? — осведомился он. — Анна?

И та, с трудом разлепив неподатливые губы, произнесла:

— В доме произошло убийство. Мисс Ховард... нанятая мною гувернантка, убита этой ночью.

— Задушена, — дополнил картину констебль.

— В комнате миссис Чендлер, — вставил свое его сын.

Лицо мужчины утратило всякие краски, даже сердце как будто бы перестало биться.

— Но как? — воскликнул он, абсолютно шокированный. — В этом нет никакого смысла...

И тогда мистер Баррет сказал:

— Мы полагаем, гувернантка умерла по ошибке — жертвой должна была стать ваша супруга.

Это лишь еще больше взволновало и без того взвинченные нервы мистера Чендлера:

— Но даже в этом случае, — он снова стиснул руку своей жены, — в случившемся нет никакого смысла. Зачем Пирсу... уб... желать зла Анне? Я полагал, он нашел меня ради вымогательства... Хотел вытрясти из меня побольше денег. Мертвые ни я, а уж тем более Анна, ничего не могли бы ему дать! Я ничего не понимаю. — И снова затряс головой: — Мертвая гувернантка... боже, боже мой, это просто невыносимо! Не могу в это поверить.

Констебль Саймон выступил вперед:

— А саму месть, как таковую, вы разве не допускаете? — спросил он. — Сейчас все указывает именно на это.

— Нет, нет, — Чендлер затряс головой, абсолютно не способный допустить даже мысль о чем-то подобном, — на Пирса это совсем не похоже. Он бы не поступился деньгами... Никогда. Вы просто его не знаете...

— А знаем ли мы вообще кого-нибудь в достаточной степени, — философски заметил констебль Саймон и глянул на Эдмунда Чендлера с двумя лихорадочно алеющими пятнами на щеках.

— Отец, — воскликнул тот, не в силах больше сдерживаться, — есть еще кое-что, о чем вам следует нам рассказать...

Миссис Чендлер шумно выдохнула, и ее супруг посмотрел на обоих пристальным взглядом.

— Что-то помимо прочего? — протянул он почти опасливо, и его сын сверкнул глазами:

— Это касается моей матери, — выпалил он на едином дыхании. — Матери, которую мы якобы похоронили два года назад... — Он замолчал, тяжело дыша и не отводя от отца осуждающего взгляда. — Матери, которая... — мистер Чендлер прикрыл лицо ладонью, — все это время была жива и теперь... лежит мертвая в комнате наверху.

Ладонь мужчины соскользнула вниз, явив взглядом присутствующих его перекошенное от ужаса лицо.

— Я не понимаю...

Констебль Саймон хмыкнул в кулак.

— Убитая гувернантка, насколько мы понимаем, и есть ваша бывшая супруга, — решил просветить он мистера Чендлера. — Это открылось только после ее смерти... второй смерти, судя по словам этого юноши.

Издевка в словах констебля не ускользнула от чуткого уха хозяина дома, и тот вскинулся, гневно воскликнув:

— Кто вы такой, чтобы судить меня... мистер Саймон? — Тот молча пожал плечами. — Да, я лгал, — при этих словах Чендлер смело посмотрел в глаза своего сына, — уверил вас в смерти собственной матери, увез в другую страну... подарил новую, благовоспитанную семью и лучшую мать, — теперь он с новой силой сжал руку своей потупившей взор супруги. — Анна, посмотри на меня, — взмолился он с чувством, — пожалуйста, не думай то, чего нет: мой обман не был злонамеренным, как вы, полагаю, представляете. Это не я, это Кэтрин предала мое доверие, связавшись с другим мужчиной и изменив данным ею же клятвам. — Чендлер болезненно зашипел, непроизвольно дернув раненой ногой. — Я тоже не был идеальным мужем, признаю это со всею ответственностью: я постоянно отсутствовал, мотался от одного прииска к другому, бывая дома наскоками, едва ли больше одного-двух раз за год, но я никогда не изменял вашей матери. Никогда! — он снова посмотрел на своего сына. И добавил: — Мы разведены, Анна, — теперь он обращался к своей супруге, — и именно поэтому я предпочитал замалчивать этот факт, сообщая всем о смерти своей бывшей жены. Быть вдовцом намного приличнее, да и ущемленная гордость страдает от этого меньше. Вот и вся правда, которую вы хотели знать!

В комнате повисла тяжелая, почти неподвижная тишина. Откровения Чендлера как будто бы выкачали из нее весь воздух, лишили кислорода...

— Она была нашей матерью, — первым нарушил ее Эдмунд Чендлер. — Она любила нас...

— Она променяла вас на другого мужчину! — не сдержался его отец.

— ... а ты просто забрал нас у нее, — продолжил юноша, как бы не слыша возражений отца.

— У меня были все права сделать это. Я — ваш отец!

— ... и теперь она мертва по-настоящему. Из-за тебя! Из-за этих денег... из-за этих проклятых алмазов, которые всегда были для тебя важнее каждого из нас. — Он ударил кулаком по спинке дивана. — Будь ей все равно... будь тот мужчина действительно так важен для нее, — произнес он гневным голосом, — разве бы мама явилась в этот дом под видом простой гувернантки? Стала бы она пересекать океан и надевать этот жуткий парик... и... и...

— Эдмунд, — Баррет тронул приятеля за плечо.

— Вы — МОИ дети! — повторил Чендлер с особой интонацией. — Я имел все права...

— Ты убил ее! — воскликнул юноша, стискивая кулаки. — У его отца вытянулось лицо, казалось, обвинения сына ранили его в самое сердце. — Убил своими безразличием и холодностью... Ты ее никогда не любил. Вот в чем причина...

— Ты не имеешь права обвинять меня в подобном, — Чендлер стиснул бескровные губы. — Да, я не простил ее измены, да, я не смог перешагнуть через свою попорченную гордость, но обвинять меня в равнодушии и... всем остальном. Эдмунд, пожалуйста, — взмолился он другим, глубоко уничижительным голосом и протянул сыну руку. Тот молча отвернулся, пытаясь скрыть предательски заблестевшие глаза, и быстрым шагом вышел из комнаты... Служанка с тазиком теплой воды и бинтами для перевязки едва успела отступить, столкнувшись с ним на самом пороге.

Сразу после ухода Эдмунда Чендлера рану его отца промыли и тщательно перевязали, тогда-то хозяин и высказал пожелание, переговорить с констеблем Саймоном наедине.

Джек сгорал от желания узнать о теме их нынешнего разговора... Вот только плотно прикрытая дверь, да непрестанное снование домашней прислуги мало способствовали подслушиванию, к которому он было прибег без всякого зазрения совести.

— А, ты здесь, так я и думал, — дверь наконец-то открылась, явив Джеку пышноусое лицо констебля Саймона. — Не мог бы ты подсобить мне, парень? — улыбнулся он со свойственным ему самодовольством. — Джек, естественно, согласился, и тот попросил: — Найди-ка мне мистера Ричардса, дружок, и пригласи-ка его в кабинет... незамедлительно. Нам с мистером Чендлером надо задать ему пару вопросов... — И уже вполоборота: — Так что там с пуговицей, приятель, есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

Джек смущенно замаялся: из-за всех этих событий он напрочь позабыл о пуговице в своем кармане... Вот она, он нащупал ее пальцами и стиснул в кулаке.

Констебль Саймон понял его без слов и понимающе улыбнулся:

— Просто не потеряй ее, ладно? — напутствовал он Джека, готового сорваться с места по возложенному на него поручению. — И держи нос по ветру. Договорились?

— Договорились, сэр.

— Вот и ладушки, — констебль вошел в кабинет и тщательно прикрыл за собой дверь. Джек побежал искать секретаря...

Тот отыскался не сразу — Джек старательно обходил стороной комнату с мертвой женщиной — и отыскался именно там, где парень думал найти его в последнюю очередь: он стоял над телом убитой гувернантки и глядел на нее в отрешенной задумчивости полностью погруженного в себя человека. Выражение вселенского отчаяния проступало в каждой черточке его по-женски миловидного, тщательно выбритого лица... Джек даже замер, не смея потревожить его словами, и невольно обратил внимание на сам предмет его пристального внимания: светлые волосы условно названной мисс Ховард, широкой волной спадали с одной стороны ее лица, а чуть распахнувшийся пеньюар демонстрировал стройную ножку от колена до щиколотки. Джек, никогда прежде не видевший женских ног, стыдливо отвел глаза...

— Что ты здесь делаешь? — грубо одернул его молодой человек, неожиданно выныривая из глубин созерцательной медитации. — Кто позволил тебе войти в эту комнату? Немедленно убирайся отсюда! Живо, маленький негодяй.

Джек даже опешил от подобного напора...

— Мистер Чендлер и констебль Саймон велели вам явиться в библиотеку, — выпалил он, пытаясь объяснить свое здесь присутствие. — Они хотели задать вам какие-то вопросы...

Маска негодования на лице секретаря мгновенно сменилась выражением полнейшей невозмутимости. Конечно же, только напускной... И Джек подивился его способности меняться вот так сразу, в одно мгновение.

— И все равно тебе здесь нечего делать, — кинул Ричардс с осуждением, уже направляясь к двери и пересекая порог быстрым, размашистым шагом.

Джек покинул роковую комнату едва ли секундой позже, но Ричардса уже и след простыл: паренек замер, словно стал свидетелем удивительно трюка, и даже взъерошил волосы на белокурой макушке. Таким его и застал Чарльз Баррет, появляясь из комнаты друга (тот, к слову, безгласной тенью маячил за его спиной) и подзывая Джека к себе...

— Мистер Баррет, — пролепетал тот в явном смущении, полагая, что его станут отчитывать за нахождение в неподобающем месте, только молодой человек произнес совсем неожиданное:

— Тебя зовут Джек, не так ли? — Джек молча кивнул. — И ты друг мисс Блэки, я правильно понимаю? — Еще один кивок подтвердил слова говорившего. — Прекрасно, — отозвался тот, хлопнув в ладоши, — в таком случае ты ведь не откажешься помочь нам в одном деле, мы можем на тебя положиться, не так ли, Джек?

Джек вполне ожидаемо снова кинул.

— Ты сейчас не с мистером ли Ричардсом говорил? — осведомился Чарльз Баррет, глянув в сторону друга, и Эдмунд Чендлер скептически заметил:

— Все это пустые домысли, Чарльз, и ты об этом знаешь.

— Брось, — одернул его приятель, — этот тип ведет себя странно, ты сам соглашался со мной. — И в сторону Джека: — Мы хотим обыскать комнату мистера Ричардса. Готов помочь нам в этом или нет?

— Мистер Ричардс только что отправился в кабинет к мистеру Чендлеру, они с констеблем Саймоном хотели задать ему пару вопросов, — выпалил Джек, подтверждая тем самым свое участие в намечавшемся мероприятии.

Молодые люди переглянулись.

— Тогда сейчас самое время отправиться в его комнату, — Баррет нетерпеливо дернул подбородком. — И твоя, Джек, задача — загодя предупредить нас о его появлении... Как думаешь, справишься? Ричардс не должен ни о чем узнать.

Несмотря на явное нежелание участвовать в «безумных» планах своего решительно настроенного приятеля, Эдмунд Чендлер все-таки последовал за Джеком и Барретом в сторону комнаты секретаря и, тяжело вздыхая, прощмыгнул в ее двери... Джек остался стоять у лестницы, вслушиваясь в шаги до странности притихшего дома.

И неожиданная помеха, а вернее мисс Блэки в ее лице, пришла вовсе не оттуда, откуда он было ожидал: та появилась из комнаты миссис Чендлер и удивленно осведомилась:

— Что ты здесь делаешь, Джек?

Простой, казалось бы, вопрос поверг парня в настоящую растерянность, и он несколько раз открыл и закрыл рот, так ничего и не произнеся. Мисс Блэки интуитивно угадала в этом некую тайну и решила поднажать: нахмурила черные бровки и поглядела на Джека в безгласном осуждении. В конце концов, разве он имел право иметь тайны от нее? Девушка не допускала самой мысли об этом. По крайней мере, именно так и расшифровал Джек пристальный взгляд ее больших, карих глаз...

— Мастер Чендлер и его приятель Баррет обыскивают комнату секретаря, — произнес он совсем тихо, и мисс Блэгни удивленно ахнула:

— Но почему? Они его в чем-то подозревают?

— Им показалось, что тот ведет себя странно... Что... — договорить Джек не успел, так как внизу хлопнула дверь кабинета, и спешащая фигура Ричардса появилась на нижней ступеньке лестницы.

— Задержите его хоть на секунду! — шепнул Джек Аманде Блэгни и в панике бросился к комнате секретаря. Прикрыв за собой дверь, он сообщил громким полусшепотом: — Он возвращается, нужно скорее прятаться.

Оба молодых человека, просматривающих книги на распахнутом секретере, дружно отбросили свое занятие и заметались по комнате в поисках укрытия.

— Портьеры! — в последний момент воскликнул Чарльз Баррет, и они застыли по обе стороны от окна. Дверь распахнулась почти мгновенно, и хозяин комнаты быстрым шагом прошел к платяному шкафу...

— Я не позволю ему обвинять меня в подобном, — произнес он вслух, выхватывая из-под одежды портфель коричневой кожи. — Я докажу свою правоту... — Что-то звякнуло, отлетев прямо к ногам Джека. Он замер, мысленно вообразив момент обнаружения... Нет, мистер Ричардс, казалось, ничего не заметил и, подхватив портфель подмышку, выскочил из комнаты, громогласно ею хлопнув.

Джек наклонился поднять отлетевший к его ногам предмет... Ключ. Это был обычный маленький ключ, один из тех, которыми запирают шкафчики письменного стола. И догадка пришла мгновенно:

— Это ключ от стола мистера Чендлера.

Трое молодых людей молча переглянулись.

— То есть Ричардс украл его... — начал было Чарльз Баррет.

— ... чтобы помешать нам обнаружить запертое в отцовском столе письмо Джеффри Пирса, — закончил за него молодой Чендлер.

— И это значит, что он каким-то образом связан со всеми событиями в доме, — заключил Джек общую мысль.

— Нужно рассказать об этом констеблю Саймону!

В дверь дважды постучали...

— Кто это? — всполошился Эдмунд Чендлер.

— Мисс Блэгни, я полагаю, — смутился Джек. — Она застала меня у лестницы, и мне пришлось рассказать ей об обыске... Она помогла задержать Ричардса.

Все трое выскользнули за дверь и действительно увидели мисс Блэгни с занесенной для повторного стука рукой.

— Почему вы так долго? — попеняла она им. — Ричардс может вернуться в любой момент. — И с любопытством: — Что это? — Она заметила ключ у Джека в руке.

— Ключ от запертого ящика в кабинете мистера Чендлера.

— О Боже! — девушка прижала руку к губам. То есть он и есть...

— Тссс! — остановил ее Баррет с обаятельной улыбкой. — Вы очень догадливы, мисс, но сейчас нам надо узнать, что за бумаги хранятся в портфеле секретаря... Это наипервейшая наша задача.

Мисс Блэгни тоже ему улыбнулась, открытой, лучезарной улыбкой, и Джек почувствовал, как от этой улыбки у него сжимается сердце. В буквальном смысле.

Превращается в камень, готовый вот-вот ухнуть куда-то вниз...

И в этот момент недра дома сотряс громогласный звук прозвучавшего выстрела.

Все четверо испуганно переглянулись и бросились вниз, перепрыгивая через две ступеньки... И мисс Блэгни не отставала от них ни на шаг.

Со стороны кухни им пересек дорогу констебль Саймон с хлебными крошками на усах: казалось, он выскочил прямо из-за стола, даже не успев прожевать откусанный кусок.

— Что это был за выстрел? — воскликнули оба приятеля практически хором.

— Нам показалось, что стреляли в кабинете! — сказала Аманда Блэгни.

— Разве вы не должны были быть там же, допрашивая мистера Ричардса? — поинтересовался взволнованный не меньше остальных Джек.

И констебль, смахнув крошки с усов, произнес:

— Разговор с мистером Ричардсом закончился какое-то время назад. После этого я оставил мистера Чендлера в одиночестве и решил навеститься на кухню...

— Боже мой! — ахнула миссис Чендлер, прижав руки к груди. — Только не снова... пожалуйста...

Под дружный аккомпанемент взволнованных голосов констебль Саймон распахнул дверь кабинета и смело переступил его порог.

Тело лежало у камина, уткнувшись скрюченным боком в защитный экран...

Багряно-алая лужа крови медленно пропитывала дорогой ковер.

Анна Чендлер сдавленно вскрикнула, кто-то из горничных последовал ее примеру, и мисс Блэгни подхватила подругу под руку. Мужчины словно онемели...

И только мистер Чендлер с дымящимся револьвером в руке почти недрогнувшим голосом проговорил:

— Он набросился на меня с ножом... мне не оставалось ничего другого, кроме как выстрелить в него.

Констебль Саймон подошел и склонился над телом несчастного секретаря. Тот уже не дышал...

— Что между вами произошло? — только и спросил он, поднимая с пола небольшой нож с деревянной ручкой.

— Как я и сказал, он набросился на меня с ножом...

— Прежде этого, — констебль пристально поглядел на говорившего.

Мистер Чендлер опустил револьвер — его взгляд заметался по комнате, как бы не зная, на чем остановиться. Он что-то недоговаривал, и каждый мгновенно догадался об этом.

— Прежде этого, — повторил он слова констебля, — мистер Ричардс явился ко мне вот с этим. — Мужчина указал на брошенный у кресла портфель с рассыпавшимся содержимым: газетными вырезками, официальными документами и рукописными страницами. — После нашего с вами с ним разговора, когда вы спрашивали про исчезнувший ключ от ящика моего письменного стола и интересовались прежним местом работы Ричардса, тот, должно быть, переполошился и решил взять быка за рога: едва вы ушли, он явился с этим портфелем и стал шантажировать меня его содержимым.

— Ричардс шантажировал вас? — воскликнул мистер Баррет.

Чендлер кивнул.

— Сказал, что расскажет всем о моем «темном» прошлом: в частности, о моей лжи касательно бывшей супруги, — произнес он. — Сказал, что выставит меня перед всеми

отъявленным лжецом: перед детьми и новой женой в первую очередь. Требовал денег за молчание и... — Чендлер тяжело сглотнул, — признался в своем сговоре с Кэтрин, моей бывшей женой.

— Нет, — юный Эдмунд сжал кулаки. — Этого не может быть!

И его мачеха повторила:

— Это невозможно. Мисс Ховард, то есть... — она запнулась, не зная, как правильно назвать мертвую женщину, — бывшая миссис Чендлер не показалась мне злодейкой. Это исключено!

Констебль Саймон покачал головой.

— Вы бы удивилась, дорогая леди, личинам мнимой добропорядочности, свойственной некоторым преступникам, — менторским тоном заметил он.

— Хотите сказать, — изумился Баррет, — что это Ричардс отправил вам письмо под именем Джеффри Пирса? Как такое возможно?

— Как я понял из его слов, — произнес Чендлер, — он познакомился с Пирсом в Мексике, пару лет тому назад, когда бедняга умирал от малярии, подцепленной в бразильской сельве, и тот, за неимением лучшего наследства, передал молодому человеку несколько газетных вырезок обо мне и свои беспочвенные подозрения. Впоследствии Ричардс пополнил унаследованную «коллекцию» новыми материалами, выяснив, таким образом, о бывшей миссис Чендлер и, втершись ей в доверие, убедил последнюю совершить своеобразный акт мести, который мы с вами и наблюдали последние дни.

Его сын, все еще продолжая сжимать кулаки, не удержался от комментария:

— Но в этом нет никакой логики, вы хоть сами это понимаете? — И в нервном возбуждении: — Если Ричардсу были нужны ваши деньги, отец, то зачем в таком случае он нанялся к вам на работу? Зачем... приехала мама? И почему он убил ее... если это, действительно, был он? А еще: зачем он звал вас в Призрачные пещеры? Мертвым вы ему, навряд ли, были бы нужны, разве не так, отец?

— Юноша задает правильные вопросы, мистер Чендлер, — поддержал молодого человека констебль Саймон.

— Так кто, по-вашему, убил, так называемую, мисс Ховард? Неужели Ричардс?

— Полагаю, что так, — отозвался мистер Чендлер. — Возможно, между сообщниками произошла ссора, которая и привела к столь печальному концу.

— Весьма любопытное наблюдение, — констебль указал Джеку на пуговицу на своем жилете и склонился над рассыпанными по полу документами из портфеля секретаря.

Джек, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания, приблизился к мертвому телу и пригляделся к пуговицам на его рубашке — они не совпадали с той, что лежала в его кармане. У Ричардса, конечно, могли быть рубашки и с подходящими пуговицами, но эти точно были не те, о чем Джек и сообщил констеблю едва заметным кивком головы.

— Мистер Ричардс провел неплохую работу по сбору данных, — констатировал констебль, просматривая пожелтевшие листки бумаги. — Вот только я не вижу свидетельства о расторжении брака...

Чендлер сверкнул глазами.

— Вам, похоже, доставляет особую радость, констебль, тыкать людей в их самые больные места. — И скривился от боли в раненой ноге: — Я покажу вам его, как только смогу встать с этого дивана.

— Буду премного благодарен, — отозвался тот с добродушной улыбкой.

— И все-таки, — произнес Чарльз Баррет, — почему Ричардс набросился на вас?

— Понял, что напрасно разоблачил себя, — ответил Чендлер, благодарный возможности переключить внимание с дерзкого констебля на кого-то другого. — Выслушав его требования, — продолжал он, — я сказал, что не собираюсь платить ни пенни... Сказал, что, убив Кэтрин, Ричардс сам же разрушил все свои планы... Что моя семья выяснила, кем она являлась и что в сокрытии тайны больше нет никакой надобности. Тогда-то Ричардс и рассвирепел, схватился за нож и... мне пришлось стрелять.

— Кстати, откуда у вас оружие? — поинтересовался констебль Саймон.

— Я не расстаюсь с ним с момента получения первого письма под подписью Джеффри Пирса, — ответил ему Чендлер. — Маленькая предосторожность, которая, как вы можете видеть, спасла мою жизнь!

— Вы хорошо стреляете, — как бы между прочим заметил его собеседник. — Поздравляю!

— Благодарю, — отозвался тот. — Жизнь на алмазодобывающих приисках еще и не такому научит, констебль... — Они улыбнулись друг другу с вежливыми полукивками.

И после удручающего молчания, повисшего было под сводами библиотеки, мистер Чендлер произнес:

— А теперь я хотел бы увидеть Катрин, если вы не возражаете...

Констебль Саймон ответил за всех разом, утвердительно покивав головой.

Все произошедшее буквально не укладывалось у Джека в голове: не существовало не только пресловутого Джеффри Пирса, но и самой угрозы каждому из обитателей этого дома в принципе не существовало тоже. Выходило, что гувернантку убили намеренно, а не по ошибке, как они было поначалу предположили... Все сводилось к банальной меркантильности, не более того.

Джек снова сидел на чердаке и глядел в маленькое, затянутое морозом окошко: он ждал мисс Блэки — они сговорились встретиться в этом месте. Та задерживалась... А ему не терпелось рассказать ей о пуговице, хотя надобности в этом как будто бы больше и не было.

— Что это у тебя? — та подошла почти беззвучно. Словно бесплотный призрак... И Джек показал ей пуговицу.

— Ее дал мне констебль Саймон. Сразу после обнаружения тела «мисс Ховард», — пояснил он, следуя вопрошающему взгляду девушки. — Он считал, что она принадлежит убийце, и что, если найти одежду, с которой эта пуговица оборвалась, то можно изобличить самого преступника.

— Ты уже сравнивал ее с пуговицами на рубашках Ричардса?

— Не со всеми, — ответил Джек. — Только с той, в которой он... умер. И она не подходит...

— Возможно, нужная рубашка висит у него в шкафу или отправлена в прачечную.

— Констебль Саймон, наверняка, решит это проверить.

Мисс Блэки состроила лукавую рожицу и сказала:

— Хорошо, что все уже разрешилось, иначе, кто знает, ты мог бы взять и заподозрить в убийстве гувернантки меня, например. Гляди! — она вскинула руку и показала ряд перламутровых пуговичек на тыльной стороне своего рукава. — Что, скажешь, не похожи?

Джек совершенно смутился.

— Я бы никогда... — залепетал было он, но девушка его оборвала:

— Я шучу, Джек, — сказала она с тихой улыбкой. — Просто хотела сказать, что эта пуговица могла одинаково принадлежать как мужчине, так и женщине. Вот и все. — Потом лицо ее помрачнело, и она продолжила, только уже совершенно о другом: — Извини, что тебе пришлось долго ждать — я только пыталась подбодрить Анну, но, видит Бог, в данных обстоятельствах сделать этот ох как не просто. Она совершенно сломлена, как и мистер Чендлер, я полагаю: столько лет хранить важную тайну и быть разоблаченным в одно мгновение... Все это настолько ужасно, что у меня просто нет слов! — Она замолчала, устремив взгляд в разрисованное морозными узорами окно, и в задумчивости продолжила: — Анна сама не своя, Джек: все твердит о белых волосах мисс Ховард, говорит, что могла бы заподозрить неладное уже минувшей ночью, когда вышла из комнаты и столкнулась с ней в коридоре. Что-то в облике женщины было не так, и Анна не сразу догадалась, что именно... Но дело было в ее волосах, золотистых прядях, рассыпанных по плечам. Золотистых, а не иссиня-черных, какими мы и привыкли их видеть.

И Джек встрепенулся, словно что-то торкнуло его в спину. Зазвенело разноголосыми бубенцами прямиком у него в голове...

— Белая женщина! — воскликнул он. — Мисс Ховард и была Белой женщиной из видения мастера Гарри.

Глаза мисс Блэки распахнулись, и Джек увидел в них искру догадки, вспыхнувшей, словно зажженная в темноте свеча.

— Белая женщина, ну конечно! — ахнула она в то же мгновение. — Это же так очевидно: мать приходила посмотреть на своего ребенка, а тот, нечаянно пробудившись, принял ее за бестелесного призрака. Страшную белую женщину в платье из паутины... Длинный пеньюар и ее рассыпанные по плечам серебристые волосы воображение ребенка с легкостью преобразило в нечто устрашающее, испугавшее его до ужаса. — И в радостном нетерпении: — Какой же ты молодец, Джек. Уверена, Анна будет рада такому простому объяснению... — девушка схватила его за руку. — Мы должны сейчас же рассказать ей об этом. Пойдем же! — и она потянула его прочь с чердака в сторону детской.

Нянюшка Бриггс вязала шерстяной чулок. Мастер Гарри и его сестра Мария рисовали карандашами... Картина было до того умиротворяющей, что поверить в случившиеся за пределами детской трагические события было практически невозможно. Джек почувствовал, как его плечи невольно расслабляются, скидывая толику отягощающего их груза.

— Юная Аманда, — произнесла нянюшка, — и...

— Джек Огден, — отозвался Джек. — Минувшим вечером я сидел рядом с вами все время обеда...

— Ах да, помню-помню, — закивала головой старушка. — Извини, что сразу не признала: мои глаза нынче не те.

— Очки вам нужны! — улыбнулась мисс Блэки. — Анна давно предлагала позвать доктора, да вы все упираетесь. — И любопытствовала: — А самой миссис Чендлер разве здесь нет?

— Так вышла минут пять назад, обещала скоро вернуться...

— ... И нарисовать мне лошадку! — добавил мальчик, водя карандашом по бумаге.

— А мне — красивую леди в шляпке! — поддакнула брату девочка.

И мастер Гарри, отвлекшись от своего рисования, глянул на Джека:

— А ты рисовать умеешь?

Тот отрицательно покачал головой, и мисс Блэгни в задумчивости поинтересовалась у нянюшки Бриггс:

— А почему фамильные портреты Чендлеров пылятся на чердаке? Мы видели сурового старика с мальчиком лет двенадцати... У того был такой несчастный вид!

По лицу старой женщины скользнула многозначительная полуулыбка:

— Вы, должно быть, говорите, о портрете бывшего мистера Чендлера, деда нынешнего хозяина поместья, и о нем самом, только-только потерявшем родную мать... Дед мастера Джона заказал портрет сразу же после смерти своей невестки, бедняжки Элисон, сказал, что они — последние представители семейства Чендлер, и это стоит запечатлеть для потомков. — Нянюшка покивала своим собственным мыслям, вздохнула. — Мастер Джон, как сейчас помню, все никак не хотел спокойно стоять, изводя выписанного из Лондона художника почему зря. Тот ажно краснее свеклы становился... Зарекался все бросить, вернуть выплаченный ему аванс, да все-таки довел работу до конца. — И выдохнула: — Ах, мастер Джон, мастер Джон, — ангел ты мой ясноглазый! Сколько ж воды утекло с той поры. — После этого ее лицо снова скуксилось, пошло складками, помрачнело: — А портреты мастер Джон и велел убрать, — продолжила она, — сразу после возвращения так и сказал: «Не хочу, чтобы они напоминали мне о былом... Тошно делается, хоть вой». Вот мы и снесли их на чердак... Там они теперь и пылятся.

Нянюшка Бриггс промокнула уголок своих выцветших, бледно-голубых глаз и снова заработала спицами, словно с их помощью могла убежать от грустных, подтачивающих душу воспоминаний.

Анна Чендлер, выслушав предположение молодых людей о личности Белой женщины, вздохнув, произнесла:

— Значит, по крайней мере, этого больше не повторится. Я боялась, что придется вызывать доктора Роббинса... Надеюсь, удастся обойтись без его визита! — И уже другим, более деловым тоном: — Я попросила миссис Пэм подать поздний завтрак. Из-за всех этих событий... — ее голос предательски дрогнул, — из-за всех этих трагических событий, — повторила она, — все в доме пошло кувырком, и, боюсь, все напрочь забыли об еде. А между тем подкрепить наши силы было бы не лишним...

После этого Джек отправился на кухню — есть, действительно, очень хотелось! — и по пути все прокручивал в голове события этого невероятно насыщенного печальными событиями утра. Ему припомнился рассказ мисс Блэгни о белых волосах новой гувернантки: «Что-то в ней было не так, и Анна не сразу догадалась, что именно...» И Джек вдруг понял что и сам испытывает нечто подобное.

Нечто скребущееся острыми коготками в глубине его сознания...

Нечто важное.

Требующее высвобождения.

Вот только что это, Джек никак не мог понять...

На кухне стояла привычная суета — это по-своему успокаивало — и кухарка, вальсируя от стола к плите, споро готовила завтрак, подгоняя нерадивых лакеев, все норотивших урвать немного еды для себя.

— Сначала — завтрак для господ! — одергивала она их, хлопая по рукам. — А уж потом и сами поедим...

— Кто-нибудь помогите Ханне с водой в прачечной! — попросила экономка строгим, не терпящим возражения тоном. — Я понимаю, что все взвинчены происходящими в доме событиями, — несколько смягчилась она, — однако грязное белье само себя не постирает... К тому же, — добавила она, — праздные руки, как известно, ведут ко греху. Итак...

— Я могу помочь, — вызвался Джек, справедливо рассудивший отплатить добрым делом за оказанное ему гостеприимство.

— Ты? — хмыкнула мисс Корн. — Что ж, почему бы и нет? — с этими словами она вручила ему ведро и отправила в прачечную.

В прачечной, полутемной комнатухе позади кухни, Ханна Тернер, молоденькая служаночка, указала Джеку на огромный чан для кипячения белья и велела натаскать в него воды из дворового колодца. Метель все еще не унялась в полной мере, и Джек едва не отморозил себе нос и руки, пока справлялся с возложенной на него задачей...

— Спасибо, — улыбнулась ему служанка, заправляя за ухо выбившуюся из прически прядь длинных волос. — Ты быстро управился. — И в смущении: — По крайней мере, быстрее Тома Лэни, который вечно отлынивает от работы. — Потом склонилась над тазиком с водой и принялась тереть куском хозяйственного мыла мужскую рубашку. Вода под ее руками сделалась мутно-рыжей — запахло железом. Кровью... Джек поинтересовался:

— Чья это рубашка?

— Мистера Чендлера, — ответила девушка. — Не знаю, удастся ли ее отстирать: кровь въелась крепко... Разве что щелок поможет! Миссис Корн будет недовольна.

Джек запустил руку в воду и выловил перемазанный кровью манжет... В сердце что-то гулко ухнуло. В ушах застучало... Он бросился бежать на чердак, перепрыгивая сразу через две ступеньки — еще раз взгляделся в портрет строгого мужчины и его внука.

Голубые, понял он с неожиданной ясностью, голубые глаза!

Джек бросился на поиски мисс Блэки...

Мистер Чендлер, поддерживаемый двумя дюжими лакеями, поднялся на второй этаж и проследовал в их с женой спальню, замерев было на пороге и не смея войти внутрь. При виде мертвой фигуры в кресле у окна силы, казалось, полностью оставили его, и мужчина повис на руках слуг тяжелым кулем.

— Бедная, бедная Кэтрин, — произнес он глухим, полным внутренней боли голосом. — Следует хотя бы перенести ее в более подходящее место и позаботиться о ее благопристойности... Бедная женщина не заслуживает подобного пренебрежения.

И пока слуги занимались ее телом, он отправился в гардеробную и, сменив при помощи камердинера несвежие вещи, воротился в библиотеку. Бурое пятно у камина приковало к себе его взгляд.

— Отец, — окликнул его Эдмунд Чендлер. Они с другом как раз появились на пороге...

И мужчина, как бы отвечая на собственные мысли, произнес:

— ... И я сделал бы это снова. Ради Кэтрин... Она не заслуживала такой смерти.

Молодой человек сглотнул... раз-другой, и только тогда, уверенный, что голос его не подведет, поинтересовался:

— Зачем вы хотели нас видеть, отец? Говорите — мы слушаем.

Мистер Чендлер поманил их к себе, велел для начала хорошо прикрыть дверь. Это насторожило обоих...

— В чем дело? — снова поинтересовался юноша. — К чему подобная секретность?

— К тому, — произнес его отец, — что я хорошо знаю констебля Нила Саймона, живущего в небольшом домике в Лаймоте... Тот разводит кур и гусей, носит казенное платье, даже в свободное от работы время, и никогда... слышите, никогда не поддавался моде, отращивая огромные, рыжие усищи, которыми так кичится наш нынешний «гость». Понимаете?

Молодые люди переглянулись.

— Вы хотите сказать, что... — начал было его сын и замолк на полуслове. Ему вдруг припомнилось мертвое тело на похоронных дрожках, встреченных ими по прибытии в город... Безусый мужчина, замерзший на пустоши. — О Боже! — выдохнул он, полностью сбитый с толку. — То есть наш констебль...

— На самом деле, вовсе не констебль Саймон, за которого он себя выдает, — закончил за него Чарльз Баррет. — Тогда кто он такой? И что ему надо в вашем доме?

— Именно на этот вопрос мы и должны с вами найти ответ, — произнес мистер Чендлер, решительно стискивая в кармане ствол своего револьвера.

Джек выскочил на хозяйскую половину и едва не сшиб с ног разыскиваемую им девушку...

— Мисс Блэгни! — ойкнул он, слегка опешив от компании констебля Саймона, в которой она находилась.

— Куда это вы так спешите, молодой человек? — осведомился тот, сверкнув насмешливым взглядом. — Возможно, хотите присоединиться к нашему с мисс Блэгни разговору... Мы тут выяснили одну весьма любопытную вещь, касающуюся нашего хозяина. Хотите узнать, какую?

И Джек не сдержался — догадка кипела в нем, подобно пробудившемуся вулкану:

— Глаза. У мальчика на картине голубые глаза, а у мистера Чендлера они черные...

— Вот и я о том же подумала! — всплеснула руками девушка. — И мы с констеблем Саймоном наведались на чердак.

— Я тоже только что был там, — признался Джек, и, запустив руку в карман, извлек наружу переданную ему констеблем пуговицу. — А еще я знаю, с чьей рубашки оборвалась эта пуговица...

Констебль Саймон не казался удивленным, когда Джек назвал им бьющееся на кончике языка недавно выясненное им имя.

Констебль Саймон в сопровождении Джека и мисс Блэгни вежливо постучал в дверь библиотеки...

— Войдите! — отозвался мистер Чендлер, и обе троицы замерли друг против друга, словно две непримиримые стороны на боксерском ринге.

— Смотрю, вы обзавелись сторонниками, — улыбнулся констебль Саймон, прикрывая за собой дверь. — Что ж, было бы странно, не сделай вы этого...

— Вы, как я вижу, тоже не сидели без дела, — в тон ему отозвался мистер Чендлер, глянув в сторону Джека и девушки.

Джеку казалось, что они присутствуют на давнишнем спарринге, истоки которого берут свое начало задолго до случившихся в поместье событий. Чендлер и Саймон походили на двух львов, борющихся за первенство в прайде... Если первый был сама мрачность и крайняя сосредоточенность, то второй — полная ему противоположность: задор и насмешливость. Превосходство...

В дверь постучали, и на пороге появилась Анна Чендлер:

— Я хотела узнать на счет завтрака... — начала было она, но, почувствовав повисшую в комнате напряженность, замолчала.

— Проходите, проходите, — произнес «констебль Саймон». — Вас это тоже касается, моя дорогая!

От неуместной фамильярности у женщины вспыхнули щеки, а Эдмунд Чендлер, не выдержав, воскликнул:

— Вы — самозванец, сэр! — голос его сочился искренним возмущением. — Вы обманом проникли в наш дом, втерлись в наше доверие и делали вид, что вы наш друг. Кто вы на самом деле такой? Отвечайте немедленно.

Мнимый констебль Саймон снисходительно улыбнулся, вроде как нападки юноши заставили его повеселиться, не более того.

— Вы правы, — произнес он, слегка пожав плечами, — настоящий констебль Саймон, толстый боров с безусым лицом, отдал Богу душу где-то посреди Ментонской пустоши, где я его и оставил в одном исподнем. Не думаю, что он смог пережить эти морозы, пусть даже жира в нем было в избытке, можете мне поверить.

Бессовестная кичливость подобного признания исторгла из груди молодого Чендлера полный шокированного изумления вздох.

— Говорите, кто вы такой? — вскричал он в справедливом негодовании, и его оппонент усмехнулся:

— Спросите об этом своего отца! Ему ли не знать обо мне всего.

Едва его полный презрения смешок затих под сводами комнаты, как мистер Чендлер, вскинув свой револьвер, навел его на говорившего и нажал на курок. Боек ударил по ударнику, однако выстрела так и не последовало...

— Осечка, мой дорогой братец! — усмехнулся «констебль Саймон». — Ты стал слишком небрежен — сытая жизнь разнежила тебя. — И словно в полнейшем недоумении: — Не думал же ты, что я позволю тебе разгуливать с заряженным револьвером в кармане? Это было бы так... самоубийственно, так необдуманно с моей стороны. А я, — он отбросил на мгновение свой полунасмешливый тон, — привык обдумывать свои действия наперед, как и ты, я полагаю. Разве не так, братец?

Мистер Чендлер молчал, лишь жилка на виске мучительно дергалась да подрагивал в руке все еще зажатый в ней револьвер. И тогда в разговор вступила миссис Чендлер:

— О чем вы говорите? — спросите она. — Чего вы желаете добиться, упорно называя моего мужа своим братом? У моего супруга не осталось никого из родных. Тем более братьев...

«Констебль Саймон» посмотрел на нее в упор:

— У мистера Чендлера, — выделил он особым акцентом, — братьев, возможно, и не было, моя дорогая леди, а вот у вашего супруга он есть. И он сейчас перед вами!

— Ложь! — вскричал Эдмунд Чендлер, стискивая кулаки. — Все это чистой воды ложь. — И в сторону отца: — Отец, почему вы молчите и позволяете этому человеку наговаривать на себя?! Скажите хоть что-нибудь.

Но Чендлер продолжал молчать... Только выдохнул, как долго задерживающий дыхание человек, и схватился за левую руку.

— У меня есть доказательства, — произнес «констебль Саймон», извлекая из кармана несколько наспех сложенных бумаг. Ему удалось перехватить метнувшийся к дивану взгляд

Чендера и он продолжил: — Да-да, мой дорогой братец, ты проявил небрежность, не бросив их вовремя в огонь. — И пояснил остальным присутствующим: — Это бумаги из портфеля бедняги Ричардса, которые наш уважаемый хозяин успел припрятать прежде, чем все мы сбежали на прозвучавший в комнате выстрел. Вот поглядите, — он передал бумаги мистеру Баррету, — это свидетельства о рождении и браке, и оба выданы на имя Роберта Грира. — Теперь он поглядел в глаза миссис Чендлер: — Боюсь, самозванец не я, миссис Чендлер, — произнес он, — а ваш муж! И я могу рассказать вам, как это произошло.

Слишком шокированный, чтобы произнести хоть слово, Эдмунд Чендлер молча глядел на проставленные в документе о браке даты и имена его матери и... отца. Остальные казались не менее пораженными... И мнимый констебль Саймон начал свой рассказ:

— Роберт родился совсем слабым, хворым, как и многие дети нашей матери. Девочки у нее и вовсе не задерживались: помирали в первый же год, и ничто с этим нельзя было поделать. Доктор, вызванный по случаю его очередной болезни, сказал матери, что тот долго не протянет: мол, у мальчика слабое сердце, и в сыром климате Новой Англии ему долго не прожить. Работы у отца тогда практически не было — мы едва перебивались на крохи, зарабатываемые материнским шитьем — а потому было решено оставить насиженное место и перебраться в Техас... Там, как поговаривали, было спокойно: в основном из-за индейцев, — зато шло строительство железной дороги, и у отца могла появиться постоянная работа, а у Роберта — шанс пережить первый год своей жизни. Сказано — сделано... И вот мы уже трясемся в белой кибитке по необъятной прерии, а маленький Роберт лежит на материнских руках и знать не знает, на что сподвигло родителей его появление на свет.

— Мне понравилось на новом месте, — продолжал «констебль Саймон» с неизменной полуулыбкой. — Свобода... там в прериях была свобода, о которой я и помыслить себе прежде не мог. В первый же день на новом месте нас навел местный священник, настоятельно советовавший отцу, научиться самому да и меня научить управляться с револьвером. Сказал, без этого умения нам в Техасе не выжить... Мне тогда шел девятый год, и от одной мысли об оружии у меня кружилась голова. Я понял, что нашел свое место! Что родители этим переездом преподнесли мне самый лучший подарок из всех только возможных. И уже через пять лет я сбежал с проезжим траппером, направляющимся к верховьям реки Миссури, где якобы водились бобры с особо густым, переливающимся на солнце мехом.

Полагаю, о моих долгих блужданиях вдоль всей протяженности этой великой реки слушать вам будет не с руки, а потому перейду сразу к тому моменту, как я, будучи изгнан из поселения индейцев сиу, решил-таки повернуть к дому да проведать свою давно покинутую семью. Ни матери, ни отца в живых уже не было... Их унесла какая-то неведомая хворь, и священник, тяжело вздыхая, отвел меня на их могилы. К слову, Роберт, как я узнал от того же доброго человека, подался на восток, и я потратил немало времени прежде, чем отыскал его ни много ни мало совершенно в противоположном направлении, на бразильских алмазодобывающих приисках в Морро-Велью.

Джеффри Пирс... не было никакого Пирса, скажу я вам как на духу, а вот опустившийся проныра Джон Чендлер по прозвищу Дворянчик имелся. Тот еще тип, всем и каждому готовый живописать свои дворянские уголья в яблонево цвету да полноводные реки с радужной форелью... Стоило только ему опрокинуть пару кружек кашасы, как эти истории лились из него бесконечным потоком, заезженные до оскомины! Мол-де, вернется он однажды на родину к своему тирану-деду и докажет тому, что он не чета своему сволочному

папаше, промотавшему семейное состояние до последнего фартинга. Роберт слушал его пьяные разглагольствования с неизменным интересом, и это не могло ни удивлять меня, хотя... до поры до времени я так и не понимал причину данного интереса.

И вот в один прекрасный день по прииску разнеслась молва о невероятной удаче Чендлера: тот якобы напал на настоящую алмазную жилу, что в скором времени сделает из него настоящего богача... Каждый старатель в городке передавал эту новость из уст в уста, словно тайное евангелие. А потом Чендлер собрался уезжать... С самодовольной ухмылкой сообщил каждому, что возвращается домой, в Англию. Что его давнее приключение наконец-то закончено... и что едет он не с пустыми руками.

Братец мой тогда повел себя крайне странно (правда, я списал это на обычную человеческую зависть): сказал, что работа на Морро-Велью ему опостылела и что он хотел бы заняться чем-нибудь другим, а не этими растреклятыми алмазами. Собрал вещички — и был таков! Я тогда еще не был готов оставить мечту о мгновенном обогащении — тем более перед глазами был явный тому образчик! — и продолжил коротать дни на прииске... А когда мне это надоело, отправился в сторону Новой Англии: брат пусть и скуп, но рассказал мне о имеющейся у него семье, и я вознамерился с ней познакомиться. С невесткой да родными племянниками... Вот только племянников я так и не увидел: Кэтрин, жена Роберта, подивившись поначалу самому наличию у супруга родного брата — тот никогда ей обо мне не рассказывал — сообщила о состоявшемся между ними разводе... Она клятвенно уверяла, что измены с ее стороны никакой не было и что Роберт просто-напросто отобрал у нее детей и уехал, как она слышала, куда-то за океан.

Вот тут-то я совсем опешил, честно говоря: чего это спрашивается, Роберта потянуло за океан, с его-то слабым сердцем да еще и при довеске в виде детей. Двое из которых были совсем еще маленькими... Не сразу я смекнул, в чем тут дело, признаюсь сразу, но когда смекнул — тут уж меня было не остановить. Я почти разорился на билете третьего класса и едва не отдал Богу душу в том тесном, лишенном кислорода свинарнике, который на том пароходе именовали палубой для бедняков. После просторов Дикого Запада это было все равно что замуровать себя в деревянном гробу и захоронить заживо!

Так я и оказался в Англии...

— Отыскать брата оказалось несложно, — «констебль Саймон» продолжил свой рассказ, — он не таился, жил, что говорится, полной жизнью: богатый помещик, счастливый муж и отец, уважаемый член общества... Я затаился и стал наблюдать: разительная перемена из нищего старателя в состоятельного джентльмена буквально заморозила меня, и вот в один прекрасный день я замечаю, как они с Ричардсом выезжают из ворот имения и разъезжаются в разные стороны: один направляется в город, другой — в сторону пещер. Я тогда еще не знал о намеченном на тот день приезде Кэтрин, только подивился, услышав разговоры в пабе: мол, мистер Чендлер пропал, выехал на охоту и не воротился. Как так, подумалось мне: не я ли своими собственными глазами видел, как тот курил у пещер, пуская в небо сизые клубы дыма, а потом долго беседовал с обеспокоенным Ричардсом, размахивающим руками, словно ветровая мельница. Правда, после этого я оставил Роберта, последовав за секретарем: мне стало любопытно, какие такие наказания дал ему мой братец, и стал свидетелем того, как этот милый франтик, втянув лицо в меховой воротник своего плаща, беседует с миссис Хилл и снимает жилую комнату на два дня... Я был сбит с толку, но ровно до того момента, как услышал те разговоры в пабе. Весь Хартберн гудел, как

пчелиный улей! И тогда я спросил себя: зачем? Зачем братец состряпал собственное исчезновение?

Ради ответа на этот вопрос я и явился в Чендлер-менор... И едва увидев Кэтрин, догадался практически обо всем! Полагаю, между ней и Ричарсом был некий сговор: возможно, несчастная женщина хотела вернуть своих детей, разоблачив бывшего мужа, а, возможно, они просто хотели стребовать с него денег... Судить не берусь. Только ее сообщник, полагаю, переметнулся на сторону врага, посчитав, Чендлера более выгодным компаньоном с финансовой точки зрения, и таким образом был составлен план: Ричардс, извещенный заранее о приезде своей бывшей сообщницы, должен был встретить ее на вокзале и привезти не в поместье, а на свидание с ее бывшим мужем... В пещеры. Идеальное, уединенное место.

Вот только женщина спутала им все карты, приехав на час раньше оговоренного времени и добравшись до Чендлер-менора самостоятельно. Возвращаться домой Роберт боялся: кто знает, что на уме у его «ненормальной» женушки — вдруг она только и ждет, чтобы разоблачить его на глазах у всех. Нет, ее следовало выманить из дома любым возможным способом, и пока Ричардс придумывал, как это сделать — братец затаился в снятой для него квартирке под крылышком миссис Хилл.

Чтобы впоследствии объяснить свое таинственное исчезновение, Чендлер приказал Ричардсу состряпать мнимое письмо от некоего Джеффри Пирса, который якобы имел на него зуб, и подложить его в один из многочисленных ящичков своего рабочего стола. Так Ричардс и сделал... Вот почему ключ от запертого ящика оказался в его комнате: он намеревался подбросить его ненароком в каком-нибудь неожиданном месте, правда, мисс Блэрни и ее юный приятель справились подручными средствами, а в остальном все пошло так, как и было запланировано.

Вот только, так называемая, мисс Ховард не желала поддаваться на уговоры сообщника и упорно не желала покидать дом... Роберт понял, что ему придется взять инициативу в собственные руки и, затаившись в амбаре за домом, принялся ждать удобного случая для тайного проникновения в дом: у него был припасен ключ от прачечной, через которую можно было легко попасть внутрь. И ночной переполох, устроенный маленьким Гарри прекрасно способствовал этому плану.

Рассказчик впервые замолк, глядя как бы сквозь каждого из своих слушателей — кончики его усов свесились вниз, как бы сигнализируя о внутреннем душевном состоянии своего хозяина. «Констебль Саймон» кашлянул в кулак...

— Полагаю, разговор вышел не совсем таким, на какой Роберт рассчитывал, — произнес он после этого. — Бывшая жена не желала уступать, и братец, вконец разъярившись... сделал то, что сделал. После чего распахнул оконные створки, пытаясь таким образом создать иллюзию бегства через окно, прикрыл Марию вторым одеялом и — был таков.

Утром, опять же выждав удобного времени, он самолично выстрелил себе в ногу и повалился на снег в надежде на скорое обнаружение. Вот, как я полагаю, все было... Ну, братец, скажи, что я не прав?

Он, как и все остальные присутствующие при его рассказе слушатели, повернули головы в сторону лже-Чендлера... Тот ожег брата ненавидящим взглядом, а потом схватился за сердце и повалился на диванные подушки.

— Сердечный приступ! — вскричал Эдмунд Чендлер, бросаясь к отцу и хватая его за

руку. — У отца сердечный приступ.

— Его сердечные капли в шкафчике у кровати, — выдохнула Анна Чендлер с ужасом в глазах. Мисс Блэкни бросилась вон из комнаты...

Чендлер еще дышал, издавая натужные, хриплые стоны — тело его мучительно изогнулось, губы посинели.

... Когда мисс Блэкни вернулась с флаконом сердечных капель, тот был мертв уже целую минуту. Из глаз его жены катились безмолвные слезы — она даже не пыталась их смаргивать... Казалось, все разом онемели и утратили всякое представление о действительности. Откровения мнимого констебля и последующая за ними смерть главного виновника произошедших событий были слишком ошеломляющими, чтобы вместить их в себя вот так, в одночасье.

И тогда Анна Чендлер произнесла:

— Ничего этого не было... Ничего из услышанного нами в этой комнате никогда не бывало! Мой муж был истинным хозяином Чендлер-менора, его дети — наследники по праву. Поклянитесь, что никогда и ни при каких обстоятельствах не раскроете правды о произошедших в этом доме событиях. — Она смахнула слезы и обвела каждого пристальным взглядом: — Я прошу не за себя, — сказала она, — за детей, оставшихся сиротами. Мария с Гарри не должны узнать правду о своем отце... Никогда.

— Клянусь, — сказала Аманда Блэкни, и остальные последовали ее примеру.

— А вы? — спросила «констебля Саймона» новоявленная вдова. — Что вы желаете получить за свое молчание? Говорите.

Мужчина улыбнулся, невеселой, полной горечи улыбкой.

— Мне не нужны ваши деньги, — хриплым голосом отозвался он. — Я не стану отбирать принадлежащее моим родным племянникам... Может быть, я не был для них идеальным дядюшкой, таскающим их на закорках, зато я знаю, что будет лучшим для них.

С этими словами он развернулся и пошел к дверям...

— Мы не можем его отпустить, — произнес мистер Баррет взволнованным голосом. — Как бы там ни было, он убил констебля Саймона... Он — преступник и заслуживает наказания!

Анна Чендлер покачала головой.

— Пусть идет, — сказала она. — Мы не станем его удерживать...

Тот замер, взявшись за ручку двери, и произнес:

— Меня зовут Эмос Грир и я клянусь, что тайна моего брата умрет вместе со мной. Прощайте, моя дорогая леди! — после чего вышел за дверь и прикрыл ее почти с благоговением.

Тишина терпким благоговием разлилась по замершей в неподвижности комнате, только тиканье напольных часов дробило ее на мелкие атомы мгновений... Джек подумал, что его комнатка в доме миссис Уиггинс, верно, заждалась его — пора бы и честь знать. И в тот же момент мисс Блэкни стиснула его пальцы... Он заметил, какой маленькой и потерянной она выглядит — сердце его дрогнуло уже в который раз с начала их возобновленного знакомства. Он опасался, что все это не к добру... Он боялся, что это трепыхание в его сердце может называться любовью. А уж влюбляться он совсем не планировал, особенно в девушку дворянского происхождения.

— Официальная версия будет такой, — сказала Анна Чендлер, и слезы ее практически высохли, — двое недоброжелателей — мисс Ховард и ее сообщник, Ричардс — проникли в

наш дом обманом, желая шантажом или иным каким способом заполучить деньги моего мужа. Произошедшая между ними ссора повлекла за собой гибель мисс Ховард, а мой муж, подвергшись нападению со стороны своего секретаря, убил того, обороняясь... К сожалению, из-за слабого сердца он и сам не перенес произошедшего! — Потом посмотрела на раздавленного горем пасынка и добавила: — Мне очень жаль, Эдмунд. Мне очень, очень жаль...

Тот молча поджал губы и выпустил, наконец, безжизненную руку отца.

Миссис Грир или, вернее, мисс Ховард — она все никак не могла привыкнуть к своему новому статусу — шагала по Маккензи-авеню в сторону Пятой улицы. День выдался на удивление теплым и солнечным, так что на душе у нее было заведомо светло и радостно... Не то что в эти последние два года, каждый день из которых был наполнен мыслями о детях, отобранных у нее бывшим мужем.

Она без конца представляла себе малыша Гарри, которому на днях должно было исполниться пять, и Марию, свою светловолосую маленькую принцессу, молчаливую, вечно погруженную в себя... А вот Эдмунд, думалось ей, верно, стал совсем взрослым, работает где-нибудь на заводе и отращивает усы.

Колокольчик над дверями кафе заливисто звякнул, когда она вошла, и молодой человек за дальним столиком помахал ей рукой... Сердце женщины дрогнуло, впервые за долгое время. Уж больно хорош был ожидающийся ее мужчина!

Она так долго и кропотливо трудилась ради возможности нанять детектива-сыщика, что теперь — когда цель была так близка — почти испугалась.

— Здравствуйте, мисс Ховард! Очень рад с вами познакомиться, — молодой человек вежливо отставил стул и помог ей присесть. — Правда же, сегодня чудесный день?! Да и вы сами просто прекрасны, простите мне мою дерзость, только это, действительно, так.

Мисс Ховард зарделась, словно девчонка: мужским вниманием она похвастаться не могла. Выскочила замуж еще пятнадцати лет от роду, и все шестнадцать лет их с Робертом брака она провела в мучительном ожидании: сначала — детей, потом — его возвращений из очередной авантюрной экспедиции по добыванию денег. Чаще всего тот возвращался злым и разочарованным, срывался на нее и детей, упрекал ни за что ни про что... Кэтрин и не знала, что может быть по-другому. Она всю себя отдала детям, но и их ее лишили...

— Итак, мисс Ховард, — молодой человек излучал подкупающее сердце добродушие, — о чем вы хотели со мной поговорить? Я так понимаю, у вас есть для меня какое-то дело.

Женщина кивнула.

— Да, мистер Ричардс, — отозвалась она. — У меня есть просьба, которую, как я полагаю, только вы и сможете исполнить... — Она нервным движением стиснула сумочку на своих коленях. — Я хочу, чтобы вы отыскали моих детей! — сказала она. — У меня есть деньги, и я хорошо заплачу за ваши услуги, только отыщите их, пожалуйста. Для меня это дело жизни и смерти...

Мистер Ричардс продолжал улыбаться: казалось, не существовало ничего, способного лишить его душевного равновесия.

— Не стоит так волноваться, моя дорогая, — уверенным голосом проворковал он, продолжая ослеплять несчастную женщину самой обаятельнейшей из своих улыбок. — Уверен, что смогу вам помочь. Расскажите мне все обстоятельства вашего дела.

И мисс Ховард произнесла:

— Моего мужа зовут Роберт Грир и он похитил моих детей...

Солнце за витриной маленького кафе продолжало заливать улицу теплым, по-весеннему ярким светом, а детектив-сыщик Ричардс извлек из кармана записную книжку и принялся делать пометки остро отточенным карандашом.

4. Коробка с сюрпризом

Джек выслеживал Снежного человека...

Крался за ним то по сонным улицам Хартберна, мрачным и тихим в этот ночной, предрассветный час, то по окраине Кирклендского леса, окутывавшего его вязкой поволокой тумана, льнувшего сквозь одежду к озябшему телу. Предмет его пристального внимания маячил далеко впереди полусогбенной, расплывчатой тенью с огромным горбом на спине. Горб тот не был горбам в привычном понимании этого слова — скорее мешком с награбленным у миссис Паттерсон добром. Возможно, с ее любимым серебряным чайным сервизом и тройкой-другой канделябров... Джек видел, как вор выбрался из окна ее кухни, с трудом перевалив этот мешок через подоконник.

И теперь Джек шел за ним по пятам...

Толки о Снежном человеке начались незадолго до Рождества, когда один из жителей Хартберна заметил темную фигуру в полях, а после начали появляться странного вида следы — слишком крупные для обычного человека — и молва о бигфуте разлетелась подобно пожару, вспыхнувшего в сухом ельнике.

И одновременно с этой молвой в городе начались кражи: курица и свиной окорок — у миссис Стилс, мешок муки — у вдовца с мельницы, золотой портсигар — у мистера Скэрю, служки в местной часовне, а теперь вот — целый мешок награбленного у миссис Паттерсон.

Джек заинтересовался этими кражами еще после кражи на мельнице: ну зачем, скажите на милость, бигфуту мука?! Пирожки печь? Скорее всего какой-то умелый проныра ловко морочил хартбернцам голову, и Джек поделился догадкой с мисс Блэки. Она сразу же с ним согласилась, и на пару, как два детектива, они вознамерились вывести вора на чистую воду.

С этой целью Джек каждую ночь патрулировал улицы Хартберна уже вторую неделю подряд: выходил сразу после полуночи и крался между домами, вслушиваясь в морозную тишину спящих улиц. С тех пор ему ни разу не повезло заметить мнимого йети хоть краешком глаза, сегодня же — вот удача! — тот сам пришел к нему в руки. И Джек не отступится, продолжая преследовать Снежного человека, увязая по колено в снегу и натужно дыша сквозь неплотно сжатые зубы... Сам же йети буквально скользил над покрытыми снегом полями, и Джек, как бы там ни старался, порядком отстал от него.

К счастью, он знал, куда тот направляется...

Понял еще какое-то время назад, заметив, как, обогнув густой перелесок, он заскользил в направлении Призрачных пещер... Они с мисс Блэки предполагали нечто подобное, даже продумывали возможность обыскать их тем или иным способом, но не знали, как это сделать. И вот всё подтверждалось! Бигфут скрывался в пещерах.

Джек различил мелькнувший на мгновение всполох приглушенного света, нырнувшего в темную пропасть главного входа и поглощенного им в ту же секунду.

Сам он добрался к Пещерам четверть часа спустя. Тяжело, натужно дыша и отплевываясь сырým, липким воздухом, он согнулся, уперев руки в колени и пытаясь, наконец, отдышаться. Измотанный недостатком сна организм, работал почти на износ: Джек засыпал посреди школьных уроков и во время подготовки к экзамену, но все равно каждую ночь упрямо вылазил в окно и шел патрулировать улицы. Мистер Стербук, школьный учитель, зло шипел на него, называя лондонским проходимцем, а миссис Уиггинс

качала укоризненно головой...

Но он знал, что просто обязан изобличить Снежного человека, хотя бы ради мисс Блэки.

И ради себя...

А теперь этот шустрый проныра, легко ориентируясь в бесчисленных лабиринтах Пещер, оставлял его в дураках. Джек скрипнул зубами! Ну уж нет, он не сдастся так просто. Время покажет, кто из них смеется последним... И, утвердившись в своем желании победить, он развернулся и зашагал обратно в сторону Харберна.

Он прошел половину пути, когда тонкая лента восхода, протянувшись по небу, ознаменовала собой начало нового дня. Джек прикинул, что до оговоренной встречи с мисс Блэки осталось чуть больше часа, то есть вполне достаточно времени, чтобы вернуться домой, съесть завтрак и добраться до мельницы.

Войдя в дом, он застал миссис Уиггинс на кухне, вымешивающей тесто для пирога, она взглянула на его вымокшие ботинки и покрасневшие от недосыпа глаза и поджала губы.

— Опять дома не ночевал? — спросила, хотя ответ и не требовался. — Снова шастал где ни попади... — И с грустью осведомилась: — Мне начинать беспокоиться, Джек? Что происходит? Я не слепа и многое замечаю.

Джек насупился и поглядел на носки своих мокрых ботинок.

— Не о чем беспокоиться, — буркнул он с недовольством. — Всё хорошо. Не придумывайте себе...

Миссис Уиггинс вздохнула.

— Ах, Джек, Джек, — сказала она, — не знай я тебя достаточно хорошо, предположила бы худшее... — И замешкавшись на секунду: — Ты ведь не на свидания бегаешь, скажи правду? Ни к чему тебе это сейчас. Особенно, если касается этой мисс...

— Ерунду говорите, — прервал он свою собеседницу грубее обычного. — Ни на какие свидания я не хожу... — Кровь бросилась парню в лицо, даже ушам стало жарко.

— Тогда почему тебя видели вместе с мисс Блэки? — осведомилась миссис Уиггинс. — Хартберн маленький городок, здесь мало что скроешь. И если хочешь знать мое мнение...

— Не хочу.

— ... Она не самая подходящая компания для тебя, как и ты для нее, — закончила она свою мысль, несмотря на протест собеседника.

Ее слова резали по живому: одно дело самому говорить себе то же и другое — услышать со стороны.

Джек вскинулся:

— Мисс Блэки достойная девушка и хороший друг.

— Эта достойная девушка разобьет тебе сердце! — парировала миссис Уиггинс, тыча в грудь Джека вымазанным мукой пальцем. И смягчившись: — Богатые леди не дружат с такими, как мы, понимаешь? Мы на разных социальных ступенях. Где она, урожденная Риверстоун, и где ты, мальчишка из Уайтчепела... Масло с водой не смешать, просто подумай об этом. — И добавила, видя его совершенно несчастное, опрокинутое лицо: — Я не враг тебе, Джек, просто хочу, чтобы ты мыслил здраво. И не питал напрасных иллюзий!

Он сглотнул подступивший к горлу комок и сиплым голосом произнес:

— Вы напрасно волнуетесь. У меня все хорошо! — И с такими словами вышел из кухни, несчастный как никогда.

Этот краткий разговор с миссис Уиггинс все внутренности ему перевернул: сердце ухнуло в ноги, а после, подскочив к горлу, перекрыло приток кислорода. Желудок занял где-то в области левого предреберья, и Джек понял, что есть ему вовсе не хочется. А вот сбежать да подольше, это с радостью...

Переодевшись и подхватив школьные принадлежности, он на цыпочках прокрался к двери и, юркнув наружу, припустил в сторону мельницы.

Аманда Блэгни ждала его у реки, в привычном месте в зарослях ивняка. При виде ее тонкой фигурки и задумчивого лица дурные мысли как-то сами собой испарились, уступив место счастливому предвкушению и надежде. Рядом с ней Джек казался себе невесомым как облако... И особенным, словно один ее взгляд отколупывал с сердца годами наращенной слой безысходности и тоски. Рядом с ней Джек опять научился мечтать...

И, несмотря на все отпирательства, воспринимал каждую встречу с мисс Блэгни именно как свидание, не иначе.

И уже много дней кряду мечтал, как ее поцелует...

Касаться мисс Блэгни и быть с нею рядом казалось желаннее всех сокровищ Земли, и противиться этим порывам становилось труднее день ото дня.

— Доброе утро, мисс Блэгни, — поприветствовал он Аманду, как обычно, с ёкнувшим сердцем.

— Доброе утро, Джек! — Губы девушки изогнулись в улыбке, но глаза, Джек заметил в ней перемену с неделю назад, оставались все также печальными.

Он много раз пытался об этом заговорить, спросить, что гнетет мисс Блэгни, но так и не сделал по-настоящему. Решимости не хватило...

— Я должен вам кое-что рассказать, — начал он, предвкушая приятную новость и желая отвлечь ее от грустных раздумий.

Но Аманда, казалось, витала мыслями в другом месте и откликнулась только:

— И я тебе тоже.

— Тогда говорите первой, — Джек по-джентльменски уступил свою очередь.

Но она воспротивилась:

— Нет, сначала расскажи ты.

Джек не заставил просить себя дважды и сразу же выпалил:

— Я выследил Снежного человека!

— Как?! — ахнула девушка, и глаза её вспыхнули. Джек, торжествующе улыбаясь, кивал. — Быть не может!

— Еще как может, — принялся рассказывать он. — Я уж было отчаялся таскаться по Хартберну и отмораживать нос, а тут — раз! — где-то хлопнула оконная створка, и я сразу насторожился... Прислушался и, прокравшись на звук, увидел здорового парня, вылезавшего из кухонного окна миссис Паттерсон с мешком на спине.

— Это та миссис Паттерсон, что живет около булочной? — уточнила Аманда.

— Она. Неприятная, скажу вам, особа, но речь не о том... — Джека распирало от нетерпения. — Этот бигфут, перемахнув через окно, заторопился в сторону леса, я — за ним. И, как вы думаете, куда он направлялся?

Мисс Блэгни мгновенно предположила:

— В Призрачные пещеры?

Джек кивнул:

— Именно так. Запалил огонек и — нырнул в черный зев главного входа.

— Значит, мы оказались правы, — заулыбалась мисс Блэгни. — Этот мнимый бигфут-или-кто-он-там-есть прячется именно там. — И решительно заявила: — Мы должны поставить об этом в известность констебля Льюиса, Джек...

Как обычно, при упоминании имени Льюиса, они невольно вспоминали другого констебля: с большими усами и пронизательным взглядом, который выдавал себя за убитого им же констебля Саймона. Джек, несмотря ни на что, тепло о нем вспоминал...

— Да у этого Льюиса ума меньше, чем у куницы, — кинул он пренебрежительно. — Достаточно вспомнить, как именно вел он допрос после смерти мистера Чендлера? Просто курам на смех. Нет, этот нам не поможет, даже думать не стоит, — заключил, покачав головой.

Карие глаза девушки очень тепло глядели на Джека.

— Может, это и к лучшему, что он недалекого ума, Джек, — сказала она. — Иначе как бы нам удалось замолчать истинные события в Чендлер-меноре? А насчет помощи, — она свела брови на переносице, — ты ведь не думаешь отправиться ловить этого вора самостоятельно? — В ее голосе звучала искренняя обеспокоенность; и заметив в лице собеседника безоговорочную решимость именно это и сделать, она возмутилась: — Даже не думай, Джек: это очень опасно по многим причинам. Пожалуйста, расскажи о своем открытии Льюису и не глупи... Ты не только заблудишься в тех пещерах, но и, столкнувшись с преступником, можешь лишиться жизни!

Джек не дал сбить себя с толку и с энтузиазмом заметил:

— Не заблужусь: я использую нить... как там ее, нить Ариадны... Арадны... Тьфу ты, зачем у греков такие сложные имена?! Ну, ту самую, о которой вы мне рассказывали...

— Ариадны, Джек, нить Ариадны, — поправила его девушка, рассмеявшись, и Джек невольно залюбовался бликами света в глубине ее глаз и влажной пухлостью нижней губы, приоткрывшей белые зубы. Сердце дрогнуло, дыхание сбилось. Образы многих бессонных ночей, наполненных мыслями о мисс Блэгни, хлынули в душу, вытесняя все прочее, кроме желания прикоснуться к ней, поцеловать. Как в дурмане, сквозь вязкий туман, он шагнул к ней и, прикрыв на мгновение глаза, поцеловал в уголок приоткрытого рта.

Цветочный запах духов, невероятная нежность кожи и сама эта близость к любимой им девушке вышибли воздух из его легких... Джеку на миг показалось, он перестал себя ощущать, только жар пробежался по вспыхнувшей факелом коже и превратил его в пепел.

Вряд ли он был все еще жив, но глаза вдруг открылись, и он увидел мисс Блэгни, глядевшую на него таким взглядом, что впору было сброситься с вершины горы или, привязав к шее камень потяжелее, утопиться в местной речушке. Благо, она здесь под боком...

— Джек, прости, что не сказала тебе этого раньше... — выдохнула мисс Блэгни полным раскаяния голосом.

И вместо жара по его венам плеснуло обжигающим холодом.

— О чем вы мне не сказали? — прошептал он выстуженными губами. Они едва шевелились и казались чужими.

Мисс Блэгни молчала, вцепившись беспокойными пальцами в свою шубку. Бледная и больная, она наконец отозвалась:

— О моем скором... замужестве, Джек.

Бред какой-то, лед внутри его тела добрался до сердца, она говорила, что этого никогда не случится... Мол, никто не возьмет ее замуж. Что она — он, конечно, все это придумал, —

достанется только ему, Джеку Огдену, потому что никто не полюбит ее так, как он. И любви этой будет достаточно...

Для чего?

— Замуж? — повторил он на автомате. — Как же так?

— Родители наши мне супруга.

— Но вы говорили...

— Знаю, Джек, знаю, — проговорила мисс Блэгни в отчаянии. — Я действительно полагаю, мой удел — оставаться старою девицею до скончания дней, но нашелся один человек, которому наплевать на мою репутацию, — ему нужен мой титул. — И пояснила: — Он богатый негодяй с севера, заработавший капитал на строительстве железных дорог. Чтобы подняться в верха, он нуждается в родовой супруге, и родители посчитали, что это мой единственный шанс.

Негодование на весь мир обрушилось на Джека лавиной.

— И вы... вы так спокойно говорите об этом?! — взвился он, не в силах сдержаться. — Готовы быть проданной, словно товар. Словно... корова на рынке!

Ладонь девушки опустилась ему на плечо.

— Пожалуйста, Джек, не стоит, — попросила она с мольбой в голосе. — Знаешь сам, себе я не принадлежу. После неудавшегося бегства с Берроузом и... после Мэйбери, я просто обязана быть послушной. В этом мой долг, понимаешь?

Джек не глядел мисс Блэгни в глаза, только на руку в тонкой перчатке, вцепившуюся в рукав его драпового пальто. Сколько раз он позволял себе вольность мечтать, что когда-то эта рука с его колечком на пальце будет лежать в его теплой ладони и принадлежать только ему. Наивный дурак!

Не сдержавшись, он сграбастал эту маленькую ладонь и стиснул всей силой своего так и оставшегося нерастраченным чувства: он хотел, чтобы мисс Блэгни сумела понять, как сильно ему дорога.

— Я люблю вас, — признался он с неожиданной для самого себя смелостью. — Люблю так, как никто никогда не полюбит. Вы для меня дороже всего!

Глаза Аманды блестели, и в них словно в чашке с растопленным шоколадом, плавали звезды или... осколки его разбитого сердца.

— Прошу тебя, Джек, — снова взмолилась Аманда. — Не надо, пожалуйста.

— И все равно я люблю вас больше всех в этом мире! — упрямо повторил Джек, которому больше нечего было терять.

Но мисс Блэгни ответила неуместным:

— Давай останемся просто друзьями, Джек, умоляю. Ты знаешь, как сильно я дорожу нашей дружбой!

Но он покачал головой. Джек не знал, как быть другом тому, кого любишь всем сердцем и до зуда в кончиках пальцев желаешь касаться снова и снова...

— Извините, мисс Блэгни, — произнес с горьким привкусом иронии в голосе, — я всяким там великосветским шпучкам не обучен и притворяться вряд ли сумею.

Бледная, словно холмики снега у нее за спиной, Аманда Блэгни стиснула пальцы, часто-часто моргая глазами. Джеку сделалось жаль ее, захотелось отыграть все назад, притвориться вдруг безразличным, вот только он никогда не умел скрывать своих чувств. И теперь не хотел начинать... Если рубить, так сплеча. Незачем длить агонию...

— Джек... — очень тихо окликнула его девушка, но он развернулся и зашагал прочь.

Слезы обиды и жгучего разочарования душили его, подобно удавке, и он дал им выход, исторгнув слезами пустые мечты и фантазии последних нескольких месяцев, отравивших его разум и сердце.

Удаляющаяся спина Джека весь день стояла у Аманды перед глазами: она знала, конечно, что признание легким не будет, но надеялась все же избежать окончательного разрыва. А вышло вон как... Она коснулась уголка губ, на котором все еще ощущался поцелуй Джека, и улыбнулась грустной улыбкой. От мысли, что они никогда уже не увидятся и не станут беседовать, как и прежде, тревожно сосало под ложечкой и сбивалось дыхание. Казалось, якорь, удерживающий ее на плаву, сорвало сильным ветром, а её самое унесло в открытое море. Аманда понятия не имела, что делать дальше, как жить...

А ведь она поначалу и мысли о романтических чувствах к новому другу не допускала: ей просто нужен был кто-то, способный понять пережитое ею и помочь разобраться в нем. В Джеке она нашла идеального компаньона... Рядом с ним можно было быть просто собой: грустной, подавленной, взбалмошной, невыносимой... Он не ждал от нее безупречности, принимал всякой, и доброй, и злой. А злость, бывало, накатывала волнами, и тогда, стиснув руки посреди самого незамысловатого разговора, она кидала в сердцах: «Ненавижу леонский шелк!» и продолжала обсуждать поведение миссис Стрейкопп во время воскресной службы. Джек не закатывал глаз и не хватался за веером, предотвращая обморок от удушья, как свойственно было матери или тете Элизе, он просто одаривал ее понимающим взглядом и пытался отвлечь очередным анекдотом из жизни их маленького городка.

Не сразу, но со временем она поняла, что участие Джека простирается далеко за пределы обычного дружеского, Анна тоже предостерегала ее: «Ваши встречи не доведут до добра», но тогда она уже прикипела к их тайным свиданиям у реки и покою в душе, наполнявшего ее рядом с ним, и прервать их, увы, не сумела.

А теперь вышло вон как...

«Я люблю вас, мисс Блэки. Люблю как никто никогда не полюбит!»

Слезы вскипели в глазах и полились по щеке... Аманда попыталась скрыть свою слабость от зоркого взгляда тети Элизы, но та уже оторвалась от вышивки, и осуждающе проскрипела:

— Пора бы уже смириться с намечающимся замужеством, Аманда. Как-никак для девицы в твоём положении это просто дар свыше. — И сделав стежок: — И пусть жених не знатных кровей, зато неприлично богат, и за одно это его можно уже полюбить.

Любить его, ясное дело, Аманда не собиралась: неделю назад она и знать не знала о мистере Джейкобе Уорде, богатом промышленнике из Ньюкасла, а теперь тот покупал ее... как корову, и, конечно же, не наделся, что она в благодарность полюбит его. Собственно, покупал он даже не саму девушку, а ее титул... Аманда шла дополнением, кем-то вроде статистки в разыгрываемой трагедии ее жизни.

— Могу ли я прогуляться в саду? — спросила она, вонзив иголку в едва начатое вышивание и поднимаясь с дивана.

Миссис Карлайл очень хотелось бы ей отказать, просто ради банального удовольствия третировать прощтрафившуюся племянницу, однако ради будущего годового дохода ее неприлично богатого мужа, сдержалась и милостиво кивнула. Аманда не заставила себя ждать и выскочила из комнаты как ошпаренная.

— Одевайся теплее, — донеслось в спину голосом тетушки. — Не хватало ещё слечь с

простудой перед знакомством с будущим мужем.

Вот бы, действительно, простудиться и умереть, подумалось Аманде в сердцах, однако она все же укуталась в теплую шубку и направилась в самую дальнюю часть тетушкиного сада, туда, где можно было поплакать без посторонних глаз, — в сторону розового павильона.

Весна уже вступила в права: то тут, то там проступали сквозь подтаявший снег яркие мазки крокусов и нежная вязь чуть приметных подснежников. Обычно при виде этих неброских весенних цветов у Аманды теплело на сердце, но сегодня их магия не работала: день, несмотря на цветы и весеннее солнце, слепившее ей глаза, казался серым и скучным.

Аманда вошла в павильон, желая лишь одного: упасть на скамью и вдоволь наплакаться, но не успела даже присесть, как услышала шорох в кустах, и темная тень, заслонив вход в павильон, шагнула вперед.

Она стремительно обернулась, да так и замерла, пораженная.

— Здравствуй, Аманда, — произнес неожиданный гость хорошо знакомым ей голосом. — Вот и свиделись снова. Ты рада?

У Аманды дыхание захватило и сердце заколотилось, как бешеное. Это мальчишеское лицо, обрамленное кольцами чуть волнистых волос, эти волшебные голубые глаза... Когда-то она была влюблена в них до дрожи, и сейчас старое чувство всколыхнулось в груди.

— Уильям, — просипела она, все еще не веря глазам. — Что ты здесь делаешь?

Тот улыбнулся самодовольно, расправил плечи:

— Соскучился, мы так долго не виделись, дорогая. — И шагнул ближе, сокращая дистанцию между ними. — Ты как будто не рада мне вовсе... — упрекнул тихим голосом. — Неужели забыла так скоро? — Его руки легли ей на плечи.

Все еще пораженная встречей, она все-таки дернулась отстраняться.

— Мы не виделись почти год, — сказала она. — Вряд ли вы вправе называть меня «дорогой». С тех пор многое изменилось...

Берроуз, все такой же высокий и статный, как и год назад, когда, покоренная его формой и рассказами о морских приключениях, Аманда готова была бежать с ним хоть на край света, вскинул на нее потемневшие вдруг глаза.

— Ты... разлюбила меня? — осведомился, как будто только теперь прозревая. — Говоришь «вы» и держишься отстраненно. А я каждый день о тебе думал...

Аманда смотрела в когда-то очаровавшие ее голубые глаза и больше не понимала, ради чего совершила самую большую свою роковую ошибку: бежала из дома. Берроуз был явно этого не достоин... И, что самое грустное, не осознавал, в чем был неправ.

— Мы не виделись почти год, — повторила Аманда, желая донести до него самое главное. — Все это время ни строчки, ни весточки от вас, мистер Берроуз. Должно быть, вы думали обо мне не так часто, как говорите!

Молодой человек сцепил нервно подрагивающие руки в замок и отступил на шаг.

— Но я думал, действительно, думал. Каждый день на корвете мое сердце сжималось при мысли о нас! Я мечтал снова свидеться, снова... быть рядом, но я человек подневольный, и служба... Аманда, прошу тебя, не гони! Я люблю тебя.

Берроуз замер, дожидаясь, должно быть, что это признание, как волшебное слово из сказки откроет перед ним сердце Аманды, но ей вспомнилось «Я люблю вас, мисс Блэгни. Люблю как никто никогда не полюбит!», и фальшь второго за день признания заставила улыбнуться. Контраст был слишком резок... Теперь ей было с чем сравнивать.

— Не надо, мистер Берроуз, — сказала она, — слишком много воды утекло. Я совершила ошибку, мне жаль...

Молодой человек, пораженный такими словами и самой этой реакцией, снова подался вперед и почти схватил Аманду за руку, но она завела ее за спину, и руки Берроуза безвольно упали вдоль тела. — Ты сердишься на меня, так я и думал, — констатировал он грустным голосом. — Полагаешь, я бросил тебя...

— Я не сержусь, — поспешила уверить Аманда. — Просто стала взрослее. Мне жаль! — И тут же осведомилась: — Как вы проникли в наш сад?

Берроуз ответил не сразу: тяжело сглатывал несколько раз — казалось, признание девушки оказалось неудобоваримой для него пищей — и только потом произнес:

— Через изгородь со стороны леса. Как видишь, я сделал все, чтобы снова увидеть тебя. — И взгляд умоляюще-кроткий, перед таким не каждая устоит. — Умоляю, прости меня за молчание... и за все остальное прости меня тоже! — взмолился не унимающийся Берроуз.

Посмотрев в его голубые глаза, Аманда вдруг разом припомнила и свое заключение в доме Мейбери, и свою пустую надежду на помощь Берроуза, и навязчивый аромат чайных роз, пропитавший ядом воспоминание, — что-то в ней неприязненно дрогнуло, изменилось, и собеседник это заметил. Опустил взгляд...

— Я давно вас простила, Берроуз, — сказала она. — Время, как видите, все расставило по местам. Уходите... и больше не возвращайтесь!

Однако Берроуз не сдался так быстро, пусть и выглядел хуже побитого пса:

— Но нам было так хорошо вместе, Аманда. Мы были по-настоящему счастливы... Вспомни, как ты мечтала повидать мир!

— Это в прошлом. Той Аманды уже больше нет!

— Мы вернем ее, обещаю! — запальчиво воскликнул Берроуз. — Убежим уже по-настоящему. Скроемся хоть в той же Америке, если захочешь...

— Уже не хочу...

— Будем вместе, как и мечтали когда-то... — Он все-таки схватил ее за руку. — Обещаю, я сделаю всё, чтобы ты была снова счастлива! Приложу все усилия. Ты не станешь жалеть...

— Пожалее... — очень грустно улыбнулась она. И добавила, ставя точку в затянувшемся разговоре: — Я выхожу замуж, Уильям. Скоро знакомство с будущим мужем!

Он вдруг выпустил ее руку, словно разжались ослабевшие пальцы, лицо исказилось.

— Значит, все кончено? — спросил через силу.

— Давно, — отозвалась она. — Еще в тот самый день, когда мы не встретились, как собирались... — И кивнула: — Прощай. Уверена, все у тебя сложится хорошо...

Тот развернулся, готовый уйти, но, не сделав и шагу, решительно произнес:

— И все-таки я не готов так просто сдаться. Не для того я проделал такой долгий путь... — потом вышел из павильона и скрылся среди голых кустов рододендронов.

Весь прошлый день прошел для Джека словно в тумане: он бездумно отсидел занятия в школе, бездумно беседовал с Тоддом по дороге домой, а потом помогал Саре-Энн в работе по дому — всё это затмевалось тоской по мисс Блэрни, её готовностью выйти замуж за незнакомца и выбросить его, Джека, из головы.

А ведь он ей сердце открыл, признался в донельзя сокровенном — воспоминание этого

вызывало болезненную, удушающую стыдливость, — а в ответ получил разбитое сердце...

Оно ныло, не унимаясь, целый день кряду, даже во сне ощущалась тяжесть в груди, от которой не было спасу. Джек измаялся и устал... Даже смерть Энни, как бы странно то ни звучало, не рвала сердце так, как разлука с мисс Блэгни. И совершенно пав духом от этой угнетающей мысли, Джек, обозвав себя самыми оскорбительными словами из уличного лексикона, разочаровался не только в себе, но и в жизни.

— Пирог на столе, — сказала миссис Уиггинс, едва он переступил порог дома, вернувшись из школы. — Письмо дожидается там же...

Письмо было от мистера Баррета, как, впрочем, и прочая корреспонденция на имя Джека за последнее время. Сам Джек, как таковой, Баррета мало интересовал: писал он хозяйке Чендлер-мэнора, Анне Чендлер, и так как правила запрещали молодому, холостому мужчине писать вдове напрямую — Джек работал посредником между влюбленными. С завидною регулярностью он вынимал из конверта на свое имя конверт поменьше и относил его адресату по просьбе мисс Блэгни. Когда она попросила об этом после событий в поместье, Джек с готовностью согласился... Он не мог бы отказать ей ни в чем. Он и луну б с неба достал, захоти она только...

Но она не хотела ни луны, ни Джека подле себя.

Им даже друзьями больше не быть, пусть мисс Блэгни и предлагала: муж не позволит ей якшаться с нищими отщепенцами.

— Спасибо, миссис Уиггинс. — Джек подхватил кусок пирога, сунул за пазуху белый конверт и снова вышел из дома, направившись по дороге к поместью.

День выдался ясным и солнечным, абсолютно не соответствующим душевному настроению паренька, и потому, выйдя на проселочную дорогу, он едва ли умел насладиться птичьими трелями и теплом. И вообще настолько погрузился в себя, что не сразу заметил катившую по дороге карету, а заметив, отошел на обочину.

Возница, натянувший поводья, крикнул с козел:

— Эй, парень, не подскажешь, как проехать к Карлайлам?

Вглядевшись в занавешенное окно экипажа, Джек отозвался:

— На следующем перекрестке налево.

Интуитивно он угадал, кто скрывается там, в темноте, и груди что-то сжалось.

В тот же момент шторка дрогнула, отодвигаясь, и в окне показалось мужское лицо с напомаженными усами, рука в черной перчатке протянула ему полупенсовик.

— Благодарю, мальчик, — прозвучало грудным баритоном, и Джека скрутило сильнее.

Такой острой, мгновенно вспыхнувшей антипатии он не испытывал никогда в жизни.

Экипаж между тем покатил дальше. И Джек, стиснувший в кулаке полупенсовик, хотел было запустить им в канаву, но передумал и опустил монету в карман.

Анна Чендлер встретила его у розария, который вместе с садовником приводила в порядок после долгой и холодной зимы. Джек знал теперь, что до брака с мнимым мистером Чендлером она считалась двадцатитрехлетней старой девой, почти утратившей шанс на замужество. Ее матушка, женщина оригинального характера, не считала ни одного местного кавалера достойным дочери, и отпугивала их с неизменным упорством, в каждом находя тот или иной недостаток: внешности ли, характера ли — не имело значения. Сама Анна, будучи равнодушной к каждому из джентльменов, прощала матери подобное самодурство, доходящее подчас до абсурда...

А потом появился мистер Джон Чендлер, неожиданно очаровавший взбалмошную мамашу настолько, что та состряпала брак своей дочери с поразительной для обоюдных сторон скоростью и сноровкой.

Любила ли Анна Чендлер супруга Джек не брался предполагать, однако, исходя из собственных чувств, полагал, что истинная любовь не смогла бы так быстро найти замену в другом человеке... А миссис Чендлер утешилась очень быстро: даже сейчас Джек заметил яркий румянец, окрасивший ее щеки, при виде конверта с письмом.

— Спасибо, Джек, — с чувством поблагодарила она, когда послание Баррета переключало из кармана в карман. — Я бесконечно благодарна тебе! — Они стояли в тени под аркой с клематисами, так что никто не мог разглядеть эту эпистолярную рокировку. — Снеси пирог миссис Уиггинс на кухню. И передай ей большое спасибо!

— Непременно передам, мэ, — сказал Джек и направился в дом, во владения миссис Пэм, местной кухарки.

— Вы поглядите, кто к нам пожаловал, — воскликнула женщина, только завидев его, — красавчик Джек с творожным пирогом миссис Уиггинс. Проходи, дорогой, я как раз чайку заварила... Присаживайся, присаживайся — мы с нянюшкой Бриггс тебя просто так не отпустим.

— Как она? — осведомился Джек. — Ей уже лучше?

Кухарка пожала плечами.

— Простуда вроде бы отступила, а вот скорбь по мистеру Чендлеру гложет ее похлеще болезни. Будет чудом, если она переживет эту зиму...

— Зима уже отступила, миссис Пэм.

— Вот именно! — поддержала Джека востроглазая горничная, появившись на кухне. — И наша весенняя ярмарка — явное тому подтверждение. — Она кокетливо дернула головой и спросила: — А ты, Джек, уже там бывал, на ярмарке-то? Веселее места не сыщешь. К тому же деньги, собранные пастором Райтом, пойдут на нужды сиротского дома в Дареме. Вот. — И, взмахнув густыми ресницами, она похвастала вдруг: — Я целый фартинг пожертвовала. — И сразу без перехода: — Не хотел бы пойти туда завтра со мной? Обещают настоящие фейерверки, как в Лондоне. И выступление циркачей!

Джек не впервые получал авансы от Джейн, и по привычке собрался ей отказать, но передумал:

— Почему бы и нет, — произнес он будничным тоном, — будет весело.

Девушка просияла, округлив большие глаза.

— В самом деле согласен? — не веря в такую удачу, уточнила она. — А как же... мисс Блэгни? — ляпнула, не сдержавшись.

Лучше бы она держала язык за зубами...

— А она здесь причем? — буркнул Джек, сразу же помрачнев. — Или идти расхотела?

— Не расхотела. Где встретимся?

— У входа, в двенадцать.

— Я приду, — пообещала девица, продолжая лучиться улыбкой.

Пить чай Джеку совсем расхотелось и, перекинувшись с миссис Пэм еще парочкой слов, он сказал, что должен идти.

Время близилось к вечеру, а ему еще предстояло подготовиться к ответственной миссии, намеченной на сегодня: выкурить Снежного человека из его укромной норы. И пусть мисс Блэгни предостерегала его от подобного шага, он все-таки был преисполнен

решимости доказать всему миру, на что он способен. И не в последнюю очередь ей самой...

С этими мыслями Джек запасся двумя мотками длинной веревки, потайным фонарем, спичками и острым ножом, купленным в скобяной лавке на Главной улице. Теперь, будучи полностью экипированным для своей тайной миссии, Джек принялся ждать наступления сумерек, и едва они опустились на землю, он вышел из дома и зашагал в направлении Призрачных пещер...

Джек точно не знал, что станет делать в случае обнаружения Снежного человека, но, полностью положившись на инстинкты жителя столичных трущоб, с юношеской самонадеянностью полагал, что справится в любом случае. По-другому и быть не могло!

А потому, подобравшись к пещерам по кромке Кирклендского леса, Джек затаился в кустах и стал наблюдать за входом в пещеру. Прошло больше часа, а никто так и не появился. Не входил и не выходил...

С гулко стучащим сердцем он подхватил свободный конец прихваченной из дома веревки и привязал его небольшому стволу ближайшего дерева, достаточно крепкого, чтобы не обломиться от малейшего натяжения. Через минуту он стоял у входа в пещеру со своей «ариадновой нитью» в руках, и «минотавр» ждал его где-то за поворотом, затаившись во мраке извилистых переходов.

Было ли ему страшно?

Сильнее, чем Джеку хотелось бы, но упрямство подталкивало вперед, и он, вдохнув полной грудью, решительным шагом нырнул в черный зев, устремляясь в самую глубь, туда, откуда два разветвляющихся туннеля уводили в две разные стороны. Здесь, на самой развилке, Джек запалил свой фонарь, и, взглядываясь в любые отметины на земле и стенах, способные подсказать направление, стал искать верный путь.

Земляная пыль на полу левого рукава показалась ему нетронуту-девственной, ни ботинок, ни даже легкий сквозняк, казалось, не касались ее никогда, а потому, посветив фонарем в правый туннель, Джек уверился вдруг, что идти надо именно по нему. Он даже придумал себе, что видит отпечаток ноги у влажной стены, хотя, конечно, это могло быть все что угодно. В конце концов чисто интуитивно, полагаясь только на свой внутренний компас, Джек направился в темноту правого туннеля.

Поначалу он двигался бодрым шагом, не позволяя ни страху, ни голосу разума замедлить свой ход, само ощущение близкого выхода придавало дополнительной смелости, но по мере продвижения вглубь свода пещеры, казалось, сошлись над его головой, сдавливая парнишку со всех сторон разом. Свеча в фонаре затрещала, будто готовая вот-вот потухнуть, и шаги Джека замедлились, а вскоре и вовсе сошли на нет: он замер, взглядываясь в темноту подземных ходов, уводящих в неизведанный мрак.

Все это время он двигался по прямой, не петляя ни вправо, ни влево, экономил веревку, первая бухта которой уже подходила к концу, и Джек, связывая концы, надеялся только, что найдет Снежного человека еще до того, как закончится его «ариаднова нить»...

Сердце оглушительно kloкотало в груди, эхом отдавалось в ушах и под сводом туннеля, почти заглушая его собственные шаги. Но теперь, остановившись, Джек различил вдруг странные звуки... Что это? Он прислушался, замирая от страха.

Шаги... совсем тихие, крадущиеся...

Сердце захолонуло горячей волной. Показалось! Ему, конечно же, показалось. Он дернулся, сглатывая и мысленно призывая сердце умолкнуть, но то, непокорное, зачастую

сильнее.

Очевидно было одно: в туннеле он был не один.

И тогда, припав взмокшей от пота спиной к холодному камню туннеля и двигая фонарем в попытке рассмотреть то неизвестное в темноте, что приближалось к нему, Джек по-настоящему испугался. До животного ужаса... До желания броситься прочь, позабыв все на свете. До звона в ушах...

И этот страх, схвативший его за загривок, совсем ему не понравился...

— Эй, кто здесь? — закричал Джек в темноту, в безумной попытке взять ситуацию под контроль. — Выходи, не таись, я слышу твои шаги! — Он нащупал в кармане охотничий нож и выставил его словно щит. Но темнота не спешила с ответом. Ее гнетущая неподвижность давила на барабанные перепонки. — Ну, — продолжал провоцировать он, — покажись уже, жалкий воришка! Я знаю, что ты обычный мошенник, обирающий ни в чем неповинных людей, а не бигфут, как все думают!

Что-то взрезало воздух, и потайной фонарь Джека брызнул осколками стекол... Свеча вывалилась на пол и мгновенно потухла. Наступившая темнота, глубокая и непроглядная, словно саваном, окутала Джека... Кровь застучала в висках, руки заледенели. На негнущихся от страха ногах он опустился на колени и пошарил в поисках огарка свечи. Тот, как назло, не находился, а непослушные пальцы никак не справлялись с коробком спичек, засунутым в карман сюртука.

А шаги послышались снова... Дерзкие, более не таящиеся. Эхо подхватило их и понесло, закручивая вокруг Джека спиралью, невидимой нитью, так что чиркнувшая, наконец, спичка, разорвав на секунду эту нагнетающую ужас «мелодию», выхватила из темноты движущийся на него сгусток, и снова погасла.

— Не подходи! — закричал Джек, стиснув в руках конец веревки и нож. — Я не один и вооружен. — Уже собрался бежать, но вдруг с ужасом осознал, что веревка просела в руке... Он дернул ее на себя, и та поддалась: перерезанный конец его «ариадновой нити» длиной не более пары футов оказался у Джека в руках...

Нет, нет, нет, только не это... Подаваемая толчками кровь, ударила в голову, и Джек, плохо соображая, что делает, все-таки побежал. К выходу, как ему показалось... Правда, бегство его оборвалось мгновенно: что-то тяжелое взрезалось в голову, брызнули искры из глаз, и под этот далеко не ярмарочный фейерверк Джек свалился словно подкошенный.

Пришел в себя мерно покачиваясь на крепком плече, вися вниз головой. Расслабленное секундой назад тело мгновенно подобралось, и человек-бигфут произнес:

— Что, очнулся, приятель? Видать, крепкая у тебя черепушка, уважаю.

Джек заерзал, пытаясь освободиться, но мужчина похлопал его по ногам:

— Не дрыгайся, парень, почти пришли.

В своем неестественном положении Джек действительно рассмотрел проблеск желтого света, похожего на запаленную в темноте свечу, — они двигались в его направлении. Но думать он мог только о голосе говорившего и догадке, мгновенно вспыхнувшей в голове ярче этого света.

Как же он сразу не догадался?! Балда. Ответ буквально лежал на поверхности...

— Ну что, здороваться будем? — пробасил заросший густой бородой мужчина, сгрузив Джека на тюфяк у стены в небольшой, полукруглой пещере футов двенадцати в диаметре.

И Джек, констатируя, выдохнул:

— Здравствуйте, констебль Саймон. — И тут же поправился: — Мистер Грир...

Грир, а это был действительно он, расцвел довольной улыбкой.

— Согласись, роль констебля удалась мне на славу, — хмыкнул он. — Думаю даже, из меня вышел лучший констебль, чем из того толстяка, которого я порешил на даремском тракте... — Но, заметив мрачное лицо гостя, вздохнул: — Знаю, знаю, убийство — не то, чем хвалятся в приличном обществе. Но, право слово, дружище, этот жирный мерзавец не желал отдавать мне одежду... мог бы быть поговорчивее. — И хохотнул: — Говорят, для здоровья полезно. — И так как Джек не разделил его шутки, поддел собеседника: — Что даже не улыбнешься? Невежливо как-то по отношению к хозяину дома.

Джек, все еще удивленный неожиданной этой встречей, не знал, что ответить, и Грир, должно быть, соскучившись по человеческому общению, продолжил свой монолог:

— Э, молчишь, понимаю, я для тебя дикий американец, привыкший махать револьвером. Презренный убийца, жалкий тип, не достойный внимания... — Он присел на полено у очага и, помолчав, хлопнул себя по коленке: — Что ж, дикарь я и есть, — согласился вдруг, — самый всамделишный из дикарей. Ты не знал, ясное дело, а я ведь полжизни провел с индейцами сиу. Да-да, самыми настоящими сиу... Ох, и славные же это ребята: живут простой, скромной жизнью и на поверку, бьюсь об заклад, они счастливее многих богатеньких лордов с Мэйфера. Мне у них нравилось, — признался Грир с мечтательной полуулыбкой, — днем рыбалка или охота днем, ночью — красивая скво, согревающая постель. У меня ведь даже жена была, Джек — Амэдэхи, «лесная вода», так ее звали — ох, и красивая же она была женщина, дух захватывало. Черноволосая, стройная, текучая, словно лесной ручеек. Я в нее с первого взгляда влюбился... Веришь, в груди защемило? Жарко сделалось прямо вот здесь, — он ткнул себя кулаком в солнечное сплетение. — Вождь отдал мне её за четыре бобровые шкурки и бутылку ямайского рома.

Грир помешал угли в очаге и продолжил, не глядя на Джека:

— Нам хорошо с ней жилось, много лучше, чем некоторым другим, да вот захворала она как-то зимой, так захворала, что тамошнему шаману, какие б молитвы и заговоры он ни творил, не удалось ее вылечить: померла моя Амэдэхи, и эти глупые сиу прогнали меня из своего племени. Сказали, из-за меня духи осерчали на Амэдэхи, вот и не дали ей исцеления. — Грир вздохнул: — Я часто ее вспоминаю, Джек. Сердце ноет, так ноет... — Он снова постучал по груди. — Я хоть и дикарь, тоже чувства имею.

Рассказы Грира о трапперстве и жизни среди индейских племен казались Джеку занимательной сказкой, не больше, — сам он не видел подобного никогда и вряд ли когда-то увидит. Но слушать было весьма любопытно...

— Ты, верно, считаешь, мне и братца своего заблудшего было не жаль, — снова заговорил Эмос Грир, помешивая угли в костре. — Жаль. Очень жаль, — признался он с грустью. — Я ведь только на чистую воду его хотел вывести... Видно, зависть меня одолела, а еще больше обида: он, будь оно все неладно, мог бы и меня, согласись, позвать в свою новую жизнь. Да вот хотя бы садовником... — И усмехнулся: — Нет, садовник из меня вышел бы никудышный, а вот охотиться в здешних местах я мог бы на славу. Кроликов здесь, что тех тараканов... А какие олени, одно загляденье! Эх, Роберт, Роберт, ты и так пожил дольше, чем предрекали заумники-доктора... — вздохнул он, — и все же мне жаль, что так получилось.

И тогда Джек осведомился:

— А настоящий мистер Чендлер, что случилось с ним, вам известно?

Грир глянул на парня невидящими глазами: глядел скорее в себя, чем на него, в события прошлого.

— Не скажу точно, — дёрнул плечами, — но, направляясь однажды по дороге в Нью-Йорк, я забрел с ночевкой в таверну близ Тоттенхэма, там и услышал о найденном в полях труп с проломленной головой. Тамошние схоронили его на местном кладбище, и до сих пор за пинтой пива гадали, кем был тот безымянный бедняга. Уж больно их занимал этот факт... В глубинке любое событие, знаешь ли, помнится долго, просто от скуки. — Рассказчик провел рукой по своей бороде. — Тогда я еще не придавал этому факту значения, но несколько позже, узнав у бывшей миссис Грир все обстоятельства их с братом скоропалительного развода, и его отплытия в Англию, сопоставил одно с другим и пришел к определенному выводу...

— Что ваш брат не просто убил мистера Чендлера, но и присвоил себе его деньги и личность?

— Вот видишь, — хмыкнул мужчина, — ты тоже неплохо соображаешь.

Грир в своем меховом полушубке и с отросшей, окладистой бородой действительно походил на Снежного человека. И Джеку казалось, он беседует с чужаком, а не с «констеблем Нилом Саймоном», так симпатичным ему в Чендлер-мэноре. Но и страха к нему не испытывал...

У стены он заметил конструкции из дерева и веревок, похожие на теннисные ракетки.

— Так вы так тут и живите с тех самых пор, как ушли из имения? — спросил он.

— С тех самых пор, — подтвердил мнимый бигфут. — Идти мне особо некуда было, вот я тут и засел. А это индейские снегоступы, — указал головой на странные приспособления, — смастерил, чтобы в город наведываться. — И улыбнулся, задорно, почти как ребенок: — Вот уж не думал, что обнаруженные следы наведут местных жителей на легенду о йети. Я поначалу и сам испугался, — признался с той же улыбкой, — а смекнув что к чему, только развеселился... Да и на руку мне пошел этот слух: к пещерам и так никто не совался, а тут и вовсе седьмой стороной стали их обходить. Забавно вышло, как ни крути!

Джек опять огляделся вокруг, особенно в черный зев, уводящий в недра подземных туннелей.

— Как вы ориентируетесь в туннелях? — осведомился с искренним любопытством.

Грир подмигнул с лукавой улыбкой, и морщины сделали его лицо мягче.

— Чутье, парень. Чуть е и ничего больше! — сказал он и приложил палец к кончику носа. — Проживи с мое бок о бок с индейцами, и научишься понимать окружающую природу не хуже меня... — И продолжил: — Я ведь когда покинул поместье, вернулся сюда за своими вещами, припрятанными в пещере. Денег на тот момент у меня было немного — на билет до Америки точно бы не хватило! — и я принял решение пожить на природе: все дешевле, чем в том же трактире, да и соскучился я по простой жизни. Вот хотя бы по костерку этому, — он потыкал палкой в огонь, — по тюфяку из соломы да...

— ... По чужому имуществу, присвоенному запросто так, — заключил Джек осуждающим тоном.

Грир провел ладонью по своей окладистой бороде.

— Так это только по необходимости, парень, — произнес, ничуть не смутившись. — И животное убивает, коли голодно, сам знаешь... А мне бы домой воротиться — дикие прерии и протоки Миссури кличут меня разными голосами. Задыхаюсь я здесь... Измаялся, сил нет. Вот только соберу на билет, так сразу уеду...

— Почему у миссис Чендлер денег не взяли? Она ведь вам предлагала.

— Так не смог, — Грир стал серьезней, — совесть, что ли, проснулась, не знаю. Родных племянников не смог обобрать — я как-никак отца их родного лишил — вот и ушел ни с чем. Можно было б вернуться, сказать, что передумал, вот только гордость мне не позволила... Впервые в жизни такое со мной. Никак воздух Англии плохо действует на меня... — Сказав это, он протянул Джеку охотничий нож: — На вот, выронил там, в туннеле.

Джек покраснел, припомнив, как испугался и побежал. Голова до сих пор от удара болела...

— Пользоваться умеешь? — спросил Грир, делая вид, что не заметил смущения парня. Джек мотнул головой: нет, не умею, и его собеседник указал на доску с намалеванным центром. — Попробуй попасть в середину. Годный навык для такого бесшабашного парня, как ты. — Джек не спешил исполнять указание, и мужчина поторопил: — Ну, давай, посмотрим на что ты годеи, дружище!

Джек поднялся, примериваясь к ножу. И метнул его... Попасть в середину, ясное дело, не получилось. Грир, цокая языком, словно белка, поднялся и подошел к Джеку.

— Ты не так его держишь... Вот, посмотри. — Он выдернул нож из доски и опустил на кончик указательного пальца: — Ты должен прочувствовать его балансировку, парень. Нож — он ведь как любимая женщина: чтобы петь в унисон, нужно понимать друг друга с полуслова. — И приказал: — Прочувствуй, как он играет... как тонко вибрирует в твоих пальцах... как прикипает к самым кончикам и совершает полет по мановению твоей мысли.

Джек взял протянутый ему нож и неловко зажал в ладони. Грир покачал головой...

— Так только на кабана и бросаться, приятель, — пожурил он парнишку. — А что, если кто-то угрожает тебе пистолетом, и действовать нужно наверняка... Тогда нужно метнуть лезвие так, чтобы с точностью до единого ярда. Вот, возьми его за клинок и почувствуй, как гарда упирается прямо в ладонь... Выдохни. Присмотрись к цели... Слейся с лезвием воедино и — бросай!

Джек метнул нож. Тот вонзился в двух дюймах от центра, и Грир похлопал его по плечу:

— Уже лучше, приятель. Но практика тебе явно не помешает! — Он развернулся и завозился с котелком и водой: — Пить будешь? Я наловчился варить славный кофе.

Джек кивнул, хотя кофе не очень любил, но здесь, рядом с Гриром, неожиданно стало уютно и просто. Даже кофе в компании с ним могло сойти за приятность...

Тот приготовил напиток и протянул Джеку кружку, они пили его тишине под треск догорающего костра. Время, казалось, текло здесь совсем по-другому: ночь снаружи или давно настал день, Джек не брался даже предполагать. Но впервые после разговора с мисс Блэки его по-настоящему отпустило... Безвременье помогло сделать первый решительный выдох, не поперхнувшись застрявшим у горла собственным седцем.

— Как наша малютка мисс Блэки? — словно прочитав его мысли, поинтересовался мужчина. — В добром здравии?

— В добром, — не без горечи выдохнул Джек. — Собирается замуж.

— Не за тебя, как я понимаю? — посочувствовал Грир.

Джек вскинулся:

— Кто я такой, чтобы мечтать о подобном?!

— А ты, выходит, мечтал... — Не спросил, а констатировал собеседник. — По глазам

вижу, мечтал, и это понятно: малышка Аманда тот еще лакомый кусочек. Ну-ну, — произнес упреждающе, заметив гневный взгляд Джека, — я ж видел, что между вами, как говорится, искры летели... Я полностью на твоей стороне. — И подмигнул

Джек сдулся, словно из него выпустили весь воздух, и тоже констатировал с грустью: — Я — никто, Грир, а она из Мэйфера. Между нами ничего общего!

Тот кивнул понимающе и опустил руку на плечо паренька — Джек не дернулся. Это ненавязчивое участие оказалось на удивление своевременным и приятным...

Хартбернская весенняя ярмарка, проходившая ежегодно, знаменовала собой конец долгой зимы и начало нового посевного сезона, но в этом году, благодаря стараниям леди Карлайл, она являлась еще и благотворительной акцией, призванной поддержать бедных сироток в даремском приюте для брошенных детей. Специально приобретенный по случаю ящичек для пожертвований красовался возле лотка с леденцами, которым заведовала миссис Грисби, жена кондитера с Харли-стрит. За самим ящиком присматривала миловидная Сюзанна Андерсон, дочь фермера Андерсена, недавно схоронившего родного отца... Тот умер от заражения крови, не удосужившись, старый упрямец, лечить порез на руке чем-то иным, кроме как влитым в себя самогоном. Средство, увы, не возымело эффекта, и тот почил на хартбернском кладбище, оставив довольно неоднозначное завещание.

Итак, его внучка, Сюзанна Андерсен, майская королева прошлого года, была избрана единоличной хранительницей ящичка для пожертвований: четыре ярмарочных дня она стояла подле него и, улыбаясь смущенной улыбкой, дарила каждому доброхоту букетик лесных незабудок. Влюбленные в неё парни отдавали последние пенсы, чтобы только удостоиться ее благодарной улыбки и букетика скромных цветов... Они закрепляли его на фуражках или совали в карманы своих сюртуков, тем самым щеголяя не только проявленной ими щедростью, но и благосклонностью первой красавицы городка.

Однако, сегодня Сюзанна отсутствовала, и миссис Грисби, приготавливая лоток к последнему ярмарочному дню, удивленно поглядывала на пустующий постамент для ящичка с жертвоприношениями: девушке пора было б уже появиться. Странно, что ее все еще нет...

Миссис Уиггинс, чей лоток с пирогами располагался рядом с лотком кондитерши, как раз показалась у входа в сопровождении Сары-Энн и Джека, толкавшего перед собой тележку с выпечкой.

— Добрый день, соседка, — поприветствовала новоприбывшую миссис Грисби. — Хороший нынче денёк, солнечный. Для праздника в самый раз! Вот только Сюзанны всё нет... Не встречали её по дороге? Пора бы ей появиться.

— Возможно, она с пастором Райтом, — предположила миссис Уиггинс, тоже с ней поздоровавшись. — Тот, должно быть, отпер ей ризницу и задержал разговором. Время терпит! — И в сторону своих спутников: — Разгружайте тележку — народ прибывает. Пора бы нам тоже поторопиться!

Закончив раскладывать пироги, они снова услышали причитания миссис Грисби:

— Как же такое могло приключиться? Бедная девочка, — заламывала она свои руки. — Что говорят сами Андерсены? Беда.

Пастор Райт, стоявший рядом с ящичком для пожертвований, хмурил кустистые брови.

— Прошлым вечером Сюзанна не вернулась от бабушки, — сказал он, — и родители полагали, что она там же заночевала. Такое бывало уже и не раз... Однако поутру выяснилось, что в доме старушки девушки нет, она ушла еще прошлым днём, торопилась

вернуться домой засветло, хотя и припозднилась с работой по дому.

— Какой ужас! Что же нам теперь делать?

— Остаётся надеяться, миссис Грисби, что Сюзанна скоро вернётся целой и невредимой, — попытался успокоить свою собеседницу пастор Райт, хотя было видно, насколько сам он обеспокоен. — Констебля Льюиса уже оповестили об исчезновении девушки, и он скоро появится, — продолжал он. — А я тем временем займу место бедняжки Сюзанны... Как-никак скоро придут леди Карлайл с племянницей и сэр Паркинсон с супругой. Не позволим сложившимся обстоятельствам испортить нам праздник! Миссис Хувер, — позвал он проходившую мимо женщину, — можно вас для короткого разговора? — И он отошел от лотка миссис Грисби.

Джек с миссис Уиггинс переглянулись...

— Надеюсь, это не проделки Снежного человека, — сказала кондитерша. — Даже представить боюсь, что могло случиться с несчастной Сюзанной...

— Сомневаюсь, что Снежный человек имеет к этому отношение, — сказал Джек с задумчивым видом. — Возможно, девушка заплутала в лесу и скоро вернется...

Часы как раз пробили полдень, и он вспомнил про их с Джейн уговор: встретиться у главного входа и провести время вместе. Сегодня Джек уже сожалел, что согласился на это: вчера в нем говорила обида и желание уязвить мисс Блэки этим свиданием, сегодня же он понимал, как глупо всё это было с его стороны. Какое ей дело до Джека и этой служанки?

Да и встреча в Пещерах, как бы это ни было странно, как будто прочистила ему разум...

Захотелось не уязвить любимую девушку, а поделиться с ней сделанным ночью открытием, рассказать об Амесе Грире, всё ещё не покинувшем Хартберн, и показать ей его снегоступы, и провести в маленькую пещеру посидеть у костра.

Подышать одним воздухом на двоих...

Однако этому не бывать.

Уже никогда...

Сердце снова кольнуло — мисс Блэки была занозой в крови — и Джек, мотнув головой, поспешил на встречу с Джейн Каммингс. Ни одно замечание ее колкого язычка не могло причинить большей боли, чем это уже было сделало Амандой Блэки...

Джейн в светлом платье, с лентами в волосах, заметила его ещё издали.

— Здравствуй, Джек, — заискрилась улыбкой, подхватив его под руку. — Я боялась, что ты не придешь.

— С какой стати? — буркнул Джек не самым приветливым тоном. — Я привык держать слово.

По крайней мере, ему хотелось так думать, и Джейн, не став зубоскалить, увлекла парня в сторону карусели. В этом году леди Карлайл расстаралась на славу: музыкальную карусель привезли из самого Дарема, и теперь стар и млад приходил подивиться на чудное приспособление. Крутящиеся по кругу лошадки представлялись неискушенным жителям Хартберна настоящим заморским чудом...

— Давай покатаемся, — предложила мисс Каммингс, не выпуская Джека из рук. Вцепилась в него мертвой хваткой, казалось, никогда не отпустит... Эта хватка и в целом навязчивость спутницы вызывали у Джека тихое раздражение, и парень был рад, когда, заплатив пару пенсов, они расселись по разным лошадкам. Хотелось лишь одного: бросить Джейн и сбежать. Особенно в предвкушении встречи с Амандой, пусть даже издали, но просто увидеть ее — уже было благом. От одной мысли об этом сбило сердце...

И вдруг невдалеке мелькнул край белого платья...

Сквозь толпу волнорезом шагала миссис Карлайл, тётка Аманды, и девушка, следуя на шаг позади, улыбалась, здороваясь с хартбернцами.

Карусель, между тем, несла Джека по кругу, и при следующем обороте он столкнулся с Амандой глазами: секунда, длиною в целую вечность, вышибла из его груди воздух, заставила задохнуться, хватая ртом воздух, как рыбу, выброшенную на берег, — карусель же бездумно неслась дальше по кругу, но Джек словно замер в моменте, глядел всё в те глаза, наполненные тоской и печалью, и мир смазался до туманного морока.

Только фигурка Аманды оставалась четкой и ясной.

Ее рука у груди... прядь волос, заправленная за ухо...

Он как будто слышал ее слова в голове: «Ты знаешь, насколько мне дорог. Я думаю о тебе постоянно!»

Бег карусели замедлился, музыка стала тише, и Джек словно вышел из транса, заметив теперь высокого джентльмена с напомаженными усами подле Аманды и леди Карлайл. Тот самый, из экипажа... Как он и думал. Мужчина беседовал с леди Карлайл, держась вполоборота к мисс Блэрни (к его мисс Блэрни!). И Джек сжал кулаки...

Этому франту было порядком за тридцать, и Джеку он представлялся форменным стариком. Мисс Блэрни не могла на самом деле желать, выйти за него замуж!

Карусель остановилась, и Джейн в то же мгновение подхватила парня под локоть:

— Она не пара тебе, — шепнула она обиженным голоском. — Такие, как мы, ничего не значим для них. Забудь...

Джек хотел возразить, сказать, что её это всё не касается, но не выдал ни слова... Просто не смог. Невысказанные слова так и остались внутри тяжелыми кирпичами, притягивая к земле, равно в противовес тем же мечтам, заставлявшим парить в небесах.

Он обернулся и поглядел на мисс Блэрни, которой напомаженный франт нашептывал что-то на ушко...

Вот ведь черт ряженный! Богатенький выскочка. Старикашка паршивый...

Наделив своего удачливого соперника вереницей нелестных эпитетов, Джек ощутил относительное спокойствие и позволил, наконец, Джейн увести себя от карусели к торговым лоткам. Впрочем, никаким яблокам в карамели и лакричным конфетам было, увы, не под силу перебить горький привкус ревнивой желчи, разлившийся по его языку.

Джейн таскала своего кавалера по торговым рядам и аттракционам, словно безвольную куклу, и Джек, позволяя ей это, ощущал себя абсолютно больным и несчастным: эмоции рвались наружу, он измучился сдерживать их, но пытка ярмаркой продолжалась, и сбежать не представлялось возможным.

К счастью, пастор Райт, прихватив ящичек для пожертвований, вышел к трибуне, что негласно знаменовало собой кульминацию мероприятия: подсчет и оглашение собранной для даремского приюта суммы.

— Уважаемые жители Хартберна и других деревень, сегодня, в этот заключительный день нашей ежегодной весенней хартбернской ярмарки, позвольте поблагодарить каждого за приложенные усилия по ее проведению и в первую очередь позвольте воздать благодарность нашей добросердечнейшей патронессе, леди Джулии Карлайл, благодаря которой мы можем не только наслаждаться новыми веяниями техники, — он указал на умолкшую на время карусель, — но и внести посильную лепту в заботу о менее удачливых членах нашего общества. — Теперь пастор Райт указал на табличку с надписью: «Поможем бедным

сироткам из даремского приюта», прикрепленную к ящику для пожертвований.

Леди Карлайл милостиво кивнула, принимая благодарность в свой адрес. Перо на её модной шляпке колыхнулось в такт движению головы... И продолжало «танцевать» в том же духе, пока пастор Райт торжественно перечислял пожертвованные ей с сэром Паркинтоном суммы на богоугодное дело помощи «бедным сироткам». Закончив эту короткую, но высокопарную речь, священник извлек из кармана маленький ключик и под взглядами своих прихожан вставил его в замочную скважину сбоку деревянного ящичка.

Раздался легкий щелчок, пастор откинул крышку и... замер на миг с выпученными глазами, глядя на содержимое ящичка.

Люди заволновались...

— В чем дело? — воскликнул один.

— Что случилось? — присоединился другой.

И тогда пастор Райт отозвался растерянным голосом:

— Я не совсем понимаю, что это значит... но... кажется, нас обокрали.

Говоря это, он запустил руку в ящик и извлек из него букетик лесных незабудок...

Ярмарка всколыхнулась, словно морской прибой в минуты прилива, и леди Карлайл, подхватив край выходного платья, решительно проследовала на трибуну к пастору Райту... Отодвинув его в сторону и заглянув в злополучный ящик, она демонстративно приложила руку к своей обширной груди и издала мученический стон.

— Нас ограбили! — провозгласила страдальческим тоном и оперлась на услужливо предложенную ей руку пастора Райта. — Немыслимо. Кто был способен на подобное святотатство?! Нехристи. Злостные негодяи... — Тут силы оставили ее окончательно, и спутник помог ей спуститься и присесть на скамью. — Мои нюхательные соли, милочка, — поглядела она на племянницу, и Аманда, порывшись в ее ридикюле, протянула полуобморочной тетке флакон нюхательных солей.

Та откупорила крышечку и шумно вдохнула; Аманда огляделась в поисках Джека, но нигде его не увидела. Обычно, когда случалось нечто из ряда вон выходящее, он всегда был где-то рядом...

— Расступитесь, расступитесь! — сквозь взволнованную толпу проследовал констебль Льюис и остановился перед леди Карлайл и пастором. Его круглое личико со скошенным носом являло собой в высшей степени озабоченное выражение с толикой неуместной бравады. Он был похож на боевого петушка, обрядившегося блюстителем порядка. — Рад приветствовать вас, миледи, — обратился он к полуобморочной даме, — и вас, пастор Райт. Так вышло, что я как раз находился поблизости — в связи с исчезновением дочери Андерсенов — и потому, как только услышал... — Не договорив своей мысли, он, пыхтя, проследовал на трибуну и, заглянув в ящичек для пожертвований, задумчиво констатировал: — Итак, ограбление... Самое что ни на есть. М-да, неожиданно, весьма неожиданно!

В ящике, как уже убедилась Аманда, остались лишь несколько медных пенсов и букетик лесных незабудок. Пятьдесят фунтов, пожертвованные ее тетушкой и сэром Паркинтоном, исчезли. Как, впрочем, и все остальные деньги, собранные за четыре дня ярмарки...

— Отыскалась ли пропавшая девушка? — поинтересовалась Аманда у Льюиса.

Пастор Райт уведомил их об исчезновении мисс Андерсен сразу же по прибытии.

Констебль вскинул поникшую голову и захлопал глазами:

— Нет, мисс Андерсен так и не объявилась.

— И вам не кажется это странным?

— Станным? — глаза констебля вперились в неё с недоумением. — Почему это должно показаться мне странным, мисс Блэгни? — спросил он, вздернув вверх подбородок.

Похоже, расспросы мисс Блэгни не пришлись ему по душе.

В этот момент пастор Райт присоединился к их разговору:

— Мисс Блэгни права, констебль: Сюзанна присматривала за ящичком с пожертвованиями, лично уносила его на хранение в ризницу церкви и приносила обратно. Вдруг исчезновение денег каким-то образом связано с исчезновением самой девушки...

Высказанное пастором предположение повисло в воздухе, как туман, и спутник мисс Блэгни, щеголь с напомаженными усами, подлил масла в огонь:

— А не могла ли девица сбежать, прихватив с собой вверенные её опеке средства? — осведомился он.

Эти слова, подслушанные миссис Грисби, исторгли из её груди болезненный хрип, перешедший в надрывный кашель, пастор Райт услужливо похлопал ее по спине, и женщина провозгласила:

— Девочка Андерсенов никогда бы такого не сделала: она честная, благочестивая девушка, ни разу не позарившаяся на чужое.

— Однако я слышал от ее матери о некоем Ролфе Линче, каменщике, — вскинул брови констебль Льюис. — Она говорит, эти двое любили друг в друга и собирались в скором времени пожениться. Они копили деньги на свадьбу! — Он с видом крайнего самодовольства поглядел на присутствующих, полагая, должно быть, дело решенным.

— Никогда! — горячо возразила миссис Грисби. — Никогда бы малышка Сюзанна не пошла на подобное беззаконие. Она любила наш городок и не сбежала бы, прихватив деньги несчастных малюток...

Как раз в этот момент сквозь толпу протиснулся молоденький паренек в форме. Покраснев при виде важных особ подле шефа, он с запинкой отрапортовал:

— Мистер Линч, сэр, не появлялся дома со вчерашнего дня. Мать говорит, он уехал по рабочим делам, но точно не знает куда. О том, когда он вернется, ей тоже ничего не известно! Вот, сэр, это всё.

Констебль Льюис, сделавшись ещё более самодовольным, если это в принципе было возможно, оглядел своих собеседников «что и следовало доказать»-взглядом.

— Что вы теперь скажете, миссис Грисби? — осведомился он у потрясенной кондитерши. — Вы и теперь полагаете, что мисс Андерсен не имеет к этому ограблению отношения?

Женщина все-таки отозвалась чем-то вроде: «Не верю. Все это какая-то чепуха!», и констебль Льюис снисходительно улыбнулся.

— Я телеграфирую в даремскую полицию, — сказал он. — Беглецы вряд ли могли уйти далеко.

И уже развернулся, чтобы уйти, когда прямо к его ногам, прорвавшись сквозь кольцо жителей города, кинулась женщина... Она взмолилась, обратив к нему заплаканное, покрасневшее лицо:

— Констебль Льюис, умоляю вас, отыщите нашу Сюзанну! Она приличная девочка, богобоязненная и добрая. Она б никогда не сбежала из дома с мужчиной, пусть даже со своим женихом! Кто угодно, кроме неё... Я уверена, сердцем чувствую, с ней что-то случилось. Что-то плохое... Умоляю вас, помогите!

Констебль досадливо сморщился, отстраняя от себя навязчивую мамашу.

— Мы полагаем, мэм, ваша дочь не просто сбежала со своим женихом, но, сбежав, прихватила пропавшие деньги, — чуть презрительно просветил её он. — Вы сами мне говорили, что эти двое копили деньги на свадьбу...

Услышав эти слова, несчастная мать буквально взвыла нечеловеческим голосом — присутствующие враз отшатнулись.

— Кто вы такой, чтобы говорить подобное о моей дочери?! — вскричала она. — Вы не знали её — не вам и судить. Пастор Райт, миссис Грисби, леди Карлайл, — обратилась она к окружающим, — все вы знаете нашу Сюзанну, скажите же, разве она способна на воровство? Разве такой мы её воспитали?

Те молчали, опустив головы, взгляды, и миссис Андерсен, закрыв руками лицо, разрыдалась что было силы. Из толпы выступил сумрачного вида мужчина с густыми бровями и копной смоляных волос, он подхватил плачущую женщину под локоть и повел прочь, ни на кого толком не глядя — жители Хартберна в молчании расступились, позволяя им обоим пройти.

Констебль Льюис, поджав губы, выражая недовольством всем своим видом, последовал в другом направлении...

Едва услышав о случившейся краже, Джек востроился: неужели и к ней приложил руку Грир? Как посмел? Уверял ведь, что скоро уедет: мол, собранных денег ему вполне хватит на билет в первом классе. Получается, заговаривал ему зубы, а сам... Да и когда только успел, ведь Джек, поначалу караулив у входа в пещеру, после провел с ним всю ночь до утра. Так неужели все это время собранные для приюта пожертвования лежали за пазухой Амоса Грира?

Джек огляделся, решив отчего-то, что бородатый обманщик прячется где-то в толпе, но видел лишь жителей Хартберна, взволнованно переговаривающихся и тарасившихся на трибуну с пустым теперь ящичком для пожертвований. Однако, уверенность в присутствии Грира Джека не оставляла его, и он, начав двигаться по дуге, всматривался в каждого мало-мальски подозрительного мужчину, пока вдруг не заметил чью-то спину в коричневом сюртуке, стремительно уходившую прочь.

Грир, как пить дать, это именно он!

Джек последовал за Коричневым сюртуком, петляя за ним между торговых лотков и оравами веселящейся ребятни, и в какой-то момент испугался, что его упустил, но тут чья-то рука, прихватив его за воротник, затащила парнишку за аттракцион с деревянными уточками.

— Ты, как я погляжу, жить без меня не можешь! — усмехнулся Коричневый сюртук гладко выбритым лицом. — Что, соскучился? — И мужчина развел в стороны руки: — Вот я, любуйся.

Джек одернул одежду и вперил в Амоса Грира разгневанный взгляд.

— Это ты украл эти деньги? — спросил прямо в лоб. — Признавайся немедленно.

Тот покачал головой, цокая по давнишней привычке своим языком.

— Совсем-то ты меня за нехристя держишь, Джежки-приятель, — разочарованным тоном произнес он. — А я-то считал, что мы с тобой как бы друзья.

— Никакие мы не друзья, — Джек упер указательный палец в грудь собеседника. — Ты преступник, и я не сдал тебя только ради миссис Чендлер и твоих же племянников, оставшихся сиротами.

— Не думай, что я не ценю этого, Джекки-приятель, — проговорил Грир со смирением в голосе, возможно, наигранным. — Однако твои подозрения глубоко меня ранят...

Джек сложил на груди руки и изобразил на лице высшую степень насмешливого скептицизма.

Грир, театрально вздохнув, поднял вверх руку:

— Вот, клянусь, как на Библии, что не брал денег из ящичка для пожертвований. Доволен?

— А твоим клятвам есть вера?

Грир оскорбился:

— Клянусь могилами наших с братом родителей. Сам знаешь, такими вещами не шутят...

Мужчина выглядел искренним, так что Джек почти поверил ему. Почти... Все-таки Грир был убийцей и вором, и совпадение с кражей казалось весьма подозрительным.

— Если это не ты, — сказал Джек, — тогда помоги отыскать того, кто виновен. Это докажет твою непричастность, и я закрою глаза на другие, совершенные тобой в Хартберне кражи.

Грир вздохнул, тяжело и безрадостно.

— Джек, приятель, я вроде как уезжаю на днях, — сообщил ему он. — Решил вот наведаться на дорожку, без всякого заднего умысла... Ты не думай. К тому же, — добавил Грир доверительно, — я не единственный чужак в Хартберне: видал, какой франтик вьется подле малышки мисс Блэки? Женишок, я сразу понял. Неприятный тип... Ты всяко лучше!

Эта неприкрытая лесть не подействовала на Джека:

— Этот богач вряд ли стал бы мараться кражей нескольких фунтов, — насмешливо кинул он. — Он способен купить этот весь городишко на карманные деньги! Не чета нам с тобой. А потому, — Джек постарался выглядеть как можно серьезней, — ты поможешь мне отыскать вора, и только тогда уедешь из Хартберна.

Его собеседник понятливо улыбнулся: мол, как скажешь, приятель, спорить не буду, а потом ткнул пальцем в сторону:

— Знаешь этого типа?

Джек посмотрел в указанном направлении и увидел молодого мужчину, покидавшего ярмарку. В добротной пошитой одежде, в начищенных туфлях и со шляпой в руках, он походил на зажиточного торговца, заглянувшего мимоходом на сельский праздник. Джек его прежде как будто не видел... В этот момент кто-то из детворы кинулся ему под ноги, незнакомец отпрянул, пригрозив сорванцам кулаком, и Джек увидел лицо.

Смутно показавшееся знакомым...

Словно явившееся из прошлого.

— Кто это? — Голос парня почему-то осип.

Эмос Грир хмыкнул:

— Уильям Берроуз, еще один чужак в Хартберне, — и подмигнул Джеку. — Как думаешь, для чего он явился в наш городок? Уж не за тем ли, чтобы позариться на чужое?

Ради этого человека Аманда когда-то сбежала из дома, готова была бросить всё, чтобы быть рядом с ним. Сколько раз она каялась в этом, попрекая себя за фантазии и мечты, и Джек всё гадал, каков он на самом деле, этот герой девичьих грез...

И вот он в городе...

Действительно, для чего?

И Джек отозвался решительным тоном:

— Понятия не имею. Но выясню в ближайшее время! — После чего выскользнул из тени и последовал за Берроузом...

Джек не успел пройти и сотню шагов, как Джейн, вынырнув словно из неоткуда, вцепилась в рукав его сюртука.

— Вот ты где, наконец, я тебя отыскала, — воскликнула девушка радостным голосом. И зашептала: — Ты слышал, ужас, что происходит: задавака Андерсен сбежала со своим ухажером, умыкнув деньги для даремского приюта. Вот тебе и святоша! — казалось, наслаждалась она. — Теперь ей точно не быть королевой мая... И поделом.

Джек, с отчаянием наблюдающий за быстро удаляющейся фигурой Берроуза, сказал лишь:

— Это всего лишь догадки. Точно ничего не известно! — И, отвлекшись, увидел приятеля Тодда у лотка с морсами.

— Да какие уж тут догадки! — возразила Джейн Каммингс. — Сюзанну с ее ухажером теперь по всему Нортумберленду вылавливать будут. — И спросила вдруг: — Хочешь еще покататься на карусели?

— Постой. — Он кинулся к Тодду и зашептал ему на ухо, тот кивнул и сразу засобиравшись куда-то.

Джек вернулся к навязчивой Джейн, полный решимости положить конец не только их затянувшемуся свиданию, но и в целом ее планам на его счет.

Он произнес:

— Джейн, ты хорошая девушка, но мы не пара с тобой. Так уж вышло... Ты извини!

Лицо маленькой горничной пошло пятнами, целая гамма эмоций сменилась на нём в долю секунды.

— Не пара, значит, — процедила она сквозь зубы. Её грудь вздымалась так часто, что, казалось, проломит пластины корсета. В конце концов, она толкнула собеседника в грудь и дала волю распиравшему её гневу: — Так вот мисс Блэки тоже не пара тебе, — в сердцах высказалась она. — Ей скучно в нашей глубинке, вот она и играет тобой, словно с куклой. Улыбается, строит глазки, кокетничает напропалую... Они, эти лондонские кокетки, всегда таковы: разбивают сердца, не задумываясь о чувствах. И потом она выскочит замуж за богатого ухажера, а тебя выкинет за ненадобностью. — Глаза её заблестели, голос прервался. Она стремительно развернулась, чтобы уйти, но добавила: — И тогда не надейся, что я стану утешать тебя в твоём горе, глупый мальчишка.

Сцена вышла прескверной. Джек стоял как оплеванный. Осознание правдивости этих слов угнетало больше всего, больно жалило... И все-таки мисс Аманда оставалась всем для него.

Джек сглотнул, пригладил словно вставшие дыбом волосы и пошел потолкаться в толпе, послушать, что говорят.

Говорили все как один об исчезнувшей девушке и украденных деньгах, люди уверились вдруг, что Сюзанна, их королева мая, в самом деле, воспользовавшись доверием пастора, очистила ящик с пожертвованиями — и была такова. Джек не был знаком с девушкой лично — виделись пару раз в городе да на похоронах ее деда, — но Сюзанна показалась ему честной и правильной, если так можно сказать.

Представить ее воровкой не получалось... Но, если все-таки кражу совершила она, это

значит, Грир не солгал, и Джек был обязан его отпустить, как условились. Мысль об этом отчасти утешала...

Толкая тележку с нераспроданными пирогами в сторону дома, Джек гадал, получилось ли у приятеля проследить за лейтенантом Берроузом, и что вообще этому типу понадобилось в их маленьком городке.

Одно ясно: появился он неспроста.

И, возможно, не в последнюю очередь из-за мисс Блэкни...

Но почему только сейчас?

Покончив с делами, Джек, понёсся в пекарню, намереваясь получить от приятеля полный отчет о слежке. Подойдя к задней двери, он видел, как отец Тодда сажал в печь пышные булочки, а приятель прибирал на столе.

— Я сейчас, — шепнул тот одними губами, и Джек, прислонившись к наружной стене, принялся ждать.

Тодд вышел минут через пять и сразу же сообщил:

— Этот мужчина живёт в меблированных комнатах миссис Хилл. Заплатил на неделю вперед... Ты его знаешь?

Джек плечами пожал:

— Встречались однажды. Еще в Лондоне...

Тодд понял, что откровенничать Джек не настроен, и только вздохнул:

— Я тоже в Лондон хочу. На фотографа буду учиться... Мечта моя.

— А как же пекарня? — улыбнулся приятель. — Я думал, тебе нравится красоваться мукой на носу.

Тодд насупился и припечатал в сердцах:

— Ненавижу торчать в этой пекарне битые сутки! Знаю, дело это почетное, нужное, но с души воротит. — Он схватился за горло, словно вдруг задыхаясь. — Я другим хочу заниматься! В Лондон подамся, дай только время... — И глянув на Джека: — Возьмешь с собой, когда соберешься назад? Ты ведь надолго здесь не удержишься: сдашь экзамен — и поминай, как звали. А вдвоем всегда веселей!

Веснушчатое лицо парня, озаренное то ли надеждой, то ли мечтой, вызвало у Джека улыбку. Сколько таких вот мечтателей бегут в Лондон, надеясь на чудо, волшебную перемену в судьбе, в итоге же...

— Почему бы не взять, — пожал он плечами. — Придет время — поговорим.

После этого они распрощались, и Джек зашагал к съемным квартирам миссис Хилл, надеясь выведать о Берроузе больше. Вряд ли сама домовладелица поделится с ним сведениями о нём, да и знает ли она что-то, но Джек рассчитывал на удачу и, заняв пост под окнами съемной квартиры, стал наблюдать.

Стемнело. Но в окнах Берроуза свет не зажётся. Постоялец либо сидел в темноте, либо отсутствовал... В его одиночное заточение верилось мало: Берроуз, памятуя о нём в их прошлую встречу, казался не тем человеком, что сидит в темноте и размышляет о жизни. Дружеская попойка в пабе «У Гарри» — вот что было бы вполне в его духе. А так как других развлечений маленький Хартберн не предоставлял — Джек решил наведаться в паб.

Гул, стоявший внутри питейного заведения, доносился издалека: исчезновение Сюзанны Андерсен и кража вверенных ей денег обсуждалась за каждым столом, запивалось каждой кружкой темного пива, поглощалось вместе с яичницей и беконом.

Джек, протолкавшись к барной стойке, окинул помещение цепким взглядом: от

висевшего в воздухе табачного дыма рассмотреть что-то дальше вытянутой руки представлялось проблематичным, однако Берроуза Джек разглядел почти сразу. Он сидел у окна рядом с дверью и потягивал выпивку в одиночестве...

Заказав омлет по-валлийски и кусок пирога, он, подхватив тарелку и кружку, направился к столику лейтенанта.

— Могу я присесть здесь? — обратился он к молодому мужчине, демонстрируя тарелку с едой.

Тот приподнял отяжелевшую голову и, одарив Джека затуманенным взглядом из-под набрякших век, брякнул:

— Валяй, парень, всё веселее будет.

Джек уселся напротив, оглядев с интересом предмет былой влюбленности мисс Блэки. Ничего примечательного, на его скромный взгляд, в Берроузе не было... Высок, хорошо сложен, в меру смазлив, ну так и некоторые другие выглядели не хуже. На свой собственный счет Джек особо не обольщался, но и не с ним мисс Аманда собиралась бежать...

— Чего не ешь-то? — спросил вдруг Берроуз. — Не голоден, что ли?

— Задумался, — Джек ткнул вилкой в омлет. — Все думаю, как и прочие, об исчезнувшей девушке и краже собранных денег.

Молодой человек усмехнулся:

— Ну-ну, нынче только ленивый не мусолит эту историю, — сказал он, отхлебнув из кружки с сальным блеском в глазах. — Ты, пожалуй, тоже был тайно влюблен в эту маленькую мисс совершенство? Я здесь много чего наслушался на её счет, но одно уяснил ясно: на королеву мая у многих в городке текли слюнки. Жаль, не повезло увидеть её воочию! — Берроуз вдруг хохотнул, и Джек подивился внезапно вспыхнувшему желанию заехать по его ровным зубам, оголившимся до самой десны. Он стиснул зажатую в руках вилку и вонзил её с силой в омлет.

— Любовь, любовь, — продолжал между тем Берроуз, не переставая прикладываться к полной кружке, — все наши проблемы из-за этого гадкого чувства... — Джек наострил уши. — Я ведь тоже когда-то любил, по-настоящему... — взгляд его сделался то ли томным, то ли больным. — Как тебя кличут, приятель? — Джек назвал, и Берроуз продолжил: — Да-да, именно что любил, приятель мой Джек. Проняло меня, знаешь, так до печенок... Мь даже бежать собирались, а потом — бац! — один лживый, больной на голову ублюдок спутал все наши планы. Вся моя жизнь, что говорится, пошла наперекосяк... — Он снова сделал глоток, осоловевший и чуточку невменяемый, вдруг жмякнул ладонью по столу. Звук потонул в общем гвалте, но Джек все-таки вздрогнул от неожиданности. — Спасти я был должен её, понимаешь, спасти? Приложить все усилия и спасти, — с ожесточением вскинулся пьяница. — Вот тогда Риверстоуны не отказали б нам в браке. Благословили бы, пусть и считали меня недостойным их доченьки... Но разве ж я знал... — сдввшись, захныкал мужчина. — Я ведь думал, она просто-напросто передумала и домой воротилась. А потом, как услышал, что её спас мальчишка, нищеврод из трущоб, во мне аж вздыбилось всё. Чертова несправедливость!

Джек сглотнул. От признаний Берроуза в нём самом всколыхнулось что-то глубинное, тёмное... Представлять этого типа мужем мисс Блэки было сродни медленной пытке. И всё-таки жалость и отвращение к этому человеку наполняли душу одновременно.

И вдруг наводнявший помещение гвалт стих, как по взмаху руки — Джеку подумалось даже, не оглох ли он в долю секунды! — а глаза всех присутствующих устремились на

вошедшего в паб рослого парня с дорожным мешком на плече. Тот так и замер, растерянный, на пороге, сбитый с толку странным приёмом:

— В чём дело, приятель? — обратился он к одному из мужчин за ближайшим столом. — Чего вылутился, как на призрака? Или видишь первые?

И тогда кто-то выдохнул:

— Линч?..

— Он самый, — пробасил молодой человек, — авось не впервые видимся. Всю жизнь прожили бок о бок соседями... Что случилось-то? Или соскучился?

— А ты разве не убёг в Гретна-Грин с девчонкой Андерсен?

Ролф Линс нахмурился, сведя черные брови на переносице.

— Это еще для чего?! — осведомился он мрачно. — Я ходил в Мидлсек чинить притвор тамошней церкви. — И громче: — С чего бы нам бежать в Гретна-Грин? Нам давно родительское благословение дано.

Подвыпившие мужчины молча переглянулись: первоначальная версия констебля Льюиса рассыпалась в прах.

— Ты садись, Ролф, не стой... — сказал кто-то, придя наконец-то в себя. — В ногах правды нет. — И хозяину: — Эй, Барри, налей-ка ему пинту светлого! Парню бы горло после долгой дороги смочить. — И снова Ролфу: — Разговор к тебе есть... неприятный.

Молодой человек, уже предчувствовавший беду, присел на свободное место с опаской.

— С Сюзанной что? — первым делом прошептал он. Мужчины сразу понурились, и кадык Линча дёрнулся дважды. — Что с ней? Она захворала?

— Тут дело такое, — замялся его собеседник. — Ты главное не волнуйся, приятель... Вот, выпей, промочи горло. — Он подвинул ему принесенную хозяином кружку. — Понимаешь... пропала Сюзанна, со вчерашнего вечера не вернулась домой... Да и с ярмарочными деньгами сыр-бор получился. Ну в общем, к констеблю тебе надо явиться... Недоразуменьице вышло. Ты главное не волнуйся...

Этот набор сбивчивых фраз возымел на слушателя совершенно противоположное действие: Ролф Линч, подхватившись со стула, ухватил мужчину за куртку.

— Выражайся яснее ты, Гарри Корбол, — пророкотал он в лицо доброхоту, — или я из тебя весь дух вытрясу! — И встряхнул его хорошенько для полной наглядности.

Мужчина крикнул, затряс головой, но выдал без выкрутасов:

— Пропала твоя зазноба, ты не серчай уж, ночь и день не появляется. Констебль Льюис предположил, что вы с ней того, подались в бега, деньги приютские прикарманив.

Ноздри Линча раздулись, как у рассерженного быка... Лицо покраснело, того и гляди удар хватит. Выпустив Гарри Корбола, он развернулся и стремительно вышел за дверь. Сопровождавшая недавнюю сцену гулкая тишина взорвалась еще более оглушительным гвалтом, чем прежде, и Джек с Берроузом молча переглянулись.

— Выходит, малышка одна умыкнула все денежки, — осклабился выпивоха. — Нашла себе полюбовничка и была такова...

Но кто-то вдруг возразил, словно расслышав эти слова:

— Искать ее надо. Сюзанна не так просто пропала... За этим стоит нехорошее, помяните мои слова.

— Согласен, — поддакнул другой. — Надо искать её. Завтра же, не откладывая надолго!

Берроуз лишь ухмыльнулся и допил свою кружку одним долгим, тягучим глотком.

Берроуз знатно набрался и еле стоял на ногах, Джек вел его по вечерним улицам Хартберна, закинув его руку себе на плечо.

— Трепещут мачты корабля, Как будто силу ветра меря... Пред тем, как скроется земля, Пью за тебя, малютка Мэри! — напевал молодой человек фальшивым голосом.

Джек невольно кривился, но тащил его дальше, недоумевая в душе, каким шальным ветром судьба свела их в столь тесном знакомстве. Тесном настолько буквально, что парня вело от перегара Берроуза... Он отворачивал голову, но веселый пропойца нет-нет да лез к нему с разговорами.

И вдруг его настроение изменилось, как и репертуар песен: теперь Берроуз запел о несчастной любви.

— Прощай, красавица моя! Я пью твое здоровье. Надоедать не стану я Тебе своей любовью. Прощай, прости! Перенести Сумею я разлуку. А ты смекни да разочти, Кому отдашь ты руку. — Едва прогорланив этот куплет, он вскинулся вдруг, словно подброшенный разжатой пружиной, и попытался сфокусировать взгляд, устремленный на Джека. — Будь я проклят, — вскричал он яростно, — если позволю мисс Блэгни променять меня на надутого индюка с напомаженными усами! Не бывать этому, Джек, не бывать. — И сделав два шага, он продолжал в том же духе: — Сам посуди, кто он и кто я: я — лейтенант английского флота Его Величества, а этот... с усами, всего лишь жалкий торгаш, нажившийся на строительстве железных дорог. Ну, скажи, кто из нас в более выгодном положении? Кто?

Джек полагал, что состоятельный джентльмен имеет явное преимущество перед бедным морским лейтенантом с дырой в кошельке.

И сказал только:

— Тут и сравнивать нечего.

Но Берроуз, истолковав эту фразу иначе, с радостью подхватил:

— Вот и я о том же, приятель. Она не может на самом деле желать променять МЕНЯ на какого-то торгаша?! — И спросил вдруг: — Ты знаешь мисс Блэгни? Племянницу этой толстухи Карлайл. — Джек кивнул, и Берроуз вздохнул: — Что тут скрывать, эта девица и есть моя давняя и мучительная любовь. Хороша, согласишься? Губы как розы. Как вспомню... — Джек побледнел, представив, как этот Берроуз целует мисс Блэгни, делает то, что ему только грезилось в самых смелых мечтах. — И пусть она нынче не в духе, пусть ей кажется, что любовь миновала... — продолжал молодой человек, не обращая внимания на собеседника. — Всё может перемениться. Женские чувства непостоянны, словно Гольфстрим...

— Так вы поэтому прибыли в город, хотели с мисс Блэгни поговорить? — осторожно осведомился Джек.

— Хотел... и даже поговорил, приятель мой Джек! — признался Берроуз с готовностью. — Но она всё ещё обижена на меня... Велела уйти и больше не возвращаться.

От этих слов у Джека стало легче на сердце. Он взбодрился, пусть по-прежнему ощущал колючую неприязнь к мнимому другу.

А тот всё не унимался:

— Но я знаю, как все исправить, — вещал он в пьяном экстазе, совершенно уверенный в своих силах. — Я докажу ей, чего стою на самом деле: я отыщу Мисс Совершенство и верну украденные средства. И когда я сделаю это, Аманда не устоит предо мной: она увидит, какой я герой и сама бросится мне на шею с просьбой о скорой помолвке. Тут уж тянуть я не стану: увезу её в Гретна-Грин — и дело с концом. Уверен, её папаша не станет долго упрямиться и

примет нас в лоно семьи с распростёртыми объятиями. — И вскинув норовившую завалиться на плечо Джеку голову: — Что, как тебе план? Хорош, согласишься?

План был ужасен по многим причинам, но объяснять это пьяному лейтенанту у Джека не было ни сил, ни желания.

— Может сработать, — пожал он плечами, полагая, что утром молодой человек вряд ли вспомнит о ночном разговоре.

— И сработает еще лучше, если ты мне поможешь, — не унимался Берроуз. — Ты ведь местный, Джек, — заискивая, глянул он на него, — все пути и дорожки здесь знаешь, тайные тропки. Помоги отыскать вертихвостку-святошу, и я по гроб жизни буду тебе благодарен.

От подобного предложения Джек несколько растерялся.

— Ээ... не знаю, что и сказать...

— А зачем говорить?! — хлопнул его по плечу собеседник. — Помоги в поисках... и неплохо подзаработаешь.

Деньги Берроуза, будь они у него в самом деле, Джека ничуть не интересовали, однако он сделал заинтересованный вид и позволил скрепить состряпанный в пьяном угаре уговор рукопожатием. Вспомнит Берроуз о нем или нет, как только проспится, не имело значения: быть в курсе его дел — вот всё, что для Джека было действительно важным.

Итак, они вместе ввалились в двери съемной квартиры Берроуза, и Джек наконец-то сгрузил спутника на кровать в маленькой спальне. Тот к этому времени совершенно осоловел и захрапел почти сразу, как его тело распласталось поверх ажурного покрывала миссис Хилл.

Джек постоял у кровати, глядя на эту малопривлекательную картину и размышляя, что подобное зрелище убило бы всякое чувство в груди любой уважающей себя девушки, имей она хоть какие-то виды на этого конкретного джентльмена.

После этого он осмотрелся в гостиной, коли выпал благоприятный момент, и зацепился взглядом за уголок конверта, торчавший из томика стихов Роберта Бернса. Врожденное любопытство, вступившее в противоборство с привитыми миссис Уиггинс правилами благопристойности, все-таки победило, и Джек, вынув из книги конверт, углубился в чтение делового, как оказалось, письма.

Весь смысл витиеватых фраз сводился к тому, что лейтенант Уильям Берроуз уволен со службы в связи с неподобающим поведением и дракой, повлекшей за собой смерть сослуживца.

Джек дважды перечитал содержимое, полагая, что мог ошибиться в его понимании, ведь не далее часа назад тот самый уволенный со службы Уильям Берроуз кичился своим военным мундиром и ни словечком не обмолвился об увольнении. А не в этом ли обстоятельстве кроется истинная причина его появления в Хартберне? Не потому ли он ищет расположения богатой наследницы, что, опозоренный и никчемный, он остался без пенса в кармане?

Припомнился и флакон с лауданумом на столике у кровати, и покрасневшие, словно больные глаза, и нервозность, приписанная им по незнанию выпитому Берроузом алкоголю.

А что если дело не в алкоголе?

Что, если всё много хуже... Джек повидал немало несчастных, готовых на все ради бутылочки опиума или дозы морфина. Берроуз, вполне могло стать, именно из таких...

Вернув письмо в книгу, Джек покинул квартиру с гнетущим ощущением на душе. Голову распирало от обилия мыслей...

Он не спеша побрел к дому, позволяя вечернему воздуху охладить жар в своей голове.

Занятия в школе отменили в связи с поисками Сюзанны Андерсен. И Джек, направляясь к квартире Берроуза, видел жителей Хартберна, собирающихся у паба... Они дожидались констебля, чтобы разбиться на группы и отправиться на поиски. Джек охотно присоединился бы к ним, но для начала собирался позвать с собою Берроуза — этого парня не стоило оставлять одного. Вдруг ему снова приспичит навеститься к мисс Блэгни...

К тому же миссис Уиггинс уполномочила Джека занести Андерсенам кусок своего лучшего пирога и тем самым выразить им поддержку.

Он едва не выронил его на пол, когда миссис Хилл, хозяйка квартиры, прикрикнула на него из распахнутого окна:

— Чего тебе надобно, мальчик? Зачем колотишься в дверь, словно в день Второго пришествия?

— Я к мистеру Берроузу, мэм, — отозвался Джек с обезоруживающей улыбкой. — Мы сговорились искать мисс Андерсен вместе.

Старуха насупилась и проворчала под нос:

— Час от часу не легче. Не город, а клоака какая-то. Просто дверь толкни... — И с такими словами захлопнула створку окна.

Джек толкнул дверь, та легко поддалась. Берроуз так и не запер её со вчерашнего дня...

Завидев на постели неподвижное тело, он замер на миг — очень уж ему не везло на мертвецов! — однако прикоснувшись к плечу молодого мужчины, понял, что оно теплое.

— Просыпайтесь, мистер Берроуз, — затряс он спящего за плечо, — иначе девушку отыщут без нас.

Молодой человек замычал, взмахивая руками, казалось, Джек был назойливой мухой, донимавшей его.

— Сюзанна Андерсен, не забыли? — не отступился от своего Джек. — Вы собирались выставиться героем перед мисс Блэгни.

— Героем... что... какая Сюзанна? Не понимаю, — мычал Берроуз с похмелья, кое-как принимая вертикальное положение.

В конце концов у них ушло больше часа на то, чтобы привести бывшего лейтенанта в порядок, но и выйдя из дома, тот еле волочил ноги, оберегая от тряски больную голову.

Таким образом еще около получаса ушло на дорогу до фермерских угодий Андерсенов, находившихся на краю Хартберна: двух крепких жилых домов с коровником и овином. В одном из домов проживал старик Андерсен (ныне покойны) с семьей младшего сына, в другом — старший сын, Уиллис Андерсен, с женой и исчезнувшей ныне дочерью.

Джек постучал в двери старшего Андерсена, и миловидная женщина с красными, заплаканными глазами открыла ее с такой надеждой во взгляде, что парню стало неловко разочаровывать ее своим видом.

— Простите, что беспокою вас, миссис Андерсен, — произнес он, — но вам гостинец от миссис Уиггинс. — Джек протянул ей корзинку.

Женщина приняла ее с грустной улыбкой...

— Передавай ей мою благодарность, Джек, — отозвалась она, сдерживая близкие слезы. Джек смутился, и Энисса Андерсен с грустью вздохнула: — Прости, дорогой, всё реву и реву — глаза выплакала. Не успокоюсь никак... — Она утерла нос фартуком. — То свёкор умер, то эти скандалы из-за земли, а теперь вот дочка пропала... Видно, нет грешным покая на этой земле! — заключила она горестным тоном. — Так и сбежала бы на край света... Сил

моих больше нет.

Джек покидал порог её дома с тяжелым сердцем — найти Сюзанну живой хотелось по-настоящему сильно. А тут Берроуз с больной головой, еле ноги передвигающий...

Где он, кстати?

Джек глянул по сторонам и заметил того на поляне, собирающим... незабудки.

— Чем это вы тут занимаетесь? — насмешничал он. — У нас нет времени на цветочки.

— Пахнут дивно, — признался молодой человек. И спросил: — Разве не эти цветы нашли в ящичке для пожертвований? Наверное, Мисс Совершенство собирала их где-то неподалеку...

Джек совсем упустил эту мелочь из виду и теперь, глянув на цветы в руках у Берроуза новым взглядом, поразился пришедшей в голову мысли.

Они шагали вдоль Кирклендского леса, между вспаханным полем Андерсенов и утопающей в голубом море незабудок опушкой... Тонкий, едва различимый аромат с легкой горчинкой шлейфом стелился над покрытой росой зеленью. Джек вдыхал его, почти одурманенный, увлеченный красотой этого места, и едва не пропустил отблеск металла в траве. Тот бликовал, поймав солнечный луч, и Джек замер, как вкопанный... Берроуз, притихший и поскуцневший, молча шагавший за ним, поднял голову и глянул на проводника.

— Что случилось? — спросил чуть насмешливо, без особого интереса. — Еще одно озарение?

Джек молча снес его колкость и, опустившись на корточки, раздвинул траву: там, блестя капельками росы, лежала монета в полкроны. Глаза Берроуза вспыхнули: то ли от жадности, то ли от предвкушения тайны — Джек так и не понял.

— Такие деньги запросто так не теряют, — произнес молодой человек, поднимая с земли находку. — Как думаешь, эти полкроны имеют какое-то отношение к пропавшим деньгам?

Джек глянул по сторонам.

— Вполне может быть, — отозвался без особой уверенности.

Его догадка насчет букетика незабудок, оставленного в пустом ящичке для пожертвований, привела их на эту благоухающую цветами опушку. Чисто интуитивно парень предположил, что свежий букетик нужно было где-то сорвать, а букетик, хоть и подвявший, был именно свежим, сорванным меньше суток назад.

— Еще одна! — Берроуз устремился вперед с загоревшимися глазами и поднял с земли другую монету. Трехпенсовик с щербатым краем.

И тогда, повинувшись охотничьему азарту, Джек с лейтенантом, уткнувшись взглядами в землю, принялись прочесывать каждую пядь на предмет новых находок. И те не заставили ждать: сначала они обнаружили брошенную в подлеске лопату, после — участок свежевскопанной земли, орошенный... нет, не росой — пригоршней медных полупенсовиков.

— Полагаю, кто-то проявил небрежность, закапывая украденное на поле, — хмыкнул Берроуз, подхватывая черенок лопаты. — Наверное, торопился или действовал в темноте... — Он вонзил штык в рыхлую землю и взялся копать. — Сейчас посмотрим, что там припрятано. Забавно, однако!

Джек, наблюдая за его спорой работой с пристальным интересом, радостным не казался: проявленная вором небрежность казалась через чур нарочитой, неправильной. Здесь

явно было что-то не так...

И отголоском его собственных мыслей прозвучал вскрик Берроуза... Пронзительный, страшный, такой, что птицы в лесу загалдели тревожными голосами. У Джека мороз пробежался по коже, а Берроуз, и без того бледный от недосыпа и пьянства, сделался вовсе прозрачным. Только большие глаза и глядели с перепуганного лица темными безднами.

— Там, — выдохнул он заиндедевшими вдруг губами, указывая себе под ноги.

Джек, приблизившись к краю ямы, заглянул внутрь.

Что-то мертвенно-белое лежало в земле. Кость животного или...

— Рука... — клацнул зубами Берроуз. — Это женская рука, Джек. Скажи, что я ошибаюсь? — Лопата вывалилась из его рук, и сам он, по-прежнему бледный, отдаленно и сам похожий на труп, выскочил из вырытой ямы.

Мысленно Джек уже догадался, кому именно принадлежала обнаруженная конечность, но все-таки, пересилив себя, спрыгнул в яму и смахнул землю с присыпанной ею женской руки. Та явно принадлежала молодой девушке, привычной к тяжелой работы... И Джек, прокопав пальцами землю вдоль предплечья погибшей, отпрянул, коснувшись холодного, словно лёд, подбородка.

— Это она, исчезнувшая святоша? — осведомился Берроуз, наблюдая за Джеком с приличного расстояния.

Джек кивнул.

— Надо констеблю Льюису сообщить. Вы останетесь здесь, пока я схожу за ним в город? Пожалуй, не стоит оставлять это место совсем без присмотра...

Берроуз выглядел так, словно у него колики в животе.

— Не уверен, что хочу оставаться здесь в одиночестве, — произнес он дрогнувшим голосом. — К тому же вряд ли в таком состоянии бедняжке понадобится компания, разве нет?

Джеку потребовалось немалых усилий уговорить его все же остаться рядом с холодной, как мрамор, Сюзанной Андерсен... И, когда воротился с констеблем Льюисом и парой его подручных, застал Берроуза спящим под кустом можжевельника с безмятежностью истинного младенца. Даже земляные работы, предпринятые служителями закона по выкапыванию мертвой девушки, не сразу пробудили экс-лейтенанта от его богатырского сна. Правда, когда её труп уложили в брезент, и констебль Льюис заговорил об испачканной в земле стОле, Берроуз, уже какое-то время бодрствовавший, кинул вдруг: «Мне точно не помешает напиток». И зашагал в сторону Хартберна...

Джек бы мог кое-что рассказать по этому делу, высказать предположения, возникшие в голове, но констебль не дал ему даже слова сказать, заявив, что «ребенку» не место в полицейском расследовании. А ведь рассыпанные монеты, словно хлебные крошки, казалось, нарочно вели к могиле Сюзанны Андерсен, и об этом ему мог рассказать только Джек и Берроуз, но второй явно не в счет. К тому же, вышитая серебром стОла, обнаруженная на теле умершей, и рана на её голове, нанесенная камнем, лежавшим здесь же, в ногах, говорили о многом. Но недалекий констебль, Джек ясно видел, не обратил на это внимания. И отосланный вслед за Берроузом, он ощущал себя бесполезным, разочарованным и сердитым одновременно...

А Берроуз, которого он вскоре нагнал, еще возьми и скажи на полном серьезе:

— Воистину некоторые словно нарочно притягивают всевозможные беды, ты не задумывался об этом? — И так как вопрос был риторическим, сразу же продолжал: — Рядом

с ними постоянно случается что-то плохое! Сам посуди, стоило малышке Аманде поселиться в окрестностях Харберна, как в городке мало того, что произошла кража, так еще окочурилась эта девица... — Он, должно быть, припомнил умершую, так как его передернуло. — Может, и к лучшему, что мы с ней не вместе, как думаешь? После нашего прошлого раза я был сослан из Лондона на корабль, лишившись всякой надежды на продвижение и достойное будущее. Да и мало ли что сделал с ней Мейбери... — он прищурил глаза, многозначительно глядя на Джека. — Тот, заметь, на ней помешался. Тоже, может быть, неспроста? Может, есть в ней что-то такое... ядовитое, знаешь ли, роковое. Пробуждающее в мужчинах самое низменное, плохое... Говорят, есть черные вдовы, и Аманда, быть может, как раз из таких. Её только в кунсткамере выставят с табличкой «Близко не подходить! Опасно для жизни».

Берроуз хохотнул над собственной шуткой, развеселившись вдруг.

И Джек, сжав кулаки, произнес:

— Полагаю, вы не совсем справедливы к мисс Блэгни. Она вряд ли желала извращенной страсти кузена, да и с погибшей связана не была...

Берроуз остановился и поглядел прямо на Джека.

— Защищаешь ее? — искренне удивился. — С чего бы вдруг? И откуда узнал про кузена? — дошла до него запоздалая мысль. В глазах вспыхнуло подозрение, поза сделалась напряженной.

И Джек, слишком взвинченный, чтобы сдержаться, высказал наболевшее:

— Мисс Блэгни не заслужила, чтобы такой... мерзавец, как вы, порочил ее доброе имя, — вскинул он подбородок. — Я запрещаю вам даже заикаться о ней, особенно в столь оскорбительном тоне.

Но физиономия Берроуза вдруг расплылась в улыбке, такой насмешливо-оскорбительной, что у парня потемнело в глазах.

— Кто ты такой? — спросил он. — Её личный паж, мальчик на побегушках. — Джек молчал, сцепив зубы, и тот процедил: — Как смеешь ты, безродный слизняк, затыкать рот джентльмену?! Да я тебя...

Джек, оборвав его, произнес:

— Я тот самый «нищоброд из трущоб», который спас от безумца вашу возлюбленную, Берроуз. Сделал то, что не сделали вы, буду слишком заняты выпивкой в пабе. Я видел тогда вас в компании ваших друзей, упившимся вдрызг. Вам ли теперь выставляться героем?

Пораженный и злой, Берроуз прожигал Джека взглядом.

— Так ты тот мальчишка... — его губы скривились, — тот... босяк... Вот ведь пассаж, право слово: малышка Аманда обзавелась тайным поклонником, — язвительно кинул он, взмахивая руками. И хохотнул: — У нее всегда была склонность к недостойным мужчинам. Но ты...

Джек точно не помнил, как это вышло: словно в тумане, он подался вперед, и рука, вскинувшись, кулаком впечаталась в скулу бывшего лейтенанта.

Берроуза развернуло, он, вскрикнув, схватился за скулу... прищурил серые, словно отблеск металлической гильзы глаза.

— Щенок... я тебя... — выплюнул он перекошенным ртом, сплюнув кровью. — Я тебя...

У Джека шумело в ушах, он различал только губы противника, складывавшиеся в слова, но не слышал ни звука.

— Вы не достойны мисс Блэгни, — глухим голосом просипел он. — И я даже рад, что кузен помешал вашему бегству. Вы бы сделали ее очень несчастной...

И звуки вернулись, накрыв его с головой.

— Что ты вообще понимаешь в достоинстве, мелкий крысёныш? И в счастье, — ударило по ушам. — Женщинам нравится военная форма... Я по любому ее очарую. Опять.

— Вряд ли получится, — сказал Джек, — вас уволили с военной службы. И мисс Блэгни узнает об этом, если только вы не покинете Хартберн по собственной воле...

Удар угодил точно в цель, и экс-лейтенант спал с лица, вскинувшись.

— Ты копался в моих вещах, грязный мерзавец?! Хотел деньгами моими поживиться?

— А они у вас есть? — язвительно кинул Джек. — Сомневаюсь. Вы хотели поправить дела с помощью брака, не так ли? Но, увы, опоздали: богатый жених предпочтительней нищего бывшего лейтенанта. Сомневаюсь, что вам что-то светит!

Берроуз, издав яростный рык, с побагровевшим лицом, подался было вперед, готовый наброситься на парнишку, но сдержался вдруг.

Усилием воли взял себя в руки и процедил со снисхождением в тоне и взгляде:

— Я не имею дела с плебеями! — И, развернувшись, пошел по дороге стремительным шагом.

Джек долго глядел ему вслед, сожалея о несостоявшейся потасовке: подраться по-детски хотелось, выразить кулаками свое презрение, жгучую неприязнь. Показать, кто есть кто... И болью физической заглушить более сильную боль, сладить с которой не получалось.

— Слышал, что творится-то, Джек? Сюзанну Андерсен нашли мертвой, — такими словами встретила Сара-Энн Джека, занятая полировкой серебряных ложек.

— Слышал, — глухо откликнулся он. — Бедная девушка! — Рассказывать, что именно он её и нашёл не хотелось, вообще не хотелось говорить о смертях.

— Вот и я о том. Бедная миссис Андерсен, такая достойная женщина, и — на тебе! — горе какое.

Вошедшая в комнату миссис Уиггинс поглядела на сникшие лица своих домочадцев и сразу всё поняла.

— Я слышала, денег при ней не нашли, — то ли спросила, то ли констатировала она. — Разве что несколько мелких монет да священническую стОлу... Странно всё это, вы не находите? — вот теперь уже точно спросила она.

Джек плечами пожал.

— Возможно, в стОлу завернули украденные из ризницы деньги, — предположил он. — Разве не там же священники хранят своё церковное облачение?

— Там, — подтвердила миссис Уиггинс. — И всё-таки странно, что воспользовались именно ей. Наверняка там были и более подходящие вещи...

Спорить не было смысла: Джек и сам задавался тем же вопросом.

Он только спросил:

— А в чем причина разлада между братьями Андерсен? Слышал, что после смерти отца они разругались смертельно...

— Так все дело в ферме, — вздохнула миссис Уиггинс, присаживаясь за стол. — Старик Андерсен, миную старшего сына, завещал землю и главный дом младшему сыну, Уоррену Андерсену. И старшему это, само собой, не понравилось...

— Почему же он так поступил?

— А поди разбери, что было тому причиной (никто толком не знает): одни говорят, что у старшего, Уиллиса Андерсена, душа к земле не лежала, и старик знал об этом, другие ссылаются на Эннису, жену того же Уиллиса: мол, у них со свекром вышел конфликт, и тот назо ей обошел в завещании старшего сына, ее мужа, то бишь.

Они замолчали, думая о своем, и Сара-Энн, нечаянно звякнув ложкой, вздохнула вдруг:

— Страшно представить, кому пришло в голову, закопать дочь на поле родного отца... Безумие просто. Даже помыслить о таком страшно...

Происходящее, в самом деле, попахивало безумием, Джек был с ней абсолютно согласен, но безумием целенаправленным, где убийство мисс Андерсен и похищение собранных денег было каким-то образом взаимосвязано между собой. Но каким именно?

Джек подумал, что стоило расспросить Грира об этом: тот постоянно сновал по округе, высматривал, подмечая самое важное, вдруг заметил что-то способное пролить свет на произошедшие преступления.

Решено: этим вечером он наведается в Призрачные пещеры и расспросит Эмоса Грира о событиях этого и предыдущего дней.

Сказано — сделано. Едва миссис Уиггинс, управившись с делами по дому, поднялась к себе, Джек выскользнул за калитку. Прошел по главной улице к ферме Андерсенов, свернул на проселочную дорогу и прогулочным шагом зашагал, направляясь к Пещерам. Теперь, разгадав тайну Снежного человека, он не таился, как прежде, вздрагивая при каждом шорохе, звуке... Шел, занятый мыслями о мисс Блэгни, Берроузе и погибшей мисс Андерсен. Столько всего с ним случилось за последнее время, что мысли несли его полноводной рекой, не затихая ни на секунду...

И вдруг в лесу хрустнула ветка.

Словно выстрелил кто-то...

Джек, полностью погруженный в себя, замер с громко ухнувшим сердцем. Присмотрелся... Непроглядная тьма деревьев в лесу казалась темнее мрака пещер... Прокричала сова. Где-то в Хартберне брехала собака.

Наверное, там, в темноте, бродила косуля или дикий кабан... Джек усмирил громко стучавшее сердце и направился дальше, правда, теперь, уже не витая в своих собственных мыслях, а вслушиваясь в тишину ночи.

Но треск веток больше не повторился...

И Джек, выйдя ко входу в пещеру, в последний раз оглянулся. Никого. Собрался уж было окликнуть Эмоса Грира (тот сказал, где именно нужно позвать, чтобы он услышал его в своей тайной пещерке), как парня окликнули:

— Вот, значит, где ты гуляешь!

Пораженный, Джек оглянулся и увидел ствол револьвера, направленный на себя.

Берроуз, а был это именно он, расправив плечи, насмешливо улыбался, глядя на парня.

— Как вы здесь оказались? — вскинулся Джек, как только прошел первый испуг. — Следили за мной?

— Было дело, — легко согласился Берроуз. — Я разгадал твою тайну, крысёныш, — добавил, прищутив глаза.

Он это об Эмосе Гриве?

— Не понимаю, о чем вы, — откликнулся Джек, сунув руки в карманы и по мере возможности изображая невозмутимость, которой не очень способствовало, надо признать, револьверное дуло.

Молодой человек усмехнулся:

— Понимаешь, лондонское отребье, ещё как понимаешь. Думаешь, обманул меня, да? Полагаешь, Уильям Берроуз дурак, не догадавшийся, с какой стати ты поволок меня за собой на поиски Мисс Совершенства? Все эти цветочки, монеты в траве, лопата, в конце концов... — Говоривший скривился презрительно, дернув рукой. И замолк на секунду, словно ждал чего-то от Джека...

— И все-таки не понимаю, — повторил тот, сбитый с толку его страстной тирадой.

Берроуз, явно разочарованный, сплюнул на землю и процедил:

— Это ты убил эту девчонку, не отпирайся. Задурманил дурочке голову, подговорил украсть деньги, мол, вы уедете в Лондон или что-то подобное, а потом, когда она сделала это, просто избавился от нее, как от ненужной помехи. — Тут Берроуз осклабился: — Ты ведь у нас не о фермерской дочке мечтаешь, не так ли, Джек Огден? Тебе подавай кого познатнее. Мисс Блэки, к примеру... — Джека настолько поразили эти слова, что он не сразу нашелся с ответом, и Берроуз, превратно это истолковав, продолжал в том же издевательском тоне: — Вот только несколькими жалкими фунтами не покорить сердце малышки Аманды... Она, знаешь ли, привыкла к дорогим нарядам и украшениям, вкусной еде и жизни в комфорте. А ты, — он помахал в воздухе револьвером, — только прах под ее аристократическими ногами. Мусор, прилипший к подошве дорогих туфель! Игрушка, которой она игралась от скуки... — И с напором: — Где деньги, щенок? Спрятаны в этой пещере? Ты сейчас же отдашь всё до пенса подобру-поздорову.

Изумление, вызванное словами Берроуза, сменилось в душе паренька приступом яростного негодования. Воистину только мозг, одурманенный лауданумом и алкоголем, мог придумать нечто подобное!

— Ничего я вам не отдам! — заявил он, вскинув вверх подбородок. — Я не крал этих денег и тем более не убивал бедную девушку. Вы просчитались, Берроуз...

— Не дури меня, недоносок! — взвизгнул тот истерическим тоном. — Ты не просто так заявился сюда этой ночью... Либо здесь припрятаны деньги, либо... у тебя назначено здесь свидание? — губы Берроуза расплылись в пошлой улыбке.

Джек стиснул зубы и кулаки, до дрожи в пальцах хотелось отмутузить нахального типа, махавшего револьвером, как машет веером светская дебютантка.

— И с кем же? — сквозь зубы процедил он.

— Ясное дело, с вертихвосткой Амандой, — также сквозь зубы отозвался Берроуз. — Рассказать ей надумал, не так ли? Наушничать у меня за спиной. Полагаешь, что, выставив меня идиотом, сам сделаешься героем? Как бы не так. — Затвор револьвера оглушительно щелкнул, воздух сгустился в преддверии выстрела. Джек ощутил холодок, пробежавший по коже, и комок в горле...

Он не хотел умирать. Не сейчас и не так.

И когда за спиной Берроуза мелькнула какая-то тень, он не сразу сообразил, что это было. Глядел в темное дуло, словно загнипнотизированный кролик... И вдруг, глухо ойкнув, его возможный убийца повалился на землю. И только тогда Джек увидел дубинку в руках Эмоса Грира...

— Что за страсти египетские?! — провозгласил нежданный спаситель, округляя глаза. — Еще чуть-чуть и ты сделался б трупом, — попенял он парнишке осуждающим тоном. — Что этот тип хотел от тебя? — Грир ткнул бесчувственного Берроуза ботинком под ребра. — Тот самый франтик, из чужаков...

Джек, которого только теперь отпустило, клацнул зубами, обхватив плечи руками.

— Он полагает, что я причастен к убийству Сюзанне и краже похищенных денег, — рассказал он. — Говорит, они спрятаны в этой пещере...

— Эээ, — крикнул Грир, задумчиво почесав макушку, — это, знаешь ли, скверное дело, приятель... Что если он поделится этими мыслями в городе, и народ явится сюда с обыском?

Джек возмущился:

— Ты, как обычно, только о своей шкуре и думаешь, а он, между прочим, считает убийцей МЕНЯ, меня, а не кого-то другого... Как думаешь, что случится, поведай Берроуз об этой догадке констеблю? Этому Льюису с соломенными мозгами...

— Полагаю, мало тебе не покажется, — хмыкнул Грир, глядя на тело у своих ног. И посерьезнев: — Наверное, стоит связать его, спрятав в пещере на какое-то время. Не хотелось бы, чтобы он наделал проблем... нам обоим, сам понимаешь.

— А потом что?! Мы не сможем держать его связанным вечно.

Паника совершенно некстати накрыла Джека. Быть оклеветанным, обвиненным в чужом преступлении... Не иметь ни возможности, ни моральных сил объясниться с мисс Блэки, оправдать себя — это ли не наказание?

— Вечно и не придется... я полагаю, — задумчиво отозвался его собеседник. — Просто дождемся, пока отыщется настоящий преступник, а потом его выпустим. Вот и всё!

Джек вцепился пальцами в волосы.

— Как ты не понимаешь, усилиями констебля Льюиса он никогда не найдется! Этот безмозглый тупица способен лишь поедать жирный пудинг, запивая его темным элем.

Грир казался задумчивым, как никогда... Наклонившись, чтобы поднять выпавший у Берроуза револьвер, он нерешительно произнес:

— Предположим, я кое-что видел...

— Что именно? — Джек подался вперед, превратившись в один вопросительный знак. И горящий надеждою взгляд.

Эмос Грир ответил не сразу.

— Человека... рывшего яму неподалеку, — произнес наконец тем же нерешительным тоном.

— На поле Андерсенов?

— Я полагаю.

— И ты знаешь, кто это был?

— Знаю. Вот только ты, Джекки, мне не поверишь! — и Грир, взвалив Берроуза на плечо, пошел ко входу в пещеру. — Пойдем, — позвал он приятеля, — обмозгуем... Да и этого надо связать, — указал на Берроуза. — Пока не очухался...

Полный нетерпеливого ожидания, Джек метнулся за Эмосом Гриром и последовал за обоими в темноту Призрачных пещер.

Рассвет еще только занимался, а Джек, миновав окраину Хартберна, толкнул дверь съемной квартиры Берроуза. Ключ от нее был реквизирован из кармана последнего, пока он, бесчувственный, лежал связанным в пещере.

И теперь, ступая по коридору, Джек отчетливо слышал в своей голове слова Грира: «Пусть миссис Хилл полагает, что её постоялец отбыл ранним утром под пение петухов. Мало ли что взбредет в голову молодому повесе!»

Джек не знал, было ли это решение верным, но, складывая в дорожную сумку комплект

сменной одежды Берроуза, его томик стихов с пропавшим куда-то письмом, станок для бритья и неказистую табакерку, он очень надеялся, что спасает свою шею от виселицы. Все-таки, обвиненный в убийстве и краже, да не кем-то, морским офицером, пусть даже и бывшим, он рисковал не только своим добрым именем — жизнью.

Итак, последний раз окинув опустевшую комнату взглядом, Джек вышел и запер дверь на замок, опустив ключ в цветочный горшок. Авось миссис Хилл увидит его... И так, с чужим саквояжем и тяжелым грузом на сердце, он направился к дому, надеясь припрятать вещи Берроуза в своей комнате, пока не проснулись миссис Уиггинс и Сара-Энн, только потом он мог приниматься за вторую часть их с Эмосом Гриром плана.

Тот не был особенно заковырист, однако требовал проникновения в чужое жильё.

— Его нужно заставить признаться, иначе не сработает, Джек, — опять зазвучал голос Грира в его голове. — Согласись, ты и сам с трудом веришь тому, что я рассказал, другие тем более усомнятся... И стоит этому парню услышать предъявленное ему обвинение, как он, божась и клянясь, станет отнекиваться от смерти девчонки. Он-де не трогал её и в глаза даже не видел... Ему поверят, Джек. Еще как поверят!

— Что же нам тогда делать?

— Вынудить его сделать признание, как я уже и сказал. Вот, — мужчина протянул ему три золотых соверена, — жертвую своим кровным ради общего блага: подложи эти монеты в дом Уиллиса Андерсена, и тот не отбредется.

Засунув вещи Берроуза под кровать в своей комнате, Джек наспех позавтракал и, подхватив школьный ранец, снова вышел из дома. Идти на уроки он, ясное дело, не собирался: три соверена прожигали карман, и он, мечтая поскорее избавиться от монет, направился к ферме Андерсенов.

«Проникнуть в дом удобнее всего со стороны сеновала, там хлипкая щеколда на двери — ее легко поддеть любым тонким прутиком — а служанка туговата на ухо... Она напевает во время готовки и вряд ли что-то услышит. Просто дождись, когда миссис Андерсен выйдет из дома, и делай, что должен...»

Джек не стал уточнять, откуда Гриру известны такие подробности, полагал, что это вполне очевидно с его-то воровскими наклонностями, и сейчас, затаившись в темном углу за овином, выжидал подходящий момент с ледяными руками и громко стучащим сердцем. Вспомнилось, как он однажды подвизался с ворами, и что из этого вышло... С того раза парень зарекся против подобного. И теперь будто бы предал себя самого и инспектора Ридли, обещая ему быть достойным оказанного доверия... Успокаивал себя тем, что это не кража, а доброе дело, но сердце все же не унималось.

Наконец с посеревшим лицом вышла из дома и проследовала в коровник хозяйка. Двигалась она словно сомнамбула, толком не понимая, что делает, машинально... Джеку сделалось совестно за их с Эмосом план, но отступить было некуда, и он, оббежав дом по кругу, оказался у запертой двери. Поддел щеколду, скользнул мимо кухни, где гремела посудой служанка, в сторону спален и, оказавшись в хозяйской, огляделся в поисках места для трех золотых соверенов.

Грир сказал, яму на поле в ночь исчезновения девушки рыл мистер Андерсен, её, Сюзанны, отец. Поверить в такое было непросто, и Джек не сразу поверил, но жизнь в трущобах научила его верить в невероятное, принимать человеческую натуру в самых страшных ее проявлениях, допускать невозможное... Плохое случалось там, как ни крути, много чаще хорошего.

А потому, приподняв вышитый край покрывала, парень сунул монеты под матрас и поспешно ретировался той же дорогой, которой пришел. Ни одна живая душа его не заметила...

«Потом направляйся к индюку Льюису и, выставив себя простачком, расскажи о ночной прогулке к реке, когда якобы ты и заметил копавшего в поле Уиллиса Андерсена. Скажи, что именно потому ты и вздумал пройтись к этому полю, где обнаружил монеты и тело погибшей. В общем, парень, ты и сам знаешь, как и что говорить! Удачи, приятель».

Джек знал. Продумал каждое слово дорогой к пабу, негласному штабу констебля Льюиса, а потому легко завладел вниманием посетителей заведения и констебля, поведав свою выдуманную историю.

— Ну это ты, парень, загнул, — жуя, высказался констебль, дослушав его рассказ до конца. — Чтобы родной отец загубил собственное дитя... Не бывать этому! Не поверю, — категорично заявил он. — Это всё грязные домыслы, порождения дьявольского ума. Там, в ваших столицах, еще, быть может, возможно такое — Лондон — клоака, как ни крути! — но здесь, в нашей глубинке, люди добрее и проще. — И он, поглощая яичницу, смачно шамкнул губами, отринув саму мысль о подобном.

— Ну так всякое может случиться...

— Не случится, — возразил Льюис категорическим тоном. И дернул рукой, прогоняя парнишку: — Шел бы ты, мальчик, отсюда: нечего забивать наши головы детскими байками. Пшёл, пшёл... Работать мне надо, — и он поддел вилкой кусочек поджаренного бекона.

Однако помощник констебля, молчавший в сторонке, вдруг подал голос:

— Так может проверить все-таки, сэр... Чем черт не шутит!

— Не шутит.

— А вдруг...

Льюис тяжело вздохнул, вроде как утомленный бессмысленной болтовней, а на деле просто обьевший. Бляха ремня впивалась констеблю в живот...

— Ладно, — отложил он в сторону вилку, — ваша взяла. Но видит бог, большей глупости я в жизни не слышал... Над нами ж весь город станет смеяться! Чтобы Андерсен... — и он снова затряс головой. — Нет-нет, это абсолютнейшая нелепица.

Однако вскоре они вышли из паба и направились к ферме Андерсенов.

Хозяйка, встретив их на пороге, спросила глухо:

— Вы узнали, кто причинил вред моей девочке? — Губы ее затряслись, руки вцепились в передник.

— Ты это... не волнуйся, Энисса, — поспешил успокоить женщину Льюис. Он даже слегка покраснел, оробев перед ней... Немудрено: Энисса Андерсен была женщиной справной, наделенной естественной красотой. — Тут дело такое... Как бы сказать...

Как водится, такое начало пуще прежнего разволновало хозяйку.

— Говорите, как есть. Хуже не будет! — мотнула она головой, и Льюис, заикаясь, словно влюбленный подросток, донес до нее историю о свидетеле, видевшем ее мужа на поле в ночь исчезновения дочери. Тот якобы копал яму, и он, как слугитель закона, обязан проверить всякую информацию...

Миссис Андерсен, побледневшая, пошатнулась, и помощник констебля, подставив ей руку, довел её до скамейки в сенях. Она рухнула на нее, молвила только:

— Дальнее поле находится во владении Уоррена Андерсена, младшего брата моего мужа.

Пришедшие приступили к осмотру: неловкие, явно смущенные, прошли по первому этажу, поднялись на второй. И как раз, когда возвращались, в дверях появился хозяин дома...

— Что происходит? — пробасил он с порога. — Что вы здесь ищите?

Спустившись, констебль Льюис с каким-то непривычно серьезным лицом отозвался:

— Боюсь, уже отыскали. — И, раскрыв ладонь, продемонстрировал три золотых соверена.

Энисса Андерсен ахнула. Ее муж будто остолбенел...

— Где вы нашли их? — спросила она.

— Под матрасом в вашей супружеской спальне, я полагаю.

— Но это никак невозможно, — женщина поглядела на мужа, безмолвно взиравшего на монеты. — Еще три дня назад у нас не было денег даже на корм для животных. — И после паузы, робко: — Уиллис, откуда у нас эти деньги? Что ты знаешь об этом... и знаешь ли вообще?

Уиллис Андерсен, зашатавшись, грузно осел на деревянную лавку и уронил голову на руки.

— Уил... — жена коснулась его затрясшегося плеча. — Уил, в чем дело? Расскажи мне.

Тот поднял на неё покрасневшие, полные боли глаза, произнес:

— Это я взял приютские деньги, я совершил эту кражу, Энисса.

— Ты... Но... зачем?! — выдохнула она, схватившись за грудь.

— Хотел вернуть отцовскую ферму, вот почему.

— Но каким образом кража могла помочь тебе в этом? Это какой-то абсурд. Я просто не понимаю...

Уиллис Андерсен, крупный мужчина с большой бородой, казался в этот момент потеряннным как ребенок. Он смял в кулак бороду и сказал:

— Я подумал, что, если закопать эти деньги на поле Уоррена, моего младшего братца, и позволить констеблю отыскать их в том месте... негодяю не отвертеться от обвинения. Что его засадят в тюрьму, и ферма, оставшись без прямого наследника, вернется ко мне, как и должно было быть... — Он подался к жене, взяв ее за руку и будто вымаливая прощение. — Я потому и оставил букетик цветов в пустом ящичке для пожертвований: полагал, что Сюзанна, завидев его, сразу бы указала на дальнее поле, где собирала эти букеты. Мол, букетик здесь неспроста, надо проверить... А там и монеты, брошенные в траве, и лопата, и стола красноречиво указали б как на само место раскопок, так и на принадлежность найденных денег к пожертвованным средствам. — Мужчина вздохнул: — Вот только всё случилось иначе: сначала пропала Сюзанна... потом ее нашли мертвой... в той самой яме, что я вырыл для денег. И как она там оказалась, одному богу известно! — Он подавился рыданием, прикрыв губы широкой ладонью: — Да и деньги пропали. А эти три соверена... я понятия не имею, откуда они взялись в доме! Я ни пенса не взял из тех денег — мне чужого не надо. — И с надрывом: — Я лишь хотел вернуть то, что по праву мое: отцовскую ферму. Она моя по старшинству!

В убийстве дочери Уиллис Андерсен не сознался...

Джек верил, что тот никак не причастен к данному преступлению: его кража послужила своеобразным толчком для последующего убийства, жертвой которого и стала Сюзанна.

А значит, убийца по-прежнему на свободе, и слова пленника могут навредить Джеку... А потому всю дорогу до убежища Грира Джек ломал голову, как им изобличить и другого

злодея. Возможно, вдвоем они придумают что-то ещё и разрешат уже этот пазл. Все же удерживать Берроуза силой казалось парню неправильным, провоцирующим очередную беду... Вряд ли Берроуз станет молчать, где именно он провел последние дни.

Итак, Джек окликнул Грира в указанном месте и, дожидаясь у входа в пещеру, вскоре услышал шаги. Как мужчина ориентировался в лабиринте пещер по-прежнему оставалось загадкой, никак, в самом деле, навыки жизни в племени американских индейцев каким-то образом способствовали этому навыку.

— Научи меня ориентироваться в Пещерах, — попросил он, едва Грир показался из тени. — Я тоже хочу так уметь. Ты говорил, что ищешь дорогу на нюх, это правда?

Эмос Грир прищурившись глянул на парня, как будто решал, достоин ли тот быть хранителем тайны. Растянул губы в улыбке.

— Там пометки на стенах, парень, нарисованные углем, вот и вся тайна, смекаешь?

— Пометки углем? — не поверил такому простому объяснению Джек.

— Углем, — подтвердил Грир. — Я, когда первый раз в Пещеры пошел, знал, что могу заблудиться, вот и воспользовался «зарубками». Как в лесу, чтобы отметить дорогу. Ты ведь тоже, явившись впервые, не сунулся сюда просто так: взял веревку. Ну так я поступил умнее! — И он подмигнул. — Разочарован?

Джек поскреб щеку, обдумывая, каким простым может быть объяснение, казалось бы, сложных вещей.

— Немного, — признался он, улыбнувшись. Но тут же сделался снова серьезным: — Как наш пленник? Надеюсь, он хорошо себя чувствует...

Грир замялся: «Как сказать, парень...», и предчувствие нехорошего холодком пробежалось по загривку парнишки.

— Сбежал? — спросил он разволновавшись.

— Пытался.

— И?

— И... мне пришлось принять меры, скажем так.

— Что ты сделал?! — Они стояли у входа в туннель, и без того достаточно темный, но теперь то ли у Джека в глазах потемнело, то ли внутри сделалось много темнее — в любом случае, он схватился за холодную стену, чтобы найти точку опоры.

Грир шумно шмыгнул, почесал за ухом, произнес:

— А вот и «зарубки», видишь теперь? — Но Джек даже не глянул на них, занятый мыслями о Берроузе и ожидая ответа от Грира. Тот понял, что спутника не отвлечь пустыми приемами и сказала прямо: — Пристукнул я его, ясно? Почему я мог знать, что этот олух царя небесного окочурится в мгновение ока, возьмет и откинет копыта, словно хилая куропатка.

— Ты УБИЛ его?! — вскричал Джек, задохнувшись от ужаса. — Ты в своем уме, Грир? Что ты наделал!

Мужчина стоял, опустив голову, демонстрируя позой раскаяние в учинённом убийстве, только чувства вины в нём на самом деле не ощущалось.

— Этот хорёк перерезал веревки и собирался бежать... Что мне еще было делать?! Позволить ему найти выход и разстрелять на всю округу о моем здесь убежище... и твоём мнимом убийстве девчонки Андерсен?! Сам понимаешь, перспективы не из приятных... Вот я и... выстрелил ему в спину!

Джек замотал головой, не желая принимать эту правду, какой бы логикой Грир ее ни оправдывал. Они оба виновны в смерти Берроуза...

— Он все равно бы не нашел выход из лабиринта этих пещер, — неподатливым языком, произнес он. — Ты бы смог легко его выследить и вернуть...

— А если б не смог? — вскинулся собеседник. — Что, если бы этот ничтожный хорек выбрался по отметкам? Я вовсе не собираюсь рисковать своим благополучием, Джек. Меня, если ты позабыл, дожидается билет первого класса и дорога домой, и никто... слышишь, никто, не посмеет помешать мне уехать.

Они замолчали, погруженные в темноту, словно в вакуум...

— Похороним его здесь же, в пещерах, — снова нарушил молчание Грир. — Здесь его никто не найдет! А значит, и об убийстве никогда не узнает.

— Но я буду знать о нём, помнить! — бесцветным голосом сказал Джек. — Как после такого я посмотрю мисс Блэгни в глаза?

— Тебе больше и не придется, приятель: эта девица выскочит замуж за богача, и ты ее никогда не увидишь, — парировал Грир с безжалостностью гильотины.

Эти слова, словно последняя капля, переполнили чашу выдержки Джека, и он, заорав благим матом, бросился на собеседника с кулаками: первый удар пришелся чирком по его уху, второй угодил в область солнечного сплетения. Грир охнул, крутанулся на месте, и, обхватив парня руками, стиснул его в своих медвежьих объятиях.

— Ну-ну, успокойся, приятель. Ты чего это, сбрендил совсем? — говорил, прижимая брыкавшегося парнишку к себе. — Сделанного все равно не воротишь! Да и кто он тебе? Так, мелкая неприятность... Не рви себе душу! Не стоит этот жалкий хорёк ни единой твоей слезинки. Не стоит.

А Джека в самом деле прошибло на слезы: все события последних нескольких дней нашли выход в выворачивающей душу истерике. Намечающаяся разлука с Амандой, смерть бедной девушки, кража, а теперь и убийство Берроуза — всё это, скрутившись в один тугой узел под сердцем, теперь выходило слезами, такими горячими, какими Джек ни разу в жизни не плакал... И не считал, что в принципе на такое способен.

Какое-то время спустя Джек сидел на земле, подтянув колени к груди, Грир примостился неподалеку...

— Ты это, не трави себе душу, — увещевая, произнес он. — Этот тип все равно был конченным человеком.

— Констебль Саймон тоже был конченным?

— Скажем так, ему просто не повезло. А Берроуз был конченным! Я таких сразу вижу.

Джек поджал губы, ощущая, как внутри ворочается комок размером с хорошую тыкву.

— Меня тоже убьешь, если придется? — с вызовом кинул он.

— Надеюсь, что не придется, — усмехнулся его собеседник кривой, однобокой ухмылкой. — Ты ведь все-таки не дурак, хоть и плакса, каких свет не видывал...

За эти слезы Джеку не было стыдно, разве что самую малость, но Грир мог бы хотя бы тактично о них промолчать, впрочем, он просто не умел по-другому.

И желая перевести тему, Джек перешел к не менее важному:

— Уиллис Андерсен признался в краже приходских денег, — сообщил он Эмосу Гриру. — Но в убийстве дочери он не виновен...

— Знаю, — пожал плечами мужчина.

— Знаешь? — Джек подскочил на месте. — Как понимать эти слова?

Его собеседник плечами пожал.

— Буквально, — заметил меланхолично, — Андерсен-старший не убивал дочери. Я

знаю, что произошло позапрошлой ночью...

Аманда Блэрни скучала... Скучала по Джеку и их свиданиям у реки, неторопливым, бестолковым беседам обо всём разом и ни о чём. Она не могла и представить, что стала настолько зависима от широкой улыбки и сияющих карих глаз, глядевших... с немым обожанием. Да, теперь она знала это наверняка... Обожание — вот что таилось в глазах ее спутника каждый миг их общения. Только он умел выслушать так, что сбивалось дыхание... И вообще, Аманда мечтала обсудить с ним события в Хартберне, поделиться догадками, мыслями — больше никто бы не стал ее слушать. Тем более будущий муж... Пусть он и оказался на удивление приятным мужчиной, истинным джентльменом, но вряд ли стал бы гадать на пару с Амандой, кто именно приложил руку к убийству бедной крестьянки.

Несколько раз, порываясь отправиться к миссис Уиггинс и вызвать Джека на разговор, Аманда останавливала себя воспоминанием о его удаляющейся спине в их последнюю встречу.

Он вряд ли захочет хотя бы видеть её — она разбила Джеку Огдену сердце.

— Так ты выполнишь мою просьбу, Аманда? — вопрос тетки отвлек мисс Блэрни от мыслей о Джеке.

— Простите, о какой просьбе речь? — осведомилась она.

Миссис Карлайл, недовольная, словно карающая Фемида, откликнулась зло:

— Надеюсь, твои мысли заняты предстоящим замужеством, а не иными неуместными грёзами. Все беды от книг: ты слишком много читаешь.

— Я думала о погибшей девушке, тетя, — покривила душой ее племянница, усмиряя тем самым всем недовольную тетку. — Случившееся не идет из моей головы...

— И напрасно. Убийства и другие подобные ужасы не должны занимать неокрепший девичий разум... Впрочем, — сменила тетушка тон, — мистер Уорд, похоже, тобой очарован! Уверена, свадьбе быть. Ты, должно быть, сказочно счастлива...

— Не передать словами насколько! — отозвалась Аманда неприкрытым сарказмом, однако тетушка этого не заметила и расплылась в довольной улыбке.

— Ты даже не представляешь, насколько я рада слышать об этом, — сказала она. И наконец повторила вопрос: — Так ты снесешь Андерсенам гостинец от нас? Передай, что мы соболезнуем от души постигшему их семью горю.

От одной мысли хоть ненадолго покинуть стены набившего оскомину дома, Аманда воспрянула духом. Но поспешила скрыть свою радость за напускной скромностью...

— Я буду рада поддержать несчастных людей. Мне вовсе не сложно!

— Вот и славно, моя дорогая. Ты понятия не имеешь, как сильно меня тяготит вид убитых горем родителей... Моя психика не выдержала бы это!

С такими словами она отослала племянницу на кухню за корзинкой с гостинцем, а сама поспешила к себе отдохнуть перед обедом.

На стук в дверь дома Андерсенов Аманде никто не ответил.

— Так нет никого, — прозвучал женский голос из-за спины. — Уиллиса арестовали за кражу, а Энисса, должно быть, отправилась в церковь грехи мужа замаливать. Хотите обождать в нашем доме? — предложила ей говорившая. — Полагаю, она скоро вернется. Меня Джин зовут, Джин Андерсен, я жена младшего брата.

Джин Андерсен, круглолицая, пышнотелая женщина, улыбалась приветливо и немного смущенно.

— Мисс Блэкни, племянница леди Карлайл, — назвалась Аманда. — Тетя послала меня выразить соболезнования семье. — Она качнула корзинкой с гостинцем.

Миссис Андерсен только кивнула.

— Я знаю, кто вы, мисс Блэкни: видела вас на ярмарке. — И поманила ее за собой: — Пойдемте, наш дом здесь, за углом. Мы сразу увидим, когда Энисса вернется...

Аманда прошла за женщиной в светлую чистую кухоньку и присела на предложенный стул. Любопытство одолевало ее, и потому она сразу спросила:

— Вы сказали, Уиллиса Андерсена арестовали за кражу. О чем идет речь?

— Так о краже приходских денег, ясное дело, — всплеснула руками хозяйка, выставляя на стол чистые чашки. — Вы разве не слышали? Срам-то какой.

Аманда сказала, что не слышала ни о чем, и миссис Андерсен с энтузиазмом поведала ей о случившемся обыске, найденных золотых соверенах и о признании, сделанном ее деверем.

— Уиллису, да простит его бог, отцовское завещание покоя всё не давало, — продолжала рассказывать женщина. — Все-то он полагал, что старик не по чести с ним обошелся, отдав ферму нам в обход старшего сына. Вечно мужу моему выговаривал, обвинял его, что он, мол, к отцу подольстился, обманом его благосклонность купил. И вот, поглядите, во что это вылилось! — Рассказчица подлила Аманде ароматного чая и вздохнула: — А ведь Уоррену, моему мужу, решение старика тоже не нравилось: сам не свой ходил в последнее время, словно в воду опущенный. Бывает не улыбнется мне даже, только сведет брови да глядит в одну точку. А ведь как дружно мы жили до смерти старого Андерсена: душа в душу, все нам завидовали. И вот ничего не осталось... ровнехонько ничего.

Где-то стукнула оконная створка, заголосили испуганные котом куры, и женщина, как бы продолжая внутренний монолог, продолжала: — Муж мой и спать в последнее время толком не может, все ворочается, кряхтит. А в ночь, когда исчезла Сюзанна, так вовсе ушел вечером в поле, сказал, проветриться ему надо, воздухом подышать...

Аманда, до того слушавшая вполуха, насторожилась и поглядела на женщину с интересом:

— Так он гулял в ту самую ночь, когда убили вашу племянницу?

— Вот ведь совпадение, правда? — бесхитростно подивилась Джин Андерсен. — Он ведь мог помочь бедной девочке, сложились все иначе... Полагаю, именно это и мучает его больше всего: с той ночи Уоррен и вовсе ни есть, ни пить толком не может, а ночью мечется по постели. Прежде с ним не бывало такого!

Аманда вскочила со стула, не в силах сдержаться от полыхнувшей в мыслях догадки. Что, если Уоррен Андерсен причастен к убийству племянницы?!

Что, если...

— Здравствуй, жена. — Черноволосый мужчина лет тридцати вошел в комнату, глядя на их чаепитие. Его глаза под нахмуренными бровями казались двумя черными безднами... Он глядел на Аманду не отрываясь.

— А у нас гостья, — воскликнула Джин, вскакивая на ноги. — Племянница леди Карлайл. Она приехала проведать Эниссу, да той дома нет...

— Зато ты тут как тут, — отозвался супруг с видимым недовольством. И к столу подошел. — Есть набери, голоден я. — Опустился на стул, не сводя с девушки глаз. — Садитесь, — обратился к ней в приказном тоне, — я вам не помешаю.

Аманда сглотнула, ощутив себя неприятно под его пристальным взглядом.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она, — не стану мешать вам обедать. Спасибо за чай, миссис Андерсен, он очень вкусный!

Женщина молча кивнула, притихнув в присутствии мужа, а тот, снова поднявшись, сказал:

— Я провожу нашу гостью. — И последовал за Амандой в прихожую. — Надеюсь, моя бестолковая Джин не наболтала вам лишнего? — обратился там к ней. — У Джин язык без костей: мелет всё что ни попадя. Такова уж природа! Не принимайте всерьез её пустопорожную болтовню...

— И не думала, — отозвалась Аманда, привыкнув скрывать свои чувства. В конце концов, она жила в обществе, где бесстрастность считалась чуть ли не добродетелью, а эмоции — высшим грехом. — Ваша супруга — славная женщина. И она печётся о вас!

— Согласен, Джин — славная женщина... когда держит язык за зубами, — как-то с угрозой произнес собеседник.

Их взгляды с девушкой пересеклись, и та похолодела. Было в Уоррене Андерсене нечто пугающее до дрожи...

— Не понимаю, что вы хотите сказать... — как можно спокойней сказала она.

— Полагаю, что понимаете, мисс. — Он выразительно на нее посмотрел. — Распространять грязные слухи было бы недостойно такой воспитанной леди, как вы, не так ли, мисс Блэгни?

Аманда вскинула подбородок.

— Вы в чем-то меня обвиняете, мистер Андерсен? — осведомилась она. — Хотите сказать, что я сплетница? Осторожней: как бы вам не пришлось ответить за эти слова, — сверкнув глазами, заключила она, готовая вылететь за порог.

Но мужская рука удержала ее, вцепившись в плечо.

— Что вы себе позволяете?! — едва успела возмутиться она, как дверь за ее спиной хлопнула, а знакомый голос воскликнул:

— Мисс Блэгни!

Аманда увидела Джека, недоуменно взиравшего на их с Уорреном Андерсеном странную конфронтацию. Это длилось минуту-другую, а потом лицо парня сделалось мрачным, он произнес:

— Мисс Блэгни, вас ждут на улице. Будьте добры...

Аманда кивнула, желая уйти, но мужчина держал ее крепко, и попытка освободиться не увенчалась успехом.

— Отпустите ее, мистер Андерсен, — приказал ему Джек. — Нам с констеблем известно, что это именно вы убили Сюзанну, родную племянницу. Нет смысла усугублять степень вины напрасным сопротивлением...

Пораженная, девушка ощутила, как пальцы мужчины сильнее впились ей в кожу, и в следующий миг он дернул её на себя, прикрывшись ей, как щитом.

— Это вышло случайно! — выкрикнул вдруг, отступая в сторону кухни. — Я всего лишь вышел пройтись перед сном и заметил человека на поле, рывшего яму на моей частной земле... Само собой, я должен был разобраться, и, пройдя лесом, затаившись в кустах, я узнал в нем Уиллиса, своего старшего брата. Что он делал на моем поле? Зачем рылся в земле? Меня взяло любопытство. Я решил разузнать, что он спрятал на поле. Дождался, пока он уйдет, а потом раскидал землю руками... Каково же было мое удивление, когда я нашел

церковную стОлу с завернутыми деньгами. Да не просто деньгами: целым маленьким состоянием! — Мужчина сипло вдохнул, продолжая пятиться к кухне: — Я все еще продолжал поражаться находке, когда из леса вышла Сюзанна и увидела меня... Сказала что-то о том, что припозднилась домой, что ее, должно быть, заждались... и заметила вдруг церковную стОлу и деньги, которые я не успел вовремя спрятать. Лицо ее вмиг изменилось! Ужас мелькнул в потемневших глазах... Она спросила, откуда у меня деньги и стОла — я рассказал всё, как есть: об отце её и моем любопытстве. — Мужчина скрипнул зубами. — Но она не поверила мне, глупая баба: развернулась, чтобы уйти, и со словами: «Я расскажу обо всём пастору Райту» зашагала в сторону Хартберна. Я не мог этого допустить, — замотал головой говоривший, — я не мог ей позволить... И... схватив с земли камень, я кинул в нее. Без намерения по-настоящему навредить, просто хотел, чтобы Сюзанна остановилась и прислушалась к моим доводам. — Он запнулся о порог комнаты, но продолжал говорить: — Вот только брошенный камень — в тот момент я плохо соображал — угодил девочке в голову, и она повалилась без чувств. — Мужчина замотал головой: — Я не сразу сообразил, что натворил... я даже подойти к ней боялся. Сидел там, у ямы, и глядел на проклятые деньги, надеясь, что Сюзанна вот-вот очнется и придумывал, что скажу ей. Но она не очнулась... Ни получасом спустя, ни через час. И только тогда, приблизившись к ней, я увидел, что девушка умерла. — Уоррен Андерсен смахнул застилавшие глаза слезы: — В конце концов, я должен был что-то сделать, и решение пришло моментально: закопать ее в той самой яме, которая, словно могила, уже зияла у моих ног. И я, раскопав яму сильнее, уложил в нее тело племянницы...

Стоявший около Джека констебль, произнес жестко:

— Ты совершил страшное злодеяние, Андерсен, и ответишь за это перед людьми и богом. Подумай сам, возможно, ты спас бы племянницу, окажи ей вовремя помощь, но теперь уже поздно о том говорить. Где деньги, Уоррен?

Убийца замотал головой.

— Не знаю. Честное слово, не знаю! Когда я возвращался домой, кто-то ударил меня по голове и забрал всё до единого пенса.

Поверил ли его словам Льюис, осталось не совсем ясно, только он приказал:

— Отпусти девушку, Андерсен, не усугубляй вину.

Тот опять замотал головой, сопротивляясь уговорам констебля:

— Я не пойду на виселицу, констебль... Не теперь, когда отцовская ферма стала моей, и я могу управлять ей по своему разумению. Без оглядки на самодурство отца и его вечное недовольство. Не теперь! — повторил он с надрывом, хватая с кухонного стола разделочный нож трясущимися руками. — Позвольте мне просто уйти, умоляю, констебль! Просто уйти, — взмолился он под истошный плач своей ошалевшей супруги.

— Отпусти девушку и ступай, куда хочешь, — пообещал ему Льюис, не совсем искренне, как подозревал Джек.

Сам он едва мог дышать, наблюдая за тем, как верзила с ножом удерживает перепуганную мисс Блэки. Она не плакала, не кричала, как та же Джин Андерсен, не умоляла ее отпустить, заламывая в истерике руки, но ее прикушенная губа и быстро вздымавшаяся грудь говорили красноречивее слов. По крайней мере, Джек верил, что знает ее лучше прочих...

— У вас есть оружие? — шепотом поинтересовался он у констебля.

Тот отрицательно помотал головой.

— Я не думал, что Андерсен станет сопротивляться, — повинился он. — Это совершенно неправильно с его стороны...

Джек понимал, что его очередная «догадка» о преступлении Уоррена Андерсена застала констебля врасплох, но чтобы настолько... Он нащупал в кармане тот самый нож, управляться которым учил его Грир, и взглядом примерился к цели. Опасно...

Что, если он ранит мисс Блэрни?

Что, если его рука дрогнет и...

Их глаза с девушкой встретились, словно заговорили друг с другом. Он прочитал в её не призыв о спасении, а побуждение к действию: она будто читала все его мысли, знала, чего он боится, и велела отбросить сомнения.

Джек сглотнул, покачав головой — он не мог рисковать ее жизнью, — но Аманда, вдруг наступив мужчине на ногу, поднырнула под его руку, и, пока он, опешивший, выл от боли, кинулась в сторону. В тот же момент Джек метнул нож... Преодолев расстояние в несколько футов, тот вонзился Андерсену в плечо. Он взвыл по новой, и Льюис с подручными, оттолкнув в сторону выпавший из его рук кухонный нож, скрутили преступнику руки.

— Мисс Блэрни! — Джек подался к Аманде, готовый обнять, удостовериться в ее неврежденности, но замер на полпути в нерешительности. Она сама стремительным шагом преодолела разделявшее их расстояние и ткнулась носом Джеку в ключицу... Заплакала вдруг. Быть может, даже не из-за миновавшей опасности, а от самой мысли, что эти объятия стали возможны благодаря свершившемуся насилию. От осознания скорой и неизбежной разлуки... От осознания того факта, как много значил для нее человек, с которым ей никогда не быть вместе.

Сказать хотелось так много, но Аманда прошептала только одно:

— Прости меня, Джек. Я совсем не хотела разбить тебе сердце!

Он тоже мог бы сказать много больше, однако сказал лишь:

— С разбитым сердцем все еще можно жить дальше... — и осторожно сжал ее пальцы.

От этих слов Аманда всхлипнула горше, уткнулась опять в его пахнущую соломой ключицу, позволила теплу его рук разлиться блаженной истомой от спины до кончиков пальцев. И, стараясь запомнить этот момент, на секунду прикрыла глаза...

Она могла бы стоять так целую вечность, в кольце рук любимого человека, вдыхая его особенный запах, слыша быстрый стук сердца, забыв обо всем окружающем мире, однако высвободилась поспешно и на нетвердых ногах направилась к двери...

За стенами сеновала еще неистовствовали метели, а двое влюбленных, зарывшихся в благоухающее лугами и теплом сено, словно не замечали стылых морозов. Им было тепло и уютно вдвоем, так что ни дождь, ни ветер, ни снег не могли нарушить их тайной идиллии...

Энисса Андерсен и сама толком не знала, как вышло, что она, добропорядочная супруга, докатилась до тайных вылазок на сеновал, движимая по первости милосердными устремлениями, после — сердечными.

Мужчина, лежавший сейчас подле нее, повадился таскать яйца из-под Эниссыных кур, и та, сразу распознав недостачу, устроила вору ловушку. Засела в полночь в курятнике с ружьем мужа и, когда внутрь скользнул незнакомец в меховой шубе, наставила на него черное дуло.

Тот не дрогнул — по крайней мере, страха в нем женщина не заметила — только наплел что-то о своем бедственном положении: мол, нет у него ни дома, ни добрых друзей.

Живет где придется, вот и питается так же. Пожалейте несчастного горемыку!

И она пожалела: собирала для него маленькие гостинцы в виде краюхи хлеба, яиц, молока, сдобной выпечки... Носила все это на сеновал, где отдавала мужчине. Там слово за слово они и сошлись. Слушать непохожего ни на кого незнакомца стало для Эниссы Андерсен своеобразной отдушиной... Он вещал о великой реке Миссисипи, на которой промышлял бобровыми шкурками, об индейских стойбищах и вигвамах, пошитых из шкур неведомых ей бизонов, о снятых скальпах и песчаных каньонах с иссушенной до красного цвета землей... Она слушала, как зачарованная, затаив от восторга дыхание. И мечтала однажды все это увидеть...

Так, под рассказы о диком Западе и охотников за головами, она согрешила с Эмосом Гриром в свой первый раз. Несмотря на внешнюю грубость, любовником он оказался заботливым, нежным... Таким, что сердце Эниссы расплавилось, превратившись в жидкую карамель, а тело дрожало и пело, как скрипка, переполняясь восторгом. Она понятия не имела, что можно не просто отдать — получать что-то взамен, и Грир приручил ее, словно дикую лань, заставил жаждать себя и бояться лишиться хотя бы секунды их совместного настоящего. О будущем женщина и не думала... пока одной тихой ночью он не позвал ее за собой.

— Поехали вместе, — предложил он любовнице, глядя в ее голубые глаза. — Тебе понравятся дикие прерии Запада... Заживем простой, скромной жизнью. Быть может, даже родим маленькую Эниссу или Эмоса Грира... — он погладил ее по плечу.

Но Энисса, сделавшись грустной, головой покачала.

— Прости, Эмос, но мое чрево бесплодно, как иссушенная пустыня, детей у меня больше не будет. Вот почему старик Андерсен не желал оставить нам ферму: сказал, для её процветания нужны рабочие руки, много рабочих рук, понимаешь, а я только Сюзанну сумела родить... — Она отвернулась и сжала пухлые губы: — После её появления ни одно семя во мне не задерживалось надолго... Бог проклял меня. Зачем тебе проклятая жена?

Грир, рисуя узоры на ее сливочной коже, погладил плоский живот, поймал губами слезинку на коже.

И уверенно произнес:

— Индейские знахари творят чудеса. Вот увидишь, у нас еще будет целый выводок сорванцов!

Энисса рассмеялась сквозь слезы, глаза ее вспыхнули светом. Она потянулась и поцеловала мужчину... Он говорил именно то, что ей хотелось услышать больше всего в этом мире. Но верить она не решалась...

— А как же мой муж и Сюзанна? — спросила она. — Как я смогу их оставить...

— Твой муж грубый мужлан, недостойный тебя. Ограниченный человек... Разве ты счастлива с ним? — Женщина дернула головой: нет. — А Сюзанна уже взрослая девочка, скоро выскочит замуж и думать забудет о матери и отце... Будет жить своим домом. С чем тогда ты останешься?

Энисса поникла, погрузившись в раздумье, спросила вдруг:

— А как же нам ехать? Проезд, верно, недешево стоит. У меня ни гроша за душой...

На все-то у Эмоса Грира находился верный ответ, вот и сейчас он сказал:

— Проезд недешев, конечно, но деньги у меня есть. Немного, правда, на двоих недостаточно, но я раздобуду еще. — И тут же, погладив женщину по щеке, продолжал: — Послушай, милая, этот город в долгу у тебя за годы пренебрежения, с которым он относился

к тебе, за насмешки свекра, за холодность мужа, за скуку, в которой ты была вынуждена прозябать... Возьми свое и езжай со мной!

— Как?

Грир снова поцеловал ее в губы, провел пальцем по обнаженной груди... Улыбнулся нежно и ласково, как только один он и умел.

— В городе ярмарка, так ли? — словно змей-искуситель подступил он к любовнице.

— Так.

— Там собирают средства для даремского приюта, верно?

— Верно.

— Возьмем эти деньги и убежим...

— Но как?! — ахнула женщина. — Ящик с пожертвованиями заперт в церковной ризнице... Нам туда не пробраться. Ни тебе, ни мне...

— А как же твой муж? — осведомился мужчина.

— Что ты хочешь сказать? — Энисса не понимала его.

— Он смог бы пробраться в ризницу и вынести деньги?

— Полагаю, что мог бы... Но как... Это же невозможно... Он не станет...

Тогда мужчина подмял тело возлюбленной под себя, коснулся ее волос, талии, выдохнул в губы:

— Самое главное, всё верно обставить, милая моя девочка. — Она, словно загипнотизированная, внимала каждому ее слову: — Скажи мужу, что он должен закопать деньги на поле своего брата, убеди в том, что найденные на земле Уоррена Андерсена, они, эти деньги, обвинят его в краже, и, будучи посажен в тюрьму, тот больше не сможет оставаться хозяином фермы, о которой твой муж так мечтает... — Грир вскинул брови и улыбнулся. — Если твой муж сделает это... если ты будешь достаточно убедительна, то, заполучив эти средства, мы сможем отправиться на корабль и уплыть, как и мечтали, в Америку. Ну, — поглядел он Эниссе в глаза, — что скажешь, хорош вышел план?

Она раздумывала не больше минуты, кивнула, касаясь пальцем волос на груди своего Снежного человека.

Мысль о тяжести задуманного преступления если и промелькнула в ее голове, то была легко позабыта под напором головокружительных поцелуев и доводящих до исступления ласк.

... Тем же вечером Джек явился к Пещерам рассказать Гриру, чем закончилось дело. Однако сколько бы он ни звал его в условленном месте, тот так и не появился. Лишь гулкое эхо, насмехаясь над пареньком, отзывалось разными голосами...

Пещеры опять обезлюдели, Снежный человек, в очередной раз обманув переменчивую судьбу, покинул пределы Нортумберленда, чтобы никогда сюда не вернуться.

Собранные для даремского приюта средства так и не были найдены, и Джек лишь несколькими днями спустя разгадал подоплеку данного дела... Да и то не без помощи почтовой открытки, полученной в белом конверте. «Прости, что так получилось, приятель. Мы с моей новой супругой передаем тебе самый сердечный привет!» значилось на ней детским, почти нечитаемым почерком Эмоса Грира. О том, что адресант именно он, Джек даже не сомневался...

Исчезновение Эниссы Андерсен на тот момент было самой обсуждаемой темой во всем Хартберне: одни говорили, что она утопилась от горя и тело её унесло далеко в океан, другие

говаривали, что видели, как она направлялась к Пещерам с небольшим саквояжем в руках... Саквояж этот интриговал местных кумушек больше всего: либо женщина собиралась уйти из жизни красиво, гадали они, либо решила стать местной отшельницей, прихватившей в уединение дорогие сердцу вещицы.

Как бы там ни было, Эниссы Андерсен они тоже больше не видели, как и похищенных ее любовником денег. И к тому времени, как подоспели выпускные экзамены в школе, история с Андерсенами и хартбернской весенней ярмаркой значительно потускнела, заслонившись иными заботами и делами...

Снежный человек больше ни разу не тревожил покоя местной общины.

5. Колокольчик в ночи

Тодд, задремавший было под монотонное стрекотание сверчков, неожиданно пробудился...

Звенел колокольчик.

Мелко потренькивал, оглушая сонную тишину ночи своим тревожным брэнчанием.

Неужели он прав, и красавица Этель Эдвардс жива?

Тодд едва мог поверить, хотя искра сомнения гложила его от начала... Ещё с того самого дня, как их с мистером Фостером, его нынешним работодателем, пригласили запечатлеть серию снимков с умершей девушкой, Этель Эдвардс. Укрепляя её тело штативами и располагая, словно живую, Тодд, будучи подмастерьем фотографа и вдоволь насмотревшись на посмертные снимки, всё-таки подивился не только её удивительной красоте, но и пластичности тела. Цвету кожи, не тронутому распадом, длинным ресницам, готовым вот-вот распахнуться, и даже, как ему на миг показалось, трепетанию пульса на тонком запястье, когда он укладывал руку покойной на пышную юбку красивого платья.

Этель Эдвардс казалась ему не умершей — слегка задремавшей и готовой проснуться в любую минуту.

Но могли ли это быть правдой?

Никак.

Доктор зафиксировал её смерть, убитые горем родители, более неживые, чем дочь на её посмертном портрете, утирали бегущие слезы, не в силах справиться с собой.

Тодд списал своё отношение к девушке на её волшебную красоту: она было феей, явившейся на недолгое время и опять покидавшей брэнную землю. Этель Эдвардс заморозила его, затронула сердце и разум...

Он хотел, чтобы она оказалась живой, вот и придумывал разное...

Доктора же — не дураки, они знают множество способов убедиться в смерти покойника. Например, тычут кожу булавкой или подносят к губам специальное зеркальце...

С Этель они тоже были уверены.

Но, несмотря на все доводы разума, сомнение не отпускало его... Эти карминно-красные губы, копна белоснежных волос, уложенных в замысловатую причёску, и нежная, бледная кожа, прикосновение к которой не отзывалось чувством отвращения, — всё разом манило к девушке, как к живой.

И побудило парнишку пробраться на Хайгейтское кладбище в первую ночь после похорон и засесть в засаде позади прикопанной могилы.

Он полагал, что если Этель Эдвардс в самом деле жива, то колокольчик над её могилой непременно зазвонит — родители девушки не поскупились на самую современную конструкцию безопасного гроба. Не потому, что сомневались, подобно Тодду, в смерти своей любимой дочери, просто так было заведено.

Поговаривали, что некоторые «умершие» просыпались на собственных похоронах — Тодд относился к таким рассказам скептически, а потому полагал подобные приспособления бессмысленным расточительством, однако нынешней ночью он порадовался их изобретению.

Колокольчик звонил не переставая...

Где же кладбищенский сторож?

Неужели напился и не слышит призывного перезвона?

Тодд выбрался из кустов и подошёл к могиле мисс Эдвардс: веревка, протянутая из земли к закреплённому на могильной плите медному колокольчику, ходила из стороны в сторону... Он встал на колени и, понимая, что вряд ли будет услышан, все-таки произнес:

— Мисс Эдвардс, всё хорошо. Мы вам поможем... Я только позову сторожа!

Только теперь, распрямившись, он заметил группу людей, направляющихся к могиле мисс Эдвардс: по крайней мере, у троих из них были лопаты. Тодд выдохнул с облегчением: сторож услышал звон колокольчика. Поднявшись на ноги, он дождался их приближения и вскоре услышал мрачный вопрос:

— А ты что здесь делаешь? Прочь пошел.

Парнишка замялся, испуганный гневным голосом говорившего, и только пролепетал:

— Тут колокольчик звонит...

Его собеседник, крепкий мужчина с лопатой и фонарем, равнодушно плечами пожал.

— Тревога ложная, как пить дать, — произнес он. — Я такое много раз видел. Пальцы покойника, раздуваясь, натягивают веревку, и колокольчик трезвонит сам по себе. Бьюсь об заклад, и сейчас что-то подобное... Эх, беда одна, столько усилий, да зазря всё! — посетовал он.

Тодд только-только хотел возразить, что пальцы конкретно этой покойницы никак не могли раздуться так быстро, что её схоронили только вот-вот, не прошло даже суток, но что-то кольнуло его в основание шеи... Словно пчела укусила. Или воткнулся железный гвоздь... Он хотел было приподнять руку и смахнуть несносное насекомое, однако так и не успел этого сделать: темнота поглотила его, словно захлопнулась крышка безопасного гроба.

Джек шагал по Фленнаган-стрит к Ислингтону, вдыхая такие привычные, но одновременно подзабытые запахи большого города.

Фабричный смог.

Смрад мочи, крови и разложения со стороны кожевенных мастерских.

Зловоние Темзы с нотками прогорклого масла, доносившегося от ларьков уличных торговцев.

Лондон не благоухал розами, подобно цветущей провинции... Но именно запахи помогали парнишке ощутить себя дома, на своем месте. Казалось, он вернулся из ссылки, на которую сам же себя и обрек...

— Молодой джентльмен, не проходите мимо! — зазывал его улыбавшийся торговец, указывая на разложенный на прилавке товар. — Лучший йоркширский пудинг во всем королевстве. Гарантирую!

Джек запустил руку в карман и нащупал монету. Есть не хотелось, но само обращение «молодой джентльмен» приятно польстило его самолюбию, захотелось отблагодарить подхалима. Тем более, Джек действительно был неплохо одет: отлично скроенный и подогнанный по фигуре костюм, сидел на нем как влитой, а шляпа-котелок на заказ впервые была его личной, не ношеной прежде кем-то другим. Таким образом Джек ощущал себя почти франтом. Джентльменом... Почему бы и нет?

Это все мистер Баррет подсуетился: сказал, что его личный помощник должен выглядеть презентабельно, и отвез Джека к портному на Харли-стрит. Джеку было очень неловко стоять истуканом, позволяя вёрткому старикашке обмерять каждую пядь своего тела, тыкать иголками и сдабривать все эти действия подобострастными похвалами своей

«статной, красивой фигуре». Мол, портной никогда еще не встречал такого ладного джентльмена, не беря, конечно, в расчет самого мистера Баррета... И новый костюм якобы лишь подчеркнет его исключительность.

Хотелось верить, шил он так же прекрасно, как льстил... Так оно и оказалось.

В любом случае, в новом костюме, как бы там ни было, Джек действительно ощущал себя обновленным: он как будто сбросил старую оболочку и вышел из кокона совершенно другим человеком. Не тем, кто был до Хартберна: Джеком Огденом нового образца. И этот пока еще незнакомец нравился Джеку во много раз больше прежде человека... Быть может, он просто стал старше, и дело было лишь в этом, но, в любом случае, данную метаморфозу он старательно усугублял самообразованием и дисциплиной, не желая останавливаться на достигнутом.

Ради достижения своей цели, мечты, он готов был трудиться изо дня в день. А желал он ни много ни мало стать инспектором вроде мистера Ридли. Эта мысль пришла к нему как-то вечером после возвращения инспектора в Лондон, когда он, глядя в звездное небо, ясно понял, чего действительно хочет... Для начала, конечно, придется работать констеблем, показать на что он способен, пробиваться наверх медленно, но упорно. И Джек был готов... Он знал, что способен на большее. Он докажет мистеру Ридли, что тот не зря поверил в него.

С инспектором, кстати, Джек свиделся две недели назад, когда тот, поприветствовав парня в своей привычной насмешливо-ироничной манере, похлопал его по плечу и сказал:

— Мистер Огден воротился в родные пенаты. Похвальная преданность! Если не человеку, то месту. Надеюсь, у вас получится покорить неприветливый Лондон. Дерзайте, мой друг, все в ваших руках!

На самом деле, больше чем Лондон, Джек мечтал покорить сердце мисс Блэгни, но она так и осталась недостижимым идеалом. Теперь не невеста — жена, она еще месяц назад стала миссис Уорд, связав себя узами брака с богатеньким нуворишем с пятью тысячами годового дохода.

Джек не сразу, но все же смирился с утратой... В конце концов, именно это она и хотела: угодить своим браком семье и вернуться в светское общество полностью восстановленной в своем статусе. Так, чтобы местные злобные языки позабыли о прошлом скандале, связанном с ней... Что ж, у нее получилось.

— Джек, стой! — Окрик отвлек парня от безрадостных мыслей, и он узнал Тодда, спешившего к нему через улицу.

Выглядел он, признаться, чудаковато: волосы дыбом, в беспорядке одежда, на коленях пятна от зелени, глаза дикие.

— Помоги, — взмолился он, вцепившись Джеку в рукав. — Я больше не знаю, к кому обратиться.

— Что случилось-то? Выглядишь жутко.

Тодд мотнул головой, вроде как отмахнувшись от такой мелочи, как собственный вид, и выдал взволнованно:

— Этель Эдвардс похитили, Джек. Я в этом уверен!

— Этель Эдвардс? — удивился приятель. — Ту самую Этель Эдвардс, которую похоронили на днях? — В его голосе проскользнуло тревожное беспокойство, которое не осталось незамеченным Тоддом.

— Ту самую, — подтвердил он, добавив: — Знаю, как это звучит, но ты выслушай, как всё было. Сам поймешь, что я не придумываю...

Джек хлопнул приятеля по плечу:

— Тогда рассказывай, слушаю.

Они как раз подошли к зеленому скверу, и, найдя пустую скамью, оба сели.

Тодд начал рассказ такими словами:

— Я знаю, Джек, что мисс Эдвардс не умерла, я все-таки не ошибся.

Джек удивился сильнее, но постарался не выказать этого слишком явно.

— Почему ты так говоришь? Что случилось? В последний наш разговор ты, помнится, говорил, что ошибка исключена, и ты просто, должно быть, поддался минутному помутнению.

— Помню, — покраснел Тодд. — Но несмотря на эти слова, на душе у меня было мутно и тревожно, я не мог выбросить девушку из головы, вот и решил... провести первую ночь подле могилы покойницы, — признался смущенный парнишка. — В общем, я затаился в кустах, готовый ждать пусть бы и до утра... Ни на что толком и не надеясь, просто хотел убедиться, снять камень с души, понимаешь? — он вскинул на Джека взволнованные глаза. — И когда зазвонил колокольчик...

— Колокольчик безопасного гроба? — уточнил его собеседник, по всему заинтересовавшись.

Тодд дважды мотнул головой.

— Эдвардсы приобрели самую дорогую модель. Не поскупились на любимую дочь... Я сам видел, как могильщики укрепили веревку от колокольчика на могильной плите. Все чин чинном... Как полагается.

Джек в задумчивости глядел на приятеля, вспоминая, как тот рассказал о мисс Эдвардс впервые. Он тогда вернулся с работы таким возбужденным, что его большие глаза светились как звезды. Тодд ходил из угла в угол, не в силах остановиться, и говорил, говорил, говорил...

— Казалось, тронь ее за руку, и девушка пробудится, откроет глаза. Поглядит на тебя и что-нибудь спросит... Клянусь, Джек, у нее даже кожа была не как у покойницы: теплая, представляешь? Я даже касаться ее не решался, все думал, она меня отругает, когда вдруг очнется. Воскликнет: «Да как вы посмели, Тодд Хит, прикоснуться ко мне своими руками?» — он усмехнулся. — А Фостер не унимался: поддержи её голову, уложи руки на платье, придержи покойницу за спину... — Парень слотнул: — Фотография, знаешь ли, вышла прекрасной: мисс Эдвардс на ней как живая. Но что, если она, в самом деле, живая? — вскинул рассказчик на Джека большие глаза. — Что, если доктор ошибся, и это, к примеру, летаргический сон? Я читал о таких. Да ты и сам тоже знаешь...

Джек осведомился тогда:

— А как же тамошний доктор, он разве не засвидетельствовал ее смерть?

Тодд мотнул головой.

— Засвидетельствовал. И что с того? И на старуху бывает проруха.

Джек покачал головой, не зная, как сказать так, чтобы не обидеть приятеля.

— Возможно, конечно... но я все-таки положился бы на его профессиональное мнение, — с расстановкой произнес он. — Девушка умерла, Тодд, и, какой бы живой ни казалось, ее не вернуть!

Тодд тогда согласился, что слишком близко все это воспринял и обещал успокоиться.

А теперь выясняется, что он и не думал этого делать: пошел не только на похороны усопшей, но и после караулил в кустах у могилы. Тут, если по существу, еще и не такое

померещиться может... Не только звон могильного колокольчика, но и кое-что хуже.

— Расскажи, что было дальше, — попросил он товарища, то и дело чесавшего шею за воротничком рубашки.

— А дальше пришли люди с лопатами, я полагал, что сторож с подручными. Они говорили, что у покойницы, верно, раздулись пальцы, и потому натянувшаяся веревка заставляет звенеть колокольчик. Такое, мол, повсеместно бывает...

— Так они раскопали могилу?

Лицо Тодда сделалось совершенно несчастным, он признался:

— Не знаю, случилось кое-что странное... Прямо во время разговора с одним из мужчин меня будто что-то цапнуло в шею, — паренек снова почесал шею, — и я отключился... Казалось, что умер. Очнулся около часа назад в кустах за могилой мисс Эдвардс...

Тодд потер пятна от зелени на коленях, и Джек, наблюдая за ним, не на шутку встревожился, не зная, что, на самом деле, и думать.

— В тех кустах, в которых прятался ранее? — на всякий случай уточнил он. Подумал, вдруг Тодд просто-напросто задремал в карауле на кладбище, вот ему и приснился красочный сон.

— В тех самых, — подтвердил Тодд. — Но дело ведь даже не в этом, — вскинулся он, — дело в похищенной девушке, Джек. А мисс Эдвардс похитили, я уверен! — И, понизив голос до едва слышного шепота, сообщил: — Земля на её могиле потревожена, Джек. И цветы лежали не так, как за день до того, можешь поверить.

Тодд выглядел таким убежденным в своей правоте, что Джек не решился противоречить.

Спросил лишь:

— Ты говорил с могильщиком утром? Если он слышал колокольчик в ночи и приходил на могилу, то мог бы сказать, что именно там случилось.

Тодд мотнул головой.

— Могильщика я не видел. Сглупил... Просто очнулся в кустах, с больной головой и с будто прилипшим к небу, сухим языком, так что и думать не мог ни о чем, кроме как выпить пару галлонов воды... — Он помолчал, взволнованный, нервный, и, вскочив с места, воскликнул: — Я думаю, это похитители тел! Выкопали мисс Эдвардс и продали ее какому-то докторишке на опыты. Сам знаешь, как это бывает...

Джек знал: как-то и сам очень недолго помогал одному похитителю тел, правда, его взяли «бобби», а Джеку посчастливилось убежать. С тех пор он подобным не занимался...

А Тодд все не унимался:

— А она, быть может, живая была... Представь только! Колокольчик ведь почему зря не звонит! А эти её — мяснику... на опыты. — Голос Тодда пресекся, он судорожно вдохнул, а потом схватил друга за руку: — Мы должны найти ее, Джек. Найти прежде, чем мясники... — он с мольбой поглядел на приятеля.

Джек хотел было сказать, что мисс Эдвардс может по-прежнему находиться в земле, похороненная, как полагается, но видя состояние друга, передумал.

— Предлагаю пойти и переговорить с могильщиком, — предложил он.

Тодд, явно обрадованный, расцвел благодарной улыбкой. И снова почесал шею...

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил Джек, тот скривился:

— Пить очень хочется. Но это не страшно, пошли!

И, не добавив ни слова, зашагал в сторону Хейгейтского кладбища, Джек направился следом.

Джеку нравились кладбища: среди серых, надгробных камней, представляя, кем были люди, похороненные под ними, вчитываясь в их имена, он будто приобщался к чему-то более значимому, чем одна отдельно взятая жизнь. В частности, его собственная...

От надгробий с давно забытыми именами веяло тайной, загадкой...

А Джек любил разгадывать тайны.

— Сторожка в той стороне, — сказал Тодд, прерывая их затянувшееся молчание.

Они как раз вошли воротами на кладбище, и он, не сбавляя шага, последовал по дорожке вдоль будто шепчущихся между собой лип. А, быть может, шептались это не липы, а призраки упокоенных здесь годами людей...

В любом случае, вскоре перед ними предстало небольшое строение, домик могильщика, и друзья, постучав в дверь, прислушались к звукам дома. В нем, казалось, никого не было, да и на стук никто не ответил. Тогда, не сговариваясь, они обошли сторожку по кругу, заглянув в окна...

— Здесь, вроде как, никого, — разочарованный, констатировал Тодд.

— Похоже на то, — Джек подергал дверную ручку.

— Что будем делать?

Джек задумался, прикидывая в уме, как лучше им поступить, и попросил:

— Отведи меня на могилу мисс Эдвардс. Может, дорогой и сторожа встретим... Уверен, он где-то неподалеку.

— Пойдем.

В северной части кладбища, затененной листвой могучих дубов, они замерли подле свежей могилы мисс Эдвардс, семнадцатилетней дочери клерка средней руки, мистера Томаса Эдвардса. При жизни девица обитала на Карнаби-стрит в районе Сохо и даже не представляла, какие душевные треволнения вызовет ее смерть в душе абсолютно ей незнакомого человека.

— Вот этот букет лежал с другой стороны, — указал Тодд на уже порядком увядший букет с белыми лилиями. — Сам видел, как его уложили вот здесь, — тычок пальцем, — а утром он оказался на другом месте. А еще эти ромашки, — у парнишки вспыхнули уши, — были положены тут, по центру могилы, а теперь их под самые лилии запихнули...

Джек понял, что ромашки принес девушке Тодд, а значит, хорошо знал, где именно их положил. Стало быть, сомневаться в его рассказе не приходилось...

— А где те кусты, в которых ты прятался? — спросил он у друга, и Тодд указал на кусты бузины, ютившиеся близ склепа из серого камня.

— В них и сидел, пока не зазвонил колокольчик, — сказал он со вздохом, — в них и очнулся. Сам видишь, здесь отличная видимость...

— Вижу.

Джек осмотрел указанные кусты, прошелся от склепа к могиле, и вдруг его гневно окликнули:

— Эй, что ты здесь делаешь? Проваливай, парень. — Кричал тощий мужчина с рабочей лопатой в руках.

Неужто нашелся кладбищенский сторож?

— Вы случайно не местный сторож? — спросил его Джек. — Мы как раз вас искали для

разговора.

Мужчина подозрительно покосился то на Джека в его щегольской одежде, то на молчаливо стоявшего Тодда.

— Какого еще разговора? — настороженно осведомился он. — Мне некогда лясы точить — работать надо.

Джек сделал шаг в его сторону.

— Мы много времени не займем. Просто хотели поинтересоваться насчет могилы мисс Эдвардс...

— А что о ней интересоваться? — посерев лицом, осведомился мужчина. Как бы сильно он ни пытался, скрыть панику у него выходило не очень. — Померла девка, похоронили ее — вот и весь сказ. Еще и могилка не успела просесть...

Парни переглянулись, и по лицу Тодда Джек понял, что говоривший ему не знаком: этой ночью он не был у могилы мисс Эдвардс, по крайней мере, молодой человек не видел его. Однако, он слишком нервничал, чтобы быть непричастным...

— А не слышали ли вы звон колокольчика этой ночью? — спросил Джек, не отводя от сторожа взгляда. — Мой приятель уверен, что видел мужчин, пришедших с лопатами на его звон.

Тут высокого, жердеобразного сторожа аж на месте подкинуло: лопата вывалилась из рук, кадык дернулся, готовый, казалось, прорвать тонкую кожу, после чего он сорвался с места и припустил со всех ног.

— Он что-то знает, так я и знал, — крикнул Тодд, срываясь вдогонку за сторожем.

Джек несся следом, отставая на пару шагов... Новый костюм, не предназначенный для спринтерских забегов по дорожкам Хейгейтского кладбища, стеснял движения. Еще и шляпу приходилось удерживать на голове... Прежде Джек таких неудобств не испытывал, и, как итог, могильщик оказался проворнее. Сумел не только пересечь кладбище, но и выскочить за ворота, призывно размахивая руками. Проезжавший кэб замедлился самую малость, и мужчина, вскочив на подножку, велел кэбмену поторопиться. Тодд ругнулся сквозь зубы, глядя вслед уезжавшему экипажу, но Джек закричал: «Лови кэб! Догоним его», и парнишка бросился наперерез следующему вознице.

— Если не упустишь тот кэб, — сказал Джек вознице, указывая на удаляющийся экипаж, — заплачу шестипенсовик.

Тот окинул его внимательным взглядом и, должно быть, удовлетворенный осмотром, кивнул.

— Будет сделано, сэр, — отозвался, пришпоривая лошадей.

Преследуемый ими кэб, между тем, обогнул Ватерлоу-парк и направился по Найгейт-хилл в сторону Хэллоуэя. Ехал он не спеша, должно быть, не ожидая погони, и могильщик с ужасом понял, что просчитался, когда, сойдя на Митфорд-роуд, заметил обоих парней, бежавших к нему через дорогу.

Он выпучил большие глаза, взмахнул руками и снова сорвался на бег, так высоко вскидывая ногами, что казался нескладным, членистоногим в человеческом облике. Так они пробежали еще целый квартал... Парни вспотели, выбиваясь из сил, готовые сдать (Тодд уже еле дышал). И тут могильщик, юркнув в узкий проулок, пронесся по куче осклизлого мусора, едва не растянувшись на нем, и, распахнув чуть приметную дверь, скрылся за ней в долю секунды.

— Куда это он? — прохрипел Тодд, уткнувшись руками в колени и со свистом,

задыхаясь дыша.

— Понятия не имею. Но сейчас мы это узнаем! — произнес Джек, решительным шагом направляясь к двери и потянув ручку.

Та неожиданно поддалась, и Джек с Тоддом вошли внутрь. Пересекли кухню, даже не удосужившись отозваться на удивленный окрик кухарки: «Эй, кто вы такие?» и вышли в просторный холл, являвшийся чем-то вроде роскошно обставленный гостиной. Здесь стояли элегантные диваны в стиле рококо, заваленные ворохом шелковых подушек с восточным орнаментом. Цвет стен был розово-алый, потолок украшали золотые виньетки. Жардиньерки, столики для вина — все недвусмысленно намекало на самую суть этого места.

Джек с Тоддом оказались в борделе.

Не в самом захудалом из них, где продажные куртизанки отрабатывали еду, получая по несколько пенсов с клиента, но и не в престижном доме терпимости, вроде «Строптивной миледи», что в Пейденктоне (Джек слышал, что некоторые из местных девиц зарабатывали по соверену за час). Это был тот самый среднячковый бордель, который в иерархическом реестре борделей стоял где-то между тем и другим...

— Кто вы такие? — послышался с лестницы женский голос. — Как здесь оказались? — Голос был недовольный и явно привыкший повелевать.

Приятели поглядели в его направлении и заметили яркую даму, взиравшую на них грозно, как смотрел бы, наверное, цербер на пробравшихся незаконно в подземный чертог. Рыжеволосая, запахнутая в кружевной пеньюар, она прожигала их взглядом, и несколько девушек помоложе стайкой толпились у нее за спиной.

— Здравствуйте, мэм, — Джеку пришлось взять инициативу предстоящего разговора в свои руки. — Простите, что ворвались без приглашения, однако обстоятельства таковы, что человек, которого мы преследовали долгое время, и разговор с которым очень важен для нас по многим причинам, вошел в двери этого дома, и мы последовали за ним до этого места. Понимаем, что поступили невежливо, — Джек улыбнулся, демонстрируя искреннее смирение, — но такая приятная дама, как вы, без сомнения, сможет войти в положение двух джентльменов, нуждающихся в ее помощи.

Хозяйка борделя — а это могла быть только она — спустилась на пару ступеней, внимательно глядя на обоих гостей (взгляд был профессионально-оценивающий, такой мгновенно решал, достоин ли новый клиент оказанного доверия).

— Вы уверены, что этот мужчина, который вам нужен, вошел в двери именно этого дома? — наконец, осведомилась она. — Как видите, в данный момент здесь только женщины. — И хозяйка взмахом руки указала на маленький, женский цветник у себя за спиной. Тот восторженно захихикал, наслаждаясь неожиданным представлением.

— Он вошел через заднюю дверь, мэм, — ответил Джек, не давая отвлечь себя. — Удивительно, что он знал, где она расположена... А потому, стало быть, он частый гость в этом месте и, возможно, — Джек выдержал паузу, — скрывается в этот момент где-то в доме.

Женщина улыбнулась.

— Желаете обыскать комнаты, юные джентльмены? — чуть насмешливо осведомилась она.

По всему, хозяйка борделя не воспринимала их с Тоддом всерьез, ошибочно полагая их какими-то скоморохами, вознамерившимися тем или иным путем пробраться в бордель и поглазеть на полуобнаженных красоток.

— Для нас очень важно переговорить с этим мужчиной, — сказал Джек намеренно твердым тоном. — Задать ему пару вопросов, не более.

Его собеседница притушила сияние своей белозубой улыбки и с любопытством поинтересовалась:

— Что натворил этот мужчина?

— Именно это мы и хотели бы выяснить.

Женщина смерила Джека пристальным взглядом, а потом обернулась к девушкам за спиной.

— Кто-то знает об этом мужчине, что якобы прячется в нашем доме? — спросила она.

Ее цепкий взгляд прошелся по каждой девице, и потупленный взгляд шатенки с волнистыми волосами не остался ей незамеченным.

— Клара? — строгим голосом спросила она, и девушка съежилась, явно испуганная.

— Это Марк, миссис Коллинз, — выпалила она. — Он прячется в моей комнате.

Миссис Коллинз сверкнула глазами.

— Кажется, я просила тебя не обслуживать этого человека бесплатно! И вообще не пускать его к нам. Приведи его и немедленно! — приказала она таким строгим тоном, что даже Джеку стало не по себе. Эта женщина явно умела держать работниц в повиновении и не терпела непослушания.

Перепуганная девица бросилась к своей комнате и вскоре вернулась с тощим могильщиком, таща его за рукав. Тот и сам выглядел ненамного лучше нее: с перекошенным от испуга лицом, он глядел то на Джека с приятелем, то на хозяйку борделя, и оставалось неясным, кого именно он страшился сильнее.

По всему выходило, что их с незадачливой Кларой связывала романтическая история...

— А вот и наш «неизвестный», — саркастически заметила миссис Коллинз, окинув незадачливого любовника насмешливым взглядом. — Кажется, я запретила вам появляться в моем заведении. Вы не восприняли мое предупреждение всерьез, мистер Гилберт? — Тот открыл было рот, чтобы что-то ответить, но женщина отмахнулась от его жалких попыток себя оправдать и поглядела на Джека: — Спрашивайте всё, что вы хотели и уходите. В конце концов, я устала и хочу отдохнуть!

Джек кивнул и сразу же обратился к мужчине:

— Мы хотели бы расспросить вас о событиях этой ночи... эм...

— Гилберт. Марк Гилберт к вашим услугам, сэр!

— ... мистер Гилберт. Что именно произошло этой ночью на могиле мисс Эдвардс, похороненной накануне? Вы слышали, как звонил колокольчик?

Могильщик совсем спал с лица — темноволосая Клара, подхватив его под руку, поддержала пошатнувшегося мужчину.

— Слышал, — простонал он в конце концов тихим голосом. — Только не в эту ночь — в прошлую... Сразу после её похорон.

Тодд, молчавший все это время, словно очнулся:

— Как это в прошлую? Мисс Эдвардс похоронили только вчера...

— Позавчера, — поправил его Марк Гилберт. — Похороны состоялись позавчера. — И пока озадаченный Тодд продолжал бубнить себе под нос нечто нечленораздельное, продолжил такими словами: — Я никогда таким прежде не занимался, клянусь могилой родителей, поверьте мне, молодой джентльмен. А тут будто нечистый попутал: как раз перед самыми похоронами пришли эти люди и попросили за хорошую плату всю ночь, что

бы там ни случилось, не высовывать нос из сторожки. Мол, один джентльмен хорошо платит за свежее, юное тело, и я, коли позволю копать, получу славный куш... — И могильщик, как бы вымаливая прощение, воскликнул с надрывом: — А мне деньги, знаете, как нужны? Позарез просто. И вовсе не для себя: для нас с Кларой. Мы пожениться хотим, зажить своим домом, а Клара не может так просто уйти: она должна миссис Коллинз огромную сумму на откуп. И как ее выплатить, коли я получаю гроши?! А тут это дело... И девочка ведь мертва: ей уже все равно, а нам с Кларой подспорье. Вот я и согласился!

Миссис Коллинз выгнула бровь: «Ох уж мне эти влюбленные дураки!» так и читалось на ее недовольном лице.

— Кто были те люди? — спросил у Гилберта Джек. — Вы прежде их видели?

— Ни разу, — мотнул тот головой. — И, надеюсь, что впредь не увижу. Когда зазвонил колокольчик, я подумал, что это они, похитители трупов, орудуют на могиле мисс Эдвардс. Заперся у себя да так и сидел до рассвета. А утром пошел проведать могилку: с виду никаких перемен, кто его знает, лежит там покойница или нет. Я было и успокоился... А тут появились вы оба с расспросами, я и перепугался.

— А имя того джентльмена, который якобы хотел купить тело мисс Эдвардс, вам случаем не известно?

Гилберт замотал головой.

— Не известно, сэр. Сами они-то не шибко со мной говорили, а я ни о чем не спрашивал. Получил свои деньги, — и дело с концом!

Джек с Тоддом переглянулись. Догадки приятеля отчасти оправдались — тело мисс Эдвард было похищено — и что теперь с этим делать, Джек совершенно не понимал.

— Как вы могли?! — голос Тодда пресекся от переполнявшего его чувства. — Поступили хуже убийцы... Отдали тело несчастной на поругание и живете себе преспокойно. Обогащаетесь на чужом горе... Гореть вам за это в аду.

Бедняга Гилберт скукожился еще больше, стал похож на подсохшую кожуру апельсина, — по всей видимости, анафема Тодда по-настоящему его напугала.

— Я ж только ради нас с Кларой... — простенал он совершенно несчастный. — Из-за любви...

Но Тодд уже не слушал его, обращаясь к приятелю:

— Джек, мы просто обязаны отыскать тех безбожников, что похитили тело мисс Эдвардс. — Робость его совершенно прошла, праведное негодование сделало паренька смелым. — Нельзя позволить им измываться над ней, пусть даже мертвой.

Он, казалось, был совершенно уверен, что у Джека непременно есть какой-нибудь план. Он ведь вырос на улицах Лондона, знает, чем дышат самые мрачные закоулки Ист-Энда, кто скрывается в них, а значит, всегда сумеет помочь...

Вот только сам в себе Джек был уверен намного меньше: хирурги, покупающие тела, плодились нынче, как тараканы, и который из них приобрел тело мисс Эдвардс узнать было сложно. Если в целом возможно...

И вдруг:

— Я могла бы свести вас с одним из хирургов, работающим здесь, в районе. Это доктор Уильям Максвелл... — Говорившая шагнула вперед. — Полагаю, он мог либо сам приобрести тело нужной вам девушки, либо подсказать, к кому обратиться в первую очередь.

Девушка, выступившая вперед, выглядела немного иначе, чем остальные девицы

борделя: светловолосая, конопатая, она открытым, бросающим вызов взглядом глядела на Джека. Высокого роста, в простом, скромном платье без единого украшения, она могла оказаться, как обычной служанкой, так и подопечной миссис Коллинз, собравшейся по делам в город. В любом случае ее предложение было кстати, и Джек, готовый за него ухватиться, без промедления отозвался:

— Мы были бы благодарны за помощь.

— Тогда не станем терять времени даром, — сказала девушка улыбнувшись, и тут же направилась к двери.

Недовольное «Мара!» из уст миссис Коллинз заставило ее обернуться.

— Это не займет много времени, — кинула она женщине. — Отведу двух джентльменов к доктору Максвеллу — и дело с концом. — И парням: — Ну так что, вы идете или решили остаться? — Ее насмешливый голосок заставил обоих поторопиться.

— Всего доброго, дамы, — попрощались с хозяйкой борделя и ее цветником смущенные парни, а потом устремились за дерзкой девицей, уже выходявшей на улицу.

Подстроившись к ее шагу, они вместе зашагали по тротуару. День был солнечный, ясный, прогуливаться в такой одно удовольствие, и даже мрачные мысли, какими бы гнетущими они ни были, делались чуточку легче.

— Мама всегда такая зануда, — посетовала вдруг спутницу. — Полагает, что я веду себя недостойно благовоспитанной леди, так я и не леди, а уж тем более не благовоспитанная, — констатировала она, закатив голубые глаза. — Не тогда, когда ты родилась в борделе и знаешь всю его подноготную!

Джек удивился:

— Так эта женщина — твоя мать?

— Удивлен? — улыбнулась девчонка. — Это можно понять. У меня, знаешь ли, и братья имеются, правда, они много старше и живут своим домом. А я вот всё еще с матушкой... — И заметив, должно быть, пораженный взгляд Тодда, взмахнула руками: — Да нет, ты чего, — она хлопнула она его по плечу, — я в борделе пока не работаю. Но это пока... — Лицо ее, несмотря на вполне бодрый голос, сделалось мрачным: — Мама надеется сбыть меня богатенькому клиенту на содержание... Вот и бесится, когда я правил не соблюдаю. А мне эти правила вот как осточертели, — она стиснула свое горло руками. — Я все равно ей не дам. И мужику не позволю творить с собой разное. Сбегу в Новый свет! Я давно все решила. — И мечтательно: — Там хорошо, говорят. Каждый живет так, как захочет... Нет ни маменьки, ни короля. Ни этих чертовых правил!

Ее развязность и сквернословие заставили Тодда смутиться, в деревне, даже девицы из простонародья, не позволяли себе таких слов, а Мара ни много ни мало была почти куртизанкой. О таких, помнится, пастор Райт особенно предостерегал в своих воскресных проповедях... И пусть в Маре не было ничего устрашающего, даже наоборот, Тодд ощущал себя рядом с ней как-то скованно и неловко. Быть может, будучи по природе достаточно робким, он просто-напросто сторонился бойких девиц. А Мара была именно из таких: все говорила и говорила, так что Тодд и слова не вставил в их с приятелем разговор до самой прозекторской искомого ими доктора Максвелла.

— Доктор Максвелл — свой человек, — сообщила, между тем, о докторе Мара. — Берет недорого и всегда помогает, коли в том надобность возникает. Вы понимаете... — вскинула она тонкие бровки. — Маменькины девицы вечно что-нибудь да подцепят, вот и приходится доктора звать. А услуги их нынче недешевы, дерут втридорога, да еще

прибедняются. Но доктор Максвелл не из таких... — Мара Коллинз дернула плечиками. — Я навещаю его время от времени, просто так, без причины, — призналась она, — он не считает женщин глупыми курицами, ни на что, кроме... ну, вы понимаете, не способными. Интересные вещи рассказывает: например, про строение сердца или кровообращение, — произнесла она по слогам. — Я до него и слов-то этих не знала... Меня только брэнчать на рояле да колоть пальцы иглой и учили по существу. Пустая трата времени, признаюсь я вам! — И заключила: — Вот мы и пришли.

Небольшое приземистое строение, стоящее в глубине одичавшего сада, никак не ассоциировалось с приемной известного доктора. Им и не было: пациентов знакомец мисс Коллинз принимал в другом месте. Они прошли к нему через калитку в щербатом заборе и высокий бурьян, и Джек спросил неуверенно:

— Ты уверена, что мы пришли, куда надо?

— Конечно, уверена. Считаешь, я совсем глупая? — И девушка побежала вперед по дорожке.

— Чудная какая-то, — озвучил Тодд свои мысли, глядя ей вслед. — Болтает без умолку, да еще водится с мясником.

Джек возразил:

— Доктор Максвелл — не мясник, Тодд. Он — анатом, изучающий человеческое тело...

Но Тодд стоял на своем:

— Он покупает человеческие тела и режет их ножичками. По-твоему, он не мясник?! По-моему, никакой разницы.

Ответить Джек не успел, да и не шибко хотел вступать в прения... Только зажал нос пальцами, пытаясь заглушить пахнувшее зловоние мертвечины, принесенное ветерком. И скривился от омерзения...

— Поторопитесь, — окликнула их с Тоддом Мара, постучав в дверь.

Та вскоре скрипнула, отворяясь, и перед тремя посетителя предстал мужчина лет сорока-сорока пяти в порывшем от крови и других малоприятных телесных жидкостей фартуке, утирающий руки грязной тряпичкой. Его в целом приятное, привлекательное лицо, выражавшее любопытство, глядело на них умными, проницательными глазами.

Сладковатый, приторный запах сделался четче, им потянуло из-за открытой двери за спиной доктора Максвелла, и Джек невольно сглотнул, борясь с тошнотой, взбаламутившей ему внутренность.

— Доктор Максвелл, мы к вам по делу! — жизнерадостно провозгласила мисс Коллинз, казалось, не замечавшая ни жуткого фартука доктора, ни отвратительных ароматов разлагающейся плоти из его лаборатории.

Тот улыбнулся ей, продолжая глядеть поверх ее головы на парней.

— Поговорим внутри, — коротко кинул он, развернувшись и последовав в секционную.

Здесь, внутри, куда парни последовали за Марой, смердело особенно невыносимо. Зловоние мертвечины, карболовой кислотой и керосиновых ламп, смешавшись в один смертоносный коктейль, ударяло буквально под дых. Заставляло слезиться глаза... И, казалось, лишало способности мыслить.

В самом центре, на секционном столе, лежал человек, вернее его брэнное тело, жалкая оболочка, бесстыдно выставленная на их обозрение до самых внутренностей.

— Итак, какое у вас ко мне дело? — спросил доктор Максвелл, явно надеясь, как можно скорее вернуться к своей жуткой работе. — Я несколько занят и тороплюсь.

Джек хотел бы ответить, но слишком явно ощущал мертвеца за спиной, и Мара опередила его.

— Эти двое молодых джентльменов, — сказала она, — разыскивают мертвое тело, захороненное третьего дня.

— Не третьего дня, а вчера, — возразил девушке Тодд.

— Третьего дня, — настаивала на своем Мара. — Гилберт сказал именно так. А уж он-то не ошибется... в отличие от некоторых других. — Одарила она паренька скептическим взглядом.

Ее слова возмутили парнишку.

— А я говорю, он ошибается. — Сстиснул он кулаки. — Я сам присутствовал на похоронах и потому знаю, о чем говорю.

Доктор Максвелл вскинул бровь, заинтересованный перебранкой.

— Объясните толком, в чем дело, — попросил он. — Я совершенно запутался.

Мара и тут оказалась проворнее:

— Эти двое уверяют, что некую девушку...

— Этель Эдвардс, — подсказал имя Джек.

— ... Этель Эдвардс, — продолжила Мара, — схоронили третьего дня на Хейгейтском кладбище. Той же ночью покойницу умыкнули похитители трупов, и этот молодой человек, — она указала на Тодда, — желает отыскать ее тело. — А потом добавила совершенно не к месту: — Похоже, бедняжка был влюблен в девицу при жизни. И теперь сильно страдает!

«Бедняжка», злой как черт, ожог девицу ненавидящим взглядом и настойчиво повторил:

— Ее схоронили вчера... вчера, а не третьего дня. Этот могильщик не смыслит, что говорит... — и почесал зудящую шею.

Доктор Максвелл, внимательно за обоими наблюдавший, решил уточнить:

— А я здесь при чем? — При этом он приблизился к Тодду и слегка оттянул край его воротника.

— Ну, — улыбнулась доктору Мара, — мы хотели узнать, не искомая ли нами покойницу на вашем столе, доктор Максвелл. — И доктор тоже ей улыбнулся.

Сказал:

— Прошлой ночью я трупа не покупал. А этот свеженький, так сказать, цирроз печени и тому подобные прелести. Вряд ли этот пропойца ваша исчезнувшая девица!

Тодд побледнел... А доктор, приблизившись к телу, указал на мужчину рукой: мол, вот, убедитесь, что я вам не лгу. Тодд, старавшийся не глядеть на труп все это время, теперь увидел оголившуюся грудь с пурпурным оттенком внутренних органов и, сделавшись много бледнее прежнего, бросился прочь из дома, где изверг содержимое пустого желудка в кусты у порога.

— Так это мужчина, — констатировала мисс Коллинз с разочарованием. — Мне жаль. — И она поглядела сквозь распахнутую дверь на корчившегося от рвотных спазмов Тодда...

Доктор Максвелл, проявив понимание, прикрыл тело простыней и обратился к Джеку:

— След на шее вашего друга подозрительно напоминает инъекцию. Не подскажете, кто мог сделать укол?

— Укол шприцем?! — Джек даже опешил. — Понятия не имею.

— Любопытно, вы не находите? — Доктор в задумчивости потер подбородок. — Возможно, этим и объясняется выпавший из его памяти день. Я хотел бы исследовать его кровь. Как полагаете, он согласится?

Джек не знал, что ответить: пораженный, он думал о том, как Тодд постоянно тер шею и как рассказал, что его укусила пчела. Но пчела ли?

— Не думаю, но я постараюсь его убедить, — сказал он и направился к другу со стаканом воды.

— Ты все еще думаешь, что он не мясник? — простенал Тодд хриплым голосом.

Пить воду из докторского стакана ему совсем не хотелось, однако он себя пересилил и осушил его полностью. В горле стоял тошнотворный привкус исторгнутой желчи.

— Доктор сказал, что тебя укололи шприцем, — вместо ответа просветил его Джек. — Он говорит, у тебя на шее след от инъекции. Помнишь, ты говорил о пчеле...

— След от инъекции? — Тодд схватился за шею. — Не понимаю. Пчела... да, меня будто что-то кольнуло. — Глаза его сделались просто огромными, рот распахнулся. — Полагаешь, это меня так иглой? Но зачем?

— Доктор предполагает, что тебе что-то вкололи. Может быть, потому ты не помнишь вчерашнего дня...

— Боже! — Тодд привалился к стене, пытаясь осмыслить услышанное. — Не понимаю...

— Доктор кажется неплохим человеком, — поспешил сказать Джек, воспользовавшись замешательством друга, — он может помочь выяснить, что за дрянь вкололи тебе. Нужно только дать ему твою крови на анализ...

Глаза Тодда выпучились от страха, и Джек схватил его за руку, пресекая любую попытку к возможному бегству.

И продолжил увещая:

— Не глупи, Тодд. Это всего лишь капелька крови... К тому же, признайся, как на духу: ты хочешь выяснить, что случилось с телом мисс Эдвардс или же нет?

Тодд опустил голову и сглотнул. Пальцы его мелко подрагивали.

— Хочу, — прошептал он так тихо, что Джек его еле расслышал.

Расставшись с мисс Коллинз у дверей ее дома, оба приятеля замерли в нерешительности. Доктор Максвелл обещал провести необходимые тесты с кровью уже к завтрашнему дню, однако этого было мало: им следовало рассказать о случившемся кому-то надежному, способному не просто выслушать, но и помочь по необходимости.

В голову Джека приходил только один человек: им был инспектор Энтони Ридли.

Именно потому он сказал:

— Предлагаю поведать эту историю инспектору Ридли, Тодд. Так будет лучше всего... Сами мы мало что можем.

Тодд молча мотнул головой, слишком погруженный в собственные мысли, чтобы прерывать их ответом, и они отправились ловить кэб до Уйтхолл-плейс номер четыре — Джек логически рассудил, что искать инспектора стоит именно в участке. Дома он появлялся глубокой ночью, спал несколько часов урывками и уходил подчас еще затемно... Так что миссис Вилсон, экономка, только руками разводила.

А теперь было не так уж поздно: шел седьмой час вечера, и Ридли, конечно же, был на рабочем месте. Туда они и направились...

— Кукольный мальчик?!

Джек непроизвольно скривился, услышав старое прозвище, и обернулся, чтобы припечатать болтуна недовольным взглядом, однако увидел знакомое веснушчатое лицо констебля Дрискоула и невольно смягчился.

Все, случившееся до Нортумберленда, казалось Джеку чем-то давно минувшим, канувшим в небытие, он и сам канул туда же — теперь он стал как будто бы взрослее и чуточку терпимее.

— Здравствуйте, констебль, — поздоровался он с мужчиной, и тот даже присвистнул, пройдясь взглядом по его франтоватой одежде.

— Вы только посмотрите, — отозвался Дрискоул, широко улыбаясь, — наш Кукольный мальчик выбился в франты! Помнится, не так давно и причесаться лишний раз не удосуживался, а теперь поглядите-ка, чудеса, да и только, — при шляпе и в новом сюртуке.

— Времена меняются, констебль, — улыбнулся на это Джек.

— ... как и люди, я полагаю, — хмыкнул его собеседник.

Джек поинтересовался:

— Могу я поговорить с инспектором Ридли?

Констебль вскинул густые черные брови под самую линию волос и с многозначительностью осведомился:

— Что, опять? Тебе все нейдет, Кукольный мальчик? — Джек шутки не поддержал, и Дрискоул махнул рукой: — В кабинете он у себя. Хотите, чтобы о вас доложили, многоуважаемый сэр? — насмешничая, осведомился он.

— Сам справлюсь, благодарю, — отозвался на его кривляние Джек.

И уже направляясь в сторону кабинета инспектора, услышал, как Дрискоул насмешливо передразнил: «Благодарю», ишь, какие мы стали вежливые». Ему припомнилось, как он приходил в этот участок вместе с Мейбери... как Ридли подарил ему чистые вещи для аудиенции у Риверстонов... Все это было как будто бы не про него.

Сердце невольно сжалось.

— Войдите.

Джек приоткрыл дверь и увидел устремленные на себя глаза старого знакомца: тот сидел за рабочим столом, заваленным кучей бумаг, и, кажется, что-то писал, прежде, чем его отвлекли стуком в дверь.

— Джек Огден. — Ридли отложил перо и слегка усмехнулся в своей привычной манере, только ему одному и свойственной. — Какими судьбами? Проходи, рассказывай. Полагаю, это не простой визит вежливости... — он поглядел на Тодда, оценивая того с головы до ног, и парнишка совершенно смешался, переступив с ноги на ногу, подобно неуклюжему медведю.

— Мы пришли по делу, — Джек хоть и привык к полицейским повадкам инспектора, все-таки и сам ощущал себя не в своей тарелке (наверное, из-за новой одежды), — не совсем обычному делу, если быть точным. — И он указал на своего спутника: — Это Тодд Хит, мой приятель по Хартберну, мы вместе вернулись в Лондон.

— Понимаю. — Ридли встал, обошел стол по кругу и облокотился о столешницу. — Так в чем заключается ваше «не совсем обычное дело», молодые люди? Я весь внимание. Говорите...

— Так вот, — продолжил объяснять Джек, — Тодд работает помощником фотографа на Корделиен-стрит... Того зовут Кори Фостером — возможно, вы слышали это имя...

— Что-то не припоминаю, — мотнул головой инспектор. И попросил: — Ближе к делу, пожалуйста...

Джек не заставил просить себя дважды.

— Несколько дней назад их с фотографом пригласили сделать посмертные фотографии некой мисс Этель Эдвардс, дочери банковского клерка, преждевременно почившей из-за сильной простуды.

И Джек пересказал инспектору Ридли все произошедшие с тех пор события. Не умолчал и об их визите к доктору Максвеллу, обещавшему узнать, что конкретно вкололи бедолаге Тодду в ночь похищения тела мисс Эдвардс.

Закончив рассказ, Джек замолчал, позволив Ридли осмыслить услышанное, тем более, что тот казался весьма увлеченным данной историей: глядел невидящими глазами в пустое пространство над дверью да постукивал указательным пальцем по губам.

— Когда, вы говорите, упокоили эту девицу? — осведомился он, глядя на обеих парней сразу.

— Третьего дня, если верить могильщику, — отозвался на это Джек. — Тодд же полагал, что это случилось вчера.

Ридли оттолкнулся от стола и сделал несколько шагов по комнате.

— В самой краже тела мисс Эдвардс нет ничего особенного, если подумать, — произнес он обыденным тоном. — Тела крадут повсеместно, и мы бессильны против этой напасти. Хотя нынче стало поспокойнее, — заметил он мимоходом. И продолжил с задумчивым выражением на лице: — Примечателен сам факт инъекции, и это да, интригует. Какой похититель трупов может позволить себе новомодный шприц с довольно неожиданным содержимым? Сомневаюсь, что, хотя бы один из них знает о его существовании, не говоря уж об использовании... Вы правы, во всем этом что-то есть.

— Вот и я о том же, — вскинулся Джек. — Здесь какая-то загадка, и мы с Тоддом хотели бы ее разгадать. Не говоря уж о том, что тело несчастной девушки должно быть возвращено в могилу, из которой ее похитили...

Ридли усмехнулся.

— Норовист, как и прежде. Даже дорогая одежда не сделала тебя другим... Натуру не переделать, в какие бы одежды ее не облачить, не так ли, мой юный друг? — И похлопал юношу по плечу: — Ну-ну, не дуйся, я это не со зла. Ты же знаешь...

В этот момент раздался вежливый стук, и в проеме двери показалась веснушчатая физиономия Дрискоула.

— Инспектор Ридли, сэр, тут некий господин желает сообщить об исчезновении человека. Явно из богатых... Желаете сами переговорить с ним или мне поручить это Коллинзу?

Ридли, на секунду задумавшись, осведомился:

— Имя заявителя?

— Оливер Френч, сэр, бизнесмен. Так написано на его визитной карточке...

— Он сообщил имя пропавшего?

— Говорит, это его друг, некий, — констебль сверился с зажатой в руке визиткой, — Клод Гарднер. Тот со вчерашнего дня не подает о себе признаков жизни. Он, по его же собственным словам, за него крайне волнуется...

— Клод Гарднер, — повторил за сотрудником Ридли, и Тодд, прежде упорно молчавший, встрепенулся.

— Я, кажется, знаю это имя, — произнес он взволнованным голосом. — Слышал однажды... только не припомню, где именно.

Джек с Ридли вперили в парня любопытные взгляды.

— Тебе знакомо имя пропавшего? — Ридли подобрался, словно гончая перед началом гона. — Весьма любопытное совпадение.

А Тодд, мучительно соображавший, где мог слышать данное имя, хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил: это было в доме Эдвардсов, сразу после того, как мы закончили с фотографированием. Старая кухарка, которой велели угостить нас обедом, упоминала его несколько раз... — Тут юноша в смущении замялся: — Только я был слишком занят размышлениями о мисс Эдвардс, чтобы вслушиваться в ее слова. Представления не имею, почему она о нем говорила...

Ридли, явно разочарованный, все-таки сумел примирительно улыбнуться.

— Что ж, напиши-ка ты мне, дружок, вот здесь на этом листке бумаги свой и Эдвардсов адреса, — попросил он Тодда, подавая ему лист писчей бумаги и чернила. — И, Джек, — теперь он смотрел на старого приятеля, — полагаю, тебя бесполезно просить не вмешиваться в это дело, не так ли?

Джек только пожал плечами.

— Мы, вроде как, уже замешаны, инспектор. Позвольте помочь вам в расследовании по мере сил и возможностей!

И Ридли попросил.

— Только обещайте, что будете слушаться меня во всем, никакой самостоятельности.

— Обещаем, — поручился Джек за обоих сразу.

Работа у мистера Баррета была чистой воды синекурой: от Джека всего-то и требовалось, что коммуницировать с пока еще немногочисленными клиентами своего работодателя, да содержать в полном порядке папки с делами.

Джек втайне подозревал, что со всем этим мистер Баррет мог бы справиться сам, но, посчитав себя должным за оказанную им с миссис Чендлер почтовую услугу, он и придумал для него эту неплохо оплачиваемую, но необременительную должность.

И Джек выкладывался по полной... Тоже во имя благодарности. Вот хотя бы за свой новый костюм и отличную фетровую шляпу.

— Ты вчера поздно вернулся, — сказал мистер Баррет, подняв голову от документа. — С мистером Кортон появились какие-то трудности?

Джек как раз вымучивал очередную строку делового письма, которое мистер Баррет поручил парню размножить в трех экземплярах, и потому рад был отвлечься.

— Никаких трудностей, сэр: мистер Кортон подписал сделанное признание, как вы того и хотели. А задержался я из-за приятеля Тодда...

— Это тот самый сын булочника, что уехал с тобой из Хартберна?

— Да, сэр, он самый, — подтвердил Джек, мотнув головой. — Дело в том, что с ним приключилась одна странная, непростая история...

И он в очередной раз пересказал историю о похищенной из могилы покойнице, дополнив её сообщением об исчезновении мистера Клода Гарднера, чье имя многократно упоминалось в доме все той же преждевременно почившей мисс Эдвардс.

И заключил он все это такими словами:

— Что-то подсказывает мне, сэр, что оба этих события — похищение тела мисс Эдвардс

и исчезновение мистера Гарднера — каким-то образом связаны между собой, и потому я хотел бы... — тут он замялся, не решаясь договорить, и мистер Баррет подбодрил его тихой улыбкой. — ... Поучаствовать в расследовании инспектора Ридли, — закончил Джек свою мысль. — Быть в курсе происходящего...

Мистер Баррет поинтересовался:

— Хочешь иметь разрешение отлучаться время от времени по этому делу?

— Да, сэр, если вы не будете против.

Молодой человек на секунду задумался, скорее просто для вида.

— Не против. — Его улыбка сделалась шире. — Но только с условием...

— Каким, сэр? — насторожился Джек.

— Ты будешь держать меня в курсе этого дела, рассказывать обо всем, что удастся выяснить, договорились?

Джек с облегчением выдохнул.

— Договорились. — И тут же спросил: — А не мог бы я отлучиться прямо сейчас? Быть может, доктору Максвеллу удалось к этому времени выяснить, инъекцию какого лекарства сделали Годду... Уверен, инспектору Ридли это поможет в расследовании.

Вскоре он опрометью бежал по садовой дорожке к неприметной калитке, выводящей узким проулком на оживленную Карнаби-стрит. Там, подозвав свистом проезжающий кэб, он вскочил на подножку и уже минут через двадцать подходил к лаборатории доктора Максвелла.

Мертвечиной здесь нынче пахло поменьше, но амбре все равно вышибало из легких весь воздух. И Джек, задохнувшийся в первый момент и даже закашлявшийся, заметил, как доктор расплылся в улыбке... Его вытянутое лицо с окладистыми бакенбардами так и светилось радостным предвкушением чего-то особенного... Похоже, ему не терпелось поделиться деланным открытием.

— Барбитал-натрия, молодой человек. Вот что я нашел в крови вашего друга! — сообщил он без промедления. И так как Джек, демонстрируя полнейшее недоумение, никак на это не отреагировал, пояснил: — Сильнодействующее снотворное. Применяется в психиатрии при лечении буйных больных... Малоизученное и крайне опасное в больших дозировках. Просто так в аптеках не продается, как вы понимаете!

Джек мало что понимал в медицине, однако главное уразумел: просто так по ночному кладбищу с таким препаратом в кармане не ходят.

— Не могли бы вы записать это название, сэр? — попросил Джек доктора Максвелла, боялся не удержать в памяти столь заковыристые слова. — Я покажу его инспектору Ридли. Вдруг это поможет полиции разобраться в том, что случилось.

— Так вы сообщили в полицию? — удивился мужчина. — Что ж, вполне разумно, хотя и весьма неожиданно.

Джек отчего-то смутился и посчитал необходимым сказать:

— Вчера в Лондоне пропал некий Клод Гарднер, американец французского происхождения, который, как мы полагаем, может быть связан с семейством мисс Эдвардс. Весьма странное совпадение, вы не находите?

Доктор Максвелл вскинул кустистые брови, хмыкнул и произнес:

— Согласен, во всем этом есть что-то странное. — И предложил: — Если будет нужна медицинская консультация — можете смело обращаться ко мне. Буду рад помочь!

— Спасибо, доктор, так и сделаем при необходимости, — пообещал ему Джек,

складывая бумагу и убирая ее в карман.

Теперь его путь лежал в сторону Скотланд-Ярда.

— А вот и наш мистер Огден. — Джек столкнулся с инспектором Ридли в дверях полицейского управления — стоящий неподалеку кэб определенно дожидался именно его. — Ты едва успел застать меня на месте. — И поведал: — Пропавший Клод Гарднер так и не нашелся, я как раз еду побеседовать с Оливером Френчем, его близким другом и работодателем.

— Можно мне с вами? — выпалил Джек на ходу, почувствовав волнение сыскной лихорадки сразу во всем теле одновременно. Противиться ей было бесполезно: зуд проходил только вместе с удачно раскрытым делом. А тут все самое интересное только начиналось...

Напряжение буквально витало в воздухе.

— Что, никак нейдет? — не удержался Ридли от привычной насмешливости в адрес своего юного приятеля. — И тут же взмахнул рукой: — Что ж, поехали, посмотрим, что сможет нам поведать мистер Оливер Френч.

Джек не заставил себя ждать и легко запрыгнул на подножку экипажа, заняв место подле инспектора, и едва колеса кэба загрохотали по булыжной мостовой, он поведал Ридли о недавно состоявшемся разговоре с доктором Максвеллом. Подытожил он его извлеченным из кармана сюртука листком с названием снотворного препарата...

Ридли выслушал его в сосредоточенной задумчивости, пробежал глазами замысловатое название на бумаге, а потом погрузился в молчаливое раздумье... И отмер только под сообщение констебля Дрискоула об их прибытии на место.

Все это время Джек не произнес ни слова — он и сам был полон тем для раздумий. Хотелось понять, связаны ли между собой события на Хейгейтском кладбище и исчезновение Клода Гарднера, неким непонятным пока образом имеющего отношение к умершей девушке... А если связаны, то как. Чтобы увязать все это между собой, нужно было обладать большим количеством фактов, и Джек собирался разжиться ими именно сегодня, во время разговора с Оливером Френчем. Кем бы он там ни был...

А был он, определенно, не из бедных: красивый маленький особнячок на Мэрилебоне мгновенно притягивал досужие взгляды. Медный дверной молоток сверкал, как отполированное золото... Недавно начищенная лестница, казалось, никогда не знавала ни пылинки, а вышедший на стук дворецкий так высоко задирал свой курносый нос, что Джек едва не прыснул в кулак при виде щетки волос, торчащей из его правой ноздри. Инспектор, должно быть, любовался тем же видом с его левой стороны.

— Мы хотели бы переговорить с мистером Оливером Френчем, — произнес Ридли без тени улыбки. — Не могли бы вы сообщить ему о нашем визите, будьте так добры. — И он протянул дворецкому свою визитную карточку.

Тот принял ее облаченной в белую перчатку рукой и удалился, всем видом демонстрируя оказанное незванным гостям снисхождение.

Ридли пожал плечами.

— Его хозяин и то кажется меньшим снобом, — хмыкнул он себе под нос.

Вскоре их препроводили в кабинет мистера Френча, и Джек опешил при виде маленького пухлого человечка, буквально кинувшегося им навстречу.

— Инспектор Ридли. — Он вцепился в руку инспектора и несколько раз энергично ее встряхнул. — Удалось ли вам узнать что-то о моем исчезнувшем друге? Я буквально места

не нахожу от беспокойства. Пропадать вот так, без единого слова предупреждения, совсем не похоже на Клода... Боюсь, с ним случилось нечто ужасное.

Ридли произнес:

— К сожалению, мне нечем вас порадовать, мистер Френч. Ваш друг все еще не обнаружен... Будем надеяться на лучшее.

— На лучшее... Да, конечно, — повторил за ним собеседник, и его тон сказал больше, чем сами слова: Оливер Френч на лучшее, увы, не надеялся. — Я и сам говорю себе то же, однако памятуя о прошлом... обо всех преступлениях, совершающихся повсеместно в этом проклятом городе. — И извиняющимся тоном: — Надеюсь, я вам не обидел, инспектор? Этот город исполнен порока, и вам ли не знать об этом.

Ридли молча кивнул, как бы соглашаясь с утверждением маленького человечка, а потом вдруг осведомился:

— Могу я задать вам несколько вопросов, касательно мистера Гарднера, вашего поверенного...

— И лучшего друга, — присовокупил хозяин дома. — Мы через многое прошли вместе... — И чуть менее патетично: — И да, буду рад ответить на ваши вопросы, инспектор. Так о чем вы хотели спросить? Я весь в вашем распоряжении.

Инспектор Ридли задал вопрос:

— Скажите, были ли у мистера Гарднера враги?

— Враги? — Мистер Френч даже подскочил на месте. — Что вы, не думаю, что это возможно. Он крайне миролюбивый и богобоязненный человек. К тому же, родился и вырос за океаном — полагаю, ни один из недругов, даже имейся у него таковой, не последовал бы за ним в Старый Свет только для того, чтобы свести старые счеты.

— То есть никто определенный вам в голову не приходит?

— Абсолютно никто, инспектор.

— А как же вы сами, — задал новый вопрос инспектор Ридли, — имеются ли враги лично у вас, мистер Френч? Возможно, исчезновение вашего друга связано с одним из ваших недоброжелателей... — И снова: — Вы, насколько я понимаю, владеете собственным делом, а это всегда чревато определенными сложностями...

— Если под «сложностями» вы подразумеваете наличие, как вы сами их называете, недоброжелателей, то могу вас уверить, инспектор, таковых практически не имеется. Не скрою, у нас были некоторые неприятные инциденты, однако столь незначительные, что не стоит и поминать... Да и было то опять же за океаном. — Мистер Френч дернул плечами, потер свою идеально выбритую щеку, и, вскинув голову, осведомился: — Полагаю, вам неизвестно, чем именно мы с Клодом занимаемся? — И сам же ответил: — Продаем «Эликсиры Френча» — одно из самых действенных средств при любых видах психического недуга. — И все в том же духе: — Сейчас мы только начинаем пробиваться на местный рынок, но в Нью-Йорке, где собственно и находится наш головной офис, «Эликсир Френча» давно зарекомендовал себя, как наипервейшее незаменимое средство не только при подавленном состоянии духа, вызванном телесными воспалениями, но и при таком наисложнейшем недуге, как истерия, — здесь мистер Френч понизил голос до едва различимого шепота, вроде как поверяя некую тайну. — И, скажу вам как на духу, результаты просто ошеломляют.

— То есть вы продаете «тоник от нервов»? — решил уточнить Ридли, и мистер Френч с энтузиазмом кивнул.

— Вы непременно должны его попробовать, инспектор. — Мужчина подхватился со стула и бросился к массивному дубовому шкафу, полки которого, стоило ему распахнуть его дверцу, так и оцетинились бутылочками с чудодейственным эликсиром. — Вот, принимайте по пять капель перед едой — и все ваши хвори, как рукой снимет.

Ридли принял флакон синего стекла и взвесил его в ладони — Джек уловил нотку насмешливости, залегшую в уголках его глаз.

— Благодарю, — произнес инспектор в сторону дарителя. — Обязательно воспользуюсь вашим подарком. — И переменял тему: — Насколько я могу судить по вашим же словам, мистер Френч, это не первое ваше знакомство с Лондоном...

Френч с энтузиазмом кивнул.

— Вас, должно быть, удивляет отсутствие акцента, — присовокупил он к кивку, — понимаю ваше замешательство, инспектор. Однако должен заметить, что я родился и вырос на улицах этого города. Лондон — моя несчастная родина! — Ридли, если и был удивлен, вида не подал, только чуть вопросительно поглядел в глаза собеседника, и тот продолжил: — Прежде у меня не было ни дома в Марилебоне, ни дорогой одежды, даже еду приходилось добывать тяжелым трудом на кожевенной фабрике в Элдинге... Это было тяжелое, полное беспросветного мрака существование, вспоминать о котором совершенно не хочется. — Мужчина вздохнул, задумавшись на секунду, а потом поглядел прямо на Джека: — Я был примерно вашего возраста, молодой человек, когда «зайцем» пробрался на один из судов, отплывающих в Новый Свет. Терять мне было нечего, и я простился с родными берегами ровно на двадцать лет...

— Похоже, удача сопутствовала вам в этом приключении, — Ридли слегка улыбнулся. — Вы вернулись богатым человеком.

— Вы правы, удача мне улыбнулась... Пусть и не сразу, коварная кокетка, однако, проявила благосклонность.

Мужчина замолчал, задумавшись на мгновение, и Ридли снова произнес:

— Однако вернемся к мистеру Гарднеру. Расскажите, когда вы видели друга в последний раз...

— Позапрошлым утром, — с готовностью отозвался Оливер Френч. — Мы выпили чаю обсудили некоторые деловые вопросы... — И, на секунду запнувшись, заключил: — А потом Клод ушел. С тех пор я его больше не видел...

В этот самый момент в дверь кабинета постучали, и появившийся на пороге дворецкий сообщил о визите констебля Дрискоула... Весьма смущенный подобной помпезностью, тот тенью просочился мимо сноба-дворецкого и что-то зашептал на ухо инспектора Ридли.

Едва тот перестал говорить, Ридли поглядел на мистера Френча и произнес:

— Не могли бы вы рассказать, что стало причиной вчерашней ссоры между вами и мистером Гарднером? Судя по словам некоторых очевидцев, вы были весьма раздражены, и мистер Гарднер выскочил из дома в расстроенных чувствах.

Джек наострил уши: такого поворота событий он вовсе не ожидал.

— Ссора имела место, — не стал отрицать очевидное мистер Френч, только кончики ушей у него слегка покраснели — Мы, действительно, сильно поссорились, наговорили друг другу разного... Клод выскочил из дома, хлопнув дверью. — И невесело мыкнув: — Обозвал меня глупым ослом... Если бы я только знал, что не увижу его больше. Если бы только знал...

Ридли поинтересовался:

— Могу я узнать о причине вашей ссоры?

Френч, продолжая качать головой, выдохнул:

— Всего лишь частный вопрос. Мы обсуждали смерть моей дочери... Бедная девочка скончалась несколько дней назад, и третьего дня была похоронена на Хейгейтском кладбище.

Тут уж голос окончательно подвел несчастного предпринимателя, и он замолчал, пытаясь унять дрожь в голосе.

Ридли с Джеком переглянулись.

— Как звали вашу дочь? — поинтересовался инспектор Ридли, взволнованный не в меньшей степени, пусть и по другому поводу.

И Френч просипел:

— Этель Эдвардс. Почему вы спрашиваете, инспектор?

— Итак, вашу дочь звали Этель Эдвардс. — Ридли поглядел на маленького человечка пристальным взглядом. — Простите мою непонятливость, мистер Френч, но каким образом дочь банковского клерка мистера Томаса Эдвардса могла оказаться и вашей дочерью одновременно?

Теперь пришла пора удивляться самому мистеру Френчу.

— Откуда вам известно о Томасе Эдвардсе? — спросил он в видимом волнении, и не в силах усидеть на одном месте, вскочил на ноги. — Как такое возможно?

А Ридли попросил:

— Расскажите нам всю историю целиком, мистер Френч. После и я сделаю то же самое... Обещаю.

Его собеседник дважды прошелся от стула до книжных полок вдоль стены и только потом заговорил:

— Мне было восемнадцать, когда я покинул родные берега... Безусый мальчишка с большими амбициями и тощим кошельком. Я тогда был влюблен в одну девушку, Мэри Корбетт, дочь булочника с Сент-Терренс — ее родители и слышать обо мне не хотели. Говорили, что ничего путного из меня не получится, мол, как был, так и останусь сыном нищего жестянщика, а их Мэри заслуживала лучшего... И так горько мне было, так невыносимо тяжело, что я дал себе клятву: либо разбогатею, либо никогда не вернусь в родные края. С тем и отправился в Новый Свет... — Френч полностью отдался воспоминаниям, даже лицо сделалось отсутствующим. — Удача не очень мне способствовала, как вы понимаете, — продолжил он глухим голосом, — таких искателей легкой наживы, как я, там было пруд пруди, и каждый верил, что ему повезет в первую очередь... — Рассказчик грустно улыбнулся: — Везло единицам. Причем без какой-либо системы... И я много чего перепробовал, прежде чем мне в руки попался рецепт старого индийского снадобья — они называли его «Ваби-манидо», что значит «Белый дух» — которое буквально подняло меня на ноги после особенно продолжительной лихорадки. Я думал тогда, что проживаю последние часы своей жизни... — Френч снова улыбнулся, только теперь уже радостной улыбкой: — Однако не умер. Да еще упросил научить меня делать такое же снадобье самому. С того все и началось... Я разъезжал по городам, торгуя чудодейственным «Эликсиром Френча», и встреча с Клодом во многом помогла мне стать тем, кем я сейчас и являюсь. Это если кратко, инспектор, — пожал Френч плечами. — Полагаю, вас больше интересует мое возвращение на родину, нежели мытарства на чужбине?

— Вы правильно полагаете, — Ридли утвердительно мотнул головой. — Расскажите, что произошло после вашего возвращения в Лондон.

И мистер Френч снова заговорил:

— Вполне естественно, что мне захотелось узнать, как сложилась жизнь Мэри Корбетт. И благодаря помощи Клода, мне удалось выяснить, что она вышла замуж за банковского клерка, живет в Ислигтоне и воспитывает восемнадцатилетнюю дочь... Поначалу я не придавал этому обстоятельству особо значения — я и сам являюсь отцом шестнадцатилетней девушки — однако стоило мне только ее увидеть... как прошлое настигло меня в один момент. Это было подобно удару...

Мистер Френч замолчал, как бы действительно получив заставивший его умолкнуть удар, и Ридли задал вопрос:

— Мисс Эдвардс была настолько похожа на вас?

— Не на меня, — затряс головой мужчина, — на мою бедную матушку. Я подумал тогда, что повстречал призрака... Буквально онемел, даже сердце на миг остановилось.

— Что было после?

— После я выяснил, что сразу после моего отплытия в Новый Свет, Мэри разродилась маленькой девочкой... моей дочерью. Что, стремясь избежать скандала, ее отец посулил Томасу Эдвардсу (тогда еще бедному студенту) хорошие деньги, и тот женился на Мэри, взяв на себя воспитание девочку, подобно собственной дочери. Если бы я только знал, — буквально простенал мистер Френч, сцепив пальцы в крепкий замок, — то ни за что бы ее не оставил... Я так ей тогда и сказал, но Мэри... она была непреклонна. Велела покинуть их дом и никогда не возвращаться... Сказала, у Этель уже есть отец и другой ей не нужен. Даже деньги брать отказалась... Хотя я обещал внести девочку в завещание и обеспечить ей безбедное будущее.

Мэри и слушать не желала... — Мужчина сник, лоб прорезала глубокая морщина. — Запретила и на пушечный выстрел к дочери приближаться, мол, они столько лет обходились без моих денег, что и теперь как-нибудь обойдутся. Даже знакомить нас с дочерью не хотела... Сказала, та считает себя дочерью Эдвардса, и впредь пусть так и остается.

— То есть с дочерью вы так и не свиделись?

— Если бы, — Френч снова вскочил со стула и в волнении заходил по комнате. — Теперь я думаю, что лучше бы и в самом деле, не виделись... А то ведь вон как получилось, инспектор. Словно проклятие какое-то...

Инспектор Ридли позволил Френчу еще два взволнованных круга по комнате, а после, совершенно сбитый с толку, как самими метаниями собеседника, так и его двусмысленными словами, попросил:

— Расскажите все поподробнее, пожалуйста. Миссис Эдвардс запретила вам свидания с дочерью, но...

— ... Но Этель нашла способ, чтобы увидеться со мной. — Френч наконец-то остановился, как бы обессиленный упал на прежнее место и продолжил рассказ: — Это было, примерно, на второй день после нашего с Мэри разговора: в дверь постучали, и Грэнджер, мой дворецкий, — нашел нужным уточнить мистер Френч, — доложил о визите юной особы, желающей увидеться со мной. Я и подумать не мог, что этой юной особой окажется моя крошка Этель... Смущенная и крайне взволнованная, краснеющая и бледнеющая без меры, она стояла на моем пороге, и я сразу сообразил: девочка знает, кто ее настоящий отец. — Нотки отцовской гордости явственно прорезались в голосе говорившего, он даже

слегка улыбнулся: — Никогда бы не подумал, что кто-то, прежде тебе незнакомый, может в столько краткий срок стать для тебя столь незаменимым... — Френч поглядел прямо в глаза инспектора Ридли. — Так случилось с Этель. Мы сразу же прикипели друг ко другу, могли часами вести беседы на самые разные темы...

— Мать девушки знала о ваших встречах?

— Что вы, инспектор, Мэри ни за что бы этого не одобрила. Этель приходила тайком... Ссылалась на встречи с подругами, на походы по магазинам... — И с блеском в глазах: — Я познакомил их с Матильдой, своей другой дочерью. Бедняжка очень больна и почти все время лежит в постели... Визиты Этель, такой жизнерадостной и веселой, доставляли девочке настоящее удовольствие. Было приятно видеть, как обе мои доченьки щебечут, словно говорливые горлицы...

— Вы рассказали Матильде правду о мисс Эдвардс?

Мистер Френч утвердительно кивнул.

— Я не стал скрывать этого от дочери. Она была только рада обрести в ее лице единокровную сестру... — На этом месте мистер Френч снова помрачнел: — К сожалению, наше счастье длилось недолго, и я никак не могу простить себя за это. — Джек даже сглотнул от нетерпения. — В один из дней Этель слишком припозднилась — мы просто потеряли счет времени, инспектор! — и так как день был достаточно ветреный, а бедняжке по дороге домой не повезло попасть под дождь, то простуда уже на следующий же день уложила ее в постель... И девочка, — голос рассказчика пресекся, — моя бедная девочка... так и не оправилась после этого. — Чувство вины явственно читалось на лице несчастного отца, когда он простенал: — Мне бы следовало дать ей свой экипаж, насильно усадить ее в него, и дело с концом, только упрямица и слышать о том не хотела: мол, ее матушка и без того чрезмерно подозрительна в последнее время, так и незачем попусту рисковать, выдавая себя. Поцеловала меня на прощанье, да с тем и ушла...

У мистера Френча увлажнились глаза, и Ридли сконцентрировал внимание на довольно безобразном натюрморте над камином.

— Это был последний раз, когда я видел Этель живой, — произнес несчастный отец, взяв себя в руки, и Ридли осведомился:

— В чем же была причина вашей ссоры с мистером Гарднером? Вы сказали, она касалась смерти вашей дочери...

Мистер Френч покачал головой.

— Не знаю, как и сказать, инспектор... Клод, вроде как, обещал мне устроить наше с Этель будущее, сказал, что разрешит наше с ее матерью недопонимание, что девочка сможет получить причитающееся ей по закону. Каждый раз, стоило мне только начать сокрушаться о потерянных даром годах, о несговорчивости Мэри, о невозможности дать девочке то, чего она заслуживает по праву наследования, как Клод с жаром увещевал меня, твердил, что все рано или поздно разрешится. Велел набраться терпения и положиться на него... — Френч стиснул бескровные губы. — Я и положился. Я привык полагаться на его интуицию и смекалку... Но Этель умерла! Просто взяла и умерла. Именно по этому поводу мы и ссорились, инспектор: я укорял Клода в пустых надеждах, которыми он забил мне голову, а он обозвал меня глупым ослом, не готовым смотреть дальше собственного носа. — Френч вздохнул, и, полностью покорный судьбе, вцепился в лацканы своего сюртука. — Мы тогда много чего друг другу наговорили, инспектор, но, не думаю, что это сыграло хоть какую-то роль в исчезновении Клода.

В этот момент новый стук в дверь прервал их разговор.

— Мистер Френч, сэр, — на пороге показалась внушительная фигура дворецкого, — у мисс Матильды очередной приступ... Прикажете вызвать доктора?

Хозяин дома мгновенно подорвался со стула.

— Отправьте за ним экипаж немедленно! — И в сторону инспектора Ридли: — Простите меня, инспектор, не могли бы мы продолжить наш разговор в любое другое удобное для вас время? Моя дочь очень больна и нуждается в моей помощи...

На этом они простились и разошлись каждый по своим делам.

— Ну, что скажешь обо всей этой истории? — спросил Ридли, с любопытством поглядывая на Джека. — Есть какие-то предположения?

Джек, приятно польщенный его интересом к своим умозаключениям, с энтузиазмом зачастил:

— Я бы в первую очередь пригляделся к мисс Френч, инспектор: выяснил, настолько ли она больна, каковой хочет казаться на самом деле, и что за болезнь в целом якобы не дает ей подниматься с постели. Быть может, законная наследница не настолько благосклонна приняла названную сестру, как то живопишет сам мистер Френч...

Ридли хмыкнул.

— Что ж, такая мысль и мне приходила в голову, не скрою, — произнес он без тени иронии. — Пожалуй, подряжу Дрискоула дожидаться вызванного к ложу больной доктора и после расспросить его о симптомах ее болезни. Хотя, — здесь он поглядел на Джека в упор, — я ставлю скорее на самого Френча... Что-то в его рассказе, наверняка, окажется неправдой, вот и поверенный, во всем его тайны вовлеченный, таинственным образом исчезает... Не верю я, Джек, в случайные совпадения, ох, как не верю. — Ридли похлопал себя по оттопыренному карману сюртука: — Нутром чую: есть у нашего уважаемого Оливера Френча камень за душой. — И он извлек наружу «Эликсир Френча». Поглядел на него не без удивления: вроде как, не понимая, откуда он вообще мог появиться в его кармане, а после откупорил крышечку и поднес пузырек к носу.

Пах эликсир дикой смесью полевых трав — одуванчиковой горечью и приторной сладостью гречихи — Ридли закупорил флакон и снова опустил его в карман.

— Ты все еще мечтаешь стать полисменом? — спросил он вдруг, без всякого перехода. — Не передумал при новой-то должности? Мистер Баррет, похоже, расположен к тебе...

Джек, поначалу растерявшийся, мучительно покраснел. Пусть мечта о полицейской карьере и была одной из заветнейших в его душе, говорить о ней вслух, особенно с Ридли, казалось, чем-то неловким и... даже чуточку кощунственным.

— Мистер Баррет — хороший человек, — вот все, что удалось выдать Джеку сквозь враз осипшее горло.

К счастью, Ридли не стал задерживаться на этом вопросе (возможно, выяснив все, что хотел) и, приметив подъезжающий кэб, снова спросил:

— Хочешь поехать со мной?

Джек отрицательно мотнул головой.

— Мне пора к работе возвращаться. — И несколько смущенно: — Спасибо, что позволили присутствовать при разговоре с мистером Френчем, инспектор. Знаю, вы могли... — и смолк, смутившись еще сильнее. Уж больно пронизателен был обращенный на

него взгляд... Ридли как будто бы в душу ему заглядывал, препарировал, как жалкого лягушонка. — Могли бы и отказать...

— Тебе откажешь, — только и усмехнулся Ридли. Похлопал Джека по плечу и забрался в ожидающийся кэб... — Увидимся позже.

— Да, сэр. Всего доброго!

Мужчина снова усмехнулся, и Джек, провожая глазами удаляющийся экипаж, думал о том, что пора бы уже нарастить кожу потолще: Ридли, похоже, менять свое отношение к нему не намеревался. А значит, стоило уже привыкнуть к его снисходительному тону...

А еще Джек подумал, что, несмотря на нежелание злоупотреблять добрым расположением мистера Баррета, он все-таки страстно желает увидеть дом таинственной мисс Эдвардс. Той самой, что то ли умерла и таинственным образом воскресла, то ли просто была похищена будучи мертвой... Если вообще куда-нибудь пропала.

Между мыслью и делом не прошло более трех минут, а Джек уже направлялся по известному ему адресу... Юноше показалось крайне необходимым, увидеть, где жила эта девушка. Как будто бы само это знание могло каким-то образом пролить свет на произошедшие события.

И вот, замерев на другой стороне улицы подле фонарного столба, Джек взгляделся в плотно занавешанные темными портьерами окна. Казалось, мрак, поселившийся в душе скорбящих родителей, автоматически распространился и на их жилище... Ни единый луч света не мог бы пробиться сквозь эту несокрушимую штофную преграду.

А значит, и подсмотреть, что творится в доме, было решительно невозможно...

В остальном же каменные стены и клочок зеленой лужайки перед входом не сообщили жаждущему новых подсказок парню ничего примечательного, и он уже собирался покинуть наблюдательный пост, когда входная дверь неожиданно отворилась, и на пороге показалось женское личико... Крайне знакомое, если на то пошло, личико. Улыбающееся скорбной, полной сопереживания улыбкой, адресованной высокой женщине в глубоком трауре. Миссис Эдвардс, как мог догадаться Джек...

Что, королевы ради, Мара Коллинз делает в доме умершей мисс Эдвардс?!

Джека настолько поразило увиденное, что он даже не потрудился закрыть рот и хоть сколько-нибудь замаскировать свой явный интерес к происходящему... Так и стоял в полном недоумении, пока перешедшая дорогу Мара не прихлопнула его челюсть своей маленькой ручкой в кружевной перчатке.

— Неужели Джек Огден следил за мной? — осведомилась она кокетливым тоном, одарив парня по-настоящему насмешливым взглядом. — Весьма польщена, дорогой. — И чмокнула Джека прямо в щеку.

Джек, готовый было возмутиться на ее предположение о слежке, так и подавился залипшим в горле воздухом.

— Что, дар речи потерял? — рассмеялась ошарашенная его реакцией девушка. Подхватила парня под руку и поволокла прочь по тротуару...

— Что ты делала в доме мисс Эдвардс? — в конце концов сумел произнести Джек. Вырвался из ее хватки и замер, изобразив на лице маску полнейшего недовольства... Мара, однако, не испугалась: только в очередной раз кокетливо ему улыбнулась и провела рукой по лацкану его же сюртука. Как будто бы испытывая Джека...

— Хотела тебе помочь, — ответила при этом. — Подумала, «старой подруге» мисс Эдвардс удастся выяснить что-нибудь интересное по нашему делу.

— По НАШЕМУ делу?! — удивился Джек. — У нас нет никакого «нашего» дела.

Мара пожала плечами.

— Ошибаешься, есть, — возразила она. — Дело о похищенном теле мисс Эдвардс. — И заявила: — Я хочу помочь вам его найти. Ну, — она схватила Джека за щеки и растянула его губы в мнимой улыбке, — не будь букой и выслушай, что мне удалось узнать.

Джек, крайне недовольный ее рукоприкладством, помрачнел еще больше. Наверное, он просто отвык общаться с девушками, подобными Маре Коллинз... Что-то в ее поведении напомнило ему собственную сестру, ту самую, вспоминать о которой, он старался как можно реже... Просто ради душевного равновесия.

— Ты не должна была вмешиваться в это дело, — отчеканил он недовольным тоном, и Мара лишь закатила глаза.

— Но уже вмешалась... Так мне говорить или нет? — только и спросила она.

Джек, продолжая молчать, едва приметно мотнул головой. С победоносной улыбкой девушка заявила:

— Я выяснила, какой доктор засвидетельствовал смерть бедняжки мисс Эдвардс. Один из самых дорогих, между прочим, — Мара поцокала языком. — Любопытно, откуда у Эдвардсов нашлись на него средства... Один кабинет на Харли-стрит чего стоит.

— А ты их, значит, об этом не спросила? — почти язвительно осведомился парень. — Я думал, ты у нас теперь настоящий детектив.

Мара демонстративно вздохнула.

— Ну вот, ты все еще на меня сердисься, — говоря это, она тронула парня рукой, — а я, между прочим, с маменькой ради тебя поругалась. Ей, видите ли, уборку приспичило затеять, а я сказала, что уйти должна... Уж больно меня наша история захватила.

Чуть отодвинувшись в сторону, Джек пробурчал:

— Могла бы и не ругаться. — И чуть менее мрачно осведомился: — Как ты вообще к ним в дом попала?

— Так я у Тодда адрес узнала, — с готовностью поведала Мара. — Тебя у дома так и не дождалась, вот и решила одна действовать... Поверь, миссис Эдвардс ни о чем не заподозрила: слишком убита горем, бедняжечка. — И уже с улыбкой: — Так мы пойдем к этому доктору или как? Хочешь, выдам себя за богатую наследницу с нервическими припадками? А ты можешь назваться моим женихом...

Вот уж чего Джеку по-настоящему не хотелось, так это «называться» женихом Мары Коллинз, однако сходить к дорогому доктору все-таки стоило, и потому он сказал:

— К доктору я один пойду. Если хочешь, можешь дожидаться меня на улице...

— Что, думаешь, мне не под силу богачку изобразить? — фыркнула девушка с оскорбленным видом. — Я, может быть, лучше любой из них.

Спорить с ней Джек не собирался, только прикинул дорогу до Харли-стрит и направился ловить проезжающий кэб. Так было намного быстрее...

Мара, подхватив юбки пышного платья, втиснулась в кэб следом за ним. Светло-сиреневая материя накрыла колени ее вынужденного кавалера, заполнив каждую пятю тесного пространства... Джек попытался было отодвинуться, однако это оказалось тщетной попыткой. Локоть девушки буквально впивался ему в ребро...

— У тебя есть девушка, Джек? — спросила вдруг Мара, и ее голос завибрировал, словно тронутая ветром струна.

— Тебе это к чему? — пробубнил Джек, взмокнув от неловкости. И снова попытался

отодвинуться... С девушками, особенно с красивыми, у Джека как-то не особо складывалось. Они заставляли его нервничать... Вот как сейчас, к примеру.

Мара стиснула оборку своего красивого платья, явно подобранного по случаю, и произнесла:

— Я тут подумала... быть может, ты со мной согласишься бы уехать... Ну знаешь, в Америку, как я вам с приятелем и говорила. — И чуть более уверенно: — Не то, чтобы мне нужен был кавалер, понимаешь, — она поглядела на Джека в упор, — просто в паре путешествовать всегда легче и безопаснее. А я решительно настроена уехать... Маменька в последнее время все чаще на меня поглядывает: никак с рук сбить хочет; наверное, и толстосума какого-нибудь подыскала... С волосами в носу и обвисшим брюхом. — Она вдруг накрыла руку Джека своей горячей ладонью и с горячностью же заключила: — Ты мне, Джек, сразу понравился — между нами много общего. Мы легко понимаем друг друга...

Вот это уж было совсем неожиданно... Джек даже не знал, как к такому предложению отнестись. Просто опешил...

— Мара...

Но она его опередила:

— Не отвечай сейчас, ладно? Не надо. Просто подумай над моим предложением, взвесь все, как следует. Время терпит... Не стоит торопиться.

Джек не нашелся, что ответить. Да этого от него пока и не требовалось...

Доктор Энглманн оказался крепким орешком, и Джеку мало что удалось из него вытянуть.

А вернее, не удалось вовсе...

Если женщина-секретарь в его приемной еще хоть как-то купилась на «инспектора Джека Огдена», то ее начальник, стоило Джеку переступить порог его кабинета, сузил глаза и с вызовом осведомился:

— Кто вы такой и что вам от меня нужно? Вы, юноша, слишком молоды для инспектора, не пытайтесь меня обмануть. Бесплезное дело... Итак?

Доктор обладал внушительным видом и зычным голосом — два немаловажных фактора в работе с богатыми пациентами — Джек даже несколько оробел под этим решительным напором. Однако вида не подал...

— Я всего лишь хотел расспросить про вашу бывшую пациентку, Этель Эдвардс, умершую не так давно от затяжной простуды... — начал было говорить он, и умолк: лицо доктора Энглманна, еще секунду назад полное праведного негодования, передернулось, как при нервном тике. Цвет лица же сравнялся с белоснежной рубашкой...

Длилось это, однако, недолго: уже в следующую секунду доктор сумел взять себя в руки и только указал ухоженным пальцем в сторону двери.

— Убирайтесь из моего кабинета. Немедленно! — то ли пробасил, то ли прохрипел он.

Сама эта реакция была достаточно красноречива, и Джек поспешил заметить:

— Если вам есть, что сообщить о смерти мисс Эдвардс, то лучше бы вы сделали это добровольно. Полиция все равно явится с вопросами, и тогда вам не сдобровать...

— Убирайтесь из моего кабинета! — повысил голос доктор Энглманн.

И Джек, взявшись за дверную ручку, произнес:

— Если захотите облегчить душу, доктор Энглманн, инспектор Энтони Ридли из центрального участка — к вашим услугам. — И заключил: — На вашем месте я бы не стал

долго отмалчиваться... А посему, приятного дня. Прощайте!

Он тщательно прикрыл дверь и вышел за порог. На душе было невероятно приятно... Ему понравилось, как он вел себя в разговоре с высокомерным доктором: так по-взрослому выдержанно, терпеливо, даже по-своему обходительно.

Аманда могла бы им гордиться...

... будь ей, действительно, до этого дело.

А ей все равно: она нынче ублажает богатого мужа. И, верно, тоже мечтает, чтобы он ею гордился...

Джек невольно скривился, и радостное расположение духа испарилось, как ни бывало.

Одно хорошо: его симпатичная сопровождающая тоже куда-то испарилась. Осмотревшись по сторонам, он так ее и не увидел... Что ж, так даже лучше: можно отправиться в участок и рассказать Ридли о что-то скрывающем докторе.

В конце концов, не мог же он умалчивать это до завтра! Авось мистер Баррет простит ему эту длительную самоволку. Джек очень на это надеялся...

Деньги в кармане стремительно таяли: постоянные разъезды по Лондону готовы были вот-вот его разорить. Однако в отлично пошитой одежде и при шляпе особо-то не побегаешь...

Джек свистнул кэб и отправился в обратный путь на Уайтхолл-плейс.

Ридли в участке не оказалось. Один из констеблей сообщил, что в Темзе выловили утопленника, и Ридли отправился по его душу.

— Это где-то близ Баттерси. Инспектор думает, что это тот самый, исчезнувший, как его там...

— Клод Гарднер? — подсказал констеблю Джек, и тот согласно кивнул.

— Он самый. На нем дорогие одежды с метками... Так нам сказали, по крайней мере. — Мужчина глубоко затынулся. — Вот тебе и прогулка по Лондону, а, Кукольный мальчик?! Шмяк — и ты покойничек, — он загоготал и закашлялся одновременно.

Джек оставил его давиться своим неуместным весельем, а сам отправился в сторону Баттерси... К счастью, это было не так далеко, и он осилил дорогу в неполные полчаса.

Констебли сновали на берегу, под опорами каменного моста... Ридли наблюдал, как двое из них перекладывают мертвое тело на носилки. Взгляд у него был сосредоточенный, погруженный в себя... Такой же, как и всегда во время тщательного раздумья.

— Инспектор. — Ридли обернулся. — Это и в самом деле тело мистера Гарднера?

Завидев Джека, мужчина ничуть не удивился, только кивнул.

— Метки на одежде говорят именно об этом, — ответил он на заданный вопрос и поглядел в сторону носилок.

Джек тоже перевел взгляд на утопленника... Синюшная кожа, одутловатое лицо. Он видел таких многократно: и женщин, и мужчин — мертвецы его не пугали. Пугала человеческая жестокость...

— Как он умер? — спросил он инспектора. — Есть какие-нибудь следы на теле?

— На первый взгляд ничего особенного. Нужно дождаться отчета коронера...

В этот момент констебли подхватили носилки и потащили их в сторону возка. Тело покойника накренилось на правый бок, и из его рта побежала тонкая струйка воды... Зрелище малоприятное, вызывающее желание отвернуться, однако Ридли, наоборот, подался вперед и грозно скомандовал: «Стойте!»

Джек даже вздрогнул.

— В чем дело, инспектор? Что вы заметили?

И тот произнес:

— У него во рту. Приглядишься хорошенько...

Джек присмотрелся: изо рта покойника торчал крохотный уголок белой бумаги.

— Бумага. У него во рту клочок бумаги, — произнес он взволнованным голосом.

Ридли скомандовал:

— Опустите носилки и подайте нож.

И то, и другое было мгновенно исполнено, и Ридли, просунув тонкое лезвие между плотно стиснутых зубов покойника, вытянул наружу скомканный клочок мокрой бумаги.

Действуя крайне осторожно, боясь лишиться важной улики, он разложил его прямо поверх кожаного сидения в полицейском возке.

Полуразмытыми чернилами красного цвета там было написано только три слова: «Этот ты виноват».

Джек с инспектором Ридли молча переглянулись: похоже, это не было простым утоплением. Дело Этель Эдвардс, как ни крути, принимало еще более зловещий поворот...

— Умер... — Оливер Френч стянул с носа очки и, потеряв близорукие глаза, осел на стоящий позади себя стул. — Боже... боже мой! Бедный мой Клод... — И почти заикаясь: — Как... как это произошло? Как он умер?

Инспектор Ридли, не сводящий с него пристального взгляда, смягчать удар не собирался.

— Возможно, утонул. Доподлинно пока не известно, мы дожидаемся отчета coronera... В любом случае, — здесь он все-таки сделал небольшую паузу, — вашего друга нашли в Темзе, близ моста Баттерси. Внешних признаков насильственной смерти обнаружено не было, однако... — Ридли запустил руку в карман и извлек теперь уже просохший клочок белой бумаги. — Мы нашли это. — Он протянул его собеседнику, и тот нехотя, но принял его. И, снова нацепив на глаза очки, пробежал полуразмытые слова глазами...

— Что... что это такое? — рука у Френча затряслась, и бумага затанцевала между пальцами.

— Вам знаком этот почерк, мистер Френч? — ответил вопросом на вопрос Ридли. — Или, возможно, вы уже встречали когда-то эти слова? — И как будто бы решив добить бедолагу: — Мы нашли эту записку во рту мистера Гарднера. Полагаю, кто-то намеренно ее туда поместил...

Оливер Френч вскрикнул, разжал бессильные пальцы, и записка плавно спланировала на пол, где он и продолжил глядеть на нее с ужасом в глазах.

— Итак, мистер Френч, — Ридли не собирался давать ему передышку, — что вы можете сказать по этой записке? Слова «Ты это заслужил» как бы недвусмысленно намекают на некоего мстителя, на то, что смерть мистера Гарднера не была случайной...

И Френч простенал:

— Но этого не может быть, инспектор. Это просто нелепица какая-то...

— Расскажите мне все, — попросил его Ридли. — Любая «нелепица», как вы говорите, может привести нас к пониманию происходящего.

И тот снова простенал:

— Но в этом нет никакого смысла. То событие имело место больше года назад... Всего лишь небольшая печально завершившаяся неурядица с работником. — И наконец-то отведя

глаза от записки на полу: — Бедняга наложил на себя руки после увольнения. Его нашли в местной речушке... с клочком бумаги во рту. Он написал... те же самые слова.

Ридли наклонился и подхватил с пола упавшую записку.

— Осталась ли у этого человека семья? — спросил он, распрямившись. — Возможно, кто-то из них решил отомстить за смерть близкого человека? Будет лучше, если вы припомните все, что сможете.

Френч замотал головой.

— Здесь нечего припоминать, инспектор. Этот О'Доннелл... так, кажется, его звали, повредил руку в уличной драке и больше не мог выполнять свою работу, что управляющий мне и сообщил. Я дал распоряжение уволить его, выплатив полагающееся за неделю... — И как бы в отчаянии: — Я даже в глаза его ни разу не видел. И уж если по существу, инспектор, так только он сам и был виноват в собственных бедах! Каждому известно, эти ирландцы только и могут, что пить да кулаками махать... Следовало думать о последствиях, ввязываясь в драку. — Он замолчал, переводя дыхание, и заключил: — А семья... кажется, у него остались жена и двое малолетних детишек... Не думаю, однако, что кто-то из них пересек океан ради мести. У них бы просто не нашлось для этого денег...

И Ридли неожиданно произнес:

— Ваша дочь, мистер Френч, я вынужден буду запросить постановление на эксгумацию ее тела. В свете новых событий любая подозрительная смерть в вашем окружении требует особенно пристального изучения...

— Что вы такое говорите?! — воскликнул Френч, подскакивая на месте. Казалось, его сейчас хватит удар, настолько покраснело его лицо. — Вы же не думаете, что Этель... Что моя крошка Этель... — тут он запнулся. — Девочка умерла от затяжной простуды, — с напором констатировал он. — Я даже распорядился отправить к ней лучшего доктора... Только в этом Мэри и сделала мне уступку. — И снова: — Нет-нет, вы не можете и в самом деле полагать, что кто-то желал ей зла... Это невозможно.

— У нас есть свидетельство молодого человека, утверждающего, что колокольчик на могиле умершей звонил в ночь после ее похорон, — произнес Ридли абсолютно серьезным тоном. — Он уверен, что ваша дочь, мистер Френч, была похищена некими недоброжелателями... Живой или мертвой — это уже другой вопрос.

— Немыслимо. — Хозяин дома повалился на диван, схватившись за грудь. — Это просто невыносимо...

Джек, молча присутствующий при этом разговоре, подался в сторону Ридли:

— Спросите его о докторе, — попросил он инспектора. — Пусть расскажет, что связывало их между собой.

Брови Ридли вопросительно вздернулись — Джек не успел рассказать ему о визите к доктору Энглманну. Уж слишком неожиданной оказалась находка с тела покойника...

Джек прошептал:

— Мне стало известно, что свидетельство о смерти мисс Эдвардс было выдано доктором Юлиусом Энглманном с Харли-стрит. Я наведалься к нему этим днем, и он точно что-то скрывает...

— Мистер Френч, — Ридли только и сделал, что ожег юношу недовольным взглядом, — какие отношения связывают вас с доктором Юлиусом Энглманном?

— С доктором Энглманном? — удивился все еще не пришедший в себя Оливер Френч. — Не понимаю, что вы подразумеваете под «отношениями», инспектор, однако

доктор Энглманн является лечащим врачом моей дочери Матильды. Я обратился к нему сразу же после возвращения в Лондон — этого джентльмена рекомендовали, как одного из лучших докторов столицы.

— Мисс Эдвардс тоже пользовал тот же доктор? — осведомился Ридли, и мистер Френч утвердительно кивнул.

— Едва узнав о болезни дочери, я упросил Мэри позволить доктору Энглманну осмотреть девочку и заняться ее лечением. Мэри не отказала: здоровье дочери оказалось важнее уязвленной гордости. Поэтому да, Этель тоже пользовал тот же доктор. Однако не понимаю, почему вы спрашиваете?

Ридли с Джеком обменялись многозначительными взглядами, и последний вдруг поинтересовался:

— Чем больна ваша дочь, мистер Френч?

Так и не получив ответа на свой вопрос, мужчина уставился на до этого молчавшего Джека в полном недоумении.

— На самом деле, я этого не знаю, — произнес он совершенно бесцветным голосом. — Если быть точным, никто не знает. Это какая-то разновидность чахотки, сопровождающаяся постоянным насморком и зудом во всем теле. Зимой Матильде становится несколько лучше, начинает казаться, болезнь отступила... Произошло долгожданное чудо. Однако с приходом весны симптомы возвращаются. Не скрою, — Оливер Френч тяжело вздохнул, — я не в последнюю очередь надеялся, что лондонским эскулапам удастся совершить то, что не удалось их нью-йоркским собратьям.

Ридли, верно, припомнив подозрения Джека в отношении болезни наследницы, попросил:

— Не могли бы мы видеть вашу дочь, мистер Френч? Возможно, она могла бы рассказать нам нечто полезное.

Тот собирался было что-то ответить, возможно даже, возразить, однако, полностью покорный судьбе, мотнул своей поникшей головой.

— Пойдемте, я отведу вас к ее постели. — И только попросил: — Не говорите девочке о смерти Клода, пожалуйста. Я сам ей сообщу... Позже. И об Этель не говорите тоже. Ей ни к чему лишние волнения... Она и так сильно переживала ее потерю.

И он повел посетителей вверх по лестнице в комнату дочери. Та располагалась в южном крыле дома, и стойкий цветочный аромат безошибочно указывал верное направление...

— Матильда любит цветы, — нашел нужным пояснить мистер Френч, стуком сообщая о своем присутствии. Дверь открылась в ту же минуту: на пороге показалось женское личико с печальным, если не сказать более, выражением.

— Миссис Адамс, — представил ее хозяин дома. — Сиделка моей дочери.

Та одарила незваных гостей вежливым книксеном и тут же произнесла:

— Мистер Френч, сэр, — обращалась она в первую очередь к хозяину дома, — простите мою смелость, но я посчитала необходимым вызвать доктора Энгманна, снова — девочке стало хуже. И я...

— Вы правильно поступили, миссис Адамс, — оборвал ее покаянную речь Оливер Френч. И поглядев на обнаружившегося в комнате дочери доктора Энгманна, произнес: — Как ваша пациентка, доктор? Ей уже лучше? — И, даже не дождавшись ответа, повернулся к девушке на постели: — Как ты, родная? — он коснулся бледной руки дочери, выпростанной поверх теплого покрывала. — Чувствуешь себя лучше?

— Все хорошо, — прошелестел тихий голосок.

Джек, как бы ни был он занят высокой фигурой доктора Энглманна, глядящей на них с инспектором перепуганными глазами, все-таки разглядел бледную тень мисс Матильды Френч, обложенной подушками и всякого рода женскими вещицами. Пяльцами, альбомом для рисования... Фарфоровой куклой в платье с рюшечками. И большим букетом белых лилий, поставленных здесь же, у кровати... Именно они источали приторно-сладкий, почти головокружительный аромат, доносившийся до них еще в коридоре.

Мистер Френч с дочерью продолжали переговариваться тихими голосами, и Ридли, предоставив их на время самим себе, обратился к доктору:

— Доктор Энглманн, не могли бы мы с вами переговорить с глазу на глаз? Пожалуйста. Кадык эскулапа непроизвольно дернулся.

— С кем имею честь? — осведомился он, пытаясь скрыть собственную нервозность, и Ридли, ласково улыбнувшись, произнес:

— Энтони Ридли, инспектор уголовной полиции. Главный уполномоченный по делу мистера Клода Гарднера... Надеюсь, этого достаточно для вас?

Доктор Энглманн мотнул головой.

— Весь в вашем распоряжении, инспектор.

Джек видел, как тот поглядел на него с обреченным видом бредущего на эшафот.

Разговор состоялся в небольшом, смежном спальне мисс Френч будуаре, в который миссис Адамс и препроводила инспектора Ридли, Джека и доктора Энглманна соответственно.

Доктор, к счастью, решил не ходить вокруг да около и сразу же заявил:

— Я не сделал ничего плохого, инспектор, всего лишь поддался на уговоры мистера Гарднера о помощи. Если вам и есть, с кого спрашивать, так это только с него... Я здесь совершенно не при чем.

Ридли выдержал внушительную паузу, такую, что несчастный доктор успел покрыться испариной, и только после проговорил:

— Боюсь, с мистера Гарднера нынче спрос небольшой, доктор Энглманн. Увы... Названный джентльмен, пропавший третьего дня, как вы, должно быть, слышали, сегодня же был найден мертвым... — И пояснил: — Выловлен из реки близ моста Баттерси. Мы склонны подозревать убийство...

— Убийство, — эхом отозвался его собеседник. — Как такое возможно?

Ридли пожал плечами.

— Я полагал, вы сможете ответить на этот вопрос. Вам, определенно, есть, что мне рассказать, не так ли, доктор Энглманн?

Тот потер переносицу, широкий лоб, руки одну об другую и только тогда произнес:

— Видит бог, это произошло помимо моей воли... просто дружеская услуга, как обозначил то мистер Гарднер, — доктор запнулся, произнося имя умершего.

— Расскажите, что это была за услуга, — попросил его Ридли, и доктор снова заговорил:

— Однажды я пришел проведать мисс Френч — у нее снова случился удушающий спазм, и миссис Адамс вызвала меня. Гарднер был в доме: сначала сопровождал меня к постели больной, после вызвался проводить... Тогда-то он и спросил, существует ли препарат, способный погрузить человека в настолько глубокий сон, чтобы его могли счесть

умершим. Я удивился вопросу, однако ответил утвердительно... Полагал его интерес проявлением банального любопытства, не более того. Однако Гарднер не отступился: сказал, что готов заплатить за такой препарат хорошие деньги. За препарат и небольшую услугу... — тут он снова умолк, и только вежливое понукание собеседника заставило его продолжить рассказ. — Он попросил меня засвидетельствовать смерть некой девицы... Мнимую смерть, как вы понимаете. Сказал, что между ним и этой девушкой существует негласная договоренность: якобы только ее родители, люди крайне суровых взглядов, стоят преградой на пути к их счастливому воссоединению в законном браке, на что мистер Гарднер, судя по его же словам, всем сердцем надеялся. Ситуация была пикантная, — доктор Энглманн дернул плечами, — крайне щекотливая, и мне было неловко расспрашивать, однако мистер Гарднер не казался пустым шутником, к тому же...

— Предлагал хорошие деньги? — подсказал инспектор Ридли.

Эскулап утверждающе кивнул.

— Двести фунтов. Он предложил за эту услугу двести фунтов, — вскинулся седовласый доктор. — Я подумал, что грех было бы не помочь влюбленным и...

— И пошли на подлог, — снова подсказал его собеседник, на что Энглманн отозвался:

— Если бы я только знал, чем все закончится...

Ридли возразил:

— Боюсь, еще не закончилось, доктор Энглманн. Мисс Эдвардс... теперь мы знаем, далеко не умершая мисс Эдвардс, так до сих пор и не найдена.

Доктор смертельно побледнел.

— Вы же не думаете, — просипел он, — что она все еще... все еще закопана?

— Нет, — решил успокоить его инспектор, — полагаю, мисс Эдвардс извлекли из могилы сразу же в ночь после похорон. Однако, где она сейчас, никому доподлинно не известно... Имеются ли у вас какие-то предположения?

Тот замотал головой.

— Мы не вели с мистером Гарднером задушевных бесед, инспектор. Я передал ему препарат, назначил точную дозировку... После подписал свидетельство о смерти.

— И вас не насторожило желание покойного обозначить свою якобы невесту мертвой перед всем миром? — осведомился Ридли, глядя на доктора с чисто исследовательским любопытством. — Разве вам это не показалось чем-то весьма необычным... противоестественным, я бы сказал?

Доктор Энглманн прокашлялся в кулак.

— Я полагал мистера Гарднера настоящим джентльменом, сэр, и потому не брался анализировать причины его поступков.

Ридли согласно кивнул, вроде как удовлетворенный таким ответом.

— Спасибо за откровенность, — только и произнес он. — Буду очень признателен, если пока что эта история не выйдет дальше стен этой комнаты.

— Обещаю, так и будет, — с готовностью отозвался незадачливый эскулап.

И едва за доктором успела закрыться дверь, Джек, не в силах сдержать эмоций, восторженно воскликнул:

— Значит, Тодд оказался прав: мисс Эдвардс была жива все это время. Поверить не могу...

Однако Ридли его восторга не поддержал:

— Жива-то жива, только где она сейчас... — произнес он задумчивым голосом. —

Кроме того, меня интересует другое: зачем Гарднер все это устроил? Эту якобы смерть... похороны. Все.

— Вы не верите рассказу доктора об их взаимной влюбленности? — спросил его Джек. — Полагаете, доктор обманывает?

— Нет-нет, доктор нас не обманывает, — отозвался на это инспектор. — Он слишком перепуган, чтобы недоговаривать. Тут дело в другом... Лгал ли сам Гарднер нашему доктору? И если так, то почему? Знала ли сама мисс Эдвардс о планах Гарднера на свой счет и, если нет, как ему удалось все это провернуть? Ну и, конечно же, кто убил самого Гарднера... В любом случае, — заключил Ридли, — мы должны раскопать эту могилу... Пожалуй, этим и стоит заняться в первую очередь.

Джек же решил присовокупить:

— Не доверяю я этому Энглманну, инспектор. Можно я приглашу к мисс Френч другого доктора?

— Что, все еще не доверяешь бедняжке? — насмешливо заметил инспектор Ридли. — Ты же сам видел, она едва ли способна с кровати подняться...

— И все же...

Ридли кивнул.

— Есть кто-то на примете?

— Я подумал о докторе Максвелле, — ответил Джек. — Он кажется человеком прогрессивных взглядов... И я ему доверяю. — А потом встрепенулся: — Так это же, получается, Годду вкололи тот же препарат, что и мисс Эдвардс, правильно? Именно потому он проспал в кустах целые сутки, так ни разу и не проснувшись.

Ридли мотнул головой.

— Что лишний раз убеждает нас в том, что одним из «похитителей трупов» являлся наш уважаемый мистер Гарднер. Только он мог носить в кармане шприц с названным препаратом... И это лишь делает дело еще более запутанным.

Доктор Максвелл явился в дом Френчев следующим же утром, как и было сговорено между ним и Джеком. Любопытный «потрошитель трупов», как прозвал его про себя Джек, с радостью откликнулся на возможность поучаствовать в столь запутанном деле, как дело исчезнувшей Этель Эдвардс, — глаза его так и горели азартом.

Джек распознал в нем ту же сыскную лихорадку, что снедала его самого... В этом, несмотря на разницу в возрасте, они были очень похожи.

— Когда, говорите, у вас случается очередной рецидив? — Доктор Максвелл улыбнулся новой пациентке. — Ранней весной, не так ли? Как раз, когда зацветают первые травы. Распускаются березовые сережки и начинает плодоносить ольха.

С этими словами доктор крутанулся вокруг своей оси, и, выхватив букет с лилиями из стоящей на прикроватном столике вазы, бросился к распахнутому окну, в которое его и запустил с особенным удовлетворением на лице.

Миссис Адамс вскрикнула от неожиданности, даже мисс Френч издала что-то вроде мышинного писка. Джек так и вовсе выпучил глаза от удивления...

— Зачем вы это сделали? — возмутилась едва пришедшая в себя миссис Адамс. — Мисс Матильда очень любит эти цветы... Их специально доставляют по приказу хозяина. Каждое утро в одно и то же время...

Доктор Максвелл со значением поглядел в глаза возмущенной женщины:

— Эти цветы убивают вашу пациентку, — произнес он безапелляционным тоном. —

Впрочем, как и любые другие подобные им растения... — И совсем строго: — Впредь ни одно из них не должно появляться в этой комнате. Никогда и не при каких обстоятельствах, слышите вы меня или нет?

Чувство собственного достоинства не позволило миссис Адамс отозваться безоговорочным согласием на это нелепейшее, по ее размышлению, повеление сумасбродного доктора, и она, заметив появившегося в дверях хозяина дома, поспешила воскликнуть:

— Мистер Френч, сэр, этот человек не позволяет девочке любоваться вашими цветами: уверяет, что ей от них плохо, — последнее она произнесла с едва скрытой насмешкой. — И только что выкинул чудесный букет прямо в окно!

Оливер Френч поглядел сначала на возмущенно выпячившую грудь сиделку своей дочери, потом — на доктора Максвелла и, наконец, произнес:

— О каких цветах идет речь, миссис Адамс? Не совсем понимаю причину вашего возмущения.

Та в удивлении распахнула глаза.

— О тех самых цветах, что каждое утро привозят из цветочной лавки в Кенсингтоне, — ответила она. — Посыльный сказал, вы специально распорядились о том на месяц вперед.

Теперь пришла очередь удивляться самому мистеру Френчу.

— Не представляю, о чем вы говорите, миссис Адамс, — покачал он головой. — Никакого распоряжения, касающегося цветов, я не давал... Можете мне поверить.

И доктор Максвелл подытожил:

— А вот это уже по-настоящему любопытно. Где, говорите, находится эта цветочная лавка?

Колокольчик над дверью предупреждающе звякнул, и к ним навстречу вышла немолодая уже женщина: опрятная, с заплетенными в косу волосами, она улыбалась дружелюбной улыбкой.

— Чем могу помочь, господа? У нас лучшие цветы в столице, — сказала она и обвела рукой полки с расставленными по ним цветочными вазонами.

— Мы не за цветами пришли.

Мистер Френч даже не пытался казаться приветливым, и улыбка женщины увяла, подобно одному из ее же цветков.

— Тогда чем же я могу вам помочь, господа? — с тревогой осведомилась она.

И Френч произнес:

— Просто ответьте на наши вопросы. — И сразу же поинтересовался: — Доставляете ли вы букеты на заказ? В дома в Марилебоне, к примеру... В частности, имеется ли у вас распоряжение доставлять букеты с лилиями в дом под номером двадцать четыре по Монтгомери-авеню?

Женщина, не совсем понимающая, чего ожидать от подобных расспросов, кивнула незамедлительно:

— Да, у нас действительно имеется распоряжение доставлять букеты свежих цветов в дом по названному вами адресу. Я делаю это исправно каждое утро... — И снова: — Если вы чем-то недовольны, господин...

— Кто отдал такое распоряжение? — прервал ее испуганное лепетание собеседник, и женщина с готовностью отозвалась:

— Мистер Оливер Френч, сэр. Я хорошо запомнила имя, так как он один из лучших наших клиентов... — и замолчала, глядя на переглянувшегося со спутниками мужчину. Тот казался крайне взволнованным, почти лишившимся голоса...

— Как выглядел человек, сделавший заказ? — решил перенять эстафету Джек. — Вы могли бы нам его описать?

Женщина задумалась на секунду, припоминая внешность заказчика, кивнула.

— Да, конечно, — сказала она. — Это был джентльмен среднего роста... примерно вашего, сэр, — указала она на доктора Максвелла, — и волосы у него были черные.

Френч, заслышав такое описание, неожиданно ободрился:

— Вы уверены, что это был именно черноволосый джентльмен среднего роста? — решил уточнить он у все еще перепуганной цветочницы. — Не рыжие, к примеру... Или любые другие, — взялся добавить он.

Женщина решительно покачала головой.

— Нет, сэр, именно, черные. Я сама принимала заказ и хорошо запомнила этого господина.

Осчастливленный полученной информацией, Оливер Френч не поскупился вознаградить цветочнику фартингом и благодарной улыбкой.

И уже за дверями цветочной лавки Джек в растерянности произнес:

— Ничего не понимаю: выходит, заказ на цветы был сделан не мистером Гарднером. — И спросил: — Тогда кем?

А доктор Максвелл добавил:

— Меня, как доктора, не столько интригует личность самого преступника, сколько его осведомленность в вопросах пока неизученных. — И пояснил: — Откуда он узнал о вреде цветочной пыльцы на организм мисс Матильды. Это очень неожиданно, должен признаться...

Но Френч, казалось, не слышал ни одного из них: припав к шероховатой поверхности стены, он с болью в голосе простенал:

— Клод никогда бы не стал вредить моей девочке, я знал это. Он любил ее, словно собственную дочь... Все это какая-то бессмысленная чепуха! Несуразность... — И крепко утверждаясь на своих ногах: — Нет, я решительно не верю в его причастность к этому делу. Отказываюсь верить, если быть точным... Всему происходящему есть более рациональное объяснение! Клод — не убийца. И наличие нового, пока еще неизвестного нам лица лишь укрепляет мою уверенность...

— А как же показания доктора Энглманна? — решил указать на очевидное Джек. — Он самолично передал снотворное в руки мистера Гарднера, еще и деньги за это получил.

Тут уж Френч снова затряс головой.

— Не верю я в это, молодой человек. Не могу поверить! — И с уверенностью в голосе: — Тут только одно из двух: либо этот докторишка безбожно врет, либо Клод приобрел снотворное по какому-то иному, пока непонятному для нас поводу... — И все с тем же напором: — Этель умерла от затяжной простуды, — он поглядел в задумчивые глаза доктора Максвелла. — Я сам присутствовал на похоронах, — теперь он говорил в сторону Джека. — И девочка была определенно мертва.

Голос его пресекался, блеснувшие слезами глаза уткнулись в собственные ботинки.

Поверить в предательство близкого друга было непросто, и Оливер Френч выбрал стратегию отрицания. Джек ничего не мог с этим поделать...

Большие усилия, приложенные инспектором Ридли на получение разрешения на эксгумацию тела мисс Этель Эдвардс, полностью окупились. Несмотря на кажущееся кощунство по отношению к умершей... якобы умершей девушке, суперинтендант не мог не признать целесообразность данного действия, и, пусть и нехотя, но все-таки подписал должествующую случаю бумагу.

Именно потому этим туманным утром, промозглым, пробирающим для костей, группа людей собралась на Хейгейтстком кладбище и наблюдала за спорой работой двух специально нанятых по случаю могильщиков. Те с легкостью раскидывали еще не успевшую затвердеть землю и, кажется, совершенно не страдали от холода.

Не в пример оным, одетая во все черное женщина под глубокой вуалью, едва умела справиться с сотрясающей ее дрожью: вцепившись скрюченными пальцами в рукав мужнина пиджака, она ни на секунду не отводила взгляда от раскапываемой могилы своей дочери.

Возможно, трясло миссис Эдвардс вовсе не от холода — от нервов, и последующие слова являлись тому подтверждением. Бросив очередной быстрый взгляд в сторону печально поникшего Оливера Френча, она с ненавистью в голосе прошипела:

— Это все из-за тебя. Ты во всем виноват! — Даже сквозь вуаль ее глаза казались двумя раскаленными углями, прожигаящими предмет ее неприятия. — Тебе не следовало возвращаться в Англию... И с девочкой нашей не следовало видеться! Все это, — она указала в сторону могилы, — цена твоих проклятых денег.

Рыдание хриплым всхлипом вырвалось из ее горла и положило конец обличительной тираде — Оливер Френч совершенно спал с лица, глубокие морщины бороздами испещрили его лицо.

— Мы закончили, сэр.

Могильщики, последним усилием раскидав тонкий слой земли, поглядели на Ридли в ожидании дальнейших распоряжений.

— Вскрывайте крышку, — распорядился он, и один из мужчин, подхватив услужливо протянутый ему ломик, поддел крышку гроба.

Воздух, буквально наэлектризованный общим нетерпением, казалось, замер в неподвижности, упал тяжелым саваном на плечи каждого из присутствующих.

Миссис Эдвардс протяжно вздохнула... Как будто бы задыхаясь под его тяжестью.

— Крышка не прибита, сэр, — разорвал тишину мужчина с ломиком. Отступил в сторону и потянул ее на себя...

С тихим шуршащим звуком остатки земли посыпались с приподнимаемой крышки, люди затаили дыхание и... выдохнули.

Мисс Эдвардс в гробу не было...

Только пустое атласное нутро, усыпанное землей. И засохшие лепестки желтых роз...

Секунда — столько понадобилось несчастной матери на осознание увиденного — а потом, придушенно вскрикнув, она повалилась на руки супруга.

— Милая моя девочка, — прошептал глухим голосом Оливер Френч, и Джек, наблюдавший за действиями инспектора Ридли с противоположной стороны могилы, заметил высокую девичью фигурку, призраком скользнувшую из тумана.

Мара.

Это точно была Мара!

Даже не поглядев в его сторону, она направилась напрямую к инспектору и что-то произнесла... Что-то такое, от чего тот враз подобрался. Подозвал двух констеблей и отдал

распоряжение.

Любопытство, смешанное с обидой, заставило Джека обойти навороченные груды земли и поинтересоваться у девушки:

— О чем вы говорили с инспектором? Что ты ему сообщила?

Мара пожала плечами.

— Тебе это действительно интересно? — осведомилась скучающим голосом. — Мне казалось, ты был не рад моему вмешательству в ваше расследование.

Пришлось пересилить себя и произнести.

— И все же, о чем вы с ним говорили?

Теперь она улыбнулась. Довольной, полной превосходства улыбкой.

— Я сообщила ему имя одного из «похитителей трупов», того самого, что подвязался в ночь после похорон мисс Эдвардс. — И пояснила: — Мне все-таки удалось разговорить бедняжечку Гилберта. Он хоть и отнекивался, утверждая, что отсиживался в сторожке до самого утра, однако после признался, что из любопытства одним глазком да подсмотрел за происходящим у могилы несчастной мисс Эдвардс... Ровно минутку, до того самого момента, как покойницу, то бишь почти покойницу — она ведь жива, не так ли? — девушка бросила взгляд в сторону пустого гроба, — должны были извлечь из могилы. Сразу перед тем он и сбежал...

— Но сумел узнать одного из похитителей? — скептически заметил Джек.

— Именно так. Он с этим Грисби прежде приятельствовал... Еще до того, как тот в «похитители трупов» подался. Сказал, честным трудом много не заработаешь... — И заключила, ничуть не обиженная недоверием в голосе собеседника: — Так что, молодец я или нет?

При этом с таким восторгом поглядела Джеку в глаза, что тот даже смутился. Промямлил что-то насчет лживых могильщиков и весьма своевременной способности некоторых вытянуть из них правду...

Мара Коллинз была весьма этим довольна.

Грисби оказался огромным детиной самого сумрачного вида: его густая шевелюра, занавешивающая половину лица, казалась жесткой, словно щетина дикого зверя, а из-под густых, иссиня-черных бровей глядели черные омуты подозрительно сощуренных глаз.

Джек не встречался с ним прежде и нельзя сказать, чтобы жалел об этом.

Такие, как Грисби, в закадычные друзья мало годились...

— Расскажите о ночи с первого на второе октября. Чем вы тогда занимались? — обратился к задержанному инспектор Ридли, и тот ухмыльнулся.

— Должно быть, дрых в своей берлоге, инспектор. Слышал, ночи именно для этого и предназначены... Спать, набираться сил перед новым трудовым днем.

— А я слышал, — губы Ридли изогнулись в не менее насмешливой улыбке, — что некоторые... ночами... откапывают трупы с Хейгейтстского кладбища. Что скажете на это, мистер Грисби?

— Скажу, что мне нет дела до этих шастающих по ночам дураков. — И с наглой самоуверенностью: — Лично я такими богомерзкими делами не занимаюсь!

Их с Ридли взгляды пересеклись, даже искры, кажется, брызнули во все стороны.

— А вот мне из верного источника стало известно, что именно названной ночью вы, мистер Грисби, — Ридли сделал особое ударение на имени собеседника, — занимались тем

самым богомерзким делом, против которого так ратуете. Откапывали труп юной девушки: мисс Этель Эдвардс, если быть точным. Припоминаете теперь или мне освежить вашу память с помощью виселицы?

Насмешливая улыбка, не покидавшая лица заключенного с самого начала допроса, впервые несколько сгладилась, притушила свое сияние.

— Вы меня виселицей-то не пугайте, — мрачно заметил детина, глядя в глаза инспектора, — пуганный я уже. Не впервой тут сижу... Да и вы у меня не первый. — Потом мотнул черноволосой головой и осведомился: — Чего от меня-то хотите? Я человек подневольный: мне говорят — я исполняю. — И снова: — Коль отпустить пообещаете, так я, быть может, и вспомню чего. Это как повезет...

Ридли улыбнулся. С полным осознанием собственного превосходства...

— Выходит, в ночь с первого на второе октября вы все-таки не спали в своей постели, как уверяли нас ранее, мистер Грисби? — осведомился он у мужчины напротив.

— Может быть, и не спал, — с мрачным видом отозвался тот. — Может, даже смогу быть вам полезен... В обмен на определенное обещание.

Ридли задумался, вроде как гадая, какое решение принять, и наконец произнес:

— Расскажите все, что знаете, и можете быть свободны. Советовал бы к тому же оставить ваше «богомерзкое дело»... Будете задержаны снова — уже не отвертитесь.

Грисби, враз повеселев, пообещал:

— Уверяю вас, инспектор, снова это не повторится. — И касалось ли обещание самой перемены рода деятельности или Грисби всего лишь обещал не быть пойманным вновь, так и осталось не ясным.

Ридли понудил:

— Итак, расскажите, что произошло интересующей нас ночью. Желательно, с самого начала...

— Тут и рассказывать-то нечего, — нехотя начал говорить задержанный. — Нас с Тайлером наняли могилку одну раскопать, деньги большие пообещали: мол, если споро управимся, получим вдвойне от уже причитающегося. Человек этот, наниматель то бишь, с нами собирался пойти, сказал... девица в гробу не совсем чтобы мертва... Мол, сговорились они с ней таким образом от родительского запрета на брак уйти. Целая любовная баллада, инспектор. Мы с приятелем так ей прониклись... так прониклись... Копали, аки проклятые! Тем более, что колокольчик этот могильный трезвонил без остановки, всю души вынимал... Никак девица со страху ополоумела! — И ослабилась: — И есть почему: меня бы в гроб ни за какие коврижки не уложить. А уж ради любви и подавно... Это ж каким пристукнутым на всю голову надо быть, чтобы на такое решиться. Впрочем, — тут рассказчик выдержал многозначительную паузу, — девица эта, как выяснилось, не совсем чтобы и согласна была.

И Ридли интересуется:

— Ее насильно захоронили?

— Полагаю, что так, — Грисби явно наслаждался своим рассказом, эффектом, им производимым. — Иначе, думаете, стала бы она кричать, едва мы крышку-то подняли? Глаза краснющие такие, щеки слезами залитые, а она — с ходу: «Вам это с рук не сойдет, Гарднер, папенька этого так не оставит». А тот — в ответ: «Если сейчас же не перестанете истерить, мисс Эдвардс, вколю вам очередную дозу», и шприц из кармана достал. Он им еще прежде парня одного попотчевал: тот у могилы мисс Эдвардс нас поджидал, колокольчик, верно, услышал. Засада такая!

— И что девушка, послушалась угрозы?

— Ничуть не бывало, — ответствовал Грисби. — Хоть и шатало ее изрядно, ноги совсем не держали бедняжечку, кричать, однако, у нее выходило знатно... — И после секундной паузы: — Вот этот джентльмен и исполнил свою угрозу.

— Вколлот ей снотворное?

— А черт знает что было в том шприце, только девица сразу как-то притихла, едва успел на руки ее подхватить... Так осоловевшую и отнес в поджидавший у кладбища экипаж. Уложил на сидение да отправился могилку закапывать... Наниматель особенно на этом настаивал, на приведении места захоронения в первоизданный порядок, так сказать.

— И что же девушка? — осведомился Ридли. — Что с ней стало потом?

— А мне почем знать, — пожал плечами говоривший, — я получил причитающееся и пошел доделывать работу, а экипаж этот покатил незнамо куда.

— Так уж незнамо? — решил надавить на задержанного Ридли.

Что-то в мимике говорившего заставило инспектора усомниться в искренности его последних слов. И, похоже, он не ошибся: Грисби мотнул головой, осклабился и провозгласил:

— А что, если и знамо? Деньжат приплатите? Я бы не отказался.

Ридли отозвался в тон:

— Пеньковый галстук по тебе плачет, приятель. Не хочешь ли примерить перед уходом?

Грисби иронии не оценил.

— Слышал, как джентльмен этот назвал улицу где-то в Сохо, — произнес он недовольным голосом, с трудом проталкивая слова, ворочающиеся во рту, подобно булыжникам. — Точного адреса не было... Да там и нет ничего, кроме складов и опиумных притонов. — И стиснув кулаки: — Это все, что я знаю, инспектор. Можно уже идти? Засиделся я тут у вас. Тошно...

Ридли, глубоко задумавшись, никак на это не отозвался.

Джек подвязался обходить доки вместе с Дрискоулом... Не потому, что хотел зависеть от констебля-переростка, просто, в противном случае, Ридли велел ему убираться восвояси. Сказал, не желает отвечать за гибель «глупого мальчишки, сующего нос, куда не следует».

— Мы достоверно не знаем, кто удерживает мисс Эдвардс, — сказал он, пытаясь смягчить резкость своих же слов. — Достаточно вспомнить джентльмена, сделавшего заказ у цветочницы. Возможно, он же является убийцей мистера Гарднера. Нет, — подытожил он решительным тоном, — бродить по докам одному тебе решительно невозможно.

И кликнул Дрискоула.

Они обошли уже половину пустующих зданий к северу от Вардур-стрит, однако ничего подозрительного так и не обнаружили. Джек заскучал, справедливо полагая, что вот-вот раздастся полицейский свисток, и кто-то другой сообщит об обнаружении мисс Эдвардс.

Этого ему хотелось меньше всего...

Джек надеялся первым отыскать похищенную девицу и тем самым доказать Ридли свои детективную хватку и незаменимость. Все-таки в полицию попадали только по протекции, а ему, кроме как на Ридли, и надеяться было-то не на кого. Тот же продолжал видеть в нем всего лишь нищего паренька из Уайтчепела, едва ли способного к чему-то серьезному... По крайней мере, именно так все и выглядело на первый взгляд.

И вдруг Дрискоул произнес:

— Гляди, замок взломан.

Джек встрепнулся, вскинул поникшую было голову, стиснул в руке подаренный Гриром нож.

— Входи, я подстрахую.

— Лучше не лезь, — отозвался на его предложение констебль. — Оставайся здесь и наблюдай за входом. — Сам толкнул отозвавшуюся тихим скрипом массивную дверь и засветил во тьму фонарем. Его бледный желтоватый свет выхватил ряды деревянных ящиков и узкий проход между ними, которым Дрискоул и направился, выставив перед собой руку с полицейской дубинкой.

Едва он скрылся из вида, продолжая указывать свое местонахождение лишь блуждающим огоньком потайного фонаря, как Джек услышал шаги... Торопливые, несущиеся в его направлении.

Кто-то бежал по тому же осматриваемому констеблем проходу...

— Дрискоул, — выкрикнул Джек, невольно попятившись.

Вместо ответа — замершее перешептывание незримого приближения.

— Дрискоул! — его повторный крик эхом отозвался от стен, а потом отрикошетил прямо... в его же солнечное сплетение.

Джек задохнулся, согнувшись вдвое, захрипел, успев лишь заметить тяжелые ботинки стремительно удаляющиеся по дороге. Только тогда и догадался, что это кулак неизвестного вышиб из него весь дух.

Вот же ж олух, Ридли ему этого не простит! С этой мыслью он и припустил следом за незнакомцем... Дыхание все еще не нормализовалось, однако и преследуемый не особо спешил: крался вдоль парапета, стараясь не привлекать внимание других констеблей. Никак был уверен, что надолго вывел Джека из строя...

Вот только не тут-то было: юноша сдаваться не собирался.

— Эй! — Джек удобнее перехватил рукоять ножа. — Стоять, иначе выстрелю.

Темный силуэт отозвался едва слышным фырканьем.

— Так стреляй, чего медлишь?

Джек метнул нож. Собирающийся перемахнуть через ограждение беглец глухо вскрикнул и мешком повалился на землю с другой стороны стены...

В этот момент тишину ночи и вспорол пронзительный полицейский свисток.

Ее обнаружили на том самом складе, связанной и изможденной, с черными кругами под глазами...

Дрискоул обнаружил мисс Эдвардс и засвистел в свой свисток.

Джек прибежал одним из первых — констебль как раз перерезал веревки, стягивающие ей руки, — и помог вынести девушку наружу. Она рыдала, не переставая...

Белое платье, в котором она была похоронена заживо, пропахло затхлой сыростью заброшенного склада и стойким ароматом прелой земли.

— Снимите его с меня! — было первым, что потребовала девушка, оказавшись в доме своих родителей.

Миссис Эдвардс в очередной раз потеряла сознание, только теперь уже от счастья.

Тем временем Ридли присутствия духа не терял, да и расслабляться не собирался. Только выслушал рассказ Джека о схватке в подворотне, ранении и бегстве неизвестного и сразу же заявил:

— Необходимо, как можно скорее переговорить с мисс Эдвардс и выяснить личность

таинственного сообщника Гарднера. А также узнать мотивы, им движущие... Уверен, девушка, сумеет пролить свет на интересующие нас вопросы.

Сказано — сделано. Они появились в доме Эдвардсов сразу после полудня, едва дав отдых уставшему телу и позволив самой мисс Эдвардс хоть малость, но прийти в себя после свалившихся на нее ужасов.

Впрочем, миссис Эдвардс полицейского такта не оценила: завидев инспектора Ридли на своем пороге, в сердцах воскликнула:

— Неужели вам мало горя, выпавшего на долю бедняжки, что вы готовы усугубить его своими неуместными расспросами? Дайте девочке отдохнуть и набраться сил, вернуть душевное благополучие... Она крайне истощена и нуждается в бережном уходе.

Ридли терпеливо выслушал укоры в собственном бессердечии, справедливо рассудив, что несчастная мать именно так и должна опекать свое чудом воскресшее дитя, и только после произнес:

— Миссис Эдвардс, я был бы рад более никогда не тревожить покоя вашей дочери, однако обстоятельства требуют задать ей несколько вопросов. — И присовокупил: — Убийца мистера Клода Гарднера все еще на свободе. Уверен, вы хотели бы, чтобы он ответил за свои деяния, не так ли, миссис Эдвардс?

Женщина открыла было рот для явного возражения (оно так и читалось на ее искаженном эмоциями лице), однако спустившаяся по лестнице дочь пресекла его на корню.

— Я поговорю с этими джентльменами, матушка. Так будет вернее всего! — сказала она четким, уверенным голосом. — Пройдемте в гостиную. Там нас никто не потревожит! — обратилась она уже к Ридли.

Скользнула по Джеку слабой улыбкой и повела обоих в сторону гостиной.

— Распоряжусь подать чай, — покорилась желанию дочери миссис Эдвардс и позвонила в колокольчик.

Едва его мелодичное дребезжание разлилось в воздухе, как ее дочь спала с лица, дыхание ее сделалось судорожным, зрачки больших карих глаз поглотили собой всю сетчатку.

— Прости, милая! — охнула женщина, отбросив колокольчик и притянув дочь в свои нежные объятия. — Распоряжусь впредь никогда не использовать их в нашем доме, обещаю тебе. — И в сторону Ридли: — Теперь вы видите, к чему приводят ваши визиты?!

Укор был явно неуместен (оплошность была проявлена самой миссис Эдвардс), впрочем, Этель уже успела взять себя в руки, и, расправив пышное платье, опустилась на маленькую оттоманку. Ридли и Джек последовали ее примеру...

— Мне жаль, что приходится просить вас об этом, — начал инспектор сочувственным тоном, — однако нам крайне необходимо узнать, что произошло с вами в эти минувшие несколько дней, мисс Эдвардс. Надеюсь, вы будете в состоянии рассказать нам об этом...

Девушка молча кивнула.

— Я постараюсь помочь всем, чем смогу, инспектор. Что вы желаете знать? — спросила она наконец.

И Ридли попросил:

— Расскажите нам все с самого начала. С того момента, как вы узнали о наличии родного отца...

После недолгого раздумья Этель начала свой рассказ такими словами:

— Это произошло абсолютно случайно: я выходила из галантерейной лавки на

Карнаби-стрит, когда какой-то джентльмен... Не мистер Гарднер, нет, — вставила она поспешно, — передал мне конверт с неким посланием. Велел ознакомиться с его содержимым без лишних свидетелей, сказал, в нем важная информация для меня. Исчез он так же внезапно, как появился — я едва ли успела что-либо понять. — Миссис Эдвардс, должно быть, впервые слышавшая эту историю, протяжно выдохнула, и дочь стиснула ее ладонь. — Я вернулась домой и... прочитав послание, не сразу ему поверила. Ни разу за все свои семнадцать лет мне не приходилось усомниться в отцовстве... мистера Эдвардса. Он был неизменно добр и терпелив по отношению ко мне... — Она замолчала на секунду. — В общем мне было сложно поверить в написанное в том письме. Впрочем, в конверте был указан адрес... другого отца в Мэрилебоне, и я решила выяснить все достоверно.

— Ты должна была прийти ко мне, милая, — попеняла дочери миссис Эдвардс со страдальческим выражением на лице. — Ты должна была поговорить со мной в первую очередь.

И та призналась:

— Я боялась, вы не скажете мне правды, маменька. Неизвестный аноним предупредил о вашем нежелании устроить наше с отцом свидание. Именно потому я и решила отправиться в Мэрилебон самостоятельно...

Ридли решил уточнить:

— То есть некий джентльмен, имени которого вы не знаете, сообщил вам о наличии родного отца. Откуда у него подобная информация, вам что-нибудь об этом известно?

— Боюсь, нет, инспектор. В письме об этом ничего не говорилось...

— Могу ли я видеть это письмо, мисс Эдвардс?

Девушка в смущении покачала головой.

— Увы, я спалила его в камине. Сразу же после первого визита в Мэрилебон... Не хотела, чтобы матушка узнала о наших встречах с отцом. — И совсем тихо: — Мне нравились наши неспешные беседы за чашечкой чая, инспектор, — мы, словно родственные души, легко нашли путь к сердцу друг друга. К тому же, у меня появилась сестра...

— Мисс Френч?

— Матильда, именно она. Вы, верно, видели ее, инспектор: в нее просто нельзя не влюбиться. — И с тихой полуулыбкой: — Я очень дорожила этим общением...

Ридли поинтересовался:

— А как же мистер Гарднер? Он тоже присутствовал при ваших встречах с отцом?

Этель Эдвардс опустила глаза, ее щеки зарделись ярким румянцем.

— Мне кажется, мистер Гарднер проникся ко мне сердечной склонностью, инспектор. Он неизменно пытался присутствовать при каждой нашей встрече с мистером Френчем, проявлял определенные знаки внимания... Сетовал на жестокосердие матушки, принудившей нас к секретности наших с отцом и с ним соответственно отношений.

— Полагаете, мистер Гарднер желал официально озвучить свои намерения по отношению к вам?

— Именно так я и полагаю, инспектор.

Миссис Эдвардс в очередной раз полузакатила глаза, готовая вот-вот лишиться остатка своих взвинченных до предела чувств. И Ридли, спеша пресечь всякие попытки к оному, задал новый вопрос:

— Каким образом... вы оказались заживо захороненной, мисс Эдвардс? По свидетельству доктора Энглманна, между вами с мистером Гарднером существовала некая

договоренность... Якобы сердечное чувство к нему побудило вас освободиться таким образом от самодурства матери и расчистить путь к вашему совместному будущему.

Миссис Эдвардс схватилась за сердце.

— Что за ужасные мысли приходят вам в голову, инспектор! — воскликнула она писклявым фальцетом. — Моя девочка никогда бы не совершила ничего подобного. «Самодурство», подумать только, — процедила она оскорбленным тоном.

Ее дочь печально улыбнулась.

— Все это чистейшей воды фантазия, инспектор, — произнесла она спокойным, полным глубокой снисходительности голосом. — Возможно, именно так мистер Гарднер и думал, устраивая этот... весь этот кошмар. — Глаза ее в одночасье увлажнились, и девушка уткнулась носом в скомканный клочок батистовой материи. — Простите, инспектор Ридли, одно воспоминание о пробуждении в полнейшей темноте... под толстым слоем насыпанной сверху земли...

— Вы поняли, где находитесь?

— Не сразу. Контраст был слишком разителен: я уснула в своей постели, сразу после укола доктора Энглманна, и очнулась... в этой могиле. С привязанной к пальцу нитью... Доктор сказал, новое лекарство уже к утру поставит меня на ноги, а вместо этого... — она схватилась за горло, — я оказалась в том ужасном месте.

— Полагаю, мистер Гарднер не рассчитал дозировку, и вы проснулись раньше положенного срока.

Этель Эдвардс промокнула повлажневшие уголки глаз.

— От этого мне не легче, инспектор. — И с неведанным донныне чувством: — И он еще полагал, что после всего этого я стану его женой. Соглашусь уехать в Америку... Займу место несчастной Матильды, время которой, как он уверял, подходит к концу. Богатая наследница — вот кто была ему нужна, инспектор Ридли. Сердечное расположение было только прикрытием... Так я полагаю.

— Он сам говорил вам об этом?

— Полагаю, догадаться было не сложно. Состояние моего отца не давало ему покоя... Он неоднократно указывал на то, как много делает для развития его предприятия, как само его существование зависит от ума и смекалки мистера Гарднера.

И миссис Эдвардс, поджав бескровные губы, заметила:

— Так и знала, что эти проклятые деньги ни до чего хорошего не доведут. Именно потому и не хотела иметь с ними ничего общего, теперь-то ты меня понимаешь, Этель? Еще в Писании сказано: «Не можете служить богу и маммоне...», а Оливер продал душу дьяволу.

Хлесткость ее яростных слов заставила каждого онеметь на мгновение. Дочь так и вовсе поежилась, как при ознобе...

— Расскажите о сообщнике мистера Гарднера, — решил увести разговор от больной темы инспектор Ридли. — Как он выглядел? Знаете ли вы его имя? Что их связывало между собой?

Этель обхватила себя руками. Ее хрупкая, трепетная красота проступала четче в моменты глубокого душевного волнения...

— Я мало что могу поведать вам об этом человеке, инспектор. Знаю только, что это именно он передал мне конверт у галантерейной лавки, что звали его... — она задумалась, пытаясь воскресить в памяти имя своего похитителя, — Брандан... Бродан... Имя было донельзя странное.

— Ирландское? — предположил Ридли, и девушка вскинула голову.

— Полагаете, он мог быть ирландцем? — И в задумчивости: — Что ж, в этом есть определенный резон: я улавливала некий акцент в его разговоре, правда, наивно полагала, что это что-то американское. К тому же, — поспешила добавить она, — у него была рыжая борода.

Впервые за весь разговор Ридли напрямую поглядел на Джека. Должно быть, припомнил рассказ Френча об уволенном рабочем, покончившем жизнь самоубийством... Неужели все-таки мечь, так и читалось в этом приправленном глубокими размышлениями взгляде?

Спросил он, однако, о другом.

— Заброшенный склад, на котором вас нашли, мисс Эдвардс, именно там вы и очнулись после своего... воскрешения? — закончил он с некоторой заминкой.

— Да, именно там я и находилась все время.

— Кто за вами присматривал?

— В основном тот второй, рыжебородый, инспектор. Приносил воду и немного хлеба... Мистера Гарднера я почти не видела. А после ссоры, когда они о чем-то яростно спорили в соседнем помещении — до меня доносились приглушенные стеной голоса — он и вовсе перестал приходить... Остался только рыжебородый. По мне, так лучше бы мистер Гарднер... Он пугал меня намного меньше своего сообщника. — И вдруг спросила: — Вы уже арестовали его? Отец должен знать, каков мистер Гарднер на самом деле.

Миссис Эдвардс в очередной раз с надрывом выдохнула, и дочь в недобром предчувствии поинтересовалась:

— Что происходит? Что еще вы от меня скрываете, маменька?

Мара любила появляться как чертик из табакерки: неожиданно, в самый неподходящий момент. Вот и сейчас, стоило Джеку выскользнуть за ворота и слиться с шумным потоком на оживленной Карнаби-стрит, как девушка окликнула его:

— Здравствуй, Джек. Ты не заставил себя ждать...

— Здравствуй, Мара.

Приветствие вышло довольно сухим, и девушка сразу это заметила.

— Ты все еще дуешься из-за этого Грисби? — спросила она. — Полагаешь, я обратилась к инспектору в обход тебя?

Джек, голова которого была забита абсолютно другими вопросами, только отмахнулся.

— Ничего такого я не думал. Вот придумала тоже... — и зашагал еще быстрее.

Мара тоже прибавила шагу, ничуть от него не отставая.

— Куда ты идешь? — полюбопытствовала она, приплясывая на ходу.

— В доки, — нехотя отозвался Джек.

И Мара снова спросила:

— А зачем?

— Ты прямо как инспектор полиции, — возмутился юноша, сдвинув брови на переносице. Впрочем, Мару его реакция не отпугнула, и потому на ее прописанное на лице любопытство Джек отозвался простым:

— Хочу осмотреть место заключения мисс Эдвардс. Вдруг что-то подскажет, где искать таинственного сообщника мистера Гарднера...

— Полагаешь, полиция могла что-то просмотреть?

— Полагаю, ты слишком много болтаешь. — И наставительно: — Шла бы ты домой, Мара. Твоя матушка определенно не рада твоим частым отлучкам.

— Матушка по жизни ничему не рада, кроме денег, конечно, — пожала плечами его собеседница. — А мне в радость другие вещи... — она зыркнула в сторону Джека особым взглядом. — Вот, например, в расследовании поучаствовать. Тебе помочь... Что в этом плохого? — И так как Джек продолжал молчать, взмолилась наигранно смиренным голосом: — Ну можно я с тобой в доки прогуляюсь? Пожалуйста, Джек.

Даже под руку его подхватила, заглядывая прямо в глаза.

— Только если не будешь болтать всю дорогу, — решил хотя бы в этом проявить твердость Джек, и Мара вспыхнула улыбкой.

— Буду нема, как рыба, — ответствовала она, покрепче стискивая пальцами локоть парня.

Так они и прошли до Вардур-стрит, смешавшись с прокуренными докерами и другим рабочим людом, суетливо заполонившим весь Лондон с утра пораньше, и дошли до стоявшего особняком заброшенного склада некогда строительной компании «Балдур-энд-Ко». Джек толкнул уже знакомую дверь и направился по узкому проходу между уже не первый год гниющими ящиками в сторону маленькой комнатухи с зарешеченным окошком под потолком. В ней-то и содержали бедняжку мисс Эдвардс... Веревки от связывающих ее пут все еще лежали тут же, у деревянного табурета, и Мара, прижавшись к Джеку еще плотнее, позволила себе подать голос:

— Какое жуткое место. Аж мурашки по коже!

Ее внезапная робость пришлась парню по вкусу, и он решил усилить эффект такими словами:

— Полагаешь, в гробу было лучше? — Джек зловеще улыбнулся. — Открываешь глаза, а вокруг — темнота. И только могильный колокольчик к пальцу привязан...

— Дурак какой, — Мара пихнула Джека в плечо. — Зачем всякие ужасы говоришь? Я теперь спать спокойно не смогу.

И Джек, довольный освободиться от ее хватки, принялся осматривать помещение.

— Сама хотела в расследовании поучаствовать, — заметил он между делом, — вот и прочувствуй, каково было несчастной жертве.

— Бедняжечка, — выдохнула Мара, и на какое-то время в помещении воцарилась полнейшая тишина. А потом она снова произнесла: — Знаешь, некоторые клиенты моей матери предпочитают быть связанными... Никогда этого не понимала.

Джек обернулся и увидел, как девушка, сидя на табурете мисс Эдвардс, обкручивает руки срезанными с ее же рук веревками.

— Что ты делаешь? — осведомился он не без возмущения, и Мара тряхнула головой.

— Сам советовал прочувствовать, каково было «несчастной жертве». Вот я и вживаюсь в роль... Хочу прочувствовать. — И она попыталась в очередной безуспешный раз обкрутить обе руки разом. Стягивающий прежде оба конца узел все еще был на месте — Дрискоул разрезал веревки ножом — и этот примерно метровый кусок бечевки внезапно показался Джеку каким-то неправильным...

— Давай помогу.

Мара выставила перед собой сложенные руки, и Джек принялся обкручивать тонкие запястья веревкой. На последнем обороте ему не хватило буквально нескольких дюймов, чтобы соединить оба конца вместе, и он потянул чуть сильнее. Девушка вскрикнула...

— Ты делаешь мне больно, — возмутилась она. — Хочешь, чтобы у меня отнялись руки?!

Джек прикрыл глаза, пытаясь припомнить следы от веревки на запястьях мисс Эдвардс. Он обратил внимание на ее руки в тот самый момент, когда девушка подносила к глазам батистовый платок...

Следов от веревок на руках не было.

Джек открыл глаза и, оставив руки Мары обернутыми веревкой, ослабил натяжение и соединил оба конца... Слишком слабо, чтобы действительно удержать кого-то.

— Попробуй освободиться, — попросил он девушку, и та с легкостью это исполнила.

— Что происходит, Джек? — спросила она, заметив тревожную складку у него на лбу. — О чем ты думаешь?

И Джек в задумчивости произнес.

— Либо у мисс Эдвардс запястья тоньше твоих, либо... — Он стиснул бечевку в кулаке. — Я должен это проверить!

С этими словами Джек стремительно зашагал в сторону выхода. Мара побежала следом...

— Джек, куда ты? — окликнула она парня. — Я хотела поговорить насчет нашего совместного путешествия... Ты подумал о моем предложении? Готов убраться из этого города? Я хотела бы знать заранее. — И снова: — Джек, ну куда же ты, в конце концов? Остановись уже и поговори со мной.

Однако он так и не остановился: свистнул проезжающий мимо кэб — и был таков. Маре только и оставалось, что в бессилии взмахнуть руками...

Джеку было не до разговоров о возможном в скором будущем путешествии в Новый свет — все его мысли занимала прожигающая карман веревка. Наверное, стоило бы показать ее Ридли, посоветоваться со знающим человеком, мол, что вы об этом думаете, инспектор... Вот только не хотелось попасть впросак, выставить себя полным болваном, глупым, надумавшим не бог весть что ребенком. И потому следовало проверить все самому... Мисс Эдвардс не откажет ему в маленьком эксперименте, Джек в этом не сомневался.

— Дочери нет дома, — с недовольным видом сообщила миссис Эдвардс. Ее траурное платье сменилось на платье приятного голубого цвета, вот только приятность эта, увы, не затрагивала лица. — Она вознамерилась встретиться с отцом... этим язычником, деньги которого принесли нам столько страданий, — с кислой миной поведала она Джеку. — Однако я не могла воспротивиться... Девочка и так перенесла слишком много страданий. Мой муж вызвался быть ее сопровождающим...

Джек произнес приличествующее случаю сожаление и отправился ловить кэб до Мэрилебона. Это маленькое препятствие — отсутствие мисс Эдвардс — лишь усугубило его врожденное любопытство, и отложить осуществление намеченного было никак невозможно... Добравшись до дома мистера Френча, Джек подошел к двери заднего входа и тихонько постучал. Востроглазая горничная, откликнувшись на этот призыв, ахнула на полном серьезе:

— Инспектор Огден? — и этим совершенно смутила незваного гостя.

Должно быть, она видела Джека в компании инспектора Ридли и сделала свои поспешные выводы. И пока Джек придумывал, как бы с наименьшей потерей для собственного достоинства указать девочке на ошибочность ее умозаключений, та поспешно произнесла:

— Хозяин сейчас в кабинете вместе с мистером Эдвардсом, мне приказано подать туда чай. Могу проводить вас туда же, если желаете...

И Джек поинтересовался:

— А как же мисс Эдвардс, где она сейчас?

— Мисс Эдвардс поднялась в комнату сестры, — ответила горничная. И вздохнув: — Возможно, туда мне тоже придется нести поднос с чаем.

Джек положил руку на хрупкое плечико девчушки и сочувственно произнес:

— Ты занимайся чаем, не отвлекайся — я сам отыщу дорогу в кабинет мистера Френча. — И щелкнув ее по носу: — Мы, полицейские, легко с этим справляемся. Не переживай!

Девчушка расплылась в широкой улыбке, и Джек, воспользовавшись ее замешательством, скользнул в сторону двери на хозяйскую половину. Прошел коридором в сторону широкого холла и поспешил вверх по лестнице...

С точки зрения общественного мнения врываться в комнату юной леди без приглашения, да еще и без сопровождения было верхом светского неприличия, однако Джек рассудил, что решительные обстоятельства требуют решительных мер. В конце концов, он даже не джентльмен... Всего то безродный паренек из Уайтчепела. Таким, как он, простительно быть грубыми и невежественными.

И так разволновался предстоящим разговором с мисс Эдвардс и собственным дерзким поведением, что, запнувшись о стоящие здесь же на пороге комнаты мисс Френч женские туфли (должно быть, их принесла вычистившая их горничная), влетел в комнату вперед головой...

Вскрикнувшая от неожиданности мисс Эдвардс отняла от лица сестры плотную диванную подушку и уставилась на Джека большими, испуганными глазами.

Испуг ее, однако, длился недолго. Убедившись, должно быть, что Джек ввалился в комнату в полном одиночестве, девушка приказала:

— Прикройте за собой дверь, будьте так добры.

Все еще не совсем осознавший увиденное, юноша послушно выполнил ее просьбу.

— Разве мисс Френч уснула? — спросил он вслед за негромким щелчком дверного замка. — Горничная сказала, вы собирались пить чай. — И Джек, обходя мисс Эдвардс по кругу, сделал несколько шагов в сторону постели названной девушки. Та лежала неподвижно, почти, кажется, не дыша.

Совершив столько же шагов в противоположном от постели сестры направлении, ангелоподобная мисс Эдвардс пожала плечами и, опустив в кресло стискиваемую в руках подушку, хлопнула по ней ладонью, как бы придавая ей должный вид.

— Боюсь, бедняжка уснула прямо посреди разговора. Кажется, ей становится хуже день ото дня...

— А доктор говорил обратное.

— Который доктор? — взмахнула ресницами мисс Эдвардс.

Джек с готовностью ответил:

— Доктор Максвелл, что пользовал ее после доктора Энглманна. Он уверял еще, что девушке противопоказаны цветы... — И, указав на букетик полевых цветов на прикроватном столике, поинтересовался: — Откуда они здесь? Их нужно немедленно убрать.

— Так убери, если нужно. Я только хотела сделать приятное сестрице! — ответствовала

мисс Эдвардс.

Что-то незримо переменилось во взгляде и поведении вчерашней жертвы: Джек не смог бы сказать определенно, однако это было очень похоже на превосходство. Осознание собственной силы... Безнаказанность.

Джек вынул из кармана срезанную с запястий мисс Эдвардс веревку.

— Позвольте провести небольшой эксперимент? — обратился он к так и замершей у кресла девушке. — Всего лишь обернуть ваши запястья этой веревкой.

Она с интересом поглядела на обрывок веревки и улыбнулась.

— Зачем тебе это? Хочешь тоже помучить бедную девушку?

Джек был уверен, что мисс Эдвардс откажет в его маленькой просьбе, однако она вдруг выставила вперед обе руки и с неким вызовом поинтересовалась: — Ну, что за эксперимент ты хотел провести? Проводи же, я не против.

И Джек пошел в ее сторону... Шаг, другой, третий. Сократил дистанцию до минимума, не отводя взгляда от красивого лица. Этель Эдвардс как будто бы приманивала его, подобно мифологической сирене, зазывала своей сладкоречивой песней прямо на смертельно опасные скалы.

— Так зачем тебе это? — снова осведомилась она, и Джек задал встречный вопрос.

— А зачем вы стояли над мисс Френч с подушкой в руках?

Их взгляды схлестнулись с новой силой. Голубые и серые глаза сошлись в своеобразной схватке...

— Уверен, что хочешь знать ответ на этот вопрос? — пропела мисс Эдвардс нежнейшим из голосков. После взмахнула сцепленными перед собой руками и угодила Джеку прямым в переносицу. Удар оказался достаточно сильным для трепетной леди, и он, охнув, схватился за буквально взорвавшийся болью нос, перед глазами так и затанцевали кровавые всполохи...

— Зря ты сюда пришел, — прошипела девушка злым, изменившимся до неузнаваемости голосом и пихнула Джека в живот, опрокидывая его на ковер. — Лучше бы бегал по городу в поисках таинственного злопыхателя, убийцы мистера Гарднера. Разве не этим ты и должен был заниматься, маленький проходимец?

Ничуть не готовый к столь дерзкому нападению со стороны женщины, да еще и леди, Джек утер брызнувшую из носа кровь и поглядел на нее в немом изумлении. Истина, рожденная через боль, оказалась весьма непривлекательной на вид...

— Так это вы все устроили? — гнусавым полусшепотом произнес он. — Вы сами позволили похоронить себя... И в доках вас никто не удерживал, вот почему веревка оказалась такой слабой на поверку.

Мисс Эдвардс улыбнулась.

— А ты не глуп, верно все понимаешь, — заметила она зловещим полусшепотом. И добавила: — Именно потому и придется от тебя избавиться... — Она вынула из складок платья медицинский шприц. — К сожалению, у меня только снотворное, — сказала она, глядя на Джека по-прежнему сверху вниз. — Однако это намного гуманнее, чем смерть от яда, дружок. Когда ты уснешь, мы с Грисби обо всем позаботимся...

— Грисби.

Имя отозвалось в памяти довольно неприятным обликом «похитителя трупов», того самого, что якобы случайно услышал названную Гарднером улицу в Сохо.

— Грисби — ваш сообщник, — констатировал Джек с внезапным озарением. — И нет

никакого рыжебородого ирландца, только вы и этот человек.

— Верно, — улыбнулась мисс Эдвардс. — Этот ирландец существует только в большом воображении столичной полиции. Он своего рода находка, вовремя подвернувшийся персонаж, извлеченный из памяти влюбленного простака Клода. — И как будто даже с сожалением: — Он был так красноречив в своих рассказах о прошлой жизни отца, что вытянуть подробности старого происшествия на отцовском предприятии не составляла особого труда. Некий ирландец, покончивший жизнью после своего увольнения... Обличающая записка у него во рту. Таким нельзя было не воспользоваться, и мы с Грисби легко свалили на несуществующего мстителя собственное преступление.

— Так это вы убили мистера Гарднера?

— Пришлось. — Теперь на Джека был наставлен маленький короткоствольный револьвер. — Он, поначалу очень горячо принявший мою задумку с похоронами и отъездом в Америку, после сильно разнервничался, сказал, что мы поступаем нечестно, подвергая моих родителей и Оливера такому жестокому испытанию... Совесть побуждала его открыться не только другу (что было бы еще допустимо, если подумать), но и моим родителям (а уж этого я допустить не могла!). Столько усилий и все понапрасну? Нет, не для того я ложилась в гроб, чтобы восстать всей той же нищенкой, что и прежде. — Девушка трянула головой, как бы отгоняя саму мысль о подобном: — Нет, следовало освободиться от маменькиных нравоучений раз и навсегда. Занять место, предназначенное мне по праву рождения. И это место — во главе отцовского предприятия!

— А как же ваша сестра?

— Матильда?! — презрительный смешок камнем сорвался с ее искривившихся в насмешке губ. — Да что она может, это едва живое создание с полным отсутствием характера? Только полусуществовать, готовясь вот-вот отдать богу душу.

— И вы решили ускорить процесс с помощью букетов с цветами, заказанных вашим сообщником Грисби?

Девушка пожала плечами.

— На ее месте должна была быть я, — сказала она так просто, словно речь не шла о жизни и смерти родного для нее человека.

И Джек спросил:

— Как вы узнали о болезни сестры? Даже доктор Энглманн находился в полном неведении.

— Доктор Энглманн — полный кретин, — охарактеризовала эскулапа девушка с револьвером. — Деньги значат для него намного больше здоровья собственных пациентов. Он и лечит-то всех сплошными кровопусканиями... Откуда ему знать о всяких там задыхающихся по весне девицах? Я и сама узнала о том лишь случайно: отдыхала у подруги в Норфолке прошлым летом и познакомилась с ее хворой сестрицей. У той те же симптомы, что и у Матильды... Местный доктор запрещал ей любые прогулки в саду, говорил, цветочная пыльца забивает ей легкие. Страшал смертельным исходом...

Мисс Эдвардс опустила шприц на пол и подтолкнула его носком туфли в сторону Джека.

— Будь хорошим мальчиком, — сказала она, — и сделай себе укол самостоятельно. Мне бы не хотелось стрелять тебе прямо в сердце...

Джек поглядел на подброшенный ему шприц, однако в руки его не взял.

— Значит, все это только ради денег мистера Френча? — поинтересовался он через

силу. Кровь из разбитого носа неприятно хлюпала в носоглотке...

И девушка вскинулась.

— Все это ради свободы, — сказала она. — Ради возможности жить по собственному желанию! Без необходимости пересчитать каждый цент, чтобы не выбиться из семейного бюджета. Без оглядки на злобного бога, карающего грешника за малейшую провинность. — И еще более эмоционально: — С этими деньгами я сама стану богом. И ни маменька, ни подставной отец не станут указывать, как и что мне делать... Ради этого никакая цена не кажется слишком высокой. — И приказала: — Коли себе это снотворное. Немедленно!

Джек покачал головой.

— Я не стану этого делать. — Поднялся на ноги и расправил плечи.

— Хочешь, чтобы я выстрелила? — спросила мисс Эдвардс металлическим голосом.

И Джек пожал плечами:

— Вы этого не сделаете. Побойтесь огласки... — И снова: — В любом случае, вам придется самой сделать мне этот укол — я вам здесь не помощник.

Лицо девушки полыхнуло неприкрытой ненавистью. И, схватив все ту же диванную подушку, она приставила к ней дуло револьвера...

— А что, если я выстрелю прямо вот так, грязный проныра? — сверкнула она злыми глазами. — Слыхала, подушка способна заглушить звук выстрела. Желаеть проверить?

Они замерли друг подле друга... И вздрогнули от раздавшегося в дверь стука.

Джеку хватило доли секунды, чтобы броситься к отвлекшейся на сторонний звук противнице и схватиться за руку с зажатым в нем револьвером. Однако вырвать его из рук мисс Эдвардс оказалось не так уж просто: утробно зарывчав, она извернулась и нажала на курок. Звук выстрела оглушил обоих, и Джек краем глаза заметил, как пулей сорвало одну из подвесок хрустальной люстры под потолком... Силами девушка не уступала самому Джеку, и они, перелетев через боковину кресла, как были, в схватке за револьвер, повалились на пол.

Здесь и прозвучал второй выстрел... Пуля чирком прошла по Джековой щеке и вошла в стену над платяным шкафом. Вот тогда-то он и вырвал оружие из буквально припаянных к нему пальцев: отбросил его в сторону и прижал мисс Эдвардс к полу, более не делая скидку на ее женское платье и ангельское личико.

— Что, думаешь, победил? — прохрипела она, тяжело дыша. — Думаешь, тебе спасибо скажут? Как бы не так. Ты просчитался!

Джек спросил:

— Где ваш сообщник? Или вы желаете отвечать за содеянное самостоятельно?

Мисс Эдвардс улыбнулась. Прикусила губу и произнесла горячим полусшепотом:

— Давай разрешим все к взаимному удовлетворению... Пожалуйста, Джек. Спишем случившееся на нелепую игру... разделим отцовское наследство на двоих. Обещаю, ты не пожалеешь...

И с такой беззащитной трогательностью поглядела на удерживающего себя юношу, что тот невольно ослабил хватку. И тогда-то повисшая было тишина распалась на десяток разрозненных звуков одновременно: кто-то громыхнул распахнутой дверью за спиной, кто-то закричал... Зазвенела упавшая на пол посуда. А мисс Эдвардс, высвободив прижатую к полу руку, потянулась... и с всадила Джеку в плечо шприц со снотворным.

— Он напал на меня! — услышал он ее истерический вопль, обращенный в сторону обоих отцов сразу. — Хотел, чтобы я молчала о принесенных в комнату сестрицы цветах. Он

помогает ирландцу — сам мне в этом признался! Едва не убил меня из револьвера.

В ушах странно звенело... Звуки растягивались, плавилась и плыли по комнате длинными туманными нитями, убаюкивая Джека, подобно колыбельной.

Последнее, что видел Джек, закрывая глаза, — это бьющуюся в объятиях отца девушку со всеми задатками талантливой актрисы.

Он лежал в тесном пространстве деревянного ящика, в полной темноте... Где-то, так далеко, что это казалось простой галлюцинацией, мерно трезвонил колокольчик.

Где он?

Почему здесь так темно?

Неужели...

Осознание взорвалось болью в разбитом носу и ломотой в костях: он похоронен заживо.

Его заживо похоронили!

Нет... нет, только не это. Только не так...

Он даже не успел проститься с Амандой.

Не успел ничего... никому сказать...

Слезы ужаса и отчаяния вскипели, брызнув из иссушенных жаждой глазниц. Кулаки невольно заколотили по крышке над головой...

...Джек приоткрыл глаза, и яркий дневной свет буквально ослепил его на мгновение.

— Он просыпается! — послышалось над головой, и гомон нескольких голосов мерно потек в его направлении. Присутствующие обступили его со всех сторон и замерли в ожидании...

Ожидании чего?

Джек огляделся по сторонам. Он лежал в своей постели на Карнаби-стрит двадцать один, во флигеле, выделенным ему мистером Барретом, и солнечные зайчики, отражаясь от зеркальной поверхности маленького трюмо, скакали по шелковым обоям, как оглашенные.

Горло казалось сухим, словно пески Каракума, глаза... Джек потянулся и ощупал их пальцами. Сухие... Слава богу! Еще не хватало ныть, как девчонке. А судя по последнему кошмару, у него неплохо получалось это делать.

Воспоминание дрожью прошло по всему его телу.

— На, промочи горло, — Мара, а она почему-то тоже была здесь, протянула ему полный стакан воды.

Джек с жадностью опрокинул его в себя и только тогда рассмотрел остальных присутствующих: инспектора Ридли, мистера Баррета и Тодда. Все они глядели на него с нескрываемым интересом...

— Что происходит? — с трудом прохрипел он, силясь припомнить предшествующие события. Кошмар, пережитый во сне, все еще казался слишком реальным, заслоня собой все остальное.

— Ты все-таки проснулся, и это самое главное, — произнесла Мара с так непохожей на нее серьезностью. И, заметив недоумение в глазах собеседника, поспешила добавить: — Доктор Максвелл волновался за дозировку препарата. Говорил, что ее могло быть слишком много... К счастью все обошлось.

И тут-то Джека прошибло:

— Мисс Эдвардс, она — главная злодейка! Вы должны немедленно взять ее под стражу. — Он даже принял вертикальное положение, от чего в голове изрядно зашумело.

— Ну-ну, герой, — донесся сквозь шум голос инспектора Ридли, — побереги силенки, приятель. Все уже сделано без тебя. Мисс Эдвардс арестована и дожидается суда в ньюгейтской тюрьме.

Джек выдохнул от облегчения.

— Значит, вы обо всем догадались? Это она сама пошла на подлог с похоронами, и все ради денег мистера Френча, ее родного отца.

— Мы знаем, Джек. Рассказ Мары про ваше посещение склада в Сохо лишь подтвердил мои и без того достаточно весомые подозрения в адрес мисс Эдвардс. Когда же нас вызвали в дом мистера Френча, и я увидел шприц, которым тебя укололи, все сразу же встало на свои места. Множество мелких нестыковок так и вопияли о причастности девушки к данному делу... — И присовокупил: — Я распорядился найти и арестовать проходимца Грисби. Не знаю, каким образом эта парочка спелась между собой, но они явно стоят друг друга.

Джек поинтересовался:

— А как же мисс Френч, с ней все в порядке? Мисс Эдвардс не успела ей навредить?

— Она проснулась еще вчера, — отозвался инспектор. — Ей тоже вкололи снотворное, собираясь, должно быть, удушить ее во сне.

— У мисс Эдвардс была подушка...

Слова Джека погрузили комнату в гнетущую тишину: подобное вероломство казалось невыносимым. Тодд тяжело сглотнул...

— А ведь мисс Эдвардс казалась такой... невероятной, — произнес он совсем тихо, никак не решаясь поднять на приятеля опущенных глаз. — Такой красивой... снаружи. Мне жаль, дружище, — покаялся он перед Джеком, — жаль, что я втянул тебя в это дело. Лучше бы ей и в самом деле лежать в гробу... Прости меня за все.

Джек улыбнулся.

— Все не так уж и плохо, дружище. Не казни себя понапрасну!

И Тодд невесело хмыкнул.

— А ты себя в зеркало видел? Доктор Максвелл подправил твой нос, однако он все равно выглядит ужасно.

— Придется тебе заниматься бумажной работой до самого его заживления, — заметил с улыбкой мистер Баррет. — Иначе распугаешь всех моих немногочисленных клиентов.

И Ридли, хмыкнув в кулак, произнес:

— Я тут вот о чем подумал, Джек. Чутье у тебя есть, смекалка тоже... Совать нос в мои дела ты в любом случае не перестанешь. Так вот... взвесив все хорошенько, я подал запрос в департамент полиции по зачислению тебя в рядовые констебли. Это, конечно, самое начало, но если у тебя есть мечта...

— Инспектор Ридли... — Джек подорвался с постели и, схватив руку инспектора, затряс ее со всей возможной силой. — Вы и представить себе не можете, как много это для меня значит. Спасибо большое! Я никогда этого не забуду.

Ридли, порядком смутившись, искренне улыбнулся.

— Надеюсь, ты меня не подведешь, приятель.

И Джек с жаром уверил, что именно так и будет: не подведет.

6. Убийственная любовь

Джек не так представлял себе службу в полиции.

Совершенно не так...

Исполнившаяся мечта горчила на языке, словно деготь.

Изматывающие дежурства по несколько часов кряду перемежались краткими интермедиями сна, заканчивавшимися так быстро, что он едва успевал их заметить.

Он ощущал себя белкой, бегущей по кругу...

Белкой, бесцельно растрачивающей жизнь на пустые, монотонные действия, оскоминой набивающиеся на зубах.

Его натуре подобное было чуждо.

Он жаждал настоящей работы, а получал только это...

Внештатные дежурства на вечеринках банковских клерков и иже с ними.

— Вот, промочи горло, приятель! — Подвыпивший клерк всучил ему кружку с элем, едва не расплескав содержимое на его форменный китель.

Джек так и застыл с нею в руках: был слишком голоден, чтобы пить. Его повело бы и с кружки... Еды, однако, не предлагали, пусть стол и ломился от обилия блюд.

А он стоял неподвижно битый час кряду, и, верно, казался столбом, нежели человеком.

Инспектор, отправляя его на такие дежурства, говаривал не без довольства: «Пять дополнительных шиллингов в хозяйстве не повредят. Иди и выполняй с честью свой гражданский долг, парень!»

Джеку казалось, он отыгрывается на нем за протекцию инспектора Ридли.

Хочет сказать, как мало он значит сам по себе.

Мол, даже протекция одного из инспекторов департамента уголовных расследований не в праве сделать из Джека любимчика фортуны.

А уж ему, инспектору Харперу, и вовсе незачем думать о нем, простом пареньке из Уайтчепела, хорошо.

— Заткнись или тебе же будет хуже, — прозвучало во внезапно наступившей тишине, и Джек мгновенно напрягся.

Подвыпившие гуляки стояли друг против друга с угрожающим видом — он знал, добром такое не кончится. По крайней мере, для его бедных ребер, изрядно побаливающих после прошлого раза... Тут даже дубинка не поможет. Солидный рост (он как-то внезапно стал выше дюймов на пять с прошлого года) тоже был малым подспорьем...

Заныло ушибленное плечо.

Костяшки пальцев отозвались ноющей болью.

Предчувствовали беду...

— Кто-то сейчас словит «мышь», — хихикнул некто фальшивым фальцетом. — Вот будет потеха!

Джек видел мало потехи в подбитом по пьяни глазе (сумел испытать на себе сие сомнительное удовольствие) да и форма обязывала вмешаться, пусть нехотя, но исполнить обязанности, возложенные на него интендантом.

Он вышел вперед:

— Господа, сейчас не время для ссор, пожалуйста, разойдитесь! — произнес примирительным тоном, выставив для острастки дубинку.

И этим лишь раззадорил буйнов:

— Не тебе мне указывать, грязный бобби! — пробасил один из мужчин.

— Не тебе затыкать рот Томасу Снэйку, — вторил второй, надвигаясь на Джека с неотвратимостью бури.

И так всегда, хоть бы один заступился: так нет же, еще и отходят, освобождая дорогу дебоширам. Словно «побить бобби» — наилюбимейшее занятие таких вечеринок, и Харпер, похоже, знает об этом.

— Господа, подумайте о последствиях! — предпринял Джек последнюю попытку к безболезненному решению конфликта.

Даже зубы внезапно заломило, и, похоже, не зря: первый детина, ухватившись за выставленную дубинку, рванул паренька на себя, второй, воспользовавшись моментом, припечатал его кулаком в скулу.

Боль взорвалась фейерверком, электрическим током пробежалась от скулы к вискам, вышла огненной вспышкой из глаз. Джек отлетел к стене, сполз по ней, там и затих, полностью дезориентированный... Подобрался, готовый к очередному удару, однако его не последовало.

Завизжала какая-то женщина — драчунов развели по разным углам, и Джек, проморгавшись после удара, огляделся в поисках шлема, слетевшего с головы во время падения.

Нашел его в паре ярдах у ног перепуганной девицы, прополз не вставая, подобрал его с пола. После чего вышел за дверь, ничуть не заботясь о правильности поступка...

Денег ему еще не заплатили — он схлопотал по скуле за просто так.

Сырость вечернего воздуха привела его в чувства: он был словно пьяный, во рту неприятно горчило. Зато хотя бы в глазах просветлело...

Настолько, чтобы заметить женскую фигурку в двух шагах от себя.

— Не бойся, это всего лишь я! — сказала она и улыбнулась.

Он увидел проблеск ее зубов в свете далекого фонаря и выдохнул:

— Мара. Что ты здесь делаешь?

— Тебя дожидаюсь, балда. — Девушка подхватила его под руку, продемонстрировала узелок в свободной руке. — Подумала, ты будешь голодный и не откажешься от вкусняшек нашей кухарки.

При мысли о пище у Джека заныла ушибленная челюсть, он подвигал ей из стороны в сторону.

— Не думаю, что смогу что-то съесть, — сказал и невольно сглотнул.

Мара с сочувствием погладила его по щеке.

— Снова схлопотал от этих людишек? Бедняжечка. Говорила тебе, полицейская форма — та еще перспектива. — Она вынула один из восхитительно пахнущих пирожков и поводила им у себя перед носом. — Ммм, Зельма постаралась на славу!

И уже собралась было его откусить, когда Джек перехватил ее руку.

— Ты их мне принесла, вот и отдай! — сказал, заглушая голодные спазмы в желудке.

Мара понимающе улыбнулась и отдала пирожок. Есть она все равно не хотела: так, только подразнить, знала, что Джек хорохорится лишь для вида, а сам истекает голодной слюной. Вон какой вымахал, выше нее на целую голову... Такого кормить нужно на славу.

Кормить и заботиться.

И любить...

Мара любила.

Всем сердцем! С самого первого взгляда.

Что чувствовал Джек, она лишь смутно догадывалась...

Знала одно: его привязанность была искренней.

Только достаточной ли для счастья?

Для их обоюдного счастья...

— Вкусно. — Он разом, словно удав, заглотил два пирожка целиком и даже зажмурился от удовольствия. — Скажи Зельме спасибо!

— А я как же? — осведомилась Мара не без кокетства. — Мне, разве, спасибо не полагается? — И склонила голову к плечу. Ни дать ни взять задорный воробышек...

Джек все еще к этому не привык.

— И тебе тоже спасибо, — просипел через нос, неожиданно покраснев.

И стал на два тона темнее, когда Мара его поцеловала... Просто чмокнула в губы — казалось бы, ничего нового, между ними это был решенный вопрос — однако привычка не приходила. Он каждый раз полагал, что чем-то обманывает ее...

— Так будет лучше. — Мара опять погладила его по щеке и стало серьезнее вдруг, задумчивее. Взяла его за руку и повлекла в сторону дома... Сказала вдруг через время: — Мама задумала что-то, сердится на меня. Уж коли хотим уходить, пора это делать, как можно скорее! — И, как бы продолжая давно начатый спор, в запальчивости потянула его за рукав форменного платья: — Ты сам разве не видишь, все это не для тебя? Ты лучшего достоин. Не просто получать тумачи от подвыпивших клерков — расследовать настоящие преступления.

— Любой инспектор был когда-то констеблем, — возразил девушке Джек, правда, без жара.

И сам давно в это не верил...

Исполнившаяся мечта оказалась обманом. Не тем, о чем он мечтал...

— Ах, Джек, — Мара схватила его за руки, — пожалуйста, не противься: уедем, как и хотели, — взмолилась она горячее обычного. — Нас все равно ничто здесь не держит: ни город этот проклятый, ни люди, его заселяющие, — ничто, кроме формы твоей...

— ... И отсутствия денег, — закончил за нее Джек. — Ты знаешь, билет будет не дешев. Мы много раз о том говорили...

— Деньги можно найти... — сказала Мара, и руки ее упали вдоль тела. — Я только боюсь, что ты вдруг отступишься. Не захочешь все бросить! Уехать со мною.

И Джек, полный самых противоречивых эмоций, ощущая тоску размером с Лондонский мост, произнес, как обычно:

— Мне некуда отступать. Как сказал, так и сделаю! Когда ты хочешь уехать?

— Хоть прямо сейчас, — воскликнула Мара. — Хоть в эту минуту! — Прильнула к его груди, и Джек испугался, что враз замолчавшее сердце расскажет ей больше неискренних слов. В которые он и сам хотел бы поверить!

Джек проснулся задолго до дежурства и сразу же взялся за дело: принялся переписывать бумаги мистера Баррета. Он делал это по собственному желанию, в благодарность за предоставленную квартиру, за которую тот, несмотря ни на что, не брал с Джека ни пенни.

И он, ощущая неловкость за эту явную благотворительность, продолжал помогать ему перепиской.

Некий Оливер Кейбот был обвинен в убийстве по неосторожности: используя метод доктора Сеира по исправлению сколиоза, довел жену до физического истощения и смерти. Он утверждал, что обильный вес давил на кости бедняжки, а заставить ее похудеть другим способом у него никак не выходило.

Джек хмыкнул, поставив последнюю точку, — люди не переставали его удивлять. Удивительные существа!

Однако пора было поторапливаться: снести переписанное мистеру Баррету да отправляться в участок. Может, и с миссис Чендлер удастся свидеться: она, вместе с матерью и детьми, должна была прибыть еще прошлым днем. Давно оговоренная помолвка должна была состояться, и Джек был рад за обоих... Хоть кто-то сумел отстоять свои чувства, пусть это и было не просто, он знал то не понаслышке. Мистер Баррет обмолвился как-то, что миссис Баррет, его дорогая матушка, никак не хотела и слышать о провинциальной вдове с целым выводком разномастных детишек. Любовь казалась ей вздором, влечение сердца — обманом, а собственный сын — глупым ребенком, поверившим и в то, и в другое из самых нелепейших побуждений.

Жалости.

— Ах, что у нас происходит, что происходит! — всплеснула руками впустившая Джека горничная. Ее веснушчатое лицо выражало крайнюю степень восторга и удивления, Джек подумал, что связано то с гостями и улыбнулся.

— Я слышал, у вас нынче гости.

— Ах, если бы только это, — не в силах сдержаться затараторила та, — издохла собачка старой карги. — И театрально зажала рукою рот. — Миссис Паттесон, то есть, — исправилась она живо. — Вот так взяла и издохла около получаса назад. Мы как раз снесли ей еды и завтраком занимались, когда закричал кто-то в доме... Страшно так, как при убийстве. Все всполошились, бросились узнавать, что случилось. И вот, лежит эта вредная шавка (под стать хозяйке, если подумать) около миски совсем бездыханной. Ой, что тогда началось, что началось! Вызвали миссис Грейди и давай узнавать, чем она пса накормила, а та, страшно перепугавшись, и слова молвить не может. Мычит только да глазами вращает... Кликнули Минни, девчонку-посудомойку, та и сказала, что мясо у уличного разносчика покупали. Она сама его в дом зазвала, услышав, как он клиентов на улице зазывает...

— Так что с ней случилось, с собачкой-то этой? — осведомился Джек не без тревоги. — Неужто злой умысел?

— Бог его знает, — пожала плечами девчонка. — Неужто кто-то стал бы делать такое? Мясо небось несвежее было али еще что. Миссис Грейди слезы горячие льет, клянется, что мясо было самым обычным. Плохого она и сама не взяла бы! Но старая леди ей не поверила... Ругалась страшными словами. Грозилась выкинуть ее вон... — И закончила своей привычной присказкой: — Ах, что происходит, что происходит!

Уже от двери Джек услышал слезы старой кухарки, та, утирая глаза краешком фартука, понуро сидела у самой печи и даже на него не взглянула. Джек не стал ее трогать, хотя вопросы задать хотелось, и пошел сразу на хозяйскую половину. Возможно, оставит бумаги в кабинете мистера Баррета, на своем прежнем рабочем месте, и просто тихонечко удалится, однако остаться незамеченным не получилось. Мистер Баррет как раз находился в своем кабинете, они с невестой шептались за незапертой дверью, и Джек произнес, смущенно замерев на пороге:

— Я только бумаги хотел передать.

Анна Чендлер смутилась не меньше его, мистер Баррет тоже прочистил горло.

— Здравствуй, Джек. Проходи, не смущайся! — произнес он, принимая бумаги.

— Рада свидеться снова. — Его невеста по-дружески протянула руку. — Ты стал совсем взрослым.

— На голову выше тебя... — произнес Баррет с улыбкой.

— И столь же важный. — Она поглядела на его полицейскую форму. — Она тебе очень идет. Я рада, что ты нашел свое место!

И Джек, смущенный чрезмерным вниманием более прочего, дернул плечами:

— Я тоже рад за вас, мэм.

В наступившей вдруг тишине они отчетливо услышали звон колокольчика. Дворецкий проследовал к двери, и Джек, отозвавшись шестым, неведомым чувством, покрылся предательской дрожью, словно мурашками... Волоски на руках встали дыбом. Что-то дернулось в глубине, там, у самого сердца...

Он прислушался.

— Мистер Баррет сейчас в кабинете, я доложу.

— Будьте добры. Миссис Чендлер?

— Полагаю, что там же.

Сомнений быть не могло... Желание убежать и мгновенная неподвижность настигли Джека одновременно. Раздираемый этим противоречием он так и стоял, пока в комнату не вошла... Аманда Риверстон.

Нет, Аманда Уорд собственной персоной.

Улыбка сбежала с ее лица в ту же секунду, как только она заметила Джека. Бледность сменилась румянцем... Румянец бледностью.

Миссис Чендлер сказала:

— Аманда, какое счастье снова видеть тебя! Входи поскорее, мне так тебя не хватало, — и заключила подругу в объятия.

— И мне тебя, Анна, — ответствовала Аманда, и Джек уловил ее взгляд, обращенный к себе. Отмер с шумом в ушах и гулко kloкочущим сердцем. Ему показалось, он сам или комната — сложно сказать — плывет, как бы мягко покачиваясь на волнах... Он даже потряс головой. Сглотнул, разгоняя туман и качку.

— Здравствуй, Джек, — голос Аманды мягко поплыл в его направлении. — Приятная встреча. Я слышала, что ты служишь в полиции, но свидеться и не мечтала. — Она и сама вдруг оказалась подле него — или Джека по-прежнему штормило? — и протянула ладонь.

В белой перчатке. — Это то, о чем ты всегда и мечтал. Я искренне за тебя рада!

Он словно в тумане коснулся этой белой перчатки, почти невесомо и тут же ее оставил. Боялся припомнить былое, такое, к чему не было больше возврата...

А сердце больно заныло.

Он думал, оно восстановилось...

— Инспектор Ридли помог мне протекцией, — с усилием произнес он. — Спасибо, миссис... Уорд.

Само это имя стеной поднялось между ними.

Холодной, едва ли преодолимой.

Аманда враз оказалась так далеко, что просто не дотянуться...

— У нас беда приключилась, — произнесла миссис Чендлер, то ли намеренно отвлекая, то ли действительно желая поделиться случившимся. — Издохла Мадам, болонка матери.

Помнишь ее?

Аманда отстраненно заметила, все еще глубоко в своих мыслях:

— Она всегда хотела ухватить меня за ногу.

— Не только тебя... Характер у нее был зловерный.

— И что с ней случилось?

— Похоже на отравление, — с видимым недоверием отозвалась подруга. — Чарльз полагает, мясо было несвежим.

И тот подтвердил:

— Миссис Грейди не сознается, но, верно, недоглядела.

— Маменька в полном расстройстве, — подхватила его невеста. — Она любила это животное

с особенной силой. Возможно, больше собственной дочери... Не представляю, что теперь будет. — И она выразительно глянула на подругу.

Та знала, как было непросто им с Барретом отстоять свои чувства, и вот эта злостная неприятность. Как раз в этот самый момент...

— Я слышала, в доме у Картрайтов тоже издохла собачка. Муж говорит, это не первый случай...

Джек навострил уши. Впервые с момента появления Аманды в кабинете, «море» в его голове перестало шуметь и качаться.

— Возможно, не помешает снова с кухаркой переговорить, — произнес он, отчетливо понимая, что должен сделать. — Быть может, со мной она стала бы откровеннее.

Мистер Баррет согласно кивнул.

— Ты бы очень помог, прояснив это дело. Благодарю тебя, Джек!

— Сделаю это с радостью, сэр.

И Джек вышел из комнаты, так больше на Аманду и не взглянув.

Джек шел на кухню на ватных ногах, скорость, с которой он выскочил из кабинета мистера Баррета сошла на нет уже через десять шагов, и он ощутил себя донельзя опустошенным.

Опустошенным, больным и несчастным.

Так и замер на месте, не в силах сделать ни шагу, проигрывая в голове каждый миг случившейся встречи.

Аманда совсем не изменилась...

Только стала еще красивее.

И ярче...

Он вспомнил, что делало ее неотразимой. Такой, что раз засев в его сердце, никак ни его, ни его мыслей не оставляла.

Словно сорняк...

Или пышная роза, поправился он против воли.

И, стиснув бескровные губы, наконец двинулся с места.

Миссис Грейди все еще хлюпала носом, но, заслышав шаги, поглядела на Джека несчастными глазами.

— Это ты, — сказала она, — я уж думала, по мою душу явились. Выгонят из-за мертвой собачонки... А ведь она даже не человек. — И слезы градом покатались по ее щекам.

Парень с сочувствием поглядел на плачущую женщину. Ее и без того довольно

посредственное лицо стало еще некрасивее и несчастнее...

Джек произнес:

— Миссис Грейди, откуда взялось мясо для мертвой собаки?

— Откуда-откуда, — с обидой отозвалась та, — знамо дело от уличного торговца, кошатника то бишь. Они завсегда по улицам ходят, да ты и сам это знаешь, товаром своим приторговывают. Вот и этого Минни зазвала, как только про пса миссис Паттесон прознала. Я все сокрушалась, чем же кормить его буду, вот она и... побеспокоилась.

— Каким было мясо?

Джек знал, что вопрос этот глупый: кошатники свежего мяса не продавали — подпорченные обрезки, куски непригодного людям мяса конины — попахивало то знатно, чем, верно, животных и привлекало. Он сам обходил таких стороной! От их громогласного «Мя-я-со!» и тархтенья ручной тележки разило, как из сточной канавы.

Миссис Грейди с достоинством отозвалась:

— Нормальным. Без единого червя... Я промыла его уксусом и водой, протерла хорошенько. Что еще я должна была сделать? Мясо было нор-маль-ным, — закончила она по слогам.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — поспешил успокоить женщину Джек. И быстро, пока она снова не разрыдалась, осведомился: — А как же разносчик, вы его знаете?

— Первый раз видела. Их, знаешь, тут сколько таких расхаживает? Один другого перекликает. Нет, — утерлась она вымокшим фартуком, — я никогда его прежде не встречала.

Джек распрощался с несчастной кухаркой — разговор с ней хотя бы отвлек от безрадостных мыслей — и, кратко переговорив с мистером Барретом, поспешил в полицейский участок. Пришлось даже на кэб разориться — он припозднился больше положенного, а инспектор Харпер опаздывающих не жаловал. Штрафовал просто позверски, а деньги Джеку были нужнее прочего.

Билет до Америки стоил недешево.

— Эй, Огден, тебя инспектор искал! — окликнул его констебль за стойкой. — Никак чехвостить будет за что-то. Злющий он нынче, словно пес цепной! Того и гляди ухо отцапает.

Джек мысленно застонал — никак вчерашние клерки нажаловались — но вида не подал.

— Спасибо, Такер, — отозвался с натянутой улыбкой и направился к кабинету инспектора.

Постучал.

Тот гаркнул, аж звякнули стекла:

— Входи уже, хватит расшаркиваться.

И Джек предстал пред его светлые очи... Вернее, пред угольно черные бездны под черными же росчерками бровей, сведенных на переносице.

— Чем могу быть полезен, сэр? — осведомился он как можно смиреннее, разумно опасаясь растревожить вулкан. И без того изрядно попыхвающийся...

Каждый в дивизионе знал, инспектора Харпера лучше не доводить до греха! Его лысеющий череп, словно сигнальный костер, делался красным в минуты наидурнейшего настроения.

Сейчас этот череп алел маковым цветом...

— Нет, вы только поглядите, «чем он может быть полезен». Просто золотой мальчик, не иначе! — пропел инспектор тоненьким голоском. И жмякнул огромной ручищей по крышке стола. — Что это такое? — Указал он сначала на лист подпрыгнувшей было писчей бумаги, а после — на Джекову скулу.

Изрядно припухшую.

Он и забыл, как выглядел перед Амандой...

И на секунду... ровно на долю секунды мысль эта оказалась важнее разъяренного начальника.

— Синяк, сэр, — ответил он наконец. — Один из клерков...

Договорить ему не пришлось:

— Что ты за полицейский такой, если каждый чахоточный клерк может дать тебе в рожу?! — возопил собеседник, поднимаясь из-за стола. — Полагаешь, у нас пансион благородных девиц, и мы сысюкаться будем со всякими недомерками, машущими руками? На что у тебя дубинка, в конце-то концов? Такие, как ты, — ткнул он пальцем в сторону Джека, — заставляют людей полагать, что полиция — сборище жалких неудачников, безмозглых тупиц и дегенератов. А они должны нас бояться... бояться и трепетать. Или ты хочешь выказать слабину и быть затоптанным заживо?! Разорванным на куски. Они с радостью так с тобой и поступят при первой же возможности, Огден. Либо возьми себя в руки и начни применять дубинку по назначению, либо... убирайся к чертям из полиции. Слабакам здесь не место! Ты меня понял?

Джек сглотнул комок в горле, огромный, размером с глобус, и потому не сразу смог отозваться.

— Ты меня понял, золотой мальчик? — гаркнул инспектор с особенным вкусом.

— Понял, сэр. Я буду стараться!

— Уж постарайся, не думай, что, коли у тебя связи в департаменте уголовных расследований, ты стал каким-то особенным. Как бы не так!

В этот момент в дверь постучали, и Такер, дежурный за стойкой, несмело заглянул в кабинет.

— Сэр, инспектор Харпер, тут новое заявление по мертвым дворнягам. Что прикажете делать?

— Еще одно? — рывкнул начальник, выбираясь из-за стола. Выхватил документ из рук подчиненного и быстро пробежал по строчкам глазами: — Что за собачий мор, будь оно все неладно. Только издохших шавок мне и не хватало! Которая по счету?

— Пятая, сэр.

И Джек, не в силах сдержаться, решил добавить:

— В доме мистера Баррета тоже издохла собака. Я слышал, были еще происшествия...

— Происшествия, — с издевкой повторил Харпер, окатив Джека убийственным взглядом. — Чертовы маленькие происшествия! Словно мне и без того заняться нечем. — И вдруг поглядел на проштрафившегося подчиненного заинтересованным взглядом. Перемена была столько разительна, что Джек даже опешил. — Что ж, Огден, вот ты этими шавками и займешься.

— Я, сэр? — Джек точно не знал, радоваться тому или нет: с одной стороны, это целое дело, не просто пустые дежурства на лондонских улицах, а с другой — сплошная стена отчуждения между полицией и знатным Мэйфером. Кто станет прислушиваться к простому констеблю с вопросами про умерших собачек?

— Ты, Огден, ты, — с довольной улыбкой ответил инспектор и даже усы покрутил от избытка довольства. Собой и своею смекалкой.

Так лихо избавиться от дела, да еще сотруднику нелюбимому насолить — это ж целый талант иметь надо!

— Сейчас же отправишься по адресам и выяснишь обстоятельства... происшествий, — кольнул он последним словом, и Джек невольно сглотнул.

Нет, это не дело — наказание какое-то. И стоит его запороть, криков будет побольше сегодняшнего нагоняя! Зря он все-таки в полицию подался, лучше бы документами мистера Баррета занимался.

Правильно говорят: бойтесь своих желаний.

— Есть, сэр. Будет сделано, сэр! — отрапортовал он и отправился вслед за Такером получить бумагу с нужными адресами.

По первому адресу проживала некая миссис Хендриксон, вдова адвоката из Грейс-инн, ее экономка пустила Джека не дальше порога и в самым неласковых выражениях указала на то, что выспрашивать у убитой горем хозяйки про мертвого пса никому не позволит. Все самое нужное он может узнать у нее... А так как узнавать здесь особо не о чем — несчастный пес окошел сразу после второго кусочка злополучного мяса — то и говорить им с констеблем совсем ни к чему.

— Найдите разносчика корма, пусть получит за все по заслугам, — заключила она, выставляя Джека за дверь.

По второму ему повезло много больше: старая леди в пышном чепце приняла его добродушно, без всякого пренебрежения. Угостила чаем с ватрушками, а также пространными разговорами о почившей в бозе собачке, папийоне по кличке «Любимчик», издохшем в страшных мучениях.

— Бедняжечка, — заключила она, — катался по полу и тихо поскуливал, словно о помощи умолял. А я ничего не могла поделать... Это закончилось в считанные секунды.

Джек поинтересовался:

— Вы всегда покупаете мясо у одного и того же разносчика?

— Мне оставляют его на пороге. Каждое утро в одно и то же время...

— Один и тот же человек?

— Да, мистер Пибоди с зеленой тележкой, вечно трясется из-за каждого цента. Считает, что старые девы не платят долгов, и мы с ним частенько ссоримся из-за этого.

— Можете назвать его адрес?

Старушка всплеснула руками:

— Да откуда ж, мил человек, я ж его только у дома с тележкой и вижу время от времени. К чему мне адресом этим интересоваться? — И осведомилась как бы с опаской: — Полагаете, он виноват в смерти Любимчика? Мясо было отравлено или что?

Джек, признаться, не думал, что мясо могло быть отравлено специально — с чего бы разносчику делать такое? Губить свой бизнес — он полагал, мясо просто протухло. Или попало в него что-то случайно...

Это и стоило выяснить в первую очередь.

Жаль, про разносчика миссис Хендриксон он так и не смог расспросить.

Что ж, в следующий раз он от этого не отступится, даже если все экономки мира горой восстанут за свою убитую горем хозяйку!

И Джек почти собрался идти, когда старушка сказала:

— Там у меня еще кусочек мяса остался... на ужин Любимчику думала припасти. Теперь только выбросить осталось... Бедный, бедный Любимчик!

— А можно я его заберу? — живо откликнулся Джек, и старушка послала служанку за мясом.

— Возьмите, коль считаете нужным, и найдите виновного в этом ужаснейшем преступлении, — сказала она.

Напутствуемый такими словами, Джек вышел на улицу и подумал, а не пойти ли ему поначалу в сторону Харви-стрит, пробраться дворами к сараю-лаборатории доктора Максвелла и не отдать ли ему кусок неприятно пахнущего мяса на экспертизу. Вдруг тот полезное что-то скажет, такое, что враз даст разгадку собачьему мору в богатых районах.

И он поворотил в сторону Харви-стрит...

Проходя мимо докторской приемной, он чуть замедлил шаги, пытаясь понять, принимает ли доктор или как раз занимается изысканиями в старом сарае. Понять не сумел и, свернув в переулок, отправился в сторону лаборатории...

Первым, что встретило его по дороге, — все тот же сладковато-приторный «аромат» разложения, от которого перехватывало дыхание; как доктор выносил его больше пяти минут кряду оставалось для Джека загадкой.

Он постучал в двери сарая. Огромный амбарный замок, казалось, висел здесь годами... Ничто не говорило о присутствии доктора, и Джек, порядком разочарованный, собрался было идти восвояси, когда услышал голоса:

— Надеюсь, вас не смутит этот запах? Сам я, признаться, давно с ним сроднился. Вот, мятные капли: помажьте немного под носом.

Джек обернулся от двери и увидел доктора Максвелла в странной компании: с девушкой под густой вуалеткой со шляпной коробкой в руках.

По тому, как дернулось его сердце, он враз... с ту же секунду насторожился.

Всмотрелся...

Подсунул палец под ремешок полицейского шлема и дважды провел по взмокшему подбородку.

— Благодарю, так явно намного лучше, — сказала дама под вуалеткой, и Джек решился бежать.

От этого голоса...

Тонкий фигурки с серебряными волосами.

От этого невозможного совпадения, снова столкнувшего их друг с другом...

Да только замешкался и не успел.

— Джек, ты ли это? — заметил его доктор Максвелл. — Я нынче буквально нарасхват. Чудеса, да и только!

— Здравствуйте, доктор. — Парень старательно делал вид, что спутницы доктора не замечает. — Я тут по делу пришел... Хотел спросить кое-что...

Доктор Максвелл кивнул, как бы признавая такую возможность.

Осведомился только:

— Вот и гостья моя хотела спросить. Надеюсь, ты будешь не прочь чуток обождать?

Наверное, стоило удалиться, сказать, что заглянет позже, да только язык так во рту и не провернулся. К тому же хотелось узнать, что привело миссис Уорд к доктору Максвеллу... Что в шляпной коробке, старательно удерживаемой ею в руках?

Уж явно не новая шляпка.

И даже не что-то, подобное ей!

— Джек может присутствовать при разговоре, — сказала вдруг девушка, отводя вуалетку. — Он знает, о чем пойдет речь...

И брови доктора Максвелла подпрыгнули к линии волос.

— Так вы знакомы?! — воскликнул он, крайне удивленный. — Этот парнишка полон сюрпризов. — И он, по-приятельски хлопнув Джека по плечу, отпер двери сарая и поспешил внутрь.

— Другие тоже подчас удивляют, — откликнулся Джек совсем тихо, так что услышать могла только Аманда, и услышала, судя по всему: скулы ее предательски покраснели.

В глазах что-то блеснуло...

— Ставьте коробку сюда, — велел между тем доктор Максвелл, указывая на свой прозекторский стол.

И девушка, выполнив указание, подняла крышку коробки.

В ней находилась... мертвая собачонка.

— Болонка миссис Паттесон, — озвучила Джекову догадку Аманда. И он смутился, поняв, как просто прочесть его мысли... Пусть это и было несложно. — Пришлось сказать, что я снесу ее к мистеру Грову, владельцу бюро похоронных услуг. Несчастливая женщина так убивалась, что я...

— ... Решили скрасить ее несчастье? — подсказал доктор Максвелл.

— Примерно так, — улыбнулась Аманда смущенной и вовсе безрадостной улыбкой. — Сказала, ее похоронят со всеми почестями, в отдельном... собачьем гробу.

— ... Но прежде решили узнать, что стало причиной ее преждевременной смерти?

И снова Аманда кивнула.

— В районе Мэйфера издохло не меньше десятка собак, — сказала она. — Я было подумала...

— ... Что это ведь неспроста. И были, конечно же, правы! — При этих слов доктор Максвелл извлек пушистое тельце из тесной коробки и разложил его на столе.

— Итак, посмотрим, — он приподнял правое веко пушистого пациента, — глазное яблоко покраснело... и пахнет... — он поводит раскрытой ладонью над трупом мертвой собачки. — Принюхайтесь? Ощущаете этот запах?

Аманда и Джек одновременно подались вперед.

Одновременно отпрянули...

— Запах горького миндаля, — сказала девушка, поглядев в сторону доктора.

Тот улыбнулся:

— И вы абсолютно правы, юная леди. Первый из признаков отравления цианидом — запах горького миндаля. А еще, — он разжал крепко сцепленные челюсти животного, — прикушенный язык и покрасневшая кожа. В данном случае, лопнувшие сосуды в глазах... — И констатировал, разогнувшись: — Этот пес был точно отравлен, никаких сомнений, но я бы хотел убедиться в том досконально. Если вы, конечно, не против? — поглядел он на девушку. И указал на свой скальпель...

— Но миссис Паттесон... — возразила было она, однако доктор подхватил по обыкновению:

— ...Ничего не заметит. Я вам обещаю! — Аманда молча кивнула. И доктор заметил: — Быть может, вы подождете снаружи? Для общего нашего блага, — и он выразительно указал

на свой некогда белый фартук, покрытый следами высохшей крови.

Аманда сглотнула.

Такого ей видеть никак не хотелось!

И Джек был с ней полностью солидарен.

Была ранняя осень, и сердце Джека казалось немного под стать медленно угасающей природе: оно еще билось, но как-то неровно и скупно.

Как будто бы из последних отмеренных ему сил.

Они стояли у самых дверей, глядя в заброшенный сад...

И слов для возможного разговора мучительно не находилось.

Спасла положение девушка:

— Ты можешь не верить, но я действительно рада видеть тебя, — сказала она, по-прежнему глядя в сад на пышный куст хризантем. — И рада твоей исполнившейся мечте. И... вообще... — теперь она поглядела в упор, — ты счастлив? Все так, как мечталось? — Мазнула взглядом по синяку на щеке, по форме, рука ее странно дернулась, словно она усмирила какой-то порыв.

И Джек, пусть и желая ответить наигранным «счастлив», вдруг выдал совершенно другое:

— Я думал, что людям смогу помогать, а вышло... немного не так, как мечталось. — И даже потер ушибленную скулу, что не осталось девушкой незамеченным.

— Как это вышло? — спросила она.

И Джек отмахнулся:

— Пытался закон блюсти. — Ему стало неловко за вид свой, за явное неумение постоять за себя.

За глупое сердце, влюбленное не в того человека...

И он, разозлившись, решился спросить:

— Как сами вы поживаете, миссис Уорд? Все так... как мечталось? — ударил ее же словами.

И сам не подумал бы, что способен на это.

Аманда, однако, лишь грустно ему улыбнулась:

— Все лучше, чем я надеялась, Джек, — сказала она. — Мистер Уорд неплохой человек и он по-своему добр ко мне, к тому же часто занят делами, и я могу делать все, что желаю

— Например, хоронить мертвых собачек?

— И это, и многое другое, — подтвердила она.

Они в смущении улыбнулись — как будто стена отчуждения дрогнула между ними.

И Джек снова поинтересовался:

— Почему вы... почему вы пришли именно к доктору Максвеллу? — Говорить «вы» вдруг показалось каким-то неловким, но они ведь не были больше друзьями.

— Я читала о деле Этель Эдвардс в газетах, — призналась Аманда, — и там его имя довольно часто упоминалось.

Джек молча кивнул, и радость наполнила его от макушки до кончиков пальцев в неудобных полицейских ботинках.

Аманда Риверстон Блэгни следила за его жизнью через газеты!

И пусть о нем ни словечка в статьях не упоминалось, зато о инспекторе Ридли было более, чем достаточно. И она не могла не понять, что он напрямую с инспектором связан...

Думать так, пусть даже ошибочно, казалось очень приятным.

— Миссис Уорд... Джек, — позвал их в этот момент доктор Максвелл, и молодые люди поспешили вернуться в лабораторию.

Пахло там теперь еще хуже — они с опаской покосились на прозекторский стол. Впрочем, любимица миссис Паттесон выглядела пристойно: доктор заштопал ее с мастерством истинной белошвейки.

И сказал:

— Я не ветеринар, как вы понимаете, и мало что смыслю в собачьей физиологии, но кровь, взятая из сердечной полости этого пса, с определенной ясностью подтверждает наличие яда в его организме.

— Цианида, как вы и предполагали? — осведомилась Аманда.

— Синильная кислота, миссис Уорд, или конкретнее: цианистый кали. Именно так. В преступных кругах известен чуть менее мышьяка, однако после изобретения метода Марша и его использования в судебной системе, стал использоваться активнее. В отличие от того же мышьяка, действует почти моментально, легко растворим в воде, не обладает ярко выраженным вкусом, да и достать его несложно. Им морят насекомых в амбарах да на судах... В любой аптеке можно купить. Вот, посмотрите, — указал он на колбу с голубоватым осадком на дне, — я выделил цианистый кали с помощью подкисленного раствора медного купороса. Только при его наличии в тканях, получается этот ярко выраженный осадок синего цвета... Итак, кусочек кошачьего мяса, принесенный тобою, Джек, — подытожил он уже сказанное, — был также отравлен ядом, как и тело вашей собачки, миссис Уорд. Полагаю, назвать то простым совпадением было бы крайне нелепо. Особенно в свете собачьего мора в районе Мэйфера...

Джек, слушавший молча, с напряженным вниманием, произнес:

— То есть разносчик кошачьего мяса и есть наш преступник? Его и стоит искать в первую очередь.

— Полагаю, то самый логичный из вариантов, — ответил доктор, отставляя колбу на стол. — И если только яд не попал в мясо случайно, то он наш единственный претендент в собачьи убийцы.

— Не помешало бы все же проверить и других песиков тоже, — заметила вдруг Аманда, и Джек скривился, как от зубовного флюса.

Не голос Аманды заставил его так поступить: воспоминание об инспекторе Харпере, отправившем его по адресам скорее в наказание, нежели из желания найти истинного преступника.

— Совсем не уверен, что мне это позволят, — он глянул на девушку и уткнулся взглядом в ботинки, — высокие господа не желают не только мертвых любимцев мне показать, но даже вести разговор предпочитают через служанок.

— А если инспектору рассказать... — предложила она, легко понимая причину выказанного Джеком смущения. Полицейских в Мэйфере не жаловали, считали людьми низшего сорта, а уж констебли и вовсе казались никем.

— Инспектор... — Джек снова замялся, — мое самовольство вряд ли одобрят. — Теперь он поглядел на доктора Максвелла. — Мне следовало пройтись по наказанным адресам, а вовсе не к вам обращаться.

— Понимаю, — тот в задумчивости постучал пальцем по подбородку. — Что ж, решим это дело иначе: ты делай, что тебе должно, — поглядел он на Джека, — я сам отправлюсь в

участок и расскажу о выявленных результатах. Нет-нет, — сказал он Аманде, — о вас также ни слова, представлюсь озабоченным гражданином, добывшим кусочек отравленного мяса для химического эксперимента.

На том они и порешили: уложили мертвого песика в шляпную коробку и поспешили к выходу с заброшенного участка. Джек нес коробку перед собой...

И думал о том, что чувство к Аманде ничуть не угасло, лишь тлело крохотным угольком и вспыхнуло снова, как кочергой растревоженное новой встречей.

У самой калитки Аманда сказала:

— Ты мне расскажешь, что выяснится по делу? Хотя бы через мистера Баррета... Мне очень хотелось бы знать.

— Я расскажу... — Комок помешал ему сказать больше.

Уж лучше б и вовсе с ней не встречаться!

Не видеть ее такой же Амандой, как было то в Хартберне время назад...

— Кликнешь мне кэб? — попросила она.

Джек молча кивнул и придержал для нее калитку, направился следом на шумную Тонбери-стрит., где и свистнул, призывая извозчика.

— Спасибо, Джек. — Аманда забралась внутрь и протянула руки к коробке. Он вцепился в нее, как утопающий: страшно было отдать, разлучиться теперь уж... может, навечно. — Джек, — повторила она, мягко, как будто все понимания, и он, наконец, протянул ее коробку.

Пальцы их на секунду соприкоснулись...

Джек отдернул ладонь, словно ужаленный.

Глядя куда угодно, только не на Аманду, споро захлопнул дверцу и отступил.

Поднял глаза только минутой позже — кэб был уже далеко, магнетизм девичьих глаз больше не действовал на него. Джек развернул листок помеченных Тейлором адресов и отправился к следующему по списку...

Всю дорогу Аманда стояла перед глазами, ее голос звучал в голове. Это было подобно солнечному удару! Безумному наваждению.

Джек встряхнул головой и заметил констебля у нужного дома.

— Огден, слышал, что случилось? — позвал его тот, расплываясь в улыбке. — Тутошнюю богачку ядом каким потравили. Прямо за завтраком и окочурилась... Зрелище, говорят, малоприятное. Инспектор зол, словно черт! Сначала дворняги, теперь дамочка эта. Напасть, да и только!

Джек поглядел на констебля, одного из немногих, с кем близко сошелся на новой работе.

Тревожные мысли прорвались сонмом вопросов:

— Как это случилось? Давно ли? Про яд сумели узнать?

— Ну-ну, — осадил его парень, — ты это, придержи лошадей! Харпер прибыл около получаса назад. Еще и узнать ничего не сумел... Сам-то как здесь оказался?

— Так я ж по делу, — пожал Джек плечами, — мне велено было про мертвых собак расспросить. И этот адрес был в числе прочих...

— Беда, — покачал головой Брэкстон, — кажись в этот раз не только дворняге, но и хозяйке досталось. Что ж это такое творится?

И Джек, посчитав тот вопрос риторическим и не нуждающимся в ответе, направился в сторону заднего входа. Ему страсть как хотелось узнать, что случилось с хозяйкой умершей

от яда собачки...

А то, что собачка отравлена ядом, как ее остальные товарки, он даже не сомневался.

Миссис Эмилия Коупленд лежала под белой простыней на полу собственной гостиной. Инспектор Харпер обосновался в угловом кабинете: опрашивал слуг, хмуря кустистые брови, довел до истерики камеристку, рассердил экономку и в целом считал, что ведет себя верно. Подумаешь, припугнул их немного, аль не цветы полевые: от легкого ветерка не рассыплются. Зато говорить станут больше... Испуг любому язык поразвяжет.

— Итак, расскажите все от начала, — потребовал Харпер от горничной с перепуганными глазами. — Все точно, как было, ничего не скрывая.

И та пропищала:

— Я рано поднялась, еще только свет занимался, и сразу отправилась черпать воду в колодце. У нас намечалась недельная стирка...

— К чему мне все это? — одернул ее инспектор в видимом раздражении. — Начните сразу с хозяйки, с ее пробуждения... Что было после?

— Я мало что знаю, — пожала плечами служанка, — пока воды натаскала, Полин управилась с каминами в доме, а после случилось это, с собачкой хозяйки. Ее кормили в хозяйских покоях, всегда точно по расписанию, там она и издохла под крик миссис Коупленд. Мы в ужас пришли, когда его услышали... Уж как она плакала, как убивалась, как будто родное дитяте оплакивала. Никто толком не понимал, что такое случилось... Кухарка до ужаса перепугалась. И точно не зря: хозяйка призвала ее к себе, вопросы разные задавала...

— Что за вопросы? — решил уточнить инспектор.

— Так то про собачью кормежку: откуда она, что да как. Была уверена, песика отравили, велела в полицию обратиться. Мол это она так не оставит... Мисс Геррет, наша кухарка, — понизила она голос, — сказала, он умер с пеной у рта. Она его увидела и даже перекрестилась!

— Что было после? — одернул ее инспектор.

— А после наш Тэдди, один из младших лакеев, побег в полицию донести, а мертвую собачонку велели снести на ледник да там до поры и оставить. Хозяйка же еще убивалась, стенала, словно раненая волчица, и мистер Хэнкок велел подать чаю с бисквитом. Хотел усмирить ее как-то, утишить горе бедняжки.

— Мистер Хэнкок — старик с пышными бакенбардами? — Служанка утвердительно кивнула. — И кем он приходится... приходился вашей хозяйке? — осведомился инспектор.

— Двоюродный дедушка ныне представившегося мистера Коупленда, инспектор. Бедняжка остался без крыши над головой, и наша хозяйка его приютила. Она всегда была сердобольной и доброй! Сироткам там помогала, бедняжечкам разным. Однажды и мне целый пенс подарила, просто так, в благодарность за чистый камин! А еще...

— Ближе к делу, мисс Корбет, — одернул ее инспектор, — кто подал чаю с бисквитом?

— Так мистер Стоун и подал, дворецкий наш то бишь. — И тут же воскликнула: — Вы ведь не думаете... — даже рот рукою прикрыла. И тут же себе же и возразила: — Нет, мистер Стоун совсем не такой! Не отравитель какой-то. Он служит здесь долгие годы, к тому же хозяйку все любят...

— Так ли уж все?

Девушка тут же смутилась:

— Коль вы на мастера Дэвида намекаете, так ссоры те не всерьез, так и знайте. Мать с сыном бранятся и мирятся, что здесь такого?

— И часто они так бранились?

— Частенько, коль мастер Дэвид из Франции возвращался. Он там на художника учится, экспрессионист называется, — произнесла она по слогам сложное слово. И засияла от радости за себя... — Хозяйка хотела, чтоб он за голову взялся, имением занимался, а тот ни в какую: уеду и больше меня не увидишь, так и сказал на полном серьезе.

— То есть в ладу они не были?

— Можно и так, верно, сказать, но чтоб свою матушку отравить...

— Расскажите, как это случилось.

— Мисс Флloyd о том лучше расскажет — они рядом сидели, когда то приключилось — я знаю лишь только, что плохо ей стало, хозяйке-то нашей. Она за горло схватилась, сказала, ей воздуха нет. На подушки вдруг завалилась! Мистер Хэнкок подумал, что это все сердце: велел принести сердечные капли, послали за доктором. Только все бесполезно: глаза у нее закатились, щеки вспыхнули алым, и пена выступила на губах. Когда прибыл доктор, он сразу велел в полицию обратиться, сказал, все признаки отравления на лицо. Вот все, что я знаю! Честное слово, инспектор.

И тот благосклонно кивнул.

— Идите, да лишнего не болтайте! Спрошу по всей строгости закона.

Он погрозил девушке пальцем, и та выскочила, словно ошпаренная.

Джек прошел задним ходом: притихший, словно в трауре, дом казался до странности неживым, словно умер вместе с хозяйкой. На кухне, в прачечной, в общей столовой шептались слуги, но тихо, как мыши.

Иль призраки...

И лица у всех были под стать: бледные, перепуганные.

Они разбегались при взгляде на полицейскую форму, и Джек не знал радоваться тому или печалиться. По крайней мере, никто не прогнал его прочь, и он оказался в холле, пытаюсь представить, куда же идти.

В этот момент, хлопнув распахнутой дверью, в дом ворвался молодой человек лет примерно до тридцати с копной рыжих волос и потерянным взглядом.

— Где моя мать? — воскликнул он от порога, заметив Джека и замерев на мгновение.

— Мистер Коупленд, сэр, — появился за ним взволнованный Брэкстон, — вы не должны так рываться на место возможного преступления...

Тот обернулся и закричал:

— Где моя мать? Или я за себя не ручаюсь...

Брэкстон кинул на Джека умоляющий взгляд: мол, что мне делать, как быть, и Джек молча кивнул.

— Он имеет на это право.

— Она в гостиной, сэр, — выдохнул бедный констебль, и мистер Коупленд ринулся прочь.

Джек направился следом...

Он знать не знал ни миссис Эмилию Коупленд, ни ее сына, но чувство глубокого сопереживания сдавило горло и грудь.

Он вспомнил сестру.

Как сам бежал в сторону Лондонского моста и только твердил: «Это не может быть»

правдой! Энни жива, Энни жива, Энни жива...»

Вот только надежды не оправдались, как и надежды мистера Коупленда тоже.

— Боже мой, мама!

Он долго стоял на пороге — и Джек позади него — никак не решался войти, лишь молча глядел на накрытое простыней тело и, верно, твердил, что мать его точно жива, а это всего лишь ошибка. А после взглянул правде в лицо и даже испуганно отшатнулся...

Лицо миссис Коупленд было спокойным.

Глаза прикрыты.

Поза расслабленной.

— Что с ней случилось? — спросил молодой человек. — Скажите честно, я хочу это знать.

— Похоже на отравление, сэр. Коронер скажет точнее, он должен прибыть с минуты на минуту.

Тот повторил:

— Отравление. Как это возможно? Мама была добрейшей души человеком, никто не держал на нее зла.

— А как же вы, мистер Коупленд? — прозвучало вдруг от порога. — Разве вы сами не ссорились с ней из-за вашего образа жизни? Я слышал она угрожала лишить вас наследства. И только вчера вы сбежали из дома, в сердцах хлопнув дверью...

Инспектор Харпер проследовал к телу умершей и замер в ожидании ответа.

Коупленд резко поднялся, глаза его вспыхнули негодованием.

— По-вашему, я отравил собственную мать?! — воскликнул он, расправляя широкие плечи. — По-вашему, я на такое способен?!

— Я знаю вас недостаточно хорошо, чтобы делать предположения, уж извините, — отвечал Харпер со спокойной невозмутимостью. — Но годы службы в полиции научили меня тому, что деньги — наипервейший мотив для множества преступлений. Деньги и изредка — пагубная страсть... И так как второе в данном случае исключается, приходится остановиться на первом, а значит...

Коупленд его оборвал:

— А значит, вы делаете слишком поспешные выводы, инспектор, — почти прорычал он в видимом раздражении. — У матери был юный любовник — вы, верно, не знали об этом — и потому сбрасывать со счетов «пагубную страсть», как вы изволите выражаться, было бы слишком поспешно, вы не находите?

— Любовник, значит... Что ж, это мы проверим! — инспектор Харпер с довольством поглядел вслед быстро удалившемуся Коупленду. Казалось, он был доволен собой и тем, как споро сумел вывести его из себя. — А ты что здесь делаешь? — поглядел он на Джека, разительно переменившись в лице. — Разве я не отправил тебя разведать дело с мертвыми шавками?

— Так я и делаю, сэр. — Вытянулся Джек в струнку. — Дом миссис Коупленд был в числе прочих.

— Ну да, — нехотя признал тот, — ее животное тоже издохло. Так что, удалось выяснить что-то полезное?

Джек произнес:

— Я думаю, сэр, нужно искать разносчика корма. Он либо специально потравил мясо,

либо то вышло случайно, и он мог не знать о возможных последствиях.

— Потравил мясо? — со скепсисом, даже долей насмешки повторил Харпер. — Зачем бы ему делать такое? Он просто решил нажиться на явно протухшем товаре, и шавки подошли... И коль хочешь знать, так им и надо. Сюсюкаются с блохастыми тварями, словно с детьми родными.

— Но, сэр, — Джека едва не разрывало от правды, — животные были явно отравлены... ядом.

— Еще что придумал...

— Но сам доктор Максвелл... — и он прикусил болтливый язык.

Инспектор Харпер нахмурил кустистые брови, почти открыл рот для гневной тирады (наэлектризованный воздух буквально искрил над его головой), когда женский голос отвлек их внимание на себя.

— Инспектор, сэр, мисс Флloyd уснула, нам пришлось дать ей снотворного: уж больно она убивалась, зато мистер Хэнкок дожидается в кабинете. Вы сами просили его подойти, как только сумеет...

— Я знаю, мисс Поттерс, спасибо, что сообщили. — И Харпер с решительным видом отправился в свою штаб-квартиру, казалось, напрочь забыв о присутствии подчиненного. Джек постоял, так и не зная, что ему делать, потом направился следом и замер у неплотно прикрытой двери.

— Итак, мистер Хэнкок, — услышал он зычный голос начальника, что лишь облегчило дело, — кто вы и чем занимаетесь в этом доме?

— Я Дональд Хэнкок, двоюродный дедушка мистера Коупленда...

— Ныне покойного мистера Коупленда, — подметил Харпер, и собеседник воскликнул:

— И что это значит? Миссис Коупленд — добрая женщины, светлой души человек, она приютила меня, когда я в этом нуждался, ни разу куском хлеба не попрекнула. И пусть мой племянник почил три года назад, меж нами с Эмилией все было давно решено: я мог оставаться здесь сколько угодно. На правах друга и родственника... Так она мне и сказала еще после смерти супруга.

— То есть причин ненавидеть миссис Коупленд у вас не было?

— Боже правый, конечно же нет! Она была моим другом и благодетельницей. С ее смертью теряю я больше, чем, смею заверить, приобрету. Ведь мастер Коупленд, внучатый мой племянник, — он со значением откашлялся в кулак, — человек не простой, склонный к поспешным суждениям и порывам...

Харпер спросил напрямую:

— Вы с ним не в ладах, правильно я понимаю?

— Можно и так сказать, — согласился старик. — И мое положение в доме теперь под вопросом... Боюсь, он поступит именно так, как всегда и мечтал: выставит родственника за дверь. Даже преклонный возраст не станет ему помехой...

— Чем же вызвана эта явная антипатия?

— Полагаю, моим полным невежеством в искусстве, а еще неумением принять его сторону в спорах с матерью о выбранном поприще. Он ведь художник, должно быть вы слышали?

— Кажется, кто-то упоминал.

— Художник и вертопрах, — продолжил старик, довольный осведомленностью собеседника. — Живет в Париже, этом вертепе безнравственности и порока, рисует с

обнаженной природы (бесстыдно даже представить такое!) и называет все это искусством. ИСКУССТВОМ, представьте себе такое! А еще обижался неодобрению матери... Говорил она жизни не понимает: мол, мазульки его однажды прославиться могут. Их потом-де, за деньги огромные покупать станут, а она его-де наследства лишить желает.

— А желала? — вклинился Харпер.

— Был такой разговор, что уж скрывать. В прошлый приезд, да и в этот, пожалуй... Сильно хозяйка тогда осерчала, сказала-де, надоело ей ждать, пока он ума наберется. Мол, жаждет мужского плеча и поддержки...

И Харпер вклинился снова:

— Уж не на полюбовника ли она намекала, а, мистер Хэнкок? Я слышал был у нее молодой да удалый.

Старик оскорбился, Джек понял по резкости его слов, тембру голоса:

— Судить ее — мне не по нраву, да и поздно уже. Скажу только, сердце у нее было большое, любвеобильное, и если кого она и любила после супруга, то, верно, не наше то дело.

— То есть о нем вы не знаете ничего, верно я понимаю?

— Вернее не скажешь.

— Но знали хотя бы, что он существует?

— Догадывался, — нехотя признал Хэнкок. — Подчас появлялись коробки конфет, дорогие духи. Но я не считал должным интересоваться!

— А как же мисс Флloyd, она интересовалась?

— Мисс Флloyd... Полагаю, что нет, иначе я знал бы об этом.

— Значит ли это, что между вами с мисс Флloyd существовало дружеское расположение?

— Как между мисс Флloyd и между каждым из нас, инспектор. Мы жили дружной, счастливой семьей, пока не случилось... все это.

Повисло недолгое молчание, как будто, инспектор продумывал новый вопрос, однако спрашивать он не стал, лишь попросил:

— Расскажите, как ЭТО случилось.

Старик то ли всхлипнул, то ли скрипом отозвались его старческие суставы, только звук тот кольнул в самое сердце. Джек почувствовал жалость к бедному человеку...

— Что тут особо рассказывать? Эмилия убивалась по Принцу, была сама не своя. Металась из комнаты в комнату, руки заламывала — вот я и предложил чаю попить, чуток успокоиться, что ли. Знал, добрая чашка только поможет... Она согласилась. Мы расположились в гостиной, дворецкий принес поднос.

— Вы хорошо его знаете?

— Дворецкого, сэр? — удивился Хэнкок. — Он служит здесь долгие годы. Не думаю, что он как-то причастен...

Но Харпер его не дослушал:

— Кипяток разливали из одного чайника, верно я понимаю?

— Конечно, разве могло быть иначе?

Инспектор, видимо недовольный ответом — все выходило сложнее, чем он думал — потер гладко выбритый подбородок.

— Было хоть что-то, что ела или пила только умершая и больше никто? — осведомился он.

Хэнкок задумался, припоминая, и Джек встрепнулся, когда он воскликнул:

— Конфеты. Маленький шоколадный набор... Как же я раньше не подумал? Она их нашла за диванной подушкой, даже нам предложила, но мы отказались... — и побледнел. — Полагаете, яд мог быть в них? То есть, возьми я хотя бы одну... — голос его надломился, затих полужарой.

— Где сейчас эти конфеты?

— Полагаю, что там же...

Харпер выскочил на порог так стремительно, Джек едва успел отскочить.

— Где чертов Брэкстон? — осведомился он с недовольством. — Тебя не должно здесь быть. Отправляйся по адресам.

У Джека упало сердце: первое настоящее преступление, а его гонят прочь, словно дворнягу.

— Брэкстон караулит у дома, инспектор, — ответил он. — Вы сами ему так велели.

— Так позови этого идиота сюда... — И тут же добавил: — Но для начала отправляйся в гостиную и отыщи коробку шоколадных конфет. Принесешь их сюда!

— Есть, сэр, — обрадовался парнишка.

Вихрем пронесся в сторону гостиной, замедлился у порога, тело хозяйки как бы обязывало к этому, и напрямую направился к бархатному дивану светло-бордового цвета. Раздвинул подушки, а вот и она, коробка конфет... с тремя пустыми ячейками.

— Ага, — раздался голос инспектора Харпера за его спиной, — так я и знал: кто-то грел уши у самой двери. Кто подслушивал недозволенное! — Покрутил он пальцем в сторону Джека, словно ввинчивал пару шурупов в крышку его гроба. — Попался, голубчик!

— Сэр, я только сделал, как вы велели.

— Я велел отыскать коробку конфет, но не сказал, где искать в первую очередь. — Голос мужчины так и сочился злорадством. — Ты же направился напрямую сюда... — Он ткнул пальцем в сторону дивана. — Знал, где искать, а значит, подслушивал. — Харпер подошел совсем близко, выхватил злополучный шоколадный набор из его рук. Да еще прошипел прямо в лицо: — Ридли, может, и ценит грязных уличных проходимцев с талантом к подслушиванию и неумением подчиняться, я же такого не потерплю. Понял, Огден? Не потерплю. Убирайся отсюда на улицу, где тебе и место. Адресами займется кто-то другой...

— Но, сэр...

— Ни слова, если не хочешь и вовсе лишиться мундира, — прошипел Харпер, тыкнув в пуговицу на его форме. — Пошел прочь! Не желаю видеть тебя подле себя.

Говорить было нечего, Джек поплелся в сторону выхода. Одна из конфет миссис Коупленд, второпях спрятанная в карман, почти полностью растеклась по подкладке, когда парень в полном расстройстве чувств добрался, наконец, до участка.

Аманда весь день провела у подруги, весь день, не считая похода к доктору Максвеллу, а после — к гробовщику на Карнаби-стрит. Он ее просьбе не удивился: сказал, к нему трижды обращались по той же причине. Трижды за день... И трижды на прошлой неделе, когда собачки дохли в домах у Кенсингтонских ворот.

Аманда такого не знала и удивилась.

Джеку бы следовало тоже об этом узнать...

Она отогнала непрощенную идею — свидание с ним растревожило душу больше желаемого. Старые чувства, казалось бы, поутихшие, снова вдруг пробудились...

Она поняла, как нуждается в... друге, таком, что поймет все без слов, а о важном скажет делами. Не просто отправит к модистке: «Милая, купи себе новую шляпку. Хандра убежит в ту же секунду, я обещаю!», а именно разгадает самую суть.

Аманда вздохнула...

Мистер Уорд оказался хорошим супругом (все так, как она и сказала Джеку): дома бывал он нечасто («Новая сделка. Вернусь по возможности быстро!»), ее передвижений не ограничивал («Мой экипаж в твоём полном распоряжении, дорогая!»), денег давал больше необходимого («Купи себе что-нибудь восхитительное. Хочу, чтоб другие завидовали моему счастью!») — все это и многое другое могло бы сделать Аманду счастливой, не будь ей тошно от мысли о подобной жизни.

Теперь она смотрела на вещи иначе...

И дело не только в случае с Мэйбери — везде и всюду она представляла реакцию Джека, его слова и возможный поступок.

Он стал для нее, как бы ни было... странно, мерилom многих вещей.

— Аманда, милая, ты кажешься уставшей. Не пора ли тебе отдохнуть от моей болтовни? Я вижу, что тебя утомила, — сказала Анна и погладила ее по плечу.

К слову, домой возвращаться совсем не хотелось: там не было ничего, что могло бы ее удержать. Но Анна права: задержаться на дольше было бы нетактично...

Она поднялась.

— Дело совсем не в тебе, — отозвалась на это, — но я действительно утомилась. Пожалуй, поеду, оставляю вас с Чарльзом немного наедине.

— Коль матушка нам это позволит, — улыбнулась ей Анна. — Она стережет мою добродетель столь рьяно и непреложно, что мы едва ли обмолвились парой слов наедине. Только гибель несчастной болонки отвлекла ее на мгновенье!

— Сочувствую.

— Я себе тоже.

Они улыбнулись друг другу, и Анна простилась с подругой у самых дверей. Слуга повел ее к экипажу — тот дожидался за воротами — она же поглядела на флигель: свет в окне не горел.

Джека не было дома.

Тем лучше...

И тут она увидела фигурку в плаще.

Будь то мужчина, она и внимания бы не обратила, но женщина рядом с жилищем Джека — здесь она замерла, пристально вглядываясь в темноту.

Так и есть, рыщет у его дома.

— Обождите меня, я скоро вернусь, — сказала Аманда слуге и направилась к незнакомке.

Страха не было, только желание взглянуть ей в лицо.

Кто такая и почему.

— Что вы здесь ищете? — спросила еще на ходу, заметив, как девушка приподняла цветочный горшок.

— Ключ, разве не ясно? — В ответе сквозил неосознанный вызов, и это Аманду задело.

Она, пусть даже не отдавая себе в этом отчета, давно догадалась, кем может быть

незнакомка, и мысль эта, даже подспудная, болью ударила по вискам.

— И вы здесь живете? — осведомилась она, вскинув вдруг подбородок. Была это гордость, воинственность или нечто другое — бог его знает! Аманда сама бы не догадалась.

— А что, если и так?

И собеседницы поглядели друг другу в глаза, что в общем-то было непросто в сгустившихся сумерках враз угасшего дня.

— Здесь живет мистер Огден, — сказала Аманда.

Девушка вскинула руку с ключом и, отперев дверь, отозвалась:

— Я знаю. К нему-то я и пришла! Вы тоже? — и вроде как внутрь пригласила.

Аманда смутилась: ей следовало уйти, уйти, не оглядываясь прямо сейчас.

Однако она вдруг сказала:

— Мне есть, что ему рассказать. Важную новость по делу!

— Тогда проходите. Станем ждать вместе, если не против.

Девушка вошла в дом, запалила свечу; дверь оставалась открытой, Аманда стояла, не зная, на что же решиться. Свет двух огней — фонаря в руках у слуги и свечи в доме Джека — побуждал сделать выбор, который казался сложнее любого сделанного поныне.

Она вошла в дом и прикрыла дубовую дверь.

Девушка хлопотала на маленькой кухне, молвила только:

— Чай сейчас будет, можете быть как дома.

Аманда прикрыла глаза: дома была не она, а девушка, хлопочущая на кухне.

Ей здесь было не место.

Не лучше ли сразу уйти?

Уйти, однако, не получалось: желание осмотреться пересилило все. Голос разума, гордость, неловкость и что-то подспудно другое...

Гостиная была маленькой, но опрятной, с ажурными занавесками и диваном. С рабочим столом, книжным шкафом и фикусом в большой кадке... Смесь кабинета и будуара. Четкий размеренный консерватизм.

Книги в разных углах...

— Джек много читает, — девичий голос заставил ее обернуться. — Вечно сидит, уставившись в книгу... — Мара подошла к чайному столику, опустила поднос с чайным сервизом.

— Полагаю, это неплохо... — начала было Аманда, и собеседница фыркнула.

— Для богатого лорда, может быть, и неплохо, для бедного полицейского — глупость сплошная. Он вбил себе в голову, сделаться лучше, только ему такого не надо: Джек хорош тем, кто он есть. Жаль, что он этого не понимает!

Мара присела к столу, начала разливать кипяток, у Аманды бешено билось сердце.

Вдруг захотелось сорваться и убежать...

— Ты ведь та девушка, на которой свихнулся Мэйбери, я права? — собеседница заступила дорогу и протянула Аманде горячую чашку. — Думала, ты особенная какая, нет же, обычная самая. Разве что из богатых! — И странно так посмотрела. — Даже не знаю, что он в тебе и нашел...

Так сказала, что было не ясно, имеет она в виду Мэйбери или все-таки Джека. И смотрела оценивающе, крайне дерзко... Еще и тыкала прямо в лицо.

Сама-то пусть симпатичная, но Джеку явно не пара. Не видит прока в важных вещах...

Или это она чего-то не понимает.

Дверь распахнулась, ответить она не успела.

— Мара. — Ошарашенный Джек замер как был на пороге. — Мисс Блэрни, — даже именем назвал прежним, настолько был поражен неожиданной встречей.

Мара произнесла:

— Гостя желала важной новостью поделиться, вот я ее и впустила... поговорить.

Аманда вдруг пожалела, что не ушла раньше: послушалась сердца — не голоса разума.

А напрасно!

— Я только хотела сказать, что мор домашних питомцев начался еще с прошлой недели, с домов в Кенсингтоне. Так говорит гробовщик... Я подумала, это может быть важным.

Джек стянул шлем с головы и пригладил волосы пятерней.

— Боюсь, я больше этим не занимаюсь, миссис Уорд, инспектор Харпер отстранил меня от этого дела. К тому же случилось кое-что поважнее... Возможно, вы слышали?

— Что же?

— Умерла миссис Коупленд. Ее дом на Уордингтон-стрит... Отравлена ядом.

— Тем же, что и животные?

— Сложно сказать. В конфетах яд был тот же самый, но доктор Максвелл сказал, дозировка в них слишком мала, чтобы убить человека. К тому же умершая съела не больше двух штук, а цианистый калий, смешанный с сахаром, им же отчасти и подавляется. Она могла чувствовать легкое недомогание, тошноту, но умереть за минуту, как это случилось, точно бы не смогла.

И Джек рассказал, как добыл одну из конфет из подарочного набора и как отнес ее к доктору Максвеллу в лабораторию. Об гневной отповеди инспектора он, ясное дело, решил умолчать...

Аманда спросила:

— Так что же ее убило, если не яд из конфет?

— Этого я не знаю, — развел Джек руками, — выяснить то предстоит инспектору Харперу. Точно не мне! Вскрытие многое бы объяснило, однако семья воспротивилась подобному «вандализму». Теперь ищут дарителя этих конфет, любовника миссис Коупленд, возможно, он прояснит, как яд оказался в конфетах. А выйти может и так, что умерла она от чего-то другого, но этого даже никто не узнает!

На минуту, но комната погрузилась в глубокую тишину: каждый обдумывал вдруг услышанное, пытался уместить информацию в голове.

Первой заговорила Аманда:

— Слова доктора Максвелла могли бы во многом помочь в этом расследовании... Он был в участке, как намеревался сначала?

— Его там не стали и слушать. Инспектор Харпер крайне ограниченный человек! — в сердцах выдал Джек, не в силах сдержаться. — Он слушает только себя и аптекаря в Сити, а тот либо слишком невежественен, чтобы разбираться в подобных вопросах, либо чрезмерно стар и работает спустя рукава, только с ядом в конфетах он толком не разобрался. Заметил только, что он там присутствует, и инспектору хватило того.

Аманда не знала, что было тому причиной — Джек или сама творящаяся несправедливость — только ее охватило горячее побуждение разобраться в деле с таинственными отравлениями.

— В таком случае, ты просто обязан помочь ему с этим, — сказала она. — Будет несправедливо обвинить невиновного человека, а виновного не привлечь к справедливому

наказанию.

Джек помотал головой.

— Я не могу, миссис Уорд. Инспектор отправил меня патрулировать улицы, две смены вне очереди, и я физически не способен ничего сделать.

— Зато я могу, — сказала молчавшая до этого Мара. — Могу, например, про разносчика корма на улицах пораспрашивать. Выяснить, кто он такой! Я слыхала про мертвых животных, и нахожу просто бесчеловечным, поступать так с несчастными песиками или котами.

— А я бы могла навеститься к Коуплендам и расспросить домочадцев, — присовокупила Аманда. — Высказать соболезнования будет не лишним! А с сыном умершей мы даже когда-то дружили...

И добровольные помощницы Джека с ожиданием поглядели на парня. Ему предстояло решить, принять эту помощь или от нее отказаться...

Нехотя, но Джек согласился, чтобы Мара с Амандой поспрашивали каждая о своем. Он явно хотел бы им отказать, понимал только, они не послушают, вот и добавил:

— Только расспросы, не больше. Выяснишь, где он живет и расскажешь то мне!

— Есть, капитан. — Мара сверкнула глазами и схватила Джека за руку.

Сделала то специально, чтоб девушка в дорогом шелковом платье с ясностью поняла: Джек только ее, ей рассчитывать не на что. Вон как глядит на него, разве что искры не разлетаются!

Нет, Джека она не отдаст, так и сказала глазами, вцепившись в его упирающуюся ладонь.

И с болью глядела, как он провожал эту фифочку к экипажу, хотела б подслушать сам разговор между ними, однако не стала.

Джек мог заметить, а ей сообщать ему важную новость...

— Я отыскала корабль, — ринулась она в бой, как только Джек возвратился в гостиную, мрачный, задумчивый. Словно отсутствующий! — Он отправляется из Бристоля ровно через неделю. В будущий вторник! Мы должны быть на нем. Ты ведь не передумал?

Здесь она снова схватила его за руки, заглянула в глаза, умоляя о верном ответе.

Он отстранился, потер подбородок:

— Это так скоро. А как же дело?..

— Которое, Джек? — взвилась Мара жужжащей пчелой. — То самое, участвовать в котором тебе запретили? Разве не сам ты об этом сказал?

Она понимала, что вовсе не новое дело не дает Джеку уехать — здесь было другое, и это ее по-настоящему разозлило.

Злило и сейчас, целую ночь спустя, пусть даже Джек и сказал, что ей волноваться не стоит.

Она не было в этом уверена, вот и стояла у домика разносчика кошачьей еды с поднятой для стука рукой.

Джек запретил ей какие-либо самовольства, но ей просто в отместку хотелось совершить что-нибудь эдакое, противоречащее всему.

И ему в первую очередь.

Мара решительно постучала.

В доме послышались шаркающие шаги, и она стиснула рукоять маленького ножа в

кармане, купленного еще прошлым летом и ставшего ей верным товарищем и другом.

На пороге возник болезненный старик в телогрейке и шарфе, со слезящимися глазами.

Он прошамкал:

— Чем могу быть полезен, юная леди?

И Мара несколько растерялась: она не думала, что он будет таким... неопасным. Всего лишь дряхлый старик с покрасневшим носом и слезящимися глазами.

— Простите, я прихворал, — оправдался он перед нею. — Простуда вдруг одолела. Который день сижу дома, а лучше все не становится. — И снова спросил: — Так чего вы хотели? Чем могу быть полезен?

Мара ослабила хватку на рукояти ножа и ответила:

— Я ищу разносчика кошачьего корма в Кенсингтоне и на Уорддингтон-стрит. Слышала, там промышляете вы?

— Я... — Лицо старика помрачнело. — Это моя территория. — И он хлопнул себя по бокам. — Так и знал, что Дикон-пройдоха учудит какую-нибудь пакость.

— Дикон? — переспросила Мара.

— Ну да, племянничек мой никчемный. Сказал, заменит меня, пока я хвораю, мол, нечего волноваться. И вот тебе на... Ну, что он наделал? — осведомился он с напором.

Мара замаялась, не зная, как поступить: высказать предположение об отравленном мясе — отпугнуть самого преступника, а смолчать...

— Я... ну...

За спиной раздались мужские шаги, казалось, кто-то с трудом переставлял уставшие ноги, раздавался скрип старой тележки и воздух наполнил запах несвежего мяса.

— А вот и племянничек мой. — С прытью, которую девушка никогда бы в нем не обнаружила, старик выскочил за порог и ухватил за ухо появившегося мужчину. — Ну, что ты наделал, несчастный? — спросил он в явном раздражении. — Признавайся, пока не поддал хорошенько. — И он потянулся к палке, стоявшей у самых дверей.

Мара не сомневалась, что угрозу он свою выполнит, и мужчина — давно не юный подросток — тоже знал это. Он сник, разом скукожился, на глазах его выступили слезы...

Мара невольно отворотилась: было неловко глядеть на слезы взрослого человека, особенно мужчины.

Однако пришлось пересилить себя, когда он внезапно заговорил:

— Я не хотел, видит бог, не хотел убивать этих животных, они ведь ни в чем не виноваты, если подумать. Но я не сдержался, не смог, когда увидел, как они носятся с ними, словно с родными детьми, надевают ошейники с бриллиантами, покупают еду, холят и лелеют, тогда как сотни настоящих детей умирают от голода и болезней. И никому нет до этого дела! Ни одному из этих напыщенных богачей на Мейфере и в Кенсингтоне. Они плевали на них... А эти дети... — слезы побежали быстрее по щекам говорившего, и старый разносчик выпустил, наконец, его ухо.

— Что ты наделал? — только и спросил он полным обреченности голосом. — Что ты наделал?! — повторил по слогам.

— Добавлял яд в мясо, — ответила Мара вместо него. — Умерло не меньше десятка животных. А еще скончалась миссис Коупленд с Уорддингтон-стрит, отравлена тем же ядом, что и ее бедный питомец. Полиция может подумать, что вы причастны и к этому преступлению!

Она не знала, действительно ли полиция может такое подумать, но припугнуть бедолагу

было не лишним.

И тот испугался: два ярко-красных пятна выступили у него на щеках.

— Я ничего такого не знаю, — пролепетал он с ужасом в глазах. — Я только хотел заставить их прочувствовать, что значит родного ребеночка потерять. Животное — ведь не человек, человека я б никогда... Никогда бы не тронул человека! Как же так... Почему она умерла?

— Где вы брали тот яд? — поинтересовалась у разносчика Мара.

— Купил крыс потравить в амбаре, да только и думал о том, что Мэри моя умерла. Что больше не увижу ее... Что кабы нашлись бы деньги для правильного лечения, она бы... А тут эта работа, и все эти разжиревшие, в золоте шавки — что-то во мне и щелкнуло.

Мара, что уж душой кривить, хорошо его понимала: он потерял ребенка и обезумел от горя, подмеченная несправедливость жгла каленым железом.

— Как же тогда миссис Коупленд? — спросила она. — Вы не имеете к этому отношения?

— Нет же, конечно же, нет, — вскинулся несчастный мужчина. И застонал: — Что же со мной теперь будет?

Оба — старик и мужчина — глядели с тревогой и видимым беспокойством. Мара подумала, что выдавать их не станет... Пусть полицейские сами их вычисляют, коли сумеют, не ее это дело.

— Я про вас не скажу, — мотнула она головой, — но и вы бросьте животных травить. Они в вашем горе не виноваты, вы и сами о том говорите! — И заключила: — Надеюсь, убийцу миссис Коупленд вскоре найдут и про вас благополучно забудут. Просто не делайте глупостей!

— Боже мой! — только и сумел выдохнуть мужчина. Лицо его исказилось от облегчения, оплыло восковой свечой... И Мара развернулась, чтобы уйти.

Только он вдруг воскликнул:

— Постойте! Когда, говорите, умерла эта женщина, миссис Коупленд?

— Вчера в районе обеда.

— Вчера, — мужчина задумался, как бы припоминая. — Вчера рано утром я видел богатого джентльмена на Уордингтон-стрит. Еще удивился, что он вышел так рано... Обычно богатые раньше полудня не появляются. А этот спешил, вроде как торопился куда-то...

— Сможете его описать?

— Это вряд ли, видел его только издалека. Но волосы на висках у него поседели!

Джеку едва ли спалось прошлой ночью: непроходящие, тревожные мысли мучили его даже во сне.

Аманда.

Скорый отъезд.

Смерть миссис Коупленд и отравленные питомцы.

А еще неудавшаяся мечта о полицейской карьере.

Надо бы с инспектором Ридли попрощаться, нехорошо уехать вот так, ничего не сказав, но как это сделать, Джек тоже не мог и представить.

Ридли поверил в него, выпросил это место...

И вот.

У дверей участка остановился кэб, из него появился молодой человек с тростью в руках.

Окинув здание заинтересованным взглядом, он неторопливо проследовал внутрь — Джек следом за ним, он как раз шел на работу.

— Мне сказали, здесь я найду инспектора Харпера для разговора по делу миссис Эмилии Коупленд, — произнес посетитель, замерев между стойкой регистраций и дверью. — Меня зовут Френсис Лайонс. С кем я могу поговорить?

В дверях кабинета появился инспектор Харпер, высокий, жилистый, он занял почти весь проход.

— Инспектор Харпер, — представился он. — О чем пойдет речь, любезный?

Его наигранное добродушие мистер Лайонс принял за чистую монету: пристукнул прогулочной тростью по полу и произнес:

— О смерти моей милой Эмилии, инспектор. Кто мог совершить это ужасное, во всех смыслах бессмысленнейшее преступление?

Инспектор осклабился:

— Возможно, сейчас и узнаем. — И он рукой пригласил посетителя в свой кабинет.

— Итак, кем вы приходились умершей, мистер Лайонс? — спросил инспектор, не в силах скрыть самодовольной улыбки.

Ему казалось дело раскрытым, оставалось лишь уточнить факты.

— Сердечным другом, — отозвался молодой человек.

— То бишь любовником?

— Это слишком грубое слово для обозначения наших с Эмилией чувств. Мы были больше, чем просто любовники, инспектор: нас связывало чувство намного более крепкое, нежели просто физическое влечение, если вы понимаете.

Харпер покачал головой.

— Признаться, не понимаю, — произнес он, то ли провоцируя собеседника, то ли действительно этого не понимая.

И Лайонс вскочил со стула:

— Это было настоящее чувство, инспектор! — воскликнул он с пафосом, далеко не наигранным, и снова упал на сидение стула. — Мы любили друг друга с тем особенным чувством, испытать которое редко кому удастся.

Теперь он сник и сидел, низко опустив голову, словно вспышка негодования растратила весь заряд бодрости в его тощем, щегольски одетом теле.

— И разница в возрасте никак этому не мешала? — осведомился инспектор. — Миссис Коупленд пусть и была женщиной особенного очарования, однако давно отсчитала четвертый десяток, и для такого, простите, юного джентльмена, как вы... Кстати, сколько вам лет, уточните для протокола?

— Мне двадцать три. — Молодой человек потемнел лицом от негодования. — И возраст, чтобы вы знали, инспектор, любви не помеха. А уж оглашать возраст женщины — мовитон, как он есть. Вы не смеете делать то, не страшась прослыть хамом и грубияном!

Инспектора его отповедь тронула, разве что, вскользь: он был человеком той редкой породы, что, почитая себя лучше других, на дерзости, высказанные в свой адрес, не обижаются. Просто не допускают, что те могут по-настоящему их касаться...

Вот и сейчас он лишь улыбнулся.

— То есть, я правильно понимаю, желать смерти убитой женщине у вас не было явных причин? — осведомился он у собеседника и выложил на стол коробку шоколадных конфет.

— Ни явных, как вы изволите выражаться, ни тем более скрытых причин. Повторяю, я любил эту женщину, а она любила меня!

— И этих конфет вы ей не дарили? — Харпер постучал по коробке указательным пальцем.

— Не дарил, — подтвердил молодой человек. — Конфеты — так пошло, когда речь идет об истинных чувствах. Я отдал ей сердце! Неужто конфеты равноценны тому?

Харпер потер подбородок: такие слова ему редко приходилось слышать. Мальчишка казался по-настоящему искренним, пусть он ему и не верил.

— Значит, конфет вы возлюбленной не дарили, — повторил он как бы в раздумье, — и новой любовницы, более юной да побогаче, себе не нашли. Иначе оно всяко бывает: вы захотели уйти, миссис Коупленд вас не пускала, возможно, шантажировала чем, — он выжидающе поглядел на собеседника, вдруг выдаст себя хоть чем-то, — и вы решили освободиться...

— Ваши предположения оскорбительны, инспектор!

Лайонс снова вскочил со стула, грохнул тростью по полу.

— Не знаю, откуда вы набрались такого, инспектор, возможно, все дело в Дэвиде... Это он вам такого наговорил? Очернил меня, как только возможно. Никогда не любил меня, что уж скрывать!

Харпер глянул на лист перед глазами.

— Дэвид — это сын миссис Коупленд? — осведомился для полной уверенности.

— Именно он. Спесивый малый... К тому же, — произнес Лайонс так, словно это только сейчас пришло ему в голову, — художник. А вы знали, что в пигмент берлинской лазури входит толика яда, цианистого калия? Как знать, вдруг это он отравил свою мать, устав от ее извечных придинок?

И молодой человек с вызовом поглядел на инспектора.

Аманда прибыла на Уорддингтон-стрит сразу после обеда, решила принести соболезнования, заодно попытаться что-нибудь разузнать, и все то на правах старой дружбы с Дэвидом Коуплендом. Их матери когда-то дружили, и дети частенько встречались в Гайд-парке за ловлей бабочек и игрою в мяч.

Правда, это было давно.

Так давно, что казалось неправдой...

— Миссис Уорд. — Старая леди, приветствующая ее в малой гостиной и облаченная в глубокий траур, казалась черной не только одеждой, но и лицом. Следы искреннего страдания пролегли бороздами-морщинами вокруг рта и у глаз.

Она плакала, но пыталась это не выдать.

— Мисс Флloyd, примите мои искренние соболезнования, — сказала Аманда, сжимая руки старушки в своих ладонях. — Эта трагедия поразила нас всех. Бедная миссис Коупленд... Бедные вы, мистер Хэнкок и Дэвид! Как вы все держитесь?

— Из последних сил, не иначе. — Мисс Флloyd промокнула платком увлажнившиеся глаза. — Такое горе... такое внезапное горе, миссис Уорд. Разве подумал бы кто, что такое возможно? Что милочка миссис Коупленд умрет раньше меня или Хэнкока... Раньше Дэвида. Да еще какой смертью, мучительной, страшной! Такой, что врагу даже не пожелаешь... Я все еще словно во сне, словно открою глаза, и Эмилия скажет: «Велите подать чай на террасе, погода сегодня выше всяких похвал». Но этого больше уже не

случится!

Не в силах сдержаться, старушка уткнулась носом в платок, и плечи ее затряслись от прорвавшегося рыдания. Аманда погладила ее по плечу...

— Вы были очень дружны, — сказала она, — ваше горе оправданно. Я понимаю.

Старушка сквозь слезы проговорила:

— Эмилия приютила меня, обеспечила жизнь, о которой я и мечтать не могла. Я ведь одна в этом мире, — объяснила она, — ни детей, ни супруга. Никого, кому было бы дело до несчастной старухи...

— Миссис Коупленд была женщиной сердобольной и доброй, — вставила Аманда. — Помнится, матушка говорила, что лучшей благотворительницы и сыскать было трудно.

Мисс Флойд, несколько успокоившись, с энтузиазмом это подтвердила:

— Она была самой доброй женщиной на земле, миссис Уорд! Ее все любили, абсолютно все. Сложно представить, кто мог захотеть сделать такое...

Слезы снова потекли по ее щекам, и старушка, направив гостью ко гробу умершей, поспешила на время удалиться, «припудрить носик», как сказала она сквозь слезы.

Аманда осталась в комнате с гробом умершей наедине. Облаченная в свое лучшее платье, с живыми цветами в каштановых волосах, миссис Коупленд казалась всего лишь уснувшей... И только наличие гроба, сложенных рук и сладковатого запаха разложения, который даже аромат белых лилий с трудом мог перебить, говорило о том, что проснуться ей уже не придется.

Увы, никогда.

Аманду слегка затошнило то ли от запаха лилий, то ли от ощущения безысходности, так и веющей от погибшей во цвете лет женщины. Здесь, у гроба чужого ей человека, она вдруг с ясностью поняла, как быстро все может перемениться... Как важно уметь не откладывать жизнь на потом. Ценить ускользящее мгновение, словно дар. Драгоценность, которая больше не повторится!

У нее стиснуло горло.

На глазах выступили слезы.

Она едва сумела взять себя в руки, как в комнату кто-то вошел, встал у гроба подле нее.

— Миссис Уорд, — услышала она мягкий мужской голос и, наконец, поглядела на его обладателя.

Это был Дэвид, друг из далекого детства, — она с трудом узнала его.

— Мистер Коупленд.

Он улыбнулся, очень теплой и грустной улыбкой.

— Просто Дэвид, если не против. Франция сделала из меня радикала... Но ручку даме я все-таки поцелую. — И он поцеловал ее руку. Потом поглядел на умершую мать, и улыбка сбежала с его лица: — Бедная матушка! — произнес он одними губами. — Ей никогда не нравились лилии, а теперь...

— Мне так жаль, что это случилось. Твою матушку очень любили... Ни один не сказал о ней плохо, а ты знаешь, насколько безжалостны люди.

Молодой человек усмехнулся.

— Неужели даже любовником не укорили? Этим франтиком с напыженными усами, что годами был младше ее собственного ребенка.

Аманда смутилась, не зная, что на это ответить. Досужие сплетни были мало ей интересны, к тому же она слишком долго отсутствовала в столице. Этот скандал прошел

мимо нее...

— У любви подчас странные лица, — наконец отозвалась она, и Дэвид поглядел на нее с любопытством.

— Считаешь, она была влюблена в этого мальчика?! — осведомился он все с той же насмешливостью в голосе. — Как бы не так. Поначалу ее, возможно, и увлекало его юное тело, эти внимание и мнимое обожание, но потом он порядком ей надоел. — И с напором: — Будь уверена, это Лайонс подарил ей отравленные конфеты!

— Но зачем? — осведомилась Аманда. — Зачем ему делать такое?

— Затем, что магушка содержала его, разве не понимаешь? Смазливый мальчишка из обедневшей семьи, но с большими амбициями, он присосался к ней, словно клещ. И явно был бы не рад лишиться подобной кормушки!

Аманда спросила:

— Тогда какой ему смысл лишать ее жизни?

— Такой, что у матери был кто-то другой, и Лайонс мог захотеть отомстить за измену.

Смена не задалась с самого начала: парочка дебоширов и воришка зеленых яблок на Ковент-гарденском рынке изрядно его погоняли, вымотав силы. Джек подумал тогда, что точно не станет скучать по ужасной работе, когда под шлемом чешется голова, а неудобная обувь кажется кандалами...

Он впервые решил, что порадуетя избавлению.

И припомнил прошедший вечер...

Мара ему рассказала про свои изыскания в городе: про расспросы о синей тележке торговца кошачьей едой, о том, как узнала хозяина и наведалась к нему в дом.

И о том, что выяснила про мертвых животных...

— Он никак с этим делом не связан, — сказала она. — Та богачка умерла как-то иначе! Ее любовничек потравил, этот самый, с серебряными висками.

Джек решительно покачал головой.

— Ее ухажер был в нашем участке, явился давеча сам, и инспектор с ним побеседовал. Он ненамного старше меня... Молод и вовсе не сед. Да и конфет, если верить его же словам, возлюбленной не дарил!

Мара фыркнула.

— Нашел, кому верить. Такие, как он, наплетут — дорого не возьмут! — И добавила: — Это не наше дело. Не твое оно, Джек, пусть другие его и решают! Ты о нас лучше подумай. — И взмолилась, как никогда еще прежде: — Умоляю, уедем вот прямо сейчас! Меня больше ничто здесь не держит. Вызовем кэб и отправимся на вокзал...

Каждый раз, как она говорила такое, его сердце ухало в самые ноги, там же и оставалось, пока мгновенная паника не унималась.

Хотел ли он, в самом деле, уехать?

И что так страшно пугало его?

— К чему эта спешка? — спросил он как можно спокойней. — Дождемся нового дня, я получу недельное жалованье. Деньги нам точно не помешают!

И Мара так на него посмотрела — словно кнутом стеганула — спросила:

— Дело только в деньгах? Или в ком-то другом, до сих пор имеющем власть над тобою?

Что он ответил? Кажется, отпирался. Точно так, как делал всегда, и почти убедил собственное сердце.

Только вот для хорошего самообмана нужны время и километры дороги.

А еще лучше — безбрежный Атлантический океан.

Еще бы узнать, что с миссис Коупленд приключилось...

Кто ее отравил и с какой конкретной целью?

Допрошенные Харпером люди все как один утверждали, что умершая, добрейшей души человек и благотворитель, помогала сиротским домам, щедро жертвовала больницам и обществу спасения падших женщин, она даже в собственном доме двух стариков приютила, а каждый из них мог называться родственником только с натяжкой.

Зато был сын, художник и вольнодумец, не оправдавший материнских надежд и явно страшившийся лишиться наследства.

И юный любовник, возможно, отвергнутый ради кого-то другого...

Но конфет якобы не даривший.

Нет, Джек не мог уехать прямо вот так, зуд под кожей не дал бы покоя, часы же как раз показали четверть второго. Смена еще не закончилась, но держаться за место больше не было смысла... Он уезжал, чтобы больше не возвращаться.

Джек покинул свой пост и отправился на Уортингтон-стрит.

Решил положиться на случай: удача и интуиция его прежде не подводили.

Так и случилось...

Ему открыла служанка.

Сверкнула глазами:

— А вы с инспектором разминулись: он отбыл не более получаса назад.

Джек выдохнул, вроде как разочарованный.

— Ну вот, теперь бежать за ним следом, — произнес с нерадостной миной и потер пальцем под шлемом. — Не найдется стакана воды? Пить хочется. — Он пытался сообразить, как бы так завести разговор, чтобы служанка что дельное рассказа. Знал на собственном опыте, слуги всегда знают больше, чем говорят, и этот случай не должен быть исключением.

— Совсем загонял? — с сочувствием отозвалась горничная. — Он жутко противный, этот инспектор. — И поманила: — Пойдем, у меня есть что-то получше воды.

Джек с радостью согласился и пошел за ней в сторону кухни.

— Сегодня хозяйку похоронили, — сказала она, споро управляясь с двумя чашками чая. — Был поминальный обед. Ох, и много ж людей приходило! Кухарка с ног просто сбилась. Мы все носились, как заведенные. Сейчас только дамочка одна и осталась, они с мастером Дэвидом раньше приятельствовали. Хорошенькая такая!

Джек сказал:

— Хочется верить, преступника скоро найдут. Миссис Коупленд была доброй хозяйкой, я слышал.

— Самой лучшей, — подтвердила девица. — Ее все любили. Особенно мистер Лайонс...

— Мистер Лайонс?

— Ну да, ее «друг», — улыбнулась она. — Такой замечательный джентльмен, такой обходительный, добрый. Весь хозяйке под стать, не чета этому грубияну...

— Ты о ком? — Джек даже вперед подался. — Разве был еще кто-то?

И девушка, крайне довольная вызванным интересом, даже про чай на мгновение забыла.

— Был еще кто-то, помимо юного джентльмена, — сообщила она как бы тайну. — В

годах и довольно противный. Я его в самое утро убийства впервые и увидела: он прошел через сад с коробкой конфет. И ушел очень быстро... Лицо прятал под шляпой.

Джек не смог удержаться:

— Почему ты об этом инспектору не сказала?

— Я хотела, да он слушать не стал, — пожалала она плечами, — велел говорить только про то, что после пробуждения хозяйки случилось. Ну я так и сделала... Вот, — она поставила на стол стакан с кипятком, — удалось настоящего сахара раздобыть, — продолжила суетиться она, словно не замечая волнения собеседника. — Мистер Хэнкок рассыпал целую сахарницу, в самое утро, когда миссис Коупленд умерла. Оно и понятно, все в ужасе были! Велел кинуть все в топку, да я не сумела. Такое добро — сразу в топку! Ну нет, — она от души положила в стакан целую ложку, — я отложила его до лучших времен. — И подвинула стакан Джеку: — Пей, чай-то получше водицы придется! — В этот момент прозвенел колокольчик, и она встрепенулась. — Никак мастер Дэвид чаю потребует, — сказала она. — Ты посиди пока, я скоро вернусь! — и метнулась из кухни, оставив Джека наедине с собственными размышлениями.

Значит, был тайный любовник с «серебряными висками», тот, что пронес в дом коробку конфет...

И был это вовсе не Лайонс.

Кто же тогда?

Джек отхлебнул горячего чая, повертел факты эдак да так, снова немного отпил.

Все, казалось бы, просто, не знай он, что яд в тех конфетах был слишком слаб, чтобы убить человека. Доктор Максвелл сказал это с полной уверенностью — Джек не привык в нем сомневаться.

Он отхлебнул еще чая, снова немного подумал. В горле вдруг запершило, голову стиснуло болью. Вот так, ни с того ни с сего! Наверное, чай на голодный желудок плохо пошел.

Дышать стало сложно...

Пуговицы воротничка, казалось, впаялись в кожу.

Он поднялся на ноги и пошатнулся...

Что это с ним?

Почему комната прыгает перед глазами?

И воздух... как не хватает воздуха.

На странно ослабевших ногах он побрел в сторону двери, вывалился во двор и припал к бетонной стене.

Тщетно пытаясь глотнуть хоть немного свежего воздуха, Джек сделал пару шагов и мешком повалился на землю.

Отравленные конфеты не шли у Аманды из головы.

Что, если выяснить, кто их купил?

Сделать это было несложно: всего лишь наведаться в шоколатерию мистера Ла Фуко и одарить похвалами его шоколадные шедевры. Его лавка была самой известной среди лондонского бомонда, и девушка полагала, купить те конфеты могли только в ней.

А значит...

Еще прежде, чем ехать на похороны миссис Коупленд, Аманда решила заглянуть в лавку шоколатье.

Та наполнилась дивными ароматами миндаля, корицы и шоколада.

Розовыми эссенциями и сливовой наливки.

— Чего желает, прекрасная леди? — приветствовал ее верткий француз. — Вишневым нугат с шоколадной начинкой, «Клубничный восторг» или «Слезы влюбленной богини»?

Он указывал на один шоколад за другим, чуть ли не пританцовывая на месте.

Аманда изобразила растерянность:

— Право слово, голова идет кругом. Я знала, что вы настоящий волшебник, но чтобы настолько! Разве можно выбрать что-то одно? — она обвела горки шоколадных конфет восторженным взглядом. И, вроде как вспомнив: — Я слышала, «Ла Рошель» хороши, словно сон. Кто-то расхваливал их на днях... — Аманда сделала вид, что мучительно вспоминает этого человека.

— Возможно, сэр Гордон? — решился помочь ей шоколатье. — Он, помнится, покупал набор для невесты.

— Сэр Гордон? — Аманда вскинула бровки. — Не помните, когда это было?

— Дня три-четыре назад. После него их купила только мисс Джеймесон, и было это вчера.

Аманда с трудом сдержала дикий восторг, так и рвущийся наружу.

Сэр Гордон купил набор шоколадных конфет «Ла Рошель» для собственной невесты!

Она не знала этого джентльмена, но сердце ее стучало, словно набат.

Купив конфет двух разных сортов, Аманда поспешила на кладбище в самом приподнятом состоянии духа. С трудом согнала улыбку с лица и пошла к печальной процессии у входа...

И вдруг застыла:

— Благодарю вас, сэр Гордон. Печальный повод для встречи!

— Полностью с вами согласен, мой друг. Как жаль, что меня не было в городе все это время...

Дэвид Коупленд говорил с джентльменом приятного вида и крайне расстроенным видом.

— Мы все еще несколько не в себе. Такая внезапная, страшная смерть!

— Она... она долго страдала?

— Недолго, насколько могу я судить. Однако агония была жуткой!

— О боже... — Мужчина так побледнел, что его собеседник счел нужным поддержать его под руку.

— С вами все хорошо?

— Простите, при мысли о ее муках мне сделалась очень не по себе.

— Понимаю.

Молодой человек заметил Аманду и тут же счел нужных их познакомить. Когда новый знакомец целовал ее руку, девушка думала только о том, что эти же пальцы добавили яда в конфеты несчастной, на похороны которой они собрались.

Однако сэр Гордон совсем не казался убийцей в прямом этом смысле.

С убитым горем лицом глядел он на гроб своей умершей подруги, и чувства его не казались поддельными.

Аманда решила, как только представится возможность, расспросить Дэвида Коупленда об этом мужчине. Шоколатье ей сказал, тот покупал конфеты невесте, однако миссис Коупленд не была даже помолвлена.

И к тому же имела любовника...

— Ты сегодня очень задумчива. Что-то случилось?

Молодой человек появился словно из ниоткуда, Аманда вздрогнула.

— Я все думаю о твоей бедной матери и никак не могу этого бросить. Ты сказал, у нее мог быть кто-то другой... Кто-то, помимо мистера Лайонса, — и она покраснела. — Кто-то, о ком мы не знаем... И кто мог хотеть...

— ... Ее отравить? — Аманда кивнула. — Ты ведь понимаешь, я мало, что знаю, вернулся едва ли не накануне. Мы с матерью были мало близки... Она моей жизни не одобряла. Но я никогда бы такого не сделал...

— Я и не думала! — с жаром уверила Аманда. И как бы вскользь поинтересовалась: — А мистер Гордон, он ваш старый знакомец?

— Друг семьи, если быть точным, — поправил ее собеседник. — Мама дружила с его супругой, леди Матильдой. Она умерла меньше года назад... От слабого сердца. Сэр Гордон никак не оправится... Вот и сегодня еле держался. Похороны напомнили о былом...

Аманде хотелось бы тему продолжить, возможно, узнать что-то новое, но Дэвид казался уставшим и вымотанным. Ей стало совестно.

— Я, пожалуй, пойду. Итак, засиделась!

Он улыбнулся и попросил:

— Не пропадай навсегда. Я был бы рад нашей дружбе!

Аманда ему обещала новую встречу. Потом они распрощались, и она вышла из дома с четким намерением повидать Джека, рассказать ему обо всем, что сегодня узнала.

День был по-осеннему яркий и звонкий, наполненный пением птиц и веселыми детскими голосами — на миг, но Аманда ощутила себя счастливой. Такой, какой не была долгое время! Ей захотелось запомнить этот момент: улица, ветерок в волосах и собственная полезность кому-то важному.

Дорогому.

И вдруг все лопнуло, словно мыльный пузырь: она различила движение позади, обернулась и даже вскрикнула, когда Джек, будто пьяный, сделал два шага и начал заваливаться вперед. Она бросилась к нему, не задумываясь, хотела бы удержать, да не сумела: они оба рухнули на тротуар, из Аманды вышибло воздух.

— Джек? — затрясла она его за плечо, едва отдышавшись. — Джек, что с тобой? Джекееек...

Он никак на это не реагировал, просто лежал, словно мертвый, и холодный, пронизывающий ужас кольнул ее прямо в сердце.

— Миссис Уорд, позвольте вам помочь? — Лакей появился как нельзя кстати.

— Джордж, — сказала Аманда, — помоги уложить этого человека в карету. Он нуждается в нашей помощи! Едем к доктору Максвеллу.

Тот молча повиновался: помог Аманде встать на ноги и, подхватив бесчувственное тело с тротуара, понес его в сторону экипажа.

Когда за ними обоими — Джеком и Амандой — захлопнулась дверца, она позволила себе слабость: вцепилась зубами в манжет собственного платья и взвыла, беззвучно, но так, что лучше бы закричала. Эмоции подступили к самому горлу — Аманде казалось, она сейчас задохнется...

Так, только дыши!

Сказала то ли себе, то ли все-таки Джеку.

Взяла себя в руки и, уложив его голову на колени, коснулась жестких волос. Она никогда не делала этого прежде, и сердце дернулось... Боль подступила сильнее.

— Только не умирай! — взмолилась она что есть силы. — Только не умирай, умоляю. Даже не знаю, как жить без надежды где-нибудь тебя встретить! Переброситься парочкой слов. Поиграть в детектива, как было то в Хартберне, помнишь? И Грир, ты помнишь его? А бедная миссис Ховард... Ты просто не можешь все это бросить. Не можешь бросить меня... — добавила совсем тихо. Казалось, хотела бы и сама этого не услышать... — Пожалуйста, Джек, только держись! Доктор Максвелл поможет тебе, я обещаю.

Опять провела по его волосам, по неожиданно бритой щеке, пальцы замерли около губ. Она помнила, как они поцеловали ее, в той другой, словно не с ней случившейся жизни. Как тогда она еле сдержала себя, чтобы не окликнуть его, не признаться, что сердце ее обливается кровью... Как непросто быть кем-то ее положения и влюбиться в простого парнишку без роду и племени.

Она снова и снова шептала ему, словно весталка, прислушивалась к дыханию и гладила по лицу. Казалось, это могло удержать его в этом мире...

Карета замедлила ход, они приближались к кабинету доктора Максвелла, и Аманда, быстро склонившись над Джеком, вернула однажды подаренный поцелуй в уголок теперь уже Джековых губ.

Едва отстранилась, как Джордж, распахнув дверь экипажа, понес паренька в приемный покой доктора Максвелла. Аманда бежала за ними, проклиная и свое пышное платье с жестким корсетом, и неудобные туфли — все разом казалось ей ненавистным, мешающим, удушающим.

Сущим проклятием!

— Доктор Максвелл, — воскликнула она на бегу, — прошу, помогите. Джек умирает!

Джека внесли в кабинет, уложили на жесткую кушетку. Аманда припала к стене, ноги ее не держали, следила оттуда за доктором и молилась.

Так рьяно, как никогда в жизни!

Ей показалась, прошла целая вечность, когда, отвернувшись от Джека, доктор тихо сказал:

— Присядьте, на вас лица нет.

Она отозвалась:

— Он жив? — и даже дышать перестала.

Мужчина отечески взял ее под руку и подвел к оттоманке у стены.

— С ним все будет в порядке, миссис Уорд. Дозировка яда была небольшой, и только принятый на голодный желудок он вызвал обморок и потерю сознания.

— Яд... — Аманда рухнула на оттоманку с толикой облегчения и ужаса одновременно. — Но как?

— Это вы мне скажите. Где он был, что принимал и когда...

— Я нашла его в таком виде подле дома убитой миссис Коупленд... Боже, — выдохнула она, осознав значение данного факта, — убийца все еще в доме, и он пытался избавиться от Джека.

Доктор Максвелл кивнул.

— Осталось дождаться его пробуждения, — кивнул он в сторону Джека, — и нам многое станет понятней.

— Хэнкок, постойте! — окликнул Коупленд старого приживала. — Я хотел бы поговорить с вами... о матери.

— Да, сэр, конечно. Что именно вас интересует?

Тот вошел в кабинет и замер у кресла, он явно страшился возможного разговора. Со смертью хозяйки его положением стало шатким...

— Расскажите о ее личной жизни и даже не думайте вдруг отпираться, что ничего об этом не знаете. Вы с несравненной мисс Флойд — те еще сплетники и проныры. Только этим и жили, что наушничали да подглядывали в замочную скважину...

Хэнкок нахмурил брови.

— Вы сильно несправедливы к нам, сэр. Ни я, ни мисс Флойд никогда не позволили бы себе...

— Прекратите. — Молодой человек замотал головой. — Прекратите маскарад, Хэнкок. — И жестко осведомился: — Кто был у матери, кроме Лайонса? Кто подарил ей отравленные конфеты? Если вы знаете и продолжаете молчать, вы такой же преступник, как этот мужчина... — И подался вперед: — Вы его покрываете, Хэнкок? Вы с ним в сговоре?

— Боже помилуй! Как можно подумать такое?!

А Коупленд все наступал:

— Кто он? Я знаю, вы что-то скрываете.

— Я ничего...

— Говорите! — закричал молодой человек, и старик подпрыгнул от неожиданности.

— Это сэр Гордон, — произнес он так тихо, что Дэвид едва то расслышал. — Это сэр Гордон подарил ей конфеты.

Молодой человек, явно того не ожидавший, замер от неожиданности.

— Сэр Гордон?

— Смею предположить, твоя мать была в него влюблена. Они тайно встречались и даже говаривали о браке, однако сэр Гордон овдовел только недавно, время траура еще не прошло... Вот они и...

— Сэр Гордон... — выдохнул Коупленд, примеряясь к поразительной истине. — Сэр Гордон убил мою мать... — И тут же распорядился: — Сейчас же едем в полицию, вы расскажете им эту правду.

— В полицию, Дэвид? Ты уверен, что так будет верно?

— Более, чем. Встретимся через минуту! И велите подать экипаж.

Хэнкок вышел из кабинета и распорядился насчет экипажа. Ноги казались ватными, еле передвигались.

Что ему говорить, коли спросят, зачем он молчал?

Чем ему оправдаться?

— Мистер Хэнкок, что происходит? Дэвид вихрем пронесся по коридору. Я даже несколько испугалась...

Мисс Флойд, заметно скукожившаяся и постаревшая со смерти хозяйки, остановилась на лестнице, глядя на старого друга.

— Мне пришлось рассказать о конфетах мистера Гордона, Беатрис.

Женщина ахнула и схватилась за сердце.

— А как же...

— Только об этом, — прервал ее Хэнкок. — Большого он не знает! И не узнает, — с напором произнес он.

— Но...

— Даже не думай... — Он стиснул женские пальцы, и собеседница даже скривилась.

Появившийся на лестнице Коупленд этого не заметил.

— Едемте, мистер Хэнкок, — скомандовал он, и они поспешили в сторону двери.

— Слыхал, убийца миссис Коупленд отыскался! — Тейлор замолк при виде Аманды, и Джек подался вперед.

— Как, Харпер знает убийцу?

Тейлор вытянулся в струнку при виде еще одного посетителя: доктора Максвелла. Трое

— Джек, Аманда и доктор — глядела на парня со смущающим любопытством.

— Как раз в кабинете беседуют. Привезли сэра Гордона...

Посетители молча переглянулись.

— Мистер Коупленд там же? — спросила Аманда.

И, получив утвердительный ответ, с решительным видом направилась к двери.

И постучала.

— Кто там еще? — выкрикнул Харпер.

Аманда оправила платье и улыбнулась в открытую дверь.

— Простите, инспектор, но у меня важные сведения по делу.

— Сведения по делу? — Харпер, в первый момент явно опешивший от такого вмешательства, теперь подумывал послать ее к черту, но Дэвид Коупленд произнес:

— Миссис Уорд — друг нашей семьи, позвольте ей говорить.

Харпер скривился, подавленные ругательства изжогой поднялись к самому горлу.

— Дело раскрыто. Что здесь еще говорить? — пробубнил он ворчливо и даже побагровел при виде Джека и доктора Максвелла. — Эти еще что здесь делают? Вы тот доктор, что появлялся здесь накануне... И снова этот мальчишка.

— Они со мной, — сказала Аманда и с видом истинной королевы проследовала вглубь кабинета.

Здесь и увидела сэра Уильяма Гордона, несчастного, с безучастно опущенной головой.

Мистер Хэнкок сидел в стороне, Аманда окинула его взглядом, поджала губы и отвернулась.

— Сэр Гордон не виновен в смерти твоей матери, Дэвид, — сказала она, и этим сразу же завладела всеобщим вниманием. — Не только он, если быть точной.

И Харпер взорвался:

— Что за нелепое представление? Этот мужчина признался, что яд был в конфетах, подаренных им миссис Коупленд в утро убийства.

— Сказал ли он что-то, помимо того? — спросила Аманда.

И Харпер язвительно отозвался:

— Боюсь, не успел: нас прервали нелепейшим цирком.

Аманда на это лишь улыбнулась.

— Сэр Гордон, зачем вы желали смерти миссис Коупленд? — обратилась она к мужчине, и тот застонал.

— Я не хотел, чтоб она умирала. Я любил ее, мы собирались пожениться. Только хотели выждать, пока истечет время траура... Обождать немного. И Хэнкоку с Флойд это не нравилось... Они понимали, что новый хозяин положит конец их уютному, потребительскому существованию. Они нашептывали Эмилии обо мне... Говорили всякие гадости. — Он поглядел в сторону Хэнкока, и глаза его потемнели. — Я пытался открыть ей

глаза, показать, что им в доме не место, однако Эмилия и слышать о том не хотела. У нее было слишком доброе сердце! Она была привязана к старикам. Считала, обоих своими друзьями... И я... мне пришла вдруг идея рассорить ее с обоими прихлебателями. Случилось то совершенно случайно: по городу пошли слухи про мертвых животных. Мол, травит их кто-то... И дело-то легкое: прикупить пару гран яда, и все. Раз — и готово! Тогда я и подумал дать Эмилии яда, немного, только для дурноты — все было четко рассчитано — и сказать, что кто-то из стариков, верно, зла ей желает. Заставить Эмилию в них усомниться, погнать со двора... Избавиться от обоих. — Он застонал. — Разве я знал, что дело так обернется? Она сладкого не любила, и вряд ли стала бы есть несколько конфет разом.

— Она и не ела, — вмешался в рассказ доктор Максвелл. — Те две конфеты, что были ей съедены, вряд ли ее бы убили. Яда в них было, действительно, маловато...

— Разве не три? — осведомился инспектор и ожег Джека взглядом.

— Две, — произнес доктор Максвелл. — И эти конфеты ее не убили.

— Как? — выдохнул Гордон. — Она умерла не от яда?

— Нет, именно яд стал причиной смерти. Просто не только тот, что в конфетах...

Правда же, мистер Хэнкок?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сипло отозвался тот, и доктор вынул из кармана мешочек с отобранном у служанки просыпанным сахаром. Та, к счастью, остывший чай пить не стала, а нового так и не набрала, и на просьбу Джека отдать ему «тот самый сахар» ответила недовольным ворчанием.

— И к сахару, просыпанному в день смерти миссис Коупленд, вы отношения не имеете? Служанка, однако, сказала, именно вы попросили ее навести порядок в гостиной и выбросить сахар в топку. Вот только она этого не сделала... — На этих словах доктора Максвелла старик стал белым, как собственная манишка. — И даже угостила им гостя, который на собственном опыте сумел убедиться, что значит отведать цианистого кали в умеренной, не смертельной дозе.

И он указал на Джека. Лицо его все еще выглядело болезненным, блестящие глаза и нездоровый румянец выдавали признаки правоты слов доктора Максвелла.

Хэнкок схватился за голову:

— Эмилия не должна была умереть, — простенал он, ни на кого толком не глядя. — Я любил ее, словно дочь, которой никогда не имел, и боялся, что наговоры мистера Гордона отвратят ее от меня и мисс Флойд. Она сильно к нам охладела в последнее время... Придиралась по мелочам. Попрекала своей добротой, чего прежде никогда не случалось. Мы стали казаться ей бесполезными, надоедливymi стариками, и я решил доказать ей обратное: показать, что никто, кроме нас с Беатрис, не может быть ей полезнее и важнее.

— Вы добавили яд в ее сахар?

Хэнкок нервически повел головой, что, верно, обозначало согласие.

Произнес:

— В период болезни Эмилия становилась капризной, ничто, кроме чтения Беатрис, и моего терпеливого потакания ее бесконечным желанием, не могло хоть немного унять ее недовольство. Вот я и решил... что снова почувствовав себя плохо, она припомнит, как много мы делаем для нее, что только мы с Батрис и способны быть важными для нее. Не бесполезными стариками, как то ей казалось, а просто незаменимыми... — Он замолчал, голос его пресекся. — Однако она умерла... — закончил он через мгновение.

Доктор Максвелл мотнул головой: казалось, именно это он и надеялся услышать.

— Должен заметить, — произнес он, глядя на каждого из присутствующих, — количество яда в отравленном сахаре слишком ничтожно, чтобы убить человека. Мистер Хэнкок действительно не хотел убивать миссис Коупленд, он говорит абсолютную правду. Однако вкупе с конфетами сэра Гордона доза яда значительно увеличивалась, и, должно быть, я полагаю, превысила допустимую норму. Вскрытие, коли такое было бы дозволено провести, доказало бы данный факт с ясною точностью. Так же, я полагаю, имело место смертельное совпадение, жертвой которого и стала всеми любимая миссис Коупленд. Мне очень жаль, господа!

Повисшая тишина оглушала, звенела надоедливой мухой у самого уха. Никто не спешил ее оборвать... Оба невольных убийцы глядели друг другу в глаза не отрываясь.

И вдруг в дверь постучали.

— Сэр, — на пороге замялся Тейлор, — тут посетительница, мисс Флорид. Очень желает вас видеть!

Харпер отмер и жажнул ладонью по столу.

— О да, еще один персонаж нашего развеселого шапито! Великолепно, — провозгласил он злым, полным сарказма голосом. — Попросите ее войти.

И мисс Флорид робко появилась из-за спины Тейлора, комкая смятый платок. Она смутилась при виде шести пар глаз, устремленных на себя, однако не дрогнула: вскинула подбородок и с порога сказала:

— Это я убила миссис Коупленд. Это я — настоящий убийца! Я добавила толику яда в ее пилюли от головной боли. Подумала, легкое недомогание сделает нас полезнее для нее... — Старушка промокнула увлажнившиеся глаза: — Мы с мистером Хэнкоком очень боялись ее потерять, мы очень ее любили. А мистер Гордон... нашептывал ей, что мы прихлебатели. Не хотел видеть нас в доме... И я подумала... — Плечи ее затряслись сильнее, она уткнулась в промокнувший платок, и голос ее пресекся.

Аманда без слов приобняла ее за плечи.

— Три невольных убийцы, кто бы мог подумать? — доктор Максвелл покачал головой. — И все трое ссылаются на умерших домашних животных. Разговоры в светских гостиных натолкнули их на простую идею, и вот во что это вылилось... — Он помог Аманде забраться в карету.

— Самое печальное, — сказала она, — что все трое любили ее и желали по-своему блага. Метод был выбран ужасный, однако мотивы — самые благие.

Доктор Максвелл занял место напротив собеседницы.

— Убийственная любовь, миссис Уорд, вот как бы я это назвал, — заметил он, расправляя сюртук. — Убийственная любовь.

Аманда посмотрела в окно на удаляющееся здание полицейского управления и тихо отозвалась:

— Я полагаю, любить вообще очень опасно, вы не находите, доктор?

Тот улыбнулся, всепонимающе, с толикой взрослого снисхождения.

— Я полагаю, что истинная любовь стоит некоторой опасности, — отозвался он, и Аманда, поглядев на него, тоже невольно улыбнулась.

— А вас, мистер Огден, я попрошу остаться!

Джек знал, что гнев начальника неизбежен, как неизбежны морские приливы, однако сердце все же упало. И дернулось, словно в агонии...

— Да, сэр.

Они остались один на один в опустевшем теперь кабинете, и Харпер, утративший было контроль над происходящим, опять ощутил себя главным над ситуацией. Сузил глаза, поджал тонкие губы, исторг, словно плевок:

— Ты — жалкое ничтожество, Огден. Ничтожный маленький скунс! Ты не только не исполнил мои прямые приказы, ты еще привлек постороннего. Все ему разболтал! Выставил меня идиотом. В моем собственном кабинете выставил меня идиотом... — повторил он почти по слогам. И добавил: — К тому же подслушивал, выкрал одну из улик, еще и наведаясь в дом ныне покойной. С какой, скажи, пожалуйста, целью? И да, — не стал он дожидаться ответа, — еще ты покинул свой пост, и, верно, считаешь, тебе все простится. Так вот, этому не бывать! Я донесу о твоих проступках дисциплинарному комитету, и только богу известно, что ждет тебя в будущем. А теперь убирайся!

В этот самый момент Джек почувствовал себя одиноким, как никогда: рядом не было никого, кто мог бы его поддержать, а туман в голове и предательская слабость, казалось, тянули к самой земле. Он кое-как выбрался на воздух и побрел в сторону дома... К счастью, тот был недалеко, и, завалившись, как есть, на постель, он погрузился в глубокий, без сновидений сон.

Проснулся с осознанием чего-то важного, вдруг позабытого, и память лягнула воспоминанием: Мара.

Он совершенно забыл о Маре, собранном чемодане и поезде в Саутгемптон...

Который час?

Сумерки уже наступили, Джек с трудом различил стрелки часов на напольных часов в самом углу.

Начало девятого...

Он опоздал.

Мара будет сердиться...

Джек быстро поднялся, умылся холодной водой. Туман в голове немного рассеялся, только по-прежнему горчило на языке.

Он побежал к борделю миссис Коллинз и удивился, заметив зевак, перешептывающихся под его окнами.

— Что случилось? — спросил он одну из женщин, и та с радостью сообщила:

— Какого-то франтика порешили. Равнехонько на постели со спущенными штанами! — и она обнажила в улыбке желтые зубы.

— Кто это сделал?

— А мне почем знать, — ответила та. — Эти шлюхи на все, что угодно способны. Им что ноги раздвинуть, что человека прирезать — все ведь одно. Мерзкие твари!

Она сплюнула под ноги — Джек побежал к заднему входу. Дорогу он знал, потому вихрем пронесся по коридору — недоброе чувство никак не давало остановиться — взлетел по ступеням на второй этаж к спальням и замер у входа в комнату Мары.

Дверь была распахнута настежь. Хозяйка борделя и несколько девушек в неглиже толпились по обе стороны от кровати — на ней в луже крови лежал человек. Маленький кинжал Мары, с которым она обычно не расставалась, торчал из его груди ровно посередине.

Миссис Коллинз первой заметила Джека, развернулась всем своим телом и прошипела:

— А вот и этот негодный мальчишка, мистер Огден-будь-он-неладен. Вот, полюбуйся, что ты наделал! — Она указала на труп на кровати. — Вот до чего довели твои сказки про

«лучшую жизнь». Теперь ты доволен?

Джек, все еще ошарашенный мертвецом в Мариной кровати, поглядел на нее в полном недоумении.

— Я не совсем понимаю...

И кто-то из девушек произнес как бы в задумчивости:

— А разве это не ты поднимался сюда около часа назад? Я подумала даже, что Мара дружка притащила. Форма на нем была точно такая...

Хозяйка борделя уперла руки в бока.

— Так это ты его уколошил? Приревновал али что... Так и знала, любовь до добра не доводит! Держите его, красотки! Сдадим с рук на руки тепленьким.

И дюжина женщин кинулась к Джеку... Он чудом скатился по лестнице, не разбившись, бросился прочь под истошные крики девиц из борделя, взывающих о поимке преступника-живодера.

7. Клуб самоубийц

Осень, словно нарочно, неистовствовала промозглой сыростью и дождем.

Мелкой моросью повисала в воздухе, путалась в волосах и, пропитав всю одежду, льнула к озябшему телу...

Джека трясло...

Но не от холода даже — от мыслей в собственной голове.

Они были много хуже привычной ему непогоды, от них не укрыться под крышей или зонтом.

Они прямо здесь, под черепною коробкой... бьются, ворочаются тектоническими плитами.

И душу выворачивают.

Так что дышится через раз...

И вообще... тошно.

Тошно до ужаса.

— Гадостная погодка.

Констебль прошел в двух шагах, кутаясь в плащ и ворча себе под нос. Джек даже обмер, страшась, что узнают и схватят — нет, не узнали и не схватили, даже вниманием беглым не одарили.

Он ускорил шаги. Может быть, все разрешится... Как-нибудь разрешится. Словно по волшебству... Он никогда в такое не верил, но сейчас захотелось... поверить. Принять. И чтобы как в сказке...

Только вся его жизнь — вовсе не сказка. Нечего и надеяться!

«Ах, Мара, Мара, где же ты? Как получилось, что твой злополучный кинжал оказался в груди этого франта?»

Он не верил, что она сделала это, только не Мара со всеми ее пусть и мнимыми разговорами о готовности сделать нечто подобное. Постоять за себя, если придется...

Все ведь только слова, слова и не больше...

Он вспомнил, как пришел к ней впервые: она провела его через кухню коридором для слуг. Держала за руку горячими пальцами и тащила вперед...

— Ты только внимания не обращай на все это, — сказала ему, кивком головы указав на закрытые двери. — Я уж привыкла, а ты как... бывал в подобных местах?

За каждой запертой дверью трудилась одна их девиц миссис Коллинз, и звуки слышались соответствующие, недвусмысленные.

Джек смутился.

— Я... э... может, не стоило мне приходиться? — спросил, страстно желая оказаться подальше.

— Да ладно тебе, — девушка потащила его дальше по коридору, — мамка и не заметит сейчас. Клиентов встречает... А комната только моя, и звать я могу, кого захочу.

Она отперла ключиком дверь в конце коридора и снова заперла ее на замок, стоило им оказаться внутри... Запалила свечу, и Джек рассмотрел хлипкую маленькую кровать, платяной шкаф и тумбу для умывания. Занавеску бледно-розовую в цветочек, занавешивающую окно... Именно занавеска ему и запомнилась больше всего. Она мало вязалась с его представлением о характере Мары, и он долго пялился на нее, не решаясь

двинуться с места.

В конце концов, девушка первой уселась на край кровати и указала ему на место рядом с собой. Казалась такой уверенной, смелой... Вот только теребила яркую ленту на платье и тем самым выдавала себя.

Волновалась.

Его тоже потряхивало от нервов.

Девушек Джек понимал меньше некоторых преступников и робел перед ними соответственно больше.

— О чем ты думаешь? — спросила вдруг Мара, глядя на носки туфель, выглядывающих из-под платья.

О том, что не стоило ему приходиться...

— Да так, ни о чем.

— И все же?

— У тебя красивая комната.

— В самом деле? Я ее ненавижу. Мамка скупится, не тратится на меня... Хочет, чтоб я скорее легла под какого-нибудь богача... из простого желания иметь что-то получше вот этого. — Мара ударила по покрывалу. — Я, однако, не уступаю, и она становится всё жаднее.

Рука девушки оказалась рядом с пальцами Джека — через минуту их пальцы сплелись между собой. А потом они целовались... Он не помнил, как это случилось, но ощущение было приятным... И Мара, вот это он тоже запомнил, познакомила его с Терри, пауком, что сплел паутину в углу ее комнаты, он был ее другом.

Можно ли убить человека, заботясь о каком-то простом паучке?

Наверное, можно, но он все равно продолжал выгораживать Мару. Каким-то краешком сердца он все-таки, но любил эту девушку... Пусть и не так, как хотелось бы ей и ему.

«Мара, глупая Мара, где же ты? Неужели в Бристоле, готовишься сесть на корабль?»

Он желал ей спасения и страшился этого одновременно...

Он различил знакомую дверь и, оглядевшись, тронул дверной молоток.

Дверь открылась уже через минуту — Джек узнал миссис Вилсон.

— Что вам будет угодно? — спросила она, поправляя очки. И вдруг руками всплеснула: — Джек, ты ли это, негодный мальчишка?! Входи поскорее, не мокни напрасно.

Она втянула его в дом за рукав и захлопнула дверь. С парня, должно быть, текло прямо на пол, но она не обратила внимание, только глядела на него... с восхищением?

Ему стало тошно.

— Ты так изменился, — подтвердила его догадку старая экономка, — так возмужал. Я с трудом узнала тебя... Стал еще выше и будто красивше. Кто бы подумал, что тощий мальчишка в грязной одежде может настолько преобразиться! А что в этом взгляде... Ты, вроде как, поумнел! — поддела она парня с улыбкой.

Джек мотнул головой с вымокшей челкой.

— Мы порядком не виделись, миссис Вилсон, — ответил он в явном смущении. И спросил: — Я могу видеть инспектора Ридли? Это важно.

Женщина пожала плечами.

— Извини, но инспектор вторую неделю как в Дареме, разбирается с делом мистера Киркейда. Об этом в газетах писали, ты не читал?

Джек мотнул головой.

— Читал. Просто не знал, что инспектор...

— Ну да, вызвали Скотланд-Ярд, сами никак не справлялись.

— Не знаете, когда он вернется?

Миссис Вилсон лишь руками развела.

— Прости, Джек, не знаю. А что, дело важное? — И так заботливо поглядела, с такой теплотой и вниманием, что он едва удержался от желания задержаться в этом доме подольше. Хотя бы на чай...

— Нет, дело терпит. Рад был повидаться!

— Может, хотя бы чай с нами выпьешь? Абигейл, более, чем уверена, от твоей компании не откажется.

Джек мотнул головой.

— Простите, как-нибудь в другой раз. Передавайте ей привет от меня! И Ридли... скажите инспектору, что я заходил... Или лучше не говорите. Нет... — он взялся за ручку, потянул ее на себя, — нет, лучше не говорите.

— Джек? — В голосе миссис Вилсон явственно проступило волнение. — Что-то случилось?

Он обернулся с порога и вымученно ей улыбнулся.

— Все хорошо, миссис Вилсон, вам не о чем волноваться. Берегите себя! Всего доброго.

И, спустившись, снова побрел под дождем. Тот усилился, стал колючим и вязким...

Джека решительно затошнило.

Он подумал, что дело не в голоде или дожде — тошнило от острого, неизбывного разочарования вкупе с отчаянием.

Что же делать?

Может, тоже сбежать, как и Маре? Уехать в Бристоль и сесть на корабль, он может даже успеть на то самый... Уплыть, оставив этот кошмар позади.

Вместе с Марой...

Джек не заметил, как оказался в районе Белгравии: ряд богатых домов тянулся по обе стороны от него. Окна мягко светились... Стемнело как-то почти в одночасье.

Он замер, не зная, что делает здесь...

Или думая, что не знает.

В одном из этих домов обитала... Аманда.

Аманда Блэрни, недостижимая миссис Уорд, его вечные радость и боль.

Глупость сплошная...

И сантименты.

Он почти пожалел, что здесь оказался, хотел развернуться, уйти, но сил не хватило...

Всего лишь простится с ней, скажет, что это неправда — никого они с Марой не убивали — а после уйдет... и уедет.

И вообще...

Он прошел к нужному дому и спустился ко входу для слуг.

Аманда сидела в библиотеке и в задумчивости перебирала страницы лежащей на коленях книги...

Не читала, именно перебирала.

Мыслями она была далеко и едва ли могла вникать в текст: всё думала и думала о случившемся днем. О миссис Коупленд и ее невольных убийцах, а ещё, конечно, о Джеке...

О том, что могла потерять его навсегда.

И мысль эта, жуткая и мучительная, каждый раз отзывалась уколом в самое сердце.

Она вздрогнула, когда в дверь постучали...

— Войдите, — отозвалась она, и молоденькая служанка сделала быстрый книксен.

— Мэм, там какой-то констебль... Вас спрашивают.

— Констебль?

Вопрос против воли прозвучал слишком живо — Аманда с трудом уняла как-то враз заклокотавшее сердце.

Констебль — не значит, обязательно Джек.

Успокойся...

Возьми себя в руки!

— Что ему нужно? — спросила она.

— Видеть вас, мэм. Он спрашивает миссис Уорд!

— Пусть войдет, проводи его в библиотеку.

Служанка вышла за дверь, а Аманда бросилась к зеркалу: сама не своя от нахлынувшего волнения поправила волосы, пощипала и без того горящие щеки...

Это не Джек, шептала себе, конечно не Джек.

Он сейчас с Марой...

Он...

— Констебль Огден, мэм.

Аманду кипятком окатило от самой макушки до пят. Ей казалось, упрямое сердце заглушает все звуки вокруг...

— Спасибо, Люси. И будь добра, принести нам с мистером Огденом чая! Уверена, он не откажется.

— Будет сделано, мэм.

Вот бы и сердце было столь же послушно распоряжениям...

Нет же, не унимается, только клокочет у самого горла.

— Джек, ты совсем вымок. Что с тобой приключилось? — Она подошла совсем близко, протянула руку к плащу... — Снимай и садись скорее к огню. — Тут же отпрянула, кидая в камин очередное полено. Вернулась...

Джек все молчал, а она, взвинченная сверх меры, хотела лишь одного...

Просто коснуться.

Хотя бы смахнуть каплю дождя с вымокшей кожи... И унять уже эту пытку.

— Джек, что случилось?

— Меня обвиняют в убийстве.

— Это шутка? — Она даже выдохнула, не веря в услышанное. — Но как?

Джек выглядел жутко, казался больным и несчастным. Быть может, от яда... Но при чем здесь убийство?

— В борделе убит какой-то мужчина... в комнате Мары... она ведь, ты, верно не знаешь, живет там... Она... — он никак не мог связать фразы, может быть, просто стыдился говорить о таком, — миссис Коллинз обвинила меня. Просто из мести, я полагаю... И я сбежал...

— Джек, — Аманда коснулась его холодной руки и заглянула в глаза, — успокойся, уверена, это просто ошибка. Давай раздевайся! — И плащ с него потянула. Подтолкнула к камину и усадила на стул. — Возможно, все уже разрешилось... Ты точно уверен, что это не

просто ошибка?

Он усмехнулся.

— Она казалась весьма убедительной, обвиняя меня в преступлении. И кричала на всю Карнаби-стрит, чтобы меня задержали! Я ей поверил... И другие поверят.

— Но зачем бы ей делать такое?

— Затем, что Мара мечтала о чем-то другом для себя, понимаешь? И миссис Коллинз считала, что я виной этим фантазиям. Никогда не любила меня... — признался, отводя от лица мокрые волосы.

И Аманда стиснула руки.

— А Мара... где она? — спросила с усилием воли.

— Я полагаю, на поезде до Бристоля. Стремится к своей новой жизни...

— А ты?

Они поглядели друг другу в глаза, и Джек первым отвел взгляд.

Опустил низко голову...

— Мы вместе хотели уехать, но я опоздал... не явился на встречу. Все из-за этой истории...

Аманда вскочила на ноги и метнулась по комнате в явном волнении.

Джек едва не уехал...

Джек едва...

— То есть ты не хотел даже проститься? — с укором спросила она. — Просто уехал бы и...

Джек тоже поднялся.

— Так нам обоим было бы легче.

— Почему тебе знать? — спросила она и, подойдя совсем близко, схватила его за рукав. — Джек, обещаю, что просто так не исчезнешь... что всегда скажешь мне, если только решишься...

— Я решился. — Он очень хотел бы накрыть ее пальцы ладонью, заставить их успокоиться и не мять его форму в безумном остервенении, только нельзя. Он уже однажды пытался... — Я решился, и я уезжаю. Прямо сейчас... Просто хотел попрощаться.

Аманда как-то враз сделалась меньше и пошатнулась, он придержал ее прямо за плечи.

— А как же убийство? — спросила она. — Ты не можешь позволить им думать, что виноват... Не можешь предать доверие мистера Ридли: он верил в тебя... Он хлопотал за тебя. И я... как же я...

«...Буду совсем без тебя», хотела добавить она, но голос пресекся.

— Попроси его на меня не сердиться, — произнес Джек совсем тихо. — Скажи, что я очень ему благодарен, но...

— Джек! — Аманда вцепилась в его рукава, и голос ее надломился, когда она оборвала его, не в силах слышать эти слова. Прощальные. Полные грусти. — Не уезжай, умоляю. Мы вместе сумеем справиться с этим... Я помогу. Я...

— Вряд ли это понравится твоему мужу.

— Он все поймет.

Она бы сделала все что угодно, только бы удержать его, только бы он не уехал... Только бы был где-то рядом...

И знала, что это эгоистично, а сдержат себя не могла.

Она вообще еле сдерживалась...

Потянулась рукой и коснулась вымокшей пряди.

Джек глядел исподлобья, какой-то насупленный, мрачный...

Она провела по его щеке пальцем.

Он, казалось, застыл, превратился в холодную статую, только глаза и глядели ей в душу.

И вдруг, словно толчок, сотрясение или что-то не менее сокрушительное, толкнуло обоих друг к другу, заставило слиться губами, соприкоснуться телами и разделить один вздох на двоих.

Он потонул в громком стуке сердец, трепетно-нежном касании пальцев и первом неистовом поцелуе, который был скорее как боль, нежели удовольствие.

В дверь постучали...

И оба отпрянули друг от друга.

— Миледи, простите, что прерываю, но там полицейские... спрашивают о вас.

Та же служанка с большими перепуганными глазами застыла в ожидании на пороге.

Аманда, все еще с бешено бьющимся сердцем и вкусом неистового поцелуя на губах, поглядела на Джека, он — на нее.

У них не было и секунду, чтобы осознать происшедшее: реальность, грубо ворвавшись, смела все ощущения.

Кроме страха.

— Они ищут меня, — сказал Джек.

— Ты должен бежать! — в унисон ему отозвалась Аманда. И служанке: — Скажи, что я скоро буду! — А сама схватила Джека за руку: — Беги и спрячься где-нибудь в городе. Все равно где, главное, чтобы тебя не схватили. А потом возвращайся... Мы придумаем, как разобраться с это бедой. Обещаю! Мы придумаем... вместе.

Джек не двигался с места, казалось, не знал, как ему поступить, на что конкретно решиться, и Аманда подтолкнула его к двери.

— Уходи через кухню, дорогу ты знаешь. Как только они окажутся в доме, беги... Умоляю тебя! — Она всунула ему в руки вымокший плащ, и Джек, наконец, вышел из библиотеки. Все еще слишком растерянный, сбитый с толку происходящим, побежал в сторону кухни... Аманда до последнего провожала парня глазами, а после оправила платье и прикрыла на секунду глаза, чтобы унять порывистое дыхание.

И пошла к входной двери.

— Доброго вечера, миссис Уорд, — поприветствовал ее голос, ставший знакомым за этот день. — Надеюсь, мы не сильно вас потревожили? Дело важное.

— И о чем, собственно, речь?

Инспектор Харпер, а был это именно он, улыбнулся с едва скрытой насмешкой.

— Мы ищем убийцу, миледи. Джека Огдена, он знаком вам, как я понимаю?

— Да, мы знакомы, — подтвердила Аманда. — Но не настолько, чтобы вы посчитали необходимым искать его в этом доме...

— То есть вы, правильно ли я понимаю, не видели его этим вечером?

— Вы понимаете верно.

Девушка вздернула подбородок, изображая неприступное высокомерие. Улыбка Харпера была почти оскорбительной, и ей хотелось бы сбить с него спесь...

А тот протянул:

— Позвольте мне усомниться. — И замер, как будто дожидаясь чего-то.

И, верно, не без причины: слышались крики, возня.

— Сэр, мы взяли его! — прозвучал голос снаружи.

И сердце девушки оборвалось: двое констеблей вели кого-то под руки.

Джека.

С рассеченной губой, разорванным воротом полицейского кителя, он буквально висел на державших его руках.

— Что вы себе позволяете? — возмутилась Аманда. — Вы не смеете его трогать.

И лицо Харпера расцвело откровенной издевкой:

— Отчего же, миледи? В нашем праве защищать... добрых граждан от мерзавцев, вроде него. — Он кивнул в сторону Джека. — Он убийца и... совратитель молоденьких женщин, падких на внешнюю красоту. — Харпер окинул Аманду многозначительным взглядом. — Полагаю, не только мисс Коллинз пала жертвой его обаяния...

У Аманды горело лицо, буквально шло пятнами от абсурдности этих слов и оскорбительности намеков.

— Мистер Огден никакой не убийца, — отчеканила она твердым, решительным голосом. — А мисс Коллинз... любила его...

Харпер вскинул кустистые брови.

— Что ж, вам, должно быть, виднее, миледи — вы с ним, я так понимаю, друзья, — почти выплюнул он последнее слово, — только вот есть показания очевидцев. И они недвусмысленны, очень конкретны... В экипаж его! — отдал он резкий приказ, повернувшись к констеблям, державшим Джека. — Суд разберется, кто из нас прав. — И снова Аманде: — Передавайте нижайший поклон вашему мужу, миледи. Благодарю за содействие правосудию!

Он издевался так явно, что хотелось ответить пощечиной — жаль, она не могла себе это позволить.

Сжала холодные пальцы и поглядела на Джека: его как раз заталкивали в нанятый экипаж.

— Я не позволю сделать это с тобой, — прошептала она совсем тихо, обращаясь только к себе. — Я тебе помогу, так же как ты помог мне когда-то. Клянусь тебе, Джек, я сделаю всё, что смогу, но ты будешь снова свободен!

А потом с решительным видом захлопнула дверь.

Аманда провела беспокойную ночь, передумала сотни, тысячи мыслей, и утром нового дня стояла у дверей заведения миссис Коллинз с занесенной для стука рукой.

Было страшно, но и волнительно одновременно.

Дверь ей открыла заспанная служанка.

— Да, мэм... чего желаете, мэм? — пропищала она испуганным голосом, должно быть, опешив при виде богатой леди за дверью.

— Могу я видеть хозяйку? — спросила Аманда. — Миссис Коллинз. Она сейчас дома?

— Да, мэм, конечно. Я позову ее! — И впустила девушку внутрь.

Аманда вошла и окинула помещение взглядом: она никогда не бывала в подобных местах, о них предпочитали не говорить в светских салонах. Предполагалось, что женщины вовсе не сведущи в подобных вопросах и даже понятия не имеют, где джентльмены проводят те вечера, в которые отсутствуют в своих клубах...

И вот она здесь: в «вертепе порока» — настоящем борделе.

Кричащие краски багрянца и вылинявшей позолоты буквально выедали глаза и

заставляли скривиться от явной безвкусицы в интерьере. Пепел сигар в хрустальных, еще переполненных пепельницах и пустые фужеры... В этом месте работают допоздна и спят до полудня.

— Доброе утро, мисс.

Миссис Коллинз в наспех накинутом пеньюаре спустилась по лестнице и несколько оробела перед красивой молодой леди в дорогом платье и шляпке со страусовым пером. Аманда намеренно оделась именно так: хотела произвести впечатление.

И ей удалось: хозяйка борделя решила, что это супруга одного из ее постоянных клиентов. Пришла устроить скандал... Такое бывало нечасто, но как-то очень давно ей пришлось понаддать знатной леди.

— Доброе утро. Простите, что разбудила! — откликнулась знатная гостья.

Сказано это было вполне дружелюбно, и миссис Коллинз осмелилась подойти ближе.

— Чем могу быть полезна? — спросила она и сильнее запахнулась в халат.

— Говорят, у вас случилось убийство... — начала Аманда такими словами. — Страшное преступление.

Миссис Коллинз кивнула.

— Правильно говорят. Бедолаге всадили нож в самое сердце!

— Вы его видели?

— Мертвяка-то?

— Убийцу.

Оживившееся было кровавым рассказом лицо миссис Коллинз вдруг разом увяло и даже насупилось.

— Вам-то какое до этого дело? — спросила она, сдвинув брови.

Аманда стиснула руки в перчатках.

— Вы обвинили в убийстве молодого констебля, — сказала она. — Мне любопытно узнать: вы, действительно, видели преступление своими глазами или всего лишь предположили, что он его совершил?

Женщина сверкнула глазами, всякая робость перед Амандой исчезла как ни бывало, и она почти прошипела:

— Кто вы такая? Журналистка из какой-нибудь газетенки или... — она прищурила оба глаза, — подружка этого мерзостного мальчишки?

— Почему вы так ненавидите мистера Огдена? — вступилась за возлюбленного Аманда. — Разве он чем-то вам насолил? Может быть, потому вы на него указали, — окинула она женщину подозрительным взглядом, — просто из мести. — И позволила себе небольшую улыбку.

Та далась нелегко: ее изрядно потряхивало от нервов. Не каждый день приходилось ей препираться с хозяйкой довольно посредственного борделя в поношенном пеньюаре посреди раннего утра...

— Убирайтесь из моего дома! — Женщина указала пальцем на дверь.

— Я уйду, но вам стоит подумать о том, что вы сделали, — сказала Аманда, — обвинили невинного человека и взяли грех на душу.

Миссис Коллинз мотнула нечесанной головой, усмехнулась:

— О своих грехах беспокойтесь, юная леди, — сказала она, — а свои я как-нибудь сама замолю, коли надобность будет. Впрочем, их накопилось так много, что одним больше... — подумавшись, незадача. А Огден, — продолжила она не без злости, — заслужил то, что имеет.

И виселицы для таких, как он, будет мало! Уходите, я вам сказала, — повторила она. — Иначе придется применить силу...

Женщина сжала огромные кулаки, такие, что впору боксеру, а не хозяйке борделя, и девушка благоразумно направилась к выходу.

Остановилась только в дверях и сказала:

— И все-таки вы могли бы сказать полиции правду. Я вам... заплачу. Я могу... Сколько вам надо?

Миссис Коллинз как будто задумалась на мгновение, алчный огонек вспыхнул в глубине ее глаз, и Аманда похвалила было себя за вовремя пришедшую мысль, но вдруг...

— Мне не нужны ваши деньги. Убирайтесь уже из этого дома! — прозвучало в ответ.

И девушка, проглотив горькое разочарование, вышла за дверь, вздернув подбородок повыше.

Город продолжал жить своей жизнью: шумел, торопился и тёк, и Аманде вдруг показалось, что она просто застыла посреди этой стремительной суеты.

Замерла... сбилась с привычного ритма... Перестала быть ее частью?

Тяжело, словно старуха, она побрела в переулок, где ее дожидалась карета.

Почему эта Коллинз отказалась от денег?

Что Аманда сказала не так?

А ведь она могла бы продать свои кольца или пару браслетов... колье... Муж вряд ли заметил бы это, он часто дарил украшения.

— Мисс... Мисс, постойте! — Аманда как раз вошла в переулок, когда услышала окрик. Остановилась и поглядела назад... К ней спешила юная девушка, вряд ли больше шестнадцати, хрупкая, как одуванчик, она куталась в теплую шаль, накинутую на голые плечи.

— Мисс, я подслушала ваш разговор с миссис Коллинз, — сказала она. — Вы хотите помочь мистеру Огдену... Джеку...

— Ты что-то знаешь?

Девчушка замялась в смущении.

— Мы с Марой были подругами, — сказала она. — Многим делились друг с другом... Она... была влюблена в Джека и много о нем говорила... Не думаю, что он стал бы кого-нибудь убивать! Особенно из-за ревности, как сказала хозяйка тем полицейским.

— Ты видела, кто убил того человека?

— Я тогда уходила на рынок, вернулась, когда все случилось. Миссис Коллиз и старшие девушки вели себя странно... Мне кажется, они знают, просто... молчат...

— Почему?

— Этого я не знаю. — Девочка обхватила плечи руками, зубы ее клацнули друг о друга. — Возможно, из-за того человека... — робко присовокупила она. — Из-за мистера Би, как его у нас называют. Он часто заходит в бордель, берет только Тину и платит немалые деньги... А еще я подслушала как-то его разговор с миссис Коллинз: он хотел купить Мару для какой-то забавы. Что-то вроде светского вечера...

— Мара знала об этом?

— Я ей рассказала, и она испугалась.

— Почему?

Девчушка снова замялась.

— Ходят слухи, что девушки мистера Би не всегда возвращаются... Одни говорят, он

помогает им начать новую жизнь, другие — не верят в добрый исход.

— Полагаешь, что он... что-то делает с ними?

— Я не знаю, но Мара очень боялась, умоляла мать не отправлять ее к мистеру Би, та, конечно, не стала и слушать: мол, он не из тех, кто способен навредить девушке. Да и деньги большие платил! Потому Мара и хотела уехать как можно скорее...

— Джек знал об этом?

Девчушка головой помотала.

— Она не хотела ему говорить.

И Аманда, полная неожиданных сведений, вдруг спросила:

— Могло ли быть так, что за Марой пришел человек мистера Би, и она его просто убила? Убила и сбежала из Лондона, как давно и мечтала...

— Мы с Марой простились еще до того, как я ушла за покупками, — ответила девочка, — и она собиралась отправиться следом, сбежав с чемоданом через окно. Я уверена, что она ушла прежде, чем совершилось это убийство...

— Ты говорила об этом мистере Би полицейским?

— Я побоялась. К тому же усатый инспектор сказал, что Джек, верно, застал Мару в комнате с этим мужчиной, приревновал и, схватив Марин кинжал, заколол его в сердце.

Аманда прикрыла глаза...

«Усатый инспектор» мог быть только Харпером. И она давно догадалась, что любви к молодому сотруднику он не испытывал...

— Как мне найти этого мистера Би? — спросила она. — Знаешь ли ты его настоящее имя?

Девочка сильно продрогла и, мотнув головой, снова клацнула зубами.

— Никому не известно его настоящее имя, — сказала она, — но я могу сообщить вам, когда он снова появится...

— Сделай это.

И Аманда назвала свой адрес, скрепив договор несколькими монетами.

Мальчишка с запиской от Лоры, девушки из борделя, прибежал тем же вечером около девяти. Давно стемнело, и леди Уорд, сидя у себя в спальне, готовилась лечь... День выдался нервный, она утомилась.

После разговора с хозяйкой борделя она безуспешно пыталась воззвать к благоразумию инспектора Харпера и упросить его рассмотреть версию с неким «мистером Би», часто бывавшим в заведении миссис Коллинз и вызывавшим у девушек опасения.

Слушать ее, конечно, не стали, лишь посмеялись в усы. С Джеком ей тоже увидеться не удалось... Инспектор Харпер позаботился и об этом.

И вот эта записка...

Что ж, ей придется выяснить правду самой — ради Джека она еще и не на такое способна.

И очень удобно, что мужа нет дома: уехал в очередной раз по делам, а значит, упростил ей задачу.

«Мистер Би пришел около получаса назад, — значилось в этой записке, — обычно он задерживается надолго, но сегодня сказал, что уйдет сразу после одиннадцати. У него есть дела... Если хотите увидеть его, будьте на Карнаби-стрит в это время, я выйду и укажу вам на этого джентльмена».

И Аманда велела служанке опять уложить ее волосы. А около десяти вышла из дома и наняла экипаж...

Ее мать хватил бы удар, узнай она только, чем занимается ее дочь: одна ходит в ночи близ борделей для джентльменов. Но мысль эта вызвала только улыбку: идти поперек маменькиным наказам стало для девушки чем-то вроде привычки.

Наверное, она просто была плохой дочерью или... через чур отдавалась тому, что любила.

А Джека она любила всем сердцем, стоило это признать, и скрывать свои чувства становилось сложнее день ото дня.

Вот и не скрyla...

Их поцелуй снова всплыл в ее голове, заставил дернуться сердце и замереть: он был самым лучшим воспоминанием за последнее время.

Он вообще был самым лучшим...

И поцелуй этот, и Джек.

В нем она ни секунды не сомневалась. Так же, как не сомневаешься в наступлении дня или ночи, в морских приливах и звездах на небе...

Джейкоб был неплохим, ее муж, она осознавала и это, и полюбить его было б несложно, не будь ее сердце занято Джеком, а так... Муж мирился с невозможностью стать для нее кем-то большим, она мирилась со своей новой жизнью.

— Мисс, мы на месте, — предупредил ее кэбмен.

И Аманда откликнулась:

— Просто пойдите напротив этого дома. Я заплачу!

— Да, мэм.

Кэбмен, должно быть, решил, что она обманутая жена, выслеживающая супруга, — неприятно, но она переживет.

Вот и тоненькая фигурка выскользнула из подворотни и, пробежав через дорогу, шепнула:

— Мисс, это вы? — Аманда открыла ей дверцу, и девочка скользнула на сиденье напротив. — Он скоро выйдет. Такой в шляпе и длинном плаще, а еще с тростью... Он с ней редко, когда расстается.

— Спасибо, что помогаешь, — с благодарностью откликнулась Аманда. — Для меня это важно.

— Джек всегда был добр ко мне, — смутилась девчушка, — однажды подарил целый кулек карамели. — И призналась, шокировав собеседницу: — Я бы ему за бесплатно дала, но он не просил никогда... Да и Мару, по-моему, тоже. А ей очень хотелось... чтобы мамке назло... Да и просто... влюбленности ради. Он всегда был чуточку странный... Не такой, как другие.

Теперь смутилась Аманда, прижала руки к горящим щекам и порадовалась относительной темноте, скрывавшей ее от девчушки, так просто беседующей на запретную тему.

В их среде говорить о супружеском долге не полагалось, его принимали как наказание... Она вспомнила первую брачную ночь. Шок, который тогда испытала, и невольно прониклась глубокой жалостью к собеседнице: все эти чужие мужчины с масляными глазами и пошлыми ласками...

— Вот он, мисс, посмотрите.

Девчушка отодвинула занавеску, и в свете желтого фонаря над входом в бордель Аманда увидела трех мужчин. Один из них поигрывал тростью — она не встречалась с ним прежде — и улыбался довольной улыбкой.

Должно быть, это и есть, так называемый, мистер Би...

— Тот, что с тростью? — уточнила она, и девушка молча кивнула.

Аманда, не отводя от троицы глаз, одарила Лору еще несколькими монетами и простилась с ней.

Мужчины наняли кэб, и Аманда приказала вознице:

— Поезжайте за ними, да только не шибко привлекайте внимание. Заплачу целый фунт, если будете осторожны...

Возница стегнул лошаденку, и кэб дернулся с места. Аманду отбросило на сиденье, и, поправив съехавшую шляпку, она снова припала к окну... Ехали они долго — или ей так только казалось — у Кенсингтонских ворот все трое вышли и, расплатившись, направились по Ленбери-стрит. Аманда не знала, что делать: надеялась узнать адрес, а вышло вот как... Не может она упустить этого «мистера Би».

А значит...

— Спасибо за помощь.

Она тоже расплатилась с возницей и направилась за мужчинами... Слабо сеял колючий осенний дождь — у нее не было даже зонта — а мужчины, постояв под уличным фонарем, свернули в проулок.

Аманда поежилась...

На нее напал беспричинный, панический страх.

Но она взяла себя в руки и тоже... направилась следом.

Здесь ее и прижали к холодной стене.

— Вот и наша милая птичка, — произнес тот, что с тростью. — Какая приятная неожиданность!

Девушка и понять ничего не успела: два шага в кромешную темноту — и вот она схвачена, полностью в чужой власти. Помощи ждать неоткуда...

— Отпустите меня, — приказала она, с трудом сдерживая рвущееся дыхание. — Я — леди.

— И очень премиленькая, — осклабился тот, что держал ее слева.

— К тому же сама нарывающаяся на неприятности... — поддакнул другой.

А мистер Би продолжал улыбаться, опираясь на трость.

— Расскажите нам, милая птичка, к чему юной благовоспитанной леди бродить по ночам, преследуя добропорядочных джентльменов? — осведомился он, явно потешаясь над ней. И к своим спутникам: — Отпустите нашу милую птичку, уверен, она обещает не улетать. Обещаете? — спросил он Аманду.

Та молча кивнула, одарив его гневным взглядом.

Е выпустили из рук...

— Итак, вы следили за нами... — повторил Брэдфорд. — Зачем?

— Хотела узнать, что вам известно об убийстве в борделе на Карнаби-стрит, — сказала она.

Мистер Би казался по-настоящему удивленным, когда произнес:

— Какое вам до этого дело? И вообще, почему вы решили, что мне должно быть что-то известно об этом?

— Интуиция подсказала, — в тон ему отозвалась Аманда. И решив, что терять больше нечего, присовокупила как можно уверенней: — Вы хотели купить у хозяйки мисс Коллинз для неких тайных забав в своем загородном поместье. Девушка, однако, сбежала, и вы, я уверена, понятия не имеете, где она ... — И добавила не без сарказма: — И вот труп в комнате убежавшей уже не кажется столь подозрительным. Разве не так... мистер Би? — спросила она.

Тот не переменялся в лице, только мелькнуло в нем что-то еще...

Любопытство?

Вспыхнувшая внезапно идея?

— Назовите мне свое имя, — почти потребовал он.

И Аманда назвалась...

— То есть вы новая миссис Уорд. Я знаком с вашим мужем! Какое милое совпадение.

— Хотя бы из вежливости назовитесь и вы, — предложила Аманда.

Мужчина изобразил почти театральный поклон и представился:

— Сэр Хэральд Брэдфорд к вашим услугам, милая птичка. И я не только представляюсь, — добавил он тише, многозначительней, — я приглашу вас к себе на уикенд... в свое загородное поместье. Согласитесь?

— Муж отсутствует по делам.

— А я приглашаю лишь вас. Мне как раз нужен кто-то способный на роль хозяйки званого вечера... Сам я, увы, не женат. И, нет-нет, не пугайтесь, — поспешил он уверить Аманду, — общество будет исключительно избранным и... способным держать язык за зубами. Уверяю вас, миссис Уорд, вам понравится...

— Не уверена.

Мистер Би или Брэдфорд, как теперь знала Аманда, взмахнул тростью и плечами пожал.

— В таком случае мне очень жаль, только нам больше не о чем говорить. И убийство в борделе, каким бы образом оно вас не касалось, останется на том самом мальчике... Кажется, неком констебле. А он, между тем, не виноват... — Еще один взмах холеной руки. — Прощайте, миссис Уорд, приятно было поговорить.

Аманда знала, что он с ней играет, потешается, выпуская из лап и снова приманивая назад...

И все же спросила:

— Откуда вам это известно?

— Что именно?

— Что констебль не виноват в убийстве.

Брэдфорд подался вперед, так близко, что девушка даже отпрянула.

— Ваша интуиция бесподобна, миссис Уорд, — прошептал он почти ей на ухо, — я доподлинно знаю, кто виноват в преступлении.

— Кто?

Тот пыл, с которым она это спросила, позабавил ее собеседника.

— Я скажу, если только посетите мой светский прием, — ответил он, отстранившись. — Сыграете роль хозяйки... без каких-либо обязательств. Замените юную девочку Коллинз, не сумевшую оценить оказанное ей доверие. И тем самым заслужите правду...

Соглашаться было нельзя...

— Как я узнаю, что вы не обманываете меня?

— Не узнаете, если не испытаете...

И Аманда, понимая, что играет с огнем, согласилась.

Выбора не было...

Вернувшись домой, она все еще ощущала озноб, ее потряхивало от нервов, и уснуть этой ночью Аманда вряд ли смогла бы. А потому она думала...

Обо всем, что случилось.

И понимала одно: ехать опасно. Слова Лоры поселили недоброе в ней предчувствие, знакомство же с Брэдфордом лишь усилило ощущения...

Он был неприятен ей во всех смыслах, однако... выбора не было.

Как по-другому узнать, кто убийца?

Как еще помочь Джеку?

Она не простит себе, если упустит эту возможность...

А потому сразу с утра Аманда поехала на Монтегю-стрит, где застала Дэвида Коупленда в постели. Он спустился в халате с озабоченным видом...

Спросил от порога гостиной:

— Что случилось, Аманда?

— Что ты знаешь о Хэрольде Брэдфорде? — отозвалась она ответным вопросом.

— Хэрольд Брэдфорд? — Тот призадумался. — Я редко бывал в лондонском обществе, ты ведь знаешь, но о Брэдфорде все-таки слышал...

— Что-то плохое?

— Это как посмотреть. — Молодой человек прошел к креслу и, присев в него, продолжал: — Говорят, он заядлый игрок. В «Блайде» он ставит на кон и, в зависимости от удачи, спускает или приобретает огромные суммы... Любит женщин, вино и... неожиданные забавы.

— Какие, к примеру?

Дэвид Коупленд только плечами пожал.

— Сложно сказать, никто так и не сумел уточнить. Но... его загородные приемы весьма интригуют светское общество. Многие страстно желали бы там побывать, но они что-то вроде закрытого клуба: по сути, никому доподлинно не известно, кто в него входит и чем они там занимаются.

Аманда вскочила с дивана и, метнувшись к камину, протянула руки к огню.

Пальцы казались холодными до онемения.

— В этот уикенд меня пригласили на прием в Блай, — призналась она, глядя на пламя. — Я поеду... так или иначе.

— Ты едешь в Блай? — искренне удивился Коупленд. — Как это вышло?

— Случайно. Я познакомилась с Брэдфордом... и он меня пригласил.

— Невероятно! — Молодой человек поерзал на месте. — Научи и меня, как быть случайно приглашенным туда, куда почти никому нет входа.

И Аманда к нему обернулась. Лицо у нее было несчастным, ей очень хотелось хоть с кем-то поделиться происходящим.

— Я не уверена, что хочу туда ехать, — призналась она, — скорее уверена, что не хочу, но Брэдфорд... ты этого не поймешь... может мне спасти важного для меня человека. Помнишь молодого констебля, что помог разобраться в гибели твоей матери?

Времени прошло совсем мало, и Дэвид, конечно же, помнил.

Он кивнул.

— Ты, кажется, с ним дружна...

Аманда почувствовала, что краснеет. Буквально заливается краской, а это было не к месту и вообще...

— Да, Джек мой... друг, — сказала она, — и его обвинили в убийстве, которого он, конечно, не совершал, и только Брэдфорд способен помочь мне спасти его.

После этого она рассказала про разговор с миссис Коллинз и слова Лоры, про то, как следила за «мистером Би» от борделя и была поймана, что говорится, с поличным.

Молодой человек выглядел пораженным сверх всякой меры.

— Я долгое время прожил в среде парижской богемы, Аманда, но даже тогда не встречал столь отчаянных юных леди, как ты, — признался он по заключении и достал сигарету. — Не против, если я закурю? В нарушение светских правил...

— Я никому не скажу, — улыбнулась она одними губами. И продолжила другим тоном: — Просто хочу, чтобы кто-нибудь знал, где я буду... Просто на всякий случай.

— Я должен поехать с тобой — мне не нравится это дело.

— Ты не можешь: приглашена только я.

— И ты сунешься в Блай в одиночестве?! После слов этой шлюш... девчонки и этого странного предложения?

— Я должна... ради Джека.

Молодой человек покачал головой и произнес, констатируя факт:

— Аманда, ты играешь с огнем. И всё почему? Из-за любви... — Он поглядел девушке прямо в глаза и спросил: — Что особенного в этом мальчишке, что ради него ты готова пожертвовать всем? Даже своими честью и жизнью.

Джек был один в целом свете...

— Уверена, все не так плохо, — возразила она. — Я не просто какая-то... девочка миссис Коллинз, я все-таки леди. Брэдфорд не посмеет тронуть меня! К тому же все может оказаться вполне безобидным... Сам говоришь, он любит эпатировать свет, пусть даже раздутыми тайнами. Я готова рискнуть...

— А если узнает твой муж?

— С Джейкобом я смогу объясниться, а вот с инспектором Харпером нет. Ему нужны доказательства, верные факты, и я их добуду!

— Ты ненормальная, — хмыкнул Коупленд сквозь клубы табачного дыма. — Ненормальная на всю голову, ты знаешь об этом? — И приложил руку к груди. — Нет бы влюбилась в меня, я бы понял такое, но какой-то безродный мальчишка... Ты напрасно рвешь себе сердце.

— Это сильнее меня, — она впервые призналась кому-то об этом.

И Коупленд посоветовал:

— Так сделай его любовником, и дело с концом. Сбей оскомину... Дай парню денег.

Аманда головой замотала: так она не хотела... и Джек бы не стал. Ни за что, он просто возненавидел б ее.

— Я люблю его, — сказала она. — И дело здесь не в желании обладать... я... хотела бы быть с ним всегда, понимаешь?

— Понимаю, — Дэвид затушил сигарету и разогнал дым рукою, — но пойми и ты, моя девочка: это никак невозможно.

Аманда стиснула зубы, стояла, не в силах пошевелиться, а глупое сердце тяжелым

комком ворочалось в грудной клетке и, казалось, до боли скреблось о самые ребра...

— Я спасу его, — произнесла она через силу, — все остальное второстепенно.

В тот же день она отыскала фотографическую студию Кори Фостера и сказала, что хотела бы сделать снимок. Тодд, который знал ее, должно быть, по Хартберну, так удивился при виде Аманды, что растерял половину своей расторопности. За что был сурово отчитан...

— Усади леди на стул и закрепи ее голову, — велел ему Фостер с видимым недовольством. Должно быть, хотел этим выслужиться перед богатой клиенткой... — И в ее сторону: — Не бойтесь, юная леди, эти копфгальтеры безопасны, как небесные ангелы, вам только нужны не шевелиться и смотреть прямо сюда, — он указал в центр черной коробки, установленной на треноге посреди комнаты. — И осведомился: — Какой фон предпочитаете? Может быть, горы, пустыня или... что-нибудь менее экзотичное: например, сад?

Аманда выбрала наугад.

— Пусть будет сад, — сказала она.

И когда Тодд подошел закрепить ее голову, едва слышно шепнула:

— Джек в опасности, Тодд, он нуждается в нашей помощи.

Тот уронил штатив на пол и снова получил нагоняй.

Двадцать минут невозможности двигаться дались девушке нелегко: она была слишком взвинчена, чтобы спокойно сидеть. А от яркого света слезились глаза... К счастью, вскоре это закончилось, и когда Кори Фостер пожелал узнать ее адрес, чтобы доставить снимок домой, назвала его, глянув на Тодда.

И шепнула на выходе:

— Если хочешь помочь своему другу, ты знаешь, где меня отыскать.

И вышла, надеясь, что Тодд именно так и поступит.

Вот и Блай...

Отступать было поздно.

Построенный из светлого камня, трехэтажный, с большими, от потолка до пола, окнами в тонких переплетах, он выглядел весьма элегантно и даже воздушно. Аманда подумала, что хотела бы жить в этом доме... Правда, избавиться от розария, разбитого здесь же с удивительным совершенством.

Заменить розы другими цветами...

И тут же самой себе и напомнила, что не розы привели ее за город с одним кучером на облучке — ей предстояло пережить уикенд хозяйкой этого места, играя одному Брэдфорду ведомую для нее роль.

Или не только ему?

Экипаж как раз проехал по кругу и замер на подъездной дорожке у самого дома, кучер распахнул дверцу и опустил складную ступеньку...

Ливрея Уордов была Тодду к лицу.

Аманда поблагодарила парня кивком и поглядела на вторую карету, подъехавшую, как ей показалось, минутою раньше, из нее как раз вышла девушка тех же лет, что она. Быть может, лишь несколько старше... Она оправила платье и заметила ее взгляд.

— Как приятно видеть новые лица, — сказала она, — особенно столь приятные. — Девушка по-мужски протянула ей руку. — Надеюсь, вы простите мне эту скромную вольность: наш хозяин несколько занят и не может нас друг другу представить.

Хэрольд Брэдфорд действительно занимался разгрузкой большого деревянного ящика. Он буквально дышал в спины двум грумам, посекудно умоляя их быть осторожнее и нести этот ящик с великою осторожностью.

— Часы, — пояснила ей девушка. — Очередные часы! Брэдфорд с ума по ним сходит. — И представилась: — Дайана Бишоп. Будем знакомы!

— Аманда Уорд.

Рукопожатие у новой знакомой оказалось неожиданно крепким, хотя сама она в целом была девушкой хрупкой, довольно миниатюрной. Аманде понравилось, как она улыбалась: открытой улыбкой не зацикленного на условностях человека.

— Значит, ты новая гостья? — спросила она. — Брэдфорд не говорил о тебе.

— Он пригласил меня в самый последний момент...

— В самом деле? На него не похоже... Он обычно планирует все наперед.

— А в это раз отступил от собственных правил, — вмешался в их беседу хозяин, как раз выходя из дверей дома, куда уходил вслед за грумами с ящиком. — Миссис Уорд сыграет хозяйку намечающегося приема.

Он подхватил руку Аманды и запечатлел на ней быстрый приветственный поцелуй.

Дайана Бишоп вскинула тонкие бровки:

— Хозяйку? Как неожиданно.

Аманде вдруг показалось, что улыбка ее на мгновенье притухла, как будто тень на лицо набежала. Правда, она снова заулыбалась, заметив нового гостя:

— А вот и наш Томас. Давно не виделись! — И протянула молодому человеку руку для поцелуя.

Томас Картер, повеса со стажем и прожигатель отцовского состояния, припал к ее ручке и держал дольше, чем требовали приличия, правда, никто, казалось, этого не заметил.

Лишь Брэдфорд сказал:

— Позволь представить тебе очаровательную миссис Уорд. Она была так добра, что согласилась составить мне пару на этом приеме, сыграть роль хозяйки!

— Рад познакомиться, миссис Уорд! — отвечив тот, переключаясь на целование Амандиных рук. Но опять же как-то поспешно, словно силясь скрыть удивление, вызванное словами хозяина дома. — Вы с миссис Бишоп — воистину украшение нашего общества!

Дайана головой покачала.

— Уж не о том ли самом ты говорил в наш прошлый раз Энджелине, мой юный прохвост? — спросила она, подхватывая Брэдфорда под руку. — Ты забываешься!

— Всего лишь вношу коррективы, — отозвался молодой человек, ничуть не смутившись. И — Аманде: — Вы точно прекраснее Энджелины, и я не мог не признать этого. Позвольте быть вашим спутником!

— Благодарю.

Молодой человек подхватил Аманду под руку, и так, двумя парами, они и вошли в Блай, негромко переговариваясь. В холле их встретил высокий мужчина со стаканом виски в руке, он неторопливо гонял янтарную жидкость по стенкам и улыбнулся обоим гостям как давним знакомым.

— Миссис Бишоп... Миссис Уорд, если не ошибаюсь?

— Все верно, — подтвердила Аманда.

— Хэрольд сказал мне о вас...

И Брэдфорд представил мужчину:

— Мой друг, Реджинальд Бойд, возможно, вы однажды встречались.

— Простите, ваше лицо не кажется мне знакомым...

— Зато ваше не так просто забыть, — произнес мистер Бойд, чем заставил Аманду смутиться. И подсказал: — Мы виделись на приеме у миссис Ленсон в позапрошлом году. В Нортумберленде...

Другими словами, в изгнании...

— Не смущай нашу гостью, — поспешил одернуть приятеля Брэдфорд. — Лучше скажи, когда придут Бенсон и Холт?

— Полагаю, что скоро. До ужина целый час... Они не стали бы его пропускать.

— Не стали бы... — Брэдфорд слегка улыбнулся. — Дадим им время. — И обратился к Аманде с Дайаной: — Вас проводят в отведенные комнаты наверху. Приводите себя в порядок и отдохните с дороги!

Предложение было уместным, и девушки с радостью откликнулись на него. Когда служанка повела их по лестнице, Бойд, Аманда видела это, залпом влил в себя бренди и даже не сморщился. Казалось, его что-то тревожило...

Только что?

Возможно, она чрезмерно взвинчена и подозрительна...

Гости казались такими обычными.

— Ты действительно леди? — обратилась к ней спутница, стоило им подняться по лестнице. — Мы никогда не виделись в обществе. Это странно...

— Я лишь недавно вернулась в столицу, — отозвалась Аманда. — Жила у тетки в Нортумберленде, как верно подметил мистер Бойд ранее, да и сейчас выезжаю немного. Муж часто отсутствует!

— Предприниматель? — Аманда кивнула. — Мой тоже. У него стекольный завод... Даже сегодня я здесь одна. Такова, видимо, наша женская доля... — вздохнула она.

— Ваша комната, мэ. — Служанка распахнула перед Амандой одну из дверей.

— Изумрудная спальня, — улыбнулась Дайана, заглянув одним глазком в комнату. — Очень помпезная, как по мне, но красивая. — И махнула рукой. — Встретимся перед ужином. Я постучу, спустимся вместе.

— Хорошо.

Аманда прикрыла за собой дверь и выдохнула полной грудью. Не заметила даже, что была столь напряженной... Скинула туфли и в чулках прошлась по ковру. Ворс был глубоким, приятным на ощупь — она поглядела в окно.

День догорал... И за воротами Блая черной точкой мелькал экипаж. Кажется, торопились припозднившиеся гости! Аманда глядела в окно до тех пор, пока карета не въехала на подъездную аллею и не остановилась у самых дверей... Из нее вышла женщина. Старше Аманды, с красиво уложенными волосами. Она вдруг вскинула голову и посмотрела напрямик на нее...

Даже не улыбнулась, только слегка махнула рукой.

Аманда отпрянула от окна и прижала руки к горящим щекам. Словно ее застали за недозволенным...

В этот момент в двери комнаты постучали. Неужели пора спускаться к ужину?

— Не поможешь с застежкой на платье? — спросила Дайана, стоя за дверью. — Отсутствие камеристки — весьма неудобная штука. — Аманда согласно кивнула, и девушка вошла внутрь. — Ты еще не готова? — спросила она. — Тебе лучше бы поторопиться.

— Я видела, как приехала женщина... — отозвалась Аманда, помогая ей с платьем. — Энджелина, так, кажется, вы ее называли.

— Энджелина Бенсон, — кивнула Дайана. — Вдова. Ее муж занимался угледобычей, и она продолжила его дело. Цепкая дамочка! С ней держи ухо востро.

— А Бойд... он близкий друг Брэдфорда? — поинтересовалась Аманда.

— Что-то вроде правой руки. Хотя, как по мне, Брэдфорд ни с кем особенно близко не сходится. Сам себе на уме, если ты понимаешь, о чем я...

Она понимала...

Хозяин поместья не казался задушевным товарищем: такие, как он, вообще не умели дружить.

Разве что подчинять...

И Аманда сказала:

— Я немного волнуюсь за весь этот вечер... не знаю, что меня ждет... Все так туманно. Может быть, ты меня просветишь? Хоть чуть-чуть... — Она замялась, изображая смущение. Впрочем, она действительно была смущена собственной неосведомленностью, но в большей мере напугана, о чем новой знакомой знать вовсе не стоило.

— Брэдфорд тебе ничего не сказал? — спросила Дайана. — Я думала, ты его протезе или что-то вроде того.

— Точно нет, — улыbnулась Аманда. — На самом деле у нас что-то вроде договоренности: важная для меня информация взамен присутствия на этом приеме.

Девушка глянула на нее как-то по-новому, с особенным интересом...

— Так ты действительно совершенно не в курсе происходящего? — уточнила она.

— Мне стоит знать что-то конкретное?

В дверь постучали, теперь это оказалась служанка.

— Мистер Брэдфорд ждет вас внизу, — сообщила она.

И Дайана, как будто воспользовавшись моментом, выпорхнула из комнаты, уйдя таким образом от ответа:

— Я только заскочу в свою комнату носик припудрить, а ты пока собирайся. Вернись через минуту!

Вернулась она через десять, и они вместе с Амандой поспешили спуститься в библиотеку, где вся компания коротала время до ужина за беседами у камина.

В библиотеке Аманду представили миссис Бенсон и мистеру Коди Холту, мужчине едва заметному на фоне других, настолько он казался невзрачным и тихим. Сидел в самом темном углу и молча вслушивался в беседу...

Говорили о новом приобретении хозяина дома: напольных часах, занявших одно из почетнейших мест в его кабинете. Брэдфорд восхищался талантом мастера, их создавшего, и расписывал удивительную работу часовых шестеренок, работающих столь точно и слаженно, что это было похоже скорее на чудо, нежели на простую механику.

Бойд, выслушивая его пламенную тираду, с тонкой улыбкой заметил:

— Пожалуй, будь женщина также понятна и идеально налажена, как эти часы, ты наконец-то женился бы, друг мой!

— Ты прав, понять механизм часов много проще, чем женское сердце, — в тон ему отозвался хозяин поместья и, как бы прося извинение за эти слова, одарил каждую женщину в комнате взглядом.

Те улыбнулись в ответ, однако ответила за всех миссис Бенсон:

— На самом деле, женщины много проще часов, друг мой Брэдфорд, — сказала она, — просто мужчинам недосуг докопаться до сути. Им легче тешить себя идеей о том, что мы загадочны, словно сфинксы... Это не так! — взмахнула она кистью руки.

Молодой Томас Картер решил отбить этот мяч:

— Поверьте, милая Энджелина, я знавал многих женщин, — со значением произнес он, — но всё ещё блуждаю в потемках...

И женщина чуть усмехнулась:

— Вы не там ищите, Картер, — сказала она. — Познать тело — не есть познать душу... Повзрослейте уже.

Аманда прежде не слышала таких разговоров, и они ее удивили.

Брэдфорд, должно быть, это заметил, так как спросил ее вдруг:

— А что скажете вы, миссис Уорд, так ли просто понять женское сердце, как уверяет в том миссис Бенсон?

— Полагаю, что... да.

Брэдфорд насмешливо улыбался, явно вкладывая в слова больше смысла, чем могло показаться.

— Значит, мистер Уорд сумел понять «механизм»? — опять спросил он. — Он разгадал вас... Аманда? Пожалуй, нам стоит у него поучиться.

Картер и Бойд тоже растянули губы в улыбках. Снисходительных к женскому мнению...

К счастью, пришло время садиться за стол, и Брэдфорд подал Аманде руку. Та приняла ее без желания... Он так явно потешался над ней в разговоре, что чувствовать расположение было сложно.

Дайана шла с Картером, миссис Бенсон — с Холтом. Бойд замыкал шествие в одиночестве...

К вящему неудовольствию девушки, усадили ее не на противоположном конце стола, как она бы мечтала, а по правую руку от хозяина дома.

— Я хочу насладиться вашим обществом в полноте, — сказал он Аманде, пододвигая ей стул. — Не так часто хозяйкой этого дома оказывается столь утонченная леди...

И Аманда не удержалась:

— Обычно ими бывают кокетки из лондонского борделя?

— Вы удивительно прозорливы, — даже не стал отпираться мужчина. — Мне нравятся юные лица за этим столом. Пусть даже и купленные... как вы. — Аманда дернулась, словно получила под дых, а Брэдфорд закончил: — Не за деньги, но все же...

Они расселись, и слуги принялись обносить их едой.

Когда они, наконец, удались, Брэдфорд, разрезая сочный бифштекс, подался слегка в ее сторону и произнес:

— Не удовлетворите ли вы мое любопытство, юная миссис Уорд: кто для вас этот мальчишка... Огден, если я верно запомнил? — Он отвел взгляд от тарелки и посмотрел на нее. — Вы, столь блистательная юная леди, и этот... констебль... Ничтожество, если подумать.

Аманда стиснула пальцы на вилке с ножом, зажатых в руке, впервые за свои двадцать лет ей захотелось применить их иначе, чем полагалось...

К примеру, всадить пять острых зубцов в холеную белую руку, невозмутимо кромсающую бифштекс.

Стереть через боль ухмылку на лице собеседника...

Заставить его замолчать.

— Он — мой друг, — сказала она. — Он помог мне в трудное время, теперь я хочу отплатить ему тем же.

— Как благородно, миссис Уорд... Я восхищаюсь подобным самопожертвованием! — Собеседник положил в рот кусочек отрезанного мяса и, пережевывая его, продолжал глядеть на нее. — Уверен, мистер Уорд тоже... восхищается вами. Не каждая девушка вашего положения станет жертвовать всем... ради отребья.

Аманда видела: он испытывает ее, нарочно говорит эти слова, чтобы увидеть реакцию. Подловить проблеск тайных эмоций, завладеть ими...

Мерзавец!

А она, увы, не могла скрыть, как много Джек для нее значит. Сердце дергалось каждый раз, как он оскорблял его... До боли хотелось выкрикнуть: «Замолчи! Ты и в подметки ему не годишься».

— Вам не о чем волноваться, Аманда, — ладонь Брэдфорда неожиданно накрыла ее правую руку, — здесь вы можете быть собой, независимо от наклонностей и пристрастий. Здесь вы можете... иметь «другом» кого захотите... Никто из нас вас не осудит! Мы знаем, что значит ходить по самому краю. Играть с огнем... обжигая пальцы.

Аманда отдернула руку, ей показалось, она словно кролик перед удавом, введена в транс, дезориентирована.

— Я не играю с огнем, — с трудом прошептала она.

— Вы уверены? — отозвался мужчина.

И улыбка его была по-отечески доброй.

Аманду от нее замутило...

— Выпейте немного вина, вы побледнели. — Он заботливо подлил ей вина и только тогда переключился на разговор, который вели Бойд и Картер на другой половине стола.

Аманда сделала только глоток — на большее не было сил — и ощутила себя такой донельзя одинокой, что захотелось заплакать. Уткнуться в колени и выплеснуть всё напряжение этого и всех бывших до него дней...

Но плакать было нельзя.

— Чем вы сегодня нас удивите? — раздался голос Томаса Картера. — У вас всегда что-нибудь припасено. Мы в нетерпении!

Брэдфорд хлопнул в ладони, и в столовую ввезли столик с румяным, пряно пахнущим травами пирогом. Мужчина в пекарском колпаке подал хозяину нож и показал, как нужно резать... Надрезать сбоку по самому краю.

Брэдфорд улыбнулся гостям...

— Что ж, звучит весьма интригующе! — произнес, поигрывая ножом.

А потом принялся резать...

Разговоры за столом разом умолкли, все замерли в ожидании обещанного сюрприза.

И вдруг... стоило Брэдфорду поднять корку... из пирога вспорхнули несколько голубей.

Живых, кипенно-белых...

Дайана вскрикнула от неожиданности, вскочила со стула и даже в ладоши захопала. Казалось бы, более сдержанная миссис Бенсон и та глядела на птиц, бьющихся под потолком, с нескрываемым восхищением...

— Распахните окно, — сказала она, — пусть летят, бедные птички.

Картер первым бросился выполнить ее просьбу: распахнул створку окна и отступил.

Птицы кружились под потолком, бились о стекла, не замечая распахнутого окна, и Аманда подумала, что она как эти голуби: бьется в надежде отыскать призрачный выход.

Но будет ли он, понятия не имеет.

— Вот они и свободны!

Птиц, наконец-то, выпустили на волю, и гости, растревоженные удивительным зрелищем, продолжали его обсуждать, заглядывали в пирог, гадали, как удалось такое устроить.

В конце концов все потянулись в библиотеку, где женщин ждал чай, мужчин — крепкий виски.

Дайана ничуть не смущаясь флиртowała с молодым Картером, строила ему глазки, и это казалось, мало кого интересовало.

Энджелина Бенсон лишь заметила вскользь:

— И он считает, что познал женщин... Мальчишка! — Потом обратилась к Аманде: — Как получилось, что вы оказались хозяйкой приема? Такая милая девочка... аристократка... Мне не хотелось бы...

Голос хозяина дома прервал ее речь:

— Дамы и господа, полагаю, пришло время для главного события нашего вечера! Готовы?

Миссис Бенсон пожалала плечами, Холт как будто бы стал еще меньше, а Дайана и Картер как-то натянуто улыбнулись... Один Бойд казался довольным.

— Готовы, — ответил он за всех разом.

И Брэдфорд дернул сонетку.

Вошедший слуга — после Аманда узнала, что это камердинер хозяина — внес в комнату две инкрустированные слоновой костью шкатулки. Поставил обе на стол и удалился без единого слова...

— Ваш выход, моя дорогая, — обратился Брэдфорд к Аманде.

Подавал ей руку и вывел к столу...

Вот он, подумалось девушке, тот самый момент...

Дэвид был прав: в Блае происходит что-то особенное.

И ей предстоит узнать, что...

— На правах хозяйки нашего маленького, почти семейного праздника, дорогая, — произнес Брэдфорд, откидывая крышку первой шкатулки, — вам выпала честь тянуть первый лот.

— Не понимаю...

В шкатулке находились сложенные квадраты бумаги: абсолютно одинаковые на вид, они казались совсем безобидными.

В чем же подвох?

— Просто выберите одну из этих записок, — не стал вдаваться в подробности ее оппонент. — Полагаю, это не сложно? — И мягко подтолкнул Аманду к столу, коснувшись холодными пальцами поясницы.

Она вытянула одну из записок.

— Хозяйка сделала первый выбор, — провозгласил Брэдфорд, забирая бумагу и помещая ее под стеклянный колпак на подносе. — Время сделать второй.

— Еще раз?

— Из шкатулки под номером два, — ответил мужчина. — Но в этот раз тянуть будут все... — И приказным тоном: — Возьмите шкатулку, миссис Уорд, и подойдите к каждому из присутствующих.

Аманда нехотя подчинилась: подняла шкатулку и направилась к миссис Бенсон, она сидела ближе всего. Лицо у нее было сосредоточенным... на шкатулке... или на выборе... Сложно сказать. Только руку в нее она опустила не сразу, как будто про себя читала молитву.

В конце концов, зажала клочок бумаги в своем кулаке...

И Аманда направилась к Томасу Картеру.

Тот в силу характера взял записку с улыбкой, наигранной или естественной — не разобрать.

А вот Дайана ее удивила: губы ее неожиданно задрожали, она с мольбой поглядела на Брэдфорла, словно просила не заставляя ее делать выбор, но все-таки вытасила одну из записок.

Бойд и тихоня сделали выбор бесстрастно, словно всего лишь купили новые запонки.

Брэдфорд не выбирал...

Аманда вернула шкатулку на стол, хозяин опустил обе крышки и снова потянул за сонетку — тот же слуга забрал их в то же мгновение.

В библиотеке повисло мрачное напряжение... Оно мурашками пробежало по коже, и плечи в вечернем платье зябли, несмотря на близость камина.

— Шампанского? — спросила Дайана, прерывая повисшую тишину.

Казалось, привела общество в чувства... Люди вдруг ожили и закивали.

— Шампанское — именно то, что нам нужно, — поддакнул девушке Картер. И поглядел на хозяина: — Уверен, вы нам не откажете.

— Как можно, — живо откликнулся тот. — Я как раз приобрел чудесную партию из Кентербери, да не было повода, чтобы опробовать.

Он снова потянул за сонетку и отдал распоряжение появившемуся слуге.

Аманда, ровным счетом не понимая, что происходит, присела возле Дайаны.

— Скажи, что это было? — спросила она как можно тише, имея в виду записки в обоих шкатулках.

Но девушка ей улыбнулась:

— О чем ты, глупышка? Сейчас выпьем шампанского и — танцевать. Как же хочется танцевать! — Она подхватила с дивана и потянула Картера за руку. — Потанцуй со мной, — почти потребовала она, опуская руки на его плечи.

Молодой человек не заставил просить себя дважды: обвил ее талию руками, притянул к себе ближе дозволенного и закружил по центру библиотеки.

— В гостиной танцевать будет удобней, — сказал Брэдфорд, глядя на обоих с улыбкой. — Там есть рояль, и Кори мог бы сыграть нам, как и обычно.

Кори Холт и здесь отозвался всего лишь кивком, подтверждая, что мог бы.

Вернулся слуга с фужерами и шампанским... Дайана осушила свой почти залпом, запыхавшаяся после беззвучного вальса, она все еще льнула к своему кавалеру, и тот подлил ей вина из бутылки.

Она выпила и его.

А после все потянулись в гостиную... Грянула музыка. Бойд пригласил Аманду на

танец... Она кружилась по залу, словно в каком-то фантазмагорическом сне. Краски смешивались и плыли... Вместе с ними таяла и реальность.

Когда сотни часов этого странного дома пробили полночь на разные голоса, люди вдруг замерли, как-то разом все смолкли... А после заторопились по своим комнатам.

Аманда захлопнула дверь гостевой спальни и без сил рухнула на кровать.

Лежала, обдумывая события вечера, пыталась докопаться до сути... И встала, когда, как ей показалось, всё в доме затихло.

Ей нужно встретиться с Тоддом, выяснить, не узнал ли он что-то о событиях в доме. Что за странная лотерея происходила в библиотеке?

Аманда выскользнула за дверь и прислушалась: тихо.

Тодд будет ждать ее в холле под лестницей — так они стоворились еще по дороге — и девушке предстояло, не заплутав в переходах, найти дорогу на первый этаж. Она старалась запомнить её как можно лучше, но все-таки волновалась...

К тому же было темно.

Очень темно...

— Перестань быть трусихой, — самой себе сказала она и направилась по коридору.

Почти наощупь...

Ведя рукой по стене.

Вдруг где-то скрипнула половица...

Не под ее ногами — где-то дальше по коридору.

И тень как будто мелькнула...

Аманда замерла было, почти готовая броситься в свою комнату, запереться в ней до утра и носа наружу не высовывать, но мысль о Джеке остановила ее: он нуждается в ней. Ради него она обязана быть смелее...

И будет.

Она сорвалась с места и почти добежала до лестницы, даже странные шорохи не остановили ее. Они доносились со всех сторон разом, казались стонами старого дома, его жалобами на судьбу... Аманда почти не помнила, как сбежала по лестнице, и едва ли не вскрикнула, когда кто-то зашевелился в углу.

— Мэм, это я, — прозвучал голос Тодда, — Тодд Вилкс. Не бойтесь!

— Боже мой, Тодд... — Аманда прижала руку к груди, попыталась сдержать сбившееся дыхание.

Не выходило...

Страх все еще тек по ее венам, растворенный в крови, и проходить не собирался.

— Ты что-нибудь выяснил? — спросила она через силу. — Что-нибудь важное?

Парень замотал головой в темноте, но поняв, что она этого не видит, ответил:

— Боюсь, ничего важного, мэм. Только то, что многие слуги уходят этой ночью из дома, нас же, слуг гостей, прибывших на уикенд, запирают в спальном крыле для слуг.

— Запирают? Но для чего?

— Я не знаю. Мне с трудом удалось выбраться, чтобы прийти сюда! А еще на меня все как-то странно смотрели, — добавил Тодд, — и вопросы непонятные задавали...

— Какие?

— Действительно ли вы настоящая леди и как давно я служу вам?

Значит, слуги, пусть отчасти, но догадывались о происходящем в поместье...

— Ты должен быть настойчивей с ними, — сказала Аманда, — им точно немало

известно. Но, боюсь, уже этой ночью что-то случится... Мне пришлось тянуть странные лоты в библиотеке, и я понятия не имею, что они значат.

В этот самый момент кто-то вскрикнул на лестнице над ними, послышался перестук торопливо бегущих вниз ног... По холлу к кабинету хозяина метнулась темная тень и затарабанила по двери.

Этот звук пробудил перешептывающийся в темноте дом и, казалось бы, всех людей в нём, однако, Аманда не слышала никого.

Никто не спешил выяснить, что случилось...

— Брэдфорд, — узнала Аманда истерический голос Дайаны, — Брэдфорд, открой! Помоги мне, сукин ты сын. — Брэдфорд не отзывался. — Ублюдок, — в сердцах припечатала девушка, не по-дамски грохнув по створке дубовой двери ногой в мягком тапочке.

И снова они с Тоддом слышали чьи-то шаги, осторожные, тщательно выверенные, крадущиеся...

Дайана их тоже слышала.

Снова заколотила по двери, но тщетно, и Аманда слышала ее слезы...

Дайана Бишоп была страшно испугана.

Но почему?

Шаги на лестнице смолкли, вместо них будто что-то взрезало воздух, а после с силой ударило в дверь хозяйского кабинета.

Девушка закричала и бросилась прочь — Аманда слышала, как Тодд прошептал:

— Арбалетный дротик. Звук очень похож...

— Дротик... Но зачем кому-то использовать арбалет против Дайаны?

Стрелявший более не таился: пронесся по лестнице вслед за жертвой. Через секунду пробежал еще кто-то...

Как будто бы женщина.

— Я должна ей помочь, — сказала Аманда. — Дайана в панике. Просто будь здесь!

И она, выскользнув из-под лестницы, добежала до кабинета — Тодд оказался прав: арбалетный дротик впился в дерево на уровне головы — прислушалась: в кабинете был кто-то. Должно быть, Брэдфорд...

Но почему он не отпер, когда стучала Дайана?

Или, когда в створку вонзилась стрела...

Или всё заранее запланировано? Всё именно так быть и должно.

Снова закричала Дайана, да так, что дрогнуло б самое черствое сердце.

И Аманда побежала на крик...

Миновала бильярдную... библиотеку... и вдруг увидела бледное лицо Бойда, подсвеченное лунным светом, льющим из окна. Он прятался в нише с цветами и, заметив ее, на мгновение замер...

— Миссис Уорд? — он удивился. — Что вы здесь делаете, разве вас не заперли в комнате на ночь?

— Должно быть, забыли...

Бойд усмехнулся.

— Вам здесь нечего делать, миссис Уорд, благодарите звезду, под которой родились.

— Я слышала, как кричала Дайана, — отчеканила она твердо. — Что здесь происходит?

— Вам лучше не знать.

Как раз в этот момент снова закричала Дайана, и Бойд, выскользнув из укрытия, заторопился на крик.

Аманда следом...

Дайана Бишоп выбежала из дверей на половину для слуг, они столкнулись буквально лоб в лоб, остановилась, заметив обоих, — такого ужаса Аманда еще не видела на человеческих лицах — хотела бы броситься прочь, да у нее за спиной маячил тихоня, мистер Холт, а еще миссис Бенсон... с маленьким арбалетом.

— Сволочи, — прошипела она, — сволочи и ублюдки, вот вы кто. Ненавижу вас, мерзкие твари!

Ее красные зареванные глаза горели безумным огнем, волосы вздыбились, словно шерсть на загривке животного.

— Ничего личного, Ди, — произнес Бойд, — сама знаешь: так надо.

— Сволочи...

Аманда заметила, что они сжимают кольцо, идут на нее, как на добычу, и сделала то единственное, что пришло в голову...

Оттолкнула Бойда к стене и закричала:

— Беги!

Дайану не пришлось просить дважды: воспользовавшись секундной заминкой, она стрелой пронеслась мимо Бойда, и девушки, сцепившись руками, что было мочи побежали по коридору.

— Это ты должна была быть на моем месте! — заявила Дайана, едва они захлопнули дверь библиотеки и подперли ее большим креслом. — Ты, а не я.

И она шмыгнула носом, утирая бегущие из глаз слезы.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Аманда.

— То, что жертвой должна была быть именно ты! — зло отозвалась та. — Всегда было так. Всегда... — И снова шмыгнула носом. — Именно потому Брэдфорд и приводил этих смазливых безродных девиц, шлюх из борделя, чтобы их смерть никого не затронула.

Аманда ушам не поверила:

— Вы убиваете девушек ради забавы?

— Девушек? Боже мой, они шлюхи, Аманда, можно сказать, мы избавляем их от страданий, — сказала и как-то враз сникла Дайана. — Прости, я говорю страшные вещи, я знаю, — заныла она. — Это все Брэдфорд с его проклятыми играми: он развратил нас, заставил играть по своим правилам. А мы и не думали, что все будет так...

— Как так, Дайана?

— Так смертельно опасно, вот как, — закричала та, метнувшись по комнате. — Так неправильно...

— Расскажи мне. — Аманда поймала собеседницу за руку и заставила посмотреть на себя. — Расскажи, что значила та лотерея... Почему эти люди за дверью хотели убить тебя?

Девушка головой замотала, вцепилась в нее, как в единственное спасение:

— Мы что-то вроде клуба самоубийц, понимаешь? — сказала она. — Фаталистов, без страха готовых рисковать своей жизнью. Ты слышала о «русской рулетке»? — спросила она. — У нас что-то вроде того, только вместо пуль мы используем эти записки.

— Но это безумие.

— Вовсе нет, — возразила Дайана, — на самом деле, вытянуть среди сотен записок

одну из шести с нашими именами — шанс такой призрачный, что со временем мы перестали бояться. Острота ощущений прошла, и тогда Брэдфорд предложил новые правила... — она посмотрела на дверь. — Рисковать не только собой, но и возможностью совершить преступление.

— Не понимаю...

Дайана вытерла нос.

— Каждый раз, как хозяйка вытягивает пустой лот, она все равно, что подписывает свой приговор: она как бы обязана заместить одного из семи. А второй лотереей, когда записку тянет каждый из нас, выявляется тот, кто должен совершить преступление...

— Убить эту девушку?

— Да.

Аманда прижала руки к щекам, почти рухнула на диван, не в силах такое даже вместить.

— Но зачем, — спросила она, — зачем вам делать такое?

— От скуки, должно быть... — Дайана пожала плечами. — Разве тебе никогда не бывает по-настоящему скучно? — спросила она. — Настолько скучно, что пресность сводит с ума. Правда, со временем мы догадались, что Брэдфорд использовал нас в своих целях, — продолжала она, не дожидаясь ответа, — привязал нас к себе этими преступлениями, сделал своими марионетками. Мы стали зависимы от него...

Аманда хотела знать лишь одно:

— И ты тоже... делала это?

— Убивала? — Аманда молча кивнула. — Пришлось как-то, да. Правда, все обошлось толикой яда... Смерть была быстрой, я ведь не монстр, Аманда.

— И сегодня... в эту самую ночь, один из вас мог бы убить и меня?

— Так гласят правила, — без смущения призналась Дайана. — «Хозяйка» всегда становится жертвой... Но в этот раз убить хотели меня. Причем все разом! А это уже против правил.

И сказав это, она подергала створку окна.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Аманда.

— Хочу посмотреть в глаза Брэдфорду, — отозвалась Дайана, — посмотреть и спросить, что все это значит.

Створка, наконец, поддалась, и девушка полезла на подоконник.

— Что ты собралась делать?

— Пройти по выступу до окна его кабинета и заставить выслушать меня. Он всегда прячется в нем во время охоты... Заставляет нас следовать своим правилам, сам же остается чистеньким. Ничего, — она уже выбиралась наружу, — я заставлю его объяснить мне, что здесь происходит.

— Ты убьешься!

— И не подумаю: Брэдфорд ответит за всё, я тебе обещаю.

Выступ, по которому передвигалась Дайана, был совсем крохотным, не больше нескольких дюймов, но ее босые ноги, словно плети плюща, вжимались в него, и она двигалась очень уверенно. Аманда глядела на это, как на очередное безумство... И хотела бы остановить девушку, но понимала, что на кону ее жизнь: люди за дверью готовы придерживаться правил игры, несмотря ни на что.

Холодный осенний ветер холодил комнату... Но Аманда продолжала следить за Дайаной, пусть дрожь и пробирала ее до костей, а зубы клацали друг о друга как кастаньеты.

Кажется, она отходила от шока...

А рано.

Закричал какой-то мужчина...

Его крик, похожий вскрик удивления, заставил Аманду прислушаться, замереть на мгновение.

— Дайана, — Аманда выглянула наружу, выискивая фигурку Дайаны, — ты это слышала? Кто-то кричал...

Каменный выступ мешал рассмотреть девушку целиком, она видела только край ее платья, маячивший, как полагала Аманда, у окна хозяйского кабинета.

— Господи, — услышала она только, — с ним что-то случилось...

— С кем? Что происходит?

Через долгие, как показалось Аманде, минуты Дайана ввалилась в комнату с посиневшими... только ль от холода губами? У нее тряслись руки, и девушка, схватив плед, накинула его ей на плечи.

— Дайана, ты знаешь кто это кричал? — спросила она.

И та, клацнув зубами, отозвалась:

— С Брэдфордом что-то случилось. Кажется... умер...

— Умер? Ты видела что-то?

Но Дайана вместо ответа направилась к двери.

— Нужно попасть в его кабинет, — сказала она. — Увидеть, что с ним... — И вдруг взмолилась: — Спаси меня от этих безумцев за дверью. Не дай им убить меня!

Аманда пообещала:

— С тобой ничего не случится. — Потом они отодвинули кресло, пусть в нем и не было надобности, и щелкнули механизмом замка.

Все четверо бывших преследователей стояли у кабинета хозяина дома с озабоченными, полными паники лицами. Казалось, напрочь забыли и об играх своих, и об Дайане...

Заметив Аманду с вцепившейся ей в предплечье товаркой, молодой Картер только заметил:

— Брэдфорд кричал в кабинете. Вы тоже слышали это?

— Дайана кое-что видела... — подтвердила Аманда. — И она говорит: Брэдфорд...

— ... Умер, — почти выплюнула за нее девушка. — Этот ублюдок корчился на полу как червяк.

Все замерли, явно не веря в услышанное, полагая, что Дайана сболтнула это от злости, и Бойд откликнулся первым:

— Ты всё придумала... Брэдфорд не может быть мертв.

— Я сама видела это через стекло, — почти с радостью призналась Дайана. — Хотела поговорить с ним, выяснить, что за безумие здесь происходит, а он... даже не заметил меня, казалось, разговаривал с кем-то у секретера. Я видела, как двигались его губы... А потом... он закричал...

Бойд подступил совсем близко, казалось, хотел вцепиться ей в горло.

— Ты лжешь, — процедил едва слышно. — Признайся, что лжешь... — И закричал в голос: — Где этот Бейли с ключами? Откройте уже эту чертову дверь, будь оно все неладно.

Аманда услышала, как Дайана подошла к Картеру и вцепилась ему в подбородок:

— Ты хотел убить меня... милый? — прошептала она с придыханием. — Прямо в сердце... из револьвера... Ай-яй-яй, какой нехороший маленький мальчик!

И поглядела на Бенсон и Холта, обычно державшихся вместе.

— Ты неплохо стреляешь, — обратилась она к Энджелине, — но все-таки недостаточно хорошо, чтобы лишить меня жизни. Придется потренироваться на кроликах!

В этот момент они увидели Бейли: перепуганный камердинер в наспех надетой ливрее, спешил к ним с ключами от хозяйского кабинета.

Бойд выхватил их у него едва ли ни с пальцами:

— Почему ты так долго? — зло укорил он слугу и выругался, несмотря на присутствие дам.

Дверь открылась через секунду...

Члены созданного Брэдфордом клуба застыли на самом пороге, не решаясь войти...

Из-за стола торчали чьи-то ботинки.

— Это Брэдфорд? — первым произнес Картер. — Отсюда не видно лица.

— Естественно это он, — отозвалась Дайана. — Я видела, как он рухнул на том самом месте. И корчился как...

— Замолчи, — оборвал ее Бойд, наконец, переступая порог. — Ты знала правила нашей игры, вот и не строй из себя оскорбленную добродетель. Мы не виноваты перед тобой...

И та язвительно отозвалась:

— А то, что вы делали это вместе, разве по правилам клуба? Разве карта убийцы не выпадает лишь одному? — И она окинула каждого взглядом.

Должно быть, они и сами обсуждали это, стоя за дверью, так как миссис Бенсон сказала:

— Мы все вытянули карту убийцы. Не знаем, как это возможно, но мы не знали об этом, пока не сошлись в коридоре...

Дайана, казалось, опешила, эта эмоция явственно проступила на её почти детском лице.

— Такого не может быть, — прошептала она. — Такого никогда не было... Разве что... Брэдфорд хотел избавиться от меня!

— Зачем бы ему желать этого? — Картер покачал головой. — К тому же... первый лот тянула наша новая гостья.

Они все поглядели на Аманду, и та поспешила сказать:

— Я даже не знала, что всё это значит, пока Дайана не рассказала мне правды. Я понятия не имела о ваших... играх...

— Где шкатулки? — обратилась Дайана к камердинеру Брэдфорда. — Я хочу посмотреть, что было в каждой записке в первой из них.

— Они здесь, насколько я знаю, мэм.

— Покажи!

Бойд одернул ее:

— Не знал, что ты такая эгоистичная сука, Дайана. Брэдфорд, возможно, нуждается в нашей помощи, ты же думаешь лишь о себе!

— Так чего же ты топчешься на пороге, папочкин прихвостень?! — она не осталась в долгу. — Беги и спаси его, если можешь творить чудеса. Я-то знаю, что это конец... — заключила, направляясь к шкатулкам, на которые указал ей дворецкий.

Бойд, наконец, обошел письменный стол и увидел перекошенное лицо старого друга.

Его закатившиеся глаза и пена в уголках губ не оставляли надежды на добрый исход...

— Он как будто испугался чего-то, — заметила миссис Бенсон, приблизившись к трупу

и встав подле Бойда. — Лицо перекошено ужасом... Ты говорила, он с кем-то беседовал, — обратилась к Дайане, — ты видела, с кем?

— Я лишь видела, как шевелятся его губы, — ответила девушка, — в комнате я никого не заметила.

— Как же он в таком случае умер?

Они огляделись, рассматривая полумрак кабинета, Бойд подошел и подергал оконные ручки.

Констатировал:

— Заперты все до единой. Не думаю, что в этой комнате был кто-то, помимо Брэдфорда... Дверь, как мы уже могли убедиться, также была заперт изнутри.

— Тогда что с ним случилось?

— Сердечный приступ? — предположил Бойд.

— Но он кричал... Ты сам слышал, как он кричал, — возразила Энджелина Бенсон. — Так кричат в смертельном испуге... агонии...

Дайана, взявшаяся рассматривать шкатулку с записками, в этот момент громко ахнула и осела на краешек стула.

— Я так и знала, что здесь что-то нечисто, — прошептала она. И тут же вскочила: — Вот, посмотрите, — кинулась она к Бойду, — на каждой из этих бумажек стоит моё имя. Моё и больше ничье! Давай, погляди и скажи, что это не так, — истерически взвизгнула она, вручая мужчине шкатулку с записками.

Тот опустил ее на письменный стол и вытащил пару бумаг наугад. На каждой из них стояло имя Дайаны Бишоп...

— Но как? — произнес он, не веря глазам.

Миссис Бенсон раскрыла еще несколько штук...

Все то же самое: имя Дайаны на каждой.

— Этого не должно быть, — сказала она. — Не понимаю...

Картер и Холт тоже подошли к остальным и принялись раскрывать одну за другой сложенные записки. Когда в шкатулке ни одной не осталось, Дайана, наблюдавшая за ними с остервенелым вниманием, заявила:

— Полагаю, это значит только одно: кто-то из вас хотел моей смерти. Осталось выяснить кто...

Четверо у стола обернулись на нее с явно выраженным недоумением на лицах.

— Хочешь сказать, кто-то из нас подстроил вот это? — высказалась за всех миссис Бенсон, указав на гору раскрытых записок с именем девушки. — Но зачем? Это полный абсурд.

Но Дайана была слишком взвинчена, чтобы мыслить разумно, она зашипела:

— Абсурд, говоришь, я не была бы так в этом уверена. Может быть, именно ты это и сделала...

— Я? Да за чем бы мне это?

— Затем, что ты всегда меня недолюбливала. Разве не так?

— И, по-твоему, это достаточный повод, чтобы убить? — отозвалась миссис Бенсон с возмущенным смешком. — Ты совсем лишилась рассудка, Дайана. Впрочем, если когда-то и вовсе имела его... — заметила она в заключение.

И девушка ткнула пальцем в ее сторону:

— Вот, поглядите, она явно ненавидит меня.

— Половина наших знакомых ненавидит друг друга, Дайана, — миролюбиво заметил Бойд, — и это еще не повод, чтобы убить.

— Но вы хотели убить меня! — закричала на это она.

— Только следуя правилам, но не более...

Дайана прищурила узкие щелочки глаз и подошла совсем близко к нему.

— В прошлый раз я тебе отказала... Выбрала Картера. Ты мог не смериться с отказом...

Бойд, казалось, смутился, услышав подобное обвинение.

— Я не стал бы убивать тебя из-за такого, — вскинулся он. — Что за чушь! К тому же то был просто флирт... Кто из нас без греха? — поглядел он на каждого.

И Дайана, проследившая этот взгляд, заметила вдруг Аманду.

— Как раз когда появилась она, от меня решили избавиться, — сказала она. — Почему Брэдфорд ее пригласил? — посмотрела она снова на Бойда. — Ты его друг, тебе он должен был рассказать...

Тот ослабил узел шейного платка и произнес:

— Девчонка, которую он нашел, сбежала, и Брэдфорд как раз искал новую, когда ему подвернулась... миссис Уорд, — он мельком поглядел на Аманду и отвел взгляд. — Она что-то хотела получить от него... Вот он и воспользовался моментом. К тому же... у них с Уордом были свои давние счеты!

— С моим мужем? — удивилась Аманда.

— Вы не знали?

— Брэдфорд мне не сказал.

Бонд невесело усмехнулся.

— Он никогда не делает... делал, — исправился он, — ничего просто так. В любом случае появление миссис Уорд не было его давней задумкой, Дайана...

Но та уже подступила к Аманде:

— Что ты хотела от Брэдфорда, расскажи? — потребовала она. — Что заставило девушку вроде тебя согласиться на этот уикенд?

Аманде совсем не хотелось излить душу перед этой компанией, но ответить все-таки следовало.

— Он обещал назвать мне имя убийцы в борделе на Карнаби-стрит, — сказала она. — Он сказал, что знает его...

Лицо Дайаны расплылось в широкой улыбке.

— Кто бы подумал, что «мисс добропорядочность» вообще знает слово «бордель», — хохотнула она. И спросила: — И что, кем тебе приходился этот убитый: любовником?

— Не думаю, что вас это касается, — отозвалась Аманда. — Брэдфорд мертв, и ответить уже мне не сможет.

— То есть тебе убивать его не было смысла? — как бы уточнила ее собеседница.

И Аманда как можно спокойней произнесла:

— Мне казалось, причина его смерти вполне естественная, разве не так? Комната была заперта, он был в ней один.

— В отличие от меня, которую точно хотели убить... — прошипела Дайана.

И дворецкий, все это время пытавшийся что-то сказать, наконец подал голос:

— Простите, что вмешиваюсь, господа, но бумага, используемая для этих записок, не та, которую мы с мистером Брэдфордом использовали изначально. Вот, — он осторожно обошел ноги хозяина и указал на набор писчей бумаги с оттиском герба Брэдфордов в

верхнем углу, — мы брали эту. Здесь же, — он указал на другой набор, — бумага попроще... Хозяин использовал ее для заметок и других менее важных записей.

— То есть содержимое обеих шкатулок было подменено? — уточнил мистер Бойд.

— Полагаю, что так, сэр.

— Где шкатулки хранились до лотереи?

— Здесь, в кабинете хозяина.

— У кого есть доступ к нему?

Дворецкий сглотнул.

— У меня и у мистера Брэдфорда, сэр, — ответил с явным испугом. — Он всегда запирает кабинет, приготовив шкатулки.

Бойд вкрадчиво осведомился:

— И ключ вы никому не давали?

— Боже упаси, сэр. Зачем бы мне делать такое? Хозяин мне доверял.

Дайана продолжала метаться по комнате, кусая губы и заламывая руки.

— Кто бы это ни сделал, — твердила она, — он хотел моей смерти. Вы все хотели моей смерти! — заявила она, повысив голос до крика. — Покажите свои записки. Вдруг кто-то из вас лжет!

— Дайана, прошу тебя, успокойся. — Картер первым подошел к ней и погладил по хрупкому плечу, не прикрытому платьем. — Мы бы не стали вредить тебе... Никогда. — И он вытащил из кармана клочок белой бумаги. — Вот что мне выпало во второй раз.

— Карта убийцы, — расправила Дайана бумагу.

— У нас тоже, — подтвердили Бойд и остальные.

Каждый из них показал девушке ту же карту — Дайана снова рухнула на диван и закрыла лицо руками.

Аманда и остальные молча переглянулись: ситуация выходила престранная. Казалось, никто не знал, как быть дальше...

— А вдруг это был Брэдфорд, — произнес неожиданно Холт. Аманда подумала, что впервые услышала его голос... — Вдруг это он устроил подмену записок в шкатулках?

— Зачем? — поинтересовалась Энджелина Бенсон.

— Затем, что ему нравилось менять правила, — снова вскочила с места Дайана. — Издеваться над нами. Как же я сразу об этом не подумала?! — Она подскочила к мертвому телу, казалось, хотела встряхнуть его хорошенько или пнуть по-плебейски.

Это было вполне в ее духе...

Но Дайана Бишоп сдержалась. Долго глядела на мертвеца с перекошенным страхом лицом, а потом прошептала:

— Я рада, что ты издох, мерзкий ублюдок.

Плечи ее поникли, вся она как-то съежилась, и Аманда, испытав приступ невольной жалости, взяла ее за руку.

— Тебе лучше пойти в комнату и отдохнуть. Хочешь я побуду с тобой?

Девушка молча кивнула и почти повисла на ней, когда они выходили из кабинета. Силы ее совершенно оставили...

Аманда осталась с Дайаной: сидела подле нее на кровати и держала за руку.

Они друг с другом не говорили: каждая думала о своем.

Часы в доме пробили четыре часа, когда Аманда заметила, что ее подопечная

задремала...

Она встала и, размяв ноги, пересела в кресло у камина. Выходить из комнаты не хотелось: во-первых, она страшилась оставить Дайану одну, во-вторых, и самой не хотелось оставаться одной.

Было жутко от мысли, что в доме находится труп...

А ещё тот, кто намеренно подменил записки в обеих шкатулках.

В этом сомневаться не приходилось...

Уже начинало светать, когда Аманда тоже уснула, и проснулась, услышав, как Дайана зевнула.

— Доброе утро, — улыбнулась ей девушка, поднимаясь с постели. — Извини, что разбудила.

— Ничего, нужно спуститься и отправить за доктором, — сказала Аманда. — Он выяснит, что случилось с Брэдфордом...

— А с записками? Кто-то их подменил. Думаешь, это действительно сделал он сам?

— Я не знаю.

Дайана пригладила волосы и скривилась.

— Ненавижу эти уикенды без собственной камеристки, — сказала она. — Поможешь мне с волосами?

— Конечно.

Когда девушки, спустившись, проходили мимо кабинета хозяина, его в ней уже не было: как сообщил позже Бойд, тело перенесли в курительную и уложила там на кушетку. Это сделали ночью, когда они поднялись к себе...

— За доктором отправился Бейли, — продолжил просвещать их мужчина, — экономка сбежала вместе с лакеями. Должно быть, они испугались ночных событий...

— Это значит, мы остались без завтрака? — посетовала Дайана. И на укоризненный взгляд Картера поспешила заметить: — И что, от нервов я всегда делаюсь голодна. А нервов, видит бог, я истратила предостаточно...

В дверях библиотеки появилась Энджелина Бенсон, она окинула компанию взглядом и тут же сказала:

— Я стучала в комнату Холта, но он не ответил. Кто-нибудь видел его?

Все молча изобразили недоумение, только Картер заметил:

— Должно быть, он спит. Ночь была непростой, он, должно быть, недавно уснул...

Но Бенсон дернула головой, как-то нервно, отметая само это предположение.

— Боюсь, с ним могло что-то случиться... — сказала она.

— Глупости, — отмахнулся от ее слов Картер. — Не знал, что вы мнительны сверх всякой меры. Для подобных фантазий нет оснований...

— Но Брэдфор...

— ... Умер от сердечного приступа.

— А записки...

— ... Подменены им же. Бог его знает, зачем!

— И все-таки мне не спокойно...

Аманда видела, что беспокойство ее не наигранно, и собственная тревога, чуть ослабевшая с наступившим рассветом, снова закралась ей в душу.

— Давайте вместе проверим, что он в безопасности, — предложила Аманда. — Дворецкий вчера принес связку ключей... Не знаете, где она?

Бойд отозвался:

— Полагаю, что в кабинете. Я видел ее на секретере...

— Пойдемте. — Они вышли с миссис Бенсон из комнаты и, найдя связку ключей в кабинете (войти в него было непросто), направились к комнате Холта.

— Мы с Коди знакомы долгие годы, — поведала ей Энджелина дорогой, — он знал моего покойного мужа. — И почти простенала: — Это я привела его в это жуткое место... Тогда все казалось таким безобидным, таким забавным... А мне был нужен товарищ.

— Уверена, вы зря паникуете. Вот увидите, он просто спит!

Аманда первой постучала в дверь его комнаты: сначала негромко, после — настойчивей.

Холт не отзывался...

— Я знаю, с ним что-то случилось... — не унималась ее спутница все это время. — Я это чувствую.

В конце концов, Аманда из полусотни ключей выбрала подходящий, и дверь беззвучно открылась.

Коди Холт умер так же как жил: не издав ни единого звука, по крайней мере, никто ничего не услышал.

Он лежал у кровати с колотой раной в боку, и огромная лужа крови под ним успела подернуться пленкой.

Миссис Бенсон судорожно вздохнула, отступила, почти налетев на Аманду, а потом выбежала из комнаты. И уже в коридоре истерически зарыдала...

Проверить, жив ли Холт, не было смысла: слишком много пролитой крови, и Аманда огляделась в поисках орудия преступления. Его не было, только клочок какой-то бумаги...

Карты убийцы.

— Что происходит? — В комнату вошел Бойд, буквально ворвался. — Эта женщина только рыдает и... — Он умолк, глядя на мертвое тело. — Праведный боже! Он мертв?

— Полагаю, что так. Вот, — она протянула Бойду бумагу, — это лежало на ковре подле тела.

На пороге замерли Картер с Дайаной, он держал ее, приобняв за плечо, — оба казались совершенно шокированными увиденным.

— Карта убийцы? Не понимаю. Полагаете, она брошена здесь неспроста?

— Я не знаю. — Аманда повернулась, чтобы уйти. Она ощущала себя совершенно опустошенной... Рыдания миссис Бенсон ударяли прямо по нервам. — Пойду попытаюсь успокоить ее, — сказала она и прошла мимо отступившей парочки на пороге.

Энджелина Бенсон, скорчившись, словно скорбная плакальщица, рыдала, припав к холодной стене. Слезы капали с кончика ее покрасневшего носа и в целом обезображивали лицо, такое прекрасное в своей мраморной невозмутимости...

— Энджелина... миссис Бенсон, пойдемте, — Аманда взяла её под руку, — вам нужно присесть. Выпить чаю... Мне жаль, что вам пришлось это увидеть!

— Бедный Коди... за что его так? — простенала та заикаясь. — Он был такой безобидный... такой добрый... я не должна была приводить его в этот дом...

— Вы в этом не виноваты...

— Это я убила его... все равно что своими руками...

— Вы не ведаете, что говорите...

— Бедный мой Коди!

Аманда усадила миссис Бенсон в кресло в библиотеке, укутала ее в плед и дернула за сонетку. Вспомнила, как Бойд говорил о сбежавших экономке и слугах...

— Я приготовлю нам чаю и скоро вернусь.

Идти одной было страшно, и девушка, подхватив в холле увесистый канделябр, направилась в сторону кухни.

Неужели по дому бродит убийца?

На половине для слуг тишина оглушала...

Она стелилась вдоль стен почти осязаемым шлейфом, как будто нашептывала на ухо свои особые жуткие тайны и заставляла дышать через раз...

А потом раздались шаги.

Аманда обрадовалась бы им, да только тишина взбухла ими, подобно нарыву, — ей не понравилось их появление — и зашептала отчаянней: «Убегай! Беги, пока можешь. Беги!»

Аманда и побежала, да только вперед — не назад, и с разбегу налетела на...

— Тодд! Ты меня до смерти напугал.

— И вы меня, надо признаться. — Парень потер ушибленное канделябром плечо. — Я думал, это убийца...

В руках он держал кочергу, и девушке повезло, что не пустил ее в ход раньше времени.

— Холта убили, — сообщила она. — Ты спал этой ночью?

— Минут десять, не больше. Когда слуги узнали о смерти хозяина, страшно перепугались... Сказали, его постигло возмездие за грехи! Похватали кое-как вещи и бросились прочь. Боялись, как бы проклятие и их не коснулось...

— Проклятие?

— Так они говорят: мол, Блай под заклятием, ведь хозяин якшается с сатаной. Нечестивец, каких мало на свете!

Аманду пробрал невольный озноб, но она все-таки возразила:

— Я не верю в такое.

— И все же слуги ушли... Не помешало б и нам сделать то же.

Аманда кивнула, признавая его правоту: в поместье ее больше ничто не держало. Брэдфорд умер и унес свою тайну с собой...

Разве что Бойд что-то знает... Они были друзьями.

— Дай мне немного времени, Тодд, — сказала она. — Я только расспрошу Бойда: вдруг ему что-то известно. И чай... мне нужно заварить чай!

— Я вам помогу.

Вдвоем они ловко раздули угли в печи и поставили закипать чайник. Аманда раздобыла поднос, сервировал его не без помощи Тодда и вскоре уже спешила обратно в библиотеку...

— Вот и вы, — как будто бы с облегчением выдохнула Дайана. — Мы думали... — и замолчала.

Все было понятно без слов...

Они все были здесь: Бойд, Дайана и Картер. Миссис Бенсон всхлипывала, кутаясь в плед...

— Я приготовила чай, — сказала Аманда и опустила поднос на чайный столик. Начала разливать кипяток...

— Слуг, действительно, нет? — спросила Дайана.

— Ни одного. Мы остались одни...

Она подала первую чашку миссис Бенсон, и та благодарно ей улыбнулась.

— Спасибо, милая.

— Это поможет согреться...

Вторая досталась Бойду, третья — Дайане. Картер взял чашку нехотя...

Каждый прихлебывал из своей чашки в задумчивости, в полном молчании, и хрипы Энджелины Бенсон неожиданно оглушили.

За хрипами последовал стон, упавшая на пол почти опустевшая чашка и... крики Дайаны.

— По... мо... ги... те... — прохрипела несчастная, вцепившись пальцами в посиневшую шею.

Она задышалась, скрючившись в своем кресле, и никто не мог ей помочь...

Аманду буквально парализовало от шока.

Она так и застыла с чашкой в руке, пока агония миссис Бенсон не прекратилась.

Бойд тоже схватился за шею...

— Боже мой, нас отравили, — прошептал он в полном отчаянии, — в чае был яд.

Впрочем, он был все еще жив...

Как и Дайана, повисшая на плече Картера.

— Ты нас отравила! — он поглядел на Аманду. — Ты отравила Энджелину...

— Я не делала этого, — ужаснулась Аманда. — Я ни за что бы не стала...

Но Бойд бросился к ней:

— Ты готовила этот чай... значит, ты и отравила ее, — выкрикнул он, хватая девушку выше локтя и встряхивая что есть силы. — Может, и Холт — твоих рук дело, ну, признавайся?

У Аманды поплыло перед глазами от боли: Бойд сжимал ее руку все крепче, она едва могла это терпеть.

— Я не делала этого, отпустите меня, — попросила она.

— Ну уж нет. — Бойд поволок ее прочь из комнаты. — Я не позволю тебе убить всех одного за другим. Не позволю... Даже не думай.

И протаскивая упирающуюся Аманду по коридору к бильярдной, он распахнул правую дверь и, втолкнув ее внутрь, запер ту на замок.

Аманду заперли в крохотной гардеробной (или кладовке) посреди шляпных коробок и спортивного инвентаря. Единственным местом, где можно было присесть, был пуфик довольно затрапезного вида, но это было ей безразлично: Бойд обвинил ее в преступлении, о котором она понятия не имела.

Кроме того, умерла миссис Бенсон, умерла, отравленная из той самой чашки, которую налила ей она...

Как это случилось?

Все остальные, пившие чай, не пострадали.

Значит, яд был в ее именно чашке...

— Аманда... Аманда, ты там? — прозвучал голос из-за двери.

— Я здесь, — откликнулась она.

И Дайана продолжила говорить:

— Приходил доктор Саймон, Аманда, он осмотрел тело Брэдфорда и сказал, что его скорее всего... отравили.

— Отравили?! — Аманда прикинула к двери, чтобы лучше слышать и говорить. — Но

как? Он был в комнате совершенно один. Непил чая, насколько я помню... — добавила, вспомнив о смерти Энджелины Бенсон. — Да ты сама видела, как все случилось.

— Видела, — подтвердила Дайана. — Но доктор почти уверен в вердикте.

— А как же миссис Бенсон, ее он тоже осматривал?

Девушка отозвалась не сразу, Аманда даже подумала, не ушла ли она.

— Бойд решил, что ему лучше не видеть ее, — наконец, отозвалась она. — Как и Холта, само собой.

— Вы хотите скрыть преступления? Но это безумство. Нам нужно вызвать полицию...

— ... И они тебя обвинят.

Аманда стиснула руки, разрываясь между желанием вырваться из этого дома и страхом быть обвиненной одновременно.

— Они разберутся, — не очень уверенно отозвалась она. — Они поймут, что я не при чем.

— Ты так в этом уверена?

И Аманда тоже спросила:

— А ты веришь, что я не при чем? Прошлой ночью я не выходила из комнаты... мы были вместе.

— Я спала и не могу быть уверена... — чуть виновато отозвалась она. — Но я верю... да, верю. Я просто не понимаю, зачем бы тебе делать такое!

— Вот именно, незачем. Я даже не знала этих людей до вчерашнего вечера!

— Тогда кто? — Голос Дайаны пресекся, казалось, спазмом перехватило дыхание. — В доме остались только Бойд и... Картер...

Еще Тодд, но о нем Аманда молчала.

— Возможно, кто-то из них. Ты хорошо знаешь обоих?

Дайана сказала:

— Картер никогда бы не стал... он любит женщин, вино и хорошую жизнь, но убить... В прошлый раз он так и не смог справиться с девушкой... разве что хотел заговорить до смерти...

— Ты о девушке из борделя?

— Да. С ней после справился Бойд...

Обе враз замолчали, обдумывая эти слова.

Бойд был близок с хозяином дома...

Бойд был у него на крючке, как и другие...

— Ты можешь выпустить меня? — спросила Аманда.

— Ключ у Бойда, но я попытаюсь что-нибудь сделать, — пообещала Дайана. — Я скоро вернусь.

Однако прошел час и другой — девушка слышала бой часов в холле — а она все не возвращалась.

В гардеробной стало почти темно — то ли короткий день догорал, то ли свинцовые тучи обложили небо — к тому же Аманда озябла. Закуталась в обнаруженную на полке старую простынь и сидела, прислушиваясь к звукам притихшего дома...

А потом кто-то вставил в замочную скважину ключ.

Она дернулась, отчего-то враз испугавшись... Забилась подальше в угол и пожалела, что не прихватила одну из ключек для гольфа.

— Миссис Уорд.

Она выдохнула при звуках этого голоса и вскочила навстречу.

— Тодд, как же я рада видеть тебя!

Парень в явном смущении улыбнулся и, сунув руку в карман, выгреб оттуда ворох бумажек.

— Смотрите, что я нашел в мусорном баке на кухне, — сказал он Аманде. — Какие-то записульки на дорогой гербовой бумаге...

Она развернула некоторые из них: почти все пустые. Значит, записки в шкатулке действительно подменили, и сделал это не Брэдфорд... Он не стал бы выбрасывать их на кухне. Он вряд ли знал, где она вообще расположена...

— Где ты взял ключ? — спросила Аманда.

— В комнате мертвеца. Того, что закололи кинжалом... — отозвался молодой человек. — «Играл в прятки» с дворецким и набрел на нее... Смекнул, что это дежурная связка — Бейли хватился ее после возвращения с доктором.

— Значит, ты знал, что меня заперли?

— Я как бы приглядываю за вами... ради Джека, — признался Тодд, отводя взгляд.

У Аманды захолонуло глупое сердце. Всего лишь имя... всего лишь участие со стороны по сути чужого ей человека... А оно вон как, дергается и прошибает слезу.

— Спасибо, Тодд. Ты настоящий друг!

— Да что там...

Ровно в этот самый момент женский крик разорвал тишину дома, полоснул по и без того взвинченным нервам.

— Дайана, — произнесла девушка, и они с Тоддом бросились вон из комнаты.

Пронеслись мимо библиотеки и буквально взлетели по лестнице, где и застали Дайану с перекошенным страхом лицом и кровоточащей царапиной вдоль запястья... Яркие капли взбухали, пятная шелк белого платья, и капали на ковер.

— Меня хотели убить, — прошептала она. — Я едва успела заслониться рукой...

— Кто это был? — Аманда схватила ее за руку. — Ты его видела?

— Он был в маске...

Как раз подоспели Картер и Бойд, запыхавшиеся, как будто после долгого бега.

— Что с тобой, Ди? — Картер притянул к себе девушку. — Почему ты не в библиотеке?

— Я... я просто хотела найти кое-что, — ответила та, мельком поглядев на Аманду. —

Я и не думала, что... — она утерла бегущие из глаз слезы. — Что... — И закричала: — Я просто хочу убраться отсюда! Пустите, пустите меня.

Она вырвалась и побежала по лестнице вниз, распахнула входную дверь и выскочила наружу...

— Что она делает? — спросил Бойд, как бы смирившись с общим безумием происходящего.

— Должно быть, идет на конюшню.

— Не стоит ее отпускать...

Все трое — Аманда и не заметила, куда делся Тодд — бросились за ней следом. Сумерки почти догорели, ночь опускалась на Блай покрывалом... Они ускорили шаг, обогнули дом вправо, в сторону хозяйских построек, и увидели, как Дайана дергает дверь конюшни...

Большой амбарный замок не позволял войти внутрь.

— Дайана, прошу тебя, успокойся, — первым произнес Картер, касаясь ее плеча. — Мы

только что были здесь и пытались попасть внутрь, но безуспешно. Твой крик заставил нас возвратиться в дом, но...

— ... В любом случае, дверь закрыта надежно, — подхватил его слова Бойд, — до лошадей не добраться.

И та закричала:

— Я не останусь здесь ни на секунду! Пешком пойду, если придется.

— Четыре мили пешком... в темноте? — Бойд покачал головой. — Давайте хотя бы дождемся утра. — И он поглядел на Аманду: — Как вы выбрались, миссис Уорд? Не помню, чтобы вас выпускал.

— Она ведь не виновата, — вступилась за подругу Дайана, — и ты это знаешь.

— Но мы видели этого парня...

— ... Моего грума, — подсказала Аманда. — И он тоже к происходящему не причастен.

— Где же он в таком случае?

— Возможно, преследует нападавшего на миссис Бишоп, как знать.

Бойд и Аманда обменялись долгими взглядами, в итоге он лишь насмешливо улыбнулся, как бы прощая ей самовольство.

— Давайте запремся в библиотеке, — предложил Картер, чувствуя себя неуютно посреди ночной темноты, — и дождемся благополучно утра.

А Аманда добавила:

— Вам следовало вызвать полицию. Почему вы не сделали этого?

— Не думаю, что вас это касается, миссис Уорд, — припечатал Бойд, делая первый шаг к дому. — А со своими проблемами мы сами разберемся.

— Так же как разобрались с Энджелиной и Холтом?

— Что вы хотите этим сказать? — осведомился Бойд, резко остановившись. — Вы в чем-то меня обвиняете?

Я лишь говорю, что ваша игра вышла из-под контроля: мы можем запереться в библиотеке и дожидаться утра, но вдруг... убийца уже среди нас...

И Бойд, утратив на секунду самообладание, закричал:

— Я — не убийца, чтобы вы знали. Картер с Дайаной, уверен я, тоже... Так, может быть, это все-таки вы?

— И не я.

— Прекрасно, — Бойд развернулся на каблуках, — тогда запремся в библиотеке и дождемся утра.

Опустевший холл Блая наводил невольную жуть — четверо людей поспешили пересечь его как можно скорее. Юркнули в дверь библиотеки и заперли ее на замок...

Бойд подался было к выставленным на секретере графинам, да так и замер с откупоренной пробкой в руках: не решился налить себе даже капли.

Дайана и Картер уселись рядышком на диване — Аманда подтянула кресло к камину.

Так и сидели, пока не расслышали чье-то присутствие в холле...

Шаги, замершие за дверью их маленького приюта.

Они невольно переглянулись и замерли...

— Аманда, — позвал голос за дверью, — Аманда, вы там?

И девушка встrepенулась, подхватилась с кресла и бросилась к двери.

— Что вы творите? — Бойд перехватил ее по пути и больно стиснул запястье. — Кто

это?

— Мой муж, — выдохнула она. — Это мой муж.

Бойд так удивился, что даже выпустил ее руку и отступил.

— Но что он... здесь делает?

— Должно быть, приехал за мной.

Аманда отперла дверь, и фигура в черном плаще шагнула в комнату.

Джейкоб Уорд как-то враз заполнил собою пространство... Окинул присутствующих пристальным взглядом, и Аманда, ощутив бесконечное облегчение, кинулась ему прямо в объятия. Он сдержанно приобнял ее правой рукой...

— Что у вас происходит? — осведомился, сведя брови на переносице. — Дом темен, словно преисподняя, ни слуг, ни хозяев... Где Брэдфорд?

— Он мертв. — Бойд, справившийся с собой при виде неожиданного вторжения, сделал шаг к гостю. — Сердечный приступ...

— Но...

Протест Аманды потонул в настойчивых словах Бойда.

— ... Доктор констатировал смерть этим утром. Печальная правда!

Морщины на лбу Уорда, однако, ничуть не разгладились, лишь углубились.

— Тогда почему вы заперлись в этой комнате? — обратился он к Бойду.

— Возможно, мы так хотели...

Уорд смерил собеседника тяжелым, недоверчивым взглядом.

— А я бы хотел, уж не обессудьте, любезный, забрать супругу домой. — И поглядел на Аманду: — Будьте добры собрать свои вещи. Мы уезжаем немедленно!

У Бойда дернулся кадык.

— В таком случае, я хотел бы сказать ей несколько слов... — произнес он с напором.

— Так говорите.

— ... Наедине, — заключил Бойд с видимым недовольством.

И они пересеклись тяжелыми взглядами. Уступать ни один из них не хотел, девушка видела это...

К счастью, Дайана вскочила с дивана и попросила:

— Можно мне с вами? Я тоже хочу уехать из этого дома.

Бойд только глазами сверкнул.

— В экипаже хватит места для всех, — ответил Уорд. И повторил: — Аманда, где ваши вещи?

Та нехотя, но призналась:

— Я не хотела бы идти за ними одна...

— Я провожу, — вызвался Бойд, продолжая сверлить Уорда глазами.

Но тот взял супругу под локоть:

— Не знал, что вы так боязливы, моя дорогая, но буду рад проводить вас самостоятельно. — И потянул Аманду из комнаты.

Дайана тенью последовала за ними... Прильнула к Аманде с другой стороны. И тем самым помешала возможности говорить напрямую...

— Вы приехали в экипаже? — поинтересовалась Аманда у мужа. — Боюсь, конюшню заперли и взять наш не получится.

— Я скакал от самого Лондона, стоило только узнать, что вы в этом месте, — отчеканил Уорд. — Мне сказал Коупленд... Он за вас волновался.

Аманде стало донельзя стыдно: за поступок свой бесшабашный, за то, что на всю доброту со стороны собственного супруга ответить она могла лишь благодарностью — не любовью, как ей бы хотелось.

— Простите, — прошептала она. — Я все объясню...

— Дома я буду рад выслушать каждое ваше слово, а сейчас поспешите собраться.

Они как раз поднялись в ее комнату, и Аманда принялась кидать в саквояж свои вещи: их было немного, так что сборы не заняли много времени. Дайана все это время стояла в дверях...

— Разве ты не хочешь собрать свои вещи? — спросила Аманда.

— Я лишь хочу скорее отсюда убраться, — отозвалась та мрачным тоном.

У лестницы, словно призрак, маячил силуэт Бойда, он успел подхватить Аманду под руку и шепнуть прямо на ухо:

— Никому ничего не рассказывайте. Вам понятно?

Уорд возмутился:

— Что вы себе позволяете? Подите прочь.

Но Аманда коснулась его ладони.

— Позвольте мне отойти на минуту. Только минуту, я обещаю.

Ее супруг стиснул челюсти, крепко, должно быть, до боли, но выдохнул:

— Только минуту. — На Бойда он не смотрел.

И Аманда, отойдя вместе с Бойдом, первой спросила:

— Вы знаете, кто убил человека в борделе на Карнаби-стрит? Вы — друг Брэдфорда, он мог рассказать вам. Скажите мне, — почти взмолилась она, — вы мне обязаны за все это...

Но по его лицу поняла, что ответа, увы, не получит: Бойд его просто не знал.

— Девушками занимался не я, — отозвался он глухо. — Стокманн. Что с ним случилось в борделе, мне не известно... Знаю лишь: в дело был вовлечен полицейский. Брэдфорд платил ему за молчание и помощь в покрытии преступлений...

— Кто он? — спросила Аманда.

И Бойд покачал головой:

— Его имя мне не известно, но, если вы обещаете не распространяться о случившемся в этом доме... я узнаю его. Специально для вас!

В этот момент супруг взял Аманду за руку, оказался так близко, что, верно, слышал предложение Бойда.

И произнес:

— Как только мы окажемся в Лондоне, я самолично донесу о ваших грязных делишках в полицию, это я вам обещаю.

— Не посмеете. — Шипящим угрожающим полусшепотом выдохнул Бойд, но Уорд опустил руку в карман, и присутствующие рассмотрели в ней револьвер.

— Это мы еще посмотрим, — отозвался мужчина, одарив соперника ледяным арктическим взглядом, а после, развернувшись, потянул Аманду по лестнице вниз.

Дайана кинулась следом...

Картер, стоя как бы посередине между остающимся Бойдом и уходящей Дайаной, взмахнул рукой:

— Я тоже пошел. Ты с нами? — оглянулся он к Бойду с первой ступеньки.

Тот не ответил, только вцепился руками в перила, да так, что те заскрипели, и глядел не мигая.

Не дождавшись ответа, Картер последовал за Уордами и Дайаной. Те как раз поворачивали к конюшням, и Аманда спрашивала:

— На дверях железный замок. Как вы хотите открыть его?

— Очень просто.

Дайана вскрикнула, когда два револьверных выстрела разбили обод замка, и тот упал, звякнув, о землю. Перепуганный мальчик-конюх, запертый, как оказалось, внутри, помог мужчинам вывести экипаж и впрячь в него лошадей.

— Где ваш грум? — осведомился Уорд у Аманды, и только тогда девушка вспомнила снова о Тодде.

У нее в голове все как будто перемешалось...

— Он где-то в доме... должно быть... Я не уверена...

— Искать его мы не станем. — Сказав это, Уорд, распахнув дверцу, помог девушкам занять места в экипаже, а сам взобрался на козлы и взялся за вожжи.

— Я с вами, если позволите, — произнес Картер, и мужчина молча кивнул.

Через секунду экипаж двигался к выезду из поместья. Ворота были лишь слегка приоткрыты, и им пришлось снова замедлиться...

— Я открою, — произнес Картер, на ходу спрыгивая на землю, и побежал к воротам.

Здесь его и застала выпущенная из темноты пуля...

Он вскрикнул, схватившись за прутья ворот, осел, не разжимая скрюченных пальцев, а после завалился на спину.

Уорд так поразился случившемуся, что не сразу потянулся к оружию, а когда это сделал, рука в черной перчатке опередила его:

— Не стоит этого делать, — произнес вкрадчивый голос, вынимая оружие из его же кармана. — Не стоит.

В свете каретного фонаря Уорд рассмотрел мужчину в черной одежде. Он распахнул дверь экипажа и обратился к находящимся внутри дамам:

— Простите, что врываюсь столь неожиданно, и, однако... милая, разве ты по мне не скучала? — И говоривший рванул на себя юную миссис Бишоп.

Та вскрикнула, вцепилась в руку Аманды, но он все равно вытащил ее из кареты и... обнял, целуя в губы.

— Вам лучше не двигаться, — предупредил он Уорда с женой. — У нас с миссис Бишоп свой особенный разговор. — Он продолжал прижимать к себе девушку, властно, настойчиво, и Дайана больше не упиралась. Только дышала тяжело и испуганно... — Ты ведь знаешь, что мне придется тебя наказать? — осведомился он без улыбки. — Ты была очень плохой, большой девочкой, а такие заслуживают... наказания. Порки. — И он ударил девушку стеклом для верховой езды.

Удар пришелся по бедрам, и, смягченный складками платья, он едва ли мог причинить боль, однако Дайана зашипела, как кошка. Ощерилась...

— Что вы делаете? — не сдержалась Аманда. — Кто вы такой?

И мужчина поглядел на нее прищуренными глазами.

— Какая трогательная забота, — восхитился он с явной насмешкой. — Ты всегда умела втираться в доверие, дорогая! — произнес он, вцепившись в подбородок Дайаны. — И к Аманде: — Я ее муж, Джефферсон Бишоп, — представился он. — Рад познакомиться!

— Вряд ли могу сказать то же, — отозвалась Аманда.

— Джефферсон Бишоп, — повторил имя Уорд, — я, кажется, слышал о вас: вернее, про ваш стекольный завод где-то в Уоринге.

Бишоп кивнул.

— Верно, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы он остался моим. Брэдфорд, — он коротко глянул на дом, — эта сволочь с манерами джентльмена, собирался прибрать его, как и многое из того, что когда-то принадлежало его мнимым друзьям. Избранным, что он допустил в стены своего дома, а потом обобрал... — Он снова поглядел на Дайану. — Я дал тебе простое задание, проще и быть не могло... — обратился он к ней. — Что же сделала ты? Ты устроила хаос. Ты все испортила... — Он замахнулся и снова огрел ее стеклом.

Теперь по руке, той, на которой алел яркий порез...

Дайана вскрикнула, злые слезы вскипела у нее на глазах.

— Я сделала, как ты хотел, — выплюнула она, — убила Брэдфорда. Чем же ты недоволен?

— Ты убила не только его, бешеная ты сука, — выкрикнул Бишоп, хватая супругу за подбородок. — Ты прикончила еще двух...

— ... Трех, — поправила его та, глянув на застывший труп Картера. — Его я бы тоже убила, просто мне помешали... — И одарила взглядом Уорда. — Убила бы и сделала крайним индюка Бойда, пусть бы расхлебывал. Ненавижу его!

Аманда глядела на нее полным ужаса взглядом, ей хотелось бы верить, Дайана придумала всё, чтобы только избежать гнева супруга.

Но нет, та неожиданно преобразилась: страх и затравленность отступили перед злорадством, даже триумфом. Они вспыхнули в ней...

И она продолжала:

— Они хотели убить меня, понимаешь? Все разом. Все эти, так называемые, друзья... Ополчились на меня скопом, пошли как на зверя... И что, я должна была это стерпеть?

— С чего бы им делать такое? — спросил Бишоп, но удивленным не выглядел. — Или правила переменились? Этот черт снова их изменил?

И то, как он посмотрел, как сверкнул яркой улыбкой, заставило девушку насторожиться. Она подобралась, вцепившись вдруг в конец его стека, и потянула Бишопу на себя.

— Это ты, — прошипела она, — ты, а не Брэдфорд, хотел убить меня... Я права?

Они глядели друг другу в глаза, два безумца, с одного жеста понимающие друг друга.

— Права. Я подкупил лакея, чтобы он подменил карточки в тех шкатулках...

— Хотел избавиться от меня?

И Бишоп коснулся волос у нее на виске.

— Ты стала неуправляемой, моя девочка, — признался с нежной улыбкой. — Я устал тебя сдерживать...

— Сволочь.

Она откинула его руку и, размахнувшись, ударила Бишопу по лицу.

— Я тоже люблю тебя, дорогая, — с насмешкой произнес он, касаясь пальцем разбитой губы. — Ты как всегда бесподобна... и так предсказуема.

Дайана тяжело, с натугой дышала, глаза сверкали отточенным лезвием.

— Ты отправил меня убить Брэдфорда, — прошипела она, — сказал, что я должна помочь тебе уберечь нас от банкротства, спасти твой завод. И что получила в ответ? Предательство, сукин ты сын. — С последним шипящим звуком ее рука метнулась к карману

его сюртука и выхватила оружие, отобранное ранее у Уорда.

Бишоп едва ли успел осознать, что случилось, когда выстрел заставил его отшатнуться, схватившись за простреленный бок...

— Надеюсь, теперь недостаточно предсказуемо? — скривила губы Дайана.

— Ненормальная...

— Кто бы говорил, дорогой.

Ее муж тяжело опустился на землю, кровь проступила сквозь материю белой сорочки.

— Мне нужен доктор, — простенал он. — Доктор, Дайана...

И Аманда, в ужасе наблюдавшая эту сцену, поддержала его:

— Дайана, он умрет, если ему не помочь.

— А почему ты решила, что я не хочу его смерти? — вскинулась та. — Он ее заслужил. Ты ведь слышала, да? Он предал меня. Заставил помочь себе, а потом безжалостно предал. — И словно истратив все силы: — Для него я убила Брэдфорда...

Оружие, из которого она выстрелила в супруга, упало вместе с рукой вдоль ее тела, и Аманда, пусть муж и пытался удержать ее за предплечье, подалась вперед.

— Но как... как ты могла сделать это? — спросила она. — Комната была полностью заперта, ты даже не входила в нее. Я видела это...

Лицо Дайаны вспыхнуло самодовольством, она оживилась, взмахнув рукою с оружием.

— Мне и не нужно было входить в нее, Мэнди: всего лишь привлечь жертву ближе к часам. Все остальное свершилось само по себе...

— Само по себе? — спросила Аманда. — При чем здесь часы?

Ей не столько хотелось услышать ответ, сколько выиграть время... Быть может, выстрелы привлекли внимание Бойда... или Тодда... Кого-то из них.

Дайана снисходительно улыбнулась:

— Ты такая глупая, Мэнди, — сказала она. — Самолично явилась в логово зверя, и сложно представить, что тебя к этому подтолкнуло. Но... я тебе объясню. Помнишь эти часы, что привезли Брэдфорду в наш первый вечер? — спросила она. — Большие, напольные... Он поставил их в кабинете. Так вот, его страсть к часовым механизмам была давно всем известно, и мы с мужем решили на этом сыграть... — Она коротко поглядела на мужа. — Джефферсон отыскал особенные часы, и с помощью часовых дел мастера в них был установлен дополнительный механизм: такой, что в определенное время выпускал поток едкого газа. Смертельного для человека... Сероводород. Слышала о таком?

— Я слышал, — признался Уорд. — При сильной интоксикации смерть наступает мгновенно, после первого вдоха.

— Именно так, — подтвердила Дайана. — И в мою задачу входило убедиться, что вдох этот станет максимально смертельным. Для этого Брэдфорд должен был находиться возле часов в тот самый момент, когда сработает механизм... Что-то около часу ночи. Брэдфорд тогда как раз запирался у себя в кабинете — об этом мы тоже знали не понаслышке — и я, выбравшись из окна библиотеки, должна была сделать так, чтобы он обратил внимание на часы. Сначала я думала написать какую-нибудь записку, — призналась Дайана, — мол, «посмотри на часы» или в том же духе, приложенная к стеклу, она бы заставила Брэдфорда часами заинтересоваться... Подойти ближе... Но все оказалось намного проще: записка не пригодилась. Когда я, страшась опоздать, оказалась все-таки за окном, Брэдфорд, должно быть, заинтересовавшись моими криками в холле, стоял, припав ухом к двери, а услышав мой стук, обернулся, явно испуганный, и поглядел на часы. Оставались считанные секунды

до первого боя, и он пошел в мою сторону... Прямо к часам, поставленным у окна. Не думаю, что он хотел мне помочь, просто сработало любопытство — оно-то его и сгубило, — чуть усмехнулась Дайана, — пока он стоял у часов и смотрел на меня, раздался бой, механизм сработал... Должно быть, его насторожило шипение или щелчок — понятия не имею, что именно — только он открыл дверцу и коснулся маятника рукой... В этот момент и закричал, вдохнув ядовитых паров. Он умер в считанные секунды, — заключила она абсолютно спокойно.

Уорд стиснул предплечье Аманды, как бы призывая быть осторожней, — Дайана явно была не в себе. И этим вдвойне опасна...

Что лишь подтвердилось, когда девушка снова заговорила:

— А теперь мне придется избавиться и от вас. Просто чтобы это не вышло за пределы поместья... — Она рукой с револьвером указала на тела Картера и своего мужа. Последний еще дышал, но столь слабо, что казался умершим...

— Тебе не нужно этого делать, — возразила Аманда. — Мы здесь не при чем, ты ведь знаешь. И мы не станем рассказывать...

— Станете, — замотала девушка головой. — Еще как станете, я-то знаю. Даже Бойду не удалось урезонить твоего муженька, а уж он свято блюдет тайну этого места... И теперь бесится. Мысль об этом греет мне сердце... Но отпустить вас я все-таки не могу. — Револьвер дернулся, ткнувшись дулом в их сторону.

Аманда сказала:

— Постой. Я еще не все поняла... Расскажи мне про Холта.

— Про Холта? А что с ним? — удивилась Дайана.

— Мы всю ночь были вместе... Я не слышала, чтобы ты выходила.

— Ты спала как убитая, — усмехнулась ее собеседница. — Я выскользнула из комнаты, едва ты уснула. Пока лежала и думала, поняла, что не собираюсь спокойно сносить подобное оскорбление... Мне требовались ответы. И я отправилась их добыть...

— Вы с Холтом поговорили?

— Поговорили. Он выкручивался как мог... Сказал, что не мог пойти против правил, что я всегда была ему симпатично.

— Но ты... не простила?

— А должна была? Ты бы простила? — взвилась она, опять встряхивая револьвером.

— Они не были виноваты.

— В этом ты ошибаешься. — Дайана поглядела на Картера. — Этот мерзавец подкараулил меня в коридоре, когда я выходила от Холта, сказал, что все видел... Но он якобы понимает меня и не выдаст, если я уступлю ему... — Глаза ее сузились. — Я уступила... — она пожала плечами. — Это было даже приятно. К тому же он помог мне инсценировать нападение... Я убедила его, что Бойд во всем виноват, а с ним у них давняя нелюбовь. — И призналась: — Но с ним я бы тоже в итоге разделалась. Картер ведь тоже охотился на меня... и поймал так или иначе. А я не терплю принуждения! — Револьвер снова уперла в Аманду с мужем. — Мне надоели эти беседы...

В этот момент Тодд и бросился на нее со спины. Обхватил мертвой хваткой, пытаясь дотянуться до револьвера...

Раздался выстрел, ушедший куда-то в небо, а после Уорд, бросившись к неожиданному спасителю на подмогу, выхватил у девушки револьвер.

Аманда смотрела в окно экипажа, наблюдая за входом в полицейский участок.

Не могла сдержать нетерпения, пусть и желала бы скрыть его...

Муж сидел молча, читая газету.

Или делал вид, что читает...

Она была даже благодарна за это.

Дверь открылась... Аманда подалась вперед.

Снова не он...

Она вспомнила их с Джейкобом разговор: он как раз вернулся домой, рассказав о случившемся в полицейском участке. Она находилась в библиотеке, металась из угла в угол, не в силах найти себе места...

Попытка спасти Джека увенчалась провалом.

Как ей быть теперь?

Захочет ли муж ее слушать? Помочь?

— Вы видели инспектора Ридли? — было первым, что спросила она.

Муж мотнул головой:

— Как я понял, он только вернулся, закончив какое-то дело. И выслушал меня почти сразу... Вы с ним знакомы?

— Не очень близко. Он вел дело о Кукловоде... и... — горло отчего-то перехватило, говорить стало сложно. — И... он близок с тем человеком, которому я хотела помочь...

— Джеком Огденом?

— Да.

Смотреть на мужа она не решалась, признание на пути в Лондон и так далось нелегко, а теперь он молчал.

— Это тот мальчик из Хартберна? — спросил наконец. Аманда кивнула. — И вы... поехали в Блай... чтобы спасти его? — Она снова кивнула, и слезы вдруг подступили — не удержать. — Почему?

— Я... — Аманда смахнула первые слезы, — я... просто... многим ему обязана...

— Чем же?

— П...пожалуйста, перестаньте! — взмолилась она, утыкаясь лицом в ладони. — Я не могу вам сказать... Не мучьте меня.

Уорд выдержал паузу, а потом все же спросил:

— У вас к нему чувство, Аманда?

Аманда головой замотала, так сильно, как будто хотела избавиться от нее.

От нее или от мыслей, что хуже пытки...

— Я... я... — как просто было бы отрицать, но лгать отчего-то не получалось. — Простите меня...

Она не видела этого, но Уорд прикрыл на секунду глаза, а потом шагнул ближе. Притянул к себе тело, подрагивающее от неудержимых рыданий, и обнял его...

Аманда запомнила теплую руку, гладившую ее по спине, и то, как плакать от этого хотелось только сильнее.

И ласка эта была хуже пощечины...

Хуже скандала, который неожиданно не случился.

... И снова дверь участка открылась. Это опять был не Джек...

Инспектор Ридли пришел следующим утром. Они с мужем встретили его в кабинете... Служанка принесла чай.

— Все разрешилось, — сказал Ридли, принимая чайную чашку из Амандиных рук. — Дело было заведомо сфабрикованным фарсом. И разрешилось б в два счета, не имей мистер Харпер собственных в нем резонов...

— Инспектор Харпер?

— Полагаю, инспектором ему больше не быть, миссис Уорд, — возразил Ридли с чуть приметной улыбкой. — Миссис Коллинз, стоило на нее надавить, изобличила в нем человека, убившего Стокманна, джентльмена, что нашли мертвым в комнате ее дочери.

— Так это был Харпер? — осведомился Уорд. — Тот полицейский, которому платил Брэдфорд за покрытие своих преступлений?

— Боюсь, именно так. Он давно погряз в этом деле... А в тот самый день пришел требовать со Стокманна денег, знал, что он явится в бордель за девчонкой. Мисс Коллинз, однако, сбежала, и между мужчинами произошла неприятная ссора...

— ... Закончившаяся убийством.

— Именно так.

— То есть хозяйка знала убийцу в лицо?

— Знала и побоялась идти супротив: он угрожал ей явиться с проверкой. Устроить всякие неприятности... Вот она и придумала на кого свалить преступление.

Аманда слушала словно в трансе, перед глазами всё плыло.

— Харпер с самого первого дня не давал Джеку жизни, — сказала она. — Он буквально ненавидел его... Спросите хотя бы доктора Максвелла.

Ридли кивнул:

— Это легко объяснимо: он считал, что тот поставлен шпионить за ним. Мою протекцию он воспринял как предупреждение... И, верно, был очень счастлив, когда чудесное совпадение сделало Джека виновным в его собственном преступлении.

... Дверь снова открылась.

Джек.

Теперь точно он!

Аманда вцепилась в створку окна, впитывая каждую мелочь в любимом лице...

Джек вышел под осеннюю морось и поднял лицо, глядя на небо. Свинцовое, плотно затянутое серыми облаками, оно, казалось, давило на пешеходов... Но он неожиданно улыбнулся. Смахнул челку с лица, поднял воротник форменного плаща и зашагал по тротуару.

Как же хотелось броситься за ним следом...

Распахнуть эту дверцу, подхватить юбку, но...

Джейкоб Уорд молча сложил газету и постучал в переборку.

— Домой, — велел он.

И Аманда, в последний раз глянув в окно, откинулась на спинку сидения в молчаливой покорности.

8. Спичечный человек

В тот день на обед Аманде подали мертвую птицу.

Не тех мертвых ощищенных птиц, что их повар готовил в вине или сливочном соусе с шампиньонами и свежим картофелем — эта птица была светло-серого оперения и лежала, задрав кверху лапки.

Ее крохотное, на век затихшее сердце было проткнуто шляпной булавкой...

Лакей, откинувший крышку с этого «блюда», сравнялся цветом с перчатками на руках, хозяин дома громыхнул стулом, вскакивая на ноги, Аманда даже не шелохнулась: глядела на птицу зачарованным взглядом и только слезинка, скользя по щеке, упала на ее платье.

— Кто это сделал? — закричал мистер Уорд, да так, что подвески на люстре тревожно вздрогнули в такт его ору. — Кто посмел ЭТО сделать? Позвать повара и немедленно. И унесите это мерзкое безобразие с глаз, — указал он на мертвую птицу на тарелке жены. — Тот, кто сделал такое, жестоко за это поплатится, слово хозяина дома и дворянина.

Лакей подхватил тарелку и поспешил с ней из комнаты; пришел повар-француз, перепуганный, низко кланяющийся, он божился Девой Марией и собственной матерью, что помимо перепелов в мятном соусе не готовил никаких «воробьев в собственном оперении», он-де никогда не позволили бы себе такого «кошмара». Должно быть, слуга решил сыграть злую шутку, тот самый лакей, нанятый третьего дня и ему, Гюставу Шани, не понравившийся с первого взгляда. Уж больно хитренькие глаза... Он, мол, таких соquin (прохвост) видит с первого взгляда.

Лакея этого, что не стало сюрпризом, отыскать в доме не удалось, лишь брошенную в спешке ливрею на заднем дворе. Мистер Уорд, с трудом сдерживая себя, едва не рассчитал «некомпетентного», как он выразился, дворецкого, что столь плохо выполнил свое дело: нанял лакея без должных рекомендаций. На что дворецкий ответил, что рекомендации у того были самые лучшие, подписанные самим мистером Реджинальдом Бойдом.

После этого как-то внезапно наступило затишье, такое громкое в своей тишине, что, казалось, не выдержат уши, и Аманда, поднявшись из-за стола, спокойно сказала:

— Пожалуй, я ненадолго прилягу. — И, не добавив ни слова, вышла из комнаты.

Ей действительно требовалось прилечь: в последнее время она ощущала себя бесконечно разбитой. Разбитой на сотни осколков... Столь мелких, что уже не собрать. И думалось ей, это разбились мечты, что она лелеяла долгие годы, а месяц назад отпустила... вместе с Джеком, что уходил от нее под дождем и который, как она сказала себе, имеет полное право жить так, как захочет. Аманде Уорд нет места подле него... Пора признать этот факт и отпустить.

И она отпустила... Вместе с надеждой на счастье, вместе с мечтами и солнечным светом, который враз сделался глуше, словно и вовсе потух, вместе с собственным сердцем, которое, кажется, больше не билось.

Даже сейчас при виде этой маленькой птички оно, как ни странно, не застучало быстрее, только царапнула мысль: «Да это ведь я: мертвая птаха с воткнутой в сердце иглой». И от безысходной тоски, от нежелания жить вот так дальше ей захотелось сделать то же, что и всегда в последнее время: спрятаться в сон. Там, в ее снах, подчас было даже приятно... Случалось то, чего в реальности быть не могло: она видела Джека. И он ее целовал... Говорил, что они уедут в Америку. Будут вместе...

Аманда поднялась к себе и, вынув из шкагулки флакон лауданума, капнула в наполненный водою стакан несколько капель.

Доктор был прав: сон — лучшее из лекарств, и не ее, Аманды, вина, что он не приходит иначе, как через это волшебное средство.

В тот же день ближе к вечеру в ее дверь постучали:

— Миссис Уорд, — вошла в комнату ее камеристка, — мистер Уорд просит вас спуститься в библиотеку для разговора.

Нехотя, но Аманда подняла свое тело с постели и попросила служанку привести в порядок прическу. Говорить с мужем ей не хотелось, как, впрочем, и с любым другим человеком... Считать цветы на обоях было делом весьма занимательным, а вот собственный муж занимательным ей не казался. Хорошим, достойным мужчиной, но вовсе не занимательным...

— Миссис Уорд. — Супруг встретил ее на пороге и повел за руку к дивану. Глядел с беспокойством, как будто пытался прочесть ее мысли и, усадив, осторожно спросил:

— Вам удалось отдохнуть после случившегося сегодня? Возможно, мне следовало вызвать врача, но я, признаться, был занят другими делами и несколько упустил это из виду. — Он замолчал, дожидаясь ответа, но Аманда молчала. — Вы, полагаю, были шокированы...

— Отнюдь. Глупая шутка злого слуги лишь удивила меня, но не более...

Супруг пристально на нее посмотрел: казалось, не верил ни единому слову. Но Аманда не выглядела неискренней, даже наоборот... И это ее не напускное спокойствие Уорда не на шутку обеспокоило.

— Аманда, нам нужно серьезно поговорить. — Она полагала, муж скажет про лауданум, пожурит за злоупотребление им, но муж неожиданно сказал о другом: — Боюсь, вам, как и мне, угрожает опасность. Я долго держал это в тайне, ничуть не желая пугать вас напрасно, но в свете случившегося сегодня... я более не могу и не должен молчать. Мистер Реджинальд Бойд объявил нам войну!

Мозг Аманды, неповоротливый в последнее время, и сейчас ворочался тяжело, словно сломанный механизм. Реджинальд Бойд... Она не хотела бы о нем вспоминать, о нем и событиях в Блае. Вся эта ее эскапада ничуть Джеку не помогла, а вот нажать недруга получилось отменно...

— Хотите сказать, он зол на нас за огласку произошедшего в Блае? — спросила она.

И супруг отозвался:

— Такие, как он, не прощают ударов по своей гордости, — произнес он, — а Бойду пришлось нелегко в последнее время: полиция все еще разбирается с делом Брэдфорда, он же — один из участников тех событий, и его постоянно допрашивают. Высокий общественный статус вряд ли позволит осудить его по закону, но эти огласка и пересуды в салонах порядком навредят его репутации и делам.

— Значит, мертвая птица...

— Угроза, как я понимаю. Угроза в ваш адрес, Аманда, и это меняет все дело. — Добавил нехотя: — Прежде угрозы касались только меня, теперь же...

— Он угрожал вам?

— Неоднократно. Анонимные письма, несколько сорванных сделок... Однажды в меня стреляли.

Аманда посмотрела на него с интересом. Ее сердце, вяло ворочавшееся в груди, на

секунду, но ускорило бег.

— Вы уверены, что это все Бойд? — спросила она.

— Если раньше и допускал хотя бы возможность ошибки, — ответил супруг, — то теперь абсолютно уверен. Этим утром, если вы помните, дворецкий сказал, что рекомендательное письмо сбежавшего лакея было подписано Реджинальдом Бойдом, а значит, именно он и являлся инициатором произошедшего. — Мужчина прошелся по комнате, заложив руки за спину. — Это не стало сюрпризом, как вы теперь понимаете, а лишь подтвердило давно оформившуюся догадку... — произнес он, остановившись и снова поглядев на супругу. — Бойд страстно желал сохранить постыдную тайну Хэрольда Брэдфорда, своего друга, а мы обнародовали ее.

Аманде показалось, что она должна извиниться, извиниться за то, что втянула супруга в ту безумную авантюру, и теперь последствия несет он — не она.

— Извините, — сказала Аманда, — мне очень жаль, что так вышло.

Уорд подошел и поцеловал ее руку. Его голубые глаза глядели на нее с беспокойством, заботой, такими искренними, что Аманда опять испытала раскаяние и желание извиниться. Только теперь уже за свое черствое сердце по отношению к мужу...

— Вам не за что извиняться, — произнес он. — В том, что творилось в этом поместье, да и в самом черном сердце Реджинальда Бойда нет вашей вины. Я только беспокоюсь о вас... Завтра я должен уехать в Корнуолл по важному делу и не желал бы оставлять вас одну. Разве что... вы поживете какое-то время в доме родителей... — предположил он.

И видел, как поджались губы супруги. Как вытянулось лицо.

— Уверена, в этом нет особой нужды, — сказала она, — я обещаю не выходить из этого дома, пока вы не вернетесь назад. Вряд ли Реджинальд Бойд захочет навредить мне в собственном доме...

Джейкоб Уорд понимающе улыбнулся.

— Знал, что вы ответите именно так, дорогая Аманда, — он несильно сжал ее пальцы, — но сделать вас пленницей дома было бы все равно, что признать наш страх перед этим дрянным человеком. К тому же, — супруг коснулся ее бледной щеки, — вам просто необходимы солнечный свет, свежий воздух и прогулки в доброй компании. А потому... я нанял специального человека, который станет вас охранять. — Он не дал ей себя перебить, хотя видел, как глаза ее вспыхнули возмущением. — Я полностью ему доверяю и буду спокоен, зная, что вы, дорогая Аманда, под его неусыпным надзором!

— Вы наняли мне тюремщика?! — вскинулась девушка, и впервые за долгое время на ее щеках появился румянец.

— Не тюремщика — телохранителя, дорогая. Вы сможете выходить, не страшась угроз Бойда в свой адрес...

— Но я не хочу выходить! Мне уютно в собственной комнате...

— Под воздействием лауданума? — осведомился мужчина, чуть вскинув черные брови.

Аманда застыла, дыша часто и глубоко. Извиняться она уже не желала, лишь уязвить... Ответить чем-нибудь колким.

— Без него эти стены невыносимы, — процедила она. — Лауданум дарит мне счастье.

— В отличие от меня...

Они с мужем скрестились взглядами, более говорящими, чем слова. Аманда первой сдалась, ощутив подступившие слезы... Злые, полные сожаления и тоски, они побежали по бледным щекам, стоило ей отвернуться.

Супруг стер пальцем одну из слезинок.

— Я знаю, что ты не любишь меня, но это не значит, что мы должны воевать, — произнес он бесцветным голосом глубоко уставшего человека. — И ты, несмотря ни на что, не безразлична мне... Я желаю тебе, моя девочка, только добра.

— Тогда отзовите тюремщика, я не желаю, чтобы кто-то чужой ходил за мной по пятам.

— Позвольте мне хотя бы представить его. После решите, хотите ли вы видеть его подле себя!

— Тут нечего даже думать: нянька мне не нужна.

В этот момент звякнул дверной колокольчик, и кто-то из слуг отпер входную дверь.

— Вот и он, — произнес Джеральд Уорд. — Я подумал, он не откажется отужинать с нами. Как раз самое время садиться к столу...

Джек сам не знал, зачем согласился на это. Разве что оказался слишком взволнован появлением самого этого гостя на пороге его скромного дома... Иного объяснения не было. В один миг он читал полицейский отчет, оставленный Ридли, в другой — стоял перед Джеральдом Уордом, с интересом глядевшим на него сквозь стекла своего золотого пенсне.

— Мистер Джек Огден? — произнес он. И чего было больше в этих словах: вопроса или простой констатации факта — сказать было сложно.

Джек невольно сглотнул.

— Да, это я. Чем могу быть полезен, мистер Уорд? — произнес, однако, бесстрастно, ничем не выдав внутреннего волнения.

— Вы узнали меня... Что ж, могу я войти? Я хотел бы обсудить один важный вопрос.

Джек отошел, пропуская его в крохотную прихожую и дальше — в гостиную, заменявшую ему кабинет. Заваленная книгами и папками старых полицейских отчетов, она представляла весьма живописное зрелище... Гость оценивающе глянул по сторонам и, отодвинув кончиком трости одну из папок у себя под ногами, прошел к стулу и сел.

— Простите за самовольство, — сказал он при этом, — но я, признаться, не в том настроении, чтобы чиниться. — И поглядел на Джека в упор: — Мне нужна ваша помощь, — произнес он. — Моей супруге угрожает опасность, и я, памятуя о вашей давней привязанности и расположении к названной мною особе, склонен считать, что никто, кроме вас, не сможет защитить ее лучше и с большей самоотдачей. К тому же, как бы это деликатней сказать, вы в какой-то мере обязаны ей: опасность пришла лишь потому, что миссис Уорд, желая обелить ваше имя, ввязалась в игру с высокими ставками. И кое-кому не понравилось, чем это закончилось...

Джек знал о случившемся в Блае со слов инспектора Ридли, но не мог и представить, что Аманде угрожает опасность. А этот мужчина говорил, конечно, об этом... Джека бросило в жар, сердце заклокотало в груди. Уорд знал о его чувствах к Аманде... И он пришел, чтобы Джек...

— Что я могу сделать для вас?

— Не для меня — для миссис Уорд, — поправил Джека мужчина. — Я хотел бы, чтобы вы, мистер Огден, присмотрели за ней в качестве телохранителя, если хотите. Вы единственный, кому я могу сейчас доверять...

Все, что угодно, но только не этого ожидал молодой человек от визита нежданного гостя, и дернул нервически головой.

— Почему бы вам не обратиться в полицию, мистер Уорд? Если... вашей супруге, в

самом деле, угрожает беда, вы должны поставить в известность инспектора Ридли. Или любого другого, способного вам помочь...

— Именно так я и делаю, разве нет? — отозвался его собеседник. — Вряд ли полиция сделает больше, чем вы... — и поглядел Джеку в глаза долгим, многозначительным взглядом.

Он знал... Знал так же ясно, как ясен был день за окном, и Джек, сам не свой от неловкости происходящего, произнес:

— Я временно отстранен от службы в полиции.

— Тем только лучше: вы сможете полностью посвятить себя миссис Уорд. — И как бы с вызовом: — Если дело в деньгах — знайте, я вас не обижу. Заплачу, сколько попросите...

— Деньги мне не нужны.

Мужчина, окинув комнату взглядом, изогнул бровь и слегка улыбнулся.

— Позвольте вам не поверить, — произнес он при этом. — Но я ценю вашу принципиальность! Не будем говорить о деньгах. Скажите лучше: вы принимаете мое предложение позаботиться о миссис Уорд? Как я уже и сказал, я доверяю лишь вам.

Джек подумал, уж не издевка ли это, но поглядев в голубые глаза, устыдился собственных мыслей: собеседник казался серьезным, как никогда. Он, действительно, имел в виду то, о чем говорил...

— Сделаю все, что смогу, — отозвался он только, и гость, поднявшись со стула, протянул ему руку. Джек и его априори названный враг молча пожали руки.

Он не должен был соглашаться... Джек понял это в тот же момент, как дверь за Уордом закрылась, и парень остался один на один с гнетущими мыслями и собственным здравым смыслом, который нашептывал: «Джек, ты дурак! Ты самолично рвешь себе сердце... Вспомни, что сказал тебе Ридли: «Забудь эту девушку и не мучь себя понапрасну. Женщины не достойны того, чтобы мы губили себя ради них!» И вот ты снова делаешь это, позволяешь миссис Аманде Уорд вторгаться в твой мир и рушить положенные устои».

— Но не мог же я отказать, когда Аманда во мне так нуждается! — вслух возразил он своему здравому смыслу.

И тот усмехнулся:

— Уорд пользуется тобой, а ты ему позволяешь. Давит на чувства, которые, знает, ты не можешь искоренить и перекладывает ответственность.

Джек стиснул руками виски: иногда так хотелось сбежать от себя самого.

Но Аманда, как бы он ни пытался бороться с собой, слишком много значила для него, чтобы даже ради душевного равновесия, отказать в помощи той, что снова внесет в его душу смятение и тоску. Он не мог оставить Аманду в беде...

К тому же он страстно желал увидеть ее, пусть даже не признавался в этом желании ни себе, ни единой душе в этом мире. Джек расстался с ней на том поцелуе, который единственный согревал его во время тюремного заключения... да и сейчас, если быть честным с собой.

Джек страшился и страстно желал новой встречи, а дом в Белгравии все сильнее проступал сквозь туман: уже были видны дубовая дверь с дверным молотком, кованые ограждения забора и окна, призывно манящие теплым светом свечей.

Он дважды стукнул дверным молотком, гадая не лучше ли было пройти входом для слуг, и замер в неловком, мучительном ожидании. Дверь открылась, и дворецкий учтиво пригласил его внутрь...

— Позвольте ваше пальто и шляпу, сэр, — произнес он.

Джек отдал и то, и другое. Дрожь во всем теле, казалось, выдавала его, но дворецкий, ничуть не выказывая пренебрежения, повел его через холл в библиотеку.

Это было как дежавю, повторение уже бывшего однажды события (в тот раз его тоже проводили в библиотеку), но схожесть развеялась, стоило Джеку оказаться внутри: на этот раз Аманда была в комнате не одна — мистер Уорд стоял подле нее. И оба встречали его, застыв в неподвижности...

Уорд улыбнулся:

— А вот и наш гость. Рады видеть вас, мистер Огден! Полагаю, представлять вас миссис Уорд было бы лишним... Аманда, — он перевел взгляд на супругу, — вот человек, о котором я вам говорил. Надеюсь, противиться его помощи вы не станете...

Аманда, Джек видел и чувствовал это, не знала о том, что увидит его. Сведенные на переносице брови вскинулись на секунду, рот приоткрылся... Она выдохнула как будто замерший на мгновение воздух, а после отвела взгляд.

— Это шутка? — спросила с трудом.

— Все нет, мистер Огден присмотрит за вами в ближайшие дни. Он милостиво согласился помочь...

Аманда глянула на него и снова опустила глаза. Джек и сам бы желал оказаться подальше от этого места...

— Полагаю, у мистера Огдена есть дела поважнее, чем присматривать за какой-то девицей, — сказала она.

И Уорд головой покачал:

— Уверен, вы принижаете свою значимость для него. Мистер Огден в полной мере осознает, что стал невольной причиной нависшей над вами угрозы и всем сердцем желает помочь...

Губы Аманды поджались. Джек тоже повторил ее жест...

— Сэр, ужин подан, извольте пройти к столу, — провозгласил в этот момент вошедший дворецкий, и Уорд, подав руку жене, повел супругу и гостя к поджидающему их столу.

Аманда полночи боролась с собой: пыталась уснуть, не прибегая к заветному средству. Однако, измученная воспоминаниями этого вечера: встречей с Джеком, ставшей для нее чем-то сродни внезапному шоку, ужином в тягостной атмосфере, оживляемой лишь вежливым монологом Уорда, и последующим прощанием — она вскоре сдалась и накапала из флакона в стакан.

Только сегодня, сказала себя, погружаясь в так долго ожидаемый сон, и утром, проснувшись позже обычного, подскочила, словно ужаленная змеей: Джек должен быть уже в доме.

Она сможет увидеть его, поговорить...

Без свидетелей.

Боже мой!

Как была, в едва накинутом пеньюаре, она выскочила за дверь и босиком побежала по лестнице вниз... Замерла, различив в холле мужской силуэт, отражающийся в окне: Джек рассматривал одну из картин кисти Тёрнера. Он еще не заметил ее, и Аманда, прижав руку к груди, наблюдала за ним с алчной жадностью давно не евшего человека.

Широкие плечи.

Светлые пряди волос, непокорная челка.

Как же хотелось подкрасться к нему, обхватить тело руками, прижаться к широкой спине и слушать стук его сердца. Аманда даже сглотнула... И вдруг так некстати вспомнила Мару: а Мара обнимала его? Поддавалась страстным порывам? Целовала любимые губы? Конечно же, да, ответила в ту же секунду. И сама же себя отругала за ревность...

Джек как раз зашевелился, вот-вот мог заметить ее, и Аманда, подгоняемая каким-то диким восторгом, бросилась обратно по лестнице в свою комнату. Заскочила в нее, захлопнула дверь и впервые за долгое время услышала сердце, оглушающе ухающее в ушах.

Оно все-таки биться не разучилось...

Не заржавело, как ей было казалось...

И Аманда дернула за сонетку, призывая свою камеристку.

— Я рада, что вы хорошо выспались, мэм, — сказала она, помогая хозяйке одеться. — Вы в радостном настроении. Даже щеки порозовели...

— Ты права, я чувствую себя хорошо. Мистер Уорд уже отбыл?

— Да, мэм, еще около часа назад. Тогда как раз пришел полицейский... молодой человек, что дожидается в холле, — смутилась служанка, чуть покраснев.

Аманда строго на нее посмотрела, неприятное чувство кольнуло ей сердце.

— Мистер Огден не просто какой-нибудь полицейский, — сказала она, — он мой друг, и я прошу проявить к нему уважение.

Девушка, враз посерьезнев, пискнула что-то в ответ, но Аманда не слушала: Джек около часа дожидался внизу, а она, соня, спала и не знала об этом. Целый час, в который она могла наслаждаться обществом нового телохранителя, она бездарно провалялась в постели!

В этот раз каблуки ее туфель сообщили о ее приближении раньше, чем Аманда спустилась по лестнице — Джек подждал ее, явно нервничая и не зная, что делать с руками.

— Миссис Уорд, — произнес он.

И Аманда его пожурила:

— С каких пор я стала для тебя «миссис Уорд»? Разве мы не друзья, условившиеся говорить по-простому?

— Сейчас я на службе.

— И все-таки зови меня просто Амандой.

Она крепилась, стараясь казаться невозмутимой, а внутри аж звенела, словно натянутая струна. Даже кончики пальцев дрожали... Опять.

Как же сладить с собой?

— Джек, мне жаль, что так вышло... — сказала она, — что муж принудил тебя приглядывать за мной, как за ребенком.

— Вовсе нет, — Джек смущенно откинул со лба длинную челку, — я только рад помочь вам... тебе. Инспектор рассказал мне о случившемся в Блэе... Ты рисковала ради меня.

— Ради тебя я бы жизнь отдала, — призналась Аманда, не задумавшись ни на секунду. — Ты и сам сделал бы то же ради меня. Разве нет?

— Ты знаешь, что да.

Они улыбнулись друг другу, и Аманда, слегка коснувшись рукава собеседника, произнесла дрогнувшим голосом:

— Пойдем завтракать, Джек. Составь мне компанию!

— Я не могу.

— Отчего же? Вчера ты ужинал с нами, а сегодня позавтракай.

— Это неправильно...

Аманда враз помрачнела, обида за Джека стиснула горло.

— Неправильно, — прошептала она, — что я не могу даже касаться тебя, когда страстно желаю обратного. Что не могу... — она мимолетно мазнула взглядом по любимым губам. — Пойдем завтракать, умоляю, — почти взмолилась, не в силах сдержаться. — Ты не можешь даже представить, что я пережила за последнее время... Какой одинокой себя ощущала, вновь и вновь вспоминая наш... поцелуй...

И Джек негромко признался:

— Я тоже его вспоминал.

Они снова улыбнулись друг другу и поспешно отвели взгляд. А потом Аманда взяла Джека под руку и повела завтракать, ничуть не заботясь о том, что подумают слуги.

Ели они не спеша, то и дело вспоминая что-то из общего прошлого. Впервые со времен Хартберна они снова казались просто друзьями, проводившими время в приятной компании...

— Помнишь миссис Уиггинс, — сказала Аманда, — то, как она учила тебя управляться ложкой и вилкой? Ты постоянно был зол на нее, говорил, что она зря изводит тебя, а теперь, посмотри, ее муштра пошла тебе только на пользу.

Джек смутился, поглядев на столовый прибор, который держал в руках.

— Пожалуй, теперь мне стоит сказать ей спасибо, — произнес он.

— Ты писал ей?

— Раз или два. Я не очень силен в этом деле... Пожалуй, однажды поеду и поблагодарю ее лично.

— Я бы хотела поехать с тобой...

Они столкнулись грустными взглядами: знали, что это никак не возможно.

И все-таки Джек произнес:

— У миссис Чендлер там дом...

— Да, конечно, — невесело отозвалась Аманда. — Но, полагаю, в ближайшее время она станет Баррет и не скоро вернется в дом бывшего мужа.

— А помнишь, как мы встретились в Хартберне?

— Помню... Я тогда глазам не поверила. И страшно обрадовалась! — Через секунду: — А Грир, что-нибудь слышно о нем?

— Он вернулся домой, большее мне ничего не известно.

Аманде хотелось спросить и о Маре — знает ли Джек что-то о ней — но она не сумела себя пересилить. Не хотелось портить беседу грустными мыслями... Как не хотелось и расставаться.

— Что, если мы пойдем прогуляться? — спросила она. — Я несколько дней не выходила из дома.

— Прогулка пойдет вам на пользу, миссис Уорд. Я буду рад сопроводить вас! — улыбнулся ей Джек. — Это моя работа.

Амана сверкнула глазами.

— Я только захвачу шляпку и зонтик, — сказала, взлетая вверх по ступенькам.

У нее за спиной словно выросли крылья... Она как будто парила, едва ощущая паркет под ногами. И жизнь расцвела новыми красками... А ведь казалось, беспросветная ночь никогда не закончится.

А ведь закончилась. Пусть и на время... И думать о плохом не хотелось, особенно на дорожках Гайд-парка, усыпанных желтыми листьями, по которым они вместе с Джеком брели, не замечая холодного ветра и сырости. Она впереди, он — на шаг позади... Не вместе, но и не врозь. Стоит только протянуть руку...

— Пожалуйста, иди рядом, — попросила Аманда, — в парке так пусто, нас никто не увидит.

— Непременно увидят, и ты это знаешь.

— Упрямый мальчишка.

— Какой уродился...

И Аманда, чье лицо озарилось веселым лукавством, в тот же миг шмыгнула с дорожки в кусты и была такова. Джек, никак такого не ожидавший, опешил на миг, но услышав ее залиvistый смех, бросился следом.

— Аманда, постой, я должен присматривать за тобой.

— Так присматривай, я совсем рядом.

Ее платье мелькало между стволами деревьев, она и не пыталась по-настоящему спрятаться, и когда Джек поймал ее, ухватив прямо за талию, сердце Аманды запнулось на миг, сбилось с привычного такта, а потом ухнуло в ноги, лишив легкие кислорода.

Он держал слишком крепко...

Он был слишком близко...

Он глядел слишком...

Они подались друг к другу одновременно, еще крохотный дюйм, и их неистовый поцелуй снова бы повторился. Но... кто-то всхлипнул где-то невдалеке, и они отпрянули друг от друга.

— Кто там? — услышали перепуганный голосок. — Я не боюсь, так и знайте.

Голос был женский, и Аманда как будто узнала его. Оправила платье и выбралась из кустов...

— Право слово, никогда не носите в такую погоду эти несносные шляпки, — сказала она, делая вид, что поправляет эту самую шляпку на своей голове. — Ветер унес вуалетку в кусты, и мы долго искали ее. Миссис Стрикленд, не так ли? — обратилась она к худенькой женщине, кутающейся в манто. — Мы встречались на званом ужине в доме Картрайтов. — И представилась: — Миссис Уорд. Возможно, вы помните...

— Д-да. — Женщина ей улыбнулась. — Мы сидели рядом с Грегори Тейтом, и он развлекал нас рассказом о ласках.

— Именно так, — подтвердила Аманда. — О ласках и, кажется, кабанах. — И не дайте той опомниться, поспешно добавить: — Извините, если вас напугали. Мы искренне сожалеем об этом! Возможно, мы могли бы вам чем-то помочь?

Женщина, в чьих глазах притаился настоящий испуг, молча вздохнула и осмотрелась по сторонам.

— Вы так добры, — сказала она, — но, боюсь, помочь мне нельзя.

— Почему же? — Аманда с участием стиснула ее руку.

— Да потому, моя дорогая, что Спичечный человек выбрал меня своей следующей жертвой.

В кофейне на Уордингтон-стрит, где они, заняв столик, заказали по чашечке чая с французским пирожным, Эллисон Стрикленд поведала им престранную в своей

занимательности историю.

— Всё началось месяца три назад, вряд ли дольше, — начала она свой рассказ такими словами, — муж мой, владелец спичечной фабрики в Стрэнде, начал неожиданно видеть Спичечного человека. — И на молчаливый вопрос в глазах собеседницы пояснила: — Не знаю, приходилось ли вам о таком слышать, но в среде простых работников спичечных фабрик ходит легенда о Спичечном человеке, который является как бы предвестником бед и несчастий. Он что-то вроде Вечного жида, приговоренного вечно скитаться до пришествия нашего господина, так и Спичечный человек, беспокойный дух, скитается по спичечным фабрикам, выискивая свои жертвы. — Она сделала паузу, покрутив в пальцах горячую чашку с чаем, и продолжила: — Муж мой, будучи потомственным фабрикантом (спичечные цеха достались ему от отца), еще с детства слышал эту легенду от собственного отца. Тот, коли мальчик вел себя плохо, любил говорить: «Вот явится за тобой Спичечный человек, тогда посмотрим, как ты побалуешь». И муж мой с детства страшился встречи с этим пугающим существом: худым и длинным, с замотанным шарфом лицом. Лишь глаза, если верить легендам, горят у него зеленым огнем, особенно различимым с наступлением темноты... Муж говорил, он так боялся его, будучи маленьким, что часто не мог уснуть, лежа в постели, и все прислушивался, не прошамкает ли он в темноте его спальни, словно какая-нибудь старуха, лишившаяся зубов. Якобы звук этот всегда шел от Спичечного человека...

Джек с Амандой невольно переглянулись: слышать о Спичечном человеке им прежде не доводилось. А женщина продолжила:

— Став взрослым, муж отпустил свои страхи, но, как мне кажется, лишь на словах: в душе он носил его постоянно. И стоило появиться этому существу... человеку в шарфе, как все его детские страхи вернулись усиленными в несколько раз.

— Где он видел его? — спросила Аманда.

— Всегда в окна своей конторы на Маршалл-стрит. Впервые это случилось, как я и сказала, месяца три назад, — кивнула миссис Стрикленд собственным мыслям, — муж вернулся бледным, с трясущимися руками, сказал, что, закончив разбираться в делах, подошел к окну, чтобы размяться... тогда и увидел этого человека. Он стоял под фонарем, замотанный шарфом до самых глаз, и глаза эти, черные бездны, глядели напрямик на него.

— Если это был человек, — осторожно, стараясь не задеть собеседницу, сказала Аманда, — отчего муж ваш так испугался? Возможно, какой-то прохожий...

— О нет, миссис Уорд, с тех пор муж видел этого... человека, как он говорит, постоянно.

— А вы, — вмешался в разговор Джек, — вы тоже видели Спичечного человека?

Миссис Стрикленд перевела на него взгляд больших карих глаз и зябко поежилась, несмотря на тепло уютной кофейни.

— Не тогда, — сказала она, — не тогда, когда муж был еще жив... Теперь же — Джон умер две недели назад, — пояснила она, — я тоже вижу его, — закончила почти шепотом.

Теперь и Аманда ощутила предательский холодок, пробежавшийся по спине.

— Что случилось с вашим супругом? — спросила она.

— Слабое сердце, как сказали врачи. — Женщина сделала глоток чая. — Оно просто не выдержало от страха, как я полагаю, — добавила глухо, безжизненно. — Им не расскажешь такого, а Джон в эти месяцы стал тенью себя самого... И все из-за нервов. Спичечный человек покоя ему не давал: преследовал и на работе, и дома. Однажды, — она судорожно вздохнула, — я проснулась посреди ночи и увидела его у окна: мужа трясло, как в ознобе, он

смотрел вниз. Я встала и подошла к нему, положив руку на плечи... Он дернулся, даже вскрикнул, насколько я помню, а в глазах — такой океан бесконечного ужаса, что мне никогда этого не забыть. «Джон, почему ты не спишь?» спросила я с беспокойством. И он прошептал: «Потому что он наблюдает за мной. Даже если я сплю, он наблюдает за мной...» и попросил выглянуть в щель между портьерами. Мол, Спичечный человек только что стоял на тротуаре у дома, и светились у него не только глаза, но и все лицо. Я с опаской, но выглянула наружу...

— И никого не увидели?

— Нет. Там было пусто, лишь фонари отбрасывали причудливые тени на тротуар и стены домов... Но не это самое страшное, — добавила она быстро, — самым страшным оказалось безумие мужа, который не только перестал спать, но и вел себя все нелепее день ото дня. Например, как-то утром я застала его в гардеробной, ползающим по полу в поисках спичек... Он сказал, кто-то усыпал ими весь пол, и Джон посчитал своим долгом собрать каждую и сложить в коробку из-под сигар. Но я не уверена, скажу сразу, не сам ли он раскидал их по полу, находясь в одном из своих полубредовых навязчивых состояний... Сам-то он уверял, что Спичечный человек, — женщина снова поежилась, — входил в дом, наблюдал за ним спящим (хотя он, право слово, почти не спал в последнее время), а после оставил этот «привет» в виде рассыпанных спичек...

— Вы проверяли замки на дверях? — спросил Джек. — Не были ли они взломаны?

— Я велела дворецкому сменить замки дважды, но толку от этого не было. И коли, как уверял меня муж, существо это не из плоти и крови, замки вряд ли могли его удержать... — Она поглядела Джеку в глаза. — А теперь я и сама вижу его постоянно... — прошептала она. — И впервые за эти месяцы понимаю безумие мужа: Спичечный человек приходит и под мои окна ночами. Стоит там, внизу, и все время глядит на меня... Так, словно способен видеть сквозь стены... сквозь плоть и кровь, душу мне вынимая.

— Ужас какой! — не удержалась Аманда. — Чего же он хочет от вас?

— Полагаю, того же, что и от мужа: моей преждевременной смерти.

— Но зачем?

— Я не знаю. — Миссис Стрикленд отчаянно замотала головой, и глаза ее увлажнились. — Я сотню раз спрашивала супруга, знает ли он, почему этот призрак преследует нас... — И пояснила: — Я хоть и не верила в него в должной мере (даже настаивала на посещении Джоном врача-психиатра), все-таки допускала возможность проклятия или чего-то подобного, но супруг каждый раз делался замкнутым и холодным. Вел себя так, словно знал что-то больше того, о чем говорил, но делиться со мной своими мыслями не хотел...

Джек снова спросил:

— Удалось ли вам настоять на враче, миссис Стрикленд?

— Да. — Женщина поспешно кивнула. — О докторе Леонарде Райте хорошо отзывались, я и подумала, что он единственный сможет Джону помочь. Записала его на прием... Муж ходил к нему несколько раз, даже как будто бы стал чуть спокойнее, стал больше спать. Но все благодаря лаудануму, я полагаю...

— Доктор Райт, — сказала Аманда, — я, кажется, слышала о таком: он придерживается идей месмеризма, не так ли?

— Да, именно так. Доктор несколько раз пытался достучаться до подсознания Джона через магнетический сон или транс, как он его называл, полагал, что страхи моего мужа

кроются в прошлом и нужно отсечь их, воздействуя благотворно выделяемыми флюидами на нужный участок мозга.

Джек в такие идеи не верил — это слишком походило на волшебство — но произнес с должной серьезностью:

— Насколько я понимаю, доктор Райт не сумел помочь вашему мужу...

— Только лишь потому, — с жаром возразила Эллисон Стрикленд, — что супруг мой прервал намеченное лечение. Ни с того ни с сего заявил, что больше в нем не нуждается... — И опустив голову: — Он умер через пять дней после этого. Словно сам себе подписал приговор!

— Как это случилось, — спросила Аманда, — как он умер? Вы видели это?

Женщина так и сидела, глядя на свои руки, и казалось, не слыша вопроса, Аманда с Джеком молчали, понимая, что ей требуется какое-то время, чтобы собраться с мыслями.

Наконец миссис Стрикленд произнесла:

— Он умер у меня на глазах. — И поглядела на своих собеседников. — В тот день пригласила наших друзей, небольшое дружеское застолье, чтобы отвлечь мысли Джона от Спичечного человека, и вдруг прямо посреди ужина он вскочил на ноги, глядя на дверь нашей столовой. «Ты не можешь быть здесь, — прошептал, побледнев так внезапно, словно вовсе лишился всей крови. — Ты не можешь здесь быть! Убирайся отсюда, исчадие ада. Я не боюсь тебя!» и, отступив на два шага к стене, схватился за горло. Казалось, кто-то душит его, вцепившись пальцами в горло... Женщины завизжали, мужчины бросились ему помогать. Пытались отнять его руки от горла, но это выходило с трудом. «Не трогай меня, дьявольское отродье! Не прикасайся ко мне» кричал Джон, отбиваясь от друзей с невиданной силой. А потом в один миг завалился на спину, его успели подхватить и уложить на пол, и затих, хватая ртом воздух и прижимая руки к груди... Когда прибыл доктор, — закончила она свой рассказ, — Джон был уже мертв. И ужас, испытанный им в момент смерти, казалось навечно застыл в остекленевших глазах...

Казалось, никто не решался нарушить гнетущую тишину, повисшую после рассказа Эллисон Стрикленд: Джек в задумчивости глядел перед собой, Аманда стиснула руку своей собеседницы в жесте поддержки и соучастия. Сама рассказчица тяжело, с надрывом дышала, как бы пытаясь не разрыдаться.

Она же первая и сказала:

— Я уверена, Джон видел перед смертью Спичечного человека. Тот прошел сквозь запертые двери нашей столовой и задушил его... — Сказала и сама же, охнув, прикрыла рот сложенными руками. — Я знаю, как это звучит, — прошептала она, оглянувшись по сторонам, — но иного объяснения у меня нет. Особенно в свете того, что я и сама теперь вижу его... — И совсем тихо: — Теперь моя очередь, понимаете? Теперь он хочет лишить жизни меня...

Джек с Амандой снова переглянулись, и молодой человек, верно, давно приняв это решение, произнес:

— Миссис Стрикленд, я хотел бы увидеть человека под вашими окнами.

Аманда глянула на него в явном испуге, женщина же с благодарностью отозвалась:

— Я буду бесконечно вам благодарна. Спасибо, что верите мне, мистер Огден! — И улыбнулась ему лучезарной улыбкой.

— Ваш муж предпринимал какие-либо попытки выйти на улицу и встретиться с

Спичечным человеком? — поинтересовался у женщины Джек. — Или, быть может, вы сами...

Она весьма показательно головой замотала.

— Нет, что вы, — отозвалась она, — Джон слишком сильно боялся его... как, впрочем, и я, — добавила тише. — А признаваться кому-то в собственных страхах... просить кого-то помочь...

— Кого-то, помимо доктора.

— Кого-то, помимо доктора, — подтвердила Эллисон Стрикленд и зябко стянула края пеньюара на пышной груди. — Тот хотя бы в силу профессии хранил его тайну, другие же... Джон боялся огласки. — Она убрала за ухо прядь рассыпанных по плечам волос.

В таком виде, в пеньюаре и с распущенными волосами, миссис Стрикленд встретила его десятью минутами раньше, когда Джек пришел в ее дом. Еще утром, условившись подстроить ловушку Спичечному человеку, Джек сказал собеседнице, что явится незадолго до появления оно́го, и та впустит его.

Она и впустила... самолично... в этом вот виде.

Еще и спросила:

— Надеюсь, я вас не очень смущаю? Не хотелось отпускать камеристку, не сняв с себя это жуткое платье. Оно мешает дышать, — добавила она, как показалось Джеку, многозначительно.

И он смутился:

— Э... да, конечно. Я, пожалуй, останусь ждать здесь, у окна...

Но женщина, помотав головой, подхватила парня под руку:

— Отсюда вы вряд ли его различите, пойдете наверх: там вид много лучше. — И прильнула к нему вроде как в страхе, так что вид в самом деле сделался лучше: по крайней мере, в область ее декольте, лишь слегка прикрытого кружевами. На лестнице миссис Стрикленд спросила: — Скажите, Джек... я ведь могу обращаться к вам просто, как к старому другу — не могли бы вы позаботиться обо мне так же, как и о миссис Уорд в данное время? — Она стиснула пальцами его локоть. — Уверена, я нуждаюсь в «защите», — прозвучало двусмысленно, — много больше нашей дражайшей Аманды.

Джека бросило в жар от намеков, которые он желал бы не понимать.

— Боюсь, мистер Уорд, — сделал он на этом должный акцент, — полагает иначе, и я не могу его подвести.

Женщина хлопнула собеседника по плечу.

— Вы такой бука, милый мой Джек, — пожурела она, входя вместе с ним в дверь своей спальни.

Разобранная кровать, мягкий свет свечей в канделябре, фрукты в высокой вазе — все это встретило их здесь же, в комнате миссис Стрикленд.

— Нельзя ли потушить свечи? — спросил Джек, взмокнув под своим сюртуком. — Спичечный человек должен думать, что вы легли спать.

— Вы правы. — Миссис Стрикленд, выпустив его руку, неспешно затушила свечу, Джек, получив наконец-то свободу, поспешил к занавешанным окнам и, едва стало темно, выглянул на полутемную мостовую...

Там было пусто.

— Еще рано, — сказал голос у него за спиной. — А он всегда пунктуален... Идите, посидите со мной.

Джек нехотя обернулся: Эллисон Стрикленд похлопывала по месту подле себя. Сидела же она на постели, и пеньюар, распахнувшись, бесстыдно оголял ее стройную ножку.

— Не обессудьте, мэм, — произнес он как можно спокойней, — но я предпочту остаться здесь, у окна.

Женщина нахмурила брови, изобразив обиженный вздох.

— Я не нравлюсь тебе? — спросила в лоб, без экивоков. — Мне казалось, мальчики твоего возраста всегда готовы доставить женщине удовольствие. — И добавила: — Миссис Уорд ничего не узнает, если ты переживаешь об этом... Она славная девочка, ничуть в этом не сомневаюсь, но неопытная, безыскусная, я же...

— Вы меня с кем-то путаете, миссис Стрикленд, — оборвал ее Джек. — Я — полицейский, а не мальчик для удовольствий.

— Почему одно должно противоречить другому? — проворковала его соблазнительница, подхватываясь с постели.

Ее руки, вездесущие, словно щупальца спрута, опутали Джека в тот же момент, как коснулись: скользнули к рубашке, запутались в волосах, оказались где-то внизу... Он с трудом отодрал их от себя и, всколыхнув портьеры на окнах, невольно глянул в окно.

Спичечный человек глядел на него, стоя под фонарем.

Не просто глядел — слабо светился в неярком ночном освещении, как еще одна лампа посреди общего мрака.

— Он здесь, — шепнул Джек, разом позабыв все на свете, кроме странной загадки, явленной ему в существе под окнами спальни.

Миссис Стрикленд стиснула на груди пеньюар, глаза ее стали большими от страха.

— Так ты тоже видишь его? — пролепетала она. — Значит, я не безумна? Боже мой, мне стало значительно легче.

Спичечный человек продолжал глядеть вверх — Джек различал этот взгляд по его закинутой вверх голове — лицо рассмотреть не получалось из-за свечения подобного тем, что рисуют на картинках святых. Нимб. Ореол. Призрачное сияние. Джек засмотрелся настолько, что почти позабыл, зачем здесь оказался: он хотел выйти и встретиться с этим призраком один на один. Убедиться в его природе: материальной или же...

— Оставайтесь здесь, я выйду и погляжу в лицо нашему «призраку».

— Быть может... не надо, — поймала его за рукав Эллисон Стрикленд.

Джек видел страх в ее огромных глазах, обращенных сейчас на себя... И страх этот был настоящим.

— Я должен. — Он мягко разжал ее пальцы и поспешил прочь из комнаты. В два счета сбежал по ступеням и провернул ключ в замке, оставленный в нем специально для этого случая. Крадучись Джек обогнул правый фронтон стены и сразу же увидел Спичечного человека, стоявшего все там же, под окнами спальни миссис Стрикленд... Недолго думая, он нащупал в кармане нож (тот был на месте) — он знал, опасаться стоит скорее людей, нежели призраков — и вышел вперед...

— Эй, там под фонарем, кто вы такой и зачем пугаете миссис Стрикленд? — произнес он как можно бесстрашней. — Полиция Скотланд-Ярда, — Джек сделал вид, что вынимает свое полицейское удостоверение, — немедленно подойдите и объяснитесь.

Спичечный человек посмотрел на него — в любом случае, голова его повернулась в сторону Джека — а потом — Джек подобной прыти не ожидал, а потому потерял драгоценные две секунды — рванул с места в карьер, да так, что любой скаковой лошади в

Аските стоило бы у него поучиться.

Джек бросился следом, удивившись, что призрачный свет, исходивший от Спичечного человека, со спины был почти незаметен, и сам он, казалось, слился с окружающей темнотой, лишь изредка то и дело мелькая в свете уличных фонарей да грохоча башмаками.

Так, под топот собственной обуви и рокот громко стучащего сердца, Джек добежал до пересечения улиц Итон Плейс и Аппер-Белгрейв-стрит, понял вдруг, что не видит преследуемого им (призрака?) человека, остановился, осматриваясь по сторонам, и выдохнул, упершись руками в колени и пытаясь перевести дух.

Полная тишина подхватила его и, казалось, понесла над землей. Он ощутил себя странно потерянным и бесприютным посреди ночного великолепия звездного неба и роскоши богатых домов. Ни редкий прохожий, ни Спичечный человек — ничто не тревожило покой ночных улиц. Может быть, даже и сам этот призрак ему примерещился... Призрак или кто бы он ни был.

Джек постоял, прислушиваясь и пытаясь уловить хоть единый непрошенный звук, а потом, развернувшись, медленно побрел прочь в сторону дома Эллисон Стрикленд.

Спичечный человек растворился в темноте как ни бывало...

Хозяйка поджидала его у дверей и, кажется даже, обрадовалась его возвращению.

— Вы вернулись, — сказала она, стиснув матерью пеньюара, — я так волновалась... боялась, что призрак...

— Для призрака его туфли достаточно громко стучали.

— Но вы все же не догнали его?

— Нет, он скрылся в районе улицы Итон Плейс и Белгравия-стрит. Я ждал, надеясь, что он проявит себя, но, боюсь, безрезультатно.

— То есть вы хотите сказать, что это был человек?

— Не могу утверждать однозначно, мэм, однако, я почти в этом уверен.

— Но этот свет...

Это свечение сбивало с толку и Джека, он не мог его объяснить, но знал, что сумеет, если только продолжит расследование.

— Весьма загадочен, признаю, но обещаю разгадать эту загадку.

И миссис Стрикленд, бросившись парню на шею, стиснула его в крепких объятиях:

— Благодарю, — прошептала с истинным чувством, опалив дыханием шею, а губами — нежную кожу.

Заспанная служанка впустила Джека в дом через кухню и, всучив ему огарок свечи, отправила самого добираться до отведенной ему комнаты. Комнату, к слову, ему выделили на втором этаже, гостевую в южном крыле, и Джек, надеясь только не заплутать, отправился на поиски своего временного приюта.

Отыскал его неожиданно быстро. Вошел, отметив наличие своего саквояжа на столике у стены, и буквально упал на край штофного покрывала, застилающего постель. День выдался долгий и нервный. Прекрасный, но и тяжелый одновременно... Он лежал, обдумывая каждый момент, и, кажется, задремал... В любом случае, он очнулся, когда в дверь постучали. Негромко, но очень настойчиво...

— Джек, это я. — В проеме открывшейся двери он увидел Аманду, бледную, как привидение. Лицом ей вполне удалось бы поспорить с самим Спичечным человеком... — Ты вернулся, — прошептала она, — я боялась, что ты... останешься там до утра...

Джек поднялся с постели, замерев в неловком молчании.

— Почему я должен был так поступить? — наконец отозвался вопросом, ответ на который заранее предугадывал.

— Потому что ты ей понравился, — выдохнула Аманда. — Я сразу заметила это... — Она стиснула руки, помолчала немного. — Ты ведь знаешь, что со мной происходит и почему? — спросила вдруг, поглядев на него. И столько было в том взгляде чувства и боли, что у Джека перехватило дыхание...

— Полагаю, что да... — ответил он тихо.

Аманда выдохнула как стон:

— Джек. — Подалась вперед, замерла в двух шагах от него. — Я люблю тебя, — призналась, как откупорила банку, в которой давно билась бабочка-мотылек. — Так люблю, что кажется не дышу, когда ты не рядом... Этот месяц, — она еще крепче стиснула руки, — этот месяц вдали от тебя... все это время после нашего поцелуя... Джек, я искренне верила, что уже не увижу тебя, и жизнь перестала казаться желанной.

— Не стоит так говорить...

— Но я чувствую это, — горячо возразила Аманда. — Чувствую, что живу только рядом с тобой. Без тебя... весь этот блеск, все эти вещи, — она указала рукой на окружающую их обстановку, — только пепел. Ненужная мишура. Пустое для сердца, души... — И с еще большей горячностью: — Джек, эта жизнь ужасно несправедлива, и я не могу с этим смириться. Почему надутые снобы, которые и мизинца твоего не стоят, диктуют нам правила, выбирая, как и кого нам любить. Мой муж... — она на секунду замолкла, — неплохой человек, он даже по-своему любит меня, но Джек, я никогда не смогу ответить ему взаимностью. Да и не хочу этого, если по правде... Я хочу быть с тобой... хотя бы здесь и сейчас... Пожалуйста, я прошу не так много!

Джек сделал шаг и стиснул ладонями ее плечи. Ощутил ее дрожь, как будто предавшуюся и ему самому...

Произнес:

— Ты знаешь, как важна для меня... как я... люблю тебя все эти годы, но какой бы несправедливой ни была эта жизнь, мы вынуждены соответствовать ей. Жить по тем правилам, что нам ненавистны... К тому же, твой муж доверился мне, я не могу предать это доверие. Ты знаешь, что не могу! — произнес с особым акцентом, и Аманда, сотрясаясь всем телом, тихо заплакала.

— Подчас я так ненавижу тебя за твое благородство, — призналась она сквозь застилавшие глаза слезы, — ненавижу и все же люблю только сильнее. Джек, ты убиваешь меня!

— Вовсе нет. — Он притянул к себе тоненькую фигурку Аманды и обнял — не хотел позволять себе даже этого, но не сумел удержаться. Она замерла на мгновение, прильнула к нему всем своим телом и заплакала горше.

Когда слезы иссякли, он проводил ее в комнату и долго стоял за дверями, не в силах унять беспокойное сердце. Соблазн был так велик, что совладать с собой оказалось труднее, чем он представлял...

«Я люблю тебя. Так люблю, что кажется, не дышу, когда ты не рядом...»

Джек не спал до утра: несмотря на физическую усталость, его мозг продолжал возбужденно крутить одни и те же слова снова и снова.

«Я хочу быть с тобой... хотя бы здесь и сейчас... Пожалуйста, я прошу не так много!»

Он забылся тревожным сном уже на рассвете и проснулся от стука служанки, сообщившей, что миссис Уорд просит его спуститься в гостиную. К ним пожаловала нежданная гостья.

Гостьей оказалась Эллисон Стрикленд. Свежая, яркая, ничуть не похожая на испуганную женщину, встреченную ими вчера, она, едва Джек вошел в комнату, вскочила с дивана, где сидела подле Аманды, и устремилась к нему со своей не терпящей отлагательства мыслью.

— Джек... мистер Огден, — поправились она скоро, зардевшись так ярко, как будто ее оговорка имела под собою некие скрытые обстоятельства, — я раздумывала над вашим рассказом и вдруг поняла, почему Итон Плейс, улица на которой пропал Спичечный человек, кажется мне знакомой.

— Вы не сказали об этом вчера.

— Вчера я была... — замялась она, — скажем так, несколько не в себе. — И попросила: — Простите меня, — глядя Джеку в глаза. Конечно, она просила прощение не за свою невысказанную догадку, а за свое неудавшееся соблазнение...

Аманда, наблюдавшая эту сцену с потемневшим лицом, тоже поднялась на ноги.

— Так почему эта улица кажется вам знакомой? — спросила она

И Джек, как будто уличенный в чем-то постыдном, отступил на шаг, не смея поднять на девушку глаз, а женщина поспешила сказать:

— Потому что на ней живет Эван Хилл, партнер Джона по спичечной фабрике. — И завладев таким образом вниманием слушателей, продолжила: — После смерти супруга Хилл хотел выкупить мою долю спичечной фабрики, говорил, что женщине не с руки заниматься делами подобного толка и сулил хорошие деньги. Я, ясное дело, от подобного предложения отказалась. Джон, упокой господь его душу, ни за что не простил бы мне подобного святотатства: отдать семейное дело в сторонние руки. Бедняжка в гробу бы перевернулся, а я любила супруга, несмотря ни на что!

Это «несмотря ни на что» прозвучало весьма многозначительно, но Джек спросил о другом:

— Мог ли мистер Хилл так сильно желать фабрику вашего мужа, что был бы готов на убийство? Каким он вам кажется человеком, целеустремленным, способным на всё либо...

— Не могу представить Хилла убийцей, — покачала головой миссис Стрикленд. — Он всегда казался мне очень мягким и понимающим человеком.

Джек попросил ее назвать адрес этого джентльмена и обещал навестить его в ближайшее время.

— Держите меня в курсе дела, — попросила кокетка Эллисон Стрикленд, прощаясь с Амандой и Джеком.

Аманде казалось, еще один ее взгляд в сторону Джека, и она вцепится женщине в волосы. Просто, чтобы выплеснуть напряжение... Ревность, снедавшую ее изнутри.

— Не хочу показаться несдержанной, — процедила она, — но мне показалось, что вы с миссис Стрикленд стали как будто несколько ближе со вчерашнего дня.

Ее ревность, а Джек видел, что это именно ревность, и даже ощутил невольную радость, заставила его улыбнуться.

— Возможно, лишь потому, что она принимала меня в неглиже... Такая небрежность невольно сближает.

Аманда ахнула, приоткрыв от возмущения рот.

— Она пыталась тебя соблазнить! — поняла она в один миг.

— И лишь напрасно потратила время.

Джек видел, что Аманда на взводе, ее нервозность прорывалась сквозь рваные жесты и фразы (прежде он в ней такого не замечал), и потому пожалел о произнесенных словах. Взял ее за руку и поднес тонкие пальцы к губам...

— Ты знаешь, кого я люблю.

— И все-таки мучаешь нас.

— Всего лишь поступаю по совести... — До боли хотелось поцеловать любимые губы, но Джек поспешно добавил: — Я очень хотел бы переговорить с этим мистером Хиллом, но не могу оставить тебя. Ты поедешь со мной?

Аманда расцвела такой широкой улыбкой, что он понял, что поступил верно, даже если не с точки зрения морали, то хотя бы ради душевого равновесия той, что любил.

— С радостью, Джек.

Их пальцы переплелись как бы сами собой и с трудом разомкнулись на пороге гостиной, когда они выходили, чтобы отправиться с визитом к мистеру Эвану Хиллу.

Тот, как и было замечено ранее, обитал в уютном особняке на Итон Плейс в районе Белгравии. Готический портик и современные ограждения балконов составляли приятный контраст в жилище богатого фабриканта, недавно пробившегося в круги светского общества и крайне этим гордившегося.

— Миссис Уорд, — поприветствовал он Аманду широкой улыбкой, — какая приятная неожиданность. — Он глянул на Джека и отвел взгляд, толком не понимая, кем он приходится юной леди. — Чем могу быть полезен? Прошу вас, проходите в гостиную. — Было видно, что он очень гордится тем, что его окружает и рад похвалиться свалившейся, словно снег на голову, госте. — Не так давно мы поклеили новые обои в гостиной, лиловый шелк, поглядите, миссис Уорд. Жена говорит, он сейчас в моде не только в дамских нарядах, но также и в интерьерах... Мы очень старались, чтобы нашим гостям было удобно: вот, присядьте в это кресло, миссис Уорд, чистый шелк, могу вас уверить.

Аманда присела, ощущая неловкость за этого милого джентльмена, всем своим видом, даже стенами своего дома, изобличавшего свое недавно приобретенное богатство. Все в нем — в этом доме и самом мистере Хилле — было кричащим, чрезмерным, как будто расхваливающим себя самое.

— Моя супруга, увы, отбыла с визитом. Как жаль, что вы разминулись: она была бы счастлива познакомиться с вами. Я прикажу подать чай...

— Мистер Хилл, — Аманда ему улыбнулась, — позвольте представить вам мистера Огдена, детектива из Скотланд-Ярда, — сказала она. — Он желал бы задать вам вопросы, касательно смерти мистера Джона Стрикленда, вашего партнера по спичечной фабрике. Надеюсь, вы уделите ему толику своего драгоценного времени!

Услышав, кем является сопровождающий миссис Уорд, мужчина враз сник, поглядев на того растерянными глазами.

— Детектив Скотланд-Ярда? — повторил он. — Я и не знал, что смерть Джона расследуют. Разве он умер не от апоплексического удара?

— Миссис Стрикленд считает, что он был убит спичечным человеком. Вы, верно, слышали о таком? — произнес Джек, и мужчина скривился.

— Все это бредни нездорового разума, мистер... как вас, простите?

— Огден, — подсказал Джек.

— Да, мистер Огден. Джон был не здоров, он даже ходил к психиатру, вы знали об этом? Ему всюду мерещился этот странный Спичечный человек...

— Значит ли это, что сами вы ни разу его не видели?

— Конечно же, нет! — возмутился мужчина. — Я, слава богу, способен отличить вымысел от реальности! А Джон утратил эту способность... Он как будто снова стал маленьким мальчиком, запуганным строгим отцом, с предчувствием надвигающейся беды, которую невозможно предотвратить. — И вскинув кустистые брови: — Он полагал, можете себе только представить, что этот Спичечный человек — его воздаяние за грехи.

— Он имел в виду что-то конкретное? — спросил Джек. — Какой-то особенный грех?

— Вот уж представления не имею, — всплеснул руками его собеседник. — Поинтересуйтесь об этом у Джинджерии Хантер, — саркастически произнес он. — Говорят, эта особа — гадалка или, как она себя величает, проводник для потустороннего мира, медиум. Словечко-то какое заумное! — много времени проводила в обществе Джона: якобы помогала ему беседовать с ныне почившими. Я же мало что знаю: Джон видел мой скепсис и в последнее время обходил меня стороной.

Джинджерия Хантер, медиум и гадалка, как гласила табличка на двери, обитала в районе Бетерси в неказистом домишке конторского типа. Мистер Хилл, так и не напоив посетителей чаем (похоже, детектив Скотланд-Ярда не показался ему достаточно важной фигурой, а миссис Уорд «пострадала» уже потому, что общалась с подобным субъектом), все-таки объяснил, где найти эту особу... Как оказалось, она была крайне востребованной персоной в кругах полусвета: богатые содержанки, разбогатевшие аферисты и простые ловцы удачи — все одинаково почитали «забавным» провести время от времени спиритический сеанс под водительством миссис Джинджерии Хантер.

— Джек, ты веришь в подобные вещи? — спросила Аманда у Джека по дороге к названной женщине. — В то, что мы продолжаем жизнь в лучшем мире, расставшись с этим?

Джек покачал головой.

— Помню, в нашем доме в Уайтчепеле, — сказал он, — когда еще живы были мама и Энни, проживал старый пьяница, бывший священник: так вот он любил повторять одни и те же слова: «Это наше временное пристанище, мальчик: эти плоть (обычно он указывал на себя), стены наших домов и улицы Лондона — все это временно, Джек. Однажды мы будем в другом, лучшем мире... — И вздыхал. — Но только если будем достойны».

— Что ты хочешь этим сказать?

Джек сжал пальцы девушки, глядя в полные тревоги глаза.

— Лишь то, что жить надо так, чтобы не стыдно было предстать перед богом... Все остальное... я мало что знаю и понимаю, Аманда, но хочу жить по совести, понимаешь?

Она молча кивнула, продолжая размышлять о своем. О том, например, что такие, как Джек, ей прежде никогда не встречались... Да и о жизни по совести ей не приходилось задумываться ни разу. Ее учили вышивке, музицированию и прямой, грациозной осанке, водили в церковь (там, конечно, говорили о разном), но все как-то не трогало сердца... Не заставляло задуматься о душе. Главным являлось, быть достойным сословия, в котором господь даровал тебе счастье родиться...

— Вот и дом нашей гадалки.

После этих слов Джека они вышли из экипажа и постучали в зеленую дверь.

Миссис Хантер отперла ее самолично, и оказалась женщиной среднего возраста с копной иссиня-черных волос, собранных на затылке в строгий пучок.

— Чем могу быть полезна, сударыня? — обратилась она сразу к Аманде, с первого взгляда различив ее статус.

— Джинджерия Хантер? — уточнила миссис Уорд.

— К вашим услугам, сударыня.

И Аманда ей улыбнулась:

— Мы хотели бы поговорить с вами о мистере Джоне Стрикленде, если вы будете так любезны, — сказала она. — Мистер Огден, — она указала на Джека, — детектив Скотланд-Ярда. Позвольте нам войти?

Женщина, враз посерьезнев, с неохотой впустила их внутрь. Серые стены, расписанные странной символикой, сомкнулись по обе стороны узкого коридора, и наши герои ощутили себя пойманными в ловушку.

— Пойдемте, я как раз пила чай, — сказала хозяйка, направляясь по темному коридору к маячившему впереди свету. — О Стрикленде я знаю немного, но расскажу всё, как есть. Что именно вас интересует?

Они как раз вошли в светлую комнату, претендующую на имитацию мавританского стиля: диваны, застеленные покрывалами с декоративным узором, ажурная вязь светильников, свисающих с потолка, и стол с витыми ножками под яркой красно-бежевой скатертью с бахромой — все это встретило их на пороге.

— Мы слышали, — ответил ей Джек, — что вы устраивали для Стрикленда спиритические сеансы. Так ли это?

— Садитесь, — женщина указала им на свободные стулья у чайного столика. И ответила: — Да, сеансы имели место. Я медиум, — присовокупила с достоинством, — помогаю оставшимся здесь беседовать с тем, кто там... — Глазами она указала вверх, что, верно, символизировало небеса. И взялась разливать чай... — Так что вы хотите узнать?

— С кем именно с вашей помощью «беседовал» мистер Стрикленд? — осведомился Джек, не сдержавшись от толики скепсиса в голосе, и женщина его различила.

Пододвинула ему чашечку чая и улыбнулась:

— Молодой детектив полагает меня шарлатанкой, — сказала она. — Что ж, я привыкла к подобному отношению, и оно меня больше не задает! А беседовал мистер Стрикленд всегда только с одним человеком: с некой Беатрис Хикс, насколько я помню.

— Кем была эта женщина?

— Понятия не имею. Я лишь проводник, мистер Огден: дух умершего говорит через меня. Ни о том, кто эта женщина, ни о том, о чем они с моей помощью говорили, я ни разу моего клиента не спрашивала... Меня это, поверите вы мне или нет, никак не касается.

Она спокойно встретилась с Джеком взглядом, таким ясным, правдивым, как будто Джинджерия Хантер не кормилась обманом, получая деньги с доверчивых дураков, а преподавала латынь в школе-пансионате для девочек.

— То есть ничего, кроме имени, вам о ней не известно?

— Совершенно ничего, мистер Огден.

— Сколько раз вы проводили сеанс?

— Два или три. В последний раз за день до смерти несчастного...

— Так вы знаете, что он мертв?

— Конечно, об этом писали в газетах. К тому же, мистер Стрикленд в последнее время

выглядел так, словно и сам нисшёл из преисподней... Был дерганый, нервный. — И она понизила голос: — Я повидала таких и немало...

— О чем вы?

— Об опиумных курильщиках, ясное дело, — отозвалась женщина-медиум. — Стрикленд казался одним из тех бедолаг, что впали в зависимость, понимаете? И дело, я полагаю, в его психиатре... как его там... Райт, так кажется... Стрикленд как-то проговорился, что спешит на встречу к врачу, мистеру Райту. Я слышала об этом субъекте — мы, своего рода, коллеги, пусть он никогда и не признает такого — его кабинет расположен на престижной Хай-стрит, клиенты, я слышала, им довольны. Но ведь он ничем не лучше меня... И даже хуже: я хотя бы не пичкаю бедолаг лауданумом — только надеждой.

Они помолчали недолго, и Джек снова спросил:

— Мистер Стрикленд говорил что-то еще о докторе Райте?

— Ни слова, дорогой детектив. Но, мне думается, он именно тот, кто вам нужен: психиатр, такова уж профессия, вынет вам душу и положит ее на ладонь. И после делайте с ней, что хотите... — И уверенным тоном: — Не сомневаюсь, что Стрикленд поведал ему о Беатрис Хикс и о многом другом. Он тот, с кем вам действительно стоит поговорить!

— Что думаешь? — спросила Аманда у Джека, когда они распрощались с хозяйкой. — Стрикленд умер на руках у жены в присутствии многих свидетелей. Все видели, как странно он себя вел: кричал, как будто беседуя с кем-то, и был страшно испуган — вердикт врача кажется вполне убедительным. Острый сердечный приступ, несовместимый с жизнью. Вот и его визиты к этой странной женщине лишь подтверждают неменяемость мистера Стрикленда...

— Все так, — подтвердил Джек. — На первый взгляд кажется, что у Стрикленда сдали нервы: он всюду видел несуществующий призрак, искал бесед с умершей женщиной, но... — Он открыл для Аманды дверь экипажа и подал ей руку, помогая забраться внутрь. — Но тот, кто убегал от меня прошлой ночью, был точно из плоти и крови, — заключил Джек, занимая место напротив девушки. — Я в этом уверен.

— Зачем же кому-то делать такое, — удивилась Аманда, — пугать мистера Стрикленда и супругу? Чего они добиваются?

— Это мне и хотелось бы выяснить, — произнес Джек.

Их глаза встретились в полутьме экипажа, и Аманда призналась вдруг:

— Это так занимательно, Джек, докапываться до правды. Мне нравится помогать тебе!

— Ты — лучший сержант из всех возможных, — улыбнулся он ей. — Но все-таки не стоило говорить, что я детектив Скотланд-Ярда.

Аманда пожала плечами:

— В противном случае нас не стали бы слушать. А ты, к тому же, скоро им будешь, детективом столичной полиции! Я в этом уверена.

— Значит, ты веришь в меня даже больше меня самого. — Улыбка у Джека получилась безрадостной, грустной. — После случая с инспектором Харпером меня вряд ли ждет скорое продвижение. Коллеги с опаской глядят на меня, кажется им дела нет, оправдан я или нет... Все равно я для них что прокаженный.

— Уверена, это изменится, — горячо отозвалась Аманда и, не сдержавшись, пересела на скамью рядом с Джеком, стиснула его руку и вдруг опустила голову ему на плечо. — Не хочу, чтобы ты хоть немного грустил, — призналась она. — Хочу, чтобы все твои мечты сбылись.

Запах ее волос кружил голову, близость любимого тела казалась нестерпимо сладостной пыткой...

— Одна из них точно сбылась, — хрипло прошептал он, и Аманда подняла голову, глядя в его глаза. — Ты рядом со мной.

— А ты со мной...

Карету качнуло, и их толкнуло друг к другу, секунда — и их губы соприкоснулись: сначала нежно и робко, после — неистово, страстно. Как будто выпивая любовь поцелуями, насыщая ими душу и тело, они целовались как никогда прежде.

Пальцы Аманды запутались в его волосах, его руки прожигали ей плечи... Она так давно мечтала об этом. Он так давно запретил себе даже мечтать...

И вдруг карета остановилась.

Приехали?

Слишком быстро.

Они отпрянули друг от друга, смущенные, красные, с неумным дыханием. Аманда нервным движением оправила волосы, Джек тоже пригладил свои... В этот момент лакей открыл дверцу и приладил ступеньку.

— Кабинет доктора Райта, мэм, — сообщил он, отводя взгляд.

— Благодарю, Том.

Аманда буквально выпорхнула наружу, и день, казалось, расцвел новыми красками.

— Джек, посмотри, яблоки в карамели! — воскликнула девушка, увидев тележку со сладостями на другой стороне улицы. — Я никогда такие не пробовала... Можно мы купим одно? — Она не могла и секунды устоять на одном месте, счастье распирало ее изнутри.

— Постой... — только и успел сказать он, когда она побежала через дорогу.

В тот же момент Джек заметил быстро приближающуюся повозку, казалось, возница не мог сладить с взбесившейся лошастью. Все происходило так быстро... так...

— Аманда! — закричал Джек, бросаясь вперед. И ужас, прежде неведанный, захолонул ему сердце...

В самый последний момент, обхватив Аманду за талию, Джек рывком потянул ее на себя, ощутил, как земля ушла из-под ног, и они вместе с девушкой повалились на мостовую. От падения из Джека вышибло дух... На секунду хоровод разноцветных искр закружил перед глазами. А потом Аманда зашевелилась...

— Дж-жек, ты живой? — прошептала она, и голос ее дрожал от пережитого ужаса. — Дж-жек, — нежные пальцы погладили его по щеке.

Он попытался сфокусировать взгляд...

— Все хорошо, — прохрипел, изображая подобие улыбки.

Хорошего было мало: этот возница, насколько Джек понимал, и не думал остановиться, унесся, погоняя своих лошадей, а прежде намеренно разогнал их с одной-единственной целью: навредить Аманде Уорд. Джек ни секунды в этом не сомневался...

— Мэм, что случилось? — зазвучали со всех сторон встревоженные голоса. — Вы в добром здравии? Позвольте, помочь вам... Эти возницы потеряли всякую совесть... Мне так жаль, что с вами это случилось!

Джек видел, что их окружили зеваки, негодовали, поносили несносных возниц, но особенно сокрушался мужчина с прогулочной тростью в руках, вился вокруг Аманды, словно шмель над цветком. Джек поднялся на ноги и отряхнул пыль с одежды...

— Позвольте, мэм, — он выставил для девушки локоть, и та охотно вцепилась в него. — Я провожу вас до экипажа. — И, прощаясь, кивнул шмелеобразному джентльмену.

— Спасибо, — прошептала Аманда, — спасибо, Джек... — И он ощутил дрожь ее пальцев, вцепившихся в рукав его сюртука. — Ты спас мне жизнь.

В этот момент из дверей, отмеченных табличкой с золочеными буквами: «Доктор Л. Райт, дипломированный психиатр», показался высокий мужчина приятной наружности. Одетый с намеренной элегантностью: длиннополый коричневый сюртук с большими пуговицами, темный жилет и короткий галстук с булавкой, воткнутой в белоснежные уголки воротничка — он мгновенно располагал одним своим видом.

— Господа, миссис Пибоди, моя регистратурная дама, только что сообщила, что под окнами моего кабинета едва не случилась беда, — произнес он взволнованным тоном. — Позвольте помочь вам. Все ли с вами в порядке?

Джек, решительно намереваясь везти Аманду домой (после случившего не могло и речь о встрече с доктором), почти произнес: «Благодарю, сэр, мы в добром здравии. Вам не о чем волноваться!», однако Аманда опередила его.

— Вы так добры... доктор Райт, если не ошибаюсь... — сказала она.

— Да, это я. Простите, что не представился сразу! — И он склонил голову: — Доктор Леонард Райт.

— Аманда Блэки Уорд, — самолично представилась девушка, что было явным несоблюдением правил. К счастью, самые рьяные блюстители этикета в тот момент как будто намеренно отвернулись...

— Рад знакомству, миссис Уорд. — Мужчина поцеловал ее ручку. И пригласил: — Прошу вас, будьте моими гостями. Я как раз наслаждаюсь минутой заслуженного покоя!

Аманда потянула спутника за рукав.

— Мы с мистером Огденом будем рады вашему гостеприимству... — отозвалась она, — тем более, что мы как раз желали с вами поговорить. — Доктор Райт вскинул брови в немом вопросе. — Насчет покойного мистера Стрикленда.

— Джона Стрикленда? — удивился мужчина. — Чем вызван ваш интерес, позвольте узнать?

— Желанием докопаться до сути произошедшего с ним.

Доктор Райт не изменился в лице, но улыбка его потяжелела. Казалось, ему давалось с трудом удерживать ее на лице... Он провел их в свой кабинет и, указав на стулья для посетителей, сел за стол, как бы подчеркивая, кто в данном месте хозяин.

— И что же с ним, по-вашему, произошло? — осведомился он.

— Убийство? — полувопросом, полуутверждением отозвалась Аманда.

Мужчина хмыкнул.

— Вы просто не понимаете, о чем говорите, уж простите за прямоту, миссис Уорд, — произнес он. — У Стрикленда наблюдался остро выраженный маниакально-депрессивный психоз, вызванный чрезмерным переутомлением и страхом не соответствовать завышенным стандартам своего строгого, взыскательного отца.

— ... Который давно мертв, насколько я знаю.

— Мертв, в этом вы правы, но данное обстоятельство не мешало мистеру Стрикленду ощущать его постоянное родительское давление. Такое бывает, когда ребенок рос в страхе перед строгим родителем, не склонным к проявлению чувств, и дабы заслужить его похвалу, доброе слово, совершал нечто особенное. Например, примерно учился, превосходил

сверстников в спорте, выигрывал конкурсы... — Он выдержал краткую паузу. — Я, право слово, не должен вам о том говорить (клятва Гиппократа, миссис Уорд), однако ваш интерес к его смерти меня удивляет. Скажите, что именно сподвигло вас заинтересоваться смертью моего пациента?

— Не «что», а кто, — улыбнулась Аманда. — На днях мы с мистером Огденом (он, вам следует знать, детектив Скотланд-Ярда), — небрежно присовокупила она, — прогуливаясь в парке, встретили миссис Стрикленд. Она была сама не своя: бедняжка не только лишилась любимого мужа, но еще и страшится за свою жизнь...

— Отчего же?

— Спичечный человек, — отозвалась Аманда. — Теперь он преследует и ее... А ведь вы уверяли мистера Стрикленда, что такого не существует, не так?

Доктор нахмурил брови.

— И до сих пор в этом уверен, — ответствовал он. — Этот, так называемый, Спичечный человек — ничто иное, как образно выраженный страх перед личностной неудачей. Мистер Стрикленд, пугаемый в детстве отцом этим выдуманном существом, привил сыну идею о том, что за каждую нашу провинность, следует непременно жестокое наказание, и, даже будучи взрослым, мой пациент жил под гнетом этой угнетающей мысли. Именно потому, являясь потомственным фабрикантом и страшась лишиться дела отца в силу некоторых финансовых неудач, мистер Стрикленд решил... я подчеркиваю: «решил» — что видит пресловутого Спичечного человека, предрекающего его неудачу и последующее наказание.

— То есть вы не верите в его существование?

— Конечно же, нет, миссис Уорд. В противном случае мне самому бы пришлось обратиться к врачу... — усмехнулся мужчина.

— Но он существует, — впервые произнес Джек. — В самом прямом, физическом смысле.

— Уверен, это не так.

— Я сам видел его прошлой ночью под окнами миссис Стрикленд. Он стоял там и глядел на меня... Когда же я попытался... свести с ним знакомство, он убежал, громко топая башмаками. — И Джек дернул плечами. — Не кажется ли вам, доктор, что для порождения большого разума мистера Стрикленда этот Спичечный человек слишком материален и громогласен? К тому же навязчив...

Доктор Райт поднялся из-за стола и прошелся по кабинету, оглаживая гладко выбритый подбородок.

— Уверен, этому есть какое-то объяснение, — произнес он в явных растерянности и волнении. — Только, видит бог, не понимаю какое. Этот Спичечный человек... это странное существо со светящимися глазами, как описывал его мистер Стрикленд, не может быть ничем иным, кроме как порождением страха, больной фантазии... — Доктор Райт подался в сторону Джека. — Вы уверены в том, что видели? Иногда мозг играет с нами странные штуки.

— Уверен в его материальности так же, как в самом нашем присутствии в этом кабинете.

Доктор снова прошелся по комнате.

— Мы со Стриклендом провели много часов в частных беседах, пытаюсь выяснить, что послужило причиной его ярких и столь навязчивых... галлюцинаций, — произнес он. — В конце концов, он и сам уверился в том, что Спичечный человек существует лишь в его

голове... Но то, что вы говорите...

— Доктор, вы прописывали Стрикленду лауданум?

— Да, конечно, это всегдашняя практика при наличии тревожного состояния и нарушения сна. А мой пациент, впервые появившись здесь в кабинете, сообщил, что не спал несколько дней... В те моменты, когда его измученный мозг отключался на краткий миг забытья, он видел кошмары и пробуждался еще более возбужденным, чем прежде. Лауданум помог ему отдохнуть... Сделал спокойнее. Почему вы спрашиваете об этом?

Джек ответил:

— Всем нам известно, что лауданум вызывает определенные состояния... картины того, чего нет. Вдруг он способен был вызвать тот приступ ужаса, что привел к смерти мистера Стрикленда?

— Полагаете, я усугубил лауданумом его состояние?! — возмутился доктор в сердцах. — Убил его?! Никак не возможно. Скорее это мог сделать Эван Хилл, партнер Стрикленда по спичечной фабрике.

— Вам что-то известно о нем?

— Я знаю лишь, что Стрикленд был им недоволен в последнее время: говорил, что тот ведет себя дерзко, принимает самолично решения, которые не в праве был принимать. И как будто вовсе желает прибрать себе дело... — Доктор задумался на мгновение. — Кто знает, вдруг, если вы правы насчет Спичечного человека, кто-то желал испугать мистера Стрикленда настолько, чтобы его сердце не выдержало, но... опять же... кто мог знать его так хорошо, чтобы пугать именно Спичечным человеком... Сам мой пациент, если верить его же словам, долгие годы не вспоминал об этом странном, придуманном отцом существе.

И Аманде припомнился разговор с Джинджерией Хантер.

— Кто такая Беатрис Хикс? — спросила она. — Мистерет Стрикленд упоминал когда-нибудь это имя? — спросила она.

Доктор Райт, одарив ее подозрительным взглядом, вернулся за стол и только тогда произнес:

— Откуда вы знаете это имя?

— Так вы слышали это имя? — не отступалась Аманда.

— Слышал, — признался мужчина. — От Стрикленда... Но он клятвенно умолял меня никогда ни при каких обстоятельствах не упоминать его при жене.

— Так это имя любовницы?

— Скорее грех молодости, — возразил доктор, — девушка с фабрики, в которую Стрикленд был влюблен еще в юности и которую бросил, едва она забеременела.

— Почему он вспомнил о ней годы спустя, в тот же момент, что и Спичечного человека?

Доктор Райт сложил руки домиком, палец к пальцу, и слегка постучал ими один о другой.

— Дело в том, что Стрикленд все эти годы винил себя в случившемся с этой девушкой: он бросил ее одну, с ребенком. Бедняжка не захотела сделать аборт, хотя он нашел нужную повитуху и оплатил ее работу, однако девушка, как позже выяснилось, ребенка оставила, и, едва о ее беременности стало известно на фабрике, управляющий Стрикленда (фабрикой в те времена управлял отец моего пациента) выгнал бедняжку на улицу. Тогда еще молодой человек, страшившийся огорчить строгого отца, Джон Стрикленд позволил ей затеряться на улицах Лондона и воспитывать плод их совместной любви в одиночестве.

— Он знал, кто появился на свет: мальчик или девочка? — осведомился Джек.

— Девочка, если я правильно помню. Так сказала ему сама Беатрис, когда он беседовал с ней через медиума...

— Миссис Джинджерия Харпер?

— Так это она назвала вам имя той женщины?

— Да, — призналась Аманда — вы правильно догадались. — Но почему все-таки Стрикленд вспомнил о мисс Хикс только теперь?

— Он посчитал, что Спичечный человек пришел, чтобы воздать ему за грехи, самым большим из которых Стрикленд считал своих брошенного ребенка и его мать. Он надеялся отыскать их и финансово поддержать, но выяснил лишь, что Беатрис Хикс, уехав из Лондона в поисках лучшей жизни, умерла всего лишь несколькими годами после рождения дочери. Где сам ребенок, никто не мог ему сообщить... И потому Стрикленд прибег к помощи медиума.

— Он выяснил, где его дочь?

— Боюсь, этого я не знаю. Мистер Стрикленд не успел сообщить мне об этом...

В экипаже они обсудили все сведения, полученные в этот день от трех разных людей. Мистер Хилл, миссис Харпер и доктор Леонард Райт... Каждый из них указал на другого и в итоге мяч снова вернулся к Эвану Хиллу.

— С ним нужно повторно поговорить, — сказала Аманда. — Если он хотел завладеть фабрикой, стать ее полновластным хозяином, то вполне был способен довести компаньона до душевной неуравновешенности, а позже — и смерти.

— Но, даже будь это так, все-таки остается загадкой, откуда он мог прознать о Спичечном человеке, — в задумчивости произнес Джек.

— Сам Стрикленд мог ему рассказать...

— Но доктор Райт утверждает, тот едва ли вспоминал о нем до тех самых пор, пока не увидел под окнами их фабричной конторы. Нет, здесь что-то не сходится...

И Аманда сделала большие глаза.

— А что, если дочь мистера Стрикленда вернулась, чтобы ему отомстить? — предположила и даже слегка покраснела, посчитав, что выдала какую-то глупость...

Но Джек произнес:

— Я и сам думал об этом, однако, кто она... и почему, отомстив бросившему их с матерью отцу, она переключилась на миссис Стрикленд? Полагаю, нам нельзя заикливаться только на этой идее.

Как раз в этот момент экипаж остановился возле дома Аманды, и Джек в последний момент взял ее за руку.

— Я не сказал самого главного, погоди.

— Чего же? — улыбнулась она.

— О том, что сегодня мог потерять тебя, и этот наезд был неспроста...

— Ты полагаешь...

— Именно так. Угроза не была пустым звуком: нам стоит быть осторожней.

— Ты и так осторожней, чем мне бы хотелось, — сказала Аманда, и Джек знал, что она говорит не о Бойде с его непустыми угрозами. — Но поцелуй был прекрасен, даже лучше, чем первый... Боюсь, у меня развивается привыкание.

И на этой легкомысленной ноте, так не вяжущейся с темой их предыдущего разговора,

Аманда вышла из экипажа, вошла в дом и велела подавать ужин. Она-де оголодала как волк и страшно представить, каким голодным должен быть мистер Огден... И снова еще один озорной взгляд в сторону своего спутника.

За ужином Джек сказал, что хотел бы покараулить у дома Стриклендов этой ночью. Едва услышав эти слова, Аманда спала с лица...

— Ты снова пойдешь к этой женщине? — спросила она. И голос ее предательски дрогнул.

— Я только покараулю около дома, ни больше ни меньше.

— Не ходи к ней один, — попросила Аманда, опустив низко голову. — Не могу даже думать, что ты... что она... Сегодня утром она поедала тебя своим взглядом, и мне жутко хотелось вцепиться ей в волосы.

— Ты знаешь, я люблю только тебя.

— И все-таки... как же Мара? — не выдержала Аманда. — Ты любил ее тоже?

Джек опустил вилку на стол. Посмотрел на девушку долгим, снисходительным взглядом, как бывает в разговоре с ребенком.

— Любил... как хорошего друга... Но иначе, чем чувствую это к тебе!

Аманда вскочила на ноги, сердце билось в груди трепещущей птицей, она бросилась было к дверям, воротилась.

— Прости меня, — воскликнула, заломив в отчаянии руки, — мне не стоило спрашивать о таком. Я сама не пойму, что со мной происходит! Я...

Джек тоже поднялся и, подойдя ближе, сжал ее плечи.

— Это все нервы, я понимаю. Сегодня тебя чуть не убили! Пожалуйста, дай себя отдохнуть: ложись спать, едва я уйду, и не дожидайся меня. Я хочу видеть тебя прежней Амандой: невозмутимой, спокойной, с улыбкой на лице.

И Аманда, ощутив, как промокли ресницы, уткнулась Джеку в сюртук. Нервы действительно, подводили ее в последнее время, но вовсе не угрозы со стороны Бойда были причиной того — Аманда страшилась, что больше не сможет прожить без Джека ни дня. Она нуждалась в нем и желала его... Только подле него она продолжала быть цельным, самодостаточным человеком.

А если он снова уйдет?

А это непременно случится...

На этой горестной ноте Аманда, не в силах уснуть, опять прибегла к знакомому средству: накапала в стакан несколько капель прописанного доктором лауданума.

Этой ночью Спичечный человек не вернулся. Не стоял под окнами дома Эллисон Стрикленд, пугая своим потусторонним мистическим светом... Джек напрасно прождал его два часа кряду, а после, уставший, разочарованный, воротился в свой временный, полный сладостных мук и надежды приют и сразу же лег. И уснул, кажется, сразу, как будто провалился в глубокую бездну... Но проснулся, стоило щелкнуть замку.

На пороге стояла призрачная фигурка. Джек в первый момент даже подумал, уж не Спичечный ли человек явился за ним, однако фигурка была явно женской... И вела себя странно.

— Аманда? — произнес Джек, памятуя о ее прошлом визите.

Та не двинулась с места, только как будто шептала себе что-то под нос. Джек поднялся на ноги и пошел было к ней, но девушка в тот же миг отмерла и скользнула в комнату

легким шагом. Прошла мимо Джека, словно не видя его, замерла у окна...

Джек различил, как она шепчет под нос:

— Джек... где же Джек... что, если с ним что-то случится... Не стоило отпускать его одного. Особенно к этой женщине... — Девушка отошла от окна, прошла, задев Джека краем своего пеньюара, постояла у секретера, шепча те же слова, вернулась назад. — Нет... не стоило его отпускать... не стоило позволять этой женщине... так я ему и скажу...

— Аманда, — совсем тихо позвал ее Джек, но она словно не слышала.

От странности происходящего его пробрали мурашки, табуном пробежались по телу, даже волосы, кажется, встали дыбом. Аманда была словно сомнамбула, двигалась по инерции, повинувшись работе своего спящего, но все-таки бодрствующего ума...

Джек слышал, будить человека, впавшего в лунатизм, нельзя.

— Зря я не сказала ему... зря не сказала, что... — продолжала шептать девушка у окна. — Может быть, стоило, но я не решилась... — Джек, заинтересовавшись словами, шевельнулся, желая подойти ближе. Но Аманда как будто услышала это: — Джек еще не вернулся... — зашептала совсем о другом, и голос ее становился все тише и тише. — Если бы только увидеть его... если бы только... — Она зевнула и подошла к краю кровати, опустила на него, словно совсем обессилев, а после легла на подушку и закрыла глаза. — Я скажу ему утром...

Через минуту она крепко спала, обняв подушку, на которой спал Джек пятью минутами раньше. Джек позволил себе шевельнуться...

Что это было?

И как теперь быть?

Он подошел, глядя на свою неожиданно материализовавшуюся мечту, на девушку, о которой мечтал многие ночи подряд, и просто прикрыл ее покрывалом. Она слабо зашевелилась, укутываясь в тепло, и Джек, не в силах справиться с искушением (знал, что этого делать нельзя) лег рядом, глядя в ее спокойное, более не озабоченное лицо. Тревога ушла, оставив детскую безмятежность и чистоту красивого, родного лица... Джек коснулся завитка мягких волос на виске, выпростанной руки с тонкими пальцами... сердце билось в сладкой истоме, как будто облитое патокой или медом, казалось какой-то волшебник взмахнул своей палочкой, чтобы исполнить мечту одного конкретного человека, и им этой ночью был Джек.

Он так и уснул... совершенно счастливым, с улыбкой на губах...

А проснулся от касания нежных пальцев: они щекотали ему кончик носа. Открыл глаза и мгновенно утонул во взгляде напротив...

— Извини, что бужу, но как я здесь оказалась? — последовал логичный вопрос.

При этом палец Аманды, скользя по абрису его щеки, переместился к губам, обрисовывая их контур. Джек сглотнул от мгновенной реакции тела на эту довольно невинную ласку...

И произнес хрипло, должно быть, со сна:

— А сама ты не помнишь?

Она головой помотала.

— Я точно уснула в собственной комнате. — И серьезнее: — Джек, что случилось?

— Ты сама пришла сюда ночью. Легла на постель и уснула... Я не решился трогать тебя.

Аманда, явно сбитая с толку, все-таки улыбнулась:

— Так я провела эту ночь рядом с тобой? — попыталась сгладить неловкость собственного поступка пикантным вопросом.

В любом другом случае Джек бы смутился, но сейчас беспокойство за девушку пересилило стыд.

— Аманда, с тобой все в порядке? — спросил он ее. — Лунатизм бывает опасен. Ты могла навредить себе...

И та вскинулась:

— Я не лунатик. Я... не знаю... Такого никогда не бывало. Просто нервы... Да, именно нервы! Я через чур переволновалась вчера. Это все из-за Бойда... и едва не случившегося наезда...

Но Джек знал, что о нем она вчера не сказали ни слова, ни вчера, ни вообще за последние дни. Нет, Бойд волновал ее в последнюю очередь... И в чем она не решилась признаться ему? О чем говорила в своем лунатическом сне?

Разволновавшись, Аманда, по крайней мере, перестала чертить узоры на его коже, и Джек смог вдохнуть полной грудью (кожу покалывало от этих прикосновений).

— Да, ты права, — произнес он, — это все нервы. Но, быть может, — добавил совсем осторожно, — тебе стоит обратиться к врачу?

— Зачем?

— Рассказать о случившемся.

Она откинулась на подушку, глядя куда-то на потолок. Потом повернулась с улыбкой:

— Я подумаю, — ответила просто. И добавила: — По утрам ты колючий. — Ее ладонь вспорхнула Джеку на щеку и прошлась по ней пятерней. — А ведь когда мы познакомились, ты был безусым подростком.

— А ты всегда была недоступна, как звезды. — Он не смог сдержать грустной улыбки.

— Вовсе нет. — Она схватила его ладонь и пальцем начертила на ней контур звезды, потом подула на якобы видимый там рисунок и закрыла его пальцы в кулак. — Чувствуешь? У тебя в ладони звезда. — И так посмотрела, что у Джека сердце в груди совершило кульбит. Он никогда не видел Аманды такой, как сейчас: в домашней одежде, с распущенными, неприбранными в замысловатую прическу волосами, с негласною просьбой в глазах. И теперь, казалось, будет помнить ее только такой... этот миг навсегда сохранится в глубине его сердца... ведь он явно никогда больше не повторится...

— Звезда, — кивнул он, продолжая сжимать свои пальцы, как будто и в самом деле ощущая звезду на ладони. — Она прекрасна, но жжется...

— Это только так кажется... — И Аманда, подавшись вперед, поцеловала его. — Не хочу забывать этот момент никогда, — прошептала она.

Джек тоже этого не хотел, а потому углубил поцелуй. Ведь утро, начавшееся с поцелуя любимого человека, способно сделать весь день... каждый его крохотный миг... незабываемо восхитительным...

После завтрака немного захмелевших от утренних поцелуев влюбленных поджидал сюрприз в виде миссис Гортензии Хилл, явившейся с неожиданным визитом. Эта пышнотелая дама, едва завидев Аманду, вздернула подбородок, провозглашая:

— Полагаю, миссис Уорд, вы простите мне эту скромную вольность в виде неожиданного визита, но, видит бог, я должна была вас увидеть, и как можно скорее.

— Да, конечно, присаживайтесь, миссис Хилл, — пригласила гостью Аманда. — Вчера,

навещающая ваш дом, мы, к сожалению, не застали вас...

— Именно потому я и сочла нужным явиться к вам вот так сразу с ответным визитом, — живо откликнулась миссис Хилл, почти падая на диван, словно ноги ее не держали. — Мистер Хилл, мой супруг, не одобрил бы подобного поведения — между нами, миссис Уорд, он страшный приверженец этикета, — она чуть округлила глаза, — но, узнав о вашем вчерашнем визите... и о теме вашего разговора... я сочла нужным прийти и сказать все, что знаю. — Она обмахнулась рукой, будто веером. — И пусть муж не одобрил бы, посчитал то распространением сплетен, но в свете упавших на нас подозрений... в свете бессовестных наветов этой кокотки миссис Эллисон Стрикленд...

Аманда с Джеком невольно переглянулись, продравшись мыслями сквозь ее витиеватое многословие, и кажется, догадавшись, о чем идет речь.

— Миссис Хилл, никто не посмел бы обвинить вашего мужа... — начала было девушка, но гостя прервала ее резким взмахом руки.

— И все-таки она вас прислала побеседовать с моим мужем, — возразила Гортензия Хилл. — Указала на Эвана, как на убийцу, пусть даже все знают: Стрикленд умер от апоплексического удара. Мы сами там были в тот вечер и видели, как это случилось... — И чуть менее агрессивно: — Никто не смеет нас обвинять... особенно эта кокотка. — Последнее слово было сказано с особым акцентом.

И Аманда спросила:

— Что именно вы хотели нам рассказать?

— О шашнях этой кокотки, — снова с акцентом, — с тем новым доктором... мистером Райтом. Уверена, об этом она вам не сочла нужным сказать!

— Миссис Стрикленд... эм, «водит знакомство» с доктором Леонардом Райтом? — уточнила Аманда.

— И очень близкое, если позволено будет сказать. — Гостя плотно поджала чуть тронутые помадой губы. — И это не пустые слова, миссис Уорд, что бы вы там себе ни подумали: я сама видела этих двоих еще тогда, когда явно лишившийся разума Стрикленд был еще жив.

— Где именно вы их видели? Не могли ли они обсуждать состояние ее мужа? — спросила Аманда.

Женщина усмехнулась.

— Вряд ли они в тот момент вообще вспоминали о Джоне Стрикленде, миссис Уорд, — говорившая вскинула брови. — Рука доктора покоилась у нее на спине, а эта кокотка едва ли не дыры в нем прожигала. Такие, знаете ли, глаза бывают у сладострастных девиц в портовых борделях... — Сказала и тут же смутилась. Благовоспитанной даме как бы и вовсе не полагается знать о существовании таких мест... — В общем, я лишь хотела сказать: прежде, чем бросать камень в другого, пусть попомнит свои собственные грехи. — И тише, будто страхась быть подслушанной: — Может быть, это они на пару с любовником, кто может знать наверняка, решили избавиться от бедного Стрикленда. Придумали сказку о Спичечном человеке и довели его до могилы!

Сказав это и присовокупив кое-что в том же духе, гостя в скором времени удалилась.

— Что скажешь, — спросила Аманда, глянув на Джека, — можно ли верить словам этой женщины? Она скажет все что угодно, лишь бы выгородить себя и супруга.

— Она не казалась неискренней, — ответил молодой человек. — В любом случае, самый лучший способ выяснить правду — это спросить у самой миссис Стрикленд.

Сказано — сделано. Экипаж Аманды был всегда под рукой, и в скором времени наши герои входили в гостиную дома на Элизабет-стрит. Миссис Стрикленд приветливо им улыбалась и казалась чрезвычайно заинтересованной, когда вопрошала, удалось ли им побеседовать с Эдвином Хиллом и что он сказал в свое оправдание. А еще сообщила, что «этой ночью Спичечный человек снова стоял под ее окнами».

Джек с трудом сдержал удивление, всматриваясь в лицо говорившей. Кабы не прошлый раз, когда он видел это странное существо убегающим по улицам Белгравии, решил бы, что Спичечный человек действительно призрак, который является только избранным жертвам.

— Вы уверены, что видели его этой ночью? — осведомился Джек осторожно, как бы стараясь не спугнуть присевшую на карниз птицу.

— Конечно... уверена, — ответила Эллисон Стрикленд и тут же, выдохнув: — Нет, это неправда. Этой ночью Спичечный человек, к моей вящей радости, так и не появился... — Поглядела в полные осуждения глаза своих собеседников и призналась: — Да, я все понимаю: лгать было не нужно, но я вдруг испугалась, что вы больше не захотите мне помогать. Решите, раз он пропал, то главная из проблем решена...

— Я караулил под вашими окнами этой ночью, — признался Джек, дабы уверить ее, что обман был действительно неуместен.

И женщина тут же с кокетством попеняла ему:

— Зачем же вы мерзли на улице... Джек. Ждать в доме было бы много приятней!

Аманда в тот же момент ощутила волну раздражения, сладить с которой у нее не были ни сил, ни желания.

— Этим утром, — сказала она, — нас посетила жена мистера Хилла, Гортензия Хилл. Ей не понравились подозрения, высказанные в адрес супруга, и она сочла нужным... поведать нам некоторые подробности вашей жизни, в свете которых, признаться, история с вашим мужем начинает выглядеть по-другому.

Эллисон Стрикленд вскинула подбородок и осведомилась:

— О чем же поведала вам эта старая сплетница миссис Хилл?

— О вашем близком «знакомстве» с доктором Райтом, о котором вы нам не сказали ни слова. — Аманда ощутила восторг, как будто мстила своей собеседнице за томные взгляды в сторону Джека. Ее Джека... ее и ничьего больше.

— А разве это имеет отношение к делу? — откликнулась та. — Наши отношения с доктором Райтом никого не касаются.

Джек понял, что пришло время вмешаться, и произнес:

— Миссис Стрикленд, не хочу показаться невежливым, но коли мы полагаем, что ваш муж был убит... то любой человек, видевший выгоду в его смерти, подпадает под подозрение.

Женщина ахнула:

— Ах, что вы говорите такое?! Какая выгода доктору Райту в смерти моего милого Джона? — И без остановки: — Да, мы с доктором виделись несколько раз, да, нам было приятно общество друг друга, но все это случилось уже после того, как Джон стал видеть Спичечного человека. Мало того, именно это и сблизило нас... Нас представили на одном из приемов — доктор обладает располагающей внешностью — и я подумала сразу, что Джону было б не лишним посетить подобного специалиста. После этого он и записался к доктору на прием... Как видите, никакой злонамеренности со стороны доктора Райта здесь не было и быть не могло! Откуда бы ему знать об этом проклятом Спичечном человеке?! — Миссис

Стрикленд стиснула руки, вся кровь отлила у нее от лица, превратив его в белую маску. Если она и играла, то делала это весьма убедительно...

Джек припомнил красавицу Этель Эдвардс, так ловко обманувшую столько людей. А ведь он ни на секунду тогда в ней не усомнился...

— Миссис Хилл полагает, — произнес он, — что, желая избавиться от супруга, вы могли сговориться с доктором Райтом...

И миссис Стрикленд оборвала его:

— Леонард женат и с женой разводиться не собирается. В чем же, по-вашему, его выгода в смерти Джона?

— Доктор женат? — Джек отчего-то полагал, что тот холост. — Об этом никто ни разу не упомянул.

— Конечно же, нет, — саркастически заметила женщина, — ведь это такая незначительная деталь. А, между тем, доктор сразу сказал, что хоть и не любит жену, однако связан с ней клятвой, которую нарушать не намерен. Бедняжка больна, — добавила она тише, — а доктор Райт достаточно благороден, чтобы не бросить ее и заботиться, несмотря ни на что.

— Чем больна миссис Райт?

— Точно мне неизвестно, да я и не стала бы спрашивать о таком, — ответила женщина. — Довольно того, что мы с Леонардом понимаем друг друга... К тому же, он очень помог мне после смерти супруга. Особенно в свете... — Миссис Стрикленд смутилась, рука ее, описав в воздухе полукруг, мимолетно коснулась ее живота. — ... В свете неожиданной новости.

Аманда вдруг догадалась:

— Вы ждете ребенка? — Голос ее прозвучал совсем тихо и, казалось, растворился дымкой в притихшей вдруг комнате. А невысказанное «От кого?» камушком покатилося по полу...

Эллисон Стрикленд кивнула.

— Я узнала об этом после смерти супруга: мне стало плохо на похоронах, и Леонард предложил посетить женского доктора. — И тут же, заметив взгляды своих собеседников: — Это ребенок Джона, что бы вы там ни думали обо мне, в этом нет никакого сомнения. — Она закрыла руками лицо и замерла на мгновение, как бы с силами собираясь. — Я могу казаться вам легкомысленной, даже порочной, — вновь заговорила она, и глаза ее влажно блестели, — но по-своему я любила супруга и делала все, что могла, лишь бы он снова стал прежним. В один из своих лучших моментов — тогда Джон как раз начал навещать доктора Райта — он сказал, что мечтал бы заиметь сына... Увидеть того, кто продолжит семейное дело Стриклендов. Вот тогда... я полагаю, это-то и случилось. — Рука женщины снова легла на ее еще плоский живот. — А теперь Джона нет — есть только этот ребенок, и я не хочу его потерять. Именно ради него я держусь за фабрику Стриклендов, отказав Хиллу в продаже своей доли акций... Не хочу, чтобы дело всей Джоновой жизни ушло в сторонние руки, понимаете вы меня или нет?

— Аманда, постой! — произнес Джек, удержав девушку за руку.

Они как раз подъехали к кабинету доктора Райта и собирались выходить из кареты, когда Джек заметил помощницу доктора, миссис Пибоди, бодро шагающую по тротуару с сумкой в руках.

Аманда, проследив его взгляд, сразу же догадалась:

— Доктор Райт остался один...

— ... и, если бы кто-то отвлек его на какое-то время... — подхватил ее слова Джек.

— ... ты смог бы просмотреть записи пациентов.

Они улыбнулись, довольные тем, как легко понимают друг друга.

— Не хочу наговаривать на доктора Райта, но, боюсь, всей правды он нам не сказал, а предоставить карточку пациента вряд ли захочет. Потребуется официальный запрос...

Аманда согласно кивнула, и глаза ее загорелись лукавством.

— Я отвлеку его, Джек. Сделаю вид, что нуждаюсь в немедленной консультации, и отвлеку так надолго, как только смогу. Дай мне не больше пяти минут, а потом иди следом...

С этими словами Аманда, подхватив длинную юбку, сошла на тротуар и направилась к кабинету доктора Райта. Звякнул дверной колокольчик, и девушка скрылась за дверью... Джек, прождав нужное время и посчитав, что дорога свободна, тоже выбрался из кареты, подошел к нужной двери и, стараясь минимизировать звон колокольчика, приоткрыл дверь на дюйм... еще на дюйм... Скользнул в приоткрытую дверь. В приемной никого не было... Из кабинета доктора раздавались едва слышные голоса.

Джек, не теряя ни минуты, приоткрыл дверь позади регистрационной стойки и скользнул в нее, полагая, что именно там хранятся папки с делами всех пациентов доктора Райта. И он не ошибся: полки, с аккуратно расставленными по алфавиту папками, занимали всю правую стену маленькой комнатки.

Джек углубился в поиски дела мистера Стрикленда...

Аманда сидела перед доктором Райтом и едва ли играла, изображая нервозность и беспокойство.

— Итак, миссис Уорд, что именно вас беспокоит? — осведомился мужчина, наблюдая, как она мнет пальцами тонкий батист кружевного платка. — Вы можете говорить не таясь, наш разговор останется в этих стенах. Я обещаю!

Она молча кивнула. Простая необходимость отвлечь доктора разговором о мнимой проблеме как-то враз уступила место чему-то более важному...

— Я почти не сплю в последнее время, — призналась она. — Закрываю глаза, но сна как не было, так и нет... Бывает, я лежу до утра, глядя на тени на потолке, наблюдая, как они наползают и исчезают, и мысли — они мучительнее всего — не дают мне покоя, снова и снова молоточком стучась под черепную коробку. Я боюсь наступления ночи... — выдохнула она. — Я боюсь этого времени в темноте наедине с собственными мыслями, доктор... А потому в последнее время... я стала принимать лауданум... Он дарит покой, сон и отдых моему телу.

— Но ваш разум в огне, как и прежде, — присовокупил доктор Райт, и девушка молча кивнула. — Расскажите, что за мысли не дают вам покоя. О чем вы думаете, когда лежите без сна, наблюдая за игрою теней на стенах вашей комнаты?

Аманда стиснула многострадальный платок.

— Я думаю... я... — Разве могла она сказать это вслух?! — Я... — Язык казался неповоротливым и тяжелым, словно оплавленный в тигеле брусок бронзы.

— Я понимаю... — Доктор Райт поднялся со стула, вышел из-за стола и подошел к ней. — Если долго держать что-то в себе, оно вплавляется в нашу кожу, гортань, бежит ядом по венам и отравляет все тело. Единственный способ исцелить собственный разум —

вырвать «занозу»...

— Но как?

— Вы должны говорить.

— Я не могу, — выдохнула Аманда, и это было истинной правдой.

— Я могу вам помочь... но для этого вы должны захотеть говорить...

Она не хотела, нет, говорить о таком она могла только с собой, да и то мысленно, в своей голове... Как довериться чужаку?! Этому доктору... Но она обещала дать Джеку время...

— Я хочу, — через силу прошептала Аманда.

Доктор Райт улыбнулся.

— Вы приняли правильное решение, миссис Уорд. — Он подал ей руку и подвел Аманду к дивану. — Присядьте, — попросил он, — здесь вам будет много удобней. — Потом достал из кармашка золотые часы на длинной цепочке и произнес: — Просто расслабьтесь и следите за движением маятника.

Аманда засомневалась было, стоило ли соглашаться (беспокойство кольнуло в самое сердце), но часы мерно раскачивались из стороны в сторону, доктор Райт умиротворяюще говорил:

— Просто расслабьтесь, миссис Уорд, позвольте колыханию маятника унести вас из этой скучной, опустылой реальности в тот момент, когда вы были по-настоящему счастливы. Успокойте дыхание, утишите биение пульса — выдохните все то, что делает вас несчастной и вспоминайте...

И Аманда вдруг ощутила, как раздвинулись стены полутемного кабинета, как его неподвижный, казалось бы, воздух заколебался от веяния нежного ветерка... Как пахло ароматом сирени. Как... улыбка изогнула ей губы.

— Что вы видите? — спросил голос доктора Райта.

Аманда, стоявшая на дорожке Гайд-парка в темно-зеленой, прекрасно пошитой для нее амазонке, отозвалась с улыбкой:

— Это Гайд-парк, мы возле озера Серпентайн.

— Мы? Кто рядом с вами, Аманда?

— Мама и кузен Мейбери. — Стоило ей произнести это имя, как улыбка на ее лице сменилась гримасой явного отвращения.

— Почему вы вдруг огорчились? — спросил все тот же вкрадчивый голос. — Разве не это одно из ваших счастливых воспоминаний? Расскажите мне, что сейчас происходит.

Аманда вздохнула:

— Кузен подарил мне цветы, а мама пеняет ему за излишнюю сентиментальность. Говорит, он балует меня...

— А что делаете вы?

— Я улыбаюсь ему. Мне приятно внимание молодого мужчины... К тому же я вижу, что Мейбери мной очарован. Он так и сказал вчера на балу: «Вы красивее всех в этом зале, Аманда. Вы ранили меня в самое сердце!».

— Полагаю, такое признание сделало вас счастливой... Почему же вы вдруг огорчились, припомнив этот приятный момент?

— Потому... потому что я была слишком глупа... кокетлива и наивна, чтобы понять все последствия своих действий. — Аманда издала звук, похожий на всхлип и схватилась за горло. — Я сама спровоцировала беду... — прохрипела она. — Погубила всех этих

девушек... и сестру Джека... Я боюсь, что однажды он обвинит меня в этом... заставит ответить за монстра, что я породила, сама не ведая этого...

— Миссис Уорд, успокойтесь, — тихий голос как будто коснулся ее, — подумайте лучше о том, изменилось бы что-то, веди вы себя совершенно иначе? Будь вы холодной и неприступной, стал бы Мейбери делать то, что случилось?

Аманда задумалась на мгновение.

— Я не знаю, — призналась она. — Отец говорил, южное солнце Ямайки лишило Мейбери разума. Я же... не ведаю, что сподвигло его... — И с надрывом: — И все же я не должна была позволять ему думать, что он интересен мне...

— Вы были ребенком. Шестнадцать-семнадцать... Сколько вам было?

— Шестнадцать. Исполнилось ровно за месяц до первого бала...

И голос снова погладил ее, прошелся по коже теплым веянием ветерка.

— Вы напрасно носите это бремя, Аманда: в случившемся с теми девушками нет вашей вины. Отпустите свое недоброе прошлое и смотрите только вперед...

— Но там нет ничего, — призналась Аманда, — в моем будущем нет ничего, что дарило б мне радость. — И продолжила, поясняя: — Как бы ни было горько все то, что случилось со мной из-за Мейбери, именно те непростые события подарили мне... Джека. Я люблю его больше всех в этом мире, но нам никогда не быть вместе... В глазах общества он всего лишь житель трущоб, я же... считаю его самым лучшим человеком на свете. И, однако, этого мало для счастья...

— Именно это мешает вам спать, миссис Уорд? Именно потому вы лежите ночами, не в силах уснуть: вы страдаете от любви?

Девушка усмехнулась.

— Скорее от чувства вины: я сама во всем виновата. Сначала с Мейбери, а теперь — с моим мужем... Не нужно было соглашаться на брак, уступать желанию матушки... Лучше бы я позволила Джеку увезти себя... и без разницы, куда именно. Я просто хочу быть счастливой! — улыбнулась она.

Голос доктора Райта спросил:

— Что мешает вам сейчас поступить именно так: сбежать вместе с любимым?

Аманда больше не улыбалась, лишь глядела пустыми глазами куда-то туда, куда доступ был у нее у одной, и ответила:

— Клятва, данная перед богом, и ребенок, которому нужен отец.

Очнувшись, Аманда не помнила, о чем говорила: ей казалось, она проснулась от сна, впервые подарившего ей настоящую бодрость. И, как ни странно, на душе было легче обычного...

— Что со мной было? — спросила она. — Я не помню ни слова.

— Вам и не нужно.

— Но мы говорили?

— Конечно.

— И что я вам говорила? — Аманда по-настоящему испугалась.

Доктор Райт улыбнулся.

— Ничего из того, о чем вам стоило бы волноваться, — уверил он собеседницу. И поднялся на ноги. — Извините, миссис Уорд, но меня ждет важная встреча. Если желаете повторить нашу беседу, запишитесь у миссис Пибоди загодя... Я не всегда могу быть

свободен так, как это вышло сегодня. В любом случае, — он поглядел ей в глаза, — постарайтесь не злоупотреблять лауданумом. Особенно в вашем нынешнем положении... — Аманда спала с лица. — Не бойтесь, об этом никто не узнает. Я вам обещаю!

Она шла до кареты словно сомнамбула, страх и вина тяготили ей сердце. Что еще она ему рассказала? Что еще доктор Райт сумел выведать у нее в его навеянном гипнотическом сне?

— Аманда, ты уверена, что в порядке? — в который раз спросил Джек, с беспокойством глядя на девушку. Даже в полумраке кареты ее лицо отливало мертвенной белизной...

— Все хорошо, Джек, не беспокойся.

И все-таки он беспокоился — девушка выглядела больной.

— О чем вы с доктором говорили? Ты долго отсутствовала.

Аманда молчала, сминая в руках все тот же многострадальный платок, а потом вдруг вскинула взгляд.

— Джек... — начала было так, словно долго боролась с собой, чтобы признаться, но в последний момент все-таки спасовала.

«Зря я не сказала ему... зря не сказала ему, что... Может быть, стоило, но я не решилась...» Вспомнился Джеку ее ночной шепот...

— Да, что ты хотела сказать?

Но Аманда лишь отмахнулась:

— Да так... ничего важного, — отозвалась она. И попросила: — Расскажи, удалось ли тебе выяснить что-то?

Джек, раздосадованный ее нежеланием открыться ему, молча кивнул.

— Ты не поверишь, что удивило меня больше всего, — произнес он с чуть меньшим энтузиазмом, чем испытывал до того.

И рассказал, как в поисках медицинской карты мистера Стрикленда наткнулся на карту — подумать только! — Марджори Райт, жены доктора.

— Миссис Стрикленд ведь говорила, что жена доктора чем-то больна... — заметила девушка.

— Но я и подумать не мог, что это что-то психическое... И судя по записям в карте, разобрать почерк доктора было непросто, это что-то вроде синдрома навязчивых состояний.

— Что это значит? — спросила Аманда.

— Понятия не имею, — развел Джек руками. — Но я подумал, что нам бы не помешало побеседовать с ней с глазу на глаз. Подумай сама: у Стрикленда была дочь примерно тех же лет, что и Марджори Райт.

— Ты полагаешь...

— Нельзя исключать никакие возможности.

— Но как мы увидимся с ней? Вряд ли доктор позволит нам задавать ей вопросы.

Джек задумался, пытаясь разрешить эту дилемму, и на ум пришло только одно:

— Мы можем подждать ее, сидя в экипаже у дома. Уверен, миссис Райт выходит из дома совершить моцион или, может быть, в ближайшую лавку...

— Если только она не настолько плоха, чтобы и вовсе быть запертой в доме, — предположила Аманда. Но тут же добавила: — Но мы все-таки попытаемся выждать ее, обязательно попытаемся, но только, наверное, не сегодня. Мне надо увидеться с матерью, — заключила с извиняющейся улыбкой.

Аманда не понимала, зачем ей вдруг захотелось посетить леди Риверстон Блекни, но желание поговорить с матерью занозой засела в ее голове. Пусть даже свидание обещала быть малоприятным, как и всегда, когда им случалось встретиться вместе, она все-таки ощутила решимость завести давно назревающий разговор...

— Тебе лучше дожидаться в карете, — тронула она Джека за руку, когда знакомый ему портик дома предстал за окном экипажа. — Не хочу давать матери повод оскорблять тебя, Джек, ты ведь знаешь, какой желчной она может быть. Пожалуйста, оставайся здесь, я вернусь очень скоро.

Джек видел, что девушка чем-то расстроена: то ли беседой с доктором Райтом, то ли предстоящим свиданием с матерью — в любом случае, он удержал ее за руку и, подавшись вперед, поцеловал любимые губы. Поцеловал так, словно хотел поделиться собственным мужеством и унять мучивших ее демонов, и, кажется, у него получилось...

— Спасибо, — улыбнулась Аманда. И прошептала: — Люблю тебя, Джек.

— И я... люблю тебя, ты ведь знаешь...

Она дернула головой, глаза у нее неожиданно заблестели. Такой, со счастливой, но все-таки грустной улыбкой, она и вышла из экипажа. Джек глядел на нее сквозь занавески окна, пока она не скрылась за дверью, потом откинулся на сиденье и прикрыл на минуту глаза...

Что за тайна тяготила Аманду?

И как он станет жить дальше, когда эти волшебные дни, словно выпрошенные у бога, закончатся навсегда?

Пока Джек мучился этим и другими вопросами, Аманду сопроводили в жилую комнату к матери. Здесь, сколько девушка себя помнила, леди Риверстон проводила большую часть дня: отдавала распоряжения слугам, писала письма, воспитывала детей и здесь же принимала особенно близких родственников и друзей. Тяжелые шторы на окнах скрывали ее маленький рай от любых любопытных глаз, нежась в уютном кресле у пылающего камина, суровая женщина чуть приспускала свое рыцарское забрало и казалась почти человеком.

— Аманда? — вскинула леди Риверстон бровь, и оправила складки домашнего платья. — Давненько тебя не было видно. — Она окинула девушку взглядом. — Выглядишь прихворавшей. Как ты?

Аманде до жжения в грудной клетке захотелось упасть перед матерью на колени, зарыться лицом в ее юбку и ощутить теплую руку на волосах, поглаживающую ее как ребенка. Вместо этого, повинувшись взмаху материнской руки, она присела в кресло по правую руку...

— Я здорова, — сказала она, — вам не о чем волноваться.

— Где твой супруг?

— Отсутствует в городе по делам.

— Опять? — Леди Риверстон так сильно стиснула губы, словно и вовсе их съела. — Вот что значит, выходить за дельца... — Сказала как будто с упреком, словно это Аманда выбрала мужем Уорда, а не наоборот. — Он хотя бы... озаботился продлением рода? — осведомилась, отводя в сторону взгляд. — Или деньги — его истинное дитя?

— Мама... — «это вас не касается» хотелось заметить Аманде, но она, конечно же, не решилась. — Вам не о чем волноваться, — лишь повторила ранее сказанные слова.

И леди Риверстон не сдержала своего раздражения:

— Как же не о чем волноваться, когда твое имя треплют на каждом углу! Мне начинает казаться, что ты делаешь это намеренно, порочишь доброе имя родителей ради потехи. — И

менее патетично: — Вы получили приглашение к Грегстонам? Нет? Этого стоило ожидать. Кто захочет якшаться со скандализованным семейством, вроде вашего с мужем. Ваша причастность к событиям в Блае возмутительна и ужасна! Боже мой, придет время, и двери высшего общества закроются для тебя... Ты этого хочешь, Аманда?

Нет, мама, я хочу счастья...

— Нет, матушка, не хочу.

— Тогда хватит вести себя как ребенок. Тебе впору нянчить своих... — Она окинула девушку еще одним взглядом. — Надеюсь, ты не бесплодна? — осведомилась, снова сжав губы.

Аманда знала, что именно так все и будет: упреки и наставления, наставления и упреки. И пусть в словах матери была правда, слышать ее хотелось меньше всего — слова сочувствия и любви, вот чего не хватало Аманде.

— Матушка...

— Что?

— Помните Мейбери... — Два простых этих слова подкинула леди Риверстон с места словно пружиной.

— Не желаю и вспоминать.

— И все-таки... — Дочь ее тоже поднялась на ноги. — Помните, как все было тогда? Скажите мне только одно: я была виновата? Вы считаете, я спровоцировала его?

Леди Риверстон, сидевшая у камина, так, что блики огня хороводом плясали на ее бледной коже, дернула головой.

— Что за странные мысли, Аманда! — выдохнула она. — Мей... этот безумец, — не пожелала она называть его имя, — был не в себе. Так бывает, когда живешь под палящим безжалостным солнцем: оно иссушает мозги. Твой отец именно так и считал, и я склонна верить ему. Зачем ты спрашиваешь об этом? Снова напоминаешь...

— Те девушка, мама... они умерли из-за меня...

— Вовсе нет. Не желаю и слышать такого! — отмахнулась ее собеседница. — Ты не в ответе за поступки безумца. Выброси это из головы!

Аманда вдруг ощутила, как эти простые слова бальзамом пролились ей на душу и, бросившись к матери, она крепко ее обняла. Не привычная к ласкам леди Элизабет Риверстон неловко замерла, словно окаменевшее изваяние под взглядом медузы-горгоны...

— Ну-ну, — сказала она, — право слово, что за порывы... Ты всегда была странным ребенком, Аманда, но пришло время взрослеть. Тебе больше не десять... И хватит тискаться.

Девушка отстранилась с улыбкой.

— Спасибо за ваши слова, — сказала она. — Мне было важно это услышать.

В тот вечер, лежа в постели, Аманда долго боролась с собой: желание прибегнуть к заветному средству казалось почти нестерпимым. Уже встав с постели и взяв в руки флакон, она все-таки замерла засомневавшись... Руки тряслись. Тело дрожало... Что с ней такое? Началось привыкание? От страха ее затрясло еще больше.

Но ведь она принимала всего лишь по несколько капель...

Да и сейчас приняла бы не больше...

Так, капельку, чтобы уснуть.

Всего лишь одну...

Она откупорила крышечку и поднесла флакон к носу...

Только капельку... а потом она бросит...

«В любом случае, постарайтесь не злоупотреблять лауданумом. Особенно в вашем нынешнем состоянии...»

Но она и не думала делать что-то подобное...

Только капельку, чтобы дать себе отдых.

Стакан с водой стоял здесь же, налитый, и Аманда накапала в него лауданум. Капля, две, три... Поднесла его было к губам, но руки дрожали так сильно, что стекло клацнуло прямо о зубы.

Девушка ахнула, задохнувшись от нового приступа страха, и в сердцах запустила стаканом о стену. Осколки дождем разлетелись в разные стороны... В коридоре раздались шаги.

— Аманда, — услышала она взволнованный голос, — что происходит?

Это был Джек, ее якорь в бушующем море.

Она бросилась к двери, распахнула ее и скорее, боясь передумать, сунула злополучный флакон ему в руку.

— Пожалуйста, не давай мне этого принимать! — взмолилась дрогнувшим голосом. — Забери его, выбрось куда-нибудь...

— Что это?

— Лауданум. Без него я не сплю в последнее время...

— Так вот почему ты ходила во сне... — понял Джек, стиснув флакон побелевшими пальцами. — Ты не должна было его принимать. Опиум убивает!

— Вовсе нет, — возразила Аманда, — доктор сам прописал мне это лекарство, просто я... просто я не должна... больше нет... Джек, — метнулась Аманда по комнате, — я не знаю, что делать. Посмотри, у меня дрожат руки... — Она протянула обе руки, и Джек обхватил их ладонями.

— Обещай, что не станешь принимать лауданум, — он серьезно поглядел ей в глаза.

Аманда тяжело, с надрывом дышала, ее большие, полные нездорового блеска глаза глядели с мольбой.

— Джек, мне никогда не уснуть...

— Обещай, — прервал он ее. — Обещай, если любишь меня...

— Я люблю... — Он глядел строгим взглядом, как будто садовник, готовый выдрать подтачивающий его розу сорняк. — Обещаю, — через силу выдохнула Аманда. И пошатнулась, как будто враз обессилев...

Джек подхватил ее на руки и уложил на кровать.

— Посиди со мной, — попросила Аманда. — Пожалуйста, посиди. Мне страшно оставаться одной... Мне страшно лежать без сна до утра. Это хуже всего, Джек... Бессонница, она хуже всего. Ты хорошо спишь?

— За редкими исключениями.

— Я рада, Джек, я действительно, рада. — Аманда стиснула его руку. — Мне кажется, — сказала она, — рядом с тобой я смогла бы даже уснуть...

— Так и будет, Аманда. Просто закрой глаза...

Утром Аманда проснулась счастливой: она впервые за долгое время уснула сама. Ни гнетущих раздумий, ни бессонницы, ни мучительной пустоты сердца (той, что словно фантомная боль у лишившегося конечности человека) — все ушло, как будто и не было.

А потом она получила письмо... Сразу за завтраком.

— Мистер Уорд извещает, что вернется сегодня, — сообщила она, складывая бумагу. — В течение дня. — И подняла на Джека глаза: — Я не хочу его видеть, — добавила совсем тихо, одними губами. — Пусть бы он никогда не вернулся.

Джек стиснул ее холодные пальцы.

— Мы знали, что это случится. Будем рады тому, что имели... Жаль, помочь миссис Стрикленд так и не вышло, — добавил в конце, и Аманда дернула головой.

— Я не стану сидеть, дожидаясь его появления. Как бы не так! — сказала она. — Мы сейчас же поедem к дому доктора Райта, чтобы встретиться с его женушкой.

— Но твой муж...

— Я велю передать ему, что отправилась к доктору... Формально это даже не ложь. Не будь таким правильным, Джек... — И она вскочила из-за стола.

Теперь Джек понимал много лучше перепады ее настроения, дёрганность, бледность лица — он поднялся следом за ней.

— Что ж, давай сделаем это.

Это был их своеобразный протест, единственный, на который они были способны, и влюбленные в последний раз вышли из дома вдвоем, заняв места друг подле друга в поджидавшем их экипаже, и руки их ни на секунду не разъединялись. Казались, стоит им сделать это, как волшебство тут же рассеется: карета превратится в обычную тыкву, а их самих разметает по разным местам. Да так, что больше не встретиться...

Подходил к концу второй час ожидания, когда Джек, глядевший в окно экипажа, заметил, как из дома доктора Райта появилась высокая женщина в теплом плаще. Она явно не была ни пациенткой, ни обычной служанкой... Ее запястье обвивал ремешок ридикюля. Она остановила проезжающий кэб, и он, выехав на обрамленный пышной растительностью Гайд-парка Кингсбридж, поехал в сторону Пикадилли-серкус. Стоит ли говорить, что юные детективы, как-то разом решив, что женщина достойна внимания, ибо она и есть миссис Райт, велели кучеру править следом за нанятым ей экипажем, и следовать так, чтобы кэбмен ничего не заметил.

Таким образом они проехали кварталы Флит-стрит, за которыми громоздились кварталы среднего класса, выросшие вокруг собора Святого Павла, миновали Корнхилл-стрит и Английский банк и, наконец, после долгой получасовой поездки оказались в Ист-Энде, царстве нищеты и порока. И без того достаточно удивленные, они поразились сильнее, когда женщина с ридикюлем, остановив кэб у питейного заведения весьма сомнительного толка, вышла, коротко переговорив с кэбменом. Тот отъехал дальше по улице и остался ждать у дороги, поджидая, по всей видимости, ее возвращения. Сама пассажирка бодрым шагом проследовала в переулок за пабом, и Джек, впервые благодарный туману, окутавшему в этот день Лондон (а в этом месте и вовсе казавшийся непроглядным), направился следом. Аманда не отставала от него ни на шаг...

К счастью, идти далеко не пришлось: в переулке, едва выглянув из-за угла, они различили два расплывчатых силуэта, мужской и женский. Женский, определенно, принадлежал миссис Райт, а второй... Джек присмотрелся, решив, что туман, наползающий с Темзы, творит с ним странные штуки: вырисовывает видения тех, кого бы желали видеть глаза. Например, Спичечного человека... Молодой человек мотнул головой — видение стало только отчетливей.

Он схватил Аманду за руку, ни на секунду не отводя взгляд от собеседника миссис Райт,

он словно страшился, что стоит ему сделать это, как видение сгинет в тумане.

— Джек? — едва слышно выдохнула Аманда, легко угадав его настроение.

И тот прошептал:

— Спичечный человек.

В тот же момент миссис Райт протянула своему собеседнику ридикюль, снятый с запястья, а потом, развернувшись, пошла прямо на них, сочтя свой недолгий разговор с незнакомцем законченным. Джек с Амандой, метнувшись под прикрытие выдавшей виды театральной тумбы, замерли, страстно надеясь, что женщина направится к поджидавшему ее кэбу, а не в сторону их непритязательного укрытия.

Так и вышло: миссис Райт прошла мимо шумного разноголосья подвыпивших завсегдатаев, доносившихся из неплотно прикрытой двери питейного заведения, и последовала по тротуару ни разу не оглянувшись.

— Я не могу упустить его снова, — шепнул Джек Аманде, кивком головы указывая в сторону переулка. — Жди меня в экипаже, я скоро вернусь.

Она упрямо дернула головой.

— Я тебя не оставлю, — сказала она. — Пожалуйста, Джек, — почти взмолилась, и он не смог отказать. Взял ее за руку, и они снова заглянули в полумрак переулка... После ухода женщины прошло едва ли больше минуты, и Спичечный человек — а Джек ни секунды не сомневался, что это именно он — стоял все там же, запустив руку в оставленный ему миссис Райт ридикюль. Гадать о том, каковым было его содержимое, влюбленным не пришлось слишком долго: звякнув о камень, одна из монет (явно их было в дамской сумочке больше) покатила прямо в грязную лужу. Силуэт в сизом тумане, грязно выругавшись, полез пальцами в воду...

— Моя родненькая, — прошептал он, опуская найденную монету в карман.

Потом затянул ремешок ридикюля и сунул его целиком туда же, в недра кармана старого сюртука.

— Пора, — шепнул Джек и, выпустив пальцы Аманды, добавил: — Дай мне минуту.

— Эй, мистер, — громко окликнул он Спичечного человека, — какое пиво в этом клоповнике вы находите наилучшим? Не хотелось бы ошибиться с выбором.

Шаг, другой... Джек был совсем рядом, когда мужчина, настороженно его озирающий, отступил ровно на шаг. Его нескладная, словно циркуль, фигура с нахлобученным на макушку цилиндром, лишь придававшим несчастному дополнительный рост, вдруг как будто сложилась пополам... отпрыгнула — Джек не успел понять, что случилось — и вдруг исчезла в тумане.

— Джек, он на крыше! — закричала Аманда.

Волшебство мгновенно рассеялось, и Джек различил удобный приступок, воспользовавшись которым Спичечный человек и вспрыгнул на крышу, — недолго думая, Джек кинулся следом. Запрыгнул на выступ, подтянулся за край карниза и, взобравшись наверх, глянул по сторонам. Беглец как раз перемахивал с одной крыши на другую... С его-то длинными, как паучьи лапы, ногами сделать это не составляло труда, а вот из Джека вышибло дух, когда, перескакивая с крыши на крышу, он едва удержался на самом краю и здорово приложился всем телом и стену.

— Джек, он прыгает! — снова донесся до него голос Аманды. По ощущениям совсем близко, где-то под ним... Должно быть, девушка, пробежав переулок, следовала за ним по пятам. — Бежит вперед... — снова сообщила она. — Ох! — И охнула от испуга, когда Джек

спрыгнул с крыши в двух шагах от нее. Схватил ее за руку, и они побежали в указанном ей направлении...

Узкие улочки петляли, что зайцы, казалось, смыкались над головой, и темные тени, их призрачные обитатели, шарахались в стороны при виде двух бегущих людей. И в какой-то момент Спичечный человек, этот практически полупризрак, и сам словно растворился в тумане...

— Нет, только не снова! — в сердцах выдохнул Джек. — Мы не можем его упустить.

— Тссс — Аманда приложила палец к губам, прислушиваясь к царящей вокруг тишине. Звуки, скрадываемые туманом, выходили какими-то гулкими, потусторонними... — Слышишь?

— Что именно?

— Эти цок-цок, цок-цок...

— Звук капли? — предположил Джек.

— Нет, это гвозди на башмаках нашего беглеца. Я слышала, как они стучали по мостовой, когда он бежал... — И совсем тихо: — Он где-то здесь. Крадется, едва слышно передвигая ногами...

Цок-цок замерло на мгновение, как и звук их голосов, а потом зачастило как бы со всех сторон разом: это эхом отозвались стены домов — и высокий мужчина-циркуль пронесся мимо, взметнув поток воздуха.

— Стой или буду стрелять! — выкрикнул Джек.

Пистолета у него, в любом случае, не было, но угроза заставила беглеца на секунду, но сбиться с шага, и того Джеку хватило, чтобы догнать и опрокинуть его на землю.

— Нам надо поговорить, — процедил он в обернутое шарфом лицо. — Не шевелись!

Тонкое лезвие охотничьего ножа, подарок мистера Грира, уперлось лжепризраку в шею.

И тот возопил:

— Не убивайте меня, господин. Я расскажу все, что хотите!

Джек, по-прежнему придавливая мужчину к земле, тут же спросил:

— Эта женщина, что дала тебе деньги, кто она?

— Понятия не имею. Мы встречались каждый раз в разных местах... Я сделал то, о чем она попросила, и получил свои деньги.

— И о чем же она просила тебя?

— Всего лишь поугагать одного джентльмена. Ходить за ним по пятам и стоять под окнами его спальни... Работенка не пыльная, я с радостью согласился.

— Ты знал, что джентльмен этот умер?

— Видел в газете, но богом клянусь, я и пальцем не тронул его, — воскликнул Спичечный человек. — Только раз вошел в дом да рассыпал коробок спичек в указанной комнате... Ну и страху же я тогда натерпелся! Вовек не забуду.

— Как ты смог войти в дом, и кто указал тебе комнату?

— Эта женщина и указала. Тщательно разъяснила, как найти нужную, а потом дала ключ.

— Ключ?

— Да, сэр, от входной двери.

Аманда, стоявшая за спиной Джека, шагнула вперед.

— Почему именно ты, почему эта женщина выбрала тебя? — спросила она. — И как ты создавал этот свой свет?.. — Она указала рукой на лицо.

Даже в призрачном свете туманного морока они различили, каким озорством блеснули глаза незнакомца, озорством, но и грустью одновременно.

— Вы в самом деле не понимаете, где сейчас оказались? — осведомился вдруг он.

— О чем ты? — отозвался Джек вопросом на вопрос.

И мужчина вместо ответа потянул край своего толстого шарфа.

— Позвольте? — Он приподнял голову, раскручивая его с тощей шеи. И едва шарф был снят, Джек с Амандой отпрянули от него, как от призрака. — Добро пожаловать в трущобы светящихся скелетов, дамы и господ! — провозгласил Спичечный человек с пафосом истинного конферансье.

Его челюсть светилась в темноте.

Слабый призрачный свет шел от самой его кожи, словно подсвеченной изнутри спрятанным во рту фонарем, только фонаря в нем, конечно же, не было — светилась сама костная ткань. И выглядело это ужасно!

Джек не мог отвести от сияния этого глаз, впрочем, как и Аманда — они оба глядели в немом, охватившем их ужасе в лицо долговязого незнакомца и длилось оно, судя по ощущениям, дольше целого часа, хотя, возможно, прошло едва ли больше минуты.

Пантомиму прервал хриплый, старческий голос:

— Донни, это ты? — Со стороны одного из домов показался еще один «призрак», подсвеченный слабым сиянием все того же сияния. Этот «призрак» с голосом древней старухи шаркал ногами, направляясь в их сторону...

— Тетушка Бэт, она ищет меня, — произнес Спичечный человек. — Отпустите, убежать я не стану. Мой дом здесь же, за поворотом...

Пальцы Джека разжались, и он выпустил сюртук пленника. Тот с легким скрипом поднял себя на ноги и отозвался в сторону старой женщины:

— Тетушка Бэт, это я. Возвращаюсь с друзьями! — Он подхватил женщину под руку и поманил Джека с Амандой идти за собой. — Зачем вы вышли одна? — попенял он так называемой тетушке. — Сами знаете, как опасно бродить в темноте.

Она, кажется, улыбнулась, это слышно было по голосу, когда она отозвалась:

— Так я всегда в темноте, милый мой. Али запомнил? — И не дождавшись ответа: — А что за друзья нынче с тобой? У девушки легкий шаг и ладные туфельки на ногах.

Аманда удивилась этим словам: в тумане разглядеть ее туфли было не так уж просто. Особенно, если ты слеп... А старуха — они видели два бельма ее глаз — глядела на мир сквозь плотно зашторенные портьеры.

— Это люди из профсоюза, тетушка Бэт, — отозвался мужчина. — Желают узнать, как ты живешь. И как проходит выздоровление...

Старуха вздохнула протяжно и шумно, словно фыркнул парами готовый к отправлению паровоз.

— Да что ж тут узнавать, — сказала она, — сами знают, как нам, спичечникам, несладко приходится. Вот, верно сами видите, кости светятся, как у рождественской елки. — Она дернула кистью свободной руки и рассмеялась каркающим смехом. Сквозь тонкую кожу ее руки-плети пробивался едва различимый зеленоватый свет... — Некоторым, как Донни, везет больше прочих, — продолжала она, — у них только челюсть и светится, что тот фонарь, а я провела слишком долгое время в цеху, слишком долго вдыхала ядовитые пары фосфора, господ, вот вам и результат.

— То есть это свечение... — начал Джек.

— ... Следствие долгой работы в цехах спичечной фабрики, мистер. Заводчики не думают о рабочих, когда устраивают производство в крошечных комнатах без окон и вентиляции, и люди, проводя целый день у лотков с раствором фосфора и серы, дышат им непрерывно. Работа несложная, — пожал плечами Спичечный человек, — окунуть палочки в нужный раствор, разложить их для просушки, а потом — по коробочкам, но уже через несколько лет приходят последствия: распухают десны, мучительно болят зубы.

— Еще как болят, — подтвердила старуха. И ослабилась, продемонстрировав беззубую челюсть...

Аманда не сдержала невольного ужаса на лице, и была рада, что слепая старуха не видит этого.

А Донни сказал:

— Ей выдрали все до единого зуба — это был единственный способ унять боль хоть на время. Скажи, Бэт, как тебе без зубов?

— Да так, есть сложновато, зато не болит ничего. — И она снова закаркала рассмеявшись.

— Хорошо хоть челюсть на месте... Не то что у Мэтью Биггля, бедняги.

И снова Донни пояснил собеседникам:

— Мэтью Бигглю удалили зараженную челюсть. Такое тоже бывает! — Они как раз подошли к бедному дому, в одном из окон которого слабо теплится свет. И пока онемевшие от услышанного молодые люди осмысливали услышанное, добавил: — Здесь мы с тетужкой и живем. Дни проводим на фабрике, ночи — здесь.

— То есть вы продолжаете работать на спичечной фабрике?! — поразила Аманда.

Донни поглядел на нее снисходительно и толкнул дверь, пропуская тетужку Бэт вперед.

— Даже если лишился зубов, мисс, есть все равно хочется каждый день, — сказал он. — А тетужка Бэт, — добавил тише, чтобы старуха их не услышала, — не так и стара, если подумать: нынче ей исполнится тридцать или чуть больше. Она и сама толком не помнит, сколько ей лет... Хотите войти?

Аманда, державшая Джека за руку, стиснула пальцы, и он мотнул головой.

— Нет, благодарю. Мы узнали все, что хотели! — отозвался на вопрос Спичечного человека. — Только одно: зачем тебя просили вернуться под окна умершего мистера Стрикленда? Или это было оговорено изначально?

— Нет, — сказал Донни, — я не знал миссис Стрикленд, пока эта женщина не вернулась три недели назад и не попросила повторить все то же самое с супругой умершего. Я ходил за ней всюду, где только мог... А что, — его голос стал глуше, — она тоже того?

— Нет, миссис Стрикленд жива. Но какие тебе даны указания?

— После того, как я едва унес ноги пару ночей назад — я так понимаю, бежал я от вас, — поглядел мужчина на Джека, и тот молча кивнул, — эта женщина велела мне затаиться на время. Сказала, что скажет, когда нужно будет вернуться под окна того богатого дома...

— И ты не знаешь, зачем она это делала?

— Я не спрашивал, сэр. Она платила хорошие деньги, к чему бы мне портить дело вопросами?

И Аманда вдруг возмутилась:

— А ты не думал, что делаешь что-то плохое?! Что подобные действия называются

«преступлением»?

Спичечный человек молча почесал голову: кажется, такие этические вопросы ему и в голову не приходили. Джек же, будучи сам выходцем из самых низов и зная не понаслышке, как жить выживая, лишь кивнул своим мыслям.

— Ну, знаете, мисс... я даже не знаю...

Джек прервал его речь, избавив от необходимости оправдываться в том, вины в чем он не ощущал:

— Спасибо за откровенность, — произнес он. — Мы очень вам благодарны! — И сунул в ладонь мужчины серебряный шиллинг.

Тот расплылся в улыбке и подобострастно им поклонился.

Уже в тумане, стоило им отойти, до наших героев донесся чуть хриплый голос:

— Кажется, этой леди, сэр, что платила мне, не понравилось, что у миссис Стрикленд будет ребеночек. Так мне в какой-то момент показалось, но я мог и ошибиться!

Только спрятавшись за дверцами экипажа, Аманда, казалось, снова сумела дышать. Все это время в тумане, в районе «светящихся скелетов», она как будто утратила эту способность... И сама стала живым призраком из плоти и крови. И лишь теперь воротилась в себя...

— Джек, это ужасно! — выдохнула она. — Эти несчастные люди... Я не могла и подумать.

— Я слышал, что спичечникам несладко приходится, — произнес Джек, — мать никогда не пускала меня работать на фабрику — но чтобы настолько. — Он казался пораженным не меньше Аманды. — Такой судьбы не пожелаешь даже врагу...

Аманда вскинула голову.

— Знаешь, что меня удивило?

— Что?

— Осведомленность миссис Райт в подобных вещах. Откуда ей было известно об этих несчастных? — Она выжидающе посмотрела на Джека, как бы подталкивая его к определенному выводу, и он не заставил ждать себя долго.

— Потому что ее мать когда-то была одной из этих несчастных? — предположил Джек. — А значит...

— Вот именно.

— Но как? — Он тряхнул головой, как бы прогоняя туман, запутавшийся не только в волосах, но и в мыслях. — Полагаешь, доктор Райт знает?

Аманда задумалась. Брови ее сдвинулись к переносице... Джек невольно залюбовался ее матовой кожей и тенями от длинных ресниц, лежащих на бледных щеках. Для него эта девушка была самой лучшей на свете, самой прекрасной — мысль о скорой разлуке кольнула в самый неподходящий момент.

— Не знаю, — призналась Аманда. — Он кажется таким искренним.

И Джек произнес:

— Единственный способ выяснить правду — это спросить доктора напрямую. Его реакция скажет о многом...

— А если он тоже причастен?

— Расскажем обо всем инспектору Ридли.

И решив так, они приказали кучеру ехать на Хай-стрит, а сами, откинувшись на подушки сидения, сжали пальцы друг друга.

Джек понимал, что идти к доктору безрассудно, даже немного безумно (лучше бы ехать к Ридли), но в то же время осознавал: это их последние минуты с Амандой. Их собственное расследование, готовое вот-вот прерваться, остаться незавершенным, подходило к концу, а он желал продлить это время. Хоть коротко, но продлить...

Пусть даже ценой глупого безрассудства.

День почти догорел — осенью, да в туман сумерки, кажется, длятся целые сутки, лишь с наступлением ночи становятся гуще, плотнее — и фонарь у дома доктора мутно желтел в сыром воздухе, словно масляное пятно в кружке черного кофе.

Как странно, но рядом с Амандой, даже промозглая осень, обычно нагоняющая тоску, казалась всего лишь временным неудобством, на которое не обращаешь внимание. Джек подал девушке руку, и они вместе проследовали к дверям...

Доктор весьма удивился, увидев их на пороге, но пригласил внутрь приветливо, явно заинтригованный новым визитом.

— Чем могу снова помочь? — осведомился с улыбкой. — Вы по делу мистера Стрикленда или... — он поглядел на Аманду.

— Именно так, — поспешила подтвердить девушка. — Мы хотели бы задать вам вопросы... касательно вашей жены.

— Марджери? — удивился мужчина. — Не понимаю, она здесь при чем?

И Джек произнес:

— Мы понимаем, что вопрос прозвучит сейчас странно, но что вы знаете о вашей супруге, о ее прошлом?

— Вы правы, вопрос кажется мне неуместным, — возмутился мужчина, и лицо его потемнело под стать сумеркам за окном. — Извольте объяснить толком, чем вызван ваш интерес, в противном случае я попрошу вас уйти в ту же минуту.

Негодование доктора было столь неподдельным, что его гости невольно смутились. Как доктор воспримет рассказ о поступке жены было несложно предугадать: он не поверит им ни на секунду. Скорее прогонит вназад...

Но сказать было нужно.

— Доктор Райт, — произнес Джек, — сегодня мы говорили со Спичечным человеком. — И замолк, наблюдая за реакцией собеседника.

Негодование на лице одного сменилось недоумением, недоумение — возмущением...

— Это шутка? — спросил он полным осуждения тоном. — Спичечный человек не существует. И пусть вы уверяли в обратном, я все-таки...

— Доктор Райт, — сказал Джек, — Спичечный человек, так пугавший мистера Стрикленда — всего лишь несчастный работник спичечной фабрики, нанятый... вашей женой.

С минуту — возможно, и больше — доктор молчал, осмысливая услышанное, и, наконец, улыбнулся.

— То, что вы говорите, абсолютно абсурдно, а потому будьте добры объяснить, к чему вы придумали это, — сказал и опустился на стул, оказавшийся предусмотрительно рядом. — Чтобы Марджери... нет, что за нелепые шутки. Вы, молодой человек, сами не знаете, что говорите!

— И все-таки это правда, — подтвердил Джек. — Мы проследили за вашей супругой до Ист-Энда, где она встретила со Спичечным человеком и заплатила ему за работу. Этот

мужчина нам рассказал, что женщина, миссис Райт, наняла его для того, чтобы пугать мистера Стрикленда... и его жену.

— Но для чего?! — выдохнул доктор, и лоб его покрылся испариной, как в лихорадку. Он вынул из кармана платок и протер им лицо. — Марджери никогда бы не стала... — И тут же поправился: — Я еще понимаю, сделай она это из ревности, но мистер Стрикленд... она не была с ним даже знакома.

Переглянувшись с Амандой, Джек поделился с доктором их догадкой:

— Мы полагаем, что миссис Райт, ваша супруга, могла быть дочерью мистера Стрикленда. Той самой девочкой, что родилась у мисс Беатрис Хикс...

У доктора вытянулось лицо, в большей мере за счет отвалившейся челюсти, и едва обретя вновь дар осознанной речи, он воскликнул:

— Большой нелепицы в жизни не слышал! Марджери — дочь моего наставника, доктора Шелдона... — И вдруг замолчал, явно припомнив о чем-то. — Приемная дочь, — поправился он, в растерянности глядя на собеседников. — Я слышал, она была сиротой, когда он взял ее в дом и растил, словно родное дитя. — Доктор Райт ослабил узел шейного платка и сглотнул. Казалось, слова, комковатые, словно дурно приготовленная овсянка, застревают в гортани, не давая вдохнуть. — И все-таки это не может быть правдой, — сам себе возразил доктор Райт. — Она ни разу не говорила о своем прошлом до дома доктора Шелдона, не упоминала ни Стрикленда, ни свою бедную мать. По мне, так она их даже не помнит... Зачем же ей, в таком случае, изводить родного отца?

— Возможно, из мести, — предположил Джек.

— Из мести? Марджери совсем не такая. Она больна, мистер Огден, и очень серьезно: ее разум в огне.

— Не от того ли, что она совершила? — сказала Аманда, и доктор рассеянно на нее посмотрел. Должно быть, мысленно видел перед собой другое лицо: лицо женщины, о которой он знал, как оказалось, так мало.

— И все-таки я не верю, — прошептал он. — Здесь вышла ошибка. Я сейчас же позову Марджери и спрошу... Нет, — он совершил по комнате круг, обычно спокойный, полный внутреннего достоинства, сейчас доктор был сам на себя не похож, — я не могу этого сделать. Миссис Уорд, вы... — он поглядел на Аманду, — вы должны сделать это вместо меня, пойти и пригласить миссис Райт в эту комнату. — Он схватил Аманду за руку. — Пожалуйста... лауданум больше не помогает.

Последняя фраза показалась Джеку престранной — какое место в метаниях доктора занимал лауданум, оставалось неясным — но Аманда, казалось, нисколько не удивилась: развернулась и пошла к дверям комнаты ни разу не обернувшись и даже не сказав ничего супротив странной просьбы доктора Райта. В конце концов, она даже не знала расположения комнат и не была знакома с миссис Марджери Райт.

Едва она вышла за дверь, как поведение доктора Райта разительно переменялось: нервозность, казалось, одолевавшая его еще секунду назад, сошла на нет, уступив место деловитой, холодной собранности.

— Что ж, мистер Огден, — произнес он, — браво, вы разгадали загадку: Стрикленд действительно умер не сам, мы с Марджери чуть-чуть ему помогли. Но, право слово, он заслужил подобную участь, и я ничуть не раскаиваюсь в содеянном! — Доктор снял с вешалки плащ и накинул себе на плечи. — Жаль, Эллисон оказалась крепким орешком и запугать ее оказалось сложнее, хотя мы, видит бог, почти были у цели, когда вы с малышкой

миссис Уорд так некстати вмешались в отлично налаженный план.

Джек, пораженный как самой переменной в поведении доктора, так и сделанным им признанием, запустил руку в карман и обхватил рукоять ножа, готовый к любому повороту событий. Сделал шаг в сторону...

— Не геройствуйте, Огден, — Доктор Райт надел на голову шляпу, — у меня в кармане плаща пистолет. Я не убийца, но могу пустить его в ход... В любом случае вы упустите время, а оно у вас на исходе. — Джек в недоумении вскинул брови. — Гадаете, что я имею в виду? Что ж, я вам объясню: ваша возлюбленная миссис Уорд сейчас поднимается на третий этаж, через минуточку-другую она будет у лестницы на чердак, а там и до крыши рукою подать. Скользящая черепица, покатый склон — все это и в обычное время довольно опасно, а в темноте, да еще после дождя... Боюсь, бедняжка бросится с крыши, так толком и не поняв, как это вышло!

— Зачем бы Аманде делать такое? — глухо произнес Джек.

— Затем, что я ей так приказал, — отвечивал собеседник. — Точно так же, как сделал это и с Стриклендом...

— Вы блефуете.

— Вовсе нет. Месмеризм — чудесная штука: он помогает управлять разумом, мистер Огден. Со Стриклендом вышло все просто: я заранее подготовил его во время наших сеансов гипноза. И стоило шепнуть ему слово во время званого ужина, как бедняга словно взбесился... Он начал видеть картинку, заложенную в его мятущийся разом двумя днями ранее мной же, доктором Райтом: ему казалось, что Спичечный человек пришел отомстить ему за брошенного ребенка. Этот призрак, который существовал лишь в его воспаленном мозгу, душил его невидимыми руками и глядел в душу огненными глазами. Сердце Стрикленда просто не выдержало чувства вины...

— Вы мстили ему за мать вашей супруги?

Доктор Райт мотнул головой. Лицо его оставалось серьезным, как никогда...

— Я мстил за себя, мистер Огден, за себя и свою несчастную мать. Беатрис Хикс родила сына — не дочь. И Марджери лишь помогала мне в этом...

— Значит, та женщина-медиум...

— Работала на меня, да. Стрикленд должен был ощутить всю мерзость совершенного им преступления: он бросил женщину, что носила его родное дитя, и миссис Хантер, умело играя предназначенную ей роль, живописала картины ее мучительного страдания. — Мужчина спросил: — Осознаете ли вы, какво быть нищей бродяжкой с младенцем на руках? Скитаться от дома к дому с протянутой рукой? Умолять хотя бы о корочке хлеба, а получать оскорбления и тычки, постоянное унижение... Мать испытала все это сполна. — И доктор Райт вынул из кармана часы: — Мне повезло: доктор Шелтон взял меня подмастерьем, а впоследствии воспитал словно сына. В этом я не солгал, просто речь шла не о Марджери — обо мне. Мать, отдав меня доктору, вернулась к работе, которую знала: нанялась на спичечную фабрику в Норфолке и к тому времени, как я нашел ее снова, умерла от заражения фосфором.

— Откуда вы знали о Спичечном человеке?

— Мама мне о нем говорила, а ей рассказывал Стрикленд. — Доктор Райт захлопнул крышку часов. — А теперь вам решать, мистер Огден: либо я, либо миссис Уорд. По моим самым грубым расчетам, ей осталось не больше минуты, чтобы выйти на крышу и броситься вниз... Итак, вы можете оставаться и задержать меня или... бежать и спасти вашу

возлюбленную.

— Зачем? — в ужасе выдохнул Джек. — Зачем вы сделали это?

— Что, вложил ей в разум желание броситься вниз и покончить со всеми страданиями?

Так эта мысль не была нова для нее... Она как бы сама к ней стремилась, я лишь подтолкнул ее нерешительность. К тому же, — он дернул плечами, — самоубийство миссис Уорд могло отвлечь вас от нашего с Марджери дела. Правда, случиться оно должно было не здесь и сейчас... — И он продолжил разочарованным тоном: — А ведь нам оставалось так мало: только избавить мир от очередного бессердечного Стрикленда, что готов был скоро родиться. Этот нерожденный младенец стал сюрпризом для нас, но Спичечный человек помог бы и здесь. Жаль, вы оказались проворней... Да не беда. — Доктор указал Джеку на дверь. — Что выбираете, Огден? — И так, как Джек медлил, добавил: — Человек под воздействием лауданума становится много податливеей для внушения, его разум, что восковая свеча: лепи, что хочешь. И во время сеанса гипноза с миссис Уорд я... «вылепил» ее будущее самоубийство. Можете мне не верить, но...

Джек, не дослушав его, опрометью выбежал вон и понесся по лестнице вверх, перескакивая через две ступени за раз. Он не был уверен, не блефует ли доктор, но памятуя о смерти мистера Стрикленда, когда он умер от страха, всего лишь представив навязанный ему образ (Джеку с трудом в это верилось, но Райт выглядел искренним, когда рассказывал это), понимал, что не станет рисковать жизнью Аманды.

— Аманда! — звал он на бегу. — Аманда, где ты? — И увидел, как хлопнула от сквозняка чердачная дверь.

Все точно, как в тот момент у дороги: сердце Джека похолодело от страха.

— Миссис Уорд, вы должны сделать это вместо меня, пойти и пригласить миссис Райт в эту комнату, — произнес доктор и взял ее за руку. — Пожалуйста... лауданум больше не помогает, — добавил он тише, и готовая было воспротивиться этой просьбе Аманда, при звуках последней фразы враз присмирела.

К тому же ей стало нестерпимо, мучительно душно в этой маленькой комнате с закрытыми окнами. Захотелось выйти под дождь, подставив лицо его живительным струям, ощутить свежесть холодной воды, стекающей за шиворот платья и охлаждающей тело...

Захотелось раскинуть в стороны руки, взмыть птицей под облака и замереть от пьянящего чувства свободы, прежде ей неиспытанного.

Окно...

Нужно найти окно или дверь.

А лучше выбраться прямо на крышу...

Там она сможет дышать полной грудью. Аманда потянула верхнюю пуговку платья, что впивалось ей в шею, подобно приставленному к горлу ножу... Дышать стало легче, но чувство удушья не прошло полностью. В этих стенах, как и в любых других, она задохнулась бы через минуту, не найди выход на крышу. Да, именно крыша...

Вот и нужная дверь. К тому же, незапертая...

Девушка вошла на чердак и заметила лесенку, что вела прямо на крышу. Поднялась по ней, откинула смазанную щеколду и в тот же момент ощутила прохладу, ударившую в лицо. Капли тумана, густые и колкие, впелись в кожу лица, словно рой рассерженных пчел, но Аманда этого не заметила: удивительное чувство покоя и радости наполнило ее сердце. Она ступила ногами на черепицу и, оскальзываясь, с трудом удерживая равновесие, пошла

вперед. Там, у самого края, за низким каменным выступом, она замерла очарованная открывшимся видом: крышами сотен домов, покрывавших город, как панцирь неведомой черепахи, и блестящий в свете газовых фонарей. А над всем этим — бледные искорки звезд, как будто закопченные дымом заводов и фабрик, выроставших всюду, подобно грибам. Вот если бы протереть их ладонью... Заставить сиять много ярче газовых фонарей.

И Аманда раскинула руки...

Она сейчас полетит и сделает это: у нее ведь есть крылья. Доктор Райт ей об этом сказал... Еще в прошлый раз — теперь она вспомнила. «Вы полетите как птица, миссис Уорд. Все ваши беды забудутся, стоит раскинуть руки и взмыть к небесам!»

— Аманда, где ты?

Голос поймал ее в самый последний момент, казалось, обвился вокруг всего тела, не давая броситься в небо. Удержал...

Она, кажется, знала кричавшего... Джек. Ну, конечно, это ведь Джек!

— Джек, посмотри, я сейчас полечу! — закричала она, снова взмахивая руками.

И услышала его крик, полный ужаса и отчаяния ор, который ее испугал: девушка оглянулась, пытаясь понять, что случилось, и каблучок ее туфли проехался по черепице, словно по льду. Заваливаясь, Аманда раскинула руки, но те не держали (доктор ее обманул), и ужас, только теперь волной прокатившись по телу, исторг отчаянный вопль из ее грудной клетки.

— Аманда! — Джек бросился к ней и в последний момент обхватил за ноги, не давая упасть. — Аманда. — Он обнял ее, рыдающую и перепуганную, прижал к себе крепко, едва позволяя вдохнуть, холодея от самой мысли о том, чтобы увидеть Аманду с проломленным черепом на брусчатке под домом.

От самой этой мысли... от единственной этой мысли...

Он отвел с лица ее волосы, поцеловал в соленые от дождя и слез любимые губы. И казалось, весь мир остановился... Замер, сосредоточившись в одном дыхании на двоих, в самой радости быть живыми и вместе.

А потом у дома остановилась карета... Как сквозь вату, Джек расслышал грохот колес и голос кэбмена: «Харли-стрит, 18, сэр, как вы и просили». Он выглянул через парапет крыши, и в тот же момент узнал ступившего на тротуар человека: мистер Джеральд Уорд заплатил кэбмену и осмотрелся. Карета Уордов стояла здесь же, невдалеке, и мужчина, направившись к ней, заговорил о чем-то с возничим. Должно быть, интересовался местонахождением Аманды...

Девушка тоже увидела мужа и схватила Джека за руку, казалось, сейчас она испугалась много больше, чем минуту назад, когда едва не рухнула с крыши.

— Джек, он вернулся, — прошептала она, и пальцы только сильнее вцепились в рукав его сюртука. — Я не хочу, чтобы ты уходил...

Пока они глядели друг другу в глаза, внизу раздались два голоса:

— Простите, сэр, это кабинет доктора Райта?

— Ээ... именно так, — отозвался голос самого доктора Райта. — Но, я полагаю, прием на сегодня окончен. Вам будет лучше вернуться завтра с утра!

— Окончен прием? — переспросил собеседник. — Но моя супруга внутри. Я все-таки постучу! — Уорд явно нахмурился, произнося эти слова.

— Воля ваша. — Доктор Райт, взмахнув тростью, сделал шаг в сторону, намереваясь уйти.

И Джек, повинувшись мгновенному импульсу, закричал сверху вниз:

— Не дайте этому человеку уйти. Он и есть доктор Райт! Зовите полицию. Он должен ответить за свои преступления...

Джеральд Уорд вскинул голову — Джек не мог рассмотреть выражения его лица, но прошло не больше секунды, как он произнес:

— Сэр, это правда, вы доктор Райт?

— К вашим услугам, — не стал отпираться мужчина.

— Где же тогда миссис Уорд? Ее экипаж под вашими окнами.

Доктор чуть усмехнулся:

— Полагаю, ваша супруга там же, где и любовник: на крыше, сэр. — И с напором: — Позвольте пройти. Мы друг другу ничего не должны!

Но Уорд ухватил его за руку чуть выше локтя, не давая пройти.

— Нет уж, позвольте: я хочу знать, что происходит.

— Могу вас уверить, ничего из того, что касалось б вас лично.

Мужчина сошлись взглядами, как когда-то сходились клинками, и замерли друг подле друга.

Тем временем со стороны парка показалась карета, она замерла на другой стороне, шторка чуть отодвинулась, словно кто-то наблюдал за развернувшейся сценой... Доктор Райт услышал ее, так как ждал появления оной, дернулся, высвобождаясь, но Уорд держал крепко.

— Вы работаете на Бойда? — осведомился холодным, неприветливым тоном. — Он приказал вам навредить миссис Уорд?

Доктор Райт искренне удивился, услышав эти слова.

— Друг мой, вы явно с кем-то меня перепутали. Упаси вас господь! — сказал он, снова пытаясь освободиться. — Я не знаком ни с каким мистером Бойдом... Отпустите меня и разойдемся, как положено джентльменам.

— Это как же? — с угрозой процедил Джеральд Уорд.

Он явно не верил ни единому слову своего собеседника и отступить не собирался... Слишком долго жил под гнетом угроз, страха и постоянного напряжения.

— Без рукоприкладства, — пояснил его собеседник с улыбкой.

Если бы Джек все еще был на крыше, если бы видел, как рука доктора скользнула в карман сюртука, он сумел бы предостеречь Уорда, крикнуть ему: «Берегись!», но Джек в тот момент бежал по ступеням третьего этажа, Аманда следовала за ним. И когда он вышел из дома, грохнув дверь с непривычным для фешенебельной Харви-стрит грохотом, доктор Райт уже торопился к поджидавшему его экипажу, а раздавшийся секундой ранее выстрел уложил Джеральда Уорда на мокрые камни брусчатки.

— Джеральд! — завопила Аманда, выскочив следом за Джеком и увидев распростертого на земле мужа. — Боже мой, Джеральд! — Она упала перед ним на колени, вцепилась в его холодную руку, которой он зажимал рану в груди. — Джек, Джек, что нам делать? Нам нужен доктор...

— Аманда... — прохрипел одними губами умирающий, и глаза его потускнели, как бывает, когда затухает свеча. Веки медленно опустились...

Захлебываясь слезами, Аманда обхватила его щеки руками, затрясла голову, как бы побуждая те снова открыться, закричала, умоляя не умирать... Она никогда не любила этого человека, но за два года их брака их связало что-то вроде партнерства, взаимной симпатии, и

теперь, когда она теряла его, боль оказалась неожиданно сильной и острой. Она резанула по сердцу... И подстегнутая виной, лишь усилилась вдвое, а, может, и больше. Ей вдруг показалось, она и сама умирает... Проваливается в мокрый булыжник, истаивает, как тень или призрак. И дождь, смывая те крохи, что останутся от нее, унесет их в тот же момент в водосток, и ничего не останется... Даже воспоминания.

Между тем, откуда-то появился констебль... раздались свистки, топот ног, какие-то голоса... Все звуки слились для Аманды в один бесконечный, оглушающий гул.

А потом чьи-то руки подхватили ее и помогли подняться на ноги, руки Джека держали ее, не позволяя распасться на сотни мелких кусков. И только тогда она поняла, что жива...

Что дождь не смоеет ее, потому что Джек ему не позволит.

Джек не позволит ей сделаться тенью...

9. Убийство по-итальянски

— Как ты сегодня, есть что-нибудь интересное?

Инспектор Ридли вошел в кабинет, пахнув ароматом дождя и дымного смога, принесенного с улицы. Джек втянул оба запаха словно охотничий пёс, учуявший жертву... Он, выкормыш лондонских улиц, ощутил вдруг желание выскочить прямо под дождь и пробежаться до Кенсингтонского сада в одном сюртуке.

От чернил и бумаги его подташнивало который день кряду.

Да и в глазах порядком рябило...

— Читаю дело де Моранвиллей, сэр, — произнес он, указывая на папку.

— И как, — Ридли замер на полушаге, изображая, однако, скупой интерес, — есть какие-то мысли?

Этот вопрос Джек слышал в течение последних нескольких дней, стоило только инспектору воротиться домой, и он привычно принялся рассуждать.

— На первый взгляд все кажется очень понятным, сэр, — начал он, — старший сын французского предпринимателя де Моранвилля найден мертвым в собственном доме. Задушен, как покажет судебное вскрытие... Подозрение первым делом пало на гувернантку маленького Анри, мисс Розалин Харпер, у которой, как шептались в поместье, был роман с хозяином дома.

— Не подтвержденный ничьим конкретным свидетельством, — вставил Ридли.

— Да, сэр, именно так, но подумайте сами: мисс Харпер, после долгого заперательства, вскоре призналась, что в ту ночь не ночевала в поместье: уходила на свидание с женихом. Однако сам молодой человек, жених подозреваемой, — парень выдержал паузу, — показал, что на свидание она не явилась... Он прождал больше часа, и все напрасно. Когда об этом сказали мисс Харпер, она в слезах объяснила, что действительно не встречалась со своим женихом, но лишь потому, что злосчастные обстоятельства ей помешали, а именно: на Перрингоут-стрит у нее вырвали сумочку со всеми деньгами, погнавшись за вором, она вывернула лодыжку и, не имея возможности нанять кэб, ковыляя воротилась в дом Моранвиллей. Там, не заглянув в детскую, она прошла в свою комнату и промаялась до утра с больной ногой... И только уже на рассвете она зашла к мальчику, чтобы поднять его перед завтраком, а его в комнате не было...

— Мотив, Джек, — отрывисто кинул инспектор, — каков был мотив гувернантки? Зачем бы ей убивать подопечного?

Молодой человек задумался на секунду.

— В деле написано, сэр, что жена Моранвилля страдала нервным расстройством после рождения младшего сына. Что мисс Харпер, возможно...

— «Возможно», — презрительно повторил за ним Ридли, плюхнувшись в кресло. И взмахнул рукой: — Продолжай.

По странному поведению Ридли Джек неожиданно догадался, что эта история имеет для него особенное значение. Но почему? Дело вел некий инспектор Брандер, то есть Ридли не имел к нему отношения...

— ... Что мисс Харпер, возможно, — продолжил он, тщательнее подбирая слова, — имея виды на хозяина дома, желала избавиться от соперницы...

Ридли вскинулся:

— Ерунда. Надуманная, нелепая глупость! Если мисс Харпер хотела избавиться от соперницы, то подсыпала б ей в пилюли гран цианида. Та принимала пилюли горстями! Но ребенок, Джек, зачем убивать маленького ребенка?

— Здесь написано, сэр... — начал он и замолк, не смея повторить написанное в бумагах.

— Ну, что там написано? — едко осведомился инспектор. — Якобы гувернантка желала свести смертью ребенка хозяйку с ума. Слышал ли ты когда-нибудь нечто подобное? — Вопрос был риторическим, и инспектор сам же продолжил: — Да ведь даже помещенная в клинику для душевнобольных, уж если бы миссис Моранвилль, действительно, лишилась рассудка от горя, она продолжала бы оставаться женой Моранвилля, а значит, занимать желанное гувернанткой положение его законной жены. Где в этом логика, Джек? И не смей говорить, как и прочие, что глубины женского разума не подвластны нашему осмыслению. Это полная ерунда! И я заявляю об этом с полной ответственностью.

Ридли так распалился, как никогда прежде на памяти Джека, его привычно уравновешенный нрав казался прежде незыблемым, как Монумент в Лондонском Сити. И вот из-за какого-то старого дела, так и оставшегося нераскрытым...

— Я обратил внимание, сэр, что ребенок был одет в выходную одежду, — начал Джек, дав Ридли время посидеть в тишине и успокоиться. — Зачем бы мисс Харпер... если она, в самом деле, убила ребенка... одевать его и вести в сад посреди ночи...

Инспектор кивнул и много спокойнее произнес:

— И я обратил внимание на данное обстоятельство, Джек. Если уж хочешь избавиться от ребенка, сделать в детской это легче простого... — Он сглотнул, и кадык его дернулся. — Но Брандер посчитал, что она вывела мальчика в сад, чтобы скрыть звуки борьбы при удушении... Звуки борьбы, Джек! А ведь мальчику было едва ли шесть лет. Вряд ли он сумел даже пискнуть в руках убивавшего его человека... Анри был слабее мышонка.

Он так произнес это имя — Анри — как будто знал мальчика лично, как будто тот был не просто статистом в случившейся некогда драме, а его близким знакомым. Джек, крайне заинтригованный и смущенный, отвел в сторону взгляд, словно стал свидетелем частной сцены.

И произнес отчего-то:

— Мне очень жаль, сэр.

Эти слова, казалось, отрезвили инспектора: он вскинул голову и уголки его губ чуть изогнулись, наметив, как тень, обрис привычной насмешки.

— Через три дня мы уезжаем, — произнес он, так стремительно сменив тему, что Джек даже опешил. — Полагаю, нам хватит этого времени, чтобы собраться...

— Уезжаем, сэр? Но куда?

— В Италию, Джек. Ты, я так полагаю, никогда не видел Италии...

— Нет, сэр, не видел, но почему... мы едем туда?

Ридли рывком поднялся на ноги и, встав у камина, поглядел на огонь.

— У меня появилось одно неотложное дело, мой друг, и я посчитал, что тебе бы не помешало на время уехать из Лондона. Вместе со мной... — Он обернулся и вперился в Джека пристальным взглядом. — Миссис Уорд в трауре, Джек. Но ты ведь не думал, что смерть ее мужа что-то меняет для вас?

— Нет, сэр, — Джек опустил голову, — я знаю, где мое место.

— Рад это слышать, — отвечивал собеседник. — Ты умный парень, и как только

главный констебль подпишет бумагу о твоём назначении, займешь место в нашем отделе. Для начала детективом-сержантом, а там все зависит лишь от тебя. Не подведи меня, Джек!

— Как можно, сэр. Я очень вам благодарен за помощь! Без вас мне бы в полицию путь был заказан... Из-за Харпера все констебли на меня волком глядят.

Ридли хлопнул его по плечу.

— Это пока, — сказал он, — но со временем все забудется. Ты главное... глупостей не наделай...

Джек сразу понял, что под «глупостями» подразумевалась Аманда, и покраснел.

— Сэр, прошу вас... не надо... — произнес он, не в силах добавить: «... Я ведь люблю ее. По-настоящему! Вам этого не понять». Говорить о чувствах было непросто, особенно с Ридли, который и вовсе, казалось, не верил в любовь.

Как объяснить, что только рядом с Амандой сердце его билось сильнее и чаще, а мир расцветал новыми красками. Такими яркими, что слепило глаза...

Ради нее он хотел и становился другим...

Ради Аманды он мог бы, казалось, покорить целый мир, но был вынужден сам покориться негласным законам светского общества и позволить вдове горевать в одиночестве.

— Джек, я вовсе не бессердечный чурбан, и знаю, какой бывает любовь, — признался вдруг Ридли. — Тебе, наверное, сложно поверить, но я тоже когда-то любил... Да, любил и чувствовал то же, что ты, но... настоящее чувство так редко бывает счастливым, что легче и вовсе не знать его никогда. Оно, как ни странно, нас разрушает... — И с напором: — Забудь об Аманде Уорд. У тебя вся жизнь впереди — и её в ней не будет! Как бы сильно ты ни мечтал о другом... — Потом снова поглядел на огонь, помешивая угли в камине. И заключил: — Собирайся в дорогу. Перемена мест пойдет нам обоим на пользу!

После этого направился к двери и поспешно вышел из комнаты, оставив Джека наедине с его мыслями, чувствами и папками с нераскрытыми делами, которые он, по настоянию Ридли, разбирал все последние дни.

Дверь заднего входа открылась, и Джек скользнул в дом.

«Точно преступник», — подумалось ему с горечью. К счастью, дорогие объятия подсластили пилюлю, и он, вдохнув аромат цветочных духов, отринул прочь грустные мысли.

— Как же я рада видеть тебя, — выдохнула Аманда, утыкаясь Джеку в сюртук и щекоча нос кончиками волос. — Как же соскучилась!

— Я тоже скучал, — сказал он чуть громче необходимого, просто голос подвел, и Аманда прикрыла его губы ладонью.

— Тссс, — прошептала она, — мама все еще в доме. Караулит меня, словно преступницу! Ей, верно, кажется, что, оставшись одна, я совершу какую-то глупость...

Джек улыбнулся, услышав эти слова: они так живо перекликались с опасениями инспектора Ридли, что, наверное, в них что-то было. Аманду караулила мать, его — Рили... Чего они опасались? Что влюбленные купят билет до Америки и сбегут?

Джек никогда бы себе этого не позволил: Аманда привыкла к достатку и сытой жизни, а он, несмотря на юные годы и некоторую наивность, не верил в любовь в шалаше. Тот, кто вырос на улицах Уайтчепела, знал худшую сторону жизни, ее изнанку и суть, и не питал напрасных иллюзий.

— Как ты? — спросил ее Джек. — Выглядишь бледной.

— Я держусь. — Девушка нерадостно улыбнулась. — И стараюсь не думать... — И схватив Джека за руку: — Я должна тебе что-то сказать. Что-то важное... — прошептала она. И Джеку припомнилось, как в наркотическом сне она шептала однажды, что не решается ему в чем-то признаться. Он постоянно гадал, о чем умалчивала Аманда.

— Что же, я тебя слушаю. — Он сжал ее пальцы.

— Я уезжаю, Джек. На какое-то время, — поспешно заговорила она. — Возможно, во Францию или Италию. Сам маршрут от меня не зависит. И я бы лучше осталась — сам понимаешь, почему это так, — она скользнула по его щеке пальцами, — но матушка совершенно несносна в последнее время: она придирается даже к тому, как я дышу. Теперь, после смерти, Уорд стал почти идеалом, который утрачен по моей только вине, и она постоянно вменяет мне это. Твердит, это все мой собственный грех и едва ли не в монастырь отправляет... — Аманда дернула головой. — Я знаю, что виновата, что никогда не любила его, что... была слишком беспечна, но... Джек, я хочу жить... и не так, как сейчас. Я хочу быть счастливой... с тобой!

У Джека перехватило дыхание: не от радости слышать эти слова — от горького осознания невозможности исполнения этой мечты.

— Значит, Франция? — спросил он вместо всего, что поднялось в душе.

— Или Италия, — кивнула Аманда. — Я еду с Барретами. Меня Анна позвала. Я еще не ответила, что поеду — не хотелось бы стать третьей лишней в их свадебном путешествии — но они берут с собой Гарри и Мэри, хотят показать им Европу, а значит, и я, наверное, не помешаю. Тем более что я задыхаюсь здесь, в Лондоне... В этом доме. Я должна вырваться хоть на время!

Джек погладил руку любимой, словно маленького зверька, стиснутого в ладонях. «Зверек» этот дергался, проявлял беспокойство, но он умирал его прикосновением пальцев.

— Все правильно, тебе нужно поехать, — согласился он с ней. — И я рад, что мисс Чендлер...

— Теперь уже миссис Баррет, — поправила его девушка.

— ... Что миссис Баррет, — повторил он за ней, — позвала тебя.

Аманда кивнула.

— Анна — замечательный человек. Они даже свадьбу думали отложить из-за смерти Уорда, но я попросила их с Чарльзом не поступать так... Они слишком долго шли к этому, и не обязаны были из-за меня рушить планы.

— Я счастлив за них.

— Я тоже. — Где-то в доме раздались шаги, и Аманда насторожилась. — Маме не спится ночами: она бродит по дому, как призрак, — сказала она, увлекая собеседника ближе к стене, в самую темноту. — Чем ты занят сейчас? — поинтересовалась у Джека. — Инспектор похлопотал за тебя?

— Да, он просил за меня главного констебля. Вскоре приступлю к службе под его руководством, но... — Джек замолчал, не зная, стоит ли говорить.

— Но? — понудила его девушка.

— Но я уже не уверен, что хочу возвращаться в полицию, — сказал он. — Боюсь, я не шибко для нее подхожу.

Наконец он высказал вслух наболевшее, и дышать стало легче. Груз, давивший на грудь, как будто уменьшился...

— Но почему ты так говоришь? Ты мечта о службе в полиции все последние годы. Джек? — Аманда с волнением и беспокойством заглянула в карие глаза парня. — К тому же, ты обладаешь чутьем и смекалкой. У тебя талант к сыску!

Джек невесело усмехнулся.

— Иногда этого мало, — произнес с горечью.

И ощутил, как любимые руки обхватили его, как горячим дыханием опалило чуть колкую скулу, и как тонкие пальцы, скользнув в волосы на затылке, заставили замереть от желания и мурашек, пробежавших по коже. Боже мой, он желал эту девушку всю без остатка, а вынужден был отступить! Уж лучше бы никогда ее не встречал...

Но от мысли этой сделалось страшно, и он, поймав ее губы, поцеловал так, чтобы напомнить себе, чего именно он готов был лишиться. Вкус губ Аманды Уорд был самым сладким... и терпким на свете...

— Я... Джек... я не хочу, чтобы ты разочаровывался в мечте, — еще не успев отдышаться, дрожа всем телом, прошептала Аманда. — Если мы перестанем мечтать, что нам останется? — И схватив его за отвороты жилета: — Мечтай, Джек. Не переставай это делать! Обещаешь, что не перестанешь?

— Обещаю, — он улыбнулся. — Но, знаешь, не все мечты исполняются.

Аманда пристально, без улыбки на него посмотрела и твердым голосом произнесла:

— Наши исполнятся. Мы и так слишком дорого за них заплатили. Наши исполнятся! — повторила почти по слогам.

Джек подумал, что от этого странного разговора веет тоской и печалью, так не вяжущейся с мечтами.

Он произнес:

— Я ведь тоже уезжаю из Лондона, именно потому и хотел встретиться: сообщить тебе. Ридли собрался в Италию, зовет и меня, — пояснил он.

— В Италию? Но зачем?

— Я не знаю. Говорит, по каким-то делам... Он странный в последнее время: дерганый, нервный. Мне кажется, его взволновало письмо, полученное неделю назад. На нем был еще странный штемпель, но я не успел его рассмотреть. С тех пор Ридли сам не свой...

— Сплошные тайны, — улыбнулась Аманда. — Но я рада, что мы оба едем в Италию, пусть даже там и не встретимся, — сказала она. — Куда именно вы направляетесь?

Джек плечами пожал.

— Я не спросил. Инспектор ошарашил меня сообщением этим вечером и велел паковать чемодан. Вот я и пришел, пока мог...

— Ты ведь знаешь, я всегда тебе рада.

Влюбленные снова потянулись друг к другу и нежно поцеловались.

Миссис Вилсон, экономка инспектора Ридли, впустила Джека через заднюю дверь и шепнула:

— Ты там потише: хозяин не спит. Все ходит из угла в угол, как неприкаянный, комнату мерит шагами. Что за недобрая нашла на него... Не сказывал он тебе?

— Нет, мэм, ни слова не говорил.

— Все из-за письма иноземного, — вздохнула женщина. — Как получил его, так словно подменили хозяина.

Джек сразу заинтересовался.

— Не знаете, от кого оно было?

— Нет, что ты, не посмотрела я толком, да и штемпель был иноземный, не местный.

«Итальянский, — подумалось Джеку. — Вот почему инспектор собрался в дорогу». Но вслух, пожелав миссис Вилсон доброго сна, направился в свою комнату... Правда, у лестницы предусмотрительно снял ботинки, чтобы не греметь каблуками, и все-таки Ридли услышал его: открыл дверь и строго глянул сначала на парня, после — на зажатые в его пальцах ботинки.

— Я не спрашиваю, где ты был, — произнес он, сдвинув брови на переносице, — ты уже взрослый, но знай, что я не намерен потакать твоим глупостям.

— Знаю, сэр, — ответил Джек, опустив голову. — Но я должен был попроситься.

Он не видел, но взгляд Ридли смягчился, сделался то ли грустным, то ли совершенно несчастным; это длилось не дольше секунды, но когда тот произнес:

— Иди спать, Джек, — лицо его снова было холодным и осуждающим.

Джек кивнул и, открыв дверь своей комнаты, волоча ноги, как каторжник в кандалах, прошаркал к себе.

— Доброй ночи, сэр.

— Доброй, Джек. — И совсем тихо: — Проклятые женщины.

На четвертый день рано утром Джек с инспектором, сев в поезд на вокзале «Чаринг-кросс», отбыли в Дувр: оттуда за час до полудня отходил паром до французского Кале, на котором у них были забронированы места. Всю дорогу до Дувра и даже часть пути по воде они дружно молчали, перекидываясь лишь краткими, ничего не значащими фразами общего толка. На серьезные разговоры ни один из них не был настроен, и молчание в целом выходило уютным, как водится между друзьями, но тоскливым — на то имелись у каждого свои собственные причины.

Джек как будто прощался с Аmandой...

Ридли — со своей привычной невозмутимостью.

Джек заметит впоследствии, что чем дальше они удалялись от Англии, тем тревожнее становился инспектор, тем молчаливее, погруженней в себя. Словно краб-отшельник, на время выглянувший наружу, снова забивался в свою уютную раковину...

На воде, ко всему прочему, Джеку сделалось плохо.

Те два часа, что они пересекали Ла-Манш, прошли для него в постоянной борьбе с накрывающей дурнотой и мучительной головной болью, от которой, казалось, его мозг превращался в кисель и болтался скисшей сболтанной массой в черепной коробке, выдавливая глаза.

В тот момент он осознавал лишь одну четкую мысль: он скорее «сухопутная крыса», нежели, так называемый, «морской волк», и ненавидит морские просторы глубже и шире его родной Темзы.

Они уже подплывали к Кале, когда Ридли с улыбкой похлопал его по плечу:

— Да ты стал зеленым, приятель. Смотри, как бы французы тебя с лягушонком не перепутали! Я слышал, эти завзятые лягушатники обожают маленьких *la grenouille* под сметанно-чесночным соусом.

— Боже правый! — Это всё, что успел сказать Джек, когда его снова выполоскало за борт корабля. От одной мысли о жареных ножках бесхвостых земноводных у парня нутро связалось узлом и выдавило последние капли желчи, еще в нем оставшиеся...

Только ступив на твердую землю, Джек наконец-то почувствовал себя лучше, хотя от

слабости ноги заплетались узлом, как у новорожденного жеребенка. Ему все казалось, земля поднимается и опадает, словно те же океанские волны, но хотя бы желудок перестал бунтовать. И боль в голове сделалась меньше...

Ощущая себя Магелланом, открывшим побережье Южной Америки, Джек глазел по сторонам с детским восторгом и удивлением. Вроде бы люди те же самые, что и в Англии, не о двух головах, а все-таки совершенно другие... Лопочут на своем тарабарском, да с такой бешеной скоростью, что самому быстрому поезду не угнаться. Жестикулируют. И толкаются.

Джек совсем потерялся в потоке спешащих людей, похожих на приливную волну, захлестнувшую набережную Кале: с чемоданами, налегке, одни, торопливо взмахивая руками, подзывали сновавшие кэбы и уносились в неизвестном ему направлении, другие потоком вливались в открытые двери прибрежных кафе и ресторанов.

Жизнь бурлила потоком, не замирая ни на секунду...

— Наш поезд до Цюриха отходит через два с половиной часа, — сказал Ридли, сверившись по карманным часам. — Желаешь перекусить? — осведомился с толикой жалости, замаскированной под насмешку.

Джек замотал головой.

— От одной мысли о пище у меня скручивается желудок, — произнёс он. — Мне кажется, я больше ни крошки в рот не возьму!

— А это мы ещё посмотрим, — хмыкнул Ридли и, отправив носильщика с чемоданами на вокзал «Кале-Вилль», подхватил Джека под руку и повел его на прогулку по городу.

День выдался солнечным, но не теплым. С Ла-Манша тянуло промозглой сыростью, солью и, как ни странно, отголосками старых дел, читанных Джеком в последнее время.

Раскланявшись с розовощекой француженкой, тщетно пытавшейся усмирить двух малышек в морских курточках, Джеку припомнился шестилетний Анри де Моранвилль, убийство которого так и не было официально раскрыто. Он представил, как тот точно так же скачет вприпрыжку, улыбается, тянет за руку свою гувернантку...

Кем нужно быть, чтобы убить маленького ребенка?

Нет, Джек, конечно, много раз слышал, как те, кого во Франции именуют «putain», избавляются от младенцев, бросая их в Темзу или удавливая подушкой, но этих женщин, пусть даже такое нельзя оправдать, воспитали нужда, аморальность и безысходность. Но что двигало той, что убила чужого ребенка без каких-либо серьезных причин? Или эти причины так и остались им неизвестны...

— О чем задумался, Джек? — спросил Ридли, отвлекая его от созерцания моря и собственных мыслей.

Джек подумал солгать, увести разговор на другое, но правда выпорхнула сама:

— Об убийстве маленького Анри, сэр. Гадаю, кем нужно быть, чтобы лишить его жизни... Еще и столь варварским способом.

Черты лица Ридли мгновенно отяжелели, и он весь словно ссутулился.

— Я тоже много думал об этом, — признался он, — очень много, Джек. И, полагаю, ты согласишься со мной: удавить ребенка подушкой было бы много легче, чем сделать это руками.

— Соглашусь, сэр.

— И все-таки гувернантка вывела его в сад... Так неужели мисс Харпер была каким-нибудь монстром?

— Не могу знать, сэр. Я не был знаком с ней...

— А вот мне привелось... — не глядя на собеседника, признался вдруг Ридли.

Джек искренне удивился.

— Вы знали мисс Харпер?!

Над их головами пронеслась огромная чайка, прокричала тревожно и грустно.

Губы Ридли изогнула улыбка, невеселая, злая, как порыв сильного ветра над морем.

— И очень близко. — Теперь он смотрел Джеку в глаза. — Наша свадьба должна была состояться через месяц после случившегося убийства у Моранвиллей.

Джек сглотнул, осмысливая услышанное, и поежился под препарирующим его взглядом инспектора. Не в тот самый момент, но позже Джек понял, почему собеседник так смотрел на него: с безжалостностью к собственным чувствам он считывал реакцию Джека, чтобы снова и снова убеждать себя самого в порочности бывшей возлюбленной. Его, Джека, ужас, презрение, осуждение — всё могло быть использовано против неё, но он неожиданно испытал только жалость... к мужчине напротив. Когда-то влюбленному, хоть в это с трудом верилось, и до сих пор не забывшего это...

— Сэр, я и не думал... не знал... Я...

— Перестань лепетать, Джек: ты не девица из кордебалета, — Ридли грубо одёрнул его, явно рассерженной этой жалостью. — Да, мисс Харпер была мне невестой, — жестко произнёс он. — И да, она собиралась оставить работу, чтобы подготовиться к свадьбе, на той самой неделе... Стоило ей послушать меня и уйти на день раньше... Но это в прошлом, — сам же себя оборвал он, — и никакие «кабы» да «если» ничего не изменят. Я и говорю тебе это только лишь потому, что ты всё равно узнаешь правду со временем, и лучше пусть от меня... — Ридли снова ожёг собеседника взглядом. — Мы едем, чтобы встретиться с Розалин Харпер, Джек. Для тебя это проблема? — заключил он совсем неожиданно.

— Сэр... я не смею судить поступки людей, о причинах которых знаю так мало...

— Брось, Джек, скажи прямо: ты осуждаешь меня?

— Нет, сэр, не осуждаю.

Ридли язвительно хмыкнул:

— Благородный босяк. Чего еще от тебя ожидать?

Джек понимал, что жалит инспектор не со зла — защищается, не желая показать уязвимость. Видать, эта Харпер глубоко занозила его сердце... Так и сидит отравленным жалом в душе. Припомнился подслушанный разговор Ридли с миссис Уиггинс в Хартберне: «Так ты все так же один... все так же тоскуешь?» Она тогда сказала о женщине, которую видели в Монреале, но инспектор не захотел о ней говорить.

Теперь Джек понимал почему...

— Прости, Джек, — прозвучало вдруг совсем иным тоном. — Несносный характер. Говорю не то, что хочу... — Большая ладонь легла ему на плечо и несильно сжала его.

— Я понимаю, сэр. — У Джека вдруг дрогнул голос. — Действительно, понимаю.

— Понимает он... — начал Ридли в привычной манере, но замолчал. И добавил опять тем, иным тоном: — Спасибо тебе. Я редко проявляю эмоции и хвалю, уж прости, такая дрянная натура, но должен сказать, что я рад нашей компании. Без тебя эта поездка была бы совсем нестерпимой! А так... — Он окинул спутника взглядом от макушки до пят в идеально начищенных туфлях. — Я горжусь тобой, Джек! Ты прошел длинный путь от того босяка, каким встретился мне в доме Мейбери, помнишь? — Джек кивнул. — До настоящего джентльмена, что гуляет со мной по набережной Кале. Не знай я, кто ты действительно есть, посчитал бы... воспитанным человеком... — Он улыбнулся.

— Я воспитанный, сэр, — ожидаемо возразил ему Джек. — Пусть и не от рождения, но ценой многих усилий.

— Я знаю, Джек.

— И это во многом ваша заслуга. — Он впервые говорил с Ридли на подобную тему, и к горлу поднялся комок. — Вы могли отшвырнуть меня, сэр, как приставший к ботинку обрывок бумаги, но вы проявили внимание и заботу, вы...

— Брось, Джек, мое участие было ничтожным: ты сам во многом сделал себя. И продолжай в том же духе! — Голос Ридли чуть приметно, но дрогнул на последних словах.

— И всё-таки я благодарен вам всей душой.

— Прекрати. — Ридли хлопнул его по плечу. — Что, право слово, за день взаимных расшаркиваний. Я не силен во всем этом... Не люблю, знаешь ли. — Они помолчали, молча шагая по мостовой, и Ридли добавил: — Розалин Харпер видели где-то в Локарно на озере Лаго-Маджоре. Туда мы и направляемся... Хочу встретиться с ней, поговорить. Прости, что втянул тебя в это...

— Я только рад, сэр. Никогда не видел Италии!

Джек, конечно, хотел бы сказать совершенно другое: «Я рад, сэр, что вы доверились мне. Ваше доверие много для меня значит, и я буду рад поддержать вас в этой поездке, в это нелегкое время...», но Ридли, кажется, понял без слов. Улыбнулся, кивнув, и они продолжили путь в дружественном молчании.

Парижский вокзал Сен-Лазар оказался точно таким, как на картине Моне: наполненный шипением пара, стуком колес, гудками прибывающих поездов, суетой машинистов и пассажиров, он поражал одним своим видом. Даже Джек, дитя многолюдного Лондона, неожиданно спасовал перед этой какофонией звуков и живого потока людей...

Пока они с Ридли переходили с одного пути на другой, пересаживаясь на поезд до Цюриха, он глазел по сторонам, как ребенок, впервые севший на карусель и попробовавший яблоко в карамели. Все казалось новым, неизведанным и чудесным...

— Что, нравится? — спросил Ридли, с удовольствием наблюдавший за его детским восторгом.

— Очень. Я и не думал, что бывают такие места!

— Это ты еще не видел наш поезд, — отвечивал тот и потащил Джека дальше.

Их поезд из шести комфортабельных вагонов оказался не менее интересным: здесь были не только отделанные серым штофом уютные, маленькие купе, оборудованные кроватями, но и вагон-ресторан с хрустальными люстрами и кожаными диванами, и покрытыми белыми скатертями столы с серебряными приборами — всё как будто из сказки и не про него, Джека Огдена, паренька из Уайтчепела, спавшего прежде на старом матрасе, набитым соломой и свалявшейся шерстью.

Джек словно видел всю эту роскошь со стороны, не соприкасаясь с ней напрямую... Непричастный к этому празднику жизни. Особенно его поразили вежливые портье: «Не желает ли, месье, заказать кассуле с зеленым горошком или, быть может, Гратен Дофинуа из молоденького картофеля и свежих сливок от нашего метрдотеля?» И всё на французском, который парень не понимал, а потому нещадно краснел, и без того оглушенный этим «месье» и вежливым к себе отношением. К счастью, Ридли на ломаном французском перетягивал на себя их внимание и, ткнув пальцем в какие-то блюда в меню, отправлял стюардов восвояси...

Джек был счастлив, когда закончилась пытка обедом, и они вернулись в купе. Ридли

сразу же погрузился в газету, захваченную из дома, а вскоре и задремал под мерный стук железных колес. Джеку же не сиделось на месте, он был через чур взбудоражен своим первым путешествием за границу, а потому вышел из маленького купе, не мешая Ридли дремать, и, встав у окна в коридоре вагона, наблюдал за проплывающими за окнами непривычными видами Франции.

— Добрый день, месье! — прозвучало у него за спиной. — Вы англичанин, не так ли?

— Да. Мы из Лондона.

— Так я и думал.

Перед ним стоял невысокий мужчина с опрятными бакенбардами и живыми, доброжелательными глазами, оттягивавшими на себя всё внимание. Одетый в бордовый жилет с восточным рисунком и черные консервативные брюки, он показался Джеку чудаковатым весельчаком, любившим эпатировать публику.

Впрочем, первое впечатление, как выяснилось, оказалось обманчивым. Запалив свою трубку, незнакомец выпустил в окно кольцо дыма, спросил:

— Так этот мужчина в купе — ваш отец?

Джек смутился, не зная, как объяснить точнее, но в конце концов незнакомцу он мог сказать правду.

— В какой-то мере, именно что отец, хотя мы не связаны кровными узами, — произнёс он.

— А, понимаю, — выпустил тот новое облачко дыма, — он ваш, как говорят французы, *protecteur*, а вы его *proteger*. — И заметив непонимание на лице собеседника, улыбнулся: — Не берите в голову, молодой человек: французский — ужасный язык, никогда его не учите. Так куда вы держите путь? — осведомился, сменив тему беседы.

— В Италию, на озеро Лаго-Маджоре.

— О, Лаго-Маджоре! — воскликнул его собеседник, закатывая глаза от восторга. — Я обожаю эти места. Красивейшие в мире, поверьте мне, молодой человек!

Джек подумал, что незнакомец, должно быть, отчасти итальянец, хотя утверждать точно он бы не стал.

Тот, словно прочитав его мысли, продолжил:

— Сам я наполовину француз, наполовину итальянских кровей, но вырос в Англии, да. Жизнь меня поносила по миру, но только Италия стала мне родиной. — И хмыкнув в усы: — Я люблю, знаете ли, месье, темпераментных женщин, а нет никого темпераментней разъяренной итальянской «тигрицы», мечтающей откусить тебе голову. — Джек подумал, что удовольствие это сомнительное, что, должно быть, и отразилось у него на лице. И собеседник, ткнув в его сторону трубкой, добавил совершенно серьезно: — Да-да, молодой человек, пока вы в отпуске на *Terre promise* (земля обетованная), не упустите свой шанс испытать все прелести итальянских *ma belle* (красоток). Кстати, — он протянул Джеку руку, — Томазо Джонсон. Приятно познакомиться!

— Джек Огден, сэр. Рад знакомству! — Они пожали друг другу руки.

Мужчина продолжил, пахнув в окно своей трубкой:

— Не удивляйтесь моему имени, молодой человек: мои родители-космополиты пошли даже дальше, — говоривший понизил голос, — и вторым именем у меня... Антуан. — Он закатил глаза. — Подумайте только, Томазо Антуан Джонсон. Это было б ужасно, не будь настолько смешно! — Он, действительно, улыбнулся, заставив и Джека ответить тем же. И сразу спросил: — Ваш... э, спутник связан с полицией, прав я?

Джек удивился:

— Как вы догадались об этом?

— Профессиональное, месье Огден, профессиональное, — он указал на свой глаз. —

Томазо Джонсон всегда распознает коллегу!

И Джек удивился сильнее:

— Вы полицейский?!

— Э, нет, что вы, молодой человек, Томазо Джонсон ростом не вышел, да и слишком вертляв, непоседлив и самобытен, чтобы подстраиваться под правила толстозадых инспекторов с завышенным самомнением. Нет, месье Огден, я люблю устанавливать свои правила... — Он многозначительно подмигнул. — Я частный сыщик. Работаю на себя. И я сам себя как начальник вполне даже нравлюсь!

Частный сыщик...

Джек впервые повстречал настоящего частного сыщика, которые, как он слышал, появились недавно в Америке. Он считал их кем-то вроде мифических единорогов или тех самых йети, о которых многие говорят, но ни разу не встречали в реальности — и вот один из них перед ним...

— Частный сыщик, — повторил он, всё еще пораженный открытием. — Не думал, что в Европе уже появились такие.

— Нас мало и тем мы ценнее! — подмигнул собеседник.

— То есть люди к вам обращаются? Просят помочь? В обход полиции?

— Пфф, — выдохнул месье Джонстон, — полиция только делает вид, что что-то там раскрывает. Связанные системой, финансами и сословными предрассудками, они мало что могут, поверьте мне, молодой человек. А вот детектив, действующий под эгидой своего нанимателя, не стесненный финансами и другими средствами в достижении поставленной цели, способен горы свернуть. Это я вам говорю на основании своего личного опыта! Поверьте мне, месье Огден. — Он пыхнул в окно своей трубкой, глядя на Джека как джинн из клубов волшебного дыма.

Разговорчивый и дружелюбный, месье Джонсон еще долго занимал Джека интересной беседой, с радостью делясь историями из практики о том, как, к примеру, месье N. нанял его проследить за мадам N. И чем всё это закончилось.

Ужинали они тоже втроем: Джек, Ридли и говорливый месье Джонстон. Было заметно, что консервативному инспектору лондонской полиции весельчак-сыщик пришелся не совсем по душе, но он терпел его ради Джека, глядевшего на собеседника восторженными глазами. В конце концов, они попрощались, направляясь каждый к себе, и Джонсон, вручивший Джеку визитку (на всякий случай!), скрылся в купе.

— Какой, однако, говорливый малый этот французик, — сказал Ридли, разбирая постель. — Готов спорить, сыщик из него самый посредственный. Разве может хоть что-то остаться в секрете, когда ты трещишь как сорока?

— А мне он понравился, — признался Джек немного смущенно. — Никогда не встречал таких необычных людей.

Инспектор вскинул кустистую бровь, но комментировать это не стал. Воздержался.

— Ложись спать, — сказал только. — Подниматься нам рано: в три будем в Цюрихе и оттуда на дилижансе отправимся к перевалу.

Джек лег, но еще долго не спал, прокручивая в голове события этого насыщенного на события дня. И когда проводник около трех разбудил их, предупредив о скором прибытии на

швейцарский вокзал, он с трудом разодрал слипавшиеся глаза и вытащил себя из постели.

А уже к полудню нового дня они прибыли в Андерматт, маленькую альпийскую деревеньку, словно нарочно затерянную посреди бескрайних горных вершин и клубящейся мглы над самыми пиками. В ночи, пока они тряслись в дилижансе, величие окружающей Джека природы еще не явило себя во всей своей полноте, но стоило взойти солнцу, как у него просто дух захватило: неопишное слияние земли и неба на фоне уже не зеленых, но снежных или просто нагих, растрескавшихся утесов, поражало величием и дикой, необузданной красотой.

— Завтра будем в Италии, — сказал Ридли. — Осталось пересечь перевал. Но сегодня, пожалуй, дадим себе отдых и полюбуемся красотой этого места! Оно достойно того.

И Джек с радостью согласился, предвкушая прогулку, которую совершит, наслаждаясь красотой этого места. И уже подхватил свой саквояж, направляясь за Ридли к гостинице, когда женские голоса привлекли их внимание: им навстречу, беседуя и улыбаясь, из дверей той же гостиницы показались две женщины-англичанки с детьми.

Еще секунду назад щебечущие о чем-то своем и улыбающиеся, заметив новоприбывших, они замерли, вперив в них удивленные взгляды, и одна из них ахнула:

— Джек.

А другая добавила:

— Мистер Огден.

И всем четверым показалось, что где-то в горах пророкотала, скатываясь, лавина.

— Какая неожиданная встреча! — Мистер Баррет, появившийся вслед за женщинами, приветливо улыбался, глядя на старых знакомых. — Джек... Инспектор Ридли, если не ошибаюсь?

— Энтони Ридли к вашим услугам, сэр, — приподнял шляпу мужчина.

— Чарльз Баррет, счастливый супруг этой очаровательной леди, — представился Чарльз, указывая на Анну. — Анна Чендлер, с недавних пор Баррет... — Он был счастлив и горд, и это сквозило во всех его жестах, словах.

Анна протянула инспектору руку.

— Приятно познакомиться, сэр, — чуть смущенно сказала она.

— Поздравляю с недавним счастливым событием, — откликнулся Ридли.

Джек с Аmandой стояли друг против друга, казалось, совсем не дыша. Едва слыша приветственные слова своих спутников, едва смея глядеть друг на друга... От тока крови в ушах оба разом оглохли. Ощущали лишь, как стучат в унисон оба сердца, а восторг, смешанный с горечью, растекается ядом по венам.

— Какими судьбами вы здесь, в Андерматте? — продолжал, между тем, ослепленный собственным счастьем Чарльз Баррет. — Никогда б не подумал, что встречу здесь Джека... Удивительная рулетка судьбы!

— Вы правы, весьма удивительная, — подтвердил Ридли, и в тоне произнесенных им слов Джек распознал нотку скепсиса и недоверия.

— Куда держите путь?

— В Локарно на Лаго-Маджоре.

— А мы для начала в Турин. Анна мечтает посетить королевский театр и Palazzo Reale, — вещал мистер Баррет, с любовью глядя на миссис Баррет. — Италия — ее давняя и заветнейшая мечта. И мы планируем побывать всюду, куда повлечет нас душа... Надеемся

только, — он посмотрел на Аманду, — что не слишком замучаем миссис Уорд, столь мужественно согласившуюся сопровождать нас в этой маленькой авантюре.

— Вовсе нет. Я от души благодарна за ваше приглашение, Чарльз! — отозвалась Аманда, впервые заговорив. — Вы, можно сказать, спасли меня от рутины... — «... Скорби, уныния, пустых стен и надзора собственной матери», но этого она не добавила. — Здесь, в Альпах, чудесно! — заключила по возможности жизнерадостней.

И мистер Баррет сразу же подхватил:

— О да, мы прибыли сюда третьего дня и всё ещё остаёмся, не в силах отправиться дальше. Какой воздух! Какие чудесные виды. Такого в Лондоне не увидишь, не ощутишь. Как скоро вы собираетесь пересечь Сент-Готард? — осведомился он вдруг.

Ридли сдержанно улыбнулся.

— Полагаю, со следующей почтовой каретой. Сегодняшняя, насколько я знаю, ушла.

— Да, буквально около часа назад. Но вы пожалели бы, не насладись этим местом подольше! — уверил их Баррет. — Если желаете, можем отправиться на прогулку прямо сейчас: детям нравится подниматься на вершину Сент-Готардской дороги и смотреть с нее вниз. Мы как раз направлялись туда...

Джек с Амандой исподволь глянули друг на друга. Пройтись вместе было заманчиво, сладко, но Ридли, конечно же, вежливо отказался. Мол, они только-только с дороги, и нуждаются в отдыхе и бодрящей чашечке чая... А позже, конечно, они будут рады присоединиться к их милой компании.

Джек поплелся за Ридли с тяжелым сердцем: сначала при виде Аманды он испытал потрясение, шок, после — радость, восторг, и в итоге — горькое осознание того факта, как воспримет всё это Ридли.

— В этом не было сговора, — было первым, что он сказал, когда они снова остались одни. — Я даже не знал, куда мы с вами отправимся. Эта встреча вышло случайно!

Ридли молчал, поднимаясь по лестнице, и сжимал губы.

Сердился на Джека?

Сожалел, что позвал его в эту поездку?

Был слишком разочарован, чтобы ответить?

— Ты знаешь, я не имею ничего против мисс Блэгни, — наконец, сказал Ридли у дверей своей комнаты. — Мне она даже нравится. Только, Джек... — он посмотрел на него то ли с жалостью, то ли с тоской, — эта женщина разобьет тебе сердце. — И, не добавив ни слова, скрылся за дверью.

Больной и несчастный, Джек мерил шагами свой номер, лишь изредка отвлекаясь на красоту горных вершин в проеме окна своей комнаты: встреча с Амандой растревожила сердце и взбаламутила разум. Как никогда прежде он желал быть с этой девушкой и бежать от нее без оглядки одновременно; никак дикая необузданность Альп и пьянящий до головокружения чистый воздух ударили в голову, как молодое вино. Каждый их поцелуй, объятие и признание в своих чувствах, эстампом отпечатанные в мозгу, заставляли дрожать кончики пальцев и сбиваться дыхание.

Боже мой, он и не думал, что можно кого-то так сильно любить... и так мучиться из-за этого.

В окно долетели женские голоса.

— Аманда, стой! — По дороге к гостинице торопливо шли миссис Баррет с Амандой. — Стой, милая...

Аманда, какая-то неестественно белая, прижимала ко рту смятый платок, и подруга, подхватив ее под руку, торопливо шептала ей что-то. Что именно, Джек не расслышал, и с трудом усмирил неконтролируемый порыв броситься вниз и узнать, что случилось с любимой...

Больше в тот день он Аманду не видел. Ни во время их с Ридли прогулки по Андерматту, ни во время совместно ужина с Барретами: через Анну она передала, что её донимает мигрень и она предпочитает остаться в постели.

Услышав это, Джек сразу решил, что девушка прячется от него. Избегает их встречи... Но почему? Ему сделалось ещё хуже, он едва помнил, что ел и был ли в целом вкус у еды, которую он пережевывал. Горечь на языке, единственная приправа, которую он ощущал, затмевала всё остальное...

Аманда избегала его?

Он пойдет к ней и спросит об этом.

Приняв это решение, он с трудом перенес пытку ужином с Барретами и Ридли, последний и сам, подобно Аманде, мало с ним говорил. Будто наказывал за провинность, о которой молодой человек понятия не имел... Нет, тот, должно быть, не верил ему, считал, что они сговорились с Амандой встретиться на перевале, и сама мысль о том, что Ридли считает Джека лжецом, жгла огнём.

Как узнать, в какой комнате остановилась Аманда?

Спросить миссис Баррет?

Нельзя.

Узнать у хозяина или служанки? Но они говорили лишь по-немецки.

Впрочем, его метания усмирил белый конверт под дверью у коврика: кто-то подсунул его, пока они ужинали. Аманда? Джек вынул записку и с жадностью прочитал: «Дорогой Джек, очень хочу тебя видеть. Наедине. Приходи в полночь к конюшням гостиницы. Твоя А.»

В полночь?

Часы показали начало одиннадцатого. Как же он вытерпит это время?

В нём как будто метался рой растревоженных пчёл: жалил, жужжал, побуждал ошалело носиться по комнате, бросив книгу, ни строчки которой не сохранялось в памяти, и подбрасывал то одно, то другое мучительное воспоминание.

Аманда решила расстаться?

Она разлюбила его?

За полчаса до полуночи он выбрался из гостиницы — просто не мог больше ждать. Ночной воздух, холодный и свежий, в миг остудил его голову, успокоил дико стучащее сердце... Джек дошел до конюшен и принялся ждать.

Чёрная, тоненькая фигурка в плаще появилась чуть раньше полуночи. Неужели и ей не терпелось? Эта мысль обнадежила было, но потом явилась другая: или ей не терпелось покончить с ним поскорей...

— Джек? — голос Аманды дрогнул на выдохе.

— Аманда, я здесь. — Он подался вперёд, не решаясь обнять её, как хотел бы. Замер в нескольких ярдах, дожидаясь своего приговора...

— Джек. — Девушка сделала шаг и обвила его шею руками. Уткнулась носом в ложбинку у шеи и выдохнула.

... С ним в унисон.

— Ты дрожишь, — констатировал Джек, толком не зная, действительно ли дрожала она.

Он и сам был натянутой до предела струной и вибрировал от эмоций...

— Холодно, — прошептала Аманда, — холодно и невыносимо... знать, что ты рядом, но так далеко. Я измучилась, Джек... — Она на него посмотрела. — Я измучилась делать вид, что ты никто для меня. Перед Ридли и остальными... Хотя они знают, что это не так.

Джек снова выдохнул, и с облачком пара вышла заноза отчаяния, что засела в груди.

Аманда любит его, а значит, мир по-прежнему нерушим.

— Не думай об этом, — шепнул он, отведя от лица ее волосы, — просто не думай. Не сейчас, хорошо? — И обнял её, умиряя дрожь хрупкого тела. — О чем ты хотела поговорить? И зачем позвала в это место? Здесь жутко. — Джек улыбнулся, желая подбодрить её.

Но Аманда вдруг странно на него посмотрела.

— Не я выбрала это место, — сказала она, — это ты написал мне записку и позвал встретиться здесь. Разве нет? — заключила едва слышным вопросом, заметив реакцию Джека.

— Я... тебе не писал, — мотнул он головой.

— И я... тебе не писала...

Осознание этого странного факта еще недостаточно уложились в их головах, а одна из тех пчёл, что лишала парня покоя, вдруг как будто ужалила его в шею. Он схватился за место укуса — в голове поплыло...

— Аманда...

Её жесты зеркально отражали его: то же недоумение на лице, та же рука на ужаленной шее.

И темная тень у неё за спиной...

— Не пытайся сопротивляться, — прозвучал тихий голос у уха. — Препарат действует быстро: упадешь — расшибешься.

Его, действительно, повело. Он вытянул руку, пытаясь дотянуться до девушки, но в глазах потемнело, фигур в темном плаще стало две... Двоилось в глазах.

— Аман... да... — прошептал Джек чужим, глухим голосом. — По... мо... гите... — И начал заваливаться назад. Его подхватили... И в накрывавшей сознание темноте Джек отчетливо различил слова старого друга: «Прямо во время разговора с могильщиками меня что-то цапнуло в шею»*.

— Ты меня вспомнил? — прозвучал пугающий голос из прошлого.

И за секунду до окончательного беспометства Джек действительно его вспомнил...

На грудь как будто давила плита и мешала дышать. В глазницах скребло от насыпанного под веки песка... Горло, потрескавшись, пересохло.

Джек уже чувствовал это однажды...

И очень надеялся позабыть.

— Наконец-то ты просыпаешься, Джек, — прошелестел голос из прошлого и что-то, должно быть быстрые пальчики, пробежались по жилетке его сюртука. — Наконец-то мы снова встретимся. О, как же долго я ждала этой встречи! Как ее предвкушала... Как долго мечтала отплатить тебе тем же... — глухой, насмешливо-страстный шепот окутал его, словно кокон, и потёк, обволакивая, по телу. — Ты ведь не думал, не так ли, что я прощу

тебя и забуду? Я, скажу честно, — дыхание у лица, — вообще не умею прощать. Никогда не умела... Даже будучи маленькой. Мать твердила, в прощении сила, но она, эта глупая женщина, была слабой и верила в сказки. Я не верю в них, Джек: я верю в себя. В силу. И деньги. Именно деньги — основа всего, согласишься? Они дают статус и власть. И я почти обрела этот статус, стала кем-то, помимо безродной дворняжки, но ты, глупый мальчик, нарушил все мои планы. Ты все испортил... И теперь ответишь за это!

Преодолевая слабость и тошноту, плескавшиеся внутри, Джек попытался двинуть руками, но ни одна даже не шевельнулась, зато дрогнули веки — и слабый свет ударил в глаза. Он заморгал, смаргивая мнимый песок, и различил силуэт женской головки, заслонявший свет от окна.

— Здравствуй, Джек, — прошептал тот же голос. — Узнаешь меня?

— Этель Эвардс, — прошептал он неподатливыми губами.

— Знала, что ты меня вспомнишь, — довольным тоном откликнулась девушка. — Я бы обиделась, будь по-другому. — И ее пальцы, лаская, скользнули, по коже щеки. Джек повел головой, отстраняясь, но слишком вяло, чтобы действительно избежать навязанной ласки... Она снова вколола ему то же снотворное, что и тогда, год назад, когда едва не убила его. Вот почему этот туман в голове, эти слабость, бессилие...

И вдруг вспышкой: Аманда. Где Аманда?

Он дёрнулся, отмечая вдруг обрётшие четкость детали: полутемный кузов кареты, хищную, как у акулы, улыбку Этель, хмурый взгляд мужчины напротив, а подле него — Аманду с кляпом во рту. Его в один миг опрокинуло в прошлое, в тот самый день, когда он впервые увидел её в доме Мейбери... Снова кляп, снова испуганный, но не утративший огня взгляд, снова во власти человеческого безумия.

— Что ты хочешь? — спросил он их похитительницу, глядя, однако, по-прежнему на Аманду. — Что ты хочешь? — повторил много громче.

От страха не за себя — за Аманду скрутило нутро. Голос дрогнул, выдавая эмоции... И красивое, словно ангельское лицо, озарилось мнимым ангельским светом. Столь же обманчивым, как и внешняя оболочка красавицы...

— Я хочу вернуть то, чего когда-то лишилась по твоей, Джек, вине, — сказала она. — Стать богатой, и ты мне поможешь.

— При чем здесь Аманда? Отпусти её.

— Ай-яй-яй, полагаешь меня полной дурой, Джек Огден? — Девушка ткнула в него кончиком пальца. — Кому, как не мне, известно о том, что ради своей ненаглядной Аманды ты горы свернёшь. А я так долго планировала, ждала, что теперь момента не упущу... — Глаза ее сделались злыми, улыбка схлопнулась в один миг. — Если хочешь, чтобы мисс Блэки жила, исполняй, что я скажу. В противном случае... — Тонкий стилет блеснул в её пальцах. Мисс Эдвардс подалась к Аманде и приложила тонкое лезвие к ее шее... — В противном случае, — повторила она, — миссис Уорд упокоится подле супруга.

— Не трогай её, — Джек сглотнул вставший в горле комок. — Я сделаю всё, что ты хочешь. Объясни только, что...

Карету качнуло на кочке, стилет у горла Аманды ткнулся ей в кожу, мгновенно прорезая её. Алая капля вспухла и заскользила по бледной коже...

— Ох, как неловко! — наигранно повинулась мисс Эдвардс. — Всё эти дороги... — Она вынула кляп изо рта девушки и прижала его к её ране. — Простите, миссис Уорд, видите, как легко сделаться мёртвой! Всего лишь миг — и конец. Берегите себя! — проворковала

она.

Аманда прошлась по ней хлестким взглядом и холодно осведомилась:

— Чего именно вы хотите от Джека?

Брови девушки вскинулись.

— Сколько страстной заботы! Кто бы подумал?! — И уже без улыбки: — Вскоре он всё узнает. А пока немного терпения... — Бег кареты замедлился, и Этель выглянула наружу. — Мы на месте, — констатировала она и поглядела на своего молчаливого спутника. — Размести наших гостей с максимальным комфортом, — велела ему.

Буквально через минуту карета остановилась, и мисс Эдвард первой выпорхнула наружу. Аманда с Джеком последовали за ней, конвоируемые мрачным детиной с устрашающим размахом плеч. За всё время пути он не сказал ни единого слова, только кивнул на приказ девушки позаботиться о «гостях» и... «заботился», тыча их в спины и выворачивая связанные за спинами руки.

А местность вокруг расстилалась волшебная, как на картинке: близкие пики заснеженных гор, уходящих под самые облака, хвойный лес, темный, густой, с шепотком лесного ручья где-то в низине, птичьими трелями и терпким аромат хвойных смол, от которых щипало в носу.

И посреди всего этого старый сруб, покосившийся и заброшенный, то ли бывшая почтовая станция, то ли дом лесника, в любом случае, — их нынешнее прибежище.

Аманда с Джеком шли рядом, плечом к плечу, в один миг посмотрели друг другу в глаза, и Аманда вдруг прошептала:

— Джек, не слушай её, умоляю. Эта девушка совершенно безумна! Что бы она для тебя ни придумала, это чистой воды самоубийство. И ты не должен идти на него ради меня...

Джек покачал головой.

— Не согласишься я, она покалечит тебя. Полагаешь, я смогу с этим жить? — Мучительно-горький тон его голоса, мрачный взгляд и поджавшиеся враз губы — все это одновременно говорило лишь об одном: он никогда не пойдет на такое. Не станет спасаться ценой её жизни! И очень плохо, если она этого не понимает...

Если не знает, что Аманда Блэки Уорд и есть вся его жизнь!

— Джек, — она подалась к нему, соприкоснувшись плечами, нырнула глазами в глаза, глубоко, до самого сердца, и прошептала, как будто на нём расписавшись: — Я люблю тебя. Так люблю, что...

Окончание фразы вышибло из её горла сильным ударом, швырнувшем Аманду на пол. Опрокинутый хлипкий стул, на который она налетела, больно врезавшись в тело, рассыпался на куски, и сама она тоже рассыпалась, судя по ощущениям... Опрокинувшись на живот со связанными руками, она приложилась о пол плечом, бедрами и проехала по щербатым доскам щекой. Не успела и вскрикнуть, так быстро всё это случилось, — закричал только Джек.

Она слышала его голос, но как будто издалека... Оглушенная, с переломанными костями (именно так она себя ощущала), лежала мешком на полу и пыталась понять, жива ли ещё.

Ранка на прокусанном языке наполнила рот привкусом крови...

— Аманда! Аманда! — Джек звал её, извернувшись всё так же со связанными руками, а детиной-молчун тянул его вверх, выворачивая те из суставов.

— Что случилось? — послышался металлический голос Этель. — Что ты сделал? —

посмотрела она на подручного, словно знала, что всё дело именно в нём.

И он промычал низким тоном, словно ухнули своды угольной шахты:

— Эти оба шептались. Она, — взгляд на Аманду, — могла что-то ему передать...

— Идиот, у них связаны руки. К тому же мы их обыскали! Ты сам это сделал... Забыл?

«Идиот» поглядел из-под нависших бровей насупленным взглядом.

— Подними её, живо. И запри их уже, как положено! Руки не распускай, — добавила угрожающе. — Эти двое нужны мне живыми.

Детина подхватил Аманду на руки, и где-то внутри её тела зазвенело осколками стекла, словно разбился витраж или хрупкая ваза. Она застонала, сглатывая слюну, от которой ее замутило, и ощутила, что плачет: щеки заледенели от скользнувшего по ним воздуха.

— Пустите меня убедиться, что с ней все в порядке! — долетал до нее голос Джека словно издалека. — Умоляю, дайте удостовериться...

— С ней всё в порядке: чай, не хрустальная ваза, чтобы разбиться от падения на пол, — отвечала мисс Эдвардс. — Не истери, Джек. Ничто с ней не сделается! — Хлопнула дверь, щелкнул запор.

Её опустили на что-то относительно мягкое: на старый тюфяк. И детина, заклеивший ее своим кулаком, молча вышел, заперев крепкую дверь...

Аманда осталась одна. Лежала, прислушиваясь к себе и боясь даже пошевелиться... Вдруг, если хотя бы вдохнёт посильнее, то крохотное, что с недавних пор зрело в ней, оборвётся? Вдруг бречание тех самых осколков, что она уже ощущала в себе, это и есть оборвавшаяся крохотная мечта, о которой она так и не поведала Джеку?

Она двинулась, перекатившись на бок, подтянула к животу ноги, сожалея до боли в груди, что не может обхватиться руками, убаюкать то ценное, что не ценила по-настоящему. Не успела, пытаясь принять сам факт его появления...

И вдруг задохнулась от боли, пронзившей живот снизу-вверх, словно кто-то ударил ножом. Провернул его, выпуская всю кровь без остатка, и та потекла по ногам горячим, крохотным ручейком.

Их заперли в разных комнатах, но Джек слышал, как стонала Аманда. Как её словно выворачивало от боли, отдаваясь набатом в его собственном сердце... Резонируя каждой клеточкой тела на страдание любимого человека.

Он долбил в дверь и кричал, умоляя пустить его к ней, до хрипоты. Сбил в кровь кулаки, но не чувствовал боли... Оказалось, что делать это со связанными руками не так-то просто и всё-таки он сумел.

Наконец, стукнул запор — на пороге предстала мисс Эдвардс.

— Уймись, хватит, — сказала она, — ты нужен мне невредимым...

— Что с Амандой? — перебил он её. — Что вы сделали с ней?

Девушка усмехнулась, но как-то скупно, без лишних эмоций.

— Мы — ничего, а вот ты, наверное, да... — Джек не понял, о чём она говорит, и нахмурился. — Твой ребёночек? — уточнила мисс Эдвардс. — Выкидывай у неё. — И, должно быть, пытаясь утешить: — Сделаешь ей другого. Это несложно! Уверена, вам даже понравится...

— Выкидывай... — Джек ощутил кипятком, плеснувший по венам. Аманда беременна? И теперь теряет ребенка. Он знал, что от этого умирают, и подался вперёд: — Если с ней что-то случится, вам никогда не заставить меня участвовать в ваших планах, — процедил он

сквозь зубы. — Кроме того, я убью тебя, Этель Эдвардс! — Он ожег её ненавидящим взглядом. Почти ощутил, как хватает девчонку и встряхивает как куклу, стирая усмешку с ангельского лица.

И что-то эдакое, безумное проглянуло, должно быть, из глубины его глаз, так как мисс Эдвардс попятилась, ткнув в его сторону пистолетом.

— Выходи, — велела она, — можешь с ней повидаться.

— Ей нужен доктор. Приведите его!

Через силу, словно давясь каждым словом, преступница отозвалась:

— Йенс его приведёт. Не волнуйся, папаша! — И отперла дверь в соседнюю комнату.

Джек вошел, в один миг задохнувшись от душного запаха крови, пропитавшего воздух. Он втянул его через ноздри, преодолевая накрывшую его панику: так пахнет смерть — и упал на колени перед Амандой. Хотелось коснуться её, отвести от лица прядь потных волосы, заключить в кольцо своих рук, уберечь от бед, но он не мог ни того, ни другого, ни третьего... Только лишь ощущать острый приступ вины за происходящее с ней.

— Аманда, любимая, это я, Джек, ты слышишь меня?

Девушка открыла глаза, лихорадочные, большие, и столько в них было боли, что Джек на мгновение захлебнулся им, начал тонуть... Бледные пальцы, коснувшись его лихорадочно полыхающих щёк, словно вытянули его на поверхность.

— Джек, как я рада тебе... — прошептали бледные губы и чуть приметно изогнулись в улыбке.

— Прости меня. — Он тоже шептал хриплым голосом. — Это я во всём виноват...

Аманда покачала головой.

— Не говори так, не надо. Если кому-то себя и винить, то это лишь мне, — сказала она. — Я давно хотела признаться, да не решалась. И дело даже не в этом ребенке... — её голос предательски дрогнул, — а в самом моём браке: я не должна была на него соглашаться. Помнишь, тот день, когда я сказала тебе, что выхожу за Уорда?

— Слово в слово. Я тогда впервые признался в любви!

— Да, ты сказал, что сильнее тебя никто никогда меня не полюбит.

— И я не солгал.

— Знаю. И сожалею, что поддалась уговорам на брак... — Аманда вцепилась в рукав Джекова сюртука, преодолевая новый спазм боли, скрутивший тело. — Лучше бы я убежала с тобой. Куда именно, не имеет значения, Джек, главное вместе. Жаль, я была такой глупой!

— Ты не глупая, перестань. Мы оба знаем, что я не пара тебе... Кто я и кто ты? Не кори себя понапрасну. Главное, будь...

Из глаз девушки выкатилась слеза.

— Я всегда была недостойна тебя, — прошептала она, — не ты меня, я тебя, Джек. И если меня даже не станет... нет, не говори ничего, — пресекла она его возражение, — просто знай: ты достоин самого лучшего. И ни в чём себя не кори! — Она снова погладила его по щеке. — Обещай мне.

— Аманда...

— Обещай, что не станешь?

— Аманда, я...

— Это расплата мне, понимаешь? За неправильные решения, за слабование, за нежелание принимать эту жизнь, зародившуюся во мне... Только теперь я ясно, как никогда, понимаю, сколько ошибок наделала и какой скверной была. Я хотела бы измениться рядом с

тобой... Но не уверена, будет ли шанс...

— Этель послала за доктором, — заверил Джек с сердцем, застрявшим у горла. — Он поможет тебе. Всё наладится!

Девушка улыбнулась сквозь слезы и прошептала:

— Ты такой добрый, Джек. Всегда таким был...

Дверь за их спинами распахнулась, и тюремщица гаркнула:

— Выходи уже. Хватит здесь миловаться!

— Когда будет доктор? — спросил молодой человек. — Ты обещала помочь.

— Обещала, так сделаю. А теперь выходи: есть разговор.

Джек вскинулся:

— У тебя совсем сердца нет? Позволь побыть с ней: никуда я не денусь.

— Не денешься, — согласилась Этель, — но и помочь ей не сможешь, а значит, и время потратишь впустую. А у нас его нет...

Джек поднялся, внутри клокотало, как в жерле вулкана, оскорбительные, злые слова поднимались из глубины, готовясь прорваться наружу.

Но Аманда сказала:

— Иди. Я сказала всё, что хотела. Ещё увидимся, Джек! — и улыбнулась ему, как будто он, не она, нуждался в поддержке в эту минуту.

— Вот видишь, миссис Уорд мыслит здраво, — похвалила Этель издевательским тоном. — Ребенка уже не спасти, а её очень даже. Если будешь сговорчивым... — и поптичьё склонила голову на бок.

Джек не был по природе своей кровожадным, но сейчас захотелось сломать длинную, белую шейку с завитушками локонов, будто нарочно отмеченную под пальцы черным чокером с перламутровым камнем. Он представил, как она хрустнула бы... и мотнул головой, отгоняя дурман. Его просто мутило от запаха крови, крови той, которую он любил...

Больной, словно состарившийся, он, шаркая башмаками, вышел за дверь. Оглянулся уже на пороге, но мисс Эдвардс поспешно захлопнула дверь и сказала:

— Садись. Я расскажу, в чём суть нашего дела...

— Твоего дела, — поправил девушку Джек. — К тому же, если с Амандой что-то случится... Если... — он не мог озвучить свой страх, словно от этого, материализовавшись, он стал бы реальным.

— Она сильная, справится, — кинула собеседница. — Просто выкидыш...

— Замолчи!

— Не могу: я должна рассказать, в чём суть НАШЕГО дела, не забыл?

Джек сцепил зубы, предпочитая смолчать. Это ангельское лицо и дьявольская душа так явно дисгармонировали друг с другом, что делалось тошно и гадко... Мутило сильнее, чем от запаха крови, и всё зловоние Темзы не могло с этим сравниться.

— Послушай, я вовсе не монстр, — продолжала Этель. — Я просто знаю, чего на самом деле хочу, и этого добиваюсь.

— Ценой жизни прочих людей?

— Да хоть бы и так, — фыркнула собеседница. — Ты — лондонское отребье, и не тебе учить меня, как мне жить. Ты выполз из грязи и мнишь себя лучше меня? Как бы не так.

— Человечность не измеряется происхождением, статусом и деньгами, Этель.

Та вскочила и заметалась по комнате, размахивая своим пистолетом.

— Я заткну твой чертов рот грязной тряпкой, если не замолчишь, — пригрозила она. — Я не намерена слушать нравоучения нищего идиота...

Глаза их встретились на секунду, столкнулись, опалив искрами ненависти, и мисс Эдвардс первая отвернулась.

— Я слушаю, — сказал Джек. — Говори, что ты хочешь.

Не сразу, но Этель вернулась на место. Вся она — один сплошной оголившийся нерв, пылающий ненавистью, щелкала револьверным затвором, с трудом сдерживая желание пристрелить его, Джека. По тому, как её пробрало, он угадал наличие совести, где-то всё-таки затаившейся, хоть она этого и не признавала, да и он не считал, что она в не осталась. Похоже, оба они ошибались...

— Слушай и просто молчи, — прошипела Этель, предваряя рассказ, и наконец заговорила о главном: — В Тоскане, на Лаго-Маджоре, живёт богатый старик, Гаспаро Фальконе. Потомственный дворянин, участник битвы при Ватерлоо, он, по слухам, феноменально богат, его вилла, буквально набитая всякими ценностями: картинами, фресками, посудой из золота и серебра, всё равно что пещера Али-Бабы. Но самое ценное в ней он хранит в хитро устроенном сейфе в своём кабинете... Его смастерил немецкий умелец и, говорят, открыть его без знания шифра — пустая задача.

— Ты хочешь, чтобы я открыл сейф? — не выдержал Джек. — Но я не «медвежатник» — ничего в этом не смыслю.

— Слушай молча, — не стала пререкаться Этель, продолжая рассказ. — У старика была дочь, взбалмошная девица, которую он вырастил без жены и страшно избаловал. Девчонку звали Аллегра... Как по мне, дура набитая, — скривилась рассказчица, — променяла сытую жизнь в доме отца на любовь к нищему циркачу-англичанину, гастролировавшему с итальянской труппой по югу Италии. Девица скучала, отец позвал циркачей развеселить их досуг, вот тут двое и встретились... Что было дальше, полагаю, ты и сам догадался: отец, узнав о влюбленности дочери в нищего босяка, — прицельный презрительный взгляд в его сторону, — запретил им встречаться, но его дура-дочурка сбежала из дома, и сколько бы старик не искал её, обнаружилась только два года спустя где-то в Англии с чахлым младенцем и муженьком-англичанином. Все уговоры вернуться не дали должного результата... Фальконе сам приезжал в Англию, чтобы её вразумить, но девчонка сказала, что счастлива и бла-бла-бла-бла... К тому же опять носила младенца. Отец, смирившись с позором единственной дочери, дал им денег на покупку то ли гостиницы, то ли постоянного дома, о которой циркач-зять как будто мечтал, но бродяга в душе тот не смог вести дело, спустил деньги на ветер и сам пошёл тем же путем, таскаясь из города в город с жалкими фокусами. — Этель замолчала, задумавшись на секунду, и припечатала жёстко: — Два года назад оба супруга скончались от вспышки брюшного тифа. Закономерный конец, ты не находишь? — Вопрос был риторическим, и она продолжала: — Их единственный живой сын, схоронив обоих родителей, затерялся на лондонских улицах. Его родной дед, узнавший о смерти дочери лишь время спустя, уже не смог его отыскать... Так и ищет с тех пор. — Она вскинула бровь. — И, мне видится, что нашёл... — многозначительно улыбнулась она.

Карета тряслась по неровной горной дороге, подпрыгивая, как гуттаперчевый мяч. С каждым прыжком в Джеке всё поднималось и опускалось, и не только в желудке: в голове взбаламучивалось болото мыслей. Вязких, готовых вот-вот поглотить его целиком...

До виллы Фальконе оставалось три с половиной часа...

... — Хочешь, чтобы я сыграл роль его внука?! — от этой закономерной догадки его аж подбросило. — Я не стану... Я не смогу. И с чего ты решила, что старик вообще мне поверит? Вот так приду и скажу, что я его внук?! Это полный абсурд.

Этель улыбалась довольной, полной превосходства улыбкой.

— Поверь мне, он с радостью примет тебя. И поверит в ту же секунду!

— Почему?

— Потому что он тебя ждёт. Уже вторую неделю. — Джек посмотрел на неё в ожидании объяснений, и мисс Эдвардс, вздохнув, продолжала: — Так вышло, что мы близко сошлись с одним джентльменом — хорошо, не совсем джентльменом, — её ремарка походила на театральную, — который, нанятый этим Фальконе разыскать его внука, потерпел неудачу, но не желая лишаться ни премии, ни возможности заполучить кое-что большее, озаботился поиском мнимого внука для старика. Сам подумай, такая возможность! Едва услышав о ней, я поняла: это мой шанс. — Этель улыбалась. — К тому же, и подходящая кандидатура была на примете — ты, Джек.

— Так значит, всё это время ты пряталась в Лондоне? — спросил Джек. — Инспектор предполагал, что после побега ты покинула Англию.

— Легче всего затеряться под носом полиции, там, где не ищут.

В этом была своеобразная логика: Лондон полнился самыми темными уголками, затеряться в которых не составляло труда. И, ощущая, как от недобрых предчувствий с каждой минутой всё тяжелее дышать, спросил только:

— Почему я?

— Ты идеально подходишь, — проворковала Этель. — Нищий мальчишка с претензией на что-то большее. Ты ведь хочешь стать чем-то большим, не так ли? — подалась она в его сторону. — Одеваться как джентльмен, говорить, как они... Может, это в тебе от Фальконе, благородная кровь даёт знать о себе? — И она так издевательски рассмеялась, так, что Джек скрипнул зубами. — К тому же, — её смех оборвался так же быстро, как зазвучал, — знаешь сам, как давно я мечтала тебе отомстить. А тут чем не возможность?

— Ты не могла знать, что мы поедем в Италию. Я и Аманда...

— О, это был просто подарок судьбы! — взмахнула рукой собеседница. — Стоило мне сказать сеньору Гатте, что у меня есть кое-кто на примете, как он начал следить за тобой. Сказал, ты подходишь, но согласишься ли помогать... Знаешь ли, что-то такое увидел в тебе, что заставило его усомниться. Но я знала, как воздействовать на тебя... — Кивок на дверь, за которой стенала Аманда. — Мол, ради этой девицы ты согласишься на всё, даже поехать в Италию самозванным наследником старика. Мы уже собирались похитить девчонку, и тут выясняется, что вы оба покидаете Лондон. И, представь, как мы удивились: оба, словно нарочно, держите путь на континент, в Италию... Чем не судьба, согласишься? — Этель с торжествующим видом дёрнула подбородком. — Остальные банальные мелочи: голубки попали в силочку. И теперь в нашей власти! Конец.

... Сеньор Гатте заёрзал на своём месте. Это был маленький, верткий проныра с пронизательными глазами и лисьим оскалом острых, отточенных, как у хищника, передних зубов. Джек не мог отделаться от ощущения, что с ним в экипаже сидит не человек — росомаха, и животное это планирует перегрызть ему горло.

— Давайте повторил ещё раз, что вы обязаны знать о Картерах, — произнес итальянец.

И начал как на экзамене: — Мать?

— Аллегра Картер, в девичестве Фальконе. Год рождения тысяча восемьсот девятнадцатый. Итальянка. Замужем за... — Его спутник покачал головой, поцокав как белка. И Джек исправился: — В гражданском браке с Джоном Картером, тысяча восемьсот четырнадцатого года рождения.

— Его корни?

— Портсмут, Англия. Сын сапожника и белошвейки. Сбежал с цирком в тринадцать. Никогда в Портсмут не возвращался.

Экзаменатор, удовлетворенный ответами, кивал в такт дребезжащей по дороге карете.

— Дети?

— Трое мальчиков. Старший, Роберт, и младший, Тимоти, умерли маленькими, выжил лишь я... — Джек сглотнул, — Джек Картер, восемнадцати лет. После смерти родителей основательно осел в Лондоне, в семье торговца шелками. Прислуживал в доме и в лавке, пока вы меня не нашли...

— Чудесно! Что знаешь о деде?

— Мать не любила о нём говорить. Как будто богат, но насколько, мне не известно...

— Брависсимо, друг мой, из вас получится чудный Джек Картер, — похвалил его сеньор Гатте.

Джек поджал губы, с трудом сдерживая нелестный эпитет в адрес юркого спутника-росомахи. В конце концов, от него зависела жизнь Аманды... Когда они уезжали, краснолицый, по всему спившийся доктор, потерявший лицензию, лепетал по-немецки: «Ich habe alles getan, was ich konnte. Es ist in Gottes Hand!» И теперь дело было за Джеком...

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, и, хотя Джек не планировал умирать, перед ним сейчас, в этот самый момент, проносилась не лента придорожных кустов, а вся его прошлая жизнь шаг за шагом. Он видел себя то тощим парнишкой с растрепанной шевелюрой, нашедшим женское тело на берегу, то влюбленным мальчишкой, впервые признавшимся в своих чувствах, и с разбитым вдребезги сердцем, то... счастливецом, чье чувство оказалось взаимным. И все те события, что нанизывались на нить, сопровождая каждый этап последних нескольких лет, стояли перед глазами... Осмысливались по-новому.

— Лаго-Маджоре! — произнес Гатте впервые за долгое время и указал пальцем в окно.

Джек сфокусировал взгляд и ослеп на мгновение от сияющей голубизны озёрной глади, открывшейся перед ним. Отороченное горами, озеро плавно змеилось вдоль своих берегов, напоминая огромного ящера, греющегося на солнце; ключья скупого тумана, уже рассеющегося под солнечными лучами, спускались с горных вершин, придавая озеру и окрестностям особый налёт загадочности.

Он вздохнул и залюбовался. Лаго-Маджоре. Они ехали сюда с Ридли, но доехал Джек без него... Где Ридли сейчас? Ищет его или, решив, что они сбежали с Амандой, махнул рукой, разочаровавшись в нём лишь сильнее? Неприятная эта мысль корябнула по сердцу...

Как и прочие в последнее время.

Жизнь, казалось, завернулась в тугую спираль, сжалась пружиной — и что будет, когда она развернется, сложно было предугадать.

— Веди себя естественно, парень, — снова напутствовал Гатте. — Не переигрывай. И постарайся уложиться в неделю. Сам понимаешь, твоя девчонка, в отличие от тебя, не на вилле загорать будет. Помни об этом!

Джек не ответил, продолжая смотреть на проплывавшие за окном чудесные виды — дорога вилась вдоль берега, и озеро было как на ладони. Правда, вскоре они свернули налево, и дорога пошла под уклон, словно они поднимались на холм, и вот за поворотом показалась витая ограда ворот, а за ней вилла Фальконе, проглядывающая сквозь буйную зелень красивого сада.

Ворота раскрылись, они въехали внутрь... Сердце Джека пропустило удар. В горле в миг пересохло.

Началось!

Ливрейный слуга, должно быть лакей, распахнул дверцу их экипажа, и Гатте первым выбрался из кареты, Джек — за ним. Щебет птиц, блики солнечных зайчиков на стенах, тихий шепот листвы под воздействием ветерка — всё это нахлынуло разом, оглушило, дезориентировало его. Джек никогда не встречал такой красоты, и застыл, очарованный.

Два крыла виллы Фальконе расстилались среди буйной зелени, плавно переходившей в террасный сад... Цветущие кусты рододендронов всевозможных расцветок пламенели повсюду яркими красками. Виднелась крыша увитой глициниями беседки... Тянуло свежестью с моря.

— *Finalmento!* — воскликнули на итальянском, и из дома появился мужчина в годах. Уже седовласый, но статный, высокий, не согбенной ни годами, ни житейскими трудностями, он с волнением на лице ощупывал Джека внимательным взглядом, и грудь его бурно вздымалась под серой материей сюртука. — Наконец-то, мой мальчик! — произнес он уже на английском. И сбежал по ступеням, заключив Джека в объятия...

Парень замер, превратившись в кусок окаменевшего дерева, но Гатте, глядя на них, улыбался с умилением на лице и безмолвно, одним краем глаза предостерегал Джека от глупостей. Будь помягче, как бы читалось подстрочно, но Джек не был ни искусным актером, ни тем более бесчувственным чурбаном: осознавал в полной мере, что обманывает несчастного старика и впоследствии разобьет ему сердце.

Расслабиться не получилось, но Фальконе истолковал это по-своему...

— Прости глупого старика, — выпустил он Джека из рук, — лезу с объятиями, когда ты даже не знаешь меня. Извини, *scgo mia*, это все нервы, эмоции! Я уже и не надеялся свидеться. А ты вот, значит, какой... — Он снова окинул Джека восторженным взглядом. — Взрослый. Красивый. На мать похож... — Краска бросилась Джеку в лицо, стало жарко до одури. Он сглотнул. — Не смущайся, мой мальчик, я стар и сентиментален, мне позволено быть правдивым, особенно если это чистая правда, — снова истолковал все по-своему новый родственник. — Ты же настоящий Фальконе, я вижу это в глазах и фигуре. — Его собственные глаза заблестели. — Я счастлив видеть тебя! — Расчувствовавшийся, он обернулся к спутнику Джека: — Сеньор Гатте, я благодарен всем сердцем за то, что вы сделали для меня! Вернули мне внука. Я этого никогда не забуду!

— Не стоит, сеньор, — скромно отозвался мошенник, — я делал свою работу и рад, что она увенчалась успехом... на радость всем нам.

— «На радость всем нам», — повторил его собеседник, снова обратив взор на Джека. — Ты, верно, голоден, мальчик мой, — сказал он, взмахивая руками. — Мы обедаем в час... Я велел задержаться с обедом, чтобы дожидаться тебя. Все равно не смог бы проглотить ни кусочка, так сильно ждал нашей встречи... И вот...

Джек молчал, всё ещё не найдясь, что ответить на это восторженное приветствие. В голове билось набатом: «Обманщик, обманщик». Он был обманщиком и лжецом...

— Сеньор Фальконе, простите мальчику это молчание: он, должно быть, слишком взволнован вашим свиданием. Язык, что говорится, отнялся... Он вообще не из болтливых, — поведал он, снизив голос, и улыбнулся. — Такой уж характер.

Фальконе понятиливо закивал. И вдруг кликнул слугу:

— Альфредо, проводите мальчика в его комнату и обеспечьте необходимым. Пусть смоеет с себя дорожную пыль, а мы с сеньором Гатте пока выпьем кофе в саду...

Вышколенный слуга, почти тех же лет, что хозяин, подошел к Джеку и попытался взять его чемодан, но пальцы Джека как будто впились в ручку.

— Сеньор? — вопросительно глянул Альфредо. — Я понесу ваш чемодан.

— Благодарю, но я могу сам, — глухо ответил Джек. — Мне нетрудно.

— Не сомневаюсь, — вежливо улыбнулся слуга, — но вы гость сеньора Фальконе, и ваш чемодан понесу я.

Джек сглотнул, ощущая те самые чувства, которые всколыхнул в нем когда-то визит в дом Аманды на Гросвенор-сквер: он совершенно не сочетается с миром богатой аристократии. Он сучок на тисовом дубе, темное пятнышко внутри драгоценного камня — паренёк из трущоб, лишь пытающийся казаться лучше, чем есть.

Он думал об этом, шагая за величественным слугой по не менее величественным помещениям дома: через холл, обитый дубовыми буазери, по лестнице с красной ковровой дорожкой, к двери, отделанных бархатом, за которой, как ему сообщили, находится его спальня.

Слуга распахнул красивую дверь, Джек шагнул внутрь и... обомлел при виде огромной кровати под льняным балдахинном, стульев, обитых шелковым бархатом и яркого света, чуть приглушенного льняными же шторами с золочеными аксельбантами.

— Ваша комната, сеньор, — провозгласил Альфредо торжественным тоном, ни дать ни взять геральд на рыцарском турнире. — Горничная принесет вам воды! Я провожу вас в столовую, как только вы закончите с туалетом.

Джек кивнул поблагодарив. А оставшись один, ничком упал на кровать и прикрыл на мгновенье глаза... С деревянных кессонов на потолке на него взирали пастушки в фривольных нарядах и наяды в струящихся одеяниях, больше похожих на лепестки водяных лилий. Все они улыбались, как будто потешаясь ним...

За обедом в пышно украшенной столовой ситуацию спасал сеньор Гатте, витиевато и многословно беседовавший с хозяином дома то по-английски (в угоду Джеку), то на родном языке. Он был весел, доволен жизнью и поглощаемой пищей; должно быть, думалось Джеку, Фальконе ему заплатил и заплатил хорошо. Деньги умеют делать счастливым, особенно таких проходимцев, как этот тип.

Джек по большей части молчал, глядел на обилие серебряных ложек и вилок непонятого предназначения перед собой и думал попеременно то об Аманде, то об инспекторе Ридли. Обедать казалось кошунством по отношению к ним: возможно лишенных, не только возможности, но и аппетита делать это самим.

— Не стесняйся, мой мальчик, — прозвучал звучный голос Фальконе, смягченный отеческими нотками, — ешь, как захочешь. Я понимаю, что ты привык совершенно к другому... И это не страшно. Со временем все придёт! Ты научишься...

Джек кивнул, крепко сцепляя зубы в замок и выцеживая улыбку, мутную, чуть приметную, но хотя бы такую. О другой не могло быть и речи: обман шёл вразрез с его

воспитанием. С его восприятием происходящего...

Гатте, прощаясь, незаметно ткнул его в бок: «Улыбайся, мерзавец. Хочешь смерти девчонке?»

и ушел, скаля зубы уже не в угрозе — в улыбке. Вспрыгнул в карету — и был таков. Первым побуждением Джека, едва они с Фальконе остались вдвоем, было рассказать ему всё, открыться и просить помощи, но... Он не знал этого человека и понятия не имел, как тот отреагирует на правду. Вдруг его схватят, запрут в итальянской тюрьме — и Аманду никто не спасёт. Мог ли он рисковать её жизнью?

Никогда и никак.

— Ну что же, мой славный Джино, — сеньор Фальконе подхватил его под руку, — осмотрим дом, если ты, конечно, не против. — Джек был не против, и старик повел его внутрь.

Он водил Джека из комнаты в комнату, с истинной страстью расписывая детали недавней реконструкции дома и расписывал обстановку, подобранную с любовью и знанием дела, касался таких мелочей, о которых английский мальчишка, далекий от архитектуры и быта, понятия не имел. Джек понял лишь, что вилла «Фальконе» стала истинным детищем старика, на которую, за неимением другого объекта, излилась вся его нерастраченная любовь.

— Посмотрите на этот столик, *amiso mia*, — продолжал рассказывать экскурсовод, — он в обивке из кожи морского ската. Я сам охотился на него в Линьяно-Саббьядоро... Славная вышла рыбалка! Ты видел скатов, мой Джино? — улыбнулся он Джеку. — Жуткие твари. Я научу тебя ловить их! И мы закажем еще один столик и поставим его в нашей гостиной. — Фальконе хлопнул паренька по плечу, приосанился, словно сама эта возможность, обучить внука рыбалке, наполнила его гордостью, силой.

— Я буду рад порыбачить в вашей компании, — не покривил душой Джек, преисполнившись к старику теплыми чувствами.

И Фальконе вскричал:

— *Accidenti*, жду не дождусь, когда это случится! — И признался чуть виновато: — Но сначала представлю тебя друзьям, Джино. Ты ведь не против маленького знакомства? — Он заглянул Джеку в глаза, и тот сглотнул, мотнув головой: мол, нет, он не против. Хотя думал совершенно иначе, и старик уловил этот невысказанный протест: — Я понимаю, что тороплюсь, что толком не даю тебе время освоиться, но, Джино, я так долго ждал, так долго надеялся... Знаешь, как говорят итальянцы: «*A chi non beve birra, Dio neghi anche l'acqua*», что значит, кто не пьет пива, того Господь лишает воды. То есть жить надо сегодняшним днём, мальчик мой, радоваться тому, что имеешь, пока есть возможность, и я хочу радоваться тебе, твоему возвращению в родной дом. — Он хмыкнул в кулак, прочищая осипшее горло. Джек тактично этого не заметил. — И для начала я позвал только самых близких друзей! — продолжил Фальконе. — Тебе не о чём волноваться. Они будут счастливы увидеть тебя, познакомиться! К тому же, это будет лишь завтра, сегодня же... — он хлопнул в ладони, — я покажу тебе, где вызревает наше вино. «*Ogrooglio Falkone*». Личная марка нашего рода, — поведал он с гордостью. — Сочное, шелковистое, это вино достойно самих королей. Ты любишь вино? — обратился он к внуку.

— Боюсь, у меня было немного возможностей воспитать к нему вкус, — сказал Джек, и старик хлопнул его по плечу.

— Это все поправимо, мой мальчик. Даже к лучшему, что твой вкус не испорчен

недостойными напитками! Ты — Фальконе, и я научу тебя разбираться в вине.

Беседуя, они обогнули дом со стороны хозяйских построек и вошли в полуподвальное помещение, ослепнув на миг после яркого света.

— За этой дверью винный погреб Фальконе, — сказал старик, указав на решетку с навешенным на нее амбарным замком. — Там, внизу, зреет лучшее в Пьемонте вино. Видишь бочки? — Проморгавшись, Джек различил смутные очертания бочек, расположенных в ряд, и кивнул. — Это «Гордость Фальконе». Сейчас поднимемся в мой кабинет, и я угощу тебя урожаем прошлого года.

— Почему здесь замок? — спросил Джек. — Для защиты вина... от людей?

— Нет, мальчик мой, — улыбнулся Фальконе, — для защиты людей... от вина. — Джек вопросительно вскинул бровь, и тот пояснил: — При брожении выделяются ядовитые испарения. Они заполняют весь погреб, и стоит сойти на пару ступеней, как упадёшь запертво.

Джек подался ближе к решетке, просто из любопытства — он никогда такого не слышал — но не увидел и не почувствовал ничего.

— Эти испарения не имеют ни цвета, ни запаха, — просветил его спутник. — Они просто скапливаются внизу и потихоньку выходят вон в те маленькие окошки под потолком, — Фальконе указал пальцем на прямоугольники окон. — В лучшем случае при отравлении тебя будет рвать и заболит голова, в худшем... ты умрёшь в страшных судорогах.

— Ужасно, — поёжился Джек. — И как узнать, что в погребе опять безопасно?

— Обвязаться веревкой и спуститься вниз со свечой. Если в погребе все еще слишком много накопившихся испарений, свеча либо потухнет, либо станет нещадно чадить... Мы, виноделы, много знаем об этом, не беспокойся, мой мальчик. Со временем я всему тебя научу! А теперь пойдем ко мне в кабинет.

Все происходило так быстро, что у Джека голова пошла кругом: Фальконе, словно ребенок, желал похвастаться всеми игрушками разом, и, невольно проникшийся его энтузиазмом молодой человек, искренне улыбнулся, глядя на старика. На миг показалось, что он действительно его внук, и на сердце сделалось легко и приятно.

— С радостью, — сказал он, и старик подхватил его под руку так по-свойски, словно они знали друг друга годами. Ридли, к примеру, за все годы знакомства прикасался к Джеку только во время рукопожатия, да и то в основном ограничивался кивком. Никаких вам объятий, запанибратства... И Джек ощутил, что на самом деле нуждался в этой прогулке под руку, в хлопанье по плечу и объятьях при встрече — эти простые, казалось бы, знаки человеческого участия плавил сердце.

В кабинете Фальконе откупорил бутылку вина и подал Джеку наполненный наполовину фужер.

— Ну, что скажешь? — Он замер, ожидая вердикта.

Джек пригубил самую малость. Ему нужна была трезвая голова...

— Горько... и сладко одновременно, — произнес он, понимая, что от него ждут не совсем этих слов.

Старик рассмеялся.

— В жизни не слышал более странной характеристики, — подтвердил он его догадку. — Ну да ладно! Всё поправимо. Ты еще станешь Фальконе до мозга костей! — И жестикулируя в своей привычной манере, вдруг стал серьезным: — Ты коришь меня за свою мать, мальчик мой? — спросил очень тихо. — Считаешь, я виноват в ее смерти?

Вопрос застал Джека врасплох, ответ на него он заранее не продумывал.

— Сэр... э, сеньор Фальконе...

— Можешь звать меня «дедушкой»... если хочешь...

— Возможно, со временем, — кивнул Джек, — дайте мне время освоиться.

— Да, ты прав, извини. Я слишком спешу! Неосознанно, но пытаюсь наверстать упущенное время. Извини, Джино... Джек...

— Можете звать меня «Джино», — улыбнулся молодой человек. — Мне даже нравится.

Называясь не Джеком, а Джино, было легче отделить себя от происходящих событий. Как будто бы он наблюдает со стороны, не участвуя в них напрямую...

— Так привычней для слуха, — кивнул Фальконе.

А Джек продолжал:

— И отвечая на ваш вопрос... Нет, я вас не корю, сэр. Мама сама выбрала жизнь, которой мы жили... Она ей нравилась, несмотря ни на что. И если я о чём жалею, то только о том, что мы не познакомились раньше. Охотиться вместе на скатов — звучит интригующе... — закончил он улыбнувшись.

Лицо старика тоже расплылось в улыбке, такой лучезарной, что не составляло труда догадаться: Джек подобрал правильные слова. И были ли они правдой, одному Богу известно, но это была, как думалось Джеку, безобидная ложь... Если такая в принципе существовала, то это была именно она.

— О да, мой мальчик, у нас будет новый столик в гостиной! — пообещал воодушевленный Фальконе, глаза которого заблестели от слез. И он отвернулся, подавшись к стене, на которой висел огромный, в пол натюрморт с цветами и фруктами.

По рассказам проныры Гатте Джеку было известно, что именно за натюрмортом скрывается сейф, ради которого он здесь оказался. Джек представлял его в виде коробки в стене, защищенный особенным механизмом, но когда Гаспаро Фальконе откинул огромное полотно, закрепленное на шарнирах, как дверь, Джек увидел квадратное углубление размером шесть на четыре фута, напоминавшее шкаф.

— Я хочу дать тебе кое-то, — сказал тот, вращая колесо механизма в ему одному известном порядке. — Это вещь твоей матери. Я хранил ее долгие годы!

Джек не видел из-за спины старика, какие именно манипуляции он проводил, и был по-своему рад, пусть даже и понимал, что это противоречит его первоочередной задаче. Нужно было сдвинуться в сторону, только шаг — и он бы заметил хоть что-то, но этот шаг он не сделал. Чувства противились разуму...

Фальконе потянул железную дверь, и та беззвучно открылась, являя драгоценное нутро сейфа. Он взял с полки какой-то предмет...

— Вот, посмотри.

Джек приблизился, различив на руке старика...

— Губная гармоника? — удивился Джек.

Фальконе кивнул.

— Аллегре подарил её мой друг Витторио на её двенадцатый день рождения. Привез из Германии. И она в неё просто влюбилась! Всюду носила с собой и наигрывала мелодии. У твоей матери был хорошо развитый слух, — с грустью заключил он, вложив гармонику Джеку в ладонь. — Возьми, я хочу, чтобы ты держал её у себя.

— Я даже не умею играть, — воспротивился Джек. — Медведь на ухо наступил...

— И все-таки заberi её, — Фальконе снова повернулся к раскрытому сейфу, и Джек

увидел на его полках странные вещи: например, старую карнавальную маску, бутылку вина и даже деревянную погремушку. — Удивлен? — поинтересовался его собеседник. — Здесь не только фамильные украшения, но и вещи намного более ценные, те, что хранят в себе прошлое. Вот, как эта бутылка вина... — Он взял её с полки. — Это вино было разлито в бутылки в год рождения твоей матери, — сказал он. — Я хранил его, чтобы выпить в день свадьбы Аллегры, но... — его голос грустно затих и тут же взмыл на октаву: — Теперь откупорю её на твоей свадьбе, мой мальчик! — Он снова хлопнул его по плечу, и в этот момент в дверь постучали.

На пороге предстала красивая женщина в скромном платье серого цвета.

— Сеньор Фальконе, простите, что отвлекаю, но вам пора принять лекарство, — приятным голосом на английском сказала она.

Старик скривился, захлопнув сейф и покрутив колесики и рычаги.

— Моя мучительница, — пожаловался он Джеку. — Розалин Ридли, моя компаньонка. — И в сторону женщины: — Сеньорита, познакомьтесь с моим родным внуком Джино Фальконе.

— Очень приятно, мисс.

— Взаимно, сеньор.

— Вы англичанка? — не сдержался Джек от вопроса. Мало того, что он не рассчитывал встретить на вилле свою соотечественницу, так еще и с фамилией, много значащей для него.

— Была когда-то, — ответила женщина. — Дело в том, что я так давно живу за границей, что почти позабыла, где мои корни. — И Фальконе: — Простите, сеньор, но лекарство, вы должны его принять.

— Сеньор болен? — невольно вырвалось у Джека.

— Ерунда! — взмахнул тот рукой, расплывшись в улыбке. — Розалин слишком серьезно воспринимает возложенные на неё обязанности. Пойдёмте, мучительница! — уже в её сторону. Фальконе подхватил женщину под руку, и они, тихо переговариваясь по-итальянски, покинули кабинет.

Вечером на закате, сидя на чудесной террасе над озером, Джек осведомился у Фальконе:

— Сеньор, вы больны? Наличие в доме сиделки наводит на определенные мысли.

Они наслаждались покоем догоравшего дня, окрасившего небо над Лаго-Маджоре в пурпурно-радужные тона. Это было настолько прекрасное зрелище, что Джек с тоской подумал о том, что никогда не видел подобного. И как жаль, что он любит этот вид в таких обстоятельствах... Без Аманды и Ридли. Эти мысли его и сподвигли к вопросу...

— Не бери в голову, — отмахнулся старик с утрированно, как виделось Джеку, энтузиазмом. — Эта клуша сеньорита Ридли не сиделка мне, чтобы ты знал, так, скорее докучливая девица из числа компаньенок, которых недобрые обстоятельства вынуждают прислуживать старикам вроде меня. Я, можно сказать, сделал доброе дело — и вот чем она мне оплачивает за это: гоняется по всей вилле со своими лекарствами, словно я умирающий лебедь.

— Так мне не о чем волноваться?

— Совершенно не о чем, мальчик мой. Совершенно.

— А мисс Ридли, расскажете, как она оказалась в поместье? Вы сказали, что сделали доброе дело...

— Ах, не думай, мой Джино, что этот дряхлый старик — рыцарь на белом коне, — улыбнулся Фальконе, — драконы нынче не те, чтобы скакать с опущенным низко забралом и копьем наперевес. Но деву в беде я все-таки спас... — Он уселся удобнее. — Должно быть, во мне разыгралась сентиментальность. Или обычная вредность, тут как посмотреть. Но, знаешь ли, мальчик мой, графиня Брандолино такая дурная старуха, что стоило мне увидеть, как она помыкает бедным ребенком, своей компаньонкой, как во мне всколыхнулась шальная мыслишка, умыкнуть ее у старухи. Я подумал тогда, что если уж эта девица умеет вытерпеть старую курицу, то меня вытерпит и подавно... Я, знаешь ли, тоже не сахар, а доктор как раз подбирал мне сидел... компаньонку, — исправился он, — и я опасался, что ей окажется вяленая вобла с пресным лицом. Вот я и подсуетился...

— У вас доброе сердце, — искренне резюмировал Джек. И снова спросил: — Но вы знаете, что сподвигло мисс Ридли терпеть скверный характер графини?

Фальконе прищурил глаза и с интересом поглядел на лже-внука.

— Да ты никак заинтересовался моей сеньоритой? Не стара ли она для тебя? Какой бы приятной мисс Розалин ни была, она все-таки старая дева... Скажу по секрету, ей тридцать два.

У Джека вспыхнули уши, и он поспешил разуверить Фальконе в своих чувствах по отношению к компаньонке.

— Вы неверно истолковали мой интерес, — сказал он, — мной движет скорее банальное любопытство по отношению к своей соотечественнице, оказавшейся в столь затруднительных обстоятельствах, нежели нечто другое. К тому же, — добавил он второпях, — есть другой человек, занимающий мои мысли...

Старик, крайне заинтересовавшись, подался вперед.

— Так ты влюблен, мальчик мой! Кто эта счастливица? — Глаза его вспыхнули интересом.

Джек понял, что сказал лишнее, что не стоило заводить разговор об Аманде, сейчас, когда все его мысли и без того заняты ей, и он мог сболтнуть лишнее. Гамма эмоций, пробежавшая по его лицу, должно быть сказала Фальконе достаточно и без слов: он погладил рукой подбородок, прищурил глаза и сказал:

— Понимаю, ты еще не готов говорить о любви. Твое сердце разбито вашей разлукой... Бедный мой мальчик. Но, по крайней мере, я теперь понимаю причину этой печали в глазах. Как ее имя?

— Аманда.

— Красивое имя. Как и сама девушка, я уверен. — Фальконе вдруг сжал его руку, и молодой человек от неловкости, непривычности этого жеста ощутил комок в горле и желание убежать, прекратить разговор, болезненный для души. Слишком искренним было сочувствие собеседника, слишком явной забота и желание поддержать...

Он к подобному не привык.

К счастью, на том они и закончили прошлым днем: Фальконе сказал, что Джеку не помешает выспаться хорошенько, так как с утра пребудет портной, а после обеда — приглашенные гости.

Их, кстати, действительно оказалось, немного, как Фальконе и говорил, но даже пятеро итальянцев в довесок к уже имеющимся взбаламутили сонную жизнь виллы до основания.

Первыми прибыли Витторио и Селесте Мессина, давний друг Гаспаро Фальконе с женой. Мессина был еще моложавым, крупным мужчиной, рядом с которым его

миниатюрная, маленькая жена смотрелась крошечной балериной, облаченной в наряд светской дамы.

Они в привычной итальянской манере восторженно познакомились с Джеком, охая и восклицая, поразились генам Фальконе, проявленным, несмотря ни на что (под этим, конечно, подразумевалась английская кровь его якобы отца), в его «миловидных» чертах и, наконец, ушли в свою комнату освежиться с дороги.

Следом за ними во двор въехала карета де Лука, племянниц хозяина дома. Они выпорхнули наружу, как два ярkokрылых, почти невесомых, маленьких мотылька, не подвластных своим реальным годам.

— Дядя Гаспаро, какое счастье снова видеть тебя! — воскликнула первая из сестер, младшая, как позже выяснил Джек. — Эта радость искупает всё неудобство дороги, какой бы невыносимой она ни была. — И женщина смачно расцеловала старика в обе щеки.

И уже обратила было свой взгляд и на Джека — тот внутренне приготовился и к поцелуям, и к экзальтированному восторгу, непривычному англичанину, — но вторая сестра, Бьянка де Лука, оттянула внимание на себя.

— Бедного малыша Пеппино опять укачало в карете! — с недовольством проворчала она, опустив на дорожку толстого мопса с бантом на шее. Животное так и стояло, растопырив короткие ножки, и не двигалось с места, глядя на мир большими, выпученными глазами. — Вот, поглядите, он совсем обессилел, бедняжка! Всю дорогу ни крошки не съел.

— Он просто не голоден, — откликнулась Агостина де Лука. — Вспомни, что доктор говорил о диете: Пеппино не в меру упитан.

Ее сестра с искренним ужасом повторила:

— Диета?! Много ли понимает тот шарлатан? Посмотри на бедняжку, он еле стоит на ногах. — И женщина вынула из повязанной на руку сумки бисквит с апельсиновым джемом. Опять подхватила питомца на руки и сунула лакомство ему под нос... — Уу, какая вкуснятина, правда, Пеппино? — заискивающе спросила она, но пес отвел морду. — Что, не нравится? — всполошилась хозяйка. — Но это твое любимое лакомство. Бедный мой песик! Вдруг он чем-нибудь заболел? Вдруг скончается от истощения? — поглядела она на присутствующих.

Ее сестра совершенно по-детски закатила глаза.

— Он скорее скончается от обжорства, — констатировала она. И велела: — Перестань сюсюкаться с глупым животным и поздоровайся с дядей... и нашим новым кузеном.

Женщина поглядела на Джека с Фальконе.

— Простите, дядя, но я ужасно волнуюсь за мальчика, — повинилась она, расцеловавшись со стариком. Мопса она так и держала в руках, казалось, не в силах расстаться с ним хоть на секунду... — И ты прости меня тоже, — она одарила Джека улыбкой. — Знаю, не все меня понимают, но этот кроха, — любовный взгляд на животное, — все равно мне что сын.

— Скорее любовник, — вскинула бровь Агостина де Лука. — Вот расскажу обо всем Джулиано, посмотрим, что он тогда скажет!

— Джулиано любит Пеппино, — парировала сестра, — не то что некоторые другие! — И они с сестрой встретились взглядами.

Перепалки между обоими, должно быть, были не внове, так как Фальконе с улыбкой сказал:

— В конце концов, вы приехали познакомиться с моим внуком или беседовать о

Пеппино? Что подумает о вас Джино? — попенял им старик и обнял Джека за плечи. — Мой внук, сеньориты, Джино Фальконе, прошу любить и жаловать.

Бьянка де Лука наконец опустила Пеппино снова на землю и, стиснув Джека в объятиях, крепко расцеловала.

— Прости, дорогой, эта дорожная тряска всегда что-то делает с головой, — она взмахнула руками, изображая разброд в голове. — После тряски в карете я всегда сама не своя... как и бедняжка Пеппино.

— Не начинай о нём снова, — проворчала Агостина де Лука, тоже стискивая Джека в объятиях. — Ты совсем юный и славный, — одарила она его комплиментом. — Ни дать ни взять ангелочек с церковных гравюр. Настоящий Фальконе! Дядя так счастлив твоему появлению... и мы тоже, конечно.

— И я тоже счастлив быть здесь, — с трудом выдавил Джек.

Сейчас, в непосредственной близости, он рассмотрел морщинки у глаз обеих сестер. Подвижные, шумные, они представлялись моложе, чем были: старшей скорее всего было порядком за сорок, младшей чуть меньше того. В любом случае, они вели себя словно избалованные девчонки, а не взрослые женщины, и Джек, наблюдая за обоими со стороны, не мог не дивиться данному обстоятельству.

— Джулиано подъедет к самому ужину, — сообщила Фальконе старшая из сестер. И состроила покаянное личико: — Дядечка, ты ведь не против, что я его позвала? Пеппино его обожает и чувствует себя хуже, когда он не рядом.

— Так ты позвала его ради Пеппино? — насмешливо осведомился старик.

Женщина шумно вздохнула, изображая смущение:

— Джулиано такой славный мальчик, что мы с Пеппино... слегка без ума от него, — призналась она. — К тому же он просто волшебным образом играет на скрипке и сможет скрасить наш вечер приятной музыкой. Ну, скажи, что ты не против? — взмолилась она, и Фальконе кивнул.

— Чем больше молодых лиц, тем моложе я сам себя ощущаю, — произнес он, глянув на Джека. — Поглядим на этого Джулиано: так ли он в самом деле хорош, как ты о нём говоришь.

— Он прекрасен, — шепнула Бьянка де Лука, чмокая за неимением лучшего претендента на поцелуй мопса в его чёрную мордочку.

Молча шагавшая рядом сестра снова закатила глаза и, заметив, что Джек это видел, пожалала плечами: мол, это невыносимо, вскоре ты сам это поймешь.

И когда к ужину прибыл Джулиано Камберини, молодой музыкант двадцати пяти лет, обаятельный, симпатичный, одаривающий Бьянку де Луку страстными взглядами и не менее страстными прикосновениями, Джек и сам был готов закатывать, как Агостина, глаза. Эти двое сюсюкались над Пеппино, как молодые родители над младенцем, чесали его плотное брюшко, кормили бисквитным печеньем и прижимали к себе толстую тушку. Тот то ли млел, то ли закатывал обморочные глаза, но все-таки находил в себе силы лизнуть то одного, то другую в их щеки, носы и руки, находившиеся в непосредственной близости от его языка. Смотреть на это было смешно и нелепо, но остальные, казалось, относились к происходящему благосклонно, не видя в таком поведении ничего за рамки вон выходящего. Джек же попытался представить нечто подобное в Англии — и не смог. Не хватило воображения.

После ужина, на котором присутствовала и мисс Ридли, в саду устроили чаепитие с игрой в карты и скрипкой. На скрипке играл сеньор Камберини... Каким бы невежественным Джек ни был в отношении музыки, даже его пробрали до мурашек грустные переливы, раздававшиеся над садом. Казалось, скрипка рыдала, рассказывая о чем-то своем, неизбывном, и душа отзывалась восторгом, то радостным, то печальным... Джек ощутил свое острое одиночество, тяжесть задачи, возложенной на него, нежелание предавать старого графа, так поверившего в него, и разлуку с Аmandой. Все эмоции разом всколыхнулись в нем, поднимаясь наружу...

И он с трудом мог ответить, когда неожиданно оказавшаяся рядом компаньонка Фальконе сказала вдруг:

— Удивительная игра, вы не находите? Слово в самые темные части души вонзают иглу и проворачивают до боли. Хочется разрыдаться... И покаяться в самых постыдных грехах.

Джек сглотнул комок в горле, пытаясь взять себя в руки.

— А вам есть, в чем каяться, мэм? — хриплым, несвоим голосом спросил он.

— А вам? — ответила собеседница. — В чем могли бы покаяться вы... сеньор Джино? — И так пристально на него посмотрела, так пронизательно, зорко, что Джеку показалось кощунством солгать. Будто она уже знала всю правду, читая его как открытую книгу...

Он произнес:

— В Лондоне я имел честь водить дружбу с вашим однофамильцем: мистером Энтони Ридли, инспектором местной полиции. Вам такой не знаком? — Джек глянул на женщину, но продолжил, не дожидаясь ответа: — Он рассказал мне однажды о женщине, некой Розалин Харпер, своей бывшей невесте, которая, будучи заподозренной в преступлении (и довольно ужасном) предпочла тайно покинуть Англию и жениха. С тех пор, как мне видится, он её не забыл и желал бы снова увидеть... хотя бы для разговора. Эта женщина сделала ему больно! — заключил он, одарив компаньонку, бледную, со вскинутым вверх подбородком, понимающим взглядом.

— К чему вы говорите мне это? — спросила она. — Полагаете, мне подобное интересно?

Джек ясно видел и понимал, что мисс Ридли, или вернее, мисс Харпер (а он теперь в этом нисколько не сомневался) напрасно храбрится, пытаясь казаться сильнее, чем есть. Что ни бледность лица, ни сплетенные на тафте синей юбки тревожные пальцы, ни затаенный огонь внутри темных глаз не способны скрыть правды, как сильно бы они ни пытались... Обстоятельства, сколь бы странными они ни казались и ни были, удивительным образом свели Джека и эту женщину вместе, в одном доме, и отмахнуться от этого всё равно бы не вышло.

— Я лишь хотел вам напомнить: мы, люди, не всегда властны над обстоятельствами и подчас вынуждены им подчиняться. Полагаю, вы, как никто другой, понимает эту печальную истину...

Мисс Харпер смерила собеседника взглядом, еще более острым и проникающим в душу. Пожалуй, в этом им с Ридли не было равных... И Джек начинал понимать, что роднило этих двоих.

— Кто вы такой? — осведомилась она. — Только не смейте юлить: я вижу, что вы ничуть не Фальконе, даже с поправкой на вашего отца-англичанина. Сеньор Фальконе был

рад обмануться, и вы легко этим воспользовались, но я...

— ... Но вы привыкли быть осторожной и разгадали меня.

— Отвечайте, какие именно обстоятельства, как вы изволили выражаться, привели вас на виллу Фальконе. — Скрипка, замолкнув, опять ожила под смычком Камберини, и голос мисс Харпер заглушили от посторонних её волнительные рулады. — Вряд ли ваши намерения добрые, а потому, будьте уверены, я не стану вас покрывать...

— Даже ценой собственного разоблачения?

— Меня это не остановит.

— Другого от невесты мистера Ридли я и не ожидал.

Женщина, как успел уловить Джек, рвано выдохнула, лицо её дёрнулось, но длилось это не дольше секунды, и она взяла себя в руки.

— Не говорите так, — попросила она, — прошлое в прошлом, его не вернуть. И к счастью! Отвечайте, зачем вы обманываете Фальконе, — потребовала она. — Старик слаб здоровьем. Ваша ложь дорого ему обойдётся!

— Что с ним?

— А вам не все ли равно? — Они смерились взглядами.

— Мне видится, что граф добрый, сострадательный человек, — произнёс Джек, — он рассказал, как помог вам избавиться от Брандолино, и я... верьте мне, не желаю ему навредить. Но от моего присутствия здесь, от лжи, к которой мне приходится прибегать, зависит жизнь дорогого мне человека.

Скрипка продолжала стенать, и, быть может, именно потому, сказанные слова имели какой-то особенный вес, каждое отпечатывалось в мозгу и ложилось на сердце. Невозможно было солгать, остаться неискренним... И мисс Харпер, должно быть, то же самое ощущая, кивнула вдруг.

— Вы хорошо знаете Энтони? — спросила, глядя на скрипача.

— Можно сказать, он мой благодетель. Я многим обязан мистеру Ридли!

Мисс Харпер посмотрела на Джека и улыбнулась.

— Это похоже на Энтони. — Тень улыбки не затронула её глаз, лишь, скользнув по губам, растворилась облачком пара. — Вы сказали, он нынче инспектор, я правильно поняла?

— Да, мэм, он служит в отделении «G», и служит прекрасно.

— Я знала, что он пойдёт далеко, — кивнула женщина. — Именно потому и сбежала: не хотела стать камнем, который потянет его на дно. А именно так бы и вышло... Вы знаете, в чём меня обвиняли?

— Я изучил дело де Моранвиллей до мелочей.

Мисс Харпер, кажется, удивилась, что выразилось во вскинутой брови и быстром взгляде.

— Тогда вы знаете, что меня ждала виселица. Полицейским нужен был кто-то виновный, и я подходила на эту роль идеально. Энтони, ясное дело, пытался бы меня оправдать, вступил в конфронтацию с теми людьми, от которых зависело бы его будущее... Я не могла этого допустить. Но и смерти себе не желала... Бегство было самым разумным решением, и я убежала. Полагаете, я поступила неправильно?

Судить поступки других было легче простого, но Джек понимал, что это заведомо безнадежное дело: мы никогда не поймем, что сподвигло человека на тот или этот поступок, не прочувствовав его обстоятельств, не поставив себя на место этого человека.

И Джек не был уверен, как именно поступил бы в обстоятельствах Розалин Харпер: возможно, тоже сбежал бы. В конце концов, это было логично...

— Я не стану судить, уж простите, скажу лишь, что ваше решение до сих пор мучает мистера Ридли. Он ничего не забыл... Ничего, понимаете?

Женщина снова кивнула, и Джеку почудилось вдруг, что в глазах ее отразились низкие звезды.

— Эй, мальчик мой, Джино, — позвал его, стоило скрипке замолкнуть, Гаспаро Фальконе, — Витторио жаждет сказать тост в твою честь. И вы, сеньорита Ридли, присоединяйтесь к нам! — обратился старик к своей компаньонке. — Разлейте шампанское, будьте добры! — махнул призывно лакею.

Пенный напиток наполнил фужеры, и гости, обхватив высокие ножки, сосредоточились на ораторе, поднявшемся из-за стола. Витторио Мессина, огладив усы, начал так:

— Друг мой Гаспаро, — обратился он к другу и хозяину дома, — долгие годы мы с тоской наблюдали, как славный род Фальконе, один из древнейших в стране, медленно угасает под гнетом тяжелых, непредвиденных обстоятельств. Сначала смерть нашей очаровательной Терезы, после — бегство Аллегры... — Оратор вздохнул, замолчав на мгновенье. — И пусть я всегда говорил, что тебе следовало снова жениться, — указал он на друга фужером с шампанским, — но в твоём сердце уже не нашлось места для новой любви, ты остался верен старым привязанностям. И в этом весь ты, друг Гаспаро! Верный, преданный и неизменный. И за это уже можно было бы выпить, но... сегодня у нас есть повод получше, не так ли, друзья? — Его жена и сестры де Лука радостно закивали. — Сегодня мы празднуем обретение родом Фальконе надежды. Надежды, которую наш Гаспаро заслужил больше, чем кто-либо другой! Итак, за надежду рода Фальконе, — провозгласил Мессина, вскинув в воздух фужер и глядя на Джека.

— За надежду рода Фальконе! — подхватили другие, с улыбками глядя на парня.

Сам Джек, чья совесть неистово бунтовала и билась птицей с изломанными крыльями внутри грудной клетки, улыбаясь вымученно и вяло, поспешил глотнуть пенный напиток, лишь бы спрятаться за фужером, и закашлялся, когда пузырьки ударили в нос.

— Ну-ну, мальчик мой, не смущайся! — старик похлопал его по спине. — Витторио любит высокопарные речи, и ты со временем к ним привыкнешь. Пей не спеши...

В этот момент, отвлекая внимание на себя, поднялась с места Бьянка де Лука. В свете свечей, в платье винного цвета и с ожерельем на шее, от которого ее кожа будто светилась, она казалась по-настоящему юной и восхитительной. Так же, кажется, полагал и сеньор Камберини, не сводивший с неё влюбленного взгляда...

— Раз уж у нас сегодня вечер приятных вестей, — сказала она, — то позвольте и мне сделать одно маленькое, но очень приятное оглашение. — Она протянула молодому любовнику руку, и их пальцы переплелись. — Мы с Джулиано хотим пожениться! — пропела она, зардевшись, словно девчонка.

Последовала мгновенная пауза, оглушительная, как выстрел, а потом Селесте Мессина подхватила свой опустевший фужер и с улыбкой сказала:

— Мы обязаны выпить за это, моя дорогая! — И весь мир снова отмер, застрекотали цикады, лакей наполнил фужеры.

— За Бьянку и Джулиано! — подхватил ее муж. — Из вас выйдет чудесная пара.

— Поздравляю, сестра, — откликнулась Агостина де Лука, но Джеку она не показалась счастливой.

Впрочем, он уже понял, что младшая из сестер не обладала жизнерадостным нравом: колючая и смурная, она смотрела на мир не сквозь розовые очки, а потому даже фанатичная привязанность старшей к жирному мопсу, подчас раздражающая, казалась, приятней ее вечно мрачного настроения.

— Я так счастлива, Джулиано! Ты даже не представляешь, насколько, — проворковала влюбленная женщина, прильнув к жениху.

Тот, обнимая невесту за талию, чуть смущенно принимал поздравления остальных. Даже Пеппино забылся ими на время: распластавшийся по специально поставленному для него креслу, он лениво хрустел бисквитным печеньем и, казалось, совершенно не понимал, зачем люди производят такое количество шума.

Между тем Агостине де Лука наполнили новый фужер, и Джек услышал, как потягивая напиток, она презрительно прошептала:

— Тошно смотреть. — И отвернулась в сторону сада, чтобы только не видеть счастливых влюбленных.

Только благодаря алкоголю в крови Джек худо-бедно проспал до рассвета. После вчерашнего вечера совесть его была беспокойна, заявляла о себе с особенной силой, и он, готовясь ко сну, был твердо намерен рассказать сеньору Фальконе всю правду. Снять с души груз... Невозможно было обманывать дальше, играя чувствами всех обитателей виллы, так восторженно отозвавшихся на его появление в доме.

Сам хозяин, каким бы коротким ни было их знакомство, казался порядочным человеком: он войдет в его положение и поможет. Молодой человек искренне в это верил и потому поднялся с постели с единственной целью — дожидаться пробуждения Гаспаро Фальконе и открыться ему.

В зеркале, как бы он ни старался, отражалось бледное, нездорового вида лицо, и Джек отчаялся что-то исправить: просто вышел из комнаты и направился вниз, собираясь дожидаться Фальконе на веранде в саду. Птицы праздновали рассвет на разные голоса, и слушать их трели было приятно.

В Лондоне, в Уайтчепеле, птичий гомон не слышался никогда. И Джек, помнится, удивился, когда в Хартберне, в самое первое утро, пробудился от их неумолчного гвалта... Ребенком он с прочими сорванцами охотился на воробьев в Кенсингтонском саду и потом продавал их на улицах Лондона в виде игрушки и развлечения. Теперь, по прошествии лет и в целом переменившись, он понимал, как жестоко они поступали, но к тому, как бы ни было грустно, вынуждал их жестокий, равнодушный к беднякам мир.

Здесь, среди дубовых панелей, кессонов на потолке и тонкой работы фарфоровых ваз, его прошлая жизнь представлялась настолько контрастно и выпукло, что казалось, а жил ли он ей вообще. И эта мысль его ужаснула: словно он предал память матери и сестры, зазнался настолько, что отказался от них.

— Джино, мой мальчик, ты уже встал?! Не думал, что ты поднимешься рано, — раздалось у него за спиной, и, обернувшись, парень увидел Фальконе, спускавшегося по лестнице. — Доброе утро, мой мальчик! — Старик, приобняв Джека за плечи, повлек его за собой. — Ты в столовую, я полагаю? После вчерашнего вечера и выпитого шампанского спасти меня может лишь порция самого крепкого кофе. Как ты себя чувствуешь?

— Скверно, — не стал обманывать Джек. Не пояснил только, что виной всему не шампанское (пусть голова и гудела, а во рту пересохло), а его чувство вины. Добавил лишь:

— Я хотел бы с вами поговорить.

— О чём же, мой друг? Хотя нет, — оборвал говоривший себя самого, — сначала чашечка кофе и только потом — разговор. Надеюсь то, о чем ты хотел со мной говорить, обождёт еще пять минут?

— Обождёт.

— Вот и славно.

В столовой вышколенный лакей подал к столу две чашки крепкого кофе, черного, словно с примесью угольной пыли, и корзинку корнетто, свежих, еще источающих жар, от которых шел такой дух, что свело бы желудок у самого сытого человека.

— Мое спасение, — с блаженным видом отхлебнул из чашки старик, отчего-то глянув на дверь. И заметив, что Джек проследил его взгляд, улыбнулся: — Только не выдавай меня этому церберу, сеньорите Ридли, — попросил он. — Эта жестокая женщина запрещает мне кофе — видите ли, такова рекомендация доктора — и попробуй её только послушаться: сразу грозит увольнением. Мне бы её отпустить, вольному — воля, как говорится, да только сам чёрт не разберется с моими микстурами: доктор и компаньонка повязали меня, — вздохнул он с наигранным огорчением. Джек понял уже, что старик противится компаньонке только для виду, не желая сказать победенным болезнью и обстоятельствами. — Кстати, о чем вы с ней вчера говорили? — спросил он у внука, делая новый глоток.

Джек подумал, что это тот самый момент: лучшей возможности для разговора может и не представиться, а потому уже открыл рот, чтобы заговорить, когда на пороге появился слуга.

— Сеньор Фальконе, беда! Двери в погреб распахнуты настежь, а на дорожке следы. Антонио только что прибежал рассказать вам об этом! Что прикажете делать?

Невозмутимый обычно дворецкий выглядел перепуганным, и Джек, не сразу уразумевший, что именно за беда приключилась, проникся происходящим только при взгляде на его опрокинутое лицо.

Сеньор Фальконе вскочил из-за стола, звякнув доньшком чашки.

— Кто посмел открыть дверь? Где этот мальчишка? — Он ринулся из столовой, Джек направился следом.

В холле, переминаясь на месте, стоял коренастый мужчина лет тридцати, с серым лицом, словно посыпанным пеплом, он воскликнул в тот же момент, как увидел Фальконе:

— Сеньор, клянусь Девой Марией и всеми святыми, что не отпирал дверей погреба и тем более не оставлял их открытыми. Вы знаете меня с малых лет, еще мой отец, да покоится с миром, служил вашему роду верой и правдой, скажите, делал ли кто-то из нас такое однажды? Подводили ли Пьяджио нашего господина?

Фальконе кинул отрывисто:

— Альфредо сказал, на дорожке чьи-то следы...

— Сеньор, клянусь Девой Марией, я не причастен! — вскричал мужчина и бухнулся перед хозяином на колени.

Старик помрачнел еще больше и сурово велел:

— Поднимайся. От того, что ты ползаешь на коленях, беды не исправить... — И осведомился: — Знаете, кто?

Слуга поднялся на ноги и, опустив глаза, покачал головой.

— Ножка маленькая, сеньор...

— Боже ты мой! — выдохнул тот. И поспешил к двери. — Вдруг ещё можно было

помочь. Вы хоть что-нибудь сделали?!

— Но, сеньор...

— Веревку — и быстро! — приказал старик на ходу. — И ключ, где ты хранишь его?

Пусть принесут.

— Да, сеньор, все будет сделано. — И мужчина, обогнав Джека с Фальконе, побежал по дорожке.

Только теперь, когда они остались одни, Джек осмелился поинтересоваться:

— Сеньор, что происходит?

Фальконе вдруг остановился и прижал руку к груди. Выглядел он неважно, и Джек испугался за его самочувствие... Бледные губы казались совершенно бескровными, кожа сухой как пергамент.

— Винный погреб, — прошептал он, — кто-то спустился в него. Там ведь опасно, ты знаешь.

Джек подхватил его под руку.

— Как вы чувствуете себя? Быть может, позвать сеньориту Ридли?

Но старик отрицательно покачал головой.

— Не надо никого звать, мальчик мой. Я должен узнать, кто там внутри!

И они направились дальше, причем старый граф буквально висел на плече Джека. Уже на подходе они услышали шаги за спиной, и мисс Харпер, подхватив старика с другой стороны, взволнованно заговорила:

— Сеньор Фальконе, вам нельзя волноваться, а тем более пить черный кофе. Что вы себе позволяете? Совершенно не слушаете ни меня, ни доктора Сориано. Это вопиющая безответственность! Я...

— Прекратите истерику, сеньорита Ридли! — одернул ее работодатель, похлопав сухими пальцами по руке. — Я пока жив, а тому человеку, что лежит сейчас в погребе, — повезло много меньше. О нём и подумаем в первую очередь!

У распахнутой в погреб двери столпились садовники и прислуга. При виде хозяина они разом притихли, а тот, отыскав глазами Антонио Пьяджио, сказал, подавшись вперед и освобождаясь из поддерживающих его с обеих сторон рук:

— Я спущусь. Подайте веревку!

Слуга не двинулся с места, сделав большие глаза, а мисс Харпер воскликнула:

— Ну уж нет, совсем рассудка лишились? Не пущу. — И вцепилась в него мертвой хваткой.

Старик дернулся, разозлившись. Но грозный вид его не вязался с нахлынувшей слабостью: он пошатнулся, и Джек опять подхватил его под руку.

— Как смеешь так со мной говорить? — возмутился он тихим голосом, и Джек с компаньонкой усадили его на заботливо подставленный табурет. — Скверная женщина... — Он закашлялся. — Убери от меня свои руки!

— Это все ваш отвратительный кофе, — не осталась в долгу мисс Харпер. — Недаром его называли когда-то «дьявольским напитком». Он вам противопоказан!

— Мне противопоказаны истеричные женщины. И я должен спуститься в погреб! Это мой долг, как хозяина дома.

Джек, слушавший их перепалку, произнес вдруг:

— Я спущусь. Я все-таки тоже Фальконе, если дело лишь в этом!

Все разом, как по сговоренному, на него посмотрели, на лице старика отобразился

испуг.

— Нет-нет, ты не можешь... — возразил было он, но Джек решительно потянулся к веревке.

— Я знаю, что не должен дышать, и прекрасно задерживаю дыхание. Если что-то случится, вы просто вытянете меня... Веревка ведь именно для того, я правильно понимаю?

Мужчина с веревкой кивнул, сказав по-итальянски:

— Я и сам могу это сделать. — И Джек, догадавшись, о чем он говорит, покачал головой.

— Я справлюсь.

Итальянец снова заговорил, и мисс Харпер перевела Джеку:

— Он говорит, считайте ступени вниз: на седьмой задержите дыхание и ни в коем случае не дышите, пока не подниметесь вверх.

Джек кивнул и направился к лестнице, слуга следовал рядом, держа конец длинной веревки, обвязанной вокруг его тела. Уже у спуска он снова что-то сказал, наверное, посоветовал быть осторожней, но Джек не откликнулся, считая ступени: третья, четвертая... На седьмой он вдохнул и, не дыша, припустил вниз по ступенькам. В полутемном подвале, заставленном винными бочками, в первую очередь он увидел женские ноги, а лишь потом сиреневый край пышного платья и трупик Пеппино.

Пеппино?

Сердце парня застучало сильнее, и он, скользнув мимо песика, вздрогнул, когда что-то хрустнуло под ногами, впрочем, выяснять, что это было, времени не было: в голове поплыло от недостачи воздуха. Подхватив женщину на руки, Джек направился к лестнице...

Только бы выдержать... не вдохнуть...

На середине пролета он и вдохнул полной грудью. Свежий воздух, наполнив легкие, чуть не сбил его с ног...

— Сеньор Фальконе, скорее сюда! — звал его тот же слуга, Антонио Пьяджио.

Джек, вывалившись наружу, вынес женщину в сад и наконец посмотрел ей в лицо: Бьянка де Лука, посиневшая и неподвижная, взирала в небо невидящими глазами.

Значит, Джек не ошибся: внизу был трупик Пеппино. И пес, и хозяйка были оба мертвы!

Желанное чудо не произошло: Бьянка де Лука не открыла глаза, как бы слуги ни старались привести ее в чувства. И, пока оставалась надежда, Гаспаро Фальконе держался, не позволяя себе слабость, но стоило людям опустить руки, как и он повалился назад, мисс Харпер едва успела его подхватить. Она закричала, растерянная и перепуганная, и хозяина виллы понесли в дом... Джек понимал, что мало чем сможет помочь, а потому, снова спустившись в погреб за трупиком мопса, распорядился, кое-как объясняясь на пальцах, нести его следом, а сам подхватил на руки мертвую женщину.

На полпути к дому они слышали крики и голоса, и вскоре навстречу им появились сеньор Камберини и Агостина де Лука. Оба с безумными лицами, они замерли, глядя на тело на руках Джека.

— Мы слышали... — Договорить молодой человек не сумел: лицо его исказилось, голос прервался, он подался вперед и взял женщину с его рук. — Бьянка, душа моя, боже мой Бьянка! — он отвел от лица ее волосы, заглядывая в глаза. — Бьянка, что происходит? Открой глаза, девочка. — Она оставалась безучастной к его страстным призывам, и Камберини воскликнул: — А где же Пеппино? — Огляделся все тем же безумно-

растерянным взглядом и, заметив мертвого пса на руках у слуги, как будто только тогда осознал страшную истину. — Нет, Бьянка, нет... ты не могла... Почему? — Он обнял ее, прижимая к себе, и вместе с невестой осел на дорожку. Рыдая и причитая на родном языке, он, казалось, совершенно лишился рассудка, по крайней мере, Джек прежде не видел такого явного, не контролируемого проявления чувств, и это его поразило. Баюкая тело умершей невесты, молодой человек лил слезы и причитал, а Агостина де Лука, сидя там же, в пыли на дорожке, держала руку сестры и прижимала ее к своей бледной щеке.

В конце концов, все это было слишком для Джека, и он, оставив обоих предаваться безудержной скорби, ретировался в сторону дома, чтобы справиться о здоровье Фальконе.

Чета Мессина, караулившая под дверью хозяйских покоев, встретила Джека объятиями и тем же растерянным выражением на лицах, что и у всех домочадцев Фальконе. Казалось, люди не знали, верить ли в происходящее... Словно случившееся с Бьянкой де Лукой было чьим-то жестоким, но розыгрышем, не больше. Ведь такое не могло случиться взаправду? Не тогда, когда прошлым вечером жизнь казалось наполненной радостью и надеждой. А теперь вдруг померкло и то, и другое...

Это было неправильно.

Невозможно.

— Неужели все правда? — спросила Селесте Мессина. — Бьянка мертва?

— Боюсь, это так.

Женщина только прикрыла ладонями рот.

— Сеньор Камберини знает об этом? А Агостина? — просипела она.

— Они в саду... сильно скорбят...

— Не могу в это поверить. — Она замотала головой, и супруг положил руку ей на плечо.

— Успокойся, родная, мы должны быть сильными ради Гаспаро, — произнес он. И посмотрев Джеку в глаза: — У старика слабое сердце. Нужно молиться, чтобы он это выдержал! Страшно представить, что с ним теперь будет... Но рядом есть ты, его внук, и Гаспаро поправится — я в это верю. В конце концов, надежда — это единственное, что у нас сейчас остается!

Джек кивнул, прекрасно осознавая, что именно в этот момент, когда ему некому помешать, и следовало бы заняться сейфом и диадемой, которую Гатте так жаждал заполучить. Уйти сейчас было бы легче всего, но... Джек не мог этого сделать. Сбежать сейчас — все равно, что добить старого графа. Расписаться в своих подлости и коварстве...

Нет, он не мог поступить так с Фальконе.

Но и Аманда ждала его уже слишком долго...

Он разрывался между любовью и честью.

И не в силах усидеть на одном месте, извинился и направился в свою комнату, сказав, что должен переодеться. Он действительно скинул новые туфли, которые были тесны, и метнулся из угла в угол, ведя внутреннюю борьбу с самим собой, когда внимание парня привлекли крошки на паркетном полу. Едва ли они были здесь прежде... Перевернув туфли подошвами вверх, он увидел прилипшие к ним комочки земли и крошки от хлеба.

Нет, не от хлеба, от излюбленного лакомства Пеппино: бисквитных печений.

Но откуда им взяться на его туфлях?

И Джек сразу же вспомнил, как что-то хрустнуло под подошвами его туфель в винном погребе.

Там, внутри, было печенье...

И дверь — отчего-то незапертой.

А хорошо знавшая об опасности входить в погреб, где бродит вино, сеньорита Бьянка де Лука, против всякого разумения все же спустилась в него... Почему она сделала это?

Не потому ли, что глупый пес побежал в незапертый погреб... А побежал туда потому, что унюхал любимое лакомство? Или это сама Бьянка де Лука пыталась выманить пса любимым печеньем?

Нет, что-то здесь не сходилось. Джек, скорее всего, надумывал лишнее...

И все-таки беспокойство не отпускало.

Он продолжал ломать голову над этой загадкой, когда во дворе прогремела карета. Кто бы там ни был, Джек слишком увлекся мыслями о случившемся, чтобы всерьез этим заинтересоваться, а потому, снова обувшись, вышел из комнаты и направился к кухне. По прошлому опыту он четко понял, что прислуга, в данном случае, повар, всегда знает больше других, а потому решил расспросить о печенях. Когда и в каком количестве Бьянка де Лука... или кто-то другой просил принести ему их... Зацепка была минимальной: как-никак эти бисквиты могли унести с собой прошлым вечером, запасшись ими заранее.

Но с какой целью?

Погибшая запомнилась Джеку приятной улыбкой и добрым нравом. К тому же, они с молодым Камберини объявили о скорой помолвке...

У кого бы поднялась рука навредить ей после такого?

— Сеньор Джино, — окликнули его в холле из-за портьеры. — Могу я спросить вас?

— Конечно, я слушаю вас.

Агостина де Лука, с покрасневшими, заплаканными глазами, показалась вдруг Джеку неуспокоенным призраком, что скользнул через стену в холл виллы Фальконе.

— Сеньор Джино, вы спускались в тот погреб, расскажите, как все случилось. Прошу вас! — попросила она слабым голосом. — Я пытаюсь в это поверить... понять... Как сестра оказалась внутри?

— Боюсь, я знаю не больше вашего, сеньорита, — ответил ей Джек. — Когда слуга позвал нас, сообщив о случившемся, ваша сестра... мне искренне жаль... уже была мертвой какое-то время. Доктор, если вы позволите ему убедиться, скажет точнее... К тому же, как мне сказали, достаточно нескольких вдохов, чтобы лишиться сознания и уже не очнуться. Полагаю, ваша сестра знала об этом...

— Конечно, знала, — с горячностью подтвердила собеседница Джека. — Наши семьи испокон века растят виноград и выдерживают вино в наших подвалах: едва научившись ходить, мы уже понимаем: туда спускаться не следует. Бьянка же не настолько глупа, чтобы забыть о подобном... — Женщина стиснула кулаки, борясь, если не с собственными эмоциями, то с бессилием что-либо исправить.

И Джек решился предположить:

— В таком случае, исключая возможность невежества вашей сестры в данном вопросе, что было бы допустимо, например, в моем случае, — чуть улыбнулся ей Джек, — осмелюсь предположить, что ее могли... вынудить спуститься в подвал.

Сеньорита де Лука вскинула на него нечитаемый взгляд.

— Вынудить? — повторила она. — Что вы хотите этим сказать?

— Возможно, дверь погреба открыли намеренно, с этим еще предстоит разобраться, а потом, когда ваша сестра выгуливала питомца, заманили сластену на лестницу и в подвал бисквитным печеньем. Сеньорита могла просто-напросто не успеть его удержать, а, зная о

ее страстной привязанности к животному, несложно предположить, что она бросилась следом, позабыв о собственной безопасности и привитых с детства правилах безопасности. Вернее, именно памятуя о них, она и бросилась спасать маленького Пеппино с отчаянным рвением, продиктованным страхом за него.

Женщина, чья смуглая кожа пошла белыми пятнами, сделал ее еще больше похожей на привидение, покачала головой.

— То, что вы говорите, абсурдно, — прошептала она, — никто бы не стал вредить моей Бьянке. Зачем? — И продолжала, не дожидаясь ответа: — Боже мой, если бы только я, как обычно, вышла выгулять утром этого пса, то сестра могла бы остаться живой.

— Вы по утрам выгуливаете Пеппино?

Агостина кивнула.

— Бьянка не любит вставать раньше полудня, мне же нравится тишина раннего утра, и я с радостью выгуливаю Пеппино. Но вчера мы выпили слишком много шампанского, что мне категорически противопоказано: я полночи маялась головной болью, забылась на время уже на рассвете и проснулась едва пробило шесть. Решила, что свежий воздух поможет мне снова уснуть, и вышла в сад...

— Шесть утра, говорите? Вы не помните, была ли тогда уже отперта дверь в винный погреб? — спросил женщину Джек.

Собеседница покачала головой.

— Я не ходила в том направлении, — призналась она, — я прогулялась по саду камней и полюбовалась розалиями. Тогда как раз прибыл зеленщик — его телега подъехала к заднему входу, когда я возвращалась в дом. После этого я прилегла и сразу уснула, и спала, пока крики в доме не разбудили меня... — Прикрыв на мгновение глаза, она добавила слабым голосом: — И все-таки я не верю, что кто-то желал Бьянке зла. Должно быть, все это трагическое, просто ужасное совпадение, но не больше. Ее ждала целая жизнь рядом с любимым мужчиной!

— Сеньор Кимберини... — Джек выдержал паузу, не решаясь задать неловкий вопрос, — много моложе вашей сестры, — наконец, произнес он. — Он...

— Хотите знать, любил ли он Бьянку на самом деле? — избавила его от мучений Агостина де Лука. И хмыкнула: — Вы сами видели их прошлым вечером. Бьянка была влюблена, точно кошка, любил ли ее Джулиано... Не знаю, душа человека — потемки, но если он только играл, то делал это искусно, вы не находите?

Джек кивнул соглашаясь.

— Он показался мне искренним.

— Показался... — повторила с какой-то особенной интонацией женщина. — Все мы лишь кажемся кем-то, — и посмотрела на Джека. — Казаться легче, чем быть... — Она взмахнула рукой. — Извините, что задержала вас так надолго. Как дядя?

— Надеюсь, что лучше. Сеньорита Ридли и доктор хлопчут над ним...

— Бессовестная прохвостка, — с неприязнью выдала женщина. — На вашем месте, мой друг, — она многозначительно поглядела на Джека, — я бы к ней присмотрелась: не успеете оглянуться, как она вскружит старику голову, обвенчается с ним и отпишет себе львиную долю имущества, а вы останетесь на бобах. Вряд ли ее намерения столь бескорыстны, как она пытается показать... — И уже уходя: — Если выясните что-то действительно важное о случившемся с Бьянкой, расскажите мне обязательно. Вы посеяли в моей душе бурю, которая нескоро уляжется...

Разговор с поваром не увенчался успехом: стоило Джеку появиться на кухне, как полный мужчина с большими усами, размахивая руками, погнал его прочь. При этом поток быстрого итальянского многословия буквально сшиб его с ног, да так и вынес за дверь, судя по ощущениям.

Постояв там и немного придя в себя, Джек понял, что для общения со слугами графа ему просто необходим переводчик...

И в голову приходила только одна кандидатура: мисс Харпер.

Джек решил вернуться к покоям Гаспаро Фальконе и, выяснив у его «компаньонки», как он себя чувствует, заодно попросить её помощи.

С мисс Харпер, что удивительно, Джек столкнулся на лестнице, и не успев услышать вопрос, но догадавшись о нем по лицу собеседника, мисс Харпер сказала:

— У графа сейчас посетитель. Мы с доктором воспротивились было, но он был непреклонен: сказал, это важно.

— То есть с ним все в порядке?

— Если так можно сказать: смерть племянницы тяжело сказалась на нём, но он крепится. Да вы и сами все видели!

— Видел, — подтвердил Джек, ощущая тупую иглу где-то под сердцем. — И мне очень жаль.

Мисс Харпер, окинув его пристальным взглядом, сосредоточилась на собственных пальцах, теребивших сумку-шатлен. В ней, насколько Джек знал, она хранила сердечные капли Фальконе и пузырек нюхательных солей.

— Сегодня мне пришла мысль, — сказала она, — что я зря покрываю вас, мистер... вы так и не назвали мне свое имя. Что ваша ничем не подтвержденная дружба с Энтони Ридли стала в моих глазах чем-то вроде гаранта благонадежности, но... Я могла ошибиться.

Джек прекрасно понимал, что она чувствует, сам разрывался на части, и сказал просто:

— Меня действительно зовут Джек, фамилия — Огден. А инспектор живет в доме за номером двадцать пять на Риджент-стрит в Сохо.

Мисс Харпер кивнула.

— Все там же, где и семь лет назад, — прошептала она. — Миссис Вилсон тоже при нем?

— Свято блюдет благополучие его дома.

Они постояли в молчании, слушая, как напольные часы в холле отбивают минуты их жизни. И каждую эту минуту Аманда проводила в руках безумной мисс Эдвардс... Джек сглотнул, ощутив острый приступ отчаяния.

— Помогите мне, — попросил он. — Я не знаю по-итальянски, но хотел бы поговорить со слугами графа. И в первую очередь с поваром... — он скривился, припомнив их недавнюю встречу.

Женщина, будто прочитав его мысли, вдруг улыбнулась:

— О да, Пьетро Джакомо не говорит по-английски и ужасно не любит, когда чужие заходят на кухню. Но, полагаю, вы уже убедились в этом на собственном опыте! — И осведомилась: — О чем вы хотели его расспросить? А главное, почему?

Джек замаялся, не зная, как мягче озвучить мучившие его подозрения, но в итоге сказал так, как есть:

— Мне кажется, смерть Бьянки де Луки могла быть не случайной. Кроме того,

поговорив с Агостиной де Лукой, я подумал вдруг, что навредить, возможно, желали именно ей: обычно младшая сеньорита выгуливала Пеппино утрами, но не в этот раз.

— То есть вы полагаете... — Усмехнувшись, его собеседница замолчала. И когда она снова заговорила, Джек понял, что смеялась она над собой. — Нет, только не снова, — сказала она. — Еще одна загадочная смерть в доме моего работодателя. Это уже похоже на злую судьбу, вы не находите, мистер Огден?

Она вспомнила де Моранвиллей, и это было понятно.

— Я не верю в судьбу, — произнес он. — К тому же, если вы мне поможете, может выясниться, что у меня разыгралась фантазия... Но я все-таки сообщил бы в полицию.

— Вызвать карабинеров? Не уверена, что сеньор Фальконе это одобрит. К тому же, если смерть сеньориты де Луки все-таки носит случайный характер... — Но, кажется, мисс Харпер сама в это не верила, так как, не договорив фразы, кивнула Джеку: — Хорошо, пойдемте поговорим с поваром, а потом уже будем решать, рассказывать нам обо всем хозяину дома или же нет.

Сеньор Джакомо, увидев мисс Харпер, расплылся в такой широкой улыбке, что уголки его губ, казалось, приклеились к мочкам ушей, а вот на Джека, стоявшего чуть поодаль, он кинул не самый приветливый взгляд. Похоже, компаньонка Фальконе находилась у повара на особом счету, а он, будучи даже наследником дома, его особого отношения не заслужил. Еще по дороге на кухню мисс Харпер сказала спутнику: «Чтобы сердце нашего кухонного тирана растаяло, вы должны похвалить его блюда, и сделать это как можно более искренно и по-итальянски». Что значит «по-итальянски»? Громко, шумно, размахивая руками. Она улыбалась, сообщая об этом, и Джек хотел бы поверить, что она шутит, но нет, мисс Харпер говорила серьезно. А он сомневался, что способен на такую патетику, да еще в отношении пищи, впрочем, его все равно здесь скоро не будет. Так пусть же повар коснется, сколько угодно, лишь бы мисс Харпер разговорила его...

И у неё, кажется, получилось.

— Сеньор Фальконе, идите сюда, — позвала она. — Мой друг Джакомо будет рад ответить на ваши вопросы. — Радостным повар не выглядел, даже усы его как-то странно встопорщились при взгляде на Джека. — Что вы хотели узнать? — спросила мисс Харпер.

— В основном о бисквитном печенье. Спросите, просил ли кто-то из домочадцев принести ему их этим утром.

Женщина вскинула брови, демонстрируя удивление этим вопросом, но все-таки перевела его повару. Всплеснув руками, тот со скоростью пули затараторил на своем языке, то и дело перемежая быструю речь единственно понятным Джеку «Bella Rosalin» едва ли не после каждого третьего слова.

Наконец «Bella Rosalin» облекла его речь в понятную для своего спутника форму:

— Если кратко, — немного смущенно улыбнулась она, — то бисквитных печений этим утром никто не просил: ни мисс Бьянка, ни Агостина и ни кто-либо другой.

— А не могло ли быть так, что сеньор Джакомо просто не знает об этом? — предположил Джек. — Возможно, кто-то из слуг, спустившись на кухню раньше других...

Мисс Харпер покачала головой.

— Джакомо говорит, что он на кухне с рассвета, — сказала она, — сегодня среда, а по средам зеленщик привозит свежие овощи. Он самолично просматривает заказ, поскольку «плутам-зеленщикам веры нет» и еще много всего в том же духе, — она взмахнула рукой, изображая многословие итальянца в этом вопросе. — А телега зеленщика приезжает к

шести. И пусть сегодня этот «прохвост» заставил себя дожидаться из-за слетевшего в пути колеса, Джакомо все же уверен, что за бисквитами не посылали, так как все это время он провел у плиты, готовя феттучини «Alfredo».

Джек вздохнул, понимая, что ничего не добился.

— Когда, он сказал, приехал зеленщик? — скорее для вида поинтересовался он.

Мисс Харпер перевела, и Пьетро Джакомо разве что у виска пальцем не покрутил, настолько взгляд его сделался красноречивым.

— Примерно в половину восьмого, — перевела повара женщина. И спросила: — Это действительно важно?

— Понятия не имею, — не стал обманывать Джек. — Я просто подумал, что надо что-то спросить, а это первое, что пришло в голову. — И тише, как будто сверливший его взглядом повар мог понимать по-английски: — Этот мужчина, кажется, ненавидит меня, и я понятия не имею, в чем дело... И это нервирует.

Мисс Харпер, искренне улыбнувшись, положила ладонь Джакомо на плечо и что-то шепнула ему. Тот расплылся в улыбке, как будто немного смягчившись, но уходя, все равно глядел на Джека прищурив глаза.

Можно было подумать, что он разгадал его ложь и потому ненавидит, но... он точно не мог ничего разгадать.

— Не волнуйтесь о Джакомо, он милейший души человек, просто вы для него слишком *anglicano*, человек, не разбирающийся в высокой кухне, а значит, заведомо *idiot*. Вам придется переубедить его! — Мисс Харпер подхватила Джека под руку и повлекла по коридору к выходу на хозяйскую половину.

— Что вы шепнули ему? — полюбопытствовал он.

— Хотите знать? В самом деле хотите? — потешалась она, и Джек, рассмотрев ямочки у нее на щеках, подумал вдруг, что мистер Ридли нуждается в ком-то, способном смеяться так, как она. Каким бы другим он мог стать рядом с женщиной, вроде мисс Харпер...

— Конечно, хочу. Я крайне заинтригован!

Мисс Харпер шепнула, склонившись к его плечу:

— Я сказала, что вы не совсем безнадежны: что на прошлом обеде вы весьма восхищенно отзывались о его *Risotto con funghi*, и это немного реабилитировало вас в его глазах.

Джек спросил, о каком таком блюде вообще идет речь — за столом он терялся, толком не зная, что и как есть, и, конечно, названий не запоминал — и так, посмеиваясь над его полным невежеством в сфере кулинарных изысков итальянской кухни, они вышли на хозяйскую половину и направились к лестнице. Здесь они и услышали громкие голоса — то ли ссоры, то ли какого-то переполоха — и молча переглянувшись, поспешили наверх, движимые одинаковым опасением за здоровье хозяина дома.

Впрочем, еще на походе к его комнате расслышали голос Агостины де Луки, заявлявший категорично:

— Если Бьянку убили, а ваш внук думает именно так, то виновна, конечно, эта ужасная компаньонка. Мало того, что вы дали ей власть над собой, так еще не желали и слушать, когда моя дорогая сестра предостерегала вас от ее коварных поползновений. Зачем вы позволили ей ужинать с нами? — последовал желчный вопрос. — Это были семейные посиделки в узком кругу, а вы притащили ее. Её! Уверена, Бьянка снова ей что-то сказала, и эта... охотница за деньгами решила с ней поквитаться.

Они с мисс Харпер стояли под дверью, к тому же неплотно прикрытой, и четко слышали каждое слово. Бледная, словно враз ставшая кем-то другим, не той улыбчивой женщиной, что недавно веселила его, а холодной, мраморной статуей, мисс Харпер слушала оскорбительные слова, плотно сжав губы и даже как будто бы не дыша.

Джек подумал, что должен ее поддержать, и, взяв плетью повисшую руку, сжал холодные пальцы. Мисс Харпер даже не шевельнулась.

— Ты не смеешь так о ней говорить, — заступился за компаньонку Фальконе, и голос его звучал достаточно бодро. — Сеньорита Ридли исключительно добропорядочная женщина, к которой у меня нет нареканий. И твои ужасные речи, племянница, говорят не в твою пользу! Придержи-ка язык и не порочь ее доброе имя.

Но та вскинулась:

— Вот, ты готов отступить от члена семьи, даже от голоса разума ради этой... zoccola (шлюха).

Повисла тревожная пауза, словно затишье перед грозой, а потом Витторио Мессина примиряюще произнес:

— Послушайте, Агостина, в вас говорит страшное горе, вы скорбите по погибшей сестре, и это понятно, но не стоит наговаривать на того, кто вам неприятен по той или иной причине. Вы впоследствии пожалеете, а слова уже не вернуть!

— Ни о чем я не пожалею! Кроме этой... никто не желал моей сестре зла.

В этот момент мисс Харпер развернулась на месте и, подхватив край своей юбки, двинулась прочь по коридору. Джек наблюдал, как она уходила, и пожалел о своей откровенности с мисс де Лукой, оказавшейся даже большей мерзавкой, чем ему показалось сначала.

— Я хотел бы поговорить с внуком наедине. Оставьте нас, друзья! — обратился Фальконе к супругам Мессина. И поглядел на племянницу: — А тебе не помешало бы научиться лучше видеть людей: твои наветы в адрес сеньориты Рид абсурдны и оскорбительны, — попенял он ей, впрочем, беззлобно. Душевное опустошение не способствовала сильным эмоциям, он будто выгорел изнутри. — И я требую, чтобы ты перед ней извинилась!

— Ни за что! — кинула Агостина де Лука, направляясь к дверям.

Джек с Гаспаро Фальконе остались в комнате наедине.

Старик долго смотрел на него, то ли мыслями собираясь, то ли просто любуясь статной фигурой новоприобретенного внука, только Джек почувствовал себя неуютно под взглядом будто поблекших, некогда голубых глаз, и холодок, скользнувший по позвонку, заставил сердце биться сильнее.

Должно быть, ощутив эту его нервозность, Фальконе и произнес:

— Мне сказали, что ты предполагаешь злой умысел в отношении гибели Бьянки. У тебя есть какие-то основания, чтобы думать так?

— Только моя интуиция, более ничего.

Старик кивнул, снова раздумывая над чем-то, и его осунувшееся лицо казалось несчастным, как никогда.

— Что ты в таком случае предлагаешь? — обратился он к внуку. — Вызвать карабинеров? Позволить им сновать в нашем доме, вынюхивая неведомо что?

— Ради выяснения истины и справедливости я бы сделал именно так, — откликнулся

Джек.

Старик повторил с горькой усмешкой:

— Справедливости... Все ли мы получаем по справедливости? — И глянув на парня, напомнил вдруг: — Утром, до всего этого ужаса, ты хотел о чем-то поговорить. Что это было? Буду рад тебя выслушать.

— Может быть, позже, — замялся Джек. — Сейчас есть много забот поважнее.

— Конечно. Нужно думать о Бьянке... — кивнул Фальконе собственным мыслям. И спросил с какой-то пытливой дотошностью: — Ты все же уверен, что нужно вызвать карабинеров?

— Абсолютно, сеньор. Лишним не будет!

— Что ж, быть по-твоему. — И он кликнул слугу. — Альфредо, распорядись, чтобы послали за карабинерами в город. И еще, позаботились ли уже о теле племянницы? Проследи, чтобы все было сделано так, как должно.

— Да, сеньор, вам не о чем волноваться: сеньорита де Лука взяла на себя все заботы. Сеньор Камберини убит горем настолько, что мало что сообщает...

И стоило слуге выйти, как Фальконе сказал:

— Что ж, это горе делает мальчику честь, хотя, видит бог, я мало верил в искренность его чувств: сам понимаешь, — поглядел он на Джека, — большие деньги привлекают стервятников.

И снова что-то холодное, липкое, вызывающее озноб скользнуло по позвоночнику парня. Фальконе выглядел странно, что, конечно, понятно, учитывая события этого утра, и все-таки Джек ощутил беспокойство, тревогу, и побуждение рассказать ему правду, но все-таки не решился. Если старик ему не поможет, если сочтет его просто «стервятником», охотником за деньгами, и отдаст тем же карабинерам, кто тогда поможет Аманде? А мисс Харпер, что если эта де Лука, ослепленная горем, все же продолжит настаивать на своем? Нет, нужно выяснить, что на самом деле случилось, а потом уходить...

Фальконе же попросил вдруг:

— Джино, друг мой, сделай доброе дело: принеси документы, лежащие в сейфе в моем кабинете. В связи со смертью нашей дорогой Бьянки я должен кое-что посмотреть...

Джек встрепенулся, решив на мгновение, что ему показалось.

— Из сейфа, сеньор? — удивился он. — Я не знаю, как он работает.

— Я тебе расскажу. — И старик поманил его ближе.

— Вы уверены, что...

— Я тебе доверяю.

Выслушав наставления мнимого деда, Джек шел к кабинету, словно на эшафот: ноги увязали в ковровой дорожке, половицы, казалось, хватили за пятки, а повязанный галстук впивался в кадык, лишая дыхания. Шанс добыть диадему и бежать на помощь Аманде сам шел ему в руки! Он выяснил то, ради чего прибыл на виллу... Еще минута — и он будет готов оставить эту историю позади, но...

Он вошел в кабинет и прошел напрямую к сейфу. Откинул картину с изображением флорентийского палаццо Строцци и поглядел на механизм... Наставления Гаспаро Фальконе еще звучали в его голове, и Джек, сам удивившись тому, как ловко все вышло, распахнул дверцу сейфа и замер, глядя на полки.

Графская диадема, состоящая, как он знал от Гатте, из ста двадцати ограненных бриллиантов весом в триста карат и из россыпи мелких жемчужин, стоила баснословные

деньги, о которых Джек никогда не мог и мечтать. Если взять эту вещь и уехать с Аmandой — все их мечты бы исполнились: они жили б в довольстве и сытости... вместе, как и мечтали.

Джек нашел диадему и, осторожно взяв ее с полки, покрутил в своих пальцах: свет от окна, преломляясь в многочисленных гранях, яркими бликами рисовал на стенах и полу.

Третий день, как Аманда в руках похитителей, а он прохлаждается здесь, на вилле...

Третий день, как ни Ридли, ни кто-либо другой не знает ни где они, ни что с ними случилось...

Он должен был с этим покончить.

И мог сделать это прямо сейчас...

И все-таки Джек положил диадему на место, взял с полки бумаги Фальконе и, словно страшась все-таки искутиться, поспешно захлопнул дверь сейфа. Потом вернул картину на место и вышел из кабинета с одной-единственной мыслью: еще один день, еще только день — он узнает, что случилось с де Лукой — и сбежит от Фальконе.

Дольше медлить нельзя...

И чтобы выяснить правду, ему нужна Розалин Харпер.

Джек решил, что как только отдаст бумаги Фальконе, он найдет женщину, и они побеседуют с управляющим, Антонио Пьяджио, и спросят его о ключе.

Когда он постучал в дверь комнаты Розалин Харпер, отзываться она не спешила, он даже подумал, уж не послышался ли ему звук ее легких шагов, когда подошел к ее комнате. Там, за дверью, сейчас было тихо, будто женщина притаилась и не желала ему отвечать.

Неужели она настолько расстроилась из-за слов Агостины де Луки?

— Сеньорита Рид, мне нужна ваша помощь, — сказал он через дверь. — Сеньорита Ха...

Дверь распахнулась, не дав ему договорить.

— Не произносите здесь этого имени! — воскликнула женщина, тяжело дыша. — Вы, разве, не понимаете, что история повторяется: мало того, что я нахожусь в этом доме на птичьих правах, так меня еще обвиняют в коварных замыслах. Слышали сами. Стоит карабинерам услышать об этом, как все повторится... Особенно, если им станет известно, кто я такая на самом деле!

То, как она глядела на Джека, как говорила, с отчаянием и подспудной решимостью одновременно, насторожило его: он заглянул в ее комнату и заметил маленький саквояж у стены. Беспорядок в вещах, брошенных на постели...

— Вы не имеете права сбежать, — произнес он осуждающим тоном. — Расписавшись тем самым в подозрениях своих недоброжелателей, вы лишь подтвердите вину... Скажите, вы виноваты в гибели сеньориты де Луки? — Джек сдвинул брови, пытаясь суровостью тона достучаться до разума женщины.

Та вспыхнула в долю секунды:

— Как вы могли такое подумать?! Я и пальцем ее бы не тронула.

— А выглядит совершенно иначе. — Он смягчился, заметив ее поникшие плечи: — И именно так все подумают, когда вы исчезнете с виллы. Не делайте этого, Розалин! Лучше позвольте мне выяснить правду. Мне, действительно, нужна ваша помощь!

Они стояли в дверях ее комнаты, и Джек видел, как сложно ей было переменить принятое решение: не бежать, что по всему было привычнее для нее, а остаться. Мисс Харпер привыкла бежать...

— Хорошо. Чем я могу вам помочь? — спросила она.

И Джек, обрадованный этим словом, попросил сопроводить его к Антонио Пьяджио. Тот был главным виноделом Фальконе: присматривал за виноградниками и собранным урожаем, следил за ферментацией и брожением вина. Он же хранил ключ от винного погреба...

Они застали мужчину в его доме на территории виллы, это было маленькое бунгало в тени лимонных деревьев, он встретил их какой-то всклокоченный, будто больной. Похоже, случившееся с графиней де Лукой плохо сказалось на нем... Джек заметил испуг в его покрасневших глазах, когда он, открыв дверь, увидел их на пороге. И что-то быстро затараторил на своем языке... Только пятью минутами позже они, наконец, вошли в дом.

— Что он вам говорил? — шепнул Джек мисс Харпер, крайне заинтригованный.

— Убеждал меня в том, что никак не виновен в смерти графини. Что места себе не находит от беспокойства и боится, как бы сеньор не погнал его со двора.

— А граф может?

— Вряд ли. Сеньор Фальконе, несмотря на чрезмерную эмоциональность, человек крайне разумный: он не делает ничего впопыхах. И ценит людей, которые ему служат... А сеньор Пьяджио, можно сказать, вырос на его виноградниках.

Пьяджио, различив в непонятной для него речи свое имя, снова затараторил без остановки.

— Я слышал, он не нашел ключ от погреба, — кое-как вклинился Джек. — Спросите его, где он хранил его и когда видел в последний раз?

Мисс Харпер перевела собеседнику эти вопросы, и вскоре Джек знал, что ключ виноградарь носил на поясе, на специальном кольце, что снимал его только вечером, когда ложился в постель, а пропажу заметил как раз перед тем, как нашел дверь подвала распахнутой, а сеньориту де Луку мертвой, то есть утром, когда одевался перед работой. Именно потому, посчитав, что по какой-то невероятной забывчивости он оставил ключ в дверях погреба, он-то и поспешил к нему в первую очередь... Почему он заметил пропажу ключа только утром? Да потому что тем вечером — здесь мужчина замялся, явно смущенный — он был-де несколько отвлечен обстоятельствами, о которых не станет говорить вслух.

— Он был с женщиной, — без экивоков констатировала мисс Харпер. — С какой именно, Антонио полагает неправильным говорить, но, конечно, именно потому, скидывая одежду, он не заметил отсутствие ключа.

Мисс Харпер говорила об этом так просто, словно просто обсуждала погоду, и этим разительно отличалась от многих знакомых Джеку молодых леди.

— Возможно, его взяли намеренно. Но когда? — рассуждал Джек, хмуря брови. — Он бы не смог этого не заметить.

— А что, если ключ взяла женщина, что провела с Пьяджио ночь? — предположила мисс Харпер.

— Тогда вы должны выяснить ее имя. Любыми способами!

Они так воодушевились, полагая, что вот-вот выяснят нечто важное, что когда Пьяджио, старательно упираясь, все-таки назвал имя любовницы, оба детектива-любителя явно разочаровались. Его ночной гостьей оказалась горничная Франческа, скромная девушка, в которой мисс Харпер, даже при самом худшем раскладе, не могла заподозрить убийцу.

В итоге они решили поговорить с ней, но как-то без огонька, и направились искать

девушку с меньшим энтузиазмом, чем прежде.

Разговор с горничной ничего не дал: краснея и заикаясь девушка сразу же сообщила, что они с Антонио собираются пожениться и что ключей никаких она, ясное дело, не видела. Да и зачем они ей?! Вон какой ужас с сеньоритой де Лукой случился. Из ее глаз брызнули слезы...

После этого его спутница и переводчица удалилась на зов сеньора Фальконе, и Джек, понимая, что ничего не добился, а время утекает сквозь пальцы, решил, что, возможно, осмотр тела покойной даст ему хоть какую-то, да зацепку. Мало ли что упустил констатировавший смерть от удушья лечащий доктор его мнимого деда — он ведь, конечно, и не искал ничего. Однако, стоило Джеку только показаться в комнате Бьянки де Луки, где она, лежа обмытой, в белом, почти свадебном платье, покоилась на постели в окружении своих верных служанок, как те черными воронами налетели на парня: заквохтали, запричитали, делая большие глаза. И тараторили на своем, размахивая руками... Он понял, что не то чтобы касаться их хозяйки руками, даже входить в ее комнату, он, лично, Джек Огден, пусть даже трижды Фальконе, не имел права. И парня выдворили наружу несолоно хлебавши...

Совершенно расстроенный, в самом мрачном состоянии духа, он дождался приезда карабинеров, трех мужчин в форме, которые, Джек понял это мгновенно, с трудом понимали, что именно они должны делать. Однако на все попытки помочь им они отвечали высокомерными взглядами, красноречиво, без слов сообщавшими, что какой-то там иностранец, пусть даже опять же Фальконе, не смеет им диктовать, как и что делать.

Они сначала бродили по дому, создавая иллюзию занятости, после долго топтались у винного погреба, но, кажется, больше всего оценили закуски и сладкие вина, которыми их угостили на кухне, а не беседы с подозреваемыми.

Впрочем, никого эти мужчины не подозревали: считали, должно быть, что у старого графа вода в голове, раз он вообще о чём-то подобном подумал. И Джек понял, что должен прибегнуть к решительным мерам: вынудить виновного в смерти де Луки, если таковой действительно был, выдать себя. И он знал, как это сделать...

Тем более, что, ломая голову над случившимся, он вдруг заметил несоответствие, насторожившее парня.

— Помогите мне снова, — попросил он мисс Харпер, когда, вернувшись от графа, она пожаловалась на то, что в «комнате для допросов», в малой гостиной, мимо которой она сейчас проходила, сеньорита де Лука опять порочила ее имя. — Я обещаю, что, если смерть сеньориты Бьянки была чьим-то коварным умыслом, завтра мы точно об этом узнаем.

И он поделился с женщиной своим планом.

Этим же днем Джек стал свидетелем грустной сцены в саду: Агостина де Лука утешала убитого горем жениха своей погибшей сестры. Он рыдал у неё на плече, как ребенок, и женщина что-то шептала ему, перебирая темные волосы.

Джеку стало неловко подсматривать из кустов, и он поспешил удалиться. К ужину Камберини явился совершенно раздавленным... Кажется, даже скептически настроенные к их браку с Бьянкой супруги Мессина прониклись его безудержным горем. Ждали только мисс Ридли, которая почему-то задерживалась...

И Агостина де Лука не преминула ядовито кольнуть:

— Ваша служанка слишком много себе позволяет, дядя Гаспаро. Заставляет нас, господ,

дождаться себе, словно какую-то королеву!

— Уверен, у неё есть причины опаздывать. Будь добрее, племянница!

Женщина, недовольная выговором, демонстративно отвернулась к окну — как раз в этот момент в гостиной появилась мисс Харпер. Смущенная, она сразу заметила злой взгляд де Луки и с чувством покаялась:

— Сердечно прошу извинить меня за опоздание, мне очень неловко, что я заставила себя ждать.

Джек, хорошо знавший, что опоздание было спланировано ими нарочно, восхитился её актерским талантом: мисс Харпер выглядела весьма убедительно.

— Что-то случилось? — ожидаемо осведомился Фальконе. — Что задержало вас, сеньорита?

— Неловко и говорить, настолько это нелепо, — отозвалась она. — Антонио Пьяджио полагает, что располагает какими-то сведениями по случившемуся с вашей племянницей, но упрямо отказывается озвучивать их вслух. Желает говорить только с карабинерами, но они уже покинули виллу и вернутся лишь завтра...

— Как странно, — вступил Джек в беседу с задумчивым видом, — сегодня, когда я встретился с этим мужчиной в саду, он так горячо толковал мне о чем-то по-итальянски — я, к сожалению, не понял ни слова, — и казался вполне говорливым. Я потому и просил вас встретиться с ним и выяснить, в чем причина его возбужденного состояния! Если бы только я знал, что это касается сеньориты Бьянки де Луки...

Он замолчал, и в гостиной повисла напряженная тишина. Посмотрев на присутствующих, Джек различил одинаково недоуменные, встревоженные лица... Ни один из четырех, кроме них с Розалин Харпер и сеньора Гаспаро (а его Джек автоматически исключал из данного уравнения) не казался подозрительнее другого.

— О чем же он хочет рассказать карабинерам? — первой нарушила тишину Селесте Мессина. Она вцепилась руками в рукав мужнина пиджака, едва ли замечая, что делает. — Мы с Витторио полагали, гибель Бьянки — всего лишь трагическое недоразумение. Не могло ведь действительно получиться... — Она дернула головой, отгоняя саму мысль о чем-то помимо случайности. Трагической, но не более.

Джек сказал:

— Однако обстоятельства таковы, что наводят на определенные мысли. И я считаю неправильным отмахнуться от них!

— Ах да, — будто только что вспомнила сеньорита Харпер, — отыскался ключ от винного погреба! Он лежал в траве перед домом Антонио.

— Ну вот, этот Пьяджио просто-напросто позабыл запереть винный погреб, а потом выронил ключ у дома, — будто решив важный ребус, воскликнул Мессина. — Вряд ли здесь что-то больше обычной халатности...

Джек возразил:

— Ключ могли просто подбросить, воспользовавшись по назначению.

И снова гостиная погрузилась в мертвую тишину, и длилась она до слов Камберини:

— Если Бьянку... убили, — с трудом выдохнул он страшное слово, — я хочу знать, кто это сделал. — И поднялся. — Пойду и поговорю с этим Пьяджио.

Мисс Харпер с Джеком переглянулись: это совсем не входило в их планы.

— Если этот мужчина действительно что-то знает о смерти вашей невесты, не лучше ли позволить профессионалам разобраться во всем должным образом? — спросил Джек. —

Карabinieri вернутся уже завтра утром — мы вполне можем подождать до этого времени.

Сам Джек на месте Джулиано Камберини точно ждать бы не стал и отправился переговорить с Пьяджио незамедлительно, но скрипач, застенав, рухнул обратно на стул.

— Вы правы, — согласился он. И в отчаянии: — Это все так ужасно.

Тогда Гаспаро Фальконе, молчавший все это время, сказал:

— Что бы ни произошло с нашей дорогой Бьянкой, мы это узнаем, я вам обещаю. А сейчас пойдёмте за стол! Не будем заставлять повара ждать.

Голос его звучал глухо и ломко, именно потому, несмотря на, казалось бы, легкомысленные слова об обеде, прозвучали они как-то особенно веско. И все присутствующие в гостиной без единого возражения потянулись в столовую...

День давно догорел. Часы в доме еще около получаса назад пробили двенадцать... И вилла Фальконе, казалось, погрузилась в сонный покой, но ощущение это было обманчивым: по саду в сторону флигеля для прислуги кралась едва различимая тень. Вот она миновала злополучное место трагедии — винный погреб, вот скользнула мимо буйно цветущих кустов бугенвиллей и замерла у двери бунгалло Антонио Пьяджио. Толкнула деревянную створку, и та легко поддалась... На вилле, как водится, двери не запирали, и тень это знала. Хозяин даже сегодня, несмотря на события ужасного дня, не изменил своим правилам...

Тень вошла в дом и прислушалась. Тишина. Прошла мимо кухни и кладовой, замерла около спальни и, вынув что-то из складок плаща, вошла в комнату, шаг за шагом медленно продвигаясь к кровати, в которой при слабом свете луны был различим силуэт спящего человека.

У самой постели тень на секунду остановилась, будто задумалась, а потом вскинула руку, стало понятно, что в руке её нож, и опустила её — лезвие с силой вошло в Антонио Пьяджио. Так, во всяком случае, думала Тень, но, кажется, просчиталась: спящий не то чтобы не вскрикнул, он как будто и вовсе ничего не почувствовал. Не издал ни хрипа, ни стона... Он даже ни разу не шелохнулся. И только теперь, запоздало, Тень поняла, что лезвие слишком легко вошло в плоть... В плоть ли? Она откинула покрывало и вскрикнула: на постели, вместо спящего человека, лежало свернутым старое одеяло.

В ту же секунду, осознав, что случилось, Тень метнулась к двери, уже не таясь, ошарев от страшной догадки, она думала лишь о том, как сбежать из этого темного дома и от собственного поступка. Но оказалась в ловушке...

Входная дверь была заперта, а ведь она только что вошла через неё, а позади, за спиной, кто-то шёл за ней следом, чиркая спичкой.

Святая Мадонна, помоги и спаси! Что за проклятые штучки?

А пламя запаленной свечи становилось всё ближе, и вот уже чьи-то шаги затихли у неё за спиной. Тень, схватившись за крестик у себя на груди, в суеверном, паническом ужасе обернулась...

У неё за спиной, высвеченный причудливыми тенями, стоял дон Гаспаро Фальконе со своим внуком, Джино Фальконе. Значит, вот кто это придумал? Пёс-англичанин.

Кинжал, который побледневшая Тень всё так же сжимала в руке, выпал из её разжавшихся пальцев и, оглушительно звякнув, будто бы обличая в едва не случившемся преступлении, затих между Тенью и ее обличителями.

— Что вы смотрите? — Тень не выдержала молчания. — Подловили? Довольны? Злорадствуете в душе? Будь проклята Бьянка и день, когда она появилась на свет. Я ни

секунды не сожалею о том, что сделала с ней! Не сожалею... — И вдруг, истерически разрыдавшись, Тень рухнула на пол на подкосившихся под нею ногах.

Агостина де Лука рыдала в каком-то безумном, неистовом исступлении. Нет, она, как и сказала, не сожалела о собственном злодеянии по отношению к родному ей человеку — она сожалела, что так глупо попала в расставленные силки. И Джек полагал, именно это побуждало бежать злые, колючие слезы, застилавшие ей глаза...

— Вечно Бьянка была во всём лучше меня, — говорила она, смахивая их с глаз. — Своим статусом старшей дочери и наследницы, красотой, о которой писали стихи красивые мальчики вроде бедного Камберини, улыбкой, характером, даже псом, которым все умилялись, как чудом невиданным. Разве это всё справедливо? Разве же я виновата, что родилась годом позже и сделалась тенью старшей сестры? Уж лучше бы вовсе не появлялась на свет, чем влачить это жалкое существование в роли вечной статистки.

— Бьянка любила тебя, — глухо откликнулся мрачный Фальконе. — Ты была ее младшей, любимой сестрой, о которой она неизменно заботилась.

— Пфф, — Агостина презрительно фыркнула. — Да она эту дворнягу любила сильнее меня! На него тратила баснословные деньги, а мне выделяла жалкие крохи, постоянно укоряя за каждый потраченный сольдо. Я устала терпеть унижения и попреки! Выпрашивать деньги... и наблюдать, как она веселится на празднике жизни в объятиях очередного любовника! Полагаете, Камберини нужна была эта старая курица? Как бы не так. Он выбрал её просто по старшинству, по наличию денег и статуса... — И с надломом: — Будь у меня то же самое, он был бы со мной, а не с Бьянкой. Так почему я должна была...

И Джек догадался:

— Вы влюблены в Камберини. И то, что они с вашей сестрой объявили о свадьбе, сподвигло вас...

— Да, — крикнула женщина, прерывая его, — да, я люблю Джулиано! Всем сердцем. А эта ничтожная тварь опять собиралась отнять у меня самое ценное — любовь всей моей жизни. Что ей стоило выбрать другого? Любого из тех глупых мальчиков, что десятками увивались за ней... Но нет, она выбрала Джулиано! Уверена, лишь потому, что прознала о моих чувствах к нему.

— Ты несправедлива к сестре. Бьянка не была злой! — возразил ей Гаспаро. — Возможно, несколько легкомысленной, но не злой. Уверен, она понятия не имела о твоих чувствах к бедному мальчику...

Старик выглядел совершенно раздавленным. Он сидел, глядя на распростертую у своих ног расхристанную племянницу, и время от времени покачивал головой... Джек знал, старый граф был глубоко поражен, догадавшись, кем является тень, проникшая в дом винодела, и пожалел, что привлёк его к этому делу. Опасался за здоровье Фальконе... Но мисс Харпер, стоило Джеку поделиться с ней своими подозрениями, была категоричной: он должен увидеть убийцу своими глазами. В противном случае просто-напросто не поверит...

Он и сейчас как будто не верил...

Бедный старик!

— Ах, много ли вы понимаете, дядя! — с горькой иронией прошептала де Лука. — Мы были с ней сестрами долгие годы и, конечно же, понимали друг друга лучше многих других. Поверьте мне, Бьянка знала, что я люблю Джулиано...

— Возможно, она и сама любила его...

Агостина истерически рассмеялась.

— Да она, как течная сука, была влюблена каждый месяц в другого, — зло выплюнула она. — Но стоило мне захотеть кого-то себе, как сестрица решила выскочить замуж! Вы находите это случайным? Я — нет.

Джек спросил, стоило ей замолчать:

— Как у вас оказался ключ Пьяжио?

— Это вышло случайно, — скривилась де Лука. — В расстроенных чувствах, в тот первый вечер после оглашения за столом, я долго бродила по саду, не в силах взять себя в руки, вернуться в дом и... слушать, как эти влюбленные голубки тешатся в общей постели, ничуть не заботясь о чувствах других. О приличиях. Святая Мадонна, я жаждала крови сестрицы, как никогда! И тут услышала возню в кустах азалий неподалеку: кто-то из слуг миловался со своею возлюбленной. Слышались стоны, быстрые поцелуи... Я дождалась пока разгоряченная парочка выбралась из кустов и ушла и только тогда, направившись тем же путем, заметила блеск металла в траве у дорожки... Подняла его. Это был ключ. Ключ от винного погреба! Догадаться было несложно, сопоставив твоего слугу Пьяджио, дядя, которого я узнала, и эту находку. Я подумала, что отдам ему поутру ключ, пристыдив за возню в хозяйском саду с какой-то служанкой...

— Но не отдали? — спросил Джек.

— Нет, не отдала. — Она презрительно на него посмотрела. — Я задремала уже перед рассветом, встала поздно...

— Не в шесть, как сказали мне ранее.

— Нет, около девяти.

— И, чтобы придать своим словам достоверности, сослались на телегу зеленщика, прибывавшую всегда в это время, как на факт, подтверждавший вашу прогулку в столь ранний час.

— Именно так, милый мой Джино, — подтвердила уже не рыдавшая женщина.

— И именно это вас выдало, — сказал он. — В день смерти вашей сестры зеленщик прибыл с двухчасовым опозданием, чиня слетевшее колесо. Я не сразу обратил на это внимание, но, когда сопоставил ваши слова со словами повара с кухни, признаться, несколько удивился и... задался вопросом... Вы либо ошиблись, либо солгали. Ошиблись? Со всяким бывает. Но если солгали... Зачем? Почему?

И Фальконе, долго молчавший, взмолился почти:

— Агостина, моя дорогая, скажи, что это вышло случайно? Что ты не хотела причинить вред сестре?

Женщина вскинула подбородок.

— Я ни в чём не раскаиваюсь, — повторила она ранее сказанное. — Ни в чём. Бьянка сама виновата: никто не тянул ее в погреб насильно.

— Расскажите, что там случилось, — потребовал Джек.

Агостина де Лука окинула его взглядом, а казалось, лезвием полоснула: таким острым, холодным он был. Но рассказывать все-таки начала...

— Когда я проснулась, сестра уже вышла выгулять пса, я видела, как они направляются к оранжерее. И направилась следом... Не знаю, нарочно ли, но я прихватила любимое лакомство мопса: печенье лежало в гардеробной сестры, будто нарочно прося положить несколько шпучек в карман. Так я и сделала, обнаружив внутри ключ от винного погреба... Идея сформировалась не сразу, но вставляя ключ в замочную скважину, вроде как просто

проверить, подходит ли он, и верна ли сделанная мною догадка, я уже будто на что-то надеялась... — Старый Фальконе мучительно застенал. — Да, именно что надеялась, — повторила де Лука. — И как раз в тот момент, когда первое из печений полетело в темноту погреба, на дорожке за моею спиной появилась сестра. Спросила, что я здесь делаю и почему отперта дверь... Я ответила, что понятия не имею, мол, сама пытаюсь понять, есть ли кто-то внутри. Бьянка приблизилась... Ее прожорливый мопс, учуяв любимое лакомство, задрыгал хвостом и вдруг припустил вниз по лестнице. Бьянка вскрикнула — и уже в следующий миг бежала за ним... Я не стала ее останавливать: девочка она взрослая, знает, что делает.

— Пречистая Дева Мария! — опять простенал несчастный Фальконе. — Ты могла спасти ее жизнь. Ты могла...

— ... Но я не хотела. И, знаете, дядя, отчасти рада, что сестры больше нет!

— Святая Мадонна... как ты могла?!

— Я ни о чем не жалею, — опять повторила де Лука, и Джеку подумалось, что именно сожалеет, слишком уж часто повторяет обратное, убеждая себя самое. — Я только отперла дверь — глупый пёс довершил остальное.

— Ключ вы потом подбросили Пьяджио?

— Да, он бы подумал, что выронил его в тех кустах, милуясь с подругой, что так и было, если подумать.

— Но потом вы услышали, что он что-то знает, и заволновались... Готовы были убить, чтобы скрыть свое якобы непреступление... — сказал Джек. — Не похоже, что вы не считаете свой поступок убийством...

Агостина де Лука пересеклась с ним своим немигающим взглядом.

— Я не убийца, — отозвалась она. — Все получилось случайно.

Но ни Джек, ни Фальконе, конечно, ей не поверили.

Остаток ночи до приезда карабинеров Агостина де Лука провела запертой в своей комнате. Спала она или бодрствовала, мало кого волновало: её дядя был полон решимости поступить справедливо и выдать убийцу властям. И Джек, легко различая его душевную бурю, опять пожалел, что вмешался в эту историю. Впрочем, он поступил так не только ради Бьянки де Луки, но в большей мере ради Розалин Харпер, бывшей невесты инспектора Ридли, снова ставшей участницей столь неприятных событий.

Интересно, где сейчас Энтони Ридли?

Джек больше, чем когда-либо, нуждался в его поддержке и помощи.

Он, вернувшись к себе только под утро, так и не сомкнул глаз... Продумывал, как поступит с Фальконе и Этель Эдвардс, просчитывал все варианты, и в итоге решил, что ближайшей же ночью покинет виллу Фальконе, отправившись в Минузио, откуда и подаст условный знак сеньору Гатте, а там будь что будет... Возможно, он нападет на него, пригрозив пистолетом, и выпытает местоположение сторожки в лесу, где удерживают Аманду.

Все это было расплывчато и туманно, но Джек должен был что-нибудь сделать, а это было единственным, что пришло ему в голову... Он больше не мог ни обманывать бедного старика, ни бездействовать в отношении девушки, которую любит.

Таким образом, он заранее простился с мисс Харпер, сказав, что должен будет уйти, что был бы счастлив встретиться с ней при других обстоятельствах, жаль, что выпало при таких.

Поблагодарил ее за молчание и содействие и просил передать Гаспаро Фальконе, что в обмане его не было злого умысла. Так получилось.

— Скажи Энтони... если увидишь его... — начала было мисс Харпер, но замолчала. — Нет, лучше не говори ничего, — передумала вдруг. — Ни к чему. — И порывисто его обняла. — Спасибо тебе! Что бы ни угнетало тебя, пусть оно разрешится, — пожелала ему от всего сердца.

За обедом, как раз перед которым обалдевшие карабинеры, толком не знавшие, как поступить со знатной преступницей, увезли ее с виллы, царило тягостное молчание. Фальконе с посеревшим лицом безучастно гонял по тарелке зеленый горошек и спаржу... Джеку кусок в горло не лез, мисс Харпер, кажется, тоже, только супруги Мессина нет-нет да жевали приготовленную еду.

В конце концов, Витторио произнес:

— Ты уверен, мой друг, что поступил правильно в отношении Агостины? Все-таки, будь она даже трижды преступницей, она твоя родная племянница. Да, она поступила ужасно, но...

Гаспаро Фальконе ударил по столу кулаком.

— Не желаю этого слушать! — грозно выдохнул он. — Ты не слышал, что она говорила, а я слышал... И не хочу обсуждать эту тему снова и снова.

— Но имя де Лука будет замарано, как и имя Фальконе. Ты подумал об этом?

— Что стоит имя, когда за ним скрывается бездна пороков и зла?! Я уже слишком стар, чтобы считаться с мнением света, Витторио. И хочу мирно жить в окружении дорогих мне людей! — Он глянул на Джека. — Знать, что жизнь прожита не напрасно... Что ошибки, совершенные мной когда-то, покрыты... Что я не пустой человек.

— Мы знаем, что это не так. Не вини себя в содеянном Агостиной! — возразил его друг. — Что, право слово, за настроение? Да, случилось непоправимое, мы это знаем, но жизнь не закончена: у тебя есть твой внук, мы с Селестой. И даже мисс Харпер... — кивнул он притихшей компаньонке товарища. — Да, будет непросто отмыться от грязи, которую взбаламутит судебный процесс, но я на твоей стороне, что бы ни вышло.

Старик молча кивнул, Джеку почудилось на мгновенье, что его глаза заблестели. Как бы там ни было, он привязался к старому графу и уже представлял, с каким именно сердцем тот воспримет известие о его, Джека, подлоге.

Фальконе откликнулся:

— Очень на это надеюсь. — И как раз в этот момент слуга доложил о прибывшем госте.

Мессина переглянулись. Джек с мисс Харпер сделали то же... Только Фальконе остался бесстрастным, словно уже заранее знал, кого ждать на пороге.

— Пусть войдет. И поставьте нашему гостю прибор! — распорядился старик.

Через минуту Джек подавился собственным сердцем: в столовую, улыбаясь во все тридцать два зуба, вошел Томазо Антуан Джонсон, его недавний знакомец по поезду.

— Ах, простите, сеньоры, что прервал вашу трапезу! — театрально раскланялся он, приложив руку к сердцу. — Но, право слово, дело не терпит дальнейшего отлагательства. — И словно только сейчас узнав Джека, хотя и без должного удивления, что доказывало обратное: — Сеньор Огден, какая неожиданная встреча! Вы таки добрались до Лаго-Маджоре. Рад приветствовать вас особо!

Подскочившее к горлу сердце теперь рухнуло в ноги и загрохотало там с удвоенной силой — Джек едва мог дышать, как, впрочем, и шевелиться. Как будто окаменел. И вдруг

ладонь его мнимого деда легла поверх его неподвижной руки...

— Ну-ну, — произнёс старый граф, — дыши, мальчик мой. В конце концов ты ведь не думал, что сумеешь меня обмануть? Еще третьего дня я узнал, что ты не сын моей дочери. Сеньор Джонсон меня просветил...

Охнула Селесте Мессина, ее супруг открыл рот, а Розалин Харпер звякнула ножкой фужера, который опустила на стол. Но Джек воспринимал это всё отстраненно, будто сквозь толщу воды... Закрой он глаза, решил бы, что тонет в глубокой реке, погружаясь на самое дно.

— Сказал бы, что рад нашей встрече, — обратился он к Джонсону неподатливым языком, — но это было бы ложью, понимаете сами. Я в большей степени поражен тем удивительным стечением обстоятельств...

— Ах, мистер Огден, какое стечение обстоятельств? Какие случайности? Я не верю ни в то, ни в другое. Сеньор Фальконе, желаете сами рассказать мальчику правду или мне сделать это за вас? — обратился Томазо Джонсон к хозяину дома.

Старик, в чьи глаза Джек так и не осмеливался смотреть, кивнул, начав говорить:

— Я расскажу, как всё было, а вы дополняйте по мере необходимости. — Джино, — обратился он к Джеку, — мы знаем, что тебя принудили к обману, и даже знаем причины...

Заявление оказалось таким неожиданным, что Джек вскинул голову, посмотрев на Фальконе.

— Вы знаете?.. — И вдруг догадался: — Те бумаги из сейфа, за которыми вы меня посылали... Это было подстроено?

— ... Чтобы вас испытать, — охотно подтвердил собеседник. — Сеньор Джонсон, едва просветив меня обо всём, хотел вас сразу же разоблачить, — на этих словах детектив развел руки, изобразив, мол, виновен, простите, — но я, — продолжил старик, — должен был знать, насколько вы искренни, и предложил испытание...

— О да, я прятался за портьерой в кабинете сеньора Фальконе и видел, как вы любовались графскою диадемой, но отчего-то не взяли её... — поддакнул Джонсон. — Разве вы не желали помочь своей девушке? Странная щепетильность в сложившихся обстоятельствах.

При одном только упоминании Аманды, пусть даже имя её не было произнесено вслух, Джека кипятком обдало.

— Откуда вы знаете? — прохрипел он. — Откуда вы знаете, что она... что я... Я должен помочь ей... но не ценой воровства и предательства. — И опустив голову: — Мне очень жаль, сеньор Фальконе, что так вышло. Я не желал вас обманывать... Но Аманда...

— Та девушка, о которой ты мне рассказывал?

Джек кивнул.

— Она в серьезной опасности. Её удерживают нехорошие люди...

— Гатте и его шайка, — вставил Томазо Джонсон, кивнув. — Я давно слежу за этим мерзавцем по настоянию моего нанимателя, — он поглядел на сеньора Фальконе, — и знаю в мельчайших подробностях все детали его коварного плана.

— Вы следили за ним?!

— О да, как только этот прохвост явился на виллу Фальконе с предложением отыскать внука сеньора, что мне при всем моем опыте так и не удалось, я сразу же заподозрил неладное, о чем и сказал сеньору Фальконе. И он, прислушавшись к моим доводам, отправил меня в Англию вслед за Гатте, якобы намеревавшемся отыскать внука сеньора. Только это

всё была ложь: никого, кроме подельников в своей готовящейся махинации, этот Гатте не искал. И Англию покинул в компании некой смазливой девицы и плечистого парня, которых, будь вы повнимательней, заметили бы еще в поезде, где мы с вами и познакомились. Они наблюдали за вами, я — за ними. Мне стало весьма интересно, чем же вы их настолько заинтересовали...

— Потому вы и познакомились со мной в поезде?

— Именно так, молодой человек.

Джеку хотелось вскочить и метнуться по комнате, хоть отчасти рассеяв рвущиеся наружу эмоции, но он принудил себя оставаться на месте. Ради Аманды он должен был знать, чем грозит ему это разоблачение...

Впрочем, о себе он волновался в последнюю очередь.

— Я был слеп, — прошептал он, стыдясь собственной невнимательности к деталям. — Если бы только заметил Этель еще в поезде... Боже мой!

— Ах, не корите себя, — продолжил Джонсон. — У вас не было повода сомневаться в попутчиках, как у меня. К тому же, когда этот Гатте подсунул под дверь вашего номера белый конверт, я решил даже, что вы с ними подельники...

— Гатте был и в Андерматте?!

— В двух номерах на вашем же этаже. — Джек застенал, схватившись за голову. — Но, когда вы отправились на ночное свидание, как я полагал, с этим же типом, но оказались похищенными подельниками Гатте, ситуация начала проясняться...

— Вы видели, как нас похищали, и ничего не предприняли?!

— Отчего же? — улыбнулся маленький итальянец. — Я разбудил вашего спутника и рассказал ему о случившемся.

— Значит инспектор знает, где я? — Джеку казалось, он еще никогда не испытывал такой бури эмоций, такого ежеминутного перехода от отчаяния к радости, как сейчас. И Томазо Джонсон, улыбающийся и крайне довольный собой, вынимал все новые и новые факты из своей метафорической шляпы, подобно бывалому фокуснику.

— Скажу больше, мы даже знаем, где сеньорита Уорд.

Джек все-таки вскочил на ноги.

— Где?

Джонсон выдержал паузу, будто намеренно истязая его.

— В больнице в Муральто. Она в порядке, если желаете знать!

Джек рухнул на стул, не чувствуя ног под собой. Пульс ухал в висках, перед глазами плясали черные мушки... Его то ли знобило, то ли трясло в лихорадке — он сам не брался определить. Столько дней душевного напряжения и притворства, десятки часов противоборства с собой...

Ему на плечо опустилась рука.

— Джек, я с вами, что бы ни случилось, — сказала мисс Харпер.

— Ах да, — будто опомнился Джонсон, — ваш «отец» прибудет на виллу с минуты на минуту. — Джек посмотрел на компаньонку Фальконе, и она в тот же миг всё поняла: побледнела, с опаской глянув на дверь, словно Ридли уже стоял на пороге. Но его пока не было... — Он давал показания по делу сеньориты Эдвардс, арестованной за похищение и помещенной в тюрьму в Муральто. Оказалось, она весьма колоритная леди... Впрочем, ваш Ридли тоже оказался хорош, — подмигнул говоривший, — мы неплохо сработались с ним. Даже разбуженный среди ночи, он мгновенно вник в дело и помогал мне во всем. Проследив

за Гатте до сторожки, мы разделились: я отправился с этим плутом и вами, — взгляд на Джека, — до виллы сеньора Фальконе, а он с карабинерами атаковали сторожку и освободили сеньорину Уорд. Насколько я знаю, он самолично пристрелил пособника Эдвардс... И, полагаю, никто по нему не заплачет.

Едва прозвучали эти слова, как дворецкий, появившись в столовой, доложил честь по чести:

— Сеньор Фальконе, к вам гость. Энтони Ридли по важному делу!

— Пригласите, — кивнул Гаспаро Фальконе. И Джек ощутил, как пальцы мисс Харпер сжали материю сюртука у него на плече...

Больница Святого Бенедекта располагалась на краю города, в тени сосновых деревьев. Предполагалось, что удаленность от жилых кварталов Муральто обеспечит нераспространение опасных болезней, если таковые появятся вдруг. К счастью, ничего страшнее желудочных колик и гриппа в больнице Святого Бенедекта пока не лечили... Вот и с новой, знатной пациенткой, бледной до синевы, когда её только доставили два дня назад, как-то справились. Отпаивали ее супами и местным вином, которое, как известно всем итальянцам, творит настоящие чудеса.

Пациентка снова порозовела, но улыбаться так и не стала. Целыми днями лежала, глядя на беленые стены и потолок, и плакала, стоило только остаться одной...

Оно и ясно: ребеночка она потеряла. Хорошо, сама осталась жива...

— Есть какие-то новости от инспектора Ридли? — спросила Аманда подругу, вошедшую в её комнату с букетом цветов.

Та каждый день приносила новый букет, наполняя палату не только яркими красками, но и нежным ароматом цветов, пытаясь хоть этим незамысловатым способом поднять девушке настроение. Но цветы мало чем помогали — не букеты, а Джека хотела бы видеть Аманда сейчас в этой палате. Она извелась, волнуясь о нём... Не зная, где он и в какое ужасное дело втянула его та ужасная девушка.

Миссис Баррет отрицательно покачала головой.

— Пока нет, но я уверена, скоро мы что-то узнаем.

Аманда прикрыла глаза, с трудом сдержав гневный ропот и желание возразить. В конце концов, Анна не виновата в том, что случилось... Именно из-за неё их с Барретом свадебное путешествие превратилось в настоящий кошмар! И ей ли роптать на судьбу?

— Прости, что вместо того, чтобы наслаждаться Италией, ты навещаешь меня в этой больнице, — сказала она. — Я испортила вашу поездку. Мне очень жаль, Анна, действительно жаль!

Миссис Баррет, пристроив букет, присела рядом на стул.

— Как ты можешь так говорить? Твое благополучие для нас важнее всего. К тому же, это не последняя наша поездка: будут другие. Главное, поправляйся!

— Я волнуюсь за Джека, — едва слышно прошептала Аманда. — Я должна быть уверена, что с ним всё в порядке!

— Уверена, так и есть. Инспектор о нём позаботится, ты же знаешь!

За окном, прогрохотав колесами по дороге, остановилась у входа карета.

— Кто-то приехал... — встрепенулась Аманда. — Кто там? — И попыталась подняться с кровати.

Подруга её удержала.

— Лежи, я сама посмотрю. — Она встала и выглянула в окно. — По всему прибыл какой-то важный сеньор, — констатировала она, — карета с гербом на дверце, на запятках ливрейный слуга. А вот и сам... — она вдруг запнулась, в недоумении нахмурив лицо, но тут же дернула головой, отмахнувшись от странного морока.

— Кто? Почему ты вдруг замолчала? — взволнованным голосом спросила Аманда.

Против всякого разумения сердце ее пустилось в отчаянный вскачь, стало трудно дышать. Что за напасть, право слово? Джек точно не прибыл бы на карете с ливрейным слугой на запятках. Так почему так сбоят сердце? И дыхание пресекается...

— Это всего лишь какой-то старик, — поспешила ее успокоить подруга. — Возможно, меценат этой больницы или кто-то подобный. Аманда, это не Джек... — добавила тише.

Ровно в этот момент в дверь постучали.

Аманда замерла, превратившись в один оголившийся нерв...

— Войдите, — вместо неё откликнулась Анна, и в проёме мгновенно открывшейся двери предстал молодой человек в дорогом, скроенном по фигуре костюме.

Ей потребовалась какое-то время, чтобы узнать в нём все того прежнего Джека Огдена в нескладной одежде, что приходил к ней в поместье с письмами Чарльза. Даже тот молодой человек, с которым они виделись в Андерматте, казался сейчас совершенно другим по сравнению с этим... Казалось, за эти несколько дней Джек стал взрослее.

— Джек!

— Аманда!

Два возгласа слились в унисон. И молодой человек, подскочив к больничной кровати, крепко обнял прильнувшую к нему девушку. Анна Баррет только тогда поняла, что это именно Джек, пусть ей показалось то чистой иллюзией, когда, выскочив из кареты с ливрейным слугой на запятках, он, пробежав по ступенькам, вошел в задание Санкт-Бенедекта. Глаза все-таки не обманули её...

Как и громко стучащее сердце не обмануло Аманду.

— Как ты?

— А ты?

Снова почти в унисон сказали влюбленные.

— Кхм, — напомнила о своем присутствии Анна, — рада видеть вас в добром здравии, Джек. Я выйду узнать, скоро ли завтрак... Вернусь через минуту. — И вышла, прикрыв за собой дверь.

— Джек, — Аманда вцепилась в него, — ты живой. Как же я волновалась!

— Это я волновался, глупышка. Боялся... что не увижу тебя... Как ты?

Аманда потупилась, сцепив зубы, но Джека не отпустила.

— Я потеряла ребенка, — ответила тихо. — Прости меня, что не рассказала о нём. Я просто не знала, как это сделать...

Он погладил её по волосам, по худенькому, чуть подрагивающему плечу.

— Мне жаль, что я никогда не увижу его. Я хотел бы, чтобы всё сложилось иначе...

Слезы Аманды, словно только и ждали этих вот слов, чтобы пролиться, потекли по щекам. Она уткнулась в ткань Джекова сюртука, обхватила его, прижимая к себе, и, казалось, никогда не отпустит.

И сказала сквозь слезы:

— Джек, в эти несколько дней я о многом успела подумать и дала себе слово, что если только опять увижу тебя, то больше не отпущу. Никогда! — Смахнула слезы и посмотрела

молодому человеку в глаза: — Я не вернусь в Англию, Джек. Останусь в Италии. И если ты этого хочешь... оставайся со мной. Мне всё равно, что скажут другие: осудят ли, заклеймят... Я хочу быть с тобой. Ты... согласен? — явно страхась быть отвергнутой, спросила она. И тут же, не дождавшись ответа, торопливо продолжила: — Я понимаю, это не то, о чём ты на самом деле мечтал. Твоя мечта о работе в полиции... инспектор Ридли... Лондон — всё это там, в Англии; на другой чаше весов только я. И я вовсе не совершенство, но...

Джек поцеловал ее в губы, пресекая поток нервной речи и слёз.

— Послушай, — сказал, прервав поцелуй и посмотрев на неё очень внимательно и серьезно, — ты — лучшее, что случилось со мной в этой жизни, и мне всё равно, что считают другие. Мой дом там, где есть ты, Аманда Уорд: хоть в Англии, хоть в Италии, да хоть бы в бразильской сельве. Я буду с тобой! — Она кивнула сквозь слезы, опять заструившиеся из глаз. — Но сейчас я кое с кем познакомлю тебя... с одним человеком, в доме которого мы поживём какое-то время. Это чудесная вилла на берегу Лаго-Маджоре, прекрасного озера, вид на которое будет встречать тебя каждое утро, пока ты полностью не поправишься... И только когда это случится, мы снова вернемся к этому разговору. Договорились?

— Лаго-Маджоре? — повторила Аманда. — Звучит замечательно. Но почему мы станем жить в этом доме? Это связано с Этель Эдвардс?

— Отчасти. Только отчасти. Дело в том, что какое-то время мне придется разыгрывать важного дона, внука того человека, с которым я тебя познакомлю... Этого сразу не объяснить, но семейство Фальконе сейчас ожидают трудные времена (я объясню позже, в чем дело), и Гаспаро Фальконе предложил мне остаться на время в его доме в статусе внука... Пока всё не уляжется.

— Не понимаю...

— Я объясню. — В дверь постучали. — Позже... — добавил Джек и отступил на шаг от Аманды.

Почти сразу дверь приоткрылась, и на пороге палаты появился высокий, чуть согбенный годами старик в сопровождении Анны Баррет. Она выглядела смущенной и будто несколько оглушенной чем-то случившимся за дверями палаты, в любом случае, она приветливо улыбнулась Аманде и Джеку.

— Значит, вот она, несравненная Аманда Уорд, — произнес итальянец, окинув заплаканную Аманду с красным носом и растрепанной шевелюрой внимательным взглядом. Несравненной её можно было назвать с огромным трудом, да и то явно лукавя. Но старик, казалось, не лгал... — Много наслышан о вас, сеньорита.

— Сеньора, если быть точной, — поправила его Анна, все так же смущаясь.

— Ах, бросьте, — отмахнулся старик, — такая красивая, юная девушка может быть разве что сеньоритой! — И спросил, обращаясь к Аманде: — Мой внук, полагаю, уже пригласил вас от моего имени на нашу виллу на Лаго-Маджоре? После всего, что вам пришлось пережить, мирный покой наших мест пойдет вам только на пользу. Вы, сеньорита, с супругом тоже приглашены, — обратился он теперь к Анне. — Мы не можем позволить, чтобы свадебное путешествие двух влюбленных сердец омрачилось плохими воспоминаниями: обещаю, нашими с Джино стараниями мы заставим вас позабыть всё плохое. Итак, карета стоит у дверей, с доктором Сорентино все вопросы, касательно здоровья сеньориты Уорд, улажены — остается только проститься с этими стенами и

отправляться домой.

— Домой? — шепнула Аманда чуть слышно, и Джек сжал ее пальцы.

— Позже всё объясню...

— Джино, мой мальчик, помогите вашей прекрасной подруге подняться с постели, а лучше — отнесите ее до кареты. Вряд ли она способна уже передвигаться сама... Да и к чему сеньорите ходить своими ногами, когда есть мужчина, готовый носить её на руках?! — не унимался Фальконе.

И Джек, ни секунды не сомневаясь, подхватил Аманду на руки. Она лишь сдавленно охнула, не ожидая такого... А потом её понесли из палаты. В каком-то неистовом кураже, дикой радости, наполнившей сердце, Аманда положила голову на плечо Джека и глядела на россыпь щетинок, пробившихся на подбородке. И совсем не думала о приличиях... Будто и вовсе о них позабыла.

И снова шепнула:

— Джино Фальконе? — Глаза ее так и светились лукавством.

— Об этом я тоже потом расскажу, — чуть смущенно откликнулся Джек, ощутив ее пальцы на подбородке.

— Я вижу, тебе о многом придется мне рассказать.

— К счастью, на вилле Фальконе у нас будет предостаточно времени для разговоров.

А старый граф торопил:

— Быстрее, быстрее! На обед у нас министроне с грибами, а он лучше всего улучшает цвет девичьей кожи. Мы не должны опоздать! Иначе Джакомо, разозлившись, как черт, плюнет нам в кофе.

Последним, что видела Аманда, выглянув через окошко кареты, отъезжающей прочь, это шокированное лицо своей близкой подруги, в недоумении глядевшей им вслед.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net